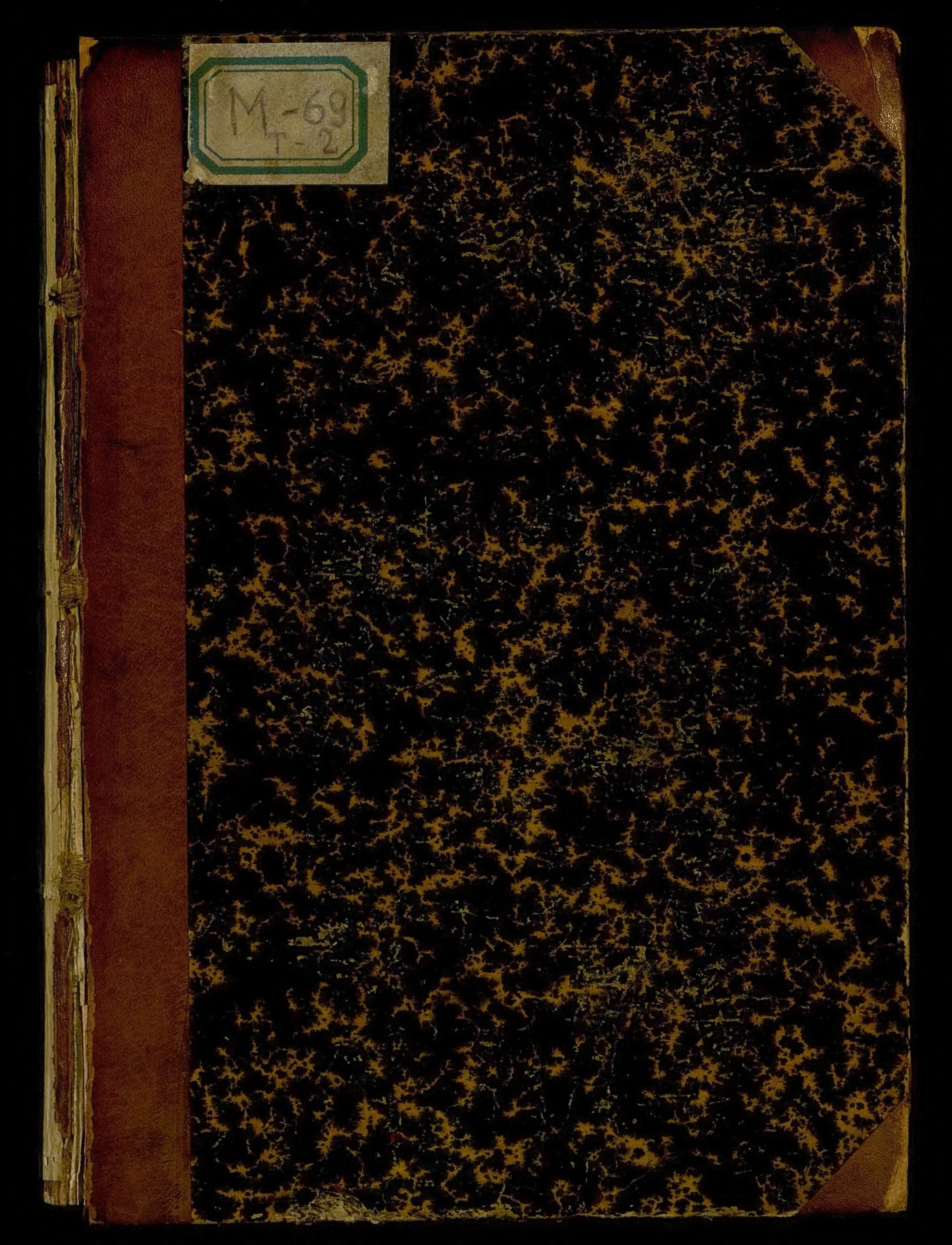
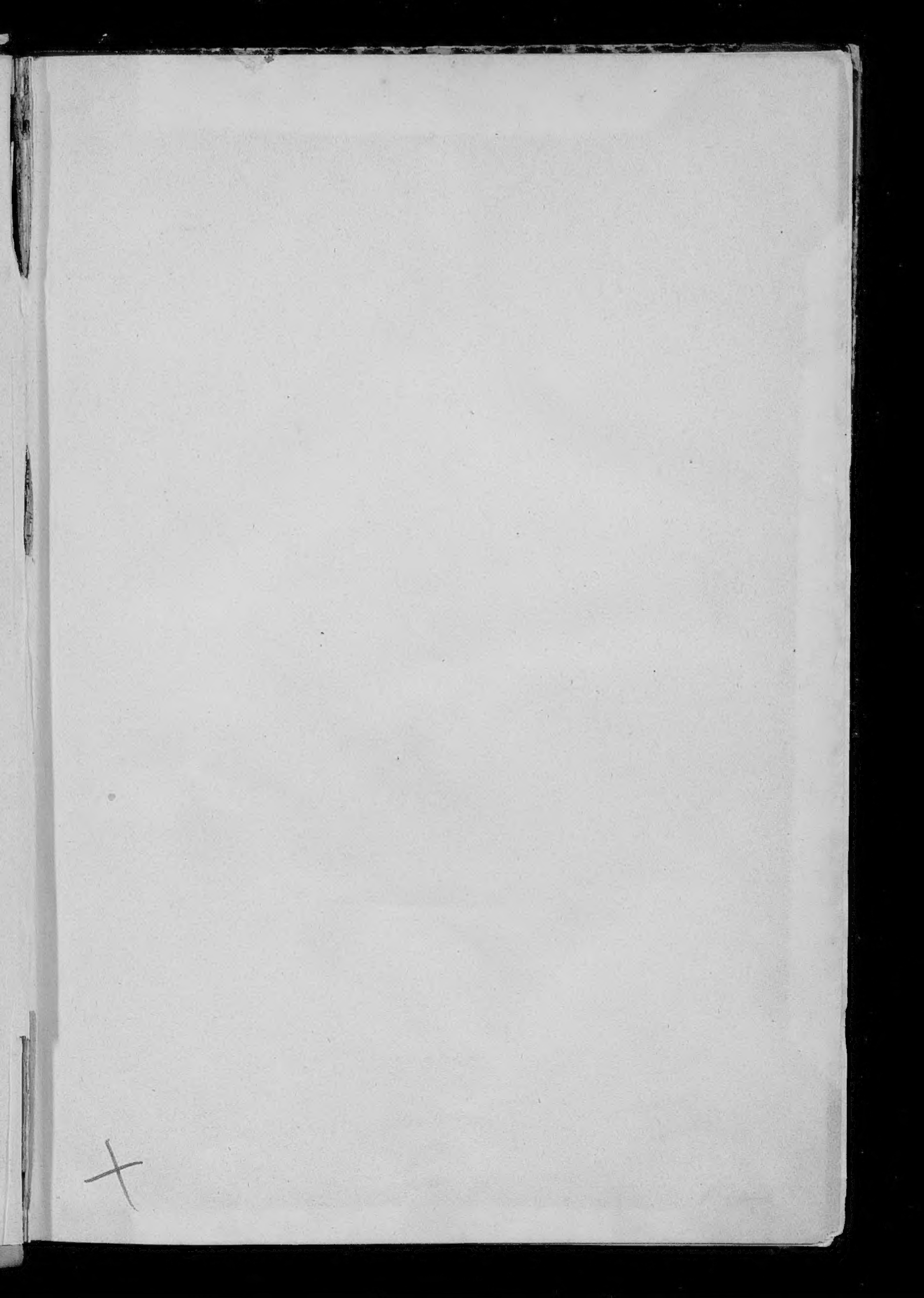

M-69
T-2

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Вл. Михневича.

Томъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининскій каналъ, 168.
1882.

НАРОДНАЯ КОПИЛКА ХРИСТА РАДИ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ БОРОДЫ.

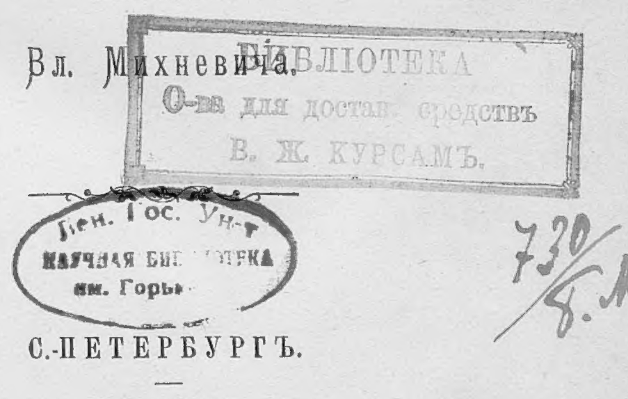
ИСТОРІЯ ОДНОГО „ПРОКЛЯТАГО" ВОПРОСА.

ОБЪЕДИНИТЕЛИ.

Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ.

ИЗВРАЩЕНІЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА.

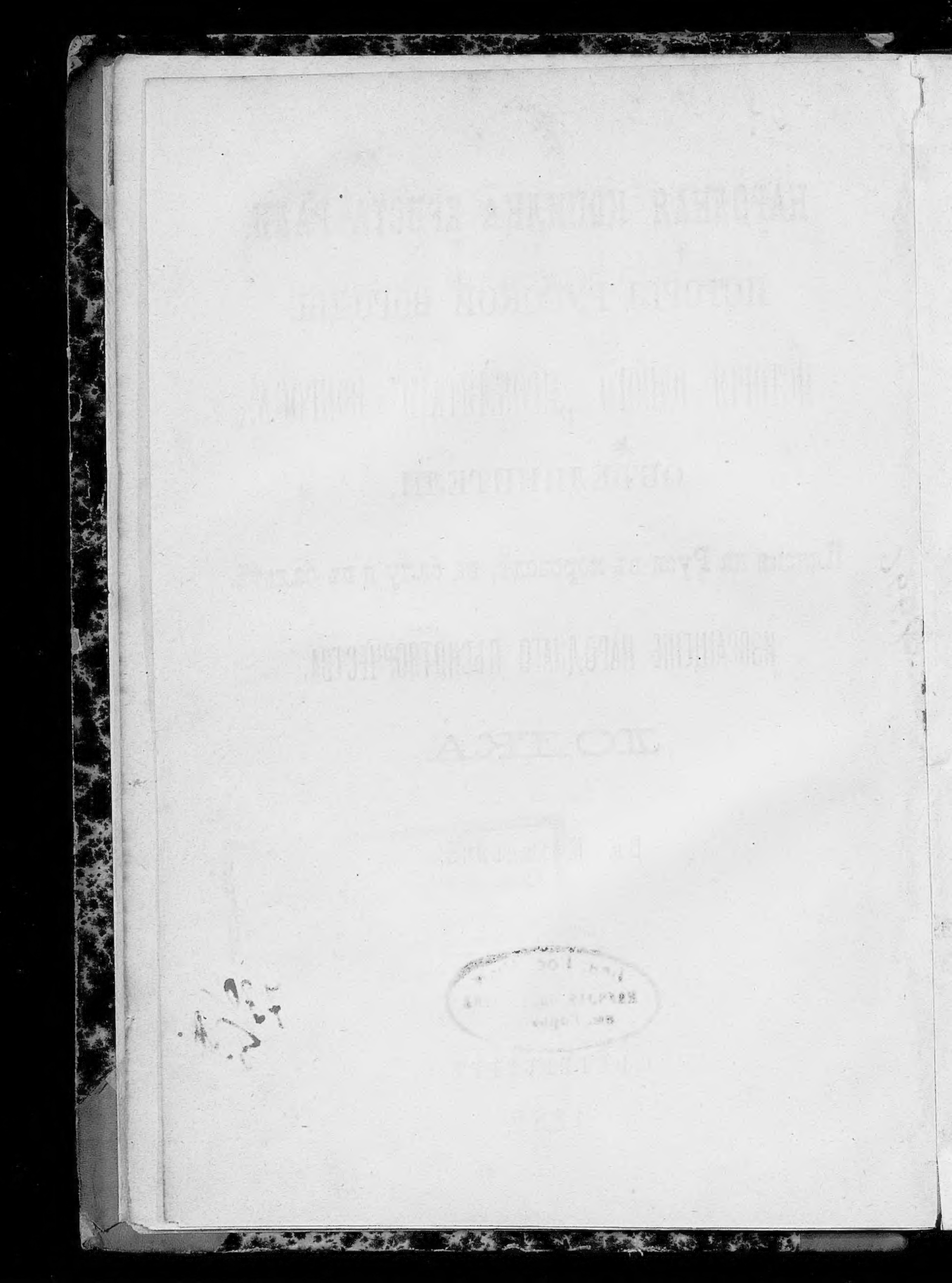
ЛОДКА.

Вл. Михневича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

НАРОДНАЯ КОПИЛКА ХРИСТАРАДИ.

« ...... а старцы бы жили въ монастыряхъ по чину монастырскому... яко же уставиша святіи отцы, да не побѣдитъ страсть сребролюбія и сластолюбія стяжаніе никого же...»

Стоглавъ, *169*.

«Святая вѣра обуревается и слабѣетъ, заповѣди благочестія не исполняются, вѣрность церковнымъ уставамъ и порядкамъ нарушается, благіе обычаи оставляются, преданія отеческія ни во что вмѣняются»....

«Пастыри и учители вѣры! къ вамъ первѣе слово наше. Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно»....

Поученіе св. Синода (1881 г).

I.

Ясное утро лѣтняго праздничнаго дня. Тихій прозрачный воздухъ дрожитъ серебристымъ гуломъ монастырскихъ колоколовъ, вызванивающихъ для праздника «во вся». Изъ-подъ темныхъ, вычурно расписанныхъ византійскимъ письмомъ сводовъ стариннаго собора, сквозь настежь раскрытыя желѣзныя двери, волною несется на плитную паперть стройное, многоголосое «Достойно есть», окуренное благовоннымъ ладономъ и прѣлымъ запахомъ многолюдной толпы.

Обѣдня отходитъ. Богомольцы, истово знаменуясь широкимъ крестомъ и отвѣшивая глубокіе поклоны на алтарь, выходятъ кучками изъ церкви...

Что за пестрая, разнохарактерная вереница проходитъ передъ вами всевозможныхъ «званій» и «состояній», лицъ и костюмовъ, что за смѣсь душевныхъ и тѣлесныхъ немощей, принесенныхъ сюда на своихъ плечахъ этимъ людомъ со всѣхъ концовъ Россіи съ вѣрой въ чудотворное исцѣленіе!

Нигдѣ, кажется, не видѣлъ и не увидишь заразъ въ одномъ мѣстѣ столько безъисходной бѣды и скорби, столько ужасныхъ болѣзней и калѣчествъ, столько рвани и лохмотьевъ. И это рядомъ съ сытымъ, по праздничному разфранченнымъ ханжествомъ и тунеядствомъ, имѣющими здѣсь тоже полный ассортиментъ своихъ разнообразныхъ представителей.

Русскому лапотнику есть о чемъ помолиться, и тотъ, кто хотѣлъ бы иллюстрировать живыми картинками свое газетное представленіе объ идилліи деревенскаго житья-бытья въ разныхъ отечественныхъ палестинахъ, процвѣтающихъ подъ двойнымъ куль-

тивированіемъ земства и администраціи,—тотъ пусть побываетъ лѣтомъ въ наиболѣе чтимыхъ народомъ монастыряхъ въ сезонъ стеченія богомольцевъ.

Все обездоленное, обиженное людьми, судьбой и природой, все раздавленное неумолимой кривдою до полной безпомощности и отчаянья—все это стекается сюда какъ къ послѣднему прибѣжищу, съ теплой вѣрой и надеждой на милость Бога и его чудотворцевъ. Другой надежды, другой опоры у этихъ горемыкъ и неудачниковъ уже не осталось.

«Никто какъ Богъ!»—въ этихъ трехъ словахъ вся ихъ философія, поддерживающая силы и терпѣніе длить страданія опостылой жизни.

Вотъ цѣлая «артель» поникшихъ косматыхъ головъ, съ отпечаткомъ на изможденныхъ лицахъ тихой покорности всепобѣждающему «горю-злосчастью»... Согбенныя въ три погибели спины, съ нацѣпленными на нихъ тощими котомками, рваные зипуны, протоптанные лапти...

— Кто такіе будете, землячки?

— Мы-то? Мы, родимый, владимірскіе... погорѣльцы... Всей деревнею , какъ есть, до-тла погорѣли: остались сиры и нищи... Къ святому Сергію, путемъ на заработки, зашли помолиться...

Съ необыкновенною заботливостью поддерживая жбанъ съ освященною водою, проталкивается сквозь толпу бѣлый какъ лунь дѣдъ, сопровождаемый кучкой односельчанъ, несущихъ въ рукахъ — кто просфоры, завернутыя въ платочекъ, кто икону... Эти изблизка пришли просить св. Сергія, вымолвилъ бы у Бога дождика на ихъ захирѣвшія отъ засухи нивы.

И еще, и еще, «артелями» и въ одиночку, снуютъ богомольцы—сельскіе люди, возложившіе все унованіе на покровительство св. Сергія: эти вотъ въ опасеніи безхлѣбицы на зиму, тѣ—уже обезхлѣбенные градомъ, въ лоскъ выбившимъ несжатыя нивы, третьи противъ мороваго повѣтрія.. Не перечесть всѣхъ сельско-хозяйственныхъ злоключеній, приведшихъ сюда эту сермяжную толпу...

А вотъ длинный рядъ жертвъ иной бѣды, инаго «злосчастія». Выходитъ изъ церкви тощая и блѣдная какъ смерть, но еще не старая баба, съ измученнымъ, когда-то красивымъ лицомъ... Но что это за безобразное существо судорожно вздрагиваетъ на ея рукахъ и издаетъ хриплый, нечеловѣческій визгъ? Морозъ деретъ

по кожѣ при взглядѣ на этого жалкаго монстра съ отвратительно раздутымъ животомъ и тоненькими, дряблыми конечностями... Скорѣе чудовищное подобіе паука, чѣмъ человѣка... Идіотическое сморщенное личико покрыто омерзительными язвами и струпьями...

— Тш... тшш... болѣзный мой! Не плачь, уймись,—просвирки дамъ, хлѣбушки отъ Боженьки! любовно успокоиваетъ страдалица-мать своего страдальца-дѣтище.

— Чѣмъ-отъ мальченка у тебя боленъ, молодка?—спрашиваетъ любознательная сосѣдка-богомолка.

— Господь его знаетъ... Съ рожденья онъ у насъ такой неудачливый... По грѣхамъ наказалъ насъ Богъ... Чего не дѣлали, матушка,—не легчаетъ... Горе мое! ни день, ни ночь спокою не даетъ...

— А вы бы къ дохтуру...

— Ходили, да что пользы! Не такіе у насъ достатки, чтобы дохтуръ съ нами заниматься сталъ... Одна надежда осталась на Бога и его святаго чудотворца... По обѣщанію вотъ съ ребенкомъ сюда приплелась: не исцѣлитъ ли божій угодникъ?

— Ежели съ вѣрой,—исцѣляетъ... Это точно.

Ползетъ на четвереинькахъ, съ оханьемъ и стономъ, крестьянинъ, богатырь по тѣлосложенію, разбитый свирѣпымъ ревматизмомъ. «Застудило, вишь», въ сырую погоду на сѣнокосѣ.

— И кто ё знаетъ, съ чего сталось? Поработалъ, прилегъ на землю отдохнуть, вздремнулъ, проснулся,—встать не могу. Вотъ и маюсь съ того часу...

Вотъ съ большой суетой и тревогой выволакиваютъ изъ церкви подъ руки едва живую, съ безсильно болтающейся головой дѣвушку, обомлѣвшую въ церкви отъ тѣсноты и духоты. Мать-старуха заботливо опрыскиваетъ ея болѣзненное безкровное лицо святой водою, опахиваетъ платкомъ и креститъ.

— Лихоманка, родные, одолѣла,—слезно жалуется она окружающимъ сочувственно разинутымъ ртамъ.—Цѣлый годъ, почитай, изо дня въ день трясетъ, окаянная,—вовсе дѣвку извела... А и дѣвка была, кабы видѣли: здоровая, дюжая,—одно слово, король... Теперь мозглявѣе ребенка стала: вишь, въ церкви выстоять обѣдни не могла... Охъ-охъ!

И такихъ живыхъ, краснорѣчивыхъ укоровъ нашей, такъ называемой, «земской медицинѣ» тутъ не оберешься, не говоря уже о

многообразныхъ калѣчествахъ отъ несчастнаго случая, «отъ лихаго глазу», «по грѣхамъ» и просто—«кто ё знаетъ отчего»; не говоря наконецъ объ этой длинной вереницѣ «божьихъ людей», «старцевъ» и «каликъ перехожихъ» по профессіи, встрѣчающихъ и провожающихъ каждаго монастырскаго богомольца назойливыми, заунывными моленіями «Христа-ради»...

Какъ же встрѣчаетъ своихъ скорбныхъ гостей монастырь, въ какой степени успокоиваетъ и утѣшаетъ ихъ, какъ живой органъ человѣколюбія и милосердія во Христѣ, какъ радѣтель теплой вѣры и всеобщій богомолецъ по призванію?

II.

Странное и далеко не отрадное чувство испытываетъ путешественникъ, проѣзжая по тѣмъ мѣстностямъ Россіи, гдѣ часто попадаются уединенные отъ сельбищъ монастыри.

Съ одной стороны онъ видитъ эти обширныя, высокія бѣлокаменныя ограды, утонувшія въ кудрявой зелени монастырскихъ садовъ и рощъ, эти красивыя, подобныя дворцамъ зданія, эти сіяющіе золотомъ куполы и стройныя, гордо поднявшіяся въ голубую высь своими шпицами колокольни; съ другой стороны—тутъ же, о бокъ съ этимъ великолѣпіемъ, онъ видитъ сѣрыя, тоску наводящія своей неприглядной бѣдностью деревушки, съ покривившимися, приземистыми, утонувшими въ навозѣ лачугами... Тамъ—небо, здѣсь—земля со всѣми ея печалями и «сквернами»... Контрастъ поразительный!

Понятно, что, имѣя передъ глазами такой пейзажный контрастъ, наблюдатель не ограничивается однимъ эстетическимъ критеріумомъ, а съ свойственнымъ нашимъ днямъ духомъ изслѣдованія пытается заглянуть на оборотную сторону пейзажа и прослѣдить замѣченный контрастъ до его основныхъ причинъ, лежащихъ въ житейскихъ отношеніяхъ монастыря и «деревни».

Вглядываясь въ эти отношенія, нельзя не придти къ заключенію, что монастырь, точно такъ же, какъ въ пейзажномъ отношеніи, ушелъ отъ «деревни», отъ «міра», и въ общественно-экономическомъ. Это—богатый, привилегированный пропріетеръ и землевладѣлецъ, уединившійся въ свою «прекрасную пустыню», ради себялюбиваго душеспасенія гнушающійся міра, но далеко не всегда однако гнушающійся его «прелести» и корысти, пользующійся какъ-бы монополіей высшей «благодати» при посредствѣ своихъ чудотворныхъ угодниковъ и святынь и извлекающій изъ нея очень хорошіе доходы... Другихъ отношеній и обязательствъ къ «міру» онъ не признаетъ и не имѣетъ.

А между тѣмъ это не всегда такъ было; были времена, когда русскій монастырь не обособлялся отъ «земли», не ограничивался однимъ лишь «кормленіемъ» на ея счетъ, а служилъ ей по мѣрѣ силъ, являлся ея дѣятельнымъ заступникомъ и предстателемъ не только передъ небомъ, но и передъ сильными сего міра.

Оговоримся, что мы вовсе не касаемся чисто-религіознаго призванія и значенія монастыря. Мы обращаемся только къ той сторонѣ его жизни, которою онъ соприкасается съ мірской «злобой», и провѣряемъ только общественно-гражданскія обязательства его къ «міру», которыя притомъ входятъ въ его прямую задачу и по ученію церкви, а равно и по основной идеѣ отшельническаго житія.

Монастыри имѣли въ старинной Руси важное и многостороннее значеніе въ жизни народной, не говоря уже объ ихъ существенныхъ услугахъ государству. Народъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ чтитъ ихъ, питаетъ своими щедрыми лептами и находится въ постоянномъ съ ними общеніи, хотя, какъ замѣчаютъ люди свѣдущіе, «усердіе» къ монастырямъ въ послѣднее время значительно-таки поохладѣло. На чемъ же основывалась и упрочивалась эта тѣсная связь народа съ монастыремъ? Какія требованія предъявлялись народомъ монастырю и въ какой степени они удовлетворялись?

Историческимъ судьбамъ было угодно, чтобы Русь въ дни своего младенчества попала подъ неотразимое вліяніе сухаго и неподвижнаго византизма, который загородилъ ее на многіе вѣка китайскою стѣною отъ всего остальнаго міра. Къ византизму примѣшалось еще вліяніе монгольскаго азіатизма, дѣйствовавшаго въ

томъ же духѣ отчужденія и неподвижности. Какъ извѣстно, глубокіе слѣды этихъ вліяній до сихъ поръ еще не изгладились въ характерѣ народномъ, въ нашихъ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Основной идеей византизма былъ аскетизмъ, стремившійся всю вселенную обратить въ монастырь. Монастырь сталъ идеаломъ общества, аскетъ, монахъ—идеаломъ индивидуума. Подъ этимъ угломъ зрѣнія складывались всѣ понятія и вся жизнь стариннаго русскаго человѣка. Всѣ его умственныя и нравственныя потребности регулировались монастыремъ и внѣ его не находили и не могли найти отвѣта подъ страхомъ анаѳемы и вѣчной геенны за гробомъ. Аскетизмъ, ставъ руководящимъ жизненнымъ принципомъ, отрицалъ и гналъ всякое свободное проявленіе художественнаго чувства, творческой мысли и какой бы то ни было интеллектуальной иниціативы. Вслѣдствіе этого понятно, почему вся наша образованность, всѣ наши изящныя искусства, втиснутыя въ рамки косности, сосредоточивались только въ монастырѣ, вдохновлялись только монастыремъ и служили исключительно одному монастырю. Оскопленныя аскетической идеей, они лишены были всякаго другаго поприща. Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не только религіозныя, но также чисто-умственныя, нравственныя и эстетическія потребности народа могли находить для себя отправленіе и выраженіе единственно въ монастырскихъ стѣнахъ — въ предѣлахъ церковной книжности, церковнаго благолѣпія и монастырской благотворительности.

Въ то время, какъ національная культура другихъ, болѣе счастливыхъ европейскихъ народностей отождествлялась въ созиданіи монументальныхъ памятниковъ и учрежденій чисто общественнаго значенія, русскій національный культъ выразился исключительно въ основаніи и построеніи многочисленныхъ храмовъ и монастырей.

Предки наши, даже наиболѣе обезпеченные, вообще жили скудно и неопрятно, въ далеко не роскошной обстановкѣ, въ тѣсныхъ, на живую нитку сколоченныхъ, плохихъ домахъ. А между тѣмъ церкви и монастыри русскіе поражали иностранцевъ своимъ множествомъ, своей затѣйливой архитектурой, блескомъ и богатствомъ. На нихъ уходила большая часть народныхъ сбереженій, потому что каждый разбогатѣвшій благочестивый человѣкъ не находилъ болѣе достойнаго, болѣе спасительнаго для своей души употребленія своего

прибытка, какъ отдать его на «вѣчное о себѣ поминовеніе» въ монастырь или на построеніе и украшеніе храма. Наши купцы и теперь еще, если не считать просвѣщенныхъ меценатовъ Третьяковыхъ, Солдатенковыхъ и др., нерѣдко замаливаютъ свои коммерческіе грѣхи щедрыми пожертвованіями на монастыри и церкви...

Русскихъ издавна укоряли въ томъ, что религіозность ихъ болѣе внѣшняя чѣмъ внутренняя, что ихъ плѣняютъ одни только обряды въ обстановкѣ церковной торжественности, а не ихъ сущность. Если-бы это и было справедливо, то при объясненіи этой черты не нужно забывать, что для русскаго человѣка церковь долгіе вѣка была не одной только церковью, мѣстомъ для молитвы: въ ней сосредоточивались для него одновременно и музей, и картинная галлерея и сцена, за полнымъ отсутствіемъ и воспрещеніемъ послѣднихъ въ другомъ мѣстѣ. Грѣховное эстетическое чувство нельзя заглушить никакими аскетическими идеями и проклятіями; такъ или иначе оно найдетъ для себя отдушину, хотя бы и очень узкую...

Вотъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ до сихъ поръ господствующаго въ народѣ сильнаго влеченія къ монастырю, выдѣливъ изъ этихъ стимуловъ чисто религіозное чувство, котораго мы здѣсь не касаемся. Монастырь для простолюдина, окруженнаго гнетущею прозой жизни, представляетъ собой такое мѣсто, гдѣ есть просто на что подивиться, въ смыслѣ невиданной красоты и великолѣпія. Чудныя златоглавыя церкви, хитро росписанныя извнѣ и внутри замысловатыми, яркими образами и картинами, груды серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней, въ искусномъ сочетаніи расположенныхъ на иконостасахъ, «красный» звонъ тысячепудоваго колокола, стройный архимандритскій хоръ пѣвчихъ, съ сладкими ангельскими дискантами и стѣнобитными, дыбомъ волосы поднимающими на головѣ своими раскатами басами и октавами... Какое роскошное соединеніе всѣхъ родовъ изящнаго искусства, всѣхъ формъ художественности! Развѣ все это не плѣнительно само по себѣ, а тѣмъ болѣе для человѣка «деревни», не избалованнаго культурой и ея декорумомъ?!

Рядомъ съ удовлетвореніемъ эстетическаго чувства монастырь въ старину отвѣчалъ и умственному запросу, будучи единственнымъ средоточіемъ всей допускаемой аскетической цензурой письменности и науки. Наша древняя литература, какъ извѣстно, была

исключительно церковная, и о ея чистотѣ и вѣрности догматамъ церкви монастырь такъ ревниво заботился, что самыя невинныя отступленія и вольности въ этомъ родѣ, самые скромные побѣги фантазіи и литературнаго творчества заслуживали названіе «отреченныхъ» и преслѣдовались, какъ продукты нечестиваго еретичества и бѣсовской лжемудрости. Такимъ образомъ все, чѣмъ могъ питать свою любознательность русскій благочестивый человѣкъ, опять-таки давалъ ему одинъ монастырь. Въ какой степени вліяніе его было сильно въ этомъ отношеніи — можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что и по настоящее время грамотный крестьянинъ, если читаетъ что нибудь, то читаетъ главнымъ образомъ разныя «житія» святыхъ, духовныя поученія и т. под. продукты монастырской письменности...

Не менѣе, а можетъ быть и наиболѣе сильнымъ скрѣпляющимъ звѣномъ между монастыремъ и народомъ было еще то, что монастырь, взявъ подъ свою опеку и подъ свое «правило» частную и общественную жизнь православнаго люда, являлся среди него, согласно своей основной миссіи, всеобщимъ миротворцемъ, хранителемъ правды, заступникомъ и кормильцемъ убогихъ и сирыхъ, цѣлителемъ душевныхъ и тѣлесныхъ немощей. Онъ одинъ могъ смягчать и уравновѣшивать сколько нибудь неравномѣрность распредѣленія земныхъ благъ, становясь посредникомъ между богатымъ и бѣднымъ, между рукою дающею и рукою протянутою. Народъ пріучился смотрѣть на монастырь какъ на органъ общественной благотворительности и человѣколюбія, какъ на такое «Божье» мѣсто, гдѣ каждый бѣднякъ, каждый немощный всегда найдетъ теплый пріютъ, кусокъ хлѣба и заботливое попеченіе. Несомнѣнно, что такое требованіе, не всегда ясно сознаваемое, не всегда категорически предъявляемое, тѣмъ не менѣе постоянно лежало и лежитъ въ основѣ безчисленныхъ народныхъ приношеній въ монастырскую казну, да иначе это и быть не могло.

Было время, когда монастыри, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, очень чутко относились къ этого рода своимъ обязанностямъ. Вообще, въ народѣ живетъ очень почтенная традиція о монастырѣ, что онъ выражаетъ и до сихъ поръ своимъ поклоненіемъ древнимъ основателямъ монастырей, какъ угодникамъ Божіимъ и чудотворцамъ. Многіе изъ нихъ заслужили добрую память не одною только святостью личной жизни, но и подвигами истиннаго

гражданства и самоотверженной любви къ человѣку и къ народу. Эти замѣчательные люди умѣли, сдѣлавшись отшельниками, сохранить неразрывную связь съ родною «землею», дѣлили ея горе и радости, умѣли при случаѣ грудью постоять за народъ передъ насиліемъ и не боялись громко обличать кривду, хотя бы и подъ великокняжескою шапкой...

Исторія сохранила намъ нѣсколько славныхъ въ этомъ отношеніи именъ (вспомнимъ замученнаго Грознымъ митр. Филиппа, Сергія, Антонія и Θеодосія Печер., Симеона Тверскаго, Вассіана и др.), сохранила и не мало примѣровъ такой прекрасной роли монастыря въ жизни народной; но къ сожалѣнію это давно уже — только исторія...

Тѣмъ не менѣе народъ добро крѣпко помнитъ, и этимъ-то въ большей или меньшей степени объясняется то неостывающее влеченіе къ монастырю и та вѣра въ него, которыя живутъ въ народѣ и до сихъ поръ.

Сказавъ о прошломъ монастыря, о его культурно-общественномъ значеніи въ исторіи русскаго народа, спросимъ теперь: во-первыхъ, въ какой степени онъ могъ сохранить и сохранилъ на самомъ дѣлѣ это значеніе въ наши дни, и, во-вторыхъ, стоитъ ли онъ на высотѣ своего прямаго призванія, по крайней мѣрѣ какъ органа народной благотворительности, и слѣдовательно оправдываетъ ли то довѣріе, съ которымъ народъ отдаетъ ему свои сбереженія на дѣла человѣколюбія во Христѣ?

III.

Само собой разумѣется, что говорить теперь о чисто-культурной роли монастыря, вообще, можно развѣ только въ отрицательномъ смыслѣ. Слава Богу, времена среднихъ вѣковъ прошли безвозвратно, когда образованность, облеченная въ вериги схоластицизма, ютилась въ тѣсной монастырской кельѣ, изъ которой теперь, напротивъ, слышатся только одни порицанія распространяющемуся свѣту ученія. Вообще, относительно этого пункта можно согласиться съ Викторомъ Гюго, что «монастыри отжили свой вѣкъ, что, полезные для первоначальнаго развитія цивилизаціи, они стали стѣснительны для ея дальнѣйшаго роста, что, какъ *учрежденіе воспитательное* для человѣчества, они были необходимы въ X-мъ вѣкѣ, возможны въ XV-мъ, но—не нужны въ XIX-мъ».

Состоятельность монастыря, какъ исключительно душеспасительнаго учрежденія, тоже подвергается сомнѣнію даже въ средѣ самого духовенства. Впрочемъ, мы обѣщали этой стороны вопроса и вообще теоріи монастыря не касаться.

Остается такимъ образомъ провѣрить дѣятельность монастыря на широкомъ поприщѣ человѣколюбія и благотворенія, въ просторѣ котораго ему никто не отказываетъ. Прежде однако чѣмъ дѣлать общіе выводы по этому предмету, подѣлимся съ читателемъ подходящими личными наблюденіями.

Мы въ славномъ и въ наиболѣе чтимомъ въ Великороссіи Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, который, какъ извѣстно, не можетъ пожаловаться на недостатокъ ни средствъ, ни богомольцевъ. Дѣло, значитъ, въ доброй только волѣ—употреблять эти средства на тѣ христолюбивыя цѣли, на которыя они назначены жертвователями и которыя составляютъ прямую задачу самого монастыря. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?

Еще Флетчеръ замѣтилъ, что наши монахи—«самые оборотливые *купцы* во всемъ государствѣ». Этотъ же отпечатокъ коммерціи бросается въ глаза съ перваго шага и въ предѣлахъ Троицко-Сергіевской лавры, которая, замѣтимъ, можетъ считаться прототипомъ всѣхъ великорусскихъ монастырей.

Весь посадъ лавры со своимъ центромъ представляетъ не что иное какъ смѣтливо организованное торжище, оперирующее исклю-

чительно около кармана пришлаго богомольца, на счетъ его благочестивыхъ чувствъ и всѣхъ «обѣщаній» душеспасительнаго свойства.

Всѣ такого рода требованія и похотѣнія богомольца дальновидно предусмотрѣны соотвѣтствующимъ предложеніемъ, преумноженнымъ еще находчивою изобрѣтательностью индустріальнаго характера. Тутъ все заранѣе подготовлено, разцѣнено, обставлено приличною мѣсту торжественностью и санкціонировано непререкаемымъ авторитетомъ, превращающимъ обмѣнъ въ богоугодное дѣло и, слѣдственно, совершенно обезоруживающимъ потребителя противъ алчности продавца. Торговаться и грѣшно, и неприлично; вслѣдствіе этого богомольцу волей неволей приходится за каждую услугу, за каждый предметъ обмѣна положительно переплачивать въ три-дорога. Во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ чувствуется беззастѣнчивый продавецъ, пользующійся тѣмъ, что какъ бы ни были его продукты и услуги невысоки качествомъ и высоки цѣною—спросъ на нихъ не уменьшится. Никакого соотвѣтствія между барышомъ и достоинствомъ предметовъ обмѣна и, напротивъ, очень много развязности...

Это испытываешь при первомъ шагѣ на территорію монастыря. Въ монастырской гостинницѣ, напр., гдѣ васъ встрѣчаетъ необыкновенно радушными улыбками и благословеніями привѣтливый представитель монастырскаго гостепріимства, вы заплатите за очень плохое, невзрачно и неудобно обставленное помѣщеніе такую цѣну, какая въ пору только въ лучшихъ столичныхъ отеляхъ.

Какъ мы сказали, весь посадъ живетъ исключительно на счетъ богомольцевъ. Всѣ жители его,—а ихъ нѣсколько тысячъ,—заняты торговлей и промыслами, имѣющими въ предметѣ почти однѣ лишь потребности заѣзжихъ гостей. Поэтому всѣ лавки и промышленныя заведенія сосредоточены около самыхъ стѣнъ монастыря, и такъ какъ притокъ богомольцевъ происходитъ только въ теплое время года, то на зиму, какъ намъ говорили, большинство этихъ лавокъ и заведеній закрывается.

Строго говоря, вся промышленность посада составляетъ неотъемлемую монополію самого монастыря, потому что всѣ ея отрасли онъ сдаетъ на откупъ. Каждая лавченка, каждый промышленникъ обложены арендною, довольно высокою платой за право промысла. Какой нибудь досчатый шалашикъ на пространствѣ одной или двухъ квадр. саженъ, торгующій грошовымъ товаромъ, платитъ

монастырю сто и болѣе руб. въ годъ. Такимъ же образомъ обложенъ каждый вершокъ монастырской земли, находящейся въ пользованіи оборотливыхъ жителей посада, обложены всѣ монастырскія угодья, обложены извозчики, разносчики и всякіе другіе промышленники. Монастырь со всего извлекаетъ выгоду; съ каждой заработанной и выторгованной съ грѣхомъ пополамъ копѣйки онъ получаетъ свою долю барыша, какъ хозяинъ-монополистъ. Нѣкоторыя же болѣе важныя и прочно обезпеченныя отрасли промышленности онъ эксплуатируетъ уже на свой собственный рискъ. Такъ, онъ содержитъ гостинницы для богомольцевъ, приносящія очень крупный доходъ. Правда, отъ себя онъ содержитъ только одну гостинницу, а другую сдаетъ въ аренду, но сдаетъ на такихъ условіяхъ, что изъ получаемыхъ доходовъ гостинницы въ его казну идетъ львиная доля. Арендаторъ платитъ за стѣны не очень большаго трехъ-этажнаго дома 12,000 руб. въ годъ. Точно такъ же лавра промышляетъ отъ себя, не допуская никакой конкурренціи въ предѣлахъ посада, книжною торговлей, продажей политипажей, иконъ, фотографическихъ карточекъ, крестиковъ, колечекъ съ разными священными надписями, образковъ, восковыхъ свѣчей и т. под. предметовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ культу поклоненія.

Производство большинства этихъ предметовъ тоже входитъ въ область многосторонней промышленности монастыря. Монастырь имѣетъ свои собственныя, довольно обширныя, литографію, фотографію, живописную мастерскую, просфорню, свѣчной заводъ *) и проч. Заведенія эти обставлены самымъ экономическимъ образомъ, въ интересѣ полученія монастыремъ возможно большей выгоды. Трудъ въ нихъ или вовсе не оплачивается, или оплачивается весьма

*) Вотъ нѣсколько собраныхъ нами цифръ объ этихъ заведеніяхъ Троицко-Сергіевской лавры. Въ живописной мастерской работаетъ до 100 чел., въ томъ числѣ 60 учениковъ; въ литографіи болѣе 20 чел.; въ фотографіи до 10 чел.; въ «свѣчной палатѣ» выработывается ежегодно на свѣчи болѣе 500 пуд. воску; въ просфорнѣ работаетъ до 40 чел., которые выпекаютъ ежегодно до милліона просфоръ, цѣнностью слишкомъ на 25,000 р.; муки идетъ на это дѣло болѣе 4,000 пуд. Кромѣ того, въ лаврѣ имѣются мастерскія: слесарная, серебряная, портняжная, кузнечная и друг.

умѣренно. Большая часть работниковъ—либо ученики, либо состоятъ «въ послушаніи», слѣдовательно, кромѣ скуднаго монастырскаго иждивенія, никакой платы не получаютъ.

Вообще, монастырь—превосходный хозяинъ и еще лучшій купецъ. Всѣ предметы своего производства и торговли онъ сбываетъ въ огромномъ количествѣ и по такимъ высокимъ цѣнамъ, какія немыслимы въ обыкновенной торговлѣ. Та же купеческая смѣтливость сказывается и въ самой организаціи торга. Уже при входѣ въ монастырскія ворота богомольца встрѣчаютъ соблазны душеспасительнаго свойства, въ видѣ выставки разнообразныхъ товаровъ и предметовъ, относящихся къ области молитвы.

— Масла, деревяннаго масла на неугасимыя лампады святымъ угодникамъ! Купите, православные, порадѣйте святому Сергію ради душевной пользительности! наперебой выкрикиваютъ шустрыя бабенки и парни, расположившіеся у воротъ со столиками, на которыхъ выставлены рядами разной величины и стоимости сулейки и бутылки съ деревяннымъ масломъ.

Услужливость ихъ простирается до готовности не только продать вамъ масло, но и сдѣлать изъ него надлежащее употребленіе.

— Вы ужь не извольте пачкаться: маслицо купите-съ а мы сами его къ мѣсту опредѣлимъ за ваше здоровье въ аккуратѣ... Намъ это дѣло привычное!

Этого масла сбывается здѣсь огромное количество. Поступая на лампады передъ иконами, оно этимъ самымъ въ глазахъ богомольцевъ освящается и пріобрѣтаетъ чудесныя свойства. Лавра ежегодно продаетъ его слишкомъ на 4,000 руб.

Вступивъ въ монастырскія ворота, богомолецъ попадаетъ какъ-бы въ обширный магазинъ. На стѣнахъ развѣшены ярко раскрашенныя картинки, лики святыхъ, портреты и т. под. произведенія монастырскаго художества. По бокамъ тянутся длинные прилавки съ витринами и шкафы, плотно заставленные книгами, образками, крестиками, колечками, четками и т. под. товаромъ. Продажей завѣдуютъ благообразные иноки, и съ утра до вечера здѣсь идетъ бойкая торговля, со всѣмъ антуражемъ торговаго мѣста. Суета, шумъ, споры, переторжка, звонъ денегъ... Настоящій базаръ!

Въ такомъ же родѣ торговля совершается и внутри монастыря, напр. у часовни Максима Грека. Здѣсь коммерческая находчивость монастыря сказалась, напр., въ эксплуатаціи древняго колодца

съ прѣсной водою, почитаемой чудотворною. Надъ колодцемъ сооружена часовенка, и такимъ образомъ онъ обращенъ въ предметъ особаго поклоненія, а его вода получила авторитетъ святой и цѣлебной. Находящійся здѣсь монахъ, благословляя богомольцевъ пить эту воду, обязательно извѣщаетъ:

— Благодатью Господней вода сего кладезя по вѣрѣ исцѣляетъ отъ разныхъ недуговъ, паче же—отъ головной и глазной болѣзней... Спаси васъ Богъ и помилуй!

Понятно, что у простодушнаго богомольца, въ особенности страдающаго «головною или глазною болѣзнью», является неодолимое желаніе запастись чудесною водой въ прокъ. Монастырь чутко предусмотрѣлъ эту потребность, и такъ какъ брать лепты за «святую» воду было бы нѣсколько зазорно, то онъ устроилъ при «кладезѣ» продажу стеклянной посуды для этой воды, съ рельефными оттисками на поверхности фляжекъ, бутылокъ и штофовъ ликовъ святыхъ и приличныхъ мѣсту надписей...

«Добровольныя» приношенія съ богомольцевъ взимаются такимъ же благовиднымъ образомъ во всѣхъ учрежденіяхъ монастыря и при всѣхъ отправленіяхъ его богослужебной дѣятельности. Такъ, напр., въ одной церкви лежитъ на видномъ мѣстѣ книга, куда васъ приглашаютъ занести свое имя на «вѣчное поминовеніе»; осматривающему роскошную ризницу монастыря обязательный проводникъ при разставаньѣ вручаетъ «на добрую память» миніатюрную копѣечную книженку—«Указатель лавры препод. Сергія»,—и этимъ естественно вызываетъ на взаимную признательность... Нужно замѣтить кромѣ того, что какъ и въ семъ суетномъ мірѣ, точно такъ же и въ монастырѣ, гостя встрѣчаютъ «по одежкѣ» и, сообразно произведенному внѣшностью впечатлѣнію, выказываютъ ту или другую степень гостепріимства.

Случилось такъ, что одновременно съ нами вошла въ вифанскую церковь для осмотра ея святынь бѣдная лапотница-крестьянка, съ котомкой за плечами. На встрѣчу намъ вышелъ монахъ (время было послѣобѣденное) и, обращаясь исключительно къ намъ, показалъ и разсказалъ все, что могло насъ, по его мнѣнію, интересовать. Ходившую сзади насъ и громко молившуюся крестьянку особенно поразилъ въ церкви искусственный гротъ съ возвышавшимся надъ нимъ придѣломъ, куда вела открытая лѣстница; но

едва она занесла ногу на лѣстницу, какъ ее самымъ грубымъ образомъ остановили, не взирая на слезныя мольбы «только взглянуть однимъ глазкомъ, только поклонъ ударить *святой Вифаніи*»...

Когда мы уже уходили, бѣдная баба бросилась къ намъ.

— Голубчикъ!—взмолилась она, съ выраженіемъ неподдѣльнаго отчаянья:—Ради Христа пойдемъ-кось на святую Вифанію!.. Ты пойдешь,—тебя пустятъ, а меня одну вотъ не пущаютъ: заплатить мнѣ, родимый, нечѣмъ... Мнѣ только бы поклониться ей, святой угодницѣ,— затѣмъ вѣдь издалече шла сюда... Не откажи, будь милостивъ!

Отказать было невозможно, потому что очевидно для богомолки заключалась величайшая важность въ томъ именно, удостоится ли она или нѣтъ блаженства подняться на завѣтное мѣсто, гдѣ, по ея понятіямъ, сосредоточивалась вся спасительная святость «преподобной Вифаніи»...

Потомъ мы узнали, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ святыхъ мѣстахъ лавры, посѣщаемыхъ богомольцами не въ богослужебное время, сермяжныхъ гостей до тѣхъ поръ не впускаютъ для осмотра и поклоненія, пока не явится какой нибудь посѣтитель изъ разряда «господъ», внушающій увѣренность на полученіе приличной лепты за трудъ указателя. Тогда только, за одинъ ужь разъ, впускаютъ и тѣхъ, съ кого взятки гладки.

Положимъ, какъ это, такъ и другія возмущающія проявленія алчнаго мытарства не составляютъ правила, а могутъ быть названы «прискорбными» исключеніями; но, присмотрѣвшись къ лаврскимъ порядкамъ, видишь, что эти исключенія до того часты и общи, что представляютъ собою самый характеристическій оттѣнокъ всей «христолюбивой» дѣятельности монастыря. Корысть слишкомъ ярко выступаетъ во всѣхъ его отношеніяхъ съ богомольцами, и тамъ, гдѣ для стяжанія не представляется пищи, гдѣ богомолецъ обращается лишь къ чувству милосердія и къ нравственному долгу святыхъ отцовъ,—тамъ ему, по евангельскому выраженію, вмѣсто хлѣба даютъ камень. Невниманіе и какая-то жесткая чиновничья гадливость къ простому бѣдному люду непріятно поражаютъ здѣсь на каждомъ шагу. Отсюда все хваленое страннопріимство и благотворительность монастыря носятъ несимпатичныя черты черствой казенщины и фарисейства, лишенныхъ малѣйшей искры дѣйствительной любви во Христѣ. Все дѣлается такъ,

лишь бы съ плечъ долой, лишь бы исполнить букву предписаннаго благотворенія для проформы, а до сущности, до истинной цѣли данной миссіи никому нѣтъ дѣла, какъ никому нѣтъ дѣла входить участливо въ положеніе этихъ убогихъ, удрученныхъ скорбями людей, прибѣгающихъ подъ кровъ монастыря.

Намъ не скоро забыть ту тяжелую картину монастырскаго хлѣбосольства, которую мы имѣли случай видѣть въ лаврской трапезной для богомольцевъ. Начать съ помѣщенія: въ то время, какъ для трапезы монастырской братіи устроена обширная, великолѣпная, затѣйливо разукрашенная зала, съ прекрасно сервированными на барскую ногу столами,—здѣсь вы попадаете въ какой-то смрадный, грязный и полутемный подвалъ съ тѣсно уставленными колченогими столами, ничѣмъ не покрываемыми во время обѣда. Еще болѣе рѣзкая разница въ меню и въ качествѣ стола для братіи и для богомольцевъ. То, чѣмъ подчуютъ послѣднихъ, до того невкусно, несытно и недоброкачественно, что съ непривычки просто въ ротъ нельзя взять. При насъ трапезующихъ богомольцевъ для обѣда угощали мутными, водянистыми, отдающими помоями щами и гречневою размазней, разумѣется постными,—постными до совершеннаго отсутствія какихъ бы то ни было признаковъ какого бы ни было масла, не говоря ужъ о рыбѣ. Только русскій невзыскательный крестьянинъ, живущій вѣкъ впроголодь, въ состояніи проглотить подобное ни съ чѣмъ несообразное монастырское хлѣбало, носящее громкое названіе обѣда.

Угощеніемъ распоряжается монахъ съ нѣсколькими послушниками—народъ, на подборъ, суровый видомъ, тяжелый на руку и рѣзкій какъ бритва на языкъ. Свою распорядительность и хлѣбосольство они выражаютъ безпрерывнымъ нетерпѣливымъ покрикиваньемъ, «жестокими словами», а то и довольно чувствительными тычками и толчками. Это называется, какъ гласитъ лаврскій «Указатель», «смотрѣть за порядкомъ и благочиніемъ народа» во время трапезы...

— Вы что тутъ на перепутьѣ мнетесь, рабы Божіи,—садитесь... Чего рты разинули? Садитесь, постылые, вамъ говорятъ!

— Да какъ быдто, батюшка, мѣстовъ не хватаетъ...

— Какихъ вамъ еще мѣстовъ? Эй, вы, рабы Божіи, потѣснитесь тамъ, дайте другимъ сѣсть... Вишь расселись, бояре!

— Слышь ты, мать игуменья,—ты куда же это лѣзешь къ мужикамъ-то?

— Тутъ мужъ мой, кормилецъ...

— Чай не съ иголку онъ у тебя, не затеряется... Пошла въ бабье отдѣленіе!... Соблазнъ тутъ только одинъ съ вами!

Гости кое какъ разсѣлись—мужчины особо, бабы особо. Кушанье въ большихъ деревянныхъ мискахъ подано. На бѣду входитъ еще нѣсколько запоздалыхъ богомольцевъ.

— Доколѣ жь это вы будете шататься, рабы Божіи? Трактиръ тутъ для васъ, что ли? Цѣлый день тутъ для васъ прикажете разсолы готовить, по всякъ часъ, когда вамъ вздумается пожаловать.. Стыдъ-то у васъ есть ли?

— Простите, батюшка... Мы, значится, впервой у васъ тутотка... не знали...

— Не знали! Разговаривай еще!.. Получай ложки несытое племя... жив-во! Ступай по мѣстамъ... распоясывай утробу, угощайся.. А вотъ ежели вдругорядь запоздаете, — не прогнѣвайтесь, рабы Божіи: мѣстъ для васъ не найдется!

Начинается обычное во время трапезы чтеніе св. Писанія. И тутъ дѣло не обходится безъ внушенія благочинія «рабамъ Божіимъ»...

— Но! но! что вы тамъ разбесѣдовались? покрикиваетъ чтецъ, перевертывая страницу и заслышавъ робкій, вполголоса разговоръ въ дальнемъ углу:—Помни, въ какомъ мѣстѣ ты сидишь... Слушай слово Божіе, окаянная твоя душа! Смирись, смирись, говорю вамъ, аще нѣсть спасенія во многоглаголаніи!

Среди такихъ поученій и душеспасительныхъ внушеній проходитъ вся трапеза, и такимъ образомъ матеріальная скудость ея какъ-бы восполняется избыткомъ духовной пищи. Замѣтимъ кстати, что точно такъ же въ монастырской больницѣ, напр., скудость лѣкарствъ и небрежность лѣченія дополняется заботливымъ лѣченіемъ душъ паціентовъ: ихъ обязательно заставляютъ говѣть при вступленіи въ больницу и во время пребыванія въ ней не менѣе одного раза въ мѣсяцъ... И «бывали нерѣдкіе примѣры, по словамъ лаврскаго «Указателя», что отъ одного сего духовнаго врачеванія больные освобождались отъ недуговъ...»

Заглядывали мы и въ страннопріимныя для народа помѣщенія лавры и вездѣ одинаково встрѣчали крайнюю неопрятность, тѣс-

поту и запущеніе. По словамъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей, лавра призрѣваетъ ежегодно многія тысячи богомольцевъ, даетъ имъ кровъ и пищу. Слѣдовательно благотворительность ея повидимому весьма обширна, но, судя по тому, какъ она исполняется, она лишена здѣсь существенной черты всякаго добраго дѣла—искренности и внутренняго милосердія. Очевидно монастырь смотритъ на нее как на тяжелую и непріятную обузу. Обращающіеся къ его щедротамъ богомольцы въ его глазахъ не болѣе какъ лишніе рты и тунеядцы, объѣдающіе его и отнимающіе извѣстную долю его прибытковъ. Если бы можно было, онъ не задумался бы запереть для нихъ свои безплатные пріюты и трапезныя, и, какъ утверждаютъ газетные корреспонденты, нѣкоторые монастыри сдѣлали уже это... Конечно такой богатый монастырь какъ Троицко-Сергіевская лавра не прибѣгнетъ къ подобной экономіи; но тѣмъ не менѣе представители его гостепріимства не стѣсняются, тѣмъ или инымъ путемъ, выказать богомольцамъ презрѣніе, какъ тягостнымъ попрошайкамъ, попрекнуть ихъ, какъ говорится, кускомъ... Иначе это и быть не можетъ, когда люди, призванные къ самоотверженной благотворительности, ослѣпляются страстью стяжанія и всѣ свои помыслы обращаютъ на скопленіе богатствъ.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ у лавры нѣтъ совершенно безплатныхъ настольниковъ и жильцовъ, если не говорить о самой братіи; ибо наипослѣднѣйшій богомолецъ, какъ бы ни былъ убогъ, непремѣнно вноситъ такъ или иначе свою лепту въ лаврскую богатую казну. Онъ уплачиваетъ свои кровные гроши за молебны, за просфоры, за исповѣдь, за свѣчи и проч., безъ чего, какъ извѣстно, для крестьянина и немыслимо «богомолье». На все это въ частности выходитъ не мало, а въ сущности—кто же какъ не эти сермяжные, грошовые богомольцы, такъ обидно пренебрегаемые монастыремъ, обогатили его и продожаютъ обогащать своими безчисленными копѣйками, изъ которыхъ образуются милліоны? Это такая общепонятная истина, что и доказывать ее нѣтъ надобности...

IV.

Невѣроятныя богатства Троицко-Сергіевской лавры, какъ и многихъ другихъ нашихъ монастырей, нагляднѣе всего отвѣчаютъ на вышепоставленный нами вопросъ: въ какой степени современный монастырь дѣятеленъ на поприщѣ филантропіи, широкимъ и разумнымъ развитіемъ которой онъ несомнѣнно могъ бы, оставаясь монастыремъ, сдѣлаться вполнѣ жизненнымъ и чрезвычайно полезнымъ общественнымъ учрежденіемъ? Въ какой степени слѣдственно, будучи прежде всего органомъ народной благотворительности, онъ оправдываетъ довѣріе своихъ кліентовъ и отвѣчаетъ своей прямой задачѣ?

Вопросъ этотъ, поставленный на почву общепринятой въ такихъ дѣлахъ отчетности, рѣшается простой ариѳметикой, и рѣшается какъ нельзя опредѣленнѣе.

Существуетъ, предположимъ, какое нибудь филантропическое учрежденіе, получающее отъ общества извѣстную суммму на извѣстныя «добрыя дѣла». Ясно, что вся задача учрежденія—добросовѣстно свести разность между суммой пожертвованій и суммой «добрыхъ дѣлъ» къ нулю. Но если «добрыя дѣла» оказываются неудовлетворительными ни въ качественномъ ни въ количественномъ отношеніи, если жертвуемыя обществомъ суммы расходуются произвольно и если большая ихъ часть, вопреки прямаго назначенія, систематически удерживается и превращается въ мертвый капиталъ, то значитъ...

Въ дѣлахъ «гражданскихъ» отвѣтъ на такіе случаи предусмотрѣнъ весьма обстоятельно и здравымъ смысломъ, и общественною совѣстью, и сводомъ существующихъ законовъ...

Но, какъ извѣстно, примѣнять къ монастырю критеріумъ «гражданскихъ» дѣлъ считается какъ-бы непозволительнымъ и неудобнымъ. Его по крайней мѣрѣ не желаетъ примѣнять къ себѣ самъ монастырь, до сихъ поръ не знающій никакой отчетности и энергически, dei gracia, отстаивающій свою безотвѣтственность въ употребленіи общественныхъ пожертвованій.

Это понятно, потому что ничѣмъ—никакимъ догматомъ, никакимъ божескимъ и человѣческимъ правомъ нельзя оправдать разительное несоотвѣтствіе между суммой жертвуемыхъ народомъ монастырю средствъ и суммой монастырскихъ «добрыхъ дѣлъ»! Ничѣмъ

нельзя объяснить факта чрезмѣрнаго скопленія въ монастырѣ совершенно непроизводительныхъ и совершенно безполезныхъ для народа богатствъ и капиталовъ! Не Евангеліе же, не отцы церкви и первые основатели отшельническаго житія оправдаютъ въ нашихъ глазахъ это явленіе... Нѣтъ! они выскажутся противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ...

Вообще съ какой бы точки зрѣнія мы не взглянули на данное явленіе, оно представляется ни чѣмъ инымъ, какъ величайшею аномаліею, лишенною всякаго raison d'être. Цѣлыми вѣками, вслѣдствіе лишь ложно понятаго и умышленно извращаемаго принципа, образуется среди постоянно бѣдствующей, скудной, погруженной въ мракъ невѣжества страны какое-то привилегированное, необыкновенно богатое государство въ государствѣ, и даже не «государство», потому что всякое государство есть живой организмъ, а просто какая-то замурованная въ каменныя стѣны бездонная копилка, въ которой безъ возврата и безцѣльно тонули и тонутъ милліоны народныхъ сбереженій. Представленіе именно копилки или зарытаго въ землю клада, да еще въ сущности «неизвѣстно кому принадлежащаго», само собой приходитъ въ голову, когда окидываешь взглядомъ неизмѣримыя «мертвыя» богатства монастыря...

Каковы эти богатства—можно судить по слѣдующимъ цифрамъ.

Монастырь въ настоящее время—самый крупный землевладѣлецъ въ государствѣ, какъ въ старину онъ былъ самымъ крупнымъ владѣльцемъ крестьянъ. Уже во времена Котошихина наши монастыри владѣли 500,000 крестьянъ. По увѣренію Коллинса, почти двѣ трети всей земельной собственности государства принадлежали у насъ въ XVII столѣтіи монастырямъ и церквамъ. Въ настоящее время во владѣніи монастырей находится огромная территорія, составляющая въ сложности 9,600 квадр. верстъ. Постройки и зданія всѣхъ русскихъ 520 монастырей составили бы въ совокупности значительный городъ, на пространствѣ 24 квадр. верстъ, опоясанный нѣсколько разъ каменною оградой въ 300—400 верстъ длиною и сосредоточивающій въ себѣ однѣхъ церквей болѣе 2,000. Сокровища монастырскихъ ризницъ и храмовъ, въ драгоцѣнныхъ металлахъ и камняхъ, а также въ одеждѣ и разныхъ предметахъ церковнаго благолѣпія, громадны и неисчислимы. Въ одной Троицко-Сергіевской лаврѣ жемчугъ можно бы мѣрять на четверики; есть митры

цѣнностью въ сотни тысячъ руб. каждая. По приблизительному исчисленію людей компетентныхъ, однѣхъ этихъ сокровищъ хранится въ монастыряхъ нашихъ приблизительно на 60 милл. р. Не менѣе поразительна и цифра монастырскаго капитала въ процентныхъ бумагахъ и банковыхъ вкладахъ: она простирается до 25 милл. р., дающихъ ежегодно болѣе милліона руб. процентовъ. Общая цѣнность всей монастырской движимости и недвижимости не приведена въ извѣстность даже приблизительно; но безъ сомнѣнія она простирается до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ. Точно такъ же неизвѣстна и общая сумма ежегодныхъ доходовъ монастырей; но, какъ полагаютъ, она не менѣе 10 милл. *), считая только тѣ статьи, съ которыхъ монастыри получаютъ чистую ренту и вообще «разнаго рода поступленія», а не дѣйствительную сумму, если включить напр. въ цифру доходовъ стоимость эксплуатаціи зданій и угодій, занимаемыхъ самими монастырями для своихъ нуждъ.

Сдѣлавшись владѣльцемъ огромныхъ доходныхъ имуществъ въ земляхъ, рыбныхъ ловляхъ, мельницахъ, заводахъ, лавкахъ, домахъ и т. под. чисто промышленныхъ угодьяхъ, монастырь естественнымъ порядкомъ долженъ былъ раздвоиться въ своей профессіональной дѣятельности: оставаясь по виду отшельникомъ, отрекшимся для душеспасенія отъ всѣхъ мірскихъ благъ, онъ въ то же время долженъ былъ практически радѣть о цѣлости и преуспѣяніи попавшихъ въ его руки тѣхъ же мірскихъ благъ. Подобное противорѣчіе само собою сдѣлало фиктивнымъ и фальшивымъ отшельническое призваніе и толкнуло монастырь на широкую дорогу суетнаго мытарства и корыстолюбія. Онъ неощутительно превратился въ жаднаго купца и оборотливаго хозяина-промышленника.

Съ давнихъ временъ о коммерческихъ наклонностяхъ русскихъ монастырей укоризненно гремѣли ревнители благочестія и аскетизма, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, въ поученіяхъ, церковныхъ постановленіяхъ и на соборахъ.

«Стоглавъ» напр. укорялъ монаховъ въ лихоимствѣ и ростовщичествѣ: «И міряномъ, сказано въ немъ:—лихоимство возбраняетъ (св. писаніе), нежели церквамъ Божіимъ деньги въ росты давати и

---

*) Извѣстный авторъ «Опыта» о монастырскихъ доходахъ, изъ котораго мы воспользовались приводимыми здѣсь цифрами, опредѣляетъ приблизительную сумму всѣхъ монастырскихъ доходовъ въ 9 милл.

хлѣбъ въ монастырь. Гдѣ то писано въ святыхъ правилахъ?» Извѣстный Вассіанъ съ горечью восклицалъ въ обличеніе монаховъ: «Мы, волнуемые сребролюбіемъ и ненасытимостью, всевозможнымъ способомъ угнетаемъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ, налагая проценты на проценты!»

Онъ-же обличалъ монаховъ въ томъ, что они «на соблазнъ въ мірѣ бродятъ и скитаются всюду и смѣхъ творятъ всему міру, строятъ каменныя ограды и позлащенные узоры съ травами многоцвѣтными, украшаютъ себѣ царскіе чертоги въ келіяхъ и покоятъ себя пьянствомъ и брашномъ отъ трудящихся на нихъ по селамъ»...

Позднѣе, уже въ XVIII столѣтіи, св. Сѵнодъ категорически указывалъ на то, что многіе «монахи, презрѣвъ, обязанности своего званія не только внутри монастырей не очень исправны, живутъ не по обѣщанію, но исходя изъ монастыря (что есть самая непростительная продерзость) и скитаясь безъ нужды по разнымъ мѣстамъ, ведутъ себя безчинно и тѣ, которые должны всякими добродѣтелями нелицемѣрно украшать себя къ созиданію церкви, тѣ злообразіемъ дѣлъ своихъ подаютъ соблазнъ къ развращенію, нимало не помышляя, что черезъ нихъ хулится имя Божіе».

Такихъ обличеній было множество; въ нихъ нѣтъ недостатка и въ настоящее время. Нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ прогрессивныхъ духовныхъ писателей и журналовъ неустанно направляютъ сокрушительныя стрѣлы обличенія на эту ахиллесову пятку монастыря. Еще недавно въ одномъ изъ этихъ журналовъ такимъ образомъ укорялась монашествующая братія въ «прохладной жизни»: «Ради этой прохладной жизни, говоритъ журналъ, — воздвигаются лабазы, громадные дома, которые для бо́льшаго прибытка часто отдаются подъ торговыя помѣщенія низкой пробы; ради той же прохладной жизни строются заводы, фабрики, производится торговля лѣсомъ, дегтемъ и проч., и проч.; ради той же прохладной жизни пишутся подложные векселя, продается іерусалимская вода, возникаютъ ходатайства о крестныхъ ходахъ, объ открытіи мощей, какъ это дѣлала игуменья Митрофанія и бывшій начальникъ одной изъ дальнихъ епархій; ради той же наконецъ прохладной жизни совершается и поступленіе въ монашество. Дѣла же вѣры и благочестія, дѣла сознательно самоотверженнаго христіанскаго милосердія и благотворительности остаются въ сторонѣ, отодвигаются на задній планъ.» («Церк. Общ. Вѣстникъ»). Еще болѣе

авторитетный, официальный синодальный органъ, «Церковный Вѣстникъ», не удовлетворяемый современнымъ состояніемъ нашихъ монастырей, недавно проповѣдывалъ имъ такой путь истины: «пусть монастыри, говорилъ журналъ, организуютъ воодушевленное, самостоятельное, дѣятельное, честное, ученое духовенство; пусть они принесутъ въ даръ церкви трудомъ и воздержаніемъ добытыя матеріальныя средства и тогда вполнѣ можно признать дѣятельность монастырей на пользу церкви и общества плодотворной и могучей. Вотъ, по нашему мнѣнію, истинная задача нашихъ монастырей».

Вообще современный монастырь даже на самый снисходительный взглядъ пересталъ отвѣчать требованіямъ чистаго религіознаго аскетизма и сѣетъ среди вѣрующихъ велій соблазнъ своею «прохладною жизнью». Въ этомъ откровенно сознаются даже сами монахи и сторонники монастырскаго отшельничества, и противъ этого никто уже не споритъ... Монастырь же на всѣ обличенія благоразумно отмалчивается...

Но для «прохладной ли жизни» или просто изъ плюшкинской алчности къ богатству,—неоспоримо то, что монастырь съ головою окунулся въ торгашескій меркантилизмъ и поставилъ своею задачей наживу, наживу прежде всего. Если даже примириться въ нравственномъ отношеніи съ такимъ извращеніемъ призванія монастыря, то остается еще вопросъ чисто юридическій.

Мы видимъ, что монастырь получалъ и получаетъ изъ народной сокровищницы гораздо больше того, что онъ расходуетъ на свою «прохладную жизнь» и на исполненіе своихъ обязательствъ передъ небомъ и землею. Въ его бюджетѣ имѣется всегда очень крупный остатокъ, и изъ общей суммы этихъ остатковъ въ теченіи времени образовались тѣ громадныя монастырскія богатства и капиталы, которые насъ изумляютъ своимъ размѣромъ, а еще болѣе своею мертвенностью и безцѣльностью. Копилка съ каждымъ днемъ все наполняется и наполняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше кровныхъ народныхъ сбереженій превращается въ какой-то заколдованный, непроизводительный кладъ, въ какое то заповѣдное наслѣдство, не имѣющее наслѣдника...

Спрашивается, для какихъ же цѣлей пріумножается и сберегается эта копилка? Кто ее наслѣдуетъ,—потому что очевидно монастырь не имѣетъ на нее никакого права—ни нравственнаго, ни историческаго; онъ только *хранитель* ея по довѣрію народному, забывшій,

впрочемъ, своевременно и плодотворно возвратить ее въ народъ, согласно своей благотворительной миссіи.

Само собою разумѣется, что не въ интересѣ народа, какъ и не въ интересѣ религіи и призванія монастыря, скоплялись послѣднимъ въ мертвый капиталъ эти многочисленныя народныя пожертвованія на христолюбивыя дѣла; но ужъ если капиталъ скопленъ и, благодаря Бога, не совсѣмъ еще растраченъ довѣреннымъ казначеемъ на «прохладную жизнь», то долженъ же онъ получить какое нибудь опредѣленное назначеніе, долженъ же онъ стать когда нибудь производительнымъ?! Это такой простой и неотразимо бьющій въ глаза вопросъ... Отъ него никакъ нельзя отдѣлаться, говоря о монастырѣ и его благопріобрѣтеніяхъ.

Странная однако судьба этого вопроса! Онъ представлялся умамъ государственныхъ русскихъ людей болѣе или менѣе трезво и сознательно едва ли не съ тѣхъ еще отдаленныхъ временъ, когда русскіе монастыри стали впервые превращаться изъ тихихъ и убогихъ обителей святыхъ отшельниковъ въ богатыя помѣстья и сокровищницы почитателей «прохладной жизни»,

Раньше всѣхъ старалось найти должный отвѣтъ вопросу о монастырской копилкѣ и довольно категорично находило его московское правительство. На этотъ счетъ, надо отдать ему справедливость, оно отличалось замѣчательнымъ либерализмомъ и въ «минуты жизни трудныя» не задумывалось очень радикально запускать властную руку въ монастырскую казну и обрѣзывать монастырскія владѣнія и угодья.

Уже знаменитый «собиратель» Іоаннъ III весьма чувствительно облегчилъ монастырскую копилку и пообрѣзалъ монастырскія имѣнія не только въ опальномъ Новгородѣ, но и въ другихъ областяхъ своей державы. Еще нецеремоннѣе распоряжался въ этомъ отношеніи Иванъ Васильевичъ Грозный. Да что говорить о Грозномъ, когда даже «тишайшій» и набожнѣйшій изъ московскихъ царей Алексѣй Михайловичъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Напр. въ 1665 году онъ писалъ въ Тихвинскій монастырь: «Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ *деньги есть многіе*, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10,000 руб.» Далѣе слѣдовала ради соблюденія приличій характерная оговорка: «А въ оскорбленіе вы того себѣ не ставили бъ, какъ служба минется, мы тѣ деньги велимъ отдать...» Точно ли деньги были отданы—неизвѣстно и весьма сомнительно...

Мы привели эту выписку какъ образецъ того, какъ мотивировало московское правительство свое посягательство на монастырскую копилку. Вѣрное своей лицемѣрной политикѣ, а можетъ быть и искренно не допуская мысли о систематической секуляризаціи, оно однакожь примѣняло ее на практикѣ подчасъ весьма энергически съ оговорками лишь благочестиваго свойства.

Если не съ большею смѣлостью, то съ большею систематичностью и сознательностью приступило къ рѣшенію даннаго вопроса петербургское правительство. Петръ I-й взглянулъ на дѣло съ такою ясностью и точностью, которыя сразу ставили вопросъ на единственно вѣрную и твердую почву. Крайне недовольный тогдашнимъ состояніемъ монастырей, отъ которыхъ, по его выраженію, происходило «одно только зло, забобоны, ереси и даже возмутители», находя, что «прибыли» отъ нихъ — «ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть», царь стремился сдѣлать монастыри дѣятельной и производительной общественной силой, разсадникомъ просвѣщенія и благочестія.

Исходя, затѣмъ, изъ того основнаго принципа монашескаго «обѣщанія», что монахи обязаны «сами себѣ трудолюбивыми руками пищу промышлять, общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питать», Петръ повелѣлъ (1701 г.). выдавать всѣмъ монахамъ безъ различія чиновъ «равное даяніе: по 10 р. денегъ по 10 четвертей хлѣба и дровъ въ довольность» ежегодно (въ 1705 г. «ради свейскія войны», эта дача была уменьшена на половину); все же остающіяся затѣмъ отъ монастырскихъ доходовъ суммы употреблять *безъ остатка* на пропитаніе нищихъ, на устройство больницъ и богадѣленъ и на другія благотворительныя дѣла.

Что касается имуществъ монастырей, то Петръ имѣлъ несомнѣнное намѣреніе секуляризировать ихъ для государственныхъ пользъ. Имъ руководили въ этомъ случаѣ цѣли нравственныя и экономическія. Его возмущало то, что, «вотчинъ ради, свары, и смертныя убивства и неправыя обиды отъ многихъ (монаховъ) происходили». Съ другой стороны, царь, съ его трезвымъ взглядомъ на вещи, съ его горячей преданностью благу народа, не могъ равнодушно видѣть, что въ монастыряхъ сосредоточено столько матеріальныхъ богатствъ безъ всякой пользы для общества. Въ виду всего этого, онъ запретилъ монастырямъ пріобрѣтеніе новыхъ недвижимыхъ имуществъ, а наличныя монастырскія имущества изъялъ

изъ вѣдѣнія монаховъ и поручилъ управленію вновь учрежденнаго въ 1701 г. монастырскаго приказа.

Къ сожалѣнію Петру не удалось вполнѣ преобразовать монастырь на этихъ основаніяхъ, да и не могло удаться, потому что, по его плану, монастырскіе доходы и имущества перешли въ вѣдѣніе приказныхъ, которые распоряжались ими ничѣмъ не лучше, если еще не хуже монаховъ.

Къ этому вопросу правительство возвращалось время отъ времени и при послѣдующихъ царствованіяхъ. Рѣшительнѣе всѣхъ принялся было за монастырскую реформу Петръ III; но окончить ее ему помѣшала смерть. Екатерина II въ своихъ преобразованіяхъ по этому предмету была связана опасеніемъ вооружить противъ себя духовенство, что въ ея положеніи при началѣ царствованія, было бы неполитично. Тѣмъ не менѣе въ 1764 г. явился знаменитый указъ объ отобраніи у монастырей поземельныхъ имѣній и крестьянъ въ казну, возбудившій противъ императрицы такую шумную бурю въ средѣ монашества... И опять святымъ отцамъ былъ противопоставленъ главный принципъ ихъ «обѣщанія»: «Не церковь ли сама, говорилось въ указѣ,—питая нищихъ и болящихъ, сей даръ въ снѣдь имъ *отъ избытковъ своихъ* принести долженствуетъ?...»

Время показало, что отъ «избытковъ», несмотря на всѣ ограниченія и отнятія имущественныхъ правъ, въ монастырѣ остается еще очень, очень много безъ должнаго употребленія. Время показало также, что монастырь самъ по себѣ не способенъ отрѣшиться отъ безцѣльнаго корыстолюбія и по собственному почину дать своимъ «избыткамъ» то христолюбивое, гуманное назначеніе, которое было бы достойно его призванія, какъ учрежденія не только исключительно религіознаго, но и какъ общественно-филантропическаго... Какъ былъ онъ, такъ и остался неисправимою и ничѣмъ не оправдываемою копилкой народныхъ сбереженій втунѣ, если не считать однако выдѣляемыхъ изъ нея крупныхъ «кушей» на поддержаніе и процвѣтаніе «прохладной жизни»...

Когда же настанетъ часъ окончательнаго рѣшенія этого громадной важности вопроса, когда наконецъ наша копилка Христа-ради перейдетъ въ наслѣдіе тому, кто имѣетъ на нее неотъемлимое и неоспоримое право,—отвѣтитъ будущее...

ИСТОРІЯ РУССКОЙ БОРОДЫ.

Въ послѣднее время въ печати довольно часто задѣвался вопросъ о внѣшнемъ «благолѣпіи» нашего духовенства: о его костюмѣ, прическѣ, бородѣ и пр. Раздавались голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, объ устарѣлости, ненужности и безосновательности, даже съ точки зрѣнія строгаго православія, того традиціоннаго наряда и тѣхъ внѣшнихъ «отличекъ», которые такъ рѣзко выдѣляютъ каждое духовное лицо изъ среды простыхъ смертныхъ. Съ другой стороны, слышались не менѣе громкіе протесты и ожесточенныя возраженія противъ новаторовъ изъ устъ поклонниковъ «доброй старины», преданныхъ ея завѣтамъ и обычаямъ, иногда даже наперекоръ здравому смыслу.

Не вдаваясь въ разбирательство — кто правъ и кто виноватъ въ этомъ спорѣ, мы, въ посильномъ желаніи посодѣйствовать просто разъясненію вопроса, нашли своевременнымъ и не лишнимъ подѣлиться здѣсь нѣкоторыми, собранными нами, историческими свѣдѣніями, относительно одного изъ предметовъ давняго спора — именно, *бороды*, признаваемой, по выраженію о. В. Яхонтова, «дорогимъ символомъ назаретства» въ средѣ вѣрныхъ преданіямъ духовныхъ лицъ.

I.

Борода, вообще, и борода русская, въ особенности, имѣетъ свою исторію, и исторію чрезвычайно любопытную.

Извѣстно, что борода составляетъ отличительный рассовый признакъ индо-европейскаго племени; племена монгольское, малайское и эфіопское или вовсе не имѣютъ этого признака или у представителей ихъ волосистость подбородка весьма слаба и зачаточна.

Замѣчательно при этомъ, что многія племена этой категоріи (напр., калмыки, сіамцы, новозеландцы и др.) терпѣть не могутъ бороды, и у нихъ вкоренился обычай выщипывать малѣйшія ея признаки на подбородкѣ. За то бородатыя рассы, наоборотъ, обыкновенно цѣнятъ высоко этотъ даръ природы и заботятся о его приращеніи. Въ этомъ одинаково сходятся во взглядахъ какъ племена дикія, такъ и культурныя, говоря вообще.

Развитіе бороды у племенъ, имѣющихъ ее, обусловливалось вначалѣ общимъ закономъ подбора и борьбы особей за существованіе, въ связи съ развитіемъ началъ «обрядоваго правительства».

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, англійскій естествоиспытатель Грантъ-Алленъ, объясняетъ происхожденіе волосъ на головѣ, бородѣ и усахъ у человѣка такимъ образомъ.

«Зачатки волосъ на головѣ появились впервые еще у нашихъ человѣкообразныхъ предковъ въ видѣ пучковъ, которые часто замѣчаются нынѣ на головѣ нѣкоторыхъ четвероруквхъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ принималъ все болѣе прямое положеніе тѣла и все менѣе становился лѣснымъ животнымъ,— переходя на открытыя равнины и чаще подвергаясь здѣсь дѣйствію солнечныхъ лучей,—защита головы отъ чрезмѣрнаго тепла и свѣта сдѣлалась чрезвычайно для него выгодною; слѣдовательно, здѣсь, по всей вѣроятности, вступилъ въ свои права естественный подборъ.»

«Что касается сравнительно большей волосистости на тѣлѣ у мужчины, чѣмъ у женщины, а также существованія бороды у перваго, то это должно быть отчасти приписано дѣйствію того всеобщаго правила, указаннаго Уоллэсомъ, по которому мужской полъ отличается почти у всѣхъ животныхъ видовъ болѣе развитыми внѣшними покровами на тѣлѣ, что зависитъ, вѣроятно, отъ большей физической силы этого пола».

Борода и, вообще, волосы, какъ украшеніе, возвышающее наружность особи одного пола въ глазахъ особи другого пола, дѣлались предметомъ тщательнаго ухода и постепенно, изъ рода въ родъ, улучшались помощью половаго подбора. Явленіе это, въ сущности, совершенно аналогично съ замѣчаемымъ у животныхъ стремленіемъ утилизировать шерсть на кожѣ, волосы, перья, чешую, и ихъ окраску для половаго подбора, для защиты и, вообще, для успѣшной борьбы за существованіе.

«Волосы въ разныхъ странахъ, говоритъ Дарвинъ, составляютъ предметъ большой заботливости: то отращиваютъ ихъ во всю длину, то свертываютъ ихъ въ плотную кудрявую швабру, составляющую гордость и славу, напр., папуасовъ». Въ средней Африкѣ, въ одномъ племени женщины носятъ продѣтыя сквозь нижнюю губу большія кольца, называемыя «pelelé». Одного туземца спросили, зачѣмъ онѣ себя такъ безобразятъ? «Видимо изумленный такимъ нелѣпымъ вопросомъ, онъ отвѣчалъ:

— Для красоты! Это — единственное украшеніе женщины; у *мужчины борода,* у женщины нѣтъ ея; на чтожъ-бы она походила безъ pelelé?»

«Намъ извѣстно, продолжаетъ Дарвинъ, что, какъ прежде, такъ и теперь люди восхищались и восхищаются длинными волосами и что почти всѣ поэты воспѣвали ихъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: «Длинная коса есть слава женщины». Замѣтимъ, что для мущины у апостола Павла другое правило: «мужъ, аще власы роститъ, безчестіе ему есть» (I Коринѳ. II, 14). Мы впослѣдствіи найдемъ объясненіе этому тексту.

Дарвинъ, въ доказательство своей мысли, приводитъ, со словъ одного путешественника, любопытный фактъ, что начальникъ одного американскаго племени былъ избранъ въ этотъ санъ исключительно за необыкновенную длину своихъ волосъ. У другого американскаго дикаго племени (кичуасовъ) отрѣзыванье волосъ считается величайшимъ безчестьемъ и наказаніемъ. Подобно нашимъ современнымъ дамамъ, восполняющимъ скудость своей шевелюры искусственными шиньонами, многіе дикари, изъ того-же кокетливаго побужденія, увеличиваютъ длину и количество своихъ волосъ вплетаніемъ разныхъ волокнистыхъ веществъ.

Совершенно такое-же значеніе имѣютъ различныя украшенія головы: перьями, султанами изъ хвостовъ, шкурами и т. под., ко-

торыя употребительны не только у дикихъ, но и у культурныхъ народовъ. Это, впрочемъ, имѣетъ цѣлью не одно лишь кокетство— желаніе приглянуться особи другаго пола, но также — возвышеніе внѣшней импозантности и мужественности фигуры, въ интересѣ пріобрѣтенія властнаго значенія, устрашающаго вида и пр.

Вслѣдствіе этого, лишеніе волосъ и бороды является знакомъ униженія, покорности и безсилія. Самая побѣда надъ врагомъ у дикихъ сопровождается нерѣдко отнятіемъ у него волосъ, составляющихъ трофей побѣдителя. Такое значеніе имѣетъ, напр., скальпированіе у американскихъ индѣйцевъ, герои которыхъ соперничаютъ числомъ привѣшенныхъ къ ихъ поясамъ вражескихъ скальповъ.

Говоря о Нага, Грендонъ пишетъ, что его щитъ «былъ покрытъ волосами убитыхъ враговъ». Коксъ, разсуждая объ артуровскомъ циклѣ, говоритъ объ одномъ древнемъ времени: «Артуръ отправился къ Церлеону; туда-же прибылъ и посланный отъ короля Ріонса, который сказалъ: одиннадцать королей принесли мнѣ клятву въ вѣрности, и ихъ бородами я обшилъ себѣ мантію, пришли-же и ты мнѣ свою бороду, такъ какъ для окончанія моей мантіи недостаетъ именно бороды»!

Это была аллегорія порабощенія побѣжденныхъ королей.

Отсюда, въ юридическомъ быту многихъ народовъ рабство, наказаніе и опозореніе личности сопровождались лишеніемъ волосъ и бритьемъ бороды. На Западѣ въ средніе вѣка стрижкой волосъ опозоривались преступники и, какъ вспомнимъ, этотъ обычай еще очень недавно существовалъ и у насъ, въ арестантскихъ ротахъ и острогахъ. Въ Византіи государственныхъ преступниковъ передъ ссылкой били плетьми и брили.

Всѣ эти данныя достаточно объясняютъ, почему у цивилизованныхъ народовъ древняго міра борода и длинные волосы служили непремѣннымъ признакомъ красоты и мужества, какъ это можно заключить по античнымъ статуямъ греко-римскихъ боговъ и героевъ, по ассирійскимъ и египетскимъ барельефамъ.

Евреи высоко цѣнили свои волосы и бороду (какъ цѣнятъ послѣднюю и понынѣ), считая ихъ эмблемой силы и свободы. Моисей училъ: «не стригите головы вашей кругомъ и не порти края бороды твоей» (Левитъ XIX, 27). Борода и «пейсы», поэтому, считались у нихъ священными. Лысина, напоминавшая бритую голову

раба, возбуждала насмѣшки. Когда пророкъ Елисей шелъ въ Веѳиль, малыя дѣти вышли изъ города и насмѣхались надъ нимъ, и говорили: «иди плѣшивый, иди плѣшивый!» (IV Цар. II, 23). Вслѣдствіе такого воззрѣнія на достоинство волосъ, царь алемантійскій обрилъ бороды посламъ царя Давида, ради ихъ опозоренія, чѣмъ далъ поводъ послѣднему начать войну. Обезчещенные-же послы, по приказанію Давида, жили въ Іерихонѣ въ уединеніи, пока не отростили себѣ бороды.

Объ уваженіи бороды и волосъ древними греками, свидѣтельствуетъ Гомеръ. Въ «Илліадѣ», когда Пріамъ пришелъ къ Ахиллесу просить о выдачѣ тѣла Гектора, «Пелидъ благородный» былъ

«Тронутъ глубоко и бѣлой главой и *брадой* его бѣлой...»

Вслѣдствіе уваженія къ волосамъ, эллинская фантазія Терсита «презрительнаго» надѣлила плѣшью, для усугубленія презрѣнія къ нему.

Существовавшее въ античномъ мірѣ воззрѣніе на волосы выразилъ, между прочимъ, и Овидій въ слѣдующемъ двустишіи:

«Turpe pecus mutibum, turpe sine gramine campus,
Et sine fronde prutex ct sine crine caput.»

(То есть: корова безъ хвоста, травы лишенный лугъ иль зелени кустарникъ—не хороши, такъ точно и голова, лишенная волосъ).

По этой причинѣ, какъ свидѣтельствуетъ Светоній, Юлій Цезарь осмѣивался за свою плѣшивость. Императоръ Гальба, желая избѣжать такихъ насмѣшекъ, скрывалъ свою плѣшь подъ парикомъ.

Воззрѣніе это господствовало потомъ и въ мірѣ христіанскомъ, судя по замѣчанію св. Амвросія Медіоланскаго, сравнившаго человѣка безъ волосъ съ деревомъ безъ листьевъ: «Отними у дерева листья, говоритъ онъ, и все дерево станетъ некрасивымъ. Такъ точно и человѣкъ безъ бороды».

На востокѣ у мусульманскихъ народовъ, мущины и по настоящее время клянутся бородою. У мусульманъ усы—знакъ мужской зрѣлости, борода—знакъ мудрости, достоинства и добродѣтели. Турки начинаютъ носить бороду въ возрастѣ отъ тридцати до сорока лѣтъ. Самое рѣшеніе отпустить бороду—событіе не только для отпускающаго ее, но и для его родныхъ и знакомыхъ. Всѣ они отправляются торжественно въ мечеть, гдѣ читается особая

благословительная молитва надъ начинающеюся бородою. Съ этого знаменательнаго момента мусульманинъ становится сдержаннѣе и солиднѣе, ходитъ медленно и важно, какъ подобаетъ степенному мужу.

Завсѣмъ тѣмъ, борода въ Турціи составляетъ особое право, которымъ не всѣ могутъ пользоваться. Напр., рабы и прислуга не смѣютъ ее отпускать, поэтому въ сералѣ весь придворный штатъ, отъ гофмаршала до послѣдняго служителя, брѣетъ бороды, въ ознаменованіе того, что состоящіе при калифѣ не болѣе, какъ его слуги. Даже принцы крови подчиняются этому правилу. Самъ наслѣдникъ престола отпускаетъ бороду только со дня своего воцаренія.

У китайцевъ, у которыхъ волосистость подбородка весьма слаба, тѣмъ не менѣе борода въ такомъ-же почетѣ, какъ и у мусульманъ, и подчинена особымъ правиламъ. Правила эти, по словамъ С. В. Максимова («Годъ на Востокѣ»), состоятъ въ томъ, что до тридцатилѣтняго возраста всѣ китайцы обязаны бриться начисто, съ тридцатилѣтняго имъ позволяется носить усы, съ сорокапятилѣтняго выходитъ разрѣшеніе на бороду.

У европейскихъ народовъ германо-романскаго племени волосы и борода тоже были въ большомъ почетѣ, и лишеніе ихъ признавалось позоромъ. Галлы, при взятіи Рима, поддались невольному почтенію къ бородатымъ старцамъ Капитолія.

У древнихъ тевтоновъ длинные волосы были отличіемъ свободнаго мужа, точно также, какъ бритая голова—признакомъ раба. Скандинавскій Одинъ прозывался пышноволосымъ (haarreich), а Торъ—пышнобородымъ (bartreich). Древняя Эдда воспѣваетъ волосы и бороду свободныхъ людей. Въ Сагахъ сохранилось преданіе, что осуждаемые на обезглавленіе норманскіе викинги заботились передъ смертію о неприкосновенности своихъ волосъ.

Франки признавали только reges crinitos; у Григорія Турскаго Клодвигъ названъ—Clomatus (т. е. волосистый). Клотильда, жена Кладомира, предпочла лучше увидѣть своихъ сыновей убитыми, нежели опозоренными лишеніемъ волосъ.

Подобно восточнымъ народамъ, германскіе язычники клялись волосами и бородою; въ Новеллахъ клятва волосами—per capillos, воспрещалась, какъ остатокъ язычества.

Въ древнѣйшемъ законоположеніи англо-саксовъ, опредѣлявшемъ, какъ-бы, оцѣнку всѣмъ членамъ человѣческаго тѣла, на

случай ихъ поврежденія съ чужой воли, сказано, что за отрѣзанье бороды виновный повиненъ былъ заплатить истцу 20 шиллинговъ. Между тѣмъ какъ переломъ берцовой кости цѣнился только въ 12 шиллинговъ. Это показываетъ, какъ высоко ставилось достоинство бороды.

Бритье бороды сдѣлалось модой у грековъ и римлянъ позднѣйшей эпохи и, въ сущности, было результатомъ порчи и извращенія вкусовъ. Это понималъ Сенека, находившій брадобритіе—смѣшной суетностью. Первоначальное происхожденіе этого обычая Плутархъ приписываетъ аравитянамъ. Еввійскіе абанты, по его словамъ, брили бороды и головы. Плутархъ вѣроятно заимствовалъ это извѣстіе у Геродота, засвидѣтельствовавшаго, что арабы подбривали волосы кругомъ и около висковъ и говорили что такъ брился Бахусъ, который у нихъ назывался Ороталомъ. Нельзя не упомянуть здѣсь также, что бритье было распространено и въ древнемъ Египтѣ, а египетскіе жрецы имѣли обыкновеніе, при богослуженіи, обривать волосы на всемъ своемъ тѣлѣ.

Происхожденіе этого обычая слѣдуетъ приписать религіозному началу. Извѣстно, что многіе народы со временъ глубокой древности приносили въ жертву богамъ волосы для умилостивленія, для обозначенія скорби, раскаянія и пр.; но объ этомъ мы скажемъ ниже подробнѣе. Могли быть цѣли также практическія и гигіеническія.

Такимъ образомъ, существуетъ мнѣніе, что у грековъ стрижка волосъ и бритье бороды имѣли чисто-практическую цѣль, независимо отъ прихотей моды. Разсказываютъ, что Александръ Македонскій, предпринимая походъ въ Индію, узналъ, что тактика тамошнихъ воиновъ заключается въ томъ, чтобъ во время боя прежде всего хватать своихъ противниковъ за бороды. Въ предупрежденіе этой «военной хитрости», Александръ приказалъ своимъ воинамъ сбрить бороды и, какъ извѣстно, стяжалъ себѣ въ Индіи неувядаемые лавры. Отсюда бритье бороды незамѣтно вошло въ обычай въ македонскомъ войскѣ, а изъ подражанія ему стали впослѣдствіи бриться въ Греціи и всѣ граждане. Римляне, во всемъ подражавшіе грекамъ, въ свою очередь переняли этотъ обычай. Юлій Цезарь и его современники брили бороды. При Неронѣ оголенный подбородокъ былъ непремѣнной принадлежностью высшаго тона.

Впослѣдствіи, чрезъ римлянъ обычай этотъ сталъ мало-по-малу

распространяться и среди «варваровъ», съ которыми греко-римскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе.

Христіанская Европа среднихъ вѣковъ носила бороды, хотя въ ношеніи ихъ, стрижкѣ и прическѣ соблюдались прихоти измѣнчивой моды. Бритье бороды и усовъ вводится въ цивилизованной Европѣ одновременно съ возрожденіемъ классицизма—во времена новѣйшія, во времена такъ называемаго «Renaissance'a».

Извѣстно, что въ подражаніи древнимъ псевдо-классики доходили до странныхъ и даже смѣшныхъ крайностей. Такою-же ненужною крайностью была мода брить бороды и усы, явившаяся единственно изъ подражанія грекамъ и римлянамъ. Мода эта даже пережила времена увлеченія классицизмомъ. Уже въ XVIII вѣкѣ вся образованная Европа была безбородая. Позднѣе наступили времена романтизма, вслѣдъ за ними—реализма, а обычай брить бороду все еще упорно держался и даже до сихъ поръ далеко не исчезъ окончательно. Царство бороды въ культурныхъ странахъ началось весьма недавно, какихъ-нибудь лѣтъ двадцать пять назадъ—не болѣе; но и теперь еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ и для нѣкоторыхъ профессій—она считается почти неприличіемъ.

II.

Ученый и остроумный изслѣдователь начала Руси, г. С. Гедеоновъ, нанесшій жестокія пораженія школѣ норманнистовъ, въ вопросѣ о бородѣ обрѣлъ одну изъ опорныхъ точекъ для своего блестящаго опроверженія теоріи противниковъ.

Г. Гедеоновъ, въ числѣ другихъ основаній своего отрицанія мнимо-норманскаго происхожденія Руси, указываетъ на тотъ достопримѣчательный фактъ, что, славяне, вообще, и, въ частности, Русь и ея первые князья брили бороды и подбривали головы, тогда какъ одновременно у норманновъ носились и борода и длинные волосы, какъ особый знакъ благородства.

Указывая на бритую голову Святослава, г. Гедеоновъ спрашиваетъ: «возможно-ли допустить, чтобы уже во второмъ поколѣніи династіи *значеніемъ благородства* норманскаго конунга явилось то, что у норманновъ почиталось клеймомъ позора и рабства?»

Безъ сомнѣнія, допустить этого нельзя; но, дѣло въ томъ, что бритье головы и бороды не составляли общаго правила среди славянъ. Напр., есть много данныхъ въ пользу мнѣнія, что далеко не вся русская славянщина была бритая. По этимъ даннымъ слѣдуетъ предположить, что брадобритіе, какъ и въ наши дни, было распространено только въ южной Руси, да и тамъ даже въ эпоху Святослава встрѣчались личности, носившія бороды и не подбривавшія чубовъ. Лѣтописецъ извѣщаетъ, что св. Борисъ (1015 г.) носилъ бороду и усы, только малые, потому что былъ еще юношей.

Въ Лаврентьевской лѣтописи есть прямое указаніе на бороды языческихъ волхвовъ. Точно также, по Саксону Грамматтику, у руянъ верховный жрецъ носилъ длинные волосы и бороду. Лелевель указываетъ на обычай поморскихъ славянъ носить длинные волосы. Мацѣевскій свидѣтельствуетъ, что и поляки въ отдаленную старину носили волосы, спускавшіеся на плечи, и не стригли бородъ. Нѣкоторые историки, арабскіе и еврейскіе, говорятъ про руссовъ, что у нихъ—одни брили бороду, другіе отращивали ее и, сверхъ того, случалось (по Димешки), окрашивали ее въ шафранный цвѣтъ, а, по Ибнъ-Гаукалу, заплетали въ гривы...

Такихъ указаній на существованіе бороды, рядомъ съ брадобритіемъ у древнихъ славянъ, можно-бы привести немало. Ихъ не игнорируетъ вовсе и г. Гедеоновъ; но, приведя у себя тѣ изъ нихъ, которыя касаются собственно Руси, онъ даетъ имъ, какъ намъ кажется, нѣсколько натянутое истолкованіе, отдающее легкимъ доктринерскимъ пристрастіемъ.

Почтенный изслѣдователь сомнѣвается, чтобы эти, упоминаемые древними историками, бородачи, среди нашихъ отдаленныхъ предковъ, были подлинные руссы. Онъ въ нихъ заподозрѣваетъ норманновъ, если только это не была уже крещенная Русь. По его мнѣнію, въ языческой Руси одни только жрецы носили бороды, и никто болѣе.

Полагаемъ, что, для удостовѣренія существованія, въ древности, у славянъ и въ кіевской Руси брадобритія, какъ господствовавшаго обычая, нѣтъ надобности прибѣгать къ подобнымъ рискованнымъ натяжкамъ. Мы сошлемся на близко извѣстный намъ, по личнымъ

наблюденіямъ, примѣръ того, что господство брадобритія вовсе не исключаетъ и ношенія бороды, при извѣстныхъ условіяхъ.

Быть можетъ, самое вѣское доказательство за существованіе брадобритія у древнихъ славянъ мы находимъ въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что оно до сихъ поръ распространено въ народной массѣ, напр., у малороссовъ, поляковъ, сербовъ, и соблюдается, какъ обычай вполнѣ національный, по завѣту «дѣдню и отчю». Народная масса въ этомъ отношеніи очень консервативна и туго поддается новымъ модамъ. Поэтому, слѣдуетъ признать, что брадобритіе у названныхъ племенъ относится къ остаткамъ отдаленной древности.

И однакожъ, не смотря на это, у нашихъ украинскихъ «хохловъ», брѣющихъ бороды и подбривающихъ головы, существуетъ также обычай для извѣстныхъ положеній отпускать бороду. Это дѣлаютъ, между прочимъ, глубокіе старики и люди, почему либо отщепившіеся отъ жизненныхъ суетъ, въ знакъ того, что они какъ бы удаляются отъ міра и предаются помысламъ о Богѣ и душеспасеніи. Борода является здѣсь, по народнымъ понятіямъ, признакомъ степенности, набожности и старческой мудрости.

Въ виду этого, слѣдуетъ предположить, что и столь смутившее г. Гедеонова присутствіе бородъ среди южныхъ безбородыхъ руссовъ имѣло совершенно такое-же значеніе, какое имѣетъ и у современныхъ намъ малороссовъ. Да на это указываетъ весьма ощутительно то обстоятельство, что въ языческой Руси волхвы и жрецы носили бороды. Безъ сомнѣнія, этимъ внѣшнимъ отличіемъ символизировались у нихъ понятія почтенности, мудрости и боговдохновенности, которыя, по народному воззрѣнію, свойственны старцу и всякому «божьему человѣку», слѣдовательно, и жрецу...

Не смущаясь, такимъ образомъ, присутствіемъ бородъ среди нашихъ древнихъ предковъ, мы можемъ утвердительно сказать, что дохристіанская славянщина, и въ томъ числѣ Русь, если не вся, то южная, была по преимуществу бритая. Историческихъ указаній на это имѣется множество.

Въ руянской или ранской Арконѣ, въ средоточіи идолопоклонства балтійскихъ славянъ, находился храмъ Святовита. Этотъ идолъ, какъ говоритъ Гильфердингъ, со словъ Гельмольда, былъ «съ четырьмя головами на четырехъ отдѣльныхъ шеяхъ, смотрѣвшими врозь, *съ обритыми бородами и остриженными волосами*, *по обы-*

чаю ранскаго народа». Существованіе этого обычая у руянъ подтверждаетъ Саксонъ Грамматикъ.

Съ руянскимъ Святовитомъ, если не по числу головъ, то по прическѣ, весьма сходенъ нашъ Перунъ. Несторъ, говоря о княженіи Владиміра, записалъ, что князь этотъ въ Кіевѣ «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебрену, а усъ златъ»... О бородѣ и волосахъ—ни слова!

Греческій историкъ Левъ Діаконъ увѣковѣчилъ намъ физіономію Святослава безъ бороды и съ подбритымъ чубомъ. О такомъ-же чубѣ у одного знатнаго чеха временъ Болеслава Грознаго говоритъ Козьма Пражскій. На миніатюрныхъ рисункахъ Вольфенбиттельской легенды и Вышеградскаго кодекса (XI столѣтія) древніе чехи представлены съ коротко подстриженными волосами, съ длинными усами и безъ бородъ. Мацѣевскій, сказать къ слову, упоминаетъ, что въ старинной Польшѣ одно время господствовала мода стричь бороду «почешски». Арабскіе историки свидѣтельствуетъ, что руссы обыкновенно брили другъ другу бороды, хотя встрѣчались между ними и бородачи. У насъ, во времена уже христіанскія, какъ равно и у поляковъ существовалъ обрядъ *пострижинъ*, который, хотя былъ освященъ церковью, но несомнѣнно представлялъ собою остатокъ языческой эпохи, когда бритье и стрижка входили не только въ обычаи, но и въ культъ религіозный.

Откуда же взялся у славянъ этотъ обычай, если не былъ плодомъ ихъ собственной изобрѣтательности?

Мы уже знаемъ, что у древнихъ греческихъ историковъ происхожденіе брадобритія приписано арабамъ. Вообще оно встрѣчается прежде всего у нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ, преимущественно фригійскаго идолопоклоненія, исповѣдывавшаго приношеніе волосъ въ жертву богамъ.

«Отъ того-же восточнаго источника ведутъ вѣроятно свое начало и постриги славянскія», говоритъ г. Гедеоновъ.

Несомнѣнно такъ, но это слишкомъ ужъ отдаленный и неопредѣленный источникъ. Другіе наши историки ищутъ его ближе.

У Ліутпранда есть такая подробность о древнихъ болгарахъ: «Bulgarorum nuntium, ungarico *more tonsum*»...

Это—прямое указаніе на заимствованіе древними болгарами обычая оголять голову у угровъ, т. е. гунновъ. Гунны-же, по словамъ Іорнанда и Амміана Марцеллина, росли и старѣлись безбородыми,

такъ какъ у нихъ существовало обыкновеніе дѣтямъ мужескаго пола, при ихъ рожденіи, нарѣзывать щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волосъ.

Г. Забѣлинъ, изслѣдуя начало Руси, въ своей «Исторіи русской жизни», и останавливаясь на этой чертѣ гунновъ, видитъ въ ней лишнее подтвержденіе своей остроумной теоріи, что гунны были собственно славянѣ.

«Обычай запорожцевъ брить бороды и даже головы, оставляя только завѣтную чуприну, видимъ, — говоритъ г. Забѣлинъ,—еще на портретѣ Святослава и узнаемъ, что болгары до перехода ихъ вождя Аспаруха за Дунай тоже жили у себя съ остриженными головами. Мы увидимъ вскорѣ, что, по свидѣтельству самаго же Іорнанда, эти самые болгаре были настоящіе, истинные унны. Такимъ образомъ Ам. Марцеллинъ говорилъ правду, что унны были бритые, безбородые: такимъ образомъ и наши *запорожцы суть прямые потомки этихъ унновъ*, если не по крови, то по обычаю и нраву. Кто, не смотря на нашествія степняковъ, успѣлъ отъ 10-го вѣка сохранить родные имена родныхъ пороговъ, тотъ мо́гъ сохранить и обычаи отцовъ, хотя бы они шли отъ самыхъ скиѳовъ Геродота».

(Замѣтимъ, между скобокъ, что, если рѣчь идетъ о сохраненіи обычая брить бороду, то ссылка на скиѳовъ Геродота не можетъ имѣть здѣсь мѣста, ибо они, сколько извѣстно, были бородатые).

Нѣсколько иначе истолковалъ эти извѣстія древнихъ хронографовъ, касающіяся занимающаго насъ вопроса, г. Иловайскій въ своихъ «Разысканіяхъ о началѣ Руси».

Прежде всего онъ оспариваетъ выше приведенное сказаніе Ліутпранда о заимствованіи болгарами стрижки у угровъ. Онъ утверждаетъ, что «оголенная кругомъ голова составляла древне-болгарскій обычай, какъ то доказываетъ Прокопій и Роспись болгарскихъ князей. Очень можетъ быть, — продолжаетъ г. Иловайскій,—что и *къ уграмъ этотъ обычай перешелъ отъ болгаръ*».

Прокопій же, говоря о болгарахъ въ византійскомъ циркѣ, описываетъ ихъ модный костюмъ и прическу такъ: «Главныя черты этой моды составляли оголенныя щеки и подбородокъ, подстриженная кругомъ голова съ пучкомъ волосъ на затылкѣ» и т. д.

Прокопій называетъ этихъ гостей Византіи, собственно, гуннами

или массагетами; но «извѣстно,—замѣчаетъ г. Иловайскій,—что и гунны и массагеты у него означаютъ именно болгаръ».

Что касается Росписи первыхъ болгарскихъ князей, то въ ней прямо сказано, что, пока они держали княженіе объ одну сторону Дуная, то «были съ остриженными головами».

«Такимъ образомъ,—говоритъ г. Иловайскій—бритый подбородокъ Святослава и его оголенная голова съ чубомъ, какъ оказывается, представляли черты общія съ древними болгарами; только русскіе князья долѣе болгарскихъ сохраняли старыя привычки». «Обратимъ вниманіе исторической этнографіи—продолжаетъ авторъ — на бритые болгарскіе подбородки. Развѣ это собственно гунская черта? Настоящіе гунны были безбороды, о чемъ имѣемъ прямое свидѣтельство Аммiана Марцеллина; только оно напрасно объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что имъ при самомъ рожденіи дѣлали на щекахъ какія-то нарѣзки. Истые *чудскіе народы*, еще не смѣшавшіеся съ арійцами, и въ наше время представляютъ тотъ-же почти безбородый типъ, не дѣлая никакихъ нарѣзовъ на щекахъ (Остяки, вогулы, самоѣды)».

Наконецъ, что касается отдаленнѣйшаго происхожденія брадобритія въ данномъ случаѣ, то, по мнѣнію г. Иловайскаго, оно не скиѳское, а сарматское.

И такъ, наши историки существенно расходятся въ рѣшеніи предложеннаго вопроса: по Забѣлину, оголеніе головы и подбородка былъ обычай несомнѣнно гуннскій, перешедшій потомъ къ метоморфозированнымъ гуннамъ—славянамъ и, между прочимъ, къ запорожцамъ; по Иловайскому—онъ былъ самобытнаго древне-болгарскаго происхожденія и отъ гунновъ перейти не могъ, потому что гунны, по природѣ, были безбородые.

Мы не беремся рѣшать, который изъ этихъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе, такъ какъ оба они представляютъ собою ничто иное, какъ въ равной степени остроумныя гипотезы, имѣющія почти одинаковые шансы правдоподобія. Самая-же истина остается здѣсь въ положеніи интересной незнакомки.

Есть еще по этому предмету гипотезы, по крайне ужъ поспѣшныя и наивныя въ научномъ отношеніи. Напр., нѣкоторые польскіе историки утверждаютъ, что у поляковъ обычай подбривать голову возникъ, будто-бы впервые уже въ позднѣйшія времена, въ подражаніе католическимъ монахамъ и въ честь принявшаго мо-

нашество короля Казиміра Ягеллона. Мацѣевскій говоритъ, что до Яна Альбрехта поляки носили длинные волосы и бороды, и очень ими занимались; но, «послѣ буковинскаго пораженія, когда многіе, повиснувъ длинными волосами на вѣтвяхъ деревьевъ въ тамошней (на мѣстѣ сраженія) дубравѣ, смерть изъ за этого обрѣли, польскіе рыцари стали коротко стричь волосы». Впрочемъ въ послѣдствіи поляки, очевидно подъ вліяніемъ западной моды, опять возвратились къ длиннымъ волосамъ и, напр., при Сигизмундѣ-Августѣ «творили съ ними разныя дива (dziwa)».

По Мацѣевскому, въ старину поляки носили бороды. «Яну Тенчинскому за убійство Платнера краковскіе горожане въ 1461 г. опалили волосы и бороду для опозоренія». Впрочемъ, у поляковъ господствовало обыкновеніе: для людей гражданскаго чина носить бороды, подстриженныя то «по чешски» то «по испански», а для рыцарей—брить бороды и отпускать одни усы, которые то приглаживались къ низу, то наеживались кверху. «Люди военные были того мнѣнія, что въ доспѣхахъ худо съ бородой, а люди цивильные говорили, что безъ бороды гадко».

Всѣ эти извѣстія безъ сомнѣнія цѣнны для исторіи бороды вообще, но они не прибавляютъ никакого свѣта къ рѣшенію вопроса, о первоначальномъ источникѣ брадобритія у славянъ, а еще затемняютъ его такими, напр., легендарными гипотезами, какъ сказанія Мацѣевскаго о чествованіи короля-монаха или о послѣдствіяхъ буковинской битвы.

Все, что разсказываетъ Мацѣевскій о прическѣ и бородѣ у поляковъ, относится, конечно, къ позднѣйшему времени, когда Польша приняла уже христіанство, пріобщилась къ европейской цивилизаціи и, въ лицѣ своей интеллигенціи, совершенно подчинилась европейскимъ обычаямъ и модамъ. Въ средневѣковой Польшѣ, какъ говоритъ Шайноха, шляхетское рыцарство во всемъ подражало западному. Такимъ образомъ, «во вниманіе къ стародавнему завѣту, воспрещавшему завитымъ кудрямъ доступъ въ костелъ, а также согласно съ обычаемъ образцоваго рыцарства, рыцарская шляхта, въ тѣ времена, по словамъ Шайнохи, подбривала или подстригала себѣ волосы надъ лбомъ, чтó въ послѣдствіи было отнесено до обстоятельствъ возвращенія въ Польшу Казиміра-монаха», и отнесено, хочетъ сказать талантливый историкъ, совершенно ошибочно, конечно.

Помимо польскихъ историковъ имѣются несомнѣнныя указанія, что старинная Польша была бритая. Мы ихъ находимъ даже въ нашихъ скудныхъ лѣтописяхъ. Такъ, по сказанію послѣднихъ, въ 1245 г. (т. е., когда Русь уже вслѣдствіе принятія христіанства, стала носить бороды), въ битвѣ при Ярославлѣ Волынскомъ Романовичей съ ляхами, сіи послѣдніе, прежде вступленія въ бой, по обычаю того времени, стали задирать противниковъ ругательствами и, между прочимъ, кричали:

— Погонимъ, погонимъ на *великія бороды*!

На что воины Романовичей отвѣчали ляхамъ въ духѣ христіанскаго смиренія:

— Вашъ глаголъ есть ложь. Богъ нашъ помощникъ!

Само собой разумѣется, что поляки въ данномъ случаѣ могли надругаться надъ «великими бородами» своихъ противниковъ только потому, что сами ихъ не имѣли и считали ихъ чѣмъ-то безобразнымъ и постыднымъ. Впослѣдствіи мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ антагонизмомъ великорусской бороды съ польскимъ и южнорусскимъ оголеннымъ подбородкомъ.

III.

Выходя изъ предположенія, что языческая Русь (по крайней мѣрѣ — кіевская), подобно другимъ славянамъ, была безбородая, намъ предлежитъ теперь объяснить, какимъ образомъ и въ силу какихъ побужденій она перешла къ обычаю отращиванія бороды и ея почитанію въ такой степени, что впослѣдствіи этотъ внѣшній физіономическій придатокъ дѣлается какъ-бы ея эмблемой— отличительнымъ клейнодомъ православія и знакомъ русской національности.

Это могло произойти только вслѣдствіе существованія въ космогеническихъ воззрѣніяхъ народа религіознаго отношенія къ во-

лосамъ, на что мы уже намекали. У всѣхъ древнихъ народовъ волосы, такъ или иначе, входили въ культъ поклоненія божеству, и главнымъ образомъ — какъ одинъ изъ предметовъ жертвоприношенія при погребеніяхъ. Замѣчательно при этомъ, что, въ большинствѣ случаевъ, народы, которые ростили бороды и длинные волосы и чтили ихъ, обрѣзывали и тѣ и другіе при обрядахъ, выражавшихъ скорбь и трауръ, и—наоборотъ—племена безбородыя и коротковолосыя въ подобныхъ же случаяхъ запускали, въ знакъ печали, волосы и на головѣ и на бородѣ. Это — если не общее правило, то явленіе весьма часто повторявшееся и объясняющееся самою логикой всякой жертвы, требующей отъ людей поступиться тѣмъ, именно, что для нихъ дорого, въ чемъ они видятъ свою красу и свое достоинство. Если находишь для себя украшеніе въ бородѣ—долой ее; если, напротивъ, гордишься гладкостью своего подбородка и брезгаешь бородой—отрости ее, ради смиренія и самоотверженія, въ угоду божеству, которое требуетъ и любитъ жертвы!

Новозеландцы вѣшаютъ пряди своихъ волосъ на деревьяхъ, растущихъ на кладбищахъ. Въ Малабарѣ колдунъ связываетъ волосы больнаго въ пучекъ и отрѣзываетъ для умилостивленія демона.

Древніе евреи, такъ высоко чтившіе, какъ мы знаемъ, свои «пейсы» и бороды, во время похоронныхъ обрядовъ дѣлали себѣ искусственную плѣшь и выстригали середину бороды. Сохранилось библейское извѣстіе, какъ «пришли изъ Сихема, Силома и Самаріи восемьдесятъ человѣкъ съ обритыми бородами и въ разодранныхъ одеждахъ, и израни въ себя, съ дарами и ливаномъ въ рукахъ для принесенія ихъ въ домъ Господень».

Точно такіе-же обряды, выражающіе скорбь и жертву божеству, соблюдаются и на востокѣ арабами, персами и нашими кавказскими инородцами не только магометанскаго, но отчасти и христіанскаго вѣроисповѣданія.

Разодраніе одежды и вырываніе волосъ—это, такъ сказать, классическій символъ скорби, находящій себѣ объясненіе въ натурѣ психологическихъ рефлексовъ.

У Гомера, Ахиллесъ, оплакивая Патрокла, «нечистымъ пепломъ» осыпалъ себѣ голову и— «въ прахѣ

Молча простерся, и *волосы рвалъ, безобразно терзая*».

Ксенофонтъ говоритъ образнымъ выраженіемъ, что греки «бо-

родами оплакивали мертвыхъ», т. е., отрѣзывали себѣ бороды въ знакъ траура. У Еврепида Електра упрекаетъ «лѣпокудрую» Елену за то, что она пощадила свои волосы при погребеніи того, кого она обязана была оплакивать. Александръ Македонскій, въ знакъ траура по Филонѣ, остригся самъ и приказалъ остричь волосы не только своей свитѣ, но и своимъ лошадямъ.

Въ Римѣ, въ то время, когда уже тамъ распространилось брадобритіе, трауръ выражался противуположнымъ дѣйствіемъ—отращиваніемъ волосъ. Ливій разсказываетъ, что римляне, въ печали по Манліѣ, запустили себѣ бороды.

Аналогичный обрядъ мы встрѣчаемъ и у славянъ. Бусбекъ и Герлахъ, путешествовавшіе по Сербіи въ XVI столѣтіи, говорятъ, что сербскія женщины, въ знакъ горя по покойникамъ, вѣшали на ихъ могильныхъ крестахъ свои волосы.

Въ Черногоріи въ то время какъ женщины, въ знакъ траура, отрѣзываютъ себѣ волосы и кладутъ ихъ въ могилу покойника, мужчины—наоборотъ—отращиваютъ ихъ. Вспомнимъ кстати, что въ старину наши опальные бояре, въ знакъ скорби, дѣлали то-же самое, т. е, не стригли волосъ на головѣ и распускали ихъ по лицу и плечамъ.

Затѣмъ, во всѣхъ почти культахъ мы встрѣчаемся съ посвященіемъ волосъ божеству непосредственно. Это дѣлалось, напр., при пострижинахъ, которыя существовали у грековъ и римлянъ. У тѣхъ и у другихъ отрѣзанные у юноши волосы посвящались богамъ. Такъ, Неронъ посвятилъ свои волосы Юпитеру. У Грековъ, дѣвушки передъ свадьбой обрѣзывали себѣ косы и посвящали ихъ богинямъ Гекергѣ и Ифиноѣ. Тезей посвятилъ свои волосы Аполлону Делосскому.

У насъ до сихъ поръ еще кое-гдѣ крестьяне собираютъ свои остриженные волосы, свертываютъ и затыкаютъ ихъ подъ стрѣху или въ тынъ изъ суевѣрнаго побужденія. Бросать или жечь остриженные волосы, по народному повѣрью, грѣшно и кто это сдѣлаетъ, тому причинится головная боль. На Руси волосы слывутъ «святыми», и нынѣ встрѣчаются суевѣры, которые берегутъ свои остриженные кудри, чтобы ихъ положили къ нимъ въ гробъ, когда они умрутъ. Они твердо убѣждены, что на томъ свѣтѣ Богъ потребуетъ отчета въ каждомъ волоскѣ.

Въ силу такого воззрѣнія, обиліе волосъ считается счастливой

примѣтой—видимымъ знакомъ благоволенія божества. У женщины «коса русая» — первая краса, знакъ чистоты и цѣломудренности, отсюда свадебный обрядъ, что женихъ долженъ купить косу невѣсты. Отрѣзываніе косы у дѣвушки—величайшій для нея позоръ или выраженіе ея злой доли. Въ одной старинной малорусской думѣ, дѣвушка, потерявшая невинность, подъ зеленымъ яворомъ, съ туркомъ, даетъ отрѣзать себѣ косу и требуетъ, чтобы ее отослали къ матери.

Въ космогеническихъ преданіяхъ о происхожденіи человѣка, у всѣхъ индо-европейскихъ племенъ, въ томъ числѣ и у славянъ, волосамъ придается божественное происхожденіе и они уподобляются то солнечнымъ лучамъ, то «шелковой» травѣ, льну «волокнистому» и «кудрявому» лѣсу. Извѣстно, что во всѣхъ почти мифологіяхъ солнцу дается эпитетъ *златокудраго*. Въ русскомъ народномъ эпосѣ оно уподоблено «дѣдушкѣ—золотой головушкѣ, серебряной бородушкѣ». Бѣлоруссы представляютъ себѣ Перуна съ длинной золотой бородою. Въ галицкой веснянкѣ вешнее солнце уподоблено «русой косѣ—дѣвоцькой красѣ».

Въ сербской пѣснѣ дѣвица хвалится:

«Моя ситна коса — зелена ливада...»

Въ малорусской пѣснѣ дѣвица сравниваетъ себя съ березой:

«Білая березонька — то я молоденька,
Шовковая трава — то моя русая коса....»

Въ пѣснѣ о Егоріи Храбромъ сказано, что у его сестеръ — «власы, какъ ковыль-трава». Отсюда у нашихъ русалокъ, лѣшихъ и водяныхъ *зеленые* волосы, травяныя бороды. Въ малорусской загадкѣ о камышѣ говорится: «стоитъ надъ водою, колыхае *бородою*».

До сихъ поръ въ народѣ существуетъ обычай «завивать Волосу (богу плодородія) бороду», т. е., во время жатвы оставлять на нивѣ связанный пукъ несрѣзанныхъ колосьевъ или, такъ называемый, «закрутъ». Въ честь этой «бороды» поются особыя пѣсни. Подъ вліяніемъ христіанства, въ народныхъ понятіяхъ Волосъ замѣнился, смотря по мѣстности, св. Власіемъ, Ильей пророкомъ, Николаемъ Чудотворцемъ и даже Христомъ, которымъ точно также «завиваютъ бороды» либо посвящаютъ колосья «на бороду».

Должно сознаться, что всѣ этого рода великорусскія преданія, носящія отпечатокъ далекой языческой старины, въ связи съ другими

соображеніями, бросаютъ тѣнь сомнѣнія на увѣренія историковъ, что въ ту эпоху *вся* Русь была безбородая и чубатая, по образу, напр., Святослава. Что такою была южная, кіевская Русь—это можно признать за достовѣрный фактъ, ибо она и по наши дни остается и безбородою и чубатою. Но какимъ образомъ могло случиться, чтобы племена сѣверной Руси, собственно великороссы, бывши безбородыми съ незапамятныхъ временъ, вдругъ, всею массою возлюбили бороды и стали ихъ отращивать? — Если объяснять это вліяніемъ византійскаго Православія, то, вѣдь, мы знаемъ, что вліяніе это прежде всего и съ наибольшимъ нажимомъ отразилось на южной Руси, на Кіевѣ; но отчего-же народная масса тамъ вовсе не приняла бороды втеченіе цѣлыхъ столѣтій? Даже если допустить равномѣрность вліянія христіанства и на сѣверѣ и на югѣ Руси, то и тогда остается совершенно необъяснимымъ такое глубокое различіе между тѣмъ и другимъ въ отношеніи къ данному обычаю. Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, предписаніе церкви отращивать волосы и бороды явилось на Руси не одновременно съ ея крещеніемъ, а гораздо позже. Въ первые-же годы принятія христіанства Русью, само духовенство православное стриглось. Слѣдовательно, вліяніе церкви въ данномъ вопросѣ должно само собой значительно умалиться въ нашихъ глазахъ. Притомъ, извѣстно, что великорусская народная масса (можетъ быть болѣе, чѣмъ въ другихъ славянскихъ странахъ) чрезвычайно крѣпка даже до сихъ поръ повѣрьямъ, преданіямъ и завѣтамъ отдаленной языческой старины, и еще не пережила того, извѣстнаго въ исторіи христіанства всѣхъ странъ, періода, который называется *двоевѣріемъ*. Уже это одно дѣлаетъ неправдоподобнымъ положеніе, чтобы народъ, столь ревниво оберегающій древне-языческій бытъ въ своей жизни, нерѣдко въ прямой разрѣзъ съ ученіемъ христіанства, совершенно забылъ-бы и окончательно разстался-бы съ одной изъ важнѣйшихъ подробностей этого быта, какъ бритье бороды, еслибы оно, точно, было въ нравахъ великороссовъ дохристіанской эпохи.

Все это заставляетъ насъ предположить, что сѣверные, великорусскіе славяне, какъ и нынѣ, носили и чтили бороды съ незапамятныхъ временъ, задолго до принятія христіанства. Съ принятіемъ-же послѣдняго случилось такъ, что ученіе церкви по этому предмету совпало съ народнымъ обычаемъ и освятило его, вслѣд-

ствіе чего борода еще болѣе утверждается въ правахъ гражданства и дѣлается символомъ одновременно и русской вѣры и русской національности.

Здѣсь намъ необходимо прослѣдить возникновеніе въ Восточной церкви, вообще, и въ русской, въ особенности, религіознаго культа бороды и волосъ, составившаго впослѣдствіи характеристическое отличіе ея отъ латинства.

Мы видѣли, что апостолъ Павелъ считалъ безчестіемъ для мущины рощеніе длинныхъ волосъ. Тѣмъ не менѣе, самъ онъ, какъ свидѣтельствуетъ библейская исторія, подчинился потомъ назорейскому обряду волосоращенія во славу Божію. Обрядъ этотъ и его логику одинъ изъ его новѣйшихъ защитниковъ оправдываетъ такъ.

«Еврейскій назорей былъ прообразомъ Іисуса Христа. Спаситель, соотвѣтствуя прообразованію, по чину назорейскому, не стригъ своихъ волосъ. Это доказываютъ самыя древнія его иконы, начиная отъ нерукотвореннаго образа. Понятно, что служителямъ вѣры Христовой естественно было подражать Спасителю не только въ духовной жизни, но и во внѣшности. Отсюда-то и явился обычай носить длинные волосы, какъ принадлежащими къ клиру, такъ подвижниками и монахами».

Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ было въ дѣйствительности въ первыя времена христіанства. На самомъ дѣлѣ въ тѣ времена христіанскіе священнослужители въ точности слѣдовали наставленію апостола Павла, внушенному отвращеніемъ къ эллинской «прелести».

Древніе христіанскіе клирики стриглись «по той простой причинѣ, — говоритъ компетентный авторъ «Исторіи русской церкви», г. Е. Голубинскій,—что по взглядамъ грековъ подстриженные волосы были признакомъ простоты и скромности, а напротивъ длинные волосы считались у нихъ за весьма предосудительныя, съ христіанской нравственной точки зрѣнія, изысканность и щегольство».

И г. Голубинскій, подобно вышецитированному автору, подкрѣпляетъ себя ссылкой на памятники древней иконографіи, «и не только древней, но даже поздней, и не только поздней, но даже и настоящаго времени, ибо,—говоритъ онъ,—и въ настоящее время пишутъ у насъ древнихъ святителей съ короткими или подстриженными волосами».

Въ этомъ-же смыслѣ высказывались и отцы церкви и первые соборы.

Блаженный Іеронимъ, толкуя Іезекіиля, говоритъ: «мы не должны *отращивать слишкомъ волосъ*, подобно дикимъ и воинственнымъ народамъ, а имѣть благообразный видъ священниковъ; не должны *стричь голову до гола*, или такъ, чтобы казаться бритыми, но отращивать волосы столько, чтобы *закрыть кожу*». Въ 21 правилѣ шестого вселенскаго собора сказано: «Если извергнутые клирики снова принимаются въ клиръ, да *стригутся по образу клира*».

Тотъ-же соборъ, 42-мъ правиломъ опредѣлилъ для скитающихся «безславно» пустынниковъ: «аще восхотятъ, *постригши власы*, пріяти образъ прочихъ монашествующихъ, то опредѣляти ихъ въ монастырь и причисляти къ братіямъ. Аще же не пожелаютъ сего, то совсѣмъ изгоняти».

На этомъ основаніи, по исчисленію историковъ, первые шесть вѣковъ христіанства, исповѣдующіе его, какъ клирики, такъ и міряне, стригли волосы. Стрижка эта производилась особеннымъ образомъ. Волосы подрѣзывали въ кружокъ, а посрединѣ головы, на макушкѣ, выстригали гладко, такъ называемое у насъ и по сіе время практикуемое нѣкоторыми старообрядцами, «гуменце»—corona capitis, по термину латинскихъ канонистовъ. «Гуменце»—это, по опредѣленію одного духовнаго писателя, было величиною въ пятакъ, *) и вся прическа имѣла видъ вѣнца, въ уподобленіе терновому вѣнцу Христа, что, сказать къ слову, повело къ ношенію на головѣ скуфьи, пріобрѣвшей впослѣдствіи тоже значеніе каноническое.

Борода точно также не была у древнихъ христіанъ въ особливомъ почетѣ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ носили ее, но въ большинствѣ случаевъ она сбривалась. Въ «Евхологіонѣ» Гоара записаны двѣ молитвы, которыми греческая церковь благословляла своихъ чадъ на брадобритіе. Г. Буслаевъ указываетъ на цѣлый рядъ древнихъ миніатюръ, въ которыхъ самъ Христосъ изображенъ

---

*) Кажется, впрочемъ, у русскихъ это простриженное мѣсто было гораздо больше. Въ предписаніи московскаго собора 1674 г. сказано, что духовныя лица должны «на главахъ имѣти прострижено зовемое гуменцо *немало*». Народъ сложилъ пословицу по этому-же предмету: «Не грози попу плѣшью, у него плѣшь *съ лопату*.»

безбородымъ юношею. «Во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ», до времени патріарха Фотія, то есть до IX вѣка, никто на брадобритіе духовныхъ лицъ не обращаетъ вниманія, да и самъ Фотій какъ-бы мимоходомъ касается этой незначительной разницы Восточной церкви отъ Западной».

Какимъ-же образомъ произошла эта разница? Когда и на какихъ основаніяхъ возникъ въ Восточной церкви и утвердился культъ бороды и длинныхъ волосъ? — Исторія на это не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Одни говорятъ—слишкомъ ужъ гадательно,— что обычай этотъ является со времени столкновенія греко-римскаго міра съ галло-германскимъ, у котораго первый заимствовалъ, будто-бы, моду носить бороды и длинные волосы, и этимъ «увлеченіемъ» заразились, будто-бы, и первые христіане. Нѣсколько болѣе правдоподобно другое объясненіе. Извѣстно, что греческіе схимники и пустынножители (но не монахи) запускали длинные волосы и бороды—«въ противоположность франтамъ и въ противоположномъ смыслѣ», по темному толкованію г. Голубинскаго,—темному потому, что тотъ-же авторъ нѣсколькими строками выше утверждаетъ, что греческіе христіане и стриглись, именно, «въ противоположность франтамъ». Это—противорѣчіе.

Но такъ или иначе, по толкованію другаго церковнаго историка, когда въ Византіи «монашество духовно оскудѣло, въ епископы стали избирать длинноволосыхъ пустынниковъ, изгнанныхъ изъ градовъ 6-мъ вселенскимъ соборомъ. Эти длинноволосые епископы—пустынники наконецъ завладѣли всѣми епископскими каѳедрами Востока и заставили не только монаховъ, но и бѣлое духовенство принять ихъ волосатый образъ».

Объясненіе это также не изъ разряда убѣдительныхъ, но мы не станемъ здѣсь искать болѣе основательнаго, такъ какъ вопросъ этотъ не имѣетъ большой важности для нашей задачи. Для насъ довольно знать, что съ X-го вѣка въ Восточной церкви вводится обычай волосоращенія, чѣмъ она начинаетъ отличаться отъ Западной и изъ за чего между ними возникаетъ длинная схоластическая полемика, которая сводилась, въ сущности, къ безплодному пререкательству. На основаніи текстовъ одного и того-же источника, греки въ брадобритіи видѣли іудейство и эллински-языческое женоподобіе; тоже самое іудейство и женоподобіе видѣли и латиняне въ отращиваніи волосъ греками.

И тѣ и другіе окончательно утвердились въ своихъ воззрѣніяхъ, не успѣвъ переспорить другъ друга.

Такимъ образомъ, и Русь, принявъ отъ грековъ христіанство, приняла потомъ обязательно и усвоенный ими культъ бороды и длинныхъ волосъ. Впрочемъ, въ первыя времена послѣ крещенія русское духовенство не исповѣдывало этого культа и стригло волосы, потому что тогда у самихъ грековъ культъ этотъ еще не утвердился.

Что касается вопроса, «когда вывелось у насъ подстриженіе волосъ, то,—говоритъ г. Голубинскій,—положительно сказать пока не можемъ, но съ увѣренностью думаемъ, что не во времена еще Кіевскія или домонгольскія, а во времена уже Московскія; остриженіе-же или выстриженіе верха головы (гуменце) оставалось, сколько мы знаемъ въ настоящее время, никакъ не менѣе, какъ до начала XVIII в.». Почтенный историкъ ссылается, между прочимъ, на одно постановленіе, состоявшееся въ Псковѣ въ 1504 г. о вдовыхъ священникахъ, изобличенныхъ въ нечистой жизни, гдѣ сказано, что «жити имъ въ міру кромѣ церкви и верхъ тѣмъ *власы растити* и одежда имъ носити мірская». Ясно, что еслибы священники носили длинные волосы, то, съ лишеніемъ сана, имъ предписывалось-бы не «растити власы», а напротивъ — остригать ихъ, какъ это дѣлается теперь при «разстриженіи».

Замѣтимъ, мимоходомъ, что ношеніе длинныхъ волосъ духовенствомъ на Руси приписывается старовѣрческой литературой патріарху Никону, котораго она упрекаетъ за его любовь къ пышнымъ, распущеннымъ и вьющимся волосамъ и широкимъ «воскриліямъ» въ одеждѣ...

IV.

Санкціонированная церковью и передъ тѣмъ задолго, вѣроятно, освященная народной привычкой, борода упрочилась въ московской Руси и сдѣлалась однимъ изъ ея коренныхъ обычаевъ и завѣтныхъ символовъ. Впослѣдствіи она испытала весьма превратную судьбу и играла немаловажную, нерѣдко трагическую роль въ исторіи государственной и народной жизни.

«Сколько несчастныхъ жертвъ пало, — говоритъ г. Есиповъ,— подъ мечемъ закона петровскаго о бритіи бородъ, о ношеніи нѣмецкаго платья, сколько истязаній вытерпѣли до временъ Елизаветы русскіе люди, сколько заплатили денегъ взяточникамъ, а русская борода и русскій кафтанъ съ лица русской земли не исчезли»...

«Съ бородой, — по замѣчанію другаго изслѣдователя,—связано все, чѣмъ не радостна была жизнь народа: борода — это двойной подушный окладъ, ношеніе указнаго платья, преслѣдованіе, разореніе, острогъ»...

Но эти превратности, сопутствовавшія бородѣ, относятся уже ко временамъ позднѣйшимъ. Обратимся сперва къ старинѣ.

Московская церковь и складывавшіяся подъ ея вліяніемъ народныя понятія выработали самостоятельную теорію и апологію бороды, хотя, конечно, съ византійскимъ оттѣнкомъ, такъ какъ самое освященіе бороды пришло къ намъ изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Такъ истолковывались тексты Библіи и Евангелія. Никифоръ, митрополитъ кіевскій, въ наставленіи Владиміру Мономаху пишетъ: «постригати брады своя и головы бритвою еже есть отречено отъ Моисеева закона и Евангелія».

На основаніи этой теоріи, художественный идеалъ христіанина— мужа представлялся съ бородою. Такъ слѣдовало по преданію о физіономическихъ примѣтахъ древне-библейскихъ пророковъ, Христа и первыхъ апостоловъ.

Такъ выходило, наконецъ, по духу христіанскаго аскетизма, отрицавшаго юношескую плѣнительность формъ, какъ соблазнъ. Идеальный христіанинъ, презрѣвшій міръ и плоть и весь сосредоточенный на душеспасеніи, представлялся зрѣлымъ, серьезнымъ мужемъ, а еще предпочтительнѣе—старцемъ, изможденнымъ по-

стомъ и «трудомъ» во Христѣ. По этой же причинѣ, а также на томъ основаніи, что такой святой сподвижникъ не можетъ и не долженъ заниматься украшеніемъ своей внѣшности, онъ изображался не иначе, какъ съ бородою. Мало того, борода сдѣлалась какъ бы символомъ человѣческой красоты, а отсутствіе ея—безобразіемъ.

Въ древней рукописной псалтыри 1660 г., г. Буслаевъ нашелъ, при псалмѣ 91-мъ, въ поясненіе стиха: «Праведникъ яко феникс процвѣтетъ», миніатюрное изображеніе нагаго пустынника съ длинной бородой до пятокъ, которою художникъ и выразилъ идею духовной красы и «процвѣтанія».

Максимъ Грекъ въ посланіи о бородѣ къ царю Ивану Васильевичу, говоря о красотѣ мужскаго тѣла, замѣчаетъ, что «усъ и брада предобрѣйше умышлена бывша премудрѣйшимъ мудрецомъ Богомъ не точію къ разпнанію женскаго полу и мужскаго, но еще и къ честновидному благолѣпію лицъ нашихъ, кто здравъ умомъ сый и Богу во всемъ тщася благоугодити, возненавидитъ когда и бритвою изгладити видепія своего дарованное ему лице сицево отъ содѣтеля честнообразное украшеніе, и наипаче слыша владыку, крепце Моисеемъ повелѣвающаго людемъ израилевымъ: не отсецети брады ваша! еже есть не обрѣйте ниже сотворите сисопъ на главахъ вашихъ якоже языцы, аще же проклятіи уклоняющіеся отъ заповѣдей Божіихъ, якоже слышимъ во священномъ пѣснопѣніи тіи же клятвѣ подлежатъ и истребляющія бритвою брады своя противящеся безума заповѣди Божіи»...

Въ подтвержденіе своихъ словъ Максимъ разсказываетъ, слышанный имъ, будто-бы, отъ самовидца случай, гдѣ какіе-то шалуны, увидѣвъ у козла «браду зѣло доброродну», обрѣзали ее, и— «той не стерпѣвъ сицевы досады самого себѣ убилъ до смерти, бія безъ милости главу свою къ земли; уразумѣемъ, — заключаетъ авторъ *),—коль честно и любезно есть бородное украшеніе и безсловесну животну, азъ же словѣсенъ сый гнушаюся ея» (упрекъ, конечно брадобрѣйцамъ)...

Сказать къ слову, въ вопросѣ о бородѣ наши старинные книжники нерѣдко ссылались на козла.

Такъ, въ апокрифической «Бесѣдѣ трехъ святителей» есть такая зоологическая загадка.

---

*) Этотъ анекдотъ цитировалъ впослѣдствіи изъ посланія Грека патріархъ Адріанъ, въ подкрѣпленіе своей проповѣди противъ брадобритія.

Вопросъ: Кто родился прежде Адама съ бородою?

Отвѣтъ: Козелъ.

«Богъ всеблагій,—говоритъ патріархъ Адріанъ въ своемъ «окружномъ посланіи» о бородѣ,—мудростію своею созда человѣка по образу своему и по подобію, украсивъ его внѣшнею всякою добротою... Мужа и жену сотвори, положивъ разнство видное между ими, яко знаменіе нѣкое: мужу убо *благолѣпіе*, яко начальнику—*браду израсти*, женѣ-же, яко несовершеннѣй, но подначальнѣй, онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчиненна, зряща мужа своего красоту, себя же лишону тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна».

Извѣстенъ презрительный взглядъ на женщину, какъ на «нечистое» существо, исходившій изъ аскетическаго ученія.

Въ силу такихъ воззрѣній на человѣческое «благолѣпіе», въ нашей иконописи, заимствовавшей для себя образцы изъ Византіи и рабски имъ слѣдовавшей, лики святыхъ, какъ извѣстно, въ огромномъ большинствѣ—бородатые и чаще всего — старческіе. Наоборотъ, лица демоновъ весьма нерѣдко изображались безбородыми, какъ-бы для усугубленія ихъ отверженности и безобразія.

Въ византійской церковной литературѣ издревле существовали описанія иконописнаго подобія святыхъ (изографы), вошедшія въ «Прологи» и «Четьи-Минеи». Эти описанія перешли къ намъ цѣликомъ, въ переводѣ, и до сихъ поръ, въ различныхъ редакціяхъ, служатъ руководствомъ для русскихъ иконописцевъ. Въ нихъ на бороды «богоносныхъ отцовъ» обращено особенное вниманіе. Цвѣтомъ, степенью густоты и очертаніемъ бороды и волосъ, главнымъ образомъ, характеризуется физіономія каждаго святаго. Такъ, напр.:

Николай чудотворецъ — «сѣдъ, брада не величка, курчевата; взглызлъ, плѣшатъ, на плѣши мало кудерцовъ».

Кириллъ Іерусалимскій—«видѣніемъ смиренъ, блѣдъ, убѣлизнь, лѣпъ лицомъ; брови прямо и черны, брада о челюстехъ, бѣла и густа и разсоховата».

Федоръ Стратилатъ —«брада не велика, мало терховата, космачками».

Владиміръ великій—«брада сѣда, сохаста, космачки малы, густа, усъ великъ» и т. д.

Точно также и въ дѣйствительности типомъ и очертаніемъ бороды характеризуется внѣшняя физіономія человѣка — ея отличи-

тельная примѣта. Для этого, въ сильномъ образностью народномъ языкѣ выработаны мѣткія опредѣленія господствующихъ типовъ бороды: «борода *клиномъ*», «борода *лопатой*», «борода *козлиная*», «борода *мочальная*» и т. под.

Церковно-художественное воззрѣніе на бороду, мало-по-малу, проникало въ понятія русскаго общества и дѣлалось обязательнымъ по отношенію къ каждому благовѣрному христіанину. Естественно было, подражая, изъ ревности къ вѣрѣ, жизни и подвигамъ святыхъ, уподобляться имъ и съ внѣшней стороны. Требованіе это, кромѣ того, совпало съ древнимъ народнымъ обычаемъ, такъ какъ на сѣверѣ Россіи искони носили бороду, по вышесказанному нами предположенію. Вслѣдствіе этого, борода дѣлается на Руси національнымъ отличіемъ, символомъ русской народности и православія, связывается съ уваженіемъ къ «старинѣ» и завѣтнымъ преданіямъ. Въ этомъ древній русскій человѣкъ укрѣплялся, благодаря, съ одной стороны, враждебнымъ столкновеніямъ съ латинянами, а съ другой, усердной проповѣди духовенства противъ брадобритія.

Латиняне-поляки не носили бородъ. Воюя съ ними, русскіе люди не могли не придти къ составленію понятія, что брадобритіе есть признакъ ненавистнаго латинства, какъ борода — признакъ истинной вѣры, православія. Въ «Спискѣ отступленій и винъ латинянъ», составленномъ въ концѣ XI столѣтія, кіевскимъ митрополитомъ Георгіемъ, пунктъ 2-й гласитъ: «Постригаютъ бороды бритвою, еже есть отсѣчено отъ Моѵсеева закона и отъ евангельска». Грозный, въ извѣстномъ спорѣ своемъ съ Поссевиномъ, укорялъ его и всѣхъ католиковъ за то, что у нихъ бороды «подсѣчены», тогда какъ, по православному ученію, «бороды подсѣкать и подбривать не велѣно и не попу и не мірскимъ людямъ»,—говорилъ царь. Максимъ Грекъ, осуждая за то-же латинянъ и римскаго папу, опровергаетъ ихъ обычай замѣчательно остроумнымъ силлогизмомъ. «Вопрошаемые латыне,—говоритъ онъ,—чесо ради брѣются, глаголютъ, яко тщеславіе суетно притворяетъ еже браду пущати и аще есть отъ тщеславія согрѣшенія избывающе сего ради брѣютъ брады своя». Если такъ, — возражаетъ Максимъ,—то для той же цѣли «множае паче подобаше имъ (латинянамъ) отрѣзати дѣтородные уды» и прочіе члены, «разжизающіе ко студнымъ блуженіямъ»; «но не уды тѣлесъ нашихъ,—продол-

жаетъ онъ,—отсещи намъ Спасъ велитъ, но лукавыя похоти душъ нашихъ». Отсюда, ясно, что и искорененіе тщеславія не можетъ быть достигнуто брадобритіемъ.

Въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ, въ обращеніи къ зрителю иконы страшнаго суда, говорится: «Видите, праведныя, въ деснѣй странѣ Христа стоящи, вси имущи брады; на шуей-же стоящіи бесермены и еретики, лютеры и поляки и иные подобные имъ брадобритвенники, точію имущіи едины усы, яко имутъ котки и псы!»

Съ необыкновенной энергіей ратовавшій противъ брадобритія, патріархъ Адріанъ въ своей грамотѣ приводитъ такой поучительный примѣръ, въ подтвержденіе мысли о богоугодности бороды. Разъ царю Ираклію въ Египтѣ, «на посрамленіе бритія брады его показа Богъ: явишася въ Нилѣ рѣцѣ два животна. Единъ мужъ съ веліею брадою показася, даже до пупа, другое жена показася до сосецъ и стояху десять часовъ дондеже вся людіе видяше», ради убѣжденія въ необходимости мужамъ носить бороду. Того-же Ираклія, «иже бывъ православенъ», впалъ въ маноѳелитову ересь, Богъ за брадобритіе наказалъ «страшно сицѣ: егда имяше урину пущати, обращашеся удъ его водопустный и с.... на лицѣ его, и тако умре».

Вообще, духовенство очень усердно поддерживало въ народѣ такое понятіе о бородѣ и брадобритіи и очень часто въ своихъ проповѣдяхъ гремѣло противъ послѣдняго, какъ противъ «еретическаго и злодѣйскаго знаменія», котораго слѣдуетъ гнушаться «яко нѣкія мерзости» и, просто, яко «смертнаго грѣха».

Когда въ Москвѣ, подъ вліяніемъ сношеній съ латинянами, стали было являться между боярами модники, рѣшавшіеся брить бороды, духовенство вооружилось противъ этого нововведенія всѣми карами неба. Мода эта, какъ свидѣтельствуетъ Адріанъ, проникла на Русь въ началѣ XVII столѣтія, во время нашествія «польскихъ и литовскихъ людей», отъ которыхъ «нѣцыи наши, мѣшающеся съ ними, начаша младоумніи подражавати еретическимъ сицевое чужестранное злообычество брадобритія»... Впрочемъ, гораздо раньше въ этомъ грѣхѣ провинился даже великій князь Василій Ивановичъ: женившись на Еленѣ Глинской, онъ сбрилъ бороду, желая казаться моложе. Борисъ Годуновъ также былъ на сторонѣ брадобритія, не взирая на то, что патріархъ Іовъ, по словамъ лѣтописца, видя такія «семена лукавствія, сѣемыя въ винноградѣ Христовомъ,» «ниву ту недобрую обливалъ слезами.»

Противъ этой-то «злообычной» моды и возстало духовенство, а съ нимъ и поклонники старины.

«Проклинаю,—изрекъ митрополитъ Филаретъ на соборѣ,—богоненавидимую блуднаго образа прелесть душегубительныя помраченныя ереси еже стрищи или брити брады постризалы и бритвами иже своими зубы власы брады своея и усы укусываютъ самоядцемъ подобящеся!».

«О, веліе зло! вопіялъ Адріанъ:—человѣцы, созданные по образу божію, измѣниша доброту зданія его, и зракъ свой мужскій обругаша, уподобляющеся женамъ блудовиднымъ или, паче рещи—подобящеся безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ или псомъ и подобнымъ имъ: тіи убо усы простерты имутъ, брадъ-же не имутъ. Такъ и человѣцы младоумніи, или паче свойственнѣе рещи, безумніи, измѣнивша образъ мужа богозданный, бывающе псообразни»...

Съ тою-же суровой нетерпимостью относились къ брадобритію и другіе ревнители православія. Такъ, митрополитъ Даніилъ, въ своемъ замѣчательномъ «словѣ» противъ мірскихъ грѣховныхъ утѣхъ, корилъ брадобрѣйцу такими ѣдкими словами:

«По обычаю блудницъ, ты уставилъ себѣ такой нравъ: волосы свои не только бритвою и даже съ тѣломъ обрѣзаешь, но и щипцемъ изъ корня исторгаешь. Женщинамъ, что-ли, ты завидуешь и мужское лицо въ женское стараешься пребразить?... О, помраченіе сластей плотскихъ!»

Наконецъ, въ «Стоглавѣ», въ 40-й главѣ «о стриженіи брады», церковь окончательно высказалась противъ брадобритія и, такъ сказать, формулировала свой взглядъ на этотъ предметъ въ положительный законъ.

Указавъ на то, что «священныя правила» возбраняютъ православнымъ христіанамъ брить и подстригать бороду и усы, что брадобритіе—«мерзость есть предъ Богомъ», заведенная еретикомъ Константиномъ царемъ Ковалиномъ, «Стоглавъ» грозитъ нарушающимъ это правило ненавистью Божіей и, ссылаясь на апостоловъ, говоритъ: «Аще кто браду брѣетъ и преставится тако, не достоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша».

И дѣйствительно, нетерпимость къ брадобритію доходила иногда

и на практикѣ до такого суроваго лишенія правъ церковной благодати. Находились среди духовенства ревнители, буквально примѣнявшіе къ брадобрѣйцамъ «апостольскія» правила.

Извѣстный протопопъ Аввакумъ разсказываетъ въ своемъ «житіи» о такомъ, именно, подвигѣ, имъ лично совершенномъ.

Какъ-то бояринъ В. П. Шереметьевъ, «плывучи Волгою въ Казань на воеводство», призвалъ Аввакума къ себѣ на судно и приказалъ благословить сына своего Матвѣя—«брадобрійцу».

— Азъ-же, повѣствуетъ протопопъ, не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя блудоносный образъ. Бояринъ-же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу...

Бросить въ Волгу ревностнаго протопопа—не бросили, но бока ему помяли порядочно.

При Алексѣѣ Михайловичѣ гоненіе противъ брадобритія дошло до своего крайняго предѣла. Въ дѣло вмѣшалась правительственная власть и возвела бритье бороды, попросту, въ уголовное преступленіе.

Въ царской грамотѣ 1649 г. шуйскому воеводѣ Змееву сказано, что царю «учинилося вѣдомо», что, въ числѣ другихъ погрѣшностей, «многіе люди, ереси послѣдующе, бороды брѣютъ». На этомъ основаніи, государь приказывалъ повсемѣстно «прокликати бирючемъ по многіе дни», чтобъ люди всякаго чину бородъ не брили, а кто не послушаетъ, тѣмъ быть «въ великой опалѣ и жестокомъ наказаньѣ».

Въ 1675 г. былъ изданъ другой именной указъ, который угрожалъ царскою опалою всѣмъ вольнодумцамъ, которые позволятъ себѣ бриться и стричь волосы. Опала въ тѣ времена было дѣло не шуточное: подвергавшемуся ей представлялись въ возможности батоги, даже кнутъ и ссылка...

V.

А въ то время, какъ противъ брадобритія возставали съ такой суровостью церковь, государство, «вольные» блюстители старины и православія, борода входила все въ большій почетъ, дѣлалась предметомъ красы и гордости, ее холили и всячески охраняли отъ малѣйшаго ущерба.

Про князя Константина Острожскаго очевидецъ разсказываетъ, что онъ такимъ, напр., образомъ имѣлъ обыкновеніе содержать свою роскошную бороду: когда князь сидѣлъ, то борода его, простиравшаяся до земли, лежала на колѣняхъ—«на колѣняхъ-же постланъ бѣ платъ, на немъ-же лежаще брада его»... Можно поэтому судить, что уходъ за своей бородой былъ для князя не послѣднимъ занятіемъ.

И гораздо позднѣе встрѣчаемся съ примѣрами такого заботливаго отращиванія бороды и ухаживанія за нею, на удивленіе окружающихъ. Добрынинъ описываетъ одного современнаго ему стародубскаго протопопа, который имѣлъ «столь необычайнаго калибра бороду» что она списана была въ Сѣвскѣ, по приказанію архіерейскому, домовымъ живописцемъ. «Примѣчанія достойно,—говорилъ при этомъ архіерей,—что гдѣ сія борода не показывалась, вездѣ ее за рѣдкость списывали.» Борода эта была необычайно длинная, «оканчивавшаяся тамъ, по остромному описанію Добрынина, гдѣ природа раздѣляетъ человѣка на двѣ равныя развалины», поэтому на портретахъ протопопа, писавшихся по поясъ, «никому не удавалось видѣть конца бороды».

Конечно, въ тѣ времена смотрѣли на такой богатый даръ природы больше, какъ на курьезъ, но въ старину подобная борода служила какъ-бы патентомъ на почетъ и уваженіе.

Олеарій, описывая московскихъ бояръ XVII столѣтія, свидѣтельствуетъ, что ихъ сановитость и важность соизмѣрялись отчасти длиною и пышностью ихъ бородъ. «Тѣ изъ нихъ, говоритъ онъ, которые имѣютъ большую бороду и толстое брюхо, пользуются большимъ уваженіемъ. Его царское величество выставляетъ такихъ людей на торжественныхъ аудіенціяхъ, думая этимъ вселить въ иноземцахъ большее къ своей особѣ уваженіе».

Позднѣе, другой иноземный писатель Фокеродъ, описывая ста-

ринный московскій бытъ, говоритъ, что если кто изъ бояръ и духовныхъ «умѣлъ составить себѣ репутацію человѣка строгой жизни и былъ одаренъ окладистою бородою, то онъ уже считался замѣчательною личностью».

Да и не ради иноземцевъ, а просто для престижа, во всѣхъ церемоніяхъ при царскомъ дворцѣ соблюдалась эта выставка породистыхъ бородачей-бояръ. Кошихинъ, описывая боярскую думу и тотъ мѣстническій порядокъ, въ какомъ засѣдали ея члены, говоритъ, что, при обсужденіи дѣлъ, «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ»...

Точно также, неимѣніе бороды или ея бритье считались, въ данномъ случаѣ, недостаткомъ, если не позоромъ. Извѣстно, что въ числѣ пунктовъ обвиненія Дмитрія Самозванца москвичами было и то, что онъ стригъ и чесалъ волосы по польски и не носилъ бороды.

Это-же свидѣтельствуетъ Веберъ, говоря, что русское духовенство чествуетъ бороду и «послѣ жизни считаетъ ее дороже всего.»

Въ московской Руси борода величалась «честною» и пользовалась правомъ неприкосновенности, какъ своего рода святыня, и по обычаю, и по закону.

Когда царевна Софья интриговала противъ Петра и его сторонниковъ, то ея клевреты, возмущая стрѣльцовъ, разсѣевали среди нихъ, между прочимъ, слухъ, будто Иванъ Нарышкинъ таскаетъ старыхъ бояръ за бороды. Слухъ былъ пущенъ въ вѣрномъ разсчетѣ, что онъ окончательно вооружитъ стрѣльцовъ противъ мнимаго нарушителя святости бороды, какъ это потомъ и случилось.

До какой степени въ великорусскомъ народѣ, въ старину, укоренилось уваженіе къ бородѣ можетъ свидѣтельствовать еще слѣдующій чрезвычайно любопытный фактъ, который мы извлекли изъ «Примѣчаній» къ «Спб. Вѣдомостямъ», за 1741 годъ.

Въ 1739 г. была привезена въ академію наукъ изъ московской губерніи «мужицкая жена» Аксинья Иванова, 45 лѣтъ, какъ замѣчательный раритетъ. У нея съ двадцатилѣтняго возраста стала рости мужская борода, съ усами, и достигла 4—5 дюймовъ длины. Въ академіи съ нея списали «живописнымъ художествомъ» портретъ; но дѣло не въ этомъ. Для насъ интересно одно показаніе Аксиньи. По ея словамъ, какъ они записаны въ «Примѣчаніяхъ»,

она «росту своихъ волосъ не противилась, и какъ стриженіемъ, такъ и вырываніемъ препятствовать оному не хотѣла, но *за грѣхъ сіе почитала.* А и мужъ ее того дѣлать ей не совѣтовалъ».

Такія разсужденія могли возникнуть только вслѣдствіе поклоненія бородѣ, какъ дару Божьему.

«Борода,—говоритъ одинъ иностранный писатель уже петровскихъ временъ,—имѣла многихъ упорныхъ защитниковъ, въ особенности между простолюдинами, которые вообразили, что подобіе Божіе оскорбляется, когда человѣка лишаютъ этого украшенія, почему многіе готовы были лучше класть голову на плаху, чѣмъ лишиться бороды».

Олеарій разсказываетъ о весьма странномъ способѣ эксплоатаціи этого брадолюбія, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ и практиковавшемся вѣроятно «лихими» людьми. За восемь дней до Рождества Христова и передъ Крещеніемъ по московскимъ улицамъ бѣгали, такъ называвшіеся, «халдеи», съ особеннаго рода огнемъ, сдѣланнымъ изъ пороха, и приставали къ прохожимъ, преимущественно къ простолюдинамъ, въ намѣреніи поджечь имъ бороды, и тѣмъ вынуждали платить выкупъ — копѣйку. Кто не могъ или не хотѣлъ откупиться—платился бородою. Этотъ дикій обычай обозначалъ собою разжиганіе Вавилонской печи служителями Навуходоносора, слѣдовательно, имѣлъ религіозно-мистическій смыслъ.

Въ старину «плюнуть въ бороду» считалось величайшимъ безчестіемъ, а прикосновеніе къ ней съ враждебнымъ умысломъ составляло уже просто уголовное преступленіе.

Это велось издревле; уже въ Русской Правдѣ полагалась за вырванный клокъ бороды пеня 12—гривенъ, тогда какъ за отсѣченный на рукѣ палецъ—всего 3 гривны.

«А кто порветъ бороду,—сказано въ Правдѣ,—а въньметъ знаменпе, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а въ поклепѣ, то нѣту продажи» (II, § 60).

Въ Номоканонѣ Ярославовомъ, такъ называемомъ «Церковномъ Уставѣ», параграфъ 32-й гласитъ: «Аще пострижетъ кто кому главу или бороду—митрополиту 12 гривенъ, а князь казнитъ» (въ Переяславскомъ спискѣ «три гривны»).

Въ псковской судной граматѣ XIV столѣтія есть также статья о бородѣ, которая говоритъ, что если «кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати и би-

тися на полѣ; а послухъ изможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за бой, а послуху быти одному».

Точно такое-же постановленіе относительно бороды встрѣчаемъ и въ новгородской «записи» о церковномъ судѣ 1477 года, а равно и въ другихъ юридическихъ памятникахъ древней Руси.

Значитъ, обида, по тогдашнимъ юридическимъ обычаямъ, рѣшалась поединкомъ и платой пени. По тому времени, два рубля были деньги не малыя, а если, кромѣ того, приходилось, за оскорбленіе бороды, платиться еще боками, то само собой составлется понятіе о высокой привиллегированности бороды въ древней Руси.

Исходя изъ такого взгляда на бороду, лишеніе ея или обезображеніе считались одной изъ жестокихъ мѣръ наказанія и, въ этомъ смыслѣ, нерѣдко практиковались предержащими властями. Сама церковь истолковывала остриженіе бороды, какъ «наруганіе и казнь». Проповѣдники ссылались въ этомъ случаѣ на греческаго царя Іустина, который «магистра, обидѣвшаго вдову, повелѣ, обнажа одеждъ, браду остригщи и, посадя на крастовую ослицу и водя по граду, бити жилами воловьими до пролитія крови. И иніи злодѣи тако казними бываху»....

Указаніе на подобную кару встрѣчается уже у Нестора и относится къ отдаленной древности.

Въ 1071 г. нѣкій воевода Янъ, ревнуя о православіи, преслѣдовалъ волхвовъ, смущавшихъ народъ. Когда ихъ привели къ нему, онъ «повелѣ бити ихъ и *потергати брадѣ ею*; сими же тепеноша (битымъ) и брадѣ ею потерганѣ проскѣпопомъ, рече има Янъ: «что вамъ бози молвять?» Они отвѣчали: «стати намъ предъ Святославомъ». И повелѣ Янъ вложити имъ въ уста рубль», и проч.

Гораздо позднѣе Борисъ Годуновъ, желая елико возможно опозорить ненавистнаго для него боярина Богдана Бѣльскаго, не ограничиваясь обыкновенными карами, приказалъ выщипать ему бороду, которою Бѣльскій гордился, потому что она была густая и красивая. Эту операцію совершилъ царскій придворный врачъ, шотландецъ Габріель (Габріель былъ, собственно, капитанъ иностранной гвардіи Бориса и только временно исполнялъ должность лейбъ-медика).

Этотъ жестокій способъ наказанія Бѣльскаго Соловьевъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что «мелкодушный» Борисъ, склонный къ новшествамъ, въ томъ числѣ и къ брадобритію, и покро-

вительствовавшій иностранцамъ, вымѣщалъ поклоннику старины, Бѣльскому, его ненависть и къ тѣмъ и къ другимъ. Можно ли было придумать большую пытку для врага иностранцевъ и поклонника бороды, какъ обречь его на лишеніе послѣдней, и такимъ варварскимъ способомъ, руками иностранца-же?..

Впослѣдствіи Бѣльскій зло отомстилъ за поруганіе своей бороды. Когда Москва открыто измѣнила Годуновымъ въ пользу Димитрія Самозванца и чернь принялась буйствовать, Бѣльскій употребилъ ее, какъ орудіе для мести надъ ненавистными для него нѣмецкими врачами.

Чернь, арестовавъ Годуновыхъ, бросилась было къ царскимъ погребамъ, съ намѣреніемъ попировать. Бѣльскій, предавшійся Самозванцу, удержалъ народъ отъ разграбленія царскихъ погребовъ, ласково объявивъ, что нехорошо будетъ, если новый царь пріѣдетъ и найдетъ ихъ пустыми. А вотъ, если есть охота попировать на даровщину, то охотники могутъ отправиться въ дома иноземныхъ врачей Бориса, погреба у которыхъ наполнены несмѣтнымъ количествомъ вина. Разрѣшая этотъ грабежъ, Бѣльскій бралъ всю отвѣтственность на себя.

«Толпы черни, разсказываетъ очевидецъ, бросились немедленно на дома врачей и не только осушили въ нихъ всѣ бочки съ виномъ, но и самое имѣніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ 2 до 3 тысячъ талеровъ».

Вѣроятно, непосредственному исполнителю казни надъ бородою Бѣльскаго, Габріелю, пришлось-бы въ эту минуту поплатиться не однѣми бочками и имуществомъ; но, къ счастью для него, тогда его не было уже въ живыхъ. Бѣльскій излилъ свою обиду на однихъ товарищахъ и соотечественникахъ Габріеля.

Опозориваніе и наказаніе посредствомъ лишенія бороды и издѣвательства надъ нею сохранились до позднѣйшихъ временъ и практиковались даже тогда, когда уже обязательно введенное брадобритіе отняло у бороды de jure право гражданства и всякій престижъ чести и красоты. Въ извѣстномъ дѣлѣ стряпчаго Деревнина, въ которомъ царица Прасковья Θедоровна выказала такую звѣрскую жестокость, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ. Пытая несчастнаго Деревнина въ застѣнкѣ, Прасковья Θедоровна приказала, между прочимъ, жечь ему лицо свѣчами и при этомъ приговаривала:

—Жгите его, носъ, уши, шею, глаза поджигай, да *бороду, бороду-то ему выжги!*

Болотовъ разсказываетъ о своемъ «командирѣ» въ Богородицкѣ, князѣ Гагаринѣ, что онъ во время одного слѣдствія, желая выпытать у свидѣтелей крестьянъ нужныя ему показанія, «дошелъ до такого безумія», что началъ кромсать имъ бороды, видя въ этомъ, разумѣется, самую сильную мѣру понужденія.

«По особливому счастію случилось, говоритъ гуманный Болотовъ, что жребій сей палъ и неслыханному (?) поруганію сему подвергся одинъ изъ разумнѣйшихъ и неустрашимѣйшихъ старостъ». Когда ему начали обрѣзывать бороду онъ сказалъ князю:

— Воля ваша! не только бороду, но хоть голову извольте брить, намъ спорить въ томъ не можно!

Что такое «поруганіе» надъ мужичьей бородой и прежде и послѣ отнюдь не было у насъ, якобы, «неслыханнымъ»—можно-бы привести много доказательствъ.

VI.

Взглядъ москвитянъ на лишеніе волосъ, какъ на одинъ изъ видовъ опозориванья личности, рельефно проявился также въ обращеніи московскихъ бояръ съ казаками, во время присоединенія Малороссіи.

Наказный гетманъ Нечай, въ своей челобитной царю на московскихъ воеводъ, жаловался, между прочимъ, на то, что они, въ числѣ другихъ истязаній, «*рѣжутъ чуприны*, бьютъ кнутами и грабятъ» казаковъ. Быть можетъ, въ этомъ способѣ безчестья казацкаго достоинства выказался отчасти тотъ антагонизмъ въ данномъ отношеніи, который существовалъ между бритыми малороссами и бородатыми великороссами.

Представители того и другого племени всегда корили другъ друга различіемъ своихъ прическъ. Какъ москвитянинъ высоко цѣнилъ свою бороду, такъ малороссъ-казакъ гордился своимъ

«оселедцемъ», чуприной и своими усами. Москвитянину эта прическа казалась безобразіемъ и онъ далъ малороссу презрительную кличку—*хохолъ*. Точно также претила «хохлу» московская борода, и—онъ сталъ «дразнить» «москаля»—*кацапомъ*.

До какой степени это обстоятельство было существенно въ междуплеменныхъ отношеніяхъ, можно заключить, между прочимъ, изъ возмущенія Выговскаго, который, вооружая казаковъ противъ Москвы, ставилъ имъ на видъ то, крайне непріятное для хохла, послѣдствіе московскаго владычества, что царь навяжетъ-де имъ въ правители «какого нибудь *бородача*»...

— А бодай того ніхто не діждавъ!—крикнули нѣкоторые «щирые» казаки, при одной мысли видѣть надъ собою бородатаго «кацапа».

Въ Малороссіи борода была до того непопулярна, что даже обязательное, для православнаго духовенства, ношеніе ея должно было выдерживать борьбу съ господствовавшимъ вкусомъ къ бритымъ подбородкамъ. Борьба эта отразилась и въ народной пѣснѣ, юмористическаго склада, которая ставитъ вопросъ на щекотливую почву женскаго вкуса и его требованій въ любовно-матримоніальныхъ дѣлахъ.

Воспѣвая молодецкую красу, украинская пѣсня заставляетъ «дівчину» полюбить козака «моторнаго» за «біле лічко, *черный усъ*» за то, что

«Вінъ чистенько *оголився*
І въ жупанъ нарядився».

Между тѣмъ, та-же пѣсня дѣлаетъ жизнь одной чувствительной попадьѣ «тяжкою» и «нудною» потому только, что судьба осудила ее быть за бородатымъ попомъ.

«Журилася попадья своею бідою:
Бідная-жъ моя головонька, *що піпъ зъ бородою*.
Охъ, мині тяжко, охъ, мині нудно,
Що зъ бородатымъ мині жити трудно»!

Куда не пойдетъ злосчастная попадья—въ церковь-ли, на крестины-ли, на свадьбу-ли, всюду, какъ взглянетъ на огорчительную бороду супруга, не можетъ ни молиться, ни ѣсть, ни пить, ни веселиться. Наконецъ, она потеряла терпѣніе и «зачала просить»:

«Чи не зможешъ, паноче, бороду зголити?
«Охъ мині тяжко, охъ мині пудно!..»

Но батюшка и не прочь-бы сдѣлать удовольствіе попадьѣ, да вотъ—горе какое:

«Ой не можно, попаде, того учинити:
Дознаеться владыка, буде мене бити», —

отвѣчаетъ онъ. Попадья не въ состояніи выносить долѣе «такую бѣду» и рѣшается, взявши «гуси да індики», ѣхать до владыки просить о разрѣшеніи оголить бороду попу. Пріѣхала, упала въ ноги и стала молить:

«Прошу-жъ тебе, владыко, змилуйся надъ нами,
Хай не ходять наши попи зъ тими бородами»!

Владыка, выслушавъ несообразное ходатайство, отвѣчаетъ, что измѣнить благочестивый обычай, ради каприза попадьи, онъ не можетъ и, наконецъ, убѣждаетъ ее такимъ доводомъ:

«Подивися, попаде, хочъ я и владыка,
Яка-жъ въ мене борода чесна и велика!
Ходи сюди, попаде, до моей компати,
Подивися: що тамъ попівъ, та всі-жъ бородати»!

Попадья залилась «дробными слізамі» и хочетъ утопиться; но владыко находитъ средство ее образумить. По его наставленію, попъ, чтобъ заставить себя «кохати», рѣшается «въ семь плетень кропила ей завдати». «Кропило» подѣйствовало. Принявъ его, попадья

«Упалала, прикладала, на пальцяхъ ставала:
Взяла-жъ попа за бороду, та-й поцiловала!
Теперъ мині уже легче, и любо и мило,
Бо попове кропило кохати навчило»!

Н. Закревскій (авторъ книги «Старосвѣтскій Бандуриста») справедливо считаетъ эту пѣсню старинной и относитъ ее къ XVII-му столѣтію, т. е., къ тому времени, когда Унія довольно уже распространилась въ Малороссіи, а Православіе и его служители испытывали гоненіе и находились въ упадкѣ. «По примѣру католическихъ ксендзовъ,—говоритъ Закревскій,—изъ многихъ другихъ отличій уніатскаго духовенства отъ православнаго было и бритіе бороды, поэтому и неудивительно, что слабая сторона нашего рода соблазнялась преимуществами и предночтеніемъ, и что соблазнъ этотъ

производилъ даже нѣкоторое броженіе умовъ въ нѣжномъ полѣ. Вотъ вѣроятное происхожденіе нерасположенія *попадьи* къ бородѣ своего супруга и желаніе видѣть ее сбритою. Но православное духовенство, борясь упорно съ уніатами, въ то же время *умѣло* укрощать и домашнія неприличныя воззрѣнія, что изъ текста этой пѣсни весьма легко усмотрѣть можно».

Авторъ слишкомъ ужъ довѣрчиво отнесся къ тексту пѣсни и чисто юмористическому заключенію ея придалъ смыслъ историческій. Факты подобнаго внушенія «нѣжному полу» уваженія къ бородѣ, посредствомъ домостроевскаго «кропила», могли, конечно, случаться, но едва-ли они знаменуютъ «умѣнье» и успѣхъ борьбы съ уніатски-католическимъ брадобритіемъ. Это тѣмъ болѣе, что брадобритіе въ Малороссіи было распространено также и среди всего православнаго населенія. Слѣдовательно, въ антипатіи попадьи къ поповской бородѣ могло и вовсе не быть уніатскаго вліянія, и, вообще, весь этотъ вопросъ имѣлъ тамъ религіозное значеніе исключительно въ узкой средѣ духовенства. Противъ брадобритія-же свѣтскихъ православныхъ людей церковь въ Малороссіи никогда не возставала.

Въ мѣстной старинной литературѣ проповѣдь бороды и ея защита, чуждыя нетерпимости и обличительной суровости московскихъ гонителей брадобритія, ограничивались исключительно духовной средой, въ борьбѣ съ уніатскими новшествами. По этому предмету мы нашли въ «Трудахъ кіевской дух. Академіи» (1880 г.) любопытный памятникъ, въ выдержкахъ: «Комедія уніатовъ съ православными», Саввы Стрѣлецкаго, относящаяся къ кіевской искусственной литературѣ прошлаго столѣтія.

Тамъ выведены православные благочинный и протоіерей, которые стараются навратить въ истинную вѣру уніатскаго «дзѣкана». «Дзѣканъ» сопротивляется, хотя очень слабо, и, между другими доводами въ защиту Уніи, ссылается на брадобритіе.

—Признаюсь,—говоритъ онъ,—я и сейчасъ готовъ-бы пристать (къ православію), еслибы еще не связывали меня двѣ причины.

Протоіерей. Какія же это двѣ?

Дзѣканъ. Первая—это наша непривычка запускать бороду и усы: дѣло это и некрасивое, и противное... Мы мущины еще можемъ выносить и скорѣй привыкнуть къ этому, но наши жены—никогда! Мущину, а особенно священника съ бородой, терпѣть не могутъ.

Еслибы я запустилъ бороду и явился къ моей Касѣ, ручаюсь, что она коцюбой (кочергой) прогнала бы меня прочь не только со двора, но даже изъ села.

Протоіерей. Развѣ жъ такая злая?

Дзѣканъ. Нѣтъ, не то! Женщина, знаете, молодая: любитъ, чтобы ходить прилично, всегда въ сюртукѣ, съ плотно застегнутыми пуговицами, въ башмакахъ, словомъ, чтобъ галантно... А я, когда облекусь въ эту хламиду и запущу при этомъ бороду,—то, право, не дастъ и поцѣловать.

Благочинный. Ничего, можно достигнуть этого! я научу секрету... Такъ и моя, бывало сначала какъ начнетъ: «а ты цапъ, цапалапъ!», то право не знаю, гдѣ она и вокабуламъ такимъ понаучилась; словомъ, бывало,—ни на глаза. А теперь будто не та женщина: такъ хорошо цѣлуетъ въ бороду, какъ и жиды лучше не могутъ въ свое «тфытимъ».

«Секретъ» благочиннаго не приведенъ, но ученый комментаторъ этой «комедіи» догадывается, что онъ тотъ самый, который воспѣтъ въ вышецитированной народной пѣснѣ и заключается въ семиплетномъ «кропилѣ» попа.

Словомъ, въ Малороссіи, какъ въ народной пѣснѣ, такъ и въ искуственной литературѣ, гдѣ сталкивались вовсе непопулярная въ обществѣ борода съ излюбленнымъ не только «нѣжнымъ поломъ», но всею массою брадобритіемъ, вопросъ ставился въ узкую рамку внѣшняго ритуала духовнаго чина, да и то въ легкой юмористической формѣ. Насчетъ-же брадобритія людей свѣтскихъ никогда не поднималось вопроса, а—напротивъ—протестъ возбуждала всякая попытка измѣнить этотъ обычай въ пользу бороды.

Такъ какъ наша рѣчь, главнымъ образомъ, не объ отрицаніи бороды, а объ ея почитаніи, то и возвратимся снова въ Москву.

Великое уваженіе къ бородѣ въ старинномъ московскомъ быту выразилось, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что Годуновъ, желая внушить народу презрѣніе къ Димитрію Самозванцу, ославилъ его *разстригою.* Разстриженіе было актомъ позорнаго лишенія сана лицъ изъ духовнаго сословія и считалось высшей степенью наказанія. Отсюда разстрига былъ синонимомъ человѣка отверженнаго, находящагося внѣ закона. Самое слово это обратилось въ бранную кличку.

Въ противоположность позорящему человѣческое достоинство

разстриженію, у нашихъ предковъ существовалъ старинный обычай—постриженія, *постриги*, въ которомъ выражалось уваженіе къ волосамъ, какъ къ знаку мужества и гражданства. Такъ, въ древнихъ лѣтописяхъ, при упоминаніи о рожденіи князей и бояръ, почти постоянно упоминается, на которомъ году каждаго изъ нихъ постригали.

«Постриги», напр., князей, происходили съ большой церемоніей. Въ присутствіи всѣхъ бояръ, духовенства и дружинниковъ, малолѣтняго князя торжественно постригалъ епископъ; вслѣдъ за этимъ его сажали на коня; обрядъ кончался пиромъ, на которомъ князь дарилъ гостей дорогими подарками. Постриженный такимъ образомъ отрокъ назывался *постригомъ* и, со времени постриженія, признавался вступившимъ въ достоинство воина, витязя.

Обрядъ этотъ былъ совершенъ, между прочимъ, въ Суздалѣ великимъ княземъ Всеволодомъ III надъ сыномъ Юріемъ; также пострижены были въ Новгородѣ, у Софіи, князья Ростиславъ Михаиловичъ, Всеволодъ Константиновичъ и друг.

Это былъ обрядъ, аналогичный съ существовавшимъ на западѣ посвященіемъ въ рыцари.

Онъ несомнѣнно древняго происхожденія и былъ употребителенъ у всѣхъ славянъ. О немъ упоминаютъ польскіе историки Кадлубекъ, Длугошъ, Мацѣевскій и друг. Нетрудно замѣтить въ этомъ обычаѣ слѣдъ языческаго приношенія волосъ въ жертву богамъ, о чемъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили. На Руси «постриги» до сихъ поръ кое-гдѣ сохранились. Они употребительны у казаковъ и старообрядцевъ нѣкоторыхъ толковъ, во время крестинъ, при чемъ новорожденному кумъ выстригаетъ «гуменце». У казаковъ, послѣ этого, младенца сажаютъ на коня, котораго кумъ проводитъ за поводъ передъ крыльцомъ.

Высоко цѣня бороду и волосы, предки наши, однако, не обходились безъ ножницъ.

Въ описяхъ туалетныхъ приборовъ московскихъ государей XVII столѣтія находимъ документальное на это указаніе. Такъ, около 1634 г. у царя Михаила Федоровича имѣлась въ уборной готовальня нѣмецкаго дѣла, а въ ней заключались: зеркало, *пять бритвъ, двои ножницы*, три зубочистки, уховертка, щипецъ и проч. Снаряды этого рода возобновлялись и пополнялись, какъ можно видѣть изъ дворцовой записи отъ 1650 г., въ которой значится,

что у «зеркальнаго ряду торговаго человѣка» были «по государеву указу куплены *двѣ бритвы* черенье деревянные черны граненые, у одной сверху трубка, поверхъ трубки левикъ» и т. д. Михаилъ Ѳедоровичъ могъ въ этомъ случаѣ подчиняться новымъ модамъ, но есть указанія, что на Руси издревле велся обычай подстригать волосы и бороду, и только духовенство и женщины никогда не стриглись. Относительно женщинъ, длинныя густыя косы, по древнерусскимъ понятіямъ красоты, считались величайшей прелестью и наиболѣе опаснымъ орудіемъ женскаго кокетства. Поэтому, во избѣжаніе соблазна, замужнія женщины убирали головы такимъ образомъ, чтобъ ни одного волоска не было видно снаружи. Женщина *простоволосая*—было явленіе постыдное и соблазнительное.

Такъ какъ «постриги» считались своего рода введеніемъ въ права «мужа», а въ то же время подрѣзываніе волосъ и бороды входило въ моду у московскихъ бояръ и дѣлалось признакомъ «порядочности», щегольства, то отсюда явился обычай запускать бороду и прическу въ случаѣ несчастья и печали. Такимъ образомъ, бояринъ, подвергавшійся царской опалѣ, выражалъ свое злополучіе тѣмъ, что переставалъ подстригаться и небрегъ своей шевелюрой. Наоборотъ, женщина, подвергавшаяся немилости, въ знакъ печали отрѣзывала себѣ косу.

Олеарій полагаетъ, что этотъ обычай внѣшняго выраженія скорби былъ позаимствованъ на Руси у грековъ.

VII.

Введеніе обязательнаго бритья бороды Петромъ Великимъ сдѣлалось въ устахъ поклонниковъ московской старины, отрицающихъ историческую цѣлесообразность петербургскаго періода, вѣчнымъ несмываемымъ укоромъ и наиболѣе вопіющимъ выраженіемъ совершоннаго надъ православной Русью «насилія» нетерпѣливымъ преобразователемъ.

Дѣйствительно, мѣропріятіе было до нельзя ужь рѣшительное и безъ нужды деспотическое. Если даже согласиться, что брадобритіе нужно было въ интересѣ цивилизаціи, то и тогда легко было обойтись безъ «насилія». «Лучшіе» московскіе люди, и задолго до Петра Великаго, какъ это мы видѣли, сильно уже поискусились въ употребленіи бритвы, не смотря на суровыя противъ этого гоненія со стороны церкви, а порой и правительства. Несомнѣнно, что, при постоянно усиливавшемся и «по малу вкрадывавшемся», какъ замѣтилъ уже патріархъ Адріанъ, вліяніи Запада, нетерпимость къ брадобритію сама собой постепенно искоренилась-бы, и, по свойственной русскимъ людямъ страсти къ подражанію, московское общество и безъ понужденій, ради одной моды, поголовно обрило-бы бороды. Но Петръ Алексѣевичъ не любилъ дожидаться естественнаго хода исторіи и торопилъ ея шаги съ неудержимой, ни передъ чѣмъ не останавливавшейся стремительностью...

Онъ «имѣлъ ужасный трудъ,—говоритъ одинъ изъ его апологистовъ прошлаго вѣка,—чтобъ россіянъ сравнять съ другими народами, и долженъ былъ принуждать ихъ, чтобъ они *обрили бороды* и учились механическимъ художествамъ. Сей способъ былъ нуженъ,—у грубаго еще народа надобно истреблять силою невѣжество».

Это писалъ нѣмецъ и, сказать къ слову, почти всѣ современные Петру нѣмцы, писавшіе о Россіи, раздѣляли такой же взглядъ на способы «истребленія» невѣжества въ русскомъ народѣ; всѣ они рукоплескали крутымъ реформамъ Петра, находя, что русскіе ничто иное, какъ «стадо неразумныхъ животныхъ», съ которыми ничего нельзя сдѣлать безъ палки. Если такъ думали просвѣщенные люди Запада—наши «учителя», то, зная это, мы воздержимся отъ слишкомъ строгаго суда надъ ихъ «ученикомъ», Петромъ, за его злоупотребленія палочною педагогіей.

Кромѣ просвѣтительнаго желанія «сравнять россіянъ съ другими народами» въ культурномъ отношеніи, Петръ хотѣлъ, введеніемъ обязательнаго бритья бороды, искоренить въ москвитянахъ то застарѣлое «омерзеніе» къ иностранцамъ, которое, по выраженію Голикова, «было однимъ изъ великихъ препятствій намѣреніямъ его величества» въ преобразовательной дѣятельности. Нужно было уничтожить внѣшнее различіе между иностранцами и своими, которое, безъ сомнѣнія, составляло первое препятствіе для взаимнаго сближенія и общенія. Поэтому, одновременно съ уничтоженіемъ бороды, было введено обязательное ношеніе иноземнаго платья—сперва венгерскаго фасона, а потомъ—саксонскаго и французскаго.

Не очень давно было повторено въ печати еще одно, высказанное ранѣе г. Есиповымъ, объясненіе этой гардеробной реформы—объясненіе настолько оригинальное, что на немъ нельзя не остановиться. Предполагается, что Петръ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ будто-бы, изъ чисто-субъективныхъ, узко-эгоистическихъ побужденій, въ «раздраженіи личнаго самолюбія». Возлюбивъ лично брадобритіе и иноземный нарядъ, онъ не могъ не чувствовать нѣкотораго стѣсненія и нѣкоторой неловкости, являясь въ такомъ видѣ среди подданныхъ, украшенныхъ старозавѣтными бородами и облеченныхъ въ національный, прадѣдовскаго покроя костюмъ, да, ктомужъ, крайне предубѣжденныхъ ко всему «нѣмецкому». Безграничная царская власть и деспотичность натуры Петра порѣшили это затрудненіе такъ, какъ оно случилось. Чтобы избавиться отъ неловкаго положенія и, быть можетъ, отъ извѣстной доли стыда и угрызенія совѣсти, за свой бритый подбородокъ и заморскій кафтанъ, передъ завѣтами родной старины, царь заблагоразсудилъ сдѣлать участникомъ своего отступничества все московское общество. Другими словами, вопреки натурѣ вещей, гора должна была сдвинуться съ мѣста, по прихоти властолюбиваго Магомета, и пойти къ нему на встрѣчу.

Объясненіе это, несомнѣнно остроумное, грѣшитъ однимъ только—именно, предположеніемъ въ личности Петра какой-то женской, суетной мелочности и—ничего больше. На Петра это отнюдь не похоже. Тотъ, кто не стѣснился нарушить весь, освященный вѣками, престижъ и ритуалъ царскаго сана поѣздкой за море, черной работой, съ топоромъ въ рукахъ, на амстердамскихъ верфяхъ и якшаньемъ за панъ-братъ съ голландскими матросами,—и

все это, такъ сказать, на глазахъ у цѣлой Европы,—тотъ, разумѣется, не сталъ-бы жеппроваться бритымъ подбородкомъ и нѣмецкимъ кафтаномъ у себя дома, передъ своими вѣрноподданными, привыкшими къ безграничному повиновенію и поклоненію передъ волей и личностью царя. Въ этомъ-то и страшная, гигантская сила Петра и его величіе, что онъ никогда не сомнѣвался въ самомъ себѣ, а равно—въ истинности, пользѣ и необходимости всего того, что онъ дѣлалъ. Онъ очень хорошо зналъ, что большинство общества крайне недовольно не только его костюмомъ и прической, но всѣми, вообще, и гораздо важнѣйшими нововведеніями его, но—развѣ онъ передъ этимъ останавливался, развѣ онъ входилъ когда нибудь въ сдѣлку съ такимъ недовольствомъ?

Ошибочно также, намъ кажется, и заключеніе, по данному вопросу, сдѣланное г. Есиповымъ. Онъ говоритъ, что «еслибы Петръ вздумалъ брить бороды и переодѣть въ нѣмецкое платье до возстанія стрѣльцевъ, до образованія регулярнаго войска, то *нѣтъ сомнѣнія что побѣда осталась-бы не за нимъ»*... «Но Петръ уничтожилъ стрѣльцовъ — и возстанія народныя были невозможны, сила окончательно была въ его рукахъ—и всякій бояринъ, замыслившій противодѣйствовать Петру не могъ имѣть надежды на успѣхъ».

Вопервыхъ, это исторически невѣрно, потому что «возстанія народныя», какъ извѣстно, и по уничтоженіи стрѣльцевъ, «были возможны». Они, правда, были подавляемы, но, вѣдь, и стрѣлецкій бунтъ былъ подавленъ. Почему г. Есипову кажется, что послѣдній имѣлъ-бы успѣхъ, еслибъ Петръ до его подавленія ввелъ брадобритіе — это совсѣмъ непонятно. Если предположить съ большой натяжкой, что, ради спасенія бороды, къ стрѣльцамъ поголовно присталъ-бы весь народъ, то главной его массѣ, крестьянамъ, не было въ этомъ нужды, ибо извѣстно, что Петръ не тронулъ крестьянской и поповской бороды. За неприкосновенность же боярской бороды народъ, конечно, не возсталъ-бы, да и сами бояре, а съ ними весь верхній, служилый слой никогда изъ за этого только не подняли-бы знамя бунта, тѣмъ болѣе, что еще до Петра, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами въ своемъ мѣстѣ многочисленныя обличенія духовенства и правительственныя мѣропріятія въ защиту бороды, мода на брадобритіе была уже сильно распространена въ московскомъ обществѣ.

Мы, впрочемъ, вовсе не отрицаемъ глубокаго недовольства въ массѣ гоненіемъ при Петрѣ В. старорусской бороды; но ставить въ зависимость успѣхъ или неуспѣхъ всего петровскаго переворота отъ введенія брадобритія до или послѣ подавленія стрѣлецкаго бунта — скажемъ — до или послѣ всякаго любаго историческаго момента этой эпохи, какъ это дѣлаетъ г. Есиповъ,—намъ кажется погрѣшностью передъ логикой исторіи. Странно было-бы допустить, что судьба великихъ общественныхъ революцій можетъ рѣшаться умѣньемъ реформатора выбрать удобную минуту для введенія въ употребленіе бритвы и новаго покроя платья...

Относительно этого вопроса Соловьевъ вѣрно замѣтилъ, что «всѣ неудовольствія, которыя обнаружились въ разныхъ сферахъ (противъ Петра), не были довольно сильны, чтобъ произвести возстаніе и помѣшать хотя на время дѣлу преобразованія. Причина заключалась въ томъ, что на сторонѣ преобразованія были лучшіе сильнѣйшіе люди, сосредоточивавшіеся около верховнаго преобразователя; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укорениться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя».

Нужно, при всемъ томъ, замѣтить, что собственно гардеробная реформа, какъ мы ее назвали, совершенно теряющаяся въ вихрѣ исполинскаго переворота Петра В., вступила въ свои права не сразу, а съ соблюденіемъ извѣстной постепенности.

Прежде всего выбрился и перерядился самъ царь, со своими любимцами. Въ странѣ, какъ Россія, гдѣ авторитетъ государя столь великъ и непререкаемъ, этотъ царскій починъ стоилъ уже половины дѣла.

Затѣмъ, законодательному введенію обязательнаго бритья бороды предшествовало на первыхъ порахъ, такъ сказать, любительское брадобритіе, по волѣ царя и въ видѣ шутки. Петръ началъ съ уничтоженія бородъ у своихъ приближенныхъ и, обыкновенно, подъ веселую руку, съ своеобразнымъ, нерѣдко очень циничнымъ и жестокимъ юморомъ. Царскіе шуты, и между ними преимущественно Тургеневъ, увѣковѣчившій себя этой операціей,—вооруженные ножницами, находясь на собраніяхъ и пирушкахъ, по одному мановенію государя, бросались на сановитыхъ бородачей и немилосердно

кромсали имъ бороды. Протестъ и сопротивленіе, конечно, были немыслимы.

Для этой операціи Петръ выбиралъ иногда особенно людныя и торжественныя собранія. Такъ, въ 1698 г., 26 августа, когда, по возвращеніи его изъ-за границы, всѣ бояре и знать съѣхались во дворецъ для засвидѣтельствованія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, тутъ-то, неожиданно, и пошла работа ножницами. Первымъ «подставилъ подъ ножницы свою длинную бороду», по разсказу Г. Корба, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. Затѣмъ, были обрѣзаны бороды и всѣмъ остальнымъ боярамъ. Никому изъ нихъ «не приходилось смѣяться надъ другими, такъ какъ каждаго постигла одинаковая участь», говоритъ тотъ-же историкъ. Были пощажены бороды только патріарха, князя Михаила Черкасскаго и Тихона Стрѣшнева, и то лишь въ уваженіе ихъ сана и преклонныхъ лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, на новый годъ, во время пира у Шеина среди тостовъ и веселья опять явился «несносный брадобрѣй» и—«къ кому только ни приближался онъ съ ножницами, не позволялось спасать свою бороду, подъ страхомъ получить нѣсколько пощечинъ. Такимъ образомъ,—разсудительно замѣчаетъ очевидецъ,—между шутками и стаканами весьма многіе, слушая дурака «потѣшника», безъ труда отказались отъ стариннаго предразсудка».

Устряловъ описываетъ эту сцену такимъ образомъ:

«Гостей было множество. Бояре, царедворцы, офицеры, даже матросы наполняли обширныя палаты радушнаго хозяина. Многіе явились безъ бороды, но еще не мало было бородачей. Царь ласково разговаривалъ со всѣми, жаловалъ по старому обычаю изъ собственныхъ рукъ яблоками, шутилъ, смѣялся и предлагалъ тостъ за тостомъ при залпахъ 25 орудій. Среди всеобщаго веселія царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другаго и мигомъ ее обрѣзывалъ, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшали себя чужимъ горемъ».

Черезъ три дня на вечерѣ у Лефорта всѣ «ближніе люди» были уже безъ бородъ и «смотрѣли нѣмцами въ русскихъ кафтанахъ».

Съ этого момента «большія бороды», по выраженію самого Петра, стали «не въ авантажѣ обрѣтаться», потому что каждая небритая борода являлась въ его глазахъ какъ-бы уликой протеста его реформамъ, во имя ненавистной для него старины, и, слѣдо-

вательно, ни на какой «авантажъ», со стороны царя, разсчитывать не могла. И наоборотъ — добровольное и охотное бритье бороды дѣлалось вывѣской благонамѣренности, веселило царскіе глаза и стяжало право на царское благоволеніе. Явились своеобразные и вполнѣ счастливые опыты заискиванія и угодничества предъ государемъ бритыми подбородками, и не только лично-своими, но и всѣхъ подвѣдомственныхъ чиновъ—коллегіальнымъ, такъ сказать, брадобритіемъ.

Такого рода пріятнымъ сюрпризомъ, въ видѣ краснаго яичка ко Христову дню, угодилъ однажды Петру ловкій, находчивый любимецъ его, Меншиковъ. Дѣло было, по разсказу Голикова, въ Воронежѣ, на Пасхѣ, въ бытность тамъ царя. Меншиковъ, «желая угодить государю», недовольному «грубостью» воронежскихъ гражданъ, изготовилъ для всѣхъ членовъ мѣстнаго городскаго магистрата нѣмецкое платье, «даже до рубашекъ», призвалъ ихъ къ себѣ наканунѣ Пасхи, передъ самою заутреннею, и «объявилъ имъ, будто-бы имянной его величества указъ, чтобы они тотчасъ или обрили бороды и одѣлись въ нѣмецкое платье, или готовились-бы въ ссылку въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленныя уже къ тому и подводы», съ угрозой не допустить даже проститься съ женами и семьями.

«Поднялся плачъ, рыданіе и вопль бѣдныхъ сихъ по истинѣ людей». Они стали валяться у ногъ Меншикова, моля у него заступленія предъ государемъ и говоря, что они готовы лучше потерять головы, нежели «растлить образъ Божій» на себѣ. Мольбы конечно, не оказали дѣйствія, а «предразсудокъ столь былъ силенъ», что купцы уже было согласились «лучше ѣхать въ заточеніе, нежели лишиться бородъ»; но одинъ изъ нихъ, помоложе, «любя свою жену», смалодушествовалъ въ рѣшительную минуту.

— Буди воля Божія! — сказалъ онъ, перекрестясь, и отдалъ свою бороду на «растлѣніе» брадобрѣю.

Примѣръ его подѣйствовалъ и на остальныхъ. Къ заутрени магистратъ, въ полномъ составѣ, явился въ церковь уже безъ бородъ и въ нѣмецкомъ платьѣ. Царь, увидѣвъ его, не повѣрилъ своимъ глазамъ и спросилъ Меншикова, что это за люди? Узнавъ-же, что это, обличавшіеся доселѣ въ «грубости», члены воронежскаго магистрата, Петръ чрезвычайно обрадовался, сошелъ къ нимъ и «прежде еще времени пожаловалъ всѣхъ, говоря: Христосъ вос-

кресъ, благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ его обрадовали»... Освѣдомился-ли, при этомъ, государь объ остроумномъ способѣ Алексашп убѣжденія «сихъ поистинѣ бѣдныхъ людей» въ пользѣ брадобритія—историкъ умалчиваетъ.

Впрочемъ, способъ этотъ едва-ли возмутилъ-бы и удивилъ-бы Петра, собственнымъ опытомъ научавшаго своихъ «птенцовъ» не стѣсняться въ выборѣ средствъ для достиженія намѣченной цѣли. По отношенію къ тому-же брадобритію Петръ не останавливался передъ крутыми мѣрами. Мы знаемъ уже, со словъ Корба, что даже «ближнихъ людей» царь понуждалъ брить бороды, въ случаѣ оппозиціи, собственноручными пощечинами.

Протестъ и ослушанье наказывались иногда не однѣми только царственными пощечинами: дѣло доходило и до батоговъ. Желябужскій записалъ слѣдующій случай. Въ 1704 году Петру вздумалось произвести въ Москвѣ генеральный смотръ всѣмъ воеводамъ, стольникамъ, дворянамъ и прочимъ чинамъ. Въ числѣ ихъ оказался нѣкто Иванъ Даниловъ Наумовъ съ невыбритой бородо́й. Раба божія немедленно, по царскому приказу, вздули «батожьемъ» и, по этому поводу, государь указалъ, что, если «впредь кто не будетъ бриться, тотъ понесетъ весь гнѣвъ» его...

Этотъ случай произошелъ уже послѣ изданія формальнаго закона объ обязательномъ брадобритіи. Закономъ этимъ повелѣвалось «всѣмъ подданнымъ», за исключеніемъ пашенныхъ крестьянъ, монаховъ, священниковъ и дьяконовъ, безотговорочно сбрить бороды, подъ страхомъ пени за ослушаніе, а именно: съ пѣшихъ по 13 алтынъ 2 деньги и съ конныхъ по два рубля съ человѣка, за каждый разъ. Для надзора за соблюденіемъ царскаго указа былъ учрежденъ особый фискъ: у городскихъ воротъ стояли досмотрщики, другіе изъ нихъ шныряли по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ, и—горе было тому, кто оказывался съ бородою!

Законъ этотъ, съ нѣкоторыми варіантами, былъ повторенъ нѣсколько разъ. Первый указъ о ношеніи нѣмецкаго платья и бритья бороды не сохранился, но есть вѣроятіе предположить, что онъ былъ изданъ или въ концѣ 1698 или въ первой половинѣ 1699 г. Затѣмъ, въ 1700 г. онъ былъ повторенъ два раза; читали его съ барабаннымъ боемъ па московскихъ улицахъ и площадяхъ. Въ 1701 г. послѣдовалъ подтвердительный указъ, болѣе подробный и обстоятельный.

Предписывалось, «для славы и красоты государства и воинскаго управленія, всѣхъ чиновъ людемъ, опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извощиковъ и пахатныхъ крестьянъ», носить платье нѣмецкое (по указу 1701 г.): «верхнія саксонскія и французскія, а исподнія камзолы, штаны, сапоги, башмаки и шапки нѣмецкія», да тѣмъ-же всѣмъ людямъ «сказать, чтобы впредь съ сего, его великаго государя, указа (1705 г.) бороды и усы брили», и чтобы начальствующія лица, строго смотрѣли за исполненіемъ этихъ указовъ: буде-же они станутъ «чинить кому поваровку, и воеводамъ быть за то въ опалѣ, а бурмистрамъ въ наказаніяхъ и въ разореніи безъ всякія пощады».

Одновременно запрещалось носить русское платье, черкасскіе тулупы, азямы, сапоги, шапки проч., а портнымъ и продавцамъ платья такихъ вещей отнюдь не дѣлать и не имѣть подъ страхомъ взысканія штрафа.

Указомъ 1701 г. переодѣванье это, сопряженное съ бритьемъ бороды, было распространено и на тѣхъ крестьянъ, которые постоянно проживали въ Москвѣ для промысловъ и въ качествѣ домовой барской прислуги. Затѣмъ въ 1713 году изданъ указъ, распространявшій переодѣванье въ нѣмецкое платье и запрещавшій ношеніе русскаго на всѣ города.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, данный законъ послужилъ благовиднымъ предлогомъ для массы злоупотребленій, насилій и кривдъ.

Уже самое исполненіе указовъ, по этому предмету, начальствомъ носило характеръ безобразнаго насилія. Сохранилось преданіе о томъ, какъ, напр., была введена впервые указная мода въ Соликамскѣ. Воевода созвалъ всѣхъ обывателей въ церковь и прочиталъ указъ. Всѣми овладѣлъ ужасъ и многіе громко стали говорить, что они готовы скорѣй живота лишиться, чѣмъ принять «обычай еретиковъ»; но «лишь только смущенная толпа поворотила къ дверямъ церкви, вдругъ встрѣтила насиліе. Солдаты, заранѣе поставленные, схватываютъ каждаго взрослаго мущину: одинъ изъ стражей держитъ бѣдняка за руки, другой острigаетъ ему усы и бороду, третій обрѣзываетъ полы кафтана выше колѣнъ. Картина была поистинѣ жалостная!» (Воспом. Прядильщикова. «Рус. Стар.», 1870 г.).

Подобная картина повторялась, вѣроятно, повсемѣстно. Такъ дѣйствовали на законномъ основаніи; но кромѣ того явились осо-

баго рода промышленники изъ служилаго сословія, которые вынуждали взятки у носившихъ бороды и дорожившихъ этимъ украшеніемъ. Напримѣръ, въ 1705 г., боярину Головину была принесена жалоба на придворныхъ актеровъ за то, что они «всякіе задоры съ московскими торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестію, чтобы взять что нахально... а инымъ людямъ *бороды рѣжутъ* для такихъ-же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье»...

Въ 1705 г. астраханскіе жители били челомъ на мѣстнаго воеводу Ржевскаго (убитаго въ томъ же году) за то, что его приказные по «церквамъ и по большимъ улицамъ у мужска и женска полу русское платье обрѣзывали не по подобію и обнажали передъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ». Все это дѣлалось «для взятковъ, налогъ и обидъ».

Жалобъ въ такомъ родѣ подавалось множество; но дѣло въ томъ, что сами правительственныя распоряженія по этому предмету давали поводъ къ злоупотребленіямъ. Это—была «цѣлая школа для взяточничества», по вѣрному замѣчанію одного историка. Напр., въ 1707 г., изданъ былъ указъ о томъ, чтобы портные и продавцы платья приносили свои издѣлія въ извѣстное мѣсто для клейменья, въ знакъ того, что платье шито по узаконенной формѣ, а безъ клеймъ не смѣли-бы продавать. Въ 1722 г. слѣдуетъ новое — еще болѣе дававшее поводъ для злоупотребленій—распоряженіе о томъ, что «ежели кто съ бородою придетъ (въ присутственное мѣсто) и о чемъ бить челомъ станетъ не въ томъ платьѣ, то не принимать у нихъ челобитенъ ни о чемъ и сверхъ того допрашивать вышеписанную дачу (т. е. пошлину за бороду), не выпуская изъ Приказу. Также, кто увидитъ кого съ бородою безъ такого платья, чтобъ приводили къ комендантамъ или къ воеводамъ и приказнымъ, и тамъ они штрафъ на нихъ правили-бъ, изъ чего половина въ казну, а другая приводчику, да сверхъ того его платье».

Можно представить, особенно взявъ во вниманіе тогдашнюю безъурядицу и низкій интеллектуальный уровень массы, какой широкій просторъ для всяческой кривды, взяточничества и грабежа открывали эти своеобразныя распоряженія!

Разумѣется, «приводчики» не заставили себя ждать и, въ погонѣ за добычей, обѣщанной закономъ, рыскали повсюду несытыми волками, отыскивая несчастныхъ бородачей и привязываясь къ

встрѣчнымъ и поперечнымъ, кого можно было запугать, безнаказанно обидѣть и обобрать.

Дѣло приняло видъ настоящей травли, со всѣми ея хищническими и драматическими положеніями... Бывали, впрочемъ, сцены, нелишенныя и комизма.

Уже въ концѣ 30-хъ годовъ, въ Москвѣ, копіистъ Ревизіонъ-Коллегій, Иванъ Дмитріевъ, забиралъ въ лавкѣ посадскаго человѣка Ивана Иванова разные товары въ долгъ и затягивалъ плату. Иванову это наскучило и онъ какъ-то отказалъ въ кредитѣ копіисту. Послѣдняго это озлобило и онъ на другой же день донесъ въ Раскольническую контору, что Ивановъ, да Симонова монастыря крестьянинъ Іевлевъ, вопреки указовъ, носятъ «бороды великія» и пошлинъ за нихъ не платятъ. Доносъ немедленно возъимѣлъ дѣйствіе. Въ лавки Иванова и Іевлева нагрянули власти. Іевлева схватили съ поличнымъ, т. е. съ бородою, а Иванова, не найдя въ лавкѣ, пошли искать въ домъ его. Ворота въ домѣ оказались запертыми, но чрезъ щель въ заборѣ сыщики замѣтили, что по грядкамъ огорода пробирался къ задворку самъ хозяинъ, и—точно—съ «бородою великой». Командировали солдата перелѣзть черезъ заборъ и поймать бѣглеца, но послѣдній успѣлъ ускользнуть. Сыщики вернулись съ пустыми руками. Вдругъ, на другой день Ивановъ самолично является въ контору и — диво дивное! — чистенько обритый и въ форменномъ нѣмецкомъ платьѣ. Начали допросъ. Находчивый посадскій человѣкъ сталъ увѣрять, что онъ давнымъ давно пересталъ носить бороду. Нашлись два попа, которые подтвердили его показанія. Нечего было дѣлать! Рѣшили отпустить Иванова безнаказанно и только взяли съ него подписку за порукою — *ежедневно* брить бороду подъ страхомъ наказанія.

Конечно, не многимъ бородачамъ удавалось такъ дешево отдѣлываться отъ «приводчиковъ» и приказныхъ. Притомъ же, не всякій бородачъ рѣшился-бы, цѣною добровольнаго лишенія бороды, избѣжать суроваго взысканія. Дѣло въ томъ, что, по мѣрѣ возрастанія настойчивости, со стороны правительства, въ преслѣдованіи бороды, усиливалась и оппозиція, а самая борода пріобрѣтала въ глазахъ ея поклонниковъ все большую цѣнность и святость. Таковъ логическій ретультатъ всякаго гоненія.

Въ виду этого, какъ-бы дѣлая уступку фанатикамъ, правительство нашло возможнымъ обратить бороду въ одинъ изъ источни-

ковъ государственныхъ доходовъ. Петръ на этотъ счетъ былъ очень изобрѣтателенъ. Видя ропотъ въ народѣ противъ брадобритія и то, что многіе очень дорожатъ бородою, правительство въ 1705 г. издало постановленіе, которымъ всѣ, желающіе носить бороду, облагались особой податью, смотря по состоянію: въ 100 рублей—гости и гостиная сотня первой статьи, въ 60 руб. —всякихъ чиновъ служилые и приказные люди, и, наконецъ, торговые, посадскіе, боярскіе люди, причетники, ямщики и пр.—въ 30 рублей въ годъ. Оплатившіе свои бороды установленною податью, получали, въ видѣ квитанціи, особые металлическіе жетоны, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усовъ и бороды, со словами *деньги взяты*, а на оборотѣ жетона выставлялся годъ. Знакъ этотъ назывался «бородовымъ» и носился на шеѣ взявшими его, чтобы предъявлять его на всякій спросъ.

VIII.

Стремительная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся рѣшительность и безпощадная крутость гоненія противъ бороды, начатаго Петромъ В., встрѣтили почти равносильный—пассивный, но непреклонный—отпоръ со стороны ея поклонниковъ, стоявшихъ за стародавніе обычаи.

Вообше, обязательное брадобритіе произвело въ массѣ великую смуту и недовольство. Люди, преданные старинѣ, считали уничтоженіе бороды и введеніе иноземнаго платья прямымъ посягательствомъ на вѣру, душегубной хитростью Антихриста, воцарившагося въ мірѣ, въ лицѣ Петра.

— Государя нынѣ нѣтъ на Москвѣ,—толковали повсюду фанатики и суевѣры:—а который нынѣ на Москвѣ государь есть и онъ—какой государь? Лефортовъ сынъ, а не государь... Онъ въ свою бусурманскую вѣру христіанъ православныхъ приводитъ и велитъ

носить нѣмецкое платье, а кто на себя то платье надѣнетъ, тотъ я басурманъ.

— Кто это платье завелъ, того-бы я повѣсилъ! — выразился какъ-то въ сердцахъ посадскій человѣкъ города Дмитрова, Большаковъ, отдавая портному шить себѣ изъ дорогаго мѣха саксонскую шубу по указу.

— Есть за мной государево слово и дѣло!—заявляетъ, придя по своей волѣ въ страшный Преображенскій приказъ, нижегородскій посадскій человѣкъ Андрей Ивановъ.

— Въ чемъ твое слово и дѣло?—спросили его.

— Государево дѣло за мною такое: пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье нѣмецкое носить и табакъ велитъ тянуть. О брадобритіи писано въ уложеніи соборномъ. А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ... А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали»... А пришелъ онъ къ государю «о томъ извѣщать собою, потому что въ Нижнемъ посадскіе люди многіе бороды брѣютъ и нѣмецкое платье носятъ и табакъ тянутъ — и потому для обличенія онъ, Андрей, и пришелъ, чтобъ государь велѣлъ то все перемѣнить».

Простодушіе и героизмъ Андрея Иванова, явившагося такимъ образомъ открытымъ обличителемъ Петра, конечно, не спасли его отъ общей участи, какой подвергались всѣ эти протестанты—враги брадобритія, нѣмецкаго платья и всѣхъ европейскихъ новшествъ. Ихъ жестоко пытали, жгли огнемъ, наказывали кнутомъ, рубили головы, ссылали...

Ропотъ на брадобритіе распространенъ былъ во всѣхъ слояхъ общества.

Роптали даже нѣкоторые изъ приближенныхъ Петру царедворцевъ. Къ ихъ числу принадлежалъ прямодушный и смѣлый князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, который открыто упрекалъ Петра за рѣзкое измѣненіе прародительскихъ обычаевъ, за уничтоженіе русскаго платья и за бритье бородъ. Другой любимецъ старины, князь Кесарь-Ромодановскій, когда узналъ, что бояринъ Головинъ въ Вѣнѣ сбрилъ бороду и надѣлъ иноземное платье, воскликнулъ съ негодованіемъ: «Не хочу вѣрить, чтобъ Головинъ дошелъ до такого безумія».

Въ 1708 г. было найдено подметное письмо въ которомъ, между

прочимъ, доносилось царю, что бояре «указу не послушны учинились: объ русскомъ платьѣ. Какъ ты придешь къ Москвѣ,—обращался авторъ письма къ государю,—и то при тебѣ ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а безъ тебя всѣ боярыни-жены ходятъ въ русскомъ платьѣ и по церквамъ ѣздятъ въ тѣлогрѣяхъ... а на головахъ носятъ не шапки польскія, а невѣдомо какія дьявольскія камилавки, а все ругаючи указъ твой, государь,. а буде на комъ увидятъ шапку или фонтанжъ, и онѣ ругаютъ и смѣются и называютъ недобрыми женами тѣхъ, кто ходитъ супротиву твоего указу».

Письмо поименно обличало боярынь, одѣвавшихся не «супротиву указу». Все громкія имена первостепенной московской знати. Обличеніе это свидѣтельствуетъ, что протестъ переодѣванью и брадобритію раздѣлялся и значительной частью высшаго боярскаго класса.

Даже «люди разсудительные», по выраженію Устрялова, которые, «вѣря въ высокій указъ государя», «мало по малу примирились съ постигшею ихъ участью»—и тѣ продолжали упорно вѣрить въ святость бороды.

Перри разсказываетъ объ одномъ воронежскомъ плотникѣ — честномъ и трудолюбивомъ человѣкѣ, который, послѣ того какъ его обрили, на вопросъ: куда дѣвалась его борода? — отвѣчалъ, вынимая ее изъ за пазухи:

— Вотъ она! Я запру ее въ сундукъ и велю положить ее съ собою въ гробъ, чтобы предстать съ нею на страшный судъ. Вся наша братья сдѣлаетъ тоже.

Е. А. Нарышкина разсказала въ «Рус. Архивѣ» (1875 г.) еще болѣе характеристическое преданіе о поклоненіи бородѣ. Въ 1731 г. въ Москвѣ умеръ юродивый Тимофей Архипычъ, пользовавшійся большой популярностью за свою святость, лично извѣстный царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, при дворѣ которой онъ жилъ. Съ царицей была очень дружна прабабка разсказчицы, Наталья Александровна Нарышкина, и вмѣстѣ съ нею раздѣляла благоговѣніе къ «праведному старцу» Архипычу.

«Однажды, въ послѣдніе уже годы ея жизни, Настасья Александровна, по обыкновенію своему пребывала въ своей моленной и, болѣе чѣмъ когда либо озабоченная будущностью своего потомства въ виду возмущавшихъ душу ея преобразованій и реформъ, введенныхъ въ Россію Петромъ I, пала на колѣни и возносила къ не-

бесамъ молитву, чтобы родъ ея неизмѣнно оставался вѣренъ Православію и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряетъ видѣніе: она видитъ передъ собою на воздусѣхъ Тимофея Архипыча, держащаго въ рукѣ свою длинную сѣдую бороду, и, обращаясь къ ней, онъ произнесъ: «Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣкался и пребылъ въ Православіи. Господь опредѣлилъ иначе, но я умолилъ Всевышняго и, доколѣ, въ семьѣ твоей будетъ сохраняться въ цѣлости моя борода, желаніе твое будетъ исполнено и родъ твой не прекратится на землѣ».

Устрашенная этимъ видѣніемъ, Настасья Александровна лишилась чувствъ, а когда очнулась, то въ рукахъ ея оказалась длинная сѣдая борода, которая съ этого времени и сдѣлалась семейной святыней и «талисманомъ» Нарышкиныхъ. Разсказчица видѣла ее у своего свекра И. А. Нарышкина, роднаго внука Настасьи Александровны. Она хранилась у него въ особомъ ящикѣ, на шелковой подушкѣ съ вышитымъ на ней крестомъ. «Мнѣ особенно памятна эта борода, — говоритъ разсказщица,—потому что вскорѣ послѣ моего замужества, свекровь моя, Е. А. Нарышкина, настояла, чтобы я временно перевезла ее къ себѣ, въ надеждѣ, что ея присутствіе въ нашемъ домѣ принесетъ съ собою благословеніе Божіе и что у насъ съ мужемъ будутъ дѣти, чего вся наша семья пламенно желала».

Разумѣется тлетворное время и распространяемый имъ духъ сомнѣнія не пощадили священной бороды. Ихъ разрушительной работѣ помогли, вдобавокъ, мыши... «Мнѣ вспоминается,—говоритъ разсказчица,—что въ то время, когда совершилось исчезновеніе бороды, мы, послѣ тщетныхъ поисковъ, остановились на томъ убѣжденіи, что мой свекоръ, переѣзжая въ новый домъ, вздумалъ помѣстить въ этомъ ящикѣ свою коллекцію бѣлыхъ мышей.... Затѣмъ остается предположить, что мыши привели эту бороду въ такое состояніе, что самъ И. А., боясь упрековъ жены, выкинулъ ее».

Преданіе это очень цѣнно для исторіи нашей героини. Если въ знатнѣйшей дворянской семьѣ, стоявшей въ передовыхъ рядахъ интеллигенціи, могло сложиться и существовать втеченіе почти столѣтія такое религіозное поклоненіе бородѣ, какъ «талисману» и святынѣ, то отсюда можно заключить, какъ сильно долженъ былъ корениться этотъ странный культъ въ низшей, менѣе развитой массѣ, и какое, слѣдственно, глубокое нравственное потря-

сеніе въ понятіяхъ этой массы произвелъ Петръ своимъ нещаднымъ брадобритіемъ.

Видѣнія «на воздусѣхъ», въ родѣ представившагося богомольной Нарышкиной, бывали тогда у многихъ, кто надѣленъ былъ слишкомъ чувствительной впечатлительностью, взлелѣянной на образахъ старозавѣтнаго стиля. Эти нервные люди, потрясенные до глубины фанатической души нечестивымъ, по ихъ понятію, «растлѣніемъ образа Божія» въ русскомъ православномъ человѣкѣ, и не находя нигдѣ спасенія отъ орудій этого растлѣнія—бритвы и нѣмецкаго фасона, обращались мыслію къ Богу за совѣтомъ и заступой, и, конечно, получали свыше такія, именно, наитія, указанія и видѣнія, какія имъ были надобны для руководства и успокоенія возмущенной совѣсти.

Явились своего рода «мученики идеи», смѣлые подвижники за бороду, обличители, пророки, облекавшіеся суевѣрной фантазіей въ мифическіе образы святыхъ и чудотворцевъ. Въ такихъ чудотворцевъ были возведены, напр., «великій старецъ» Спиридонъ Потемкинъ, «страдалецъ» дворянинъ Өедоръ Толмачевъ, Талицкій, а также нѣкій владимірскій приказный, «почтенный отъ гражданъ, премудрости ради его», и прозванный Никитой «многострадальнымъ» за свое подвижничество ради бороды. Повѣсть о послѣднемъ особенно интересна.

Какъ-то разъ—повѣствуетъ сказаніе,—«боляринъ нѣкій, нравомъ крѣпковыенъ зѣло, повелѣ спекулатору бритву острую пояти и браду оному подвижнику древняго благочестія обрити». Никита воспротивился, сказавъ, что онъ радъ лучше головы лишиться, но ему остригли бороду насильно. «И внезапу бысть громъ велій и потрясеся земля», возмущенная святотатствомъ, учиненнымъ надъ Никитой. Ужасъ охватилъ «болярина» и его помощниковъ особенно, когда невѣдомо откуда «неизчетное число темныхъ ефіоповъ, нагло вскочивше», подняли «страшный шумъ и клокотъ», въ намѣреніи «растерзати болярина со стражею». Тогда блаженный Никита «埋емъ браду свою и помоваше сѣмо и овамо, и абіе бѣсовскія силы изчезаше»... «брада же многострадальца ко лицу его прилѣпися, и возсія солнце и буря велія внезапу преста»...

Въ народѣ стало ходить множество подобнаго содержанія мартирологій, сказаній, легендъ и толкованій, выражавшихъ протестъ нарушенію стародавняго обычая.

Отношеніе народа къ обязательному брадобритію выразилось, между прочимъ, въ духовныхъ стихахъ того времени, сложенныхъ въ старообрядчествѣ. Въ одной пѣснѣ, напр., говорится:

«Антихристъ взялъ на землѣ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь,
Онъ бороды брить всѣмъ повелѣваетъ» и т. д.

Въ другой пѣснѣ внушается православному рѣшимость принять за сохраненіе бороды мученическій вѣнецъ:

«Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою *бороду честную*»!..

И дѣйствительно, въ приказахъ возникло множество дѣлъ о бородѣ. Неповинующихся новому закону хватали, бросали въ тюрьмы, «волочили», наказывали и битьемъ и штрафами. Въ 1723 г., въ воеводской канцеляріи въ Петербургѣ накопилось такъ много бородачей изъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, что, по указу сената, велѣно было всѣмъ имъ выбрить бороды и выпустить на поруки, такъ какъ взять съ нихъ штрафъ было не съ чего.

IX.

Рядомъ съ преслѣдованіями, правительство и сторонники новшествъ противупоставляли протесту, относительно брадобритія, церковную и литературную пропаганду, а также насмѣшку надъ бородою во всевозможныхъ видахъ. Митрополитъ ростовскій, Димитрій, сочиняетъ «Разсужденіе объ образѣ и подобіи во человѣцѣ», въ которомъ убѣждаетъ православныхъ въ блапотребности бритья бороды и ношенія иноземнаго платья.

Димитрій «воздвигся духомъ Ильины ревности», въ своей книгѣ, противъ «прельщенія раскольническаго, т. е. капитонскаго яда», и, изобличая раскольническое «душевредное мудрованіе», написалъ особо «разсужденіе о брадахъ», «со увѣщаніемъ ко вмѣняющимъ о бритіи брадъ за великій и непрощаемый грѣхъ, ращеніе же ихъ за веліе спасеніе».

Другой современный духовный писатель и проповѣдникъ, сочувствовавшій нововведеніямъ Петра, митрополитъ новгородскій Іовъ, по тому-же поводу, въ 1707 г. написалъ «Отвѣтъ краткій» на подметное письмо о рожденіи антихриста, въ которомъ обращался къ народу съ такимъ укоромъ:

«Удивляюся тебѣ, народъ россійскій, какъ на малое вѣтра демонскаго дхновеніе толикій шумъ и волны воздвизаеши; како же всякому духу вѣруеши и не искушаеши, аще отъ Бога суть! Гдѣ есть вѣра ваша, яже не подметнымъ лжевѣстіемъ, но твердымъ писаніемъ и отцевъ святыхъ свидѣтельствомъ имать быти утвержденна? Рцы ми, благочестивый роде россійскій, кому паче вѣру яти подобаетъ—б....словцу ли сему, его же коварнымъ писаніемъ мятешеся, или Дамаскину, Златоусту, Ипполиту, толикимъ Церкве Божія свѣтильникомъ?.. О, братіе, такову ли намъ, христіаномъ, на каменѣ Христѣ утвержденнымъ, подобаетъ имѣти вѣру».

На современномъ театрѣ ставятся цѣлыя пьесы, которыя направлены въ ту-же сторону, къ осмѣянію защитниковъ старины и бороды. Въ одной изъ этихъ пьесъ выведены, напр., раскольникъ и еврей въ той мысли, что они-де-сходятся въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

«Раскольщикъ», жалуясь на то, что теперь «послѣдніа-бо времена видимъ», говоритъ:

....«платье долгое уже премѣнили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы,
И тое они откуда взяли, ей, недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ,
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
Свои брады на голо желѣзомъ выбриваютъ.
Человѣцы ходятъ, якъ облезяны».

«Раскольщикъ» встрѣчается съ «жидомъ» и, видя его въ длинномъ платьѣ и съ бородою, чрезвычайно радуется, тѣмъ болѣе, когда узнаетъ что тотъ держится «стараго закона».

— «Я теперича въ восторзѣ», говоритъ онъ, ибо—

«Вѣдь и я старой вѣры, смиренъ наставникъ....
. . . .
Надѣюся, что и ты такъ держишься старой, какъ и я, вѣры,
Зъ бородою-бо мя зря, возрадовался безъ мѣры».

Сатирическій смыслъ этого недоразумѣнія «раскольщика» станетъ понятенъ, когда мы вспомнимъ существовавшее въ народѣ презрѣніе къ евреямъ.

Въ такомъ родѣ литературно-сценическія осмѣянія «раскольщиковъ», защитниковъ бороды, были тогда весьма обыкновенны.

Этимъ вопросомъ занималась также и тогдашняя наша, только что нарождавшаяся, журналистика, безъ сомнѣнія, съ мыслью обезоружить защитниковъ бороды и разсѣять сложившійся на счетъ ея предразсудокъ. Въ такомъ, именно, смыслѣ была помѣщена пространная учено-компилятивная статья, «О бородѣ и волосахъ», въ «Историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» за 1741 годъ (части: 14, 15, 16, 17 и 18). Тамъ приведены довольно подробныя историческія свѣдѣнія, какія были добыты тогдашней наукой, о ношеніи бороды и волосъ у разныхъ народовъ древняго и новаго міра; въ заключеніе же высказано, потребное для данной минуты, мудрое поученіе, что «бороду не за надлежащую къ украшенію человѣческаго тѣла, но весьма за излишнюю часть онаго почитать надлежитъ». Кромѣ того, въ различныхъ мѣстахъ статьи, къ слову, обронены довольно язвительныя замѣчанія противъ бороды въ такомъ, напр., смыслѣ, что «безбородый-де попъ гораздо больше бородатыхъ дураковъ разума имѣетъ», что, по слову авторитетнаго мудреца Плутарха, «въ боль-

шой бородѣ не всегда большой умъ бываетъ», и т. под. Аналогичныя по этому предмету разсужденія и максимы встрѣчаются и въ позднѣйшей литературѣ. Между прочимъ, не обошелся безъ нихъ и извѣстный «Письмовникъ» Курганова, служившій какъ-бы энциклопедіей для русскихъ грамотныхъ людей съ конца прошлаго столѣтія. Тамъ подобранъ цѣлый рядъ народныхъ пословицъ о бородѣ и—конечно—не въ пользу ея. Напр.: «Борода, что ворота, а умъ съ прикалитокъ»; «Вѣрь бородѣ, а порука въ водѣ»; «Борода гласамъ не замѣна», и проч. Есть, впрочемъ, въ «Письмовникѣ» и такой, невыгодный для бритаго подбородка, анекдотъ, не лишенный историческаго букета:

«Подъячій, при допросѣ нѣкоего раскольника, говорилъ: буде у тебя совѣсть столь велика, какъ борода, такъ сказывай правду. Государь мой, отвѣчалъ суевѣръ: ежели вы совѣсти бородами измѣряете, то видно вы безсовѣстны, для того, что голобороды».

Сказать мимоходомъ, брадобритіе и защита способовъ введенія его Петромъ В., во вкусѣ моралистовъ прошлаго вѣка, встрѣчаются и въ литературѣ текущаго столѣтія, когда уже, казалось-бы, не было въ этомъ нужды. Такъ, извѣстный писатель, К. Масальскій, издалъ въ 1837 г. цѣлую книгу, въ двухъ частяхъ: «Бородолюбіе» — «историческія сцены», гдѣ онъ, изображая «дѣйствіе нѣсколькихъ частныхъ лицъ подъ вліяніемъ борьбы предразсудковъ и привязанности къ старинѣ съ нововведеніями, которыя въ тѣ времена были необходимы для блага Россіи», заставляетъ упрямыхъ брадолюбцевъ сознаться въ своемъ заблужденіи и добровольно обриться ради желанія «всѣми силами сдѣлать все угодное государю». Но возвратимся къ старинѣ.

Въ осмѣяніи бороды самъ Петръ принималъ постоянно ревностное участіе и изобрѣталъ безпощадно-злыя шутки на этотъ предметъ. Такъ, напр., онъ придумалъ, въ видѣ маскарадной потѣхи, такъ называвшійся «выкупъ бороды». На придворныхъ маскарадахъ, въ которыхъ принимала участіе вся знать, одна изъ масокъ изображала миѳологическаго бога Нептуна. Для этого нарочно выбирался старикъ, обладавшій красивой и длинной сѣдой бородою. Въ одинъ изъ маскарадныхъ дней, послѣ пира, Нептунъ, по приказанію царя, появлялся среди общества, и всѣ должны были привязывать или припечатывать къ его бородѣ столько червонцевъ, сколько тотъ самъ требовалъ. Съ этой цѣлью, на червонцахъ нарочно про-

сверливали дырочки, чтобы удобнѣе было привѣшивать ихъ къ бородѣ Нептуна. Отъ этой своеобразной подати не освобождались даже дамы: онѣ тоже оплачивали бороду. Такъ какъ Петръ любилъ во всякомъ дѣлѣ точность и пунктуальность, то, во время этого страннаго обряда, возлѣ Нептуна помѣщался, назначенный для того, капитанъ гвардіи, въ сопровожденіи писца, который, по разсказу очевидца, «тщательно записывалъ», кто именно и сколько червонцевъ жертвовалъ на выкупъ бороды. «А какъ было извѣстно, что императоръ обыкновенно просматривалъ потомъ этотъ списокъ и иногда очень обращалъ вниманіе на то, кто сколько далъ», то, понятно, многіе поневолѣ были щедры. Вслѣдствіе этого, сумма, въ которую оплачивалась такимъ образомъ борода Нептуна, превышала иногда 500 червонцевъ. Когда выкупъ оканчивался, государь бралъ ножницы и собственноручно отрѣзывалъ унизанную золотомъ бороду маскараднаго бога. Впрочемъ, иногда борода эта не обрѣзывалась и оставлялась про запасъ до слѣдующаго маскарада. Червонцы, разумѣется, поступали въ казну, для пополненія которой Петръ Алексѣевичъ, какъ извѣстно, не стѣснялся въ выборѣ источниковъ.

Этотъ выкупъ бороды, по словамъ Берхгольца, имѣлъ прямое значеніе «насмѣшки надъ старыми русскими, которые прежде такъ щеголяли своими бородами», ибо «его величество былъ, не шутя, врагъ длинныхъ бородъ». Съ цѣлью такой-же насмѣшки — заодно и надъ старо-московскимъ патріаршествомъ—Петръ обязывалъ носить бороду каррикатурнаго князь-папу, съ его «всешутѣйшимъ соборомъ».

Въ какой степени царь былъ нетерпимъ и неумолимъ въ этомъ отношеніи, можно судить еще по слѣдующему факту. Мы указывали выше на учрежденіе подати за право ношенія бороды. Добавимъ здѣсь, что отъ нея одно время не освобождались даже и пашенные крестьяне, если жили въ городѣ: они облагались двумя деньгами съ бороды *за каждый день* пребыванія въ городѣ. Подать эта была ужасна по своей суммѣ: сто рублей и даже меньшій ея размѣръ—30 рублей, по тому времени, были очень крупныя деньги. Между тѣмъ, носители бородъ, и по уплатѣ подати, не были гарантированы отъ насмѣшекъ, оскорбленій и преслѣдованій. Ихъ, напр., обязывали носить отличное отъ другихъ, рѣзко бросавшееся въ глаза, некрасивое платье и —опять по формѣ: зи-

пунъ съ стоячимъ клееннымъ воротникомъ, однорядку съ лежачимъ воротникомъ, а на головѣ козырь—непремѣнно красный для раскольниковъ, которымъ въ то-же время воспрещался красный цвѣтъ въ остальномъ платьѣ. Но особенно тяжело приходилось тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ насчитывались недоимки. Несостоятельные бородачи, случалось, безъ всякаго суда, какъ каторжники, ссылались въ крѣпость Рогервикъ на крѣпостныя работы. Даже семейства несчастныхъ подвергались опалѣ и позору. Такъ, жены ихъ обязывались носить «платья, опашни и шапки *съ рогами*, старинныя», и—это для того, чтобъ на нихъ указывали пальцами и срамили, какъ личностей опозоренныхъ...

Подобная жестокость и безчеловѣчное издѣвательство надъ личностью, естественно, должны были встрѣтить не менѣе суровый и страстный протестъ. «И такъ велѣно,—говорится въ одномъ современномъ слѣдственномъ показаніи, — носить нѣмецкое платье, и усы и бороды брить, и сбирати новые сборы, и въ народѣ отъ того почали *стонать*»... Не въ однѣхъ только раскольничьихъ пѣсняхъ призывался истинный православный «умирать» за честную бороду». Въ 1705 г., когда послѣдовало распоряженіе о поголовномъ брадобритіи, въ Ярославлѣ многіе изъ гражданъ обратились къ мѣстному епископу и стали его спрашивать:

— Владыко святый, како ты велишь? Велятъ намъ брады брити, а мы готовы главы наши за брады наши положити, уне намъ есть да отсѣкутъ намъ наши главы, неже да обрѣютъ брады наши!

И дѣйствительно, въ устахъ многихъ это бывали не пустыя слова. «Знать, что нынѣ житье къ концу приходитъ», —говорилъ одинъ олонецкій попъ и рѣшилъ со своимъ дьякомъ: когда придутъ въ погосты указы о перемѣнѣ платья и брадобритіи, «и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойдемъ и мы съ ними жить и горѣть». Въ самомъ дѣлѣ, нашлась масса ревнителей старины, которые, ради «несноснаго» и «жестокаго» гоненія противъ бороды, побросали дома и семьи и разбѣжались по лѣсамъ, «аки волки», «идѣже и бѣсу не можно найти было» ихъ. Протестъ народный выразился въ крайнемъ усиленіи раскола и въ обостреньи его проявленій. Сохранились слѣдственныя дѣла, гдѣ староверы прямо показывали, что они перешли въ расколъ вслѣдствіе указа брить бороды. Мы указывали уже на возникавшія, по той-же причинѣ, прямыя обвиненія Петра въ еретичествѣ, въ самозванствѣ—въ томъ, что онъ

«подмѣнной» царь, родившійся отъ «нечистыя дѣвы» нѣмки; видѣли мы также распространеніе пропаганды о пришествіи Антихриста, въ лицѣ Петра. Явились пророки, въ родѣ извѣстнаго Талицкаго, которые доказывали это, на основаніи апокалипсическихъ вычисленій и «Божіей благодати». Они-же, по выраженію Яворскаго, «царствующій градъ Москву Вавилономъ и жителей, въ немъ благочестнѣ обрѣтающихся, вавилонянами, слугами антихристовыми, сынами антихристовыми, именовали»... У защитниковъ бороды образовалась цѣлая «подпольная» полемическая литература, и понынѣ обращающаяся въ средѣ старообрядческихъ начетчиковъ. Тщетно духовные проповѣдники и писатели, стоявшіе на сторонѣ правительства и его новшествъ, внушали народу, и устно и письменно, о «невмѣненіи бритія брадъ за великій и непрощаемый грѣхъ». Любовь къ бородѣ не уменьшалась, а увѣщанія св. отцовъ опровергались «подметными» антикритиками раскольническихъ проповѣдниковъ.

Отъ словъ дѣло переходило, случалось, и къ активному протесту, къ открытому мятежу.

Первая попытка поднять православныхъ противъ брадобритія имѣла мѣсто въ маѣ 1700 г.: на большой дорогѣ, въ семи верстахъ отъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, у креста былъ прибитъ въ такомъ смыслѣ возмутительный «листъ». Такой-же «листъ» около того времени былъ подкинутъ въ Суздалѣ у городскихъ воротъ; въ Юрьевѣ-Повольскомъ «листъ» такого содержанія оказался въ одно прекрасное утро на воротахъ мѣстнаго Архангельскаго монастыря. Покамѣстъ, воззванія эти не достигали результата; но ихъ читали многіе, они подливали масла на огонь, и безъ того горючій, широко распространенный въ народной подпочвѣ. Стали обнаруживаться мѣстами движенія и къ открытому сопротивленію ненавистному брадобритію. Были нерѣдко случаи, гдѣ подстрекателями къ этому являлись сами представители власти свѣтской и духовной—особенно послѣдней.

«Неразумные попы,—говоритъ Устряловъ,—тайными внушеніями поддерживали суевѣрный ужасъ черни и даже осмѣливались въ своихъ приходахъ дерзко осуждать государя».

Такихъ поповъ, особенно въ глуши, встрѣчалось немало. Одинъ изъ нихъ, попъ Викула въ г. Романовѣ, на Святой, взойдя съ образами къ солдату Кокореву и увидѣвъ его съ обритой бородой, назвалъ басурманомъ и не допустилъ его ко кресту. А когда Кокоревъ

сослался на царскій указъ, Викула «изрыгнулъ хулу и на государя».

При самомъ началѣ дѣйствія постановленій о бородѣ и о нѣмецкомъ платьѣ, въ Астрахани цѣловальникъ Григорій Ефтифѣевъ пошлинъ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ и другимъ дѣлать того-же не препятствовалъ. Воевода потянулъ его къ отвѣту. На допросѣ Ефтифѣевъ сказалъ:

— Хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду!

Примѣръ его очень соблазнительно подѣйствовалъ на астраханскихъ бородачей.

Другой примѣръ. Въ городѣ Бѣлевѣ, жители его, по доносу сборщика пошлинъ Пушкина, «учинились указу ослушны» и продолжали торговать русскимъ платьемъ. Пушкинъ запечаталъ лавки съ такимъ платьемъ, но бѣлевскіе торговцы, при содѣйствіи одного подъячаго, сломали печати и продолжали торговлю. Г. Есиповъ, выписавшій этотъ случай изъ бумагъ государственнаго архива, основательно замѣчаетъ, что «вѣроятно во многихъ мѣстностяхъ встрѣчалось подобное-же сопротивленіе къ принятію нововведеній», которое, разумѣется влекло за собой жестокія экзекуціи и взысканія.

Начали кое-гдѣ вспыхивать и болѣе горючіе, болѣе опасные огоньки народнаго недовольства. Во многихъ мѣстахъ повѣяло открытымъ бунтомъ, нерѣдко съ прямымъ умысломъ на жизнь царя. Такая вспышка произошла въ 1707 г. въ Астрахани, главнымъ «заводчикамъ» которой явился стрѣлецъ Стенька, прикомандированный къ мѣстному Голочалову полку изъ Москвы и вынесшій изъ нея застарѣлый мятежный духъ «губительныхъ псовъ», какъ называлъ Петръ представителей воинствующей оппозиціи и реакціи его реформамъ.

Стенька; при введеніи въ Астрахани указовъ о бородѣ и о платьѣ, сталъ говорить, «а съ кѣмъ—не упомнитъ», что на Москвѣ не прямой государь: старую вѣру перемѣнилъ и ввелъ все латынское, платье велѣлъ носить нѣмецкое, бороды брить», и «мыслилъ онъ, Стенька, самъ собою о бунтѣ» и «приговаривалъ другихъ и съ тою своею мыслью, чтобъ тотъ бунтъ кто нибудь учинилъ». Такимъ образомъ призывалъ онъ открыто къ бунту царицынцевъ и донскихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобъ «боемъ идтить въ верховые города и до Москвы», а, «пришедъ къ Москвѣ, нѣмцевъ всѣхъ, чтобъ гдѣ попался мужеска и женску полу, побить до смерти и сыскать госу-

даря и бить челомъ, чтобъ старой вѣрѣ быть по прежнему, а нѣмецкаго бы платья не носить, и бородъ и усовъ не брить». «А буде-бы онъ государь» на то не согласился, «и его бъ, государя, за то убить до смерти».

Стенькѣ «съ товарищи» удалось найти въ Астрахани сторонниковъ своего смѣлаго плана. Ихъ набралось такое количество, что они открыто, подъ главенствомъ Якова Носова, подняли знамя мятежа, овладѣли Астраханью, возмутили Черный Яръ и Терекъ, и покорились потомъ только съ бою, много надѣлавъ хлопотъ правительству. Бунтъ былъ подавленъ съ отличавшей то время жестокостью. Болѣе трехсотъ человѣкъ поплатились головами, остальныхъ сослали и заточили по тюрьмамъ.

Въ другомъ, болѣе опасномъ и значительномъ, Булавинскомъ бунтѣ, смутившемъ царствованіе Петра В. въ первое десятилѣтіе семисотыхъ годовъ, опять тотъ-же мотивъ, опять протестъ противъ брадобритія.

«Мы,—обращается съ мятежнымъ воззваніемъ къ донскимъ и кубанскимъ казакамъ, и ополчаетъ ихъ атаманъ Кондратій Булавинъ,—отъ своего государя отложимся, что нашу вѣру христіанскую въ Московскомъ государствѣ перевелъ, а у насъ нынѣ отнимаетъ бороды и усы, также и тайные уды у женъ и у дѣтей насильно брѣетъ».

Нелѣпый вымыселъ объ «удахъ»—обычный гарниръ въ возмутительныхъ воззваніяхъ этой категоріи, оказывающій нерѣдко, несмотря на свою очевидную вздорность, рѣшающее вліяніе на исходъ народныхъ волненій. Во время вышепомянутаго астраханскаго бунта, на рѣшимость присоединиться къ нему многихъ подвинулъ разнесшійся слухъ, что вышелъ указъ, запрещающій играть свадьбы семь лѣтъ и повелѣвающій всѣхъ дѣвокъ выдать за нѣмцевъ. Паника произошла такая, что родители бросились выдавать своихъ дочерей за первыхъ встрѣчныхъ, лишь-бы были православные и бракъ совершился-бы по обряду. Въ грамотѣ коноводовъ астраханскаго бунта, разосланной во многіе города, рядомъ съ жалобами на утѣсненіе вѣры и бритье бороды, говорилось: «воеводы и начальные люди болванамъ и кумирскимъ богамъ поклонялись и насъ кланяться заставливали». По справкѣ, это обвиненіе въ нечестивомъ идолопоклонствѣ получило происхожденіе отъ простыхъ деревяшекъ

для храненія париковъ, употреблявшихся тогда при нѣмецкомъ платьѣ...

Подобная игра мятежной фантазіи дѣйствовала воспламеняющимъ образомъ на темные умы и безъ сомнѣнія, благодаря ея участію, преобразованія и новшества Петра В., представляемыя и истолковываемыя недоброжелателями въ искаженномъ, устрашающемъ видѣ, производили на массу такое преувеличенное, отталкивающее впечатлѣніе, какого никогда, конечно, не было-бы при правильномъ ихъ освѣщеніи. Можетъ быть въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ, почему бунты за бороду проявлялись съ наибольшей силой не въ центрахъ, а почти исключительно на окраинахъ государства. Соловьевъ объясняетъ это тѣмъ, что недовольство, подавленное въ Москвѣ и зорко выслѣживаемое тамъ властью, по инерціи отпрянуло къ окраинамъ на берега Дона, Кубани, Поволжья. «Около Москвы ничего нельзя сдѣлать, но можно было начать дѣло гдѣ нибудь подальше отъ Москвы, отъ Преображенскаго».

Это справедливо; но намъ кажется, что возможность «начать дѣло гдѣ нибудь подальше» создавалась не только отдаленностью застѣнковъ Преображенскаго и, вообще, воздѣйствія власти, также тѣмъ, что масса въ окраинахъ была менѣе, чѣмъ въ центрахъ, подготовлена къ преобразованіямъ, слѣдственно, менѣе культурна и болѣе склонна поддаваться вліянію изувѣровъ и суевѣровъ, и тѣмъ скорѣе, что самыя новшества и правительственныя распоряженія приходили къ ней уже изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, испытывая неизбѣжныя въ такомъ случаѣ искаженія и злоупотребленія при практическомъ примѣненіи.

Обстоятельство это особенно рельефно проступаетъ въ исторіи волненій изъ за бороды, и его необходимо принимать во вниманіе, чтобы можно было вышелушить изъ сложной оболочки, съ одной стороны, искуственно-преувеличенныхъ гоненій, и, съ другой—напрасно-возбужденныхъ нелѣпыми баснями тревогъ и жалобъ, историческое живье испытаннаго народомъ въ этомъ случаѣ лишенія и его истинную мѣру.

X.

Таковъ былъ результатъ петровскихъ преслѣдованій бороды, обязанныхъ своей упругостью отчасти преувеличенной безъ нужды защитѣ ея поклонниками старины. «Бороду въ Россіи,—справедливо замѣтилъ Пекарскій,—сначала защищали неутомимо, а потомъ объявили ей гоненіе—вотъ причина, почему въ сущности незначительный предметъ пріобрѣлъ у насъ нѣкоторую важность».

Дѣйствительно, только благодаря этому, можно сказать съ увѣренностью, борода пріобрѣтаетъ то важное значеніе въ исторіи народной жизни, котораго она никогда не имѣла бы, при болѣе мягкомъ и терпимомъ отношеніи сверху къ народнымъ обычаямъ, вообще. Сперва, какъ мы видѣли, шла сверху чрезмѣрно запальчивая, террористическая защита бороды, возведенной такимъ образомъ въ какой-то краеугольный камень и аттестатъ православнаго благочестія и русско-патріотической благонамѣренности. Церковь и государство, безъ всякихъ разумныхъ основаній, вторгаются въ чисто-индивидуальную область русскаго человѣка, начинаютъ распоряжаться его внѣшностью—одеждой, прической, бородой, и, регулируя его вкусъ и волю, предписываютъ для всего этого обязательную, разъ условленную форму. Подобный мундиръ, скроенный государствомъ и санкціонированный церковью, всегда и вездѣ являлся продуктомъ китаизма, въ которомъ коснѣла столько вѣковъ допетровская Москва.Это должны-бы помнить тѣ, кто ставитъ мундирныя пристрастія въ упрекъ исключительно одному Петру В.

Въ сущности, Петръ не *обмундировалъ* Русь, по нѣмецкому фасону, какъ говорятъ его порицатели, а только *переобмундировалъ* ее, и имѣлъ на то основанія въ томъ, именно, обстоятельствѣ, что засталъ Москву въ полной парадной формѣ стараго образца, и что этой формѣ—тогда уже сильно поизношенной и, по выраженію Посошкова, «гнусной» и «непотребной»,—реакція, ставшая поперегъ дороги къ «окну въ Европу», придавала такую преувеличенную важность и святость. Петръ въ этомъ случаѣ только клинъ клиномъ вышибалъ, и—ужъ если ставить ему въ вину его крутую гардеробную реформу, то, вмѣстѣ съ нимъ, къ суду исторіи должно привлечь и его предтечей въ этомъ дѣлѣ, разнившихся съ нимъ только выборомъ фасона. Вина у нихъ общая и, можетъ быть, не-

лицепріятный судъ дастъ «снисхожденіе» вовсе не защитникамъ стараго покроя...

Клинъ вбивался въ русскую жизнь, какъ мы видѣли, со всего размаху, сослѣпа, долго, нещадно и грубо. Засѣлъ онъ въ ней глубоко и, такъ или иначе, парализовалъ ея движенія. Нужно было его извлечь. Положимъ, онъ самъ собою постепенно, естественнымъ порядкомъ расщепился-бы и истлѣлъ отъ всеобновляющаго времени; но Петру некогда было ждать, да на то онъ и былъ слишкомъ геній, чтобъ ни въ чемъ не слѣдовать программѣ «умѣренности и аккуратности», столь почитаемой «постепенновцами» всѣхъ временъ и народовъ. Началось нетерпѣливое безпощадное вышибаніе стараго клина клиномъ новымъ; но, само собой понимается, что всей этой тяжелой, ненужной возни не было бы, не будь ранѣе заколоченъ старый клинъ. Это говоритъ простая логика и—въ этомъ главное объясненіе трагической судьбы нашей героини русской бороды!

Съ особенной настойчивостью пропагандируемая старо-московскими канонистами и законодателями, обязательно присвоенная ими русскому мундиру, борода, натурально, должна была, при петровскомъ переобмундированіи на новый европейскій образецъ, сдѣлаться предметомъ столь-же настойчиваго упраздненія, на такомъ-же основаніи возведеннаго въ актъ государственнаго права. Искуственно - преувеличенный культъ бороды повелъ непосредственно къ такимъ-же преувеличеніямъ и крайностямъ ея упраздненія, и—всѣ эти пересолы, по обыкновенію, легли на спинѣ народа.

Говорятъ, культъ бороды у насъ націоналенъ и оправдывался народнымъ обычаемъ. Это вѣрно. Народъ великорусскій искони возлюбилъ бороду, какъ мы видѣли; но ея догматизація—обобщеніе съ вѣрой и возведеніе въ священное знаменіе Православія занесены изчужа, изъ Византіи, и предписаны сверху, точно также, какъ впослѣдствіи было занесено съ запада и предписано сверху брадобритіе. Разница была только въ томъ, что византійская мода совпадала съ народнымъ обычаемъ и съ самой натурой, и, вслѣдствіе этого-то,въ народное сознаніе и могло проникнуть обобщеніе бороды съ «русской вѣрой»—проникнуть гораздо скорѣе многихъ другихъ, несравненно болѣе существенныхъ, догматовъ Православія.

Тѣмъ не менѣе чисто-народныя воззрѣнія на этотъ предметъ въ спокойныя минуты оставались совершенно чуждыми той фана-

тической нетерпимости и той китайской условности, въ которыя защемлена была русская борода старо-московской книжкой. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сослаться на нелицепріятныхъ, неподкупныхъ экспертовъ народныхъ воззрѣній—на пословицы, справедливо признаваемыя итогами вѣковой народной мудрости.

Русскихъ пословицъ, относительно волосъ и бороды, не мало. Казалось-бы, что въ виду прославленнаго поклоненія русскаго человѣка бородѣ, какъ святынѣ, какъ символу Православія, да еще искупленному длиннымъ рядомъ гоненій и страданій, касающіяся этого пункта пословицы должны носить исключительно благоговѣйный характеръ, заключать въ себѣ защиту и апологію. Но что-же оказывается въ дѣйствительности?

Оказывается, что народная мудрость въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, осталась вѣрна основному свойству русскаго ума—трезвому и смѣлому, ни чѣмъ не смущаемому скептицизму, всегда присыпанному ѣдкой солью юмора и безпощадной ироніи. Большинство разсматриваемыхъ пословицъ насмѣшливо-отрицательнаго содержанія. Въ большинствѣ ихъ скептицизмъ народнаго ума, изощреннаго опытомъ, подвергаетъ сомнѣнію обязательную святость и авторитетъ бороды, а нерѣдко безжалостно ихъ отвергаетъ и осмѣиваетъ.

Въ нашемъ случаѣ слѣдовало-бы начать ссылку съ историческихъ пословицъ, но, какъ извѣстно, наука наша еще немного сдѣлала для точной классификаціи русскихъ пословицъ, въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, историческое значеніе нѣкоторыхъ пословицъ опредѣлено уже нашими учеными, нѣкоторыхъ—ясно само по себѣ изъ ихъ смысла.

Въ историческихъ пословицахъ, собранныхъ и напечатанныхъ въ «Архивѣ» Калачова г. Буслаевымъ, относительно бороды помѣщены двѣ: «Борода длинна, да не къ уму она», «Борода глазамъ замѣна», въ томъ смыслѣ, что «кто плюнулъ въ бороду—плюнетъ въ глаза». Послѣдняя пословица, являющаяся въ редакціи г. Буслаева величаніемъ бороды, сравненіемъ ея съ драгоцѣннѣйшей частью человѣческаго тѣла—глазами, въ сборникѣ Курганова, какъ мы видѣли, имѣетъ противуположнаго смысла варіантъ: «Борода глазамъ *не* замѣна». Отмѣчаемъ это, потому что самъ г. Буслаевъ придаетъ сборнику Курганова большую важность, и—пословицы въ этомъ сборникѣ, дѣйствительно, носятъ въ большинствѣ на-

родно-историческій отпечатокъ. Просимъ, кстати, во избѣжаніе повтореній, выше цитированныя нами у Курганова неодобрительныя для бороды пословицы занесть здѣсь въ общій ихъ счетъ.

Въ сборникѣ В. Даля большинство разсматриваемой категоріи пословицъ не въ пользу бороды и длинныхъ волосъ.

«Волосъ дологъ, а умъ коротокъ»; «Подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не засѣяно»; «Хоть на головѣ-то густо, да въ головѣ то пусто»; «Волосъ глупъ—вездѣ ростетъ»; «Ни голосу ни волосу не вѣрь: шерстью все прикроешь»; «Борода выросла, а ума не вынесла»; «По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ»; «Борода — лишняя тягота»; «Бородой въ люди не выйдешь»; «Борода трава—скосить можно»; «Мудрость въ головѣ, а не въ бородѣ»; «Худое дерево ростетъ въ сукъ, да въ болону, а худой человѣкъ въ волосъ, да въ бороду».

Встрѣчаются пословицы, которыя рѣшаютъ вопросъ надвое: по одной—«Борода въ честь, а усы и у кошки есть»; по другой — «Усъ въ честь, а борода и у козла есть». Одна—мудро, но скорѣе безразлично, чѣмъ въ защиту бороды, говоритъ, что «борода дѣлу не помѣха».

Затѣмъ, есть нѣсколько пословицъ, чуждыхъ скептицизма и безусловно освящающихъ нашу героиню: «Борода — образъ и подобіе Божіе»; «Борода дороже головы»; «Рѣжь наши головы—не тронь наши бороды».

Въ этомъ смыслѣ—у Даля больше нѣтъ. Кромѣ того, всѣ эти три пословицы онъ снабдилъ примѣчаніемъ, что онѣ «раскольничьи». Намъ сдается, что, сверхъ того, онѣ—несомнѣнно историческія и относятся, именно, къ эпохѣ петровскихъ гоненій бороды и имъ однимъ обязаны своимъ происхожденіемъ.

Даль записалъ еще одну пословицу, отнесенную имъ ко времени Петра I, такого содержанія: «Безъ рубля бороды не отростишь». Ясный намекъ на «бородовую» пошлину и, притомъ, не лишенный ироніи. Иронія и юморъ, неразлучные съ русскимъ человѣкомъ, нашли въ горнилѣ народнаго творчества пищу для себя даже въ самомъ преслѣдованіи бороды и въ насильственномъ брадобритіи.

Напримѣръ, на одной старинной народной лубочной картинкѣ изображенъ въ комической страдательной позѣ злополучный «раскольщикъ». На него напираетъ личность, вооруженная ножницами,

съ надписью сверху: «Цырюльникъ хочетъ раскольніку бороду стрічь». Раскольникъ протестуетъ: «Слушай, цырюльникъ, говоритъ онъ, я бороды стрічь не хочу, вотъ гляди я на тебя скоро караулъ закрічу». И, тѣмъ не менѣе, борода его не избѣгаетъ трепогибельныхъ пожницъ...

Эта каррикатура напоминаетъ историческій фактъ. Разсказываютъ, что Петръ, не довольствуясь состояніемъ искусства московскихъ брадобрѣевъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, помоложе и поспособнѣе, послалъ за-границу учиться, откуда они возвратились уже перекрещенными въ «барбировъ». Когда одинъ изъ этихъ «барбировъ» явился, по окончаніи ученія, къ царю, то послѣдній, въ видѣ экзамена, приказалъ ему обстричь и обрить перваго, проходившаго мимо дворца, бородача.

Въ старинной народной юмористической пѣснѣ, «про Ѳому и Ерему», опять встрѣчаемся съ тѣмъ-же шутливо-ироническимъ отношеніемъ къ лишенію бороды, какъ такой пустячной вещи, вся цѣна которой алтынъ и—много—полтина.

Выростили себѣ, по словамъ пѣсни, Ѳома и Ерема

... «бороды, какъ бороны, усы, какъ кнуты;
Вздумали они бородушки на торгъ везти—
Ерема взялъ полтину, Ѳома 8 алтынъ;
Ерема купилъ мерина, Ѳома—жеребца»...

Всѣ эти данныя показываютъ, что народъ, любя бороду, вовсе, однакожъ, чуждъ ея обоготворенія, и въ своихъ воззрѣніяхъ на нее, свободныхъ отъ фанатическаго изувѣрства и книжнаго доктринерства, трезвъ, разсудительно-ясенъ и скорѣе индиферентенъ, чѣмъ исключителенъ и нетерпимъ.

Такъ оно всегда было и на самомъ дѣлѣ въ спокойныя минуты народной жизни; въ смутныя-же времена народнаго недовольства воспламеняющей искрой и знаменемъ для волненій и «бунтовъ» являются иногда совершенно маловажные, либо даже явно нелѣпые предлоги, въ родѣ «кумирскихъ боговъ», бритья женщинъ и дѣтей или выдачи дѣвокъ за нѣмцевъ, какъ мы видѣли.

Въ началѣ XVIII столѣтія народу русскому пришлось испытать, подъ могучей порывистой рукой Петра, исполинскую встряску, въ которой онъ многаго не понималъ: не понималъ, зачѣмъ его гонятъ то на югъ—корабли строить и грудью брать басурманскій Азовъ, то на далекій сѣверъ, въ негостепріимныя болота — сооружать

новый городъ; не понималъ изъ за чего идутъ утомительныя безполезныя войны; не понималъ цѣли всѣхъ этихъ европейскихъ новшествъ, этихъ кургузыхъ кафтановъ, этихъ бритыхъ подбородковъ; не понималъ самого виновника всей этой встряски, такъ не похожаго на его предшественниковъ,—изъ за чего онъ «рветъ да мечетъ», всюду «ѣздитъ рано и поздо по ночамъ малолюдствомъ и одинъ», «всѣхъ выволокъ въ службу», «самъ ходитъ на службу» и—«нигдѣ отъ него не уйдешь» и ни откуда на него самаго, «кутилку, переводу нѣтъ»?...

Еще менѣе, конечно, могъ понять народъ цѣль обязательнаго переодѣванья и брадобритія, которыя, и вообще, не могли-бы найти оправданій въ доводахъ простой логики...

Не понимая ничего этого, видя въ диковинномъ царѣ и въ его кипучей дѣятельности нѣчто чуждое для себя, новое и несообразное, народъ, поэтому, чувствовалъ и сознавалъ лишь одну тягость заданной ему работы и встряски—чувствовалъ себя въ положеніи чернорабочаго раба, котораго властелинъ-самодуръ заставилъ изъ силъ выбиваться надъ непонятнымъ для него, ненужнымъ ему, да и не для него предназначаемымъ дѣломъ.

«Какъ его (Петра) Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали,—говорили крестьяне: тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи нѣтъ».

Вотъ какими исключительно результатами запечатлѣлась въ народномъ представленіи вся преобразовательная эпоха Петра! Народъ чувствовалъ только «тяготу непереносимую» и, не видя и не сознавая блага отъ этой «тяготы», естественно считалъ Петра «міроѣдомъ», «не прямымъ» государемъ, «нѣмцемъ», а всѣ его дѣла и начинанія—«міроѣдствомъ» и самодурствомъ.

Слѣдовательно, и безъ брадобритія недовольства въ народѣ накипѣло очень много противъ петровскаго режима. Покушеніе на бороду переполнило только чашу терпѣнія или, точнѣе сказать, укололо самый чувствительный нервъ въ *личности* русскаго человѣка. Не понятое въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Петръ, оно было истолковано просто, какъ продуктъ разнузданнаго самодурства, какъ безпричинно-злое, тираническое издѣвательство надъ личностью человѣческой... Но нужно-же чѣмъ нибудь его объяснить, нужно найти въ немъ какой ни на есть смыслъ?—За этимъ дѣло не стало.

Еще недавно русскому человѣку очень настойчиво внушалось уваженіе къ бородѣ, какъ къ «образу Божію», и отвращеніе къ брадобритію, какъ къ грѣху противъ Православія. Внушенія эти не могли пройти безслѣдно, тѣмъ болѣе, что совпадали со вкусомъ народа къ бородѣ. Но вотъ является странный царь, который всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій изобличается въ томъ, что онъ либо нѣмецъ, либо «обойденъ» нѣмцами и, ради этого, отступилъ отъ Православія... Отсюда, въ представленіи народномъ покушеніе на бороду, какъ на видимую, осязательную примѣту «русской вѣры» и русской народности, путемъ примитивнаго силлогизма, обобщается съ покушеніемъ на самую вѣру со стороны этого онѣмеченнаго царя. Но когда раздается мятежный кличъ: «за вѣру и бороду»! мотивирующій народное движеніе, для историка ясно, что подъ этими двумя словами подразумѣвается вся та «тягота на міръ», всѣ тѣ «рубли да полтины», которые не давали «отдыху» народу въ дни Петра, и что, въ сущности, обида за покушеніе собственно на бороду играетъ здѣсь далеко не первостепенную и вовсе не рѣшающую роль.

XI.

Послѣ смерти Петра, хотя изданные имъ указы о бритьѣ бороды и ношеніи нѣмецкаго платья не переставали имѣть силу, но преслѣдованіе бороды, сравнительно, ослабѣваетъ. Это объяснялось отчасти тѣмъ, что новая обязательная мода начала мало по малу входить въ обычай, по крайней мѣрѣ, въ верхнихъ слояхъ общества. Уже въ срединѣ XVIII столѣтія бритый подбородокъ является общепринятымъ признакомъ благородства, образованія и хорошаго тона, и все то, что претендовало на власть и значеніе, стремилось выдвинуться изъ низменнаго придавленнаго уровня сѣрой «мужичьей» массы, изъ слоевъ «подлаго» народа, по тогдашнему термину,— все это первымъ долгомъ хваталось за бритву и уже безъ всякихъ понужденій старательно выскабливало себѣ бороды.

И этой модѣ слѣдуютъ уже не одни только служилые классы— дворянство и чиновники, но и люди «средняго состоянія»: купцы, мѣщане, холопы... Извѣстный богачъ—откупщикъ, купецъ Злобинъ,

подвизавшійся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ Вигеля, былъ предметомъ всеобщаго удивленія потому, что, вопреки господствовавшаго обычая, имѣлъ мужество носить бороду и являться съ ней во дворцѣ и среди высшаго петербургскаго общества. Этимъ Злобинъ рѣзко выдѣлялся даже изъ своей среды—первостатейнаго столичнаго купечества, и если ему прощали бороду въ обществѣ, то только потому, что онъ былъ очень богатъ и не скупился давать роскошныя пиршества.

Въ 80-хъ годахъ появился въ Петербургѣ замѣчательный самоучка Свѣшниковъ. Онъ изумилъ и поразилъ всѣхъ обширностью и разносторонностью своихъ знаній. «Наконецъ,—говоритъ современникъ,—онъ обладалъ такой чудной логикой и такой удивительной памятью, что отвѣты на задаваемые ему вопросы оставались всегда безъ возраженій». Былъ у него только одинъ недостатокъ, возбуждавшій сожалѣніе въ его петербургскихъ свѣтскихъ друзьяхъ—борода. «Если-бы,—наивно говоритъ современникъ,—онъ рѣшился брить бороду, то былъ-бы совершенствомъ»...

Дѣйствительно по вкусу того времени, мужская красота могла достигнуть «совершенства» только при условіи бритья бороды. Этотъ взглядъ до того вкоренился, что бывали случаи, гдѣ мущины, будучи лишены возможности бритья, выщипывали себѣ бороды, изъ кокетства. О такомъ фактѣ разсказываетъ декабристъ Якушкинъ. Его товарищи—Бестужевъ (Марлинскій), Арбузовъ и Тютчевъ, сидя въ роченсальмской крѣпости, стали ухаживать за молоденькой дочерью коменданта и, «желая ей понравиться, выщипывали себѣ бороды, такъ какъ имъ ихъ не брили».

Брадобритіе такъ плотно вошло въ обычаи, а борода казалась такой аномаліей и дикостью, что даже Бѣлинскій, уже въ 1844 г., извѣщалъ изъ Херсона своихъ петербургскихъ друзей, какъ о не обыкновенномъ событіи: «да будетъ вамъ извѣстно, писалъ онъ—что я хожу съ бородою» и что борода «вышла у меня на славу»... Къ слову сказать, въ тѣ времена суровой подозрительности появленіе бороды у людей интеллигентныхъ считалось признакомъ вольномыслія и неблагонадежности; но ужъ въ этомъ случаѣ подразумѣвалось, конечно, подражаніе не народной, русской бородѣ, а—французской, республиканской.

Словомъ, брадобритіе настолько было усвоено русскимъ обществомъ, по непреклонному почину Петра, что его преемникамъ не

настояло уже надобности продолжать крутыя понудительныя мѣры противъ бороды.

Петровскіе указы по этому предмету были повторены и подтверждены всего лишь два раза: при Екатеринѣ I — и то относительно лишь петербургскихъ жителей; затѣмъ—въ послѣдній разъ—при Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1743 г. Въ послѣдующемъ законодательствѣ XVIII столѣтія встрѣчается еще одинъ указъ о бородѣ, но уже въ смыслѣ, снисходительномъ къ ней. Въ 1762 г. вызывались къ возвращенію въ отечество бѣжавшіе изъ Россіи раскольники, причемъ указъ обѣщалъ не чинить имъ принужденія относительно бритья бороды и ношенія нѣмецкаго форменнаго платья.

Тѣмъ не менѣе, насиліе, сдѣланное Петромъ В., глубоко запало въ народной памяти, а—главное—память эта тѣсно связываетъ отселѣ съ указнымъ брадобритіемъ всѣ кривды и неправды, исходившія отъ многообразнаго бюрократическаго и помѣщичьяго гнета, все то презрительное, надменное отношеніе «правящихъ» бритыхъ подбородковъ къ представителямъ бороды, которое отличаетъ исторію всей «внутренней политики» прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Отсюда борода дѣлается, какъ-бы, лозунгомъ народныхъ движеній на призывъ о ея сохраненіи отъ ненавистной «казенной» бритвы—колышется масса, преданная прадѣдовскимъ повѣрьямъ и обычаямъ, поднимается все недовольное петербургскими новшествами, введеніе которыхъ, и на самомъ дѣлѣ, непомѣрно дорого и тяжело обошлось народу.

Извѣстно, что Пугачевъ, возмущая народъ и призывая его подъ свои знамена, въ числѣ другихъ льготъ и вольностей, обѣщалъ пожаловать и бородою.

«...Когда вы исполните мое имянное повелѣніе, гласилъ его манифестъ: и за то будете жалованы *крестомъ и бородою*, рѣкою и землею, травами и морями... и вѣчною вольностію...»

Даже въ позднѣйшія уже времена посягательство на бороду нерѣдко производило смуту въ народѣ и являлось однимъ изъ предлоговъ къ бунтамъ. Это показалъ примѣръ возмущеній военныхъ поселеній. Аракчеевъ, выдумавшій эту безпримѣрную затѣю, превращая поселенскихъ крестьянъ-пахарей въ солдатъ, наложилъ, по выраженію одного его біографа, «мощную руку на священную бо-

роду». Говоря проще, онъ обрилъ всѣхъ поселянъ и—это послужило, впослѣдствіи, однимъ изъ мотивовъ къ бунтамъ.

Какъ показалъ недавній, хорошо памятный, вѣроятно, читателямъ, военный процессъ объ одномъ старообрядцѣ-матросѣ, воспротивившемся бритью своей бороды, и доселѣ еще въ старовѣрческой средѣ борода чтится высоко, какъ символъ благочестія и православія. И поэтому нельзя не отнестись съ величайшимъ сочувствіемъ къ тѣмъ вновь изданнымъ законоположеніямъ, которыми положенъ предѣлъ вѣковымъ гоненіямъ противъ бороды, во имя казарменно-канцелярской формалистики.

Впрочемъ, въ былыя времена тутъ дѣло шло не объ одной лишь формалистикѣ. Правительство смотрѣло на бороду—и имѣло на то основаніе—какъ на выраженіе протеста себѣ и своимъ порядкамъ, какъ на явный знакъ неблагонадежности. Это, напримѣръ, не однажды высказывалось Екатериною II, въ устахъ которой борода имѣла значеніе какъ-бы термина для тѣхъ противогосударственныхъ явленій, которыя она называла «глупостями». Въ ея перепискѣ съ Н. И. Панинымъ, по поводу свирѣпствовавшей въ Москвѣ чумы, встрѣчаемъ прямое на это указаніе.

«Состояніе Москвы, писала она, меня очень безпокоитъ, ибо тамъ, кромѣ болѣзни и пожаровъ, *глупости* много. Tout cela tient ă la barbe de nos ancetres» (все это отзывается бородою нашихъ предковъ)...

И ранѣе Екатерины II, правительство не разъ имѣло случай убѣдиться въ противогосударственномъ значеніи бороды въ устахъ людей недовольныхъ существовавшими порядками. Въ числѣ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи временъ Елизаветы встрѣчается не мало возбужденныхъ по поводу протеста противъ бритья бороды и связанныхъ съ этимъ искаженій древняго благочестія. По доносу, многія лица, преимущественно изъ старообрядцевъ, обличались въ «злодѣйственныхъ непристойныхъ разсужденіяхъ и толкованіяхъ», въ такомъ обыкновенно родѣ:

...«Нынѣ-де въ церкви несправедливое ученіе... Нынѣшніе-де архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ: нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ... А люди-де *брѣютъ бороды*, и церковь-де всѣмъ любодѣйцамъ и мерзостямъ и грѣхамъ земскимъ мать... И первый-де императоръ (Петръ В.) старовѣровъ мучилъ и

которые-де замучены—всѣ святы, и билъ Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ... И при Елизаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несодержанія старой вѣры» и т. д.

Цѣлые десятки поклонниковъ бороды, повинныхъ въ произношеніи и слушаніи такихъ «злодѣйственныхъ» толковъ, запирались въ тюрьмы, предавались пыткѣ, наказывались кнутомъ и ссылались на каторгу...

Такимъ образомъ, въ исторіи петербургскаго періода борода представляетъ значеніе какъ бы символа той розни и той ломки, которыя раскололи Русь, съ нелегкой руки Петра, на два лагеря: Русь бритую и Русь бородатую.

Никакъ нельзя сказать, чтобы, въ происходившей между ними ожесточенной борьбѣ, право на симпатіи принадлежало, именно, обрившейся Руси. Бритый подбородокъ — это былъ подбородокъ барина-крѣпостника, умѣвшаго соединять въ своей особѣ салонный лоскъ и вольномысліе французскаго маркиза съ чисто московскимъ самоуправствомъ и жестокостью по отношенію къ «подлому», бородатому сословію; бритый подбородокъ—это была краса приказныхъ піявокъ, бравыхъ Скалозубовъ, расторопныхъ Держимордъ и всей той прожорливой, необузданной въ дѣлахъ кривды саранчи, которая сбривала съ живымъ мясомъ благосостояніе Руси бородатой...

Съ другой стороны, какъ видимъ, борода всегда прикрывала изможденную непосильнымъ трудомъ и крѣпостнымъ гнетомъ грудь мужика-крестьянина. И если, положимъ, ею украшались рядомъ и застарѣлое изувѣрство, и наслѣдственная дикость, то уже одно то, что побѣда была не на сторонѣ бороды, что, напротивъ, ею, какъ-бы, олицетворялись страданья и вѣковая приниженность личности человѣческой, мы, конечно, склонимся внутреннимъ чувствомъ правды не къ тріумфаторскому «позорищу» героическихъ дѣяній ликующаго цивилизатора—бритаго подбородка, а къ той мрачной, исполненной кровавыхъ картинъ, трагедіи, страдающей, угнетенной, героиней которой является народная борода.

ИСТОРІЯ ОДНОГО „ПРОКЛЯТАГО“ ВОПРОСА.

„За двѣсти милліоновъ Россія
Жидами на откупъ взята...
. . . .
И много Понтійскихъ Пилатовъ
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ
Христа своего продаютъ...
Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села,
И Русь затопляетъ оно.“

Графъ А. Толстой.

* * *

„Мы судебно-полицейской
Властью—пьянство укротимъ“.

Некрасовъ.

I.

Странная у насъ судьба этого по-истинѣ «проклятаго» вопроса— вопроса о народномъ пьянствѣ и его искорененіи!

Подобно какой-нибудь хронической лихорадкѣ, онъ возникаетъ у насъ періодическими пароксизмами, охватываетъ время отъ времени умы радѣтелей о народной нравственности, повиситъ долго-ли, коротко ли, въ благорастворенной атмосферѣ канцелярій и кабинетовъ, а затѣмъ сдается въ архивъ до новаго пароксизма. Который ужь разъ въ одномъ текущемъ столѣтіи, не говоря о временахъ давнопрошедшихъ, становился онъ моднымъ и очереднымъ вопросомъ! *)

Пора-бы, казалось, додуматься, что тамъ, гдѣ слишкомъ треть государственнаго бюджета покрывается на счетъ потребленія спирта, правильная практическая постановка подобнаго вопроса, при данныхъ условіяхъ, почти немыслима. Впрочемъ, и то сказать: кто у насъ больше всѣхъ кричитъ о мужичьемъ безпросыпномъ пьян-

---

*) Статья эта была написана и напечатана въ журналѣ „Дѣло" въ 1877 г.; она не касается, послѣдовавшихъ послѣ того, новыхъ обсужденій вопроса, объ искорененіи пьянства, въ литературѣ и въ сферѣ общественно-административной, включительно до прошлогодняго „совѣщанія" „свѣдущихъ людей".

Тѣмъ не менѣе, въ виду констатированной безрезультатности этого „совѣщанія", какъ и другихъ разсужденій по этому вопросу, и самой ихъ сущности, изложенные въ этой статьѣ замѣчанія и выводы сохраняютъ, какъ кажется автору, и теперь ту степень своевременности и убѣдительности, какую они имѣли въ первый моментъ своего появленія. На этомъ основаніи, статья эта, имѣющая, притомъ, цѣлью очертить вообще всю прошлую *исторію вопроса объ искорененіи пьянства* на русской почвѣ, предложена здѣсь въ своемъ первоначальномъ видѣ, безъ измѣненій.

ствѣ? А кричитъ вотъ кто... Позволю себѣ разсказать по этому поводу слѣдующую живьемъ схваченную сценку.

Пишущему эти строки случилось какъ-то столкнуться въ дорогѣ съ однимъ изъ представителей нашего «культурнаго» класса. На вопросъ мой, какъ идутъ дѣла въ ихъ мѣстности, «культурный человѣкъ,» войдя въ азартъ, отвѣчалъ:

— А живется у насъ такъ отмѣнно, что нашему брату, soi disant «землевладѣльцу», одно спасеніе осталось—*абсентеизмъ*! Не извольте понять слово это въ смыслѣ потребленія абсента,—не потому, чтобъ мы отрицали его цѣлебную силу, нѣтъ!—а просто онъ намъ теперь не по карману;—абсентеизмъ въ смыслѣ болѣе или менѣе постыднаго бѣгства—вотъ наше спасеніе! Жить дома и вести хозяйство, при нынѣшнихъ условіяхъ, съ нынѣшнимъ «вольно-наемнымъ» мужикомъ (слово «вольнонаемный» онъ подчеркнулъ)—значитъ осудить себя на безъисходную муку, которая не окупается даже скуднымъ насущнымъ пропитаніемъ. Нашъ почтенный свободный земледѣлецъ сталъ невозможенъ, хотя-бы ужъ потому только, что онъ всего себя пропилъ и пропиваетъ.

Съѣхавши на тему мужицкаго пропойства, собесѣдникъ мой не скоро угомонился. Раздирательныя картины пьянства, съ его гибельными послѣдствіями на благосостояніи, гигіенѣ и нравственности народа, слѣдовали одна за другой, какъ въ стереоскопѣ. Живописанію этому положила предѣлъ только остановка поѣзда у станціи, когда «культурный» человѣкъ счелъ за благо освѣжиться нѣсколько у буфета.

По его уходѣ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ какой-то поношенный, съ жолчной физіономіей господинъ, все время до этого, повидимому, дремавшій, вдругъ открылъ глаза, зѣвнулъ и, хихикая, заговорилъ какъ-бы про себя:

— Мужикъ спился съ кругу... мужикъ потопилъ въ сивухѣ всякій образъ человѣческій и гражданскій,—передразнивалъ онъ «культурнаго» человѣка.—Кто это говоритъ? Кто это скорбитъ душою о народномъ пьянствѣ? Это говоритъ суровый Катонъ, шьющій себѣ панталоны съ дохода отъ кабаковъ... ха, ха... Ну, разумѣется, кому же и знать, какъ не ему, спивается-ли народъ съ кругу или нѣтъ?

На мой вопросъ, неужели онъ говоритъ о сейчасъ ораторствовавшемъ Катонѣ, нашемъ сосѣдѣ, жолчный господинъ отвѣтилъ:

— Конечно! Этотъ Катонъ десять кабаковъ въ нашемъ округѣ

содержитъ, съ кабаковъ живетъ и посредствомъ кабаковъ въ мировые судьи даже попалъ недавно. Это не секретъ, да и развѣ онъ одинъ у насъ изъ такихъ обличителей?

Дѣйствительно, у насъ больше всѣхъ кричатъ о народномъ пьянствѣ тѣ самые господа, которые прямо или косвенно существуютъ съ доходовъ отъ кабака,—всѣ тѣ, кто, по выраженію одного доморощеннаго публициста, крестьянина Л—ва, «видятъ средства къ существованію въ окончательномъ разореніи забитаго мужика и всякаго выпивающаго сословія» *).

Понятно, что истинныя цѣли и стремленія у этихъ скорбящихъ фарисеевъ о мужичьемъ пьянствѣ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительными заботами объ улучшеніи нравственнаго и экономическаго быта, народа, и ихъ іеремiады—не болѣе, какъ слезы крокодила. Но за фарисеями остается то преимущество, что они очень хорошо знаютъ, чего хотятъ, у нихъ есть прочное основаніе и опредѣленная цѣль.

Нельзя сказать того-же о фракціи благонамѣренныхъ радѣтелей, періодически возбуждающихъ и разрѣшающихъ тотъ-же вопросъ, какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ области публицистики и общественнаго представительства.

Кромѣ указанной выше невозможности, при существующей у насъ финансовой системѣ, правильной постановки разсматриваемаго вопроса, такая постановка его немыслима еще и потому, что для нея очень мало сдѣлано подготовительныхъ работъ. Напримѣръ, до сихъ поръ у насъ никто не знаетъ хотя приблизительныхъ размѣровъ народного пьянства въ дѣйствительности, и по этому вопросу установилось нѣсколько совершенно противоположныхъ мнѣній; никто не пробовалъ, путемъ точнаго обобщенія фактовъ и цифровыхъ данныхъ, опредѣлить, въ какой степени увеличилось оно въ наше время (по господствующему мнѣнію) и увеличивается-ли вообще, говоря о всей Россіи; никѣмъ не провѣрено на практикѣ, въ какой мѣрѣ уменьшеніе потребленія вина и числа кабаковъ, какъ лучшее средство, по общему признанію, противъ развитія пьянства, раціонально на самомъ дѣлѣ; наконецъ, самое понятіе о пьянствѣ и о пьяницѣ у насъ до крайности растяжимо и употребляется совершенно произвольно.

---

*) „Труды И. Вольн. Экон. Общ.", 1872 г. т. II стр. 240.

Нельзя сказать, чтобы по всѣмъ этимъ вопросамъ не существовало отвѣтовъ; напротивъ, ихъ очень много и на всякія требованія. Не такъ давно еще въ политико-экономическомъ комитетѣ вольнаго экономическаго общества разсматривались и изыскивались «мѣры противъ пьянства». Засѣдали въ этомъ комитетѣ люди почтенные, спеціалисты и наблюдатели народнаго пьянства по горячимъ слѣдамъ, на мѣстѣ дѣйствія; разсуждали они глубокомысленно, горячо, подходили къ вопросу отъ разныхъ высшихъ точекъ зрѣнія и кончили тѣмъ, что «пришли, понюхали и прочь пошли..»

Я останавливаюсь на этомъ именно фактѣ, такъ-какъ онъ авторитетнѣе и краснорѣчивѣе другихъ подтверждаетъ сейчасъ сказанное о томъ, что, во-первыхъ, наши искоренители народнаго пьянства не знаютъ, чего хотятъ, и, во-вторыхъ, что, принимаясь за рѣшеніе этого вопроса, они блуждаютъ ощупью въ туманѣ догадокъ, предположеній, проектовъ и всяческихъ благихъ пожеланій.

Не вдаваясь въ подробный разборъ положеній и выводовъ, къ которымъ пришелъ комитетъ, я позволю себѣ только констатировать нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ меня не заподозрили въ голословности.

Уже самый «докладъ», послужившій прецедентомъ преній, поражаетъ наивностью своей задачи. Исходя изъ положенія, что пьянство въ народѣ не уменьшается, несмотря ни на какія стѣснительныя мѣры, докладчикъ предложилъ попробовать, не воздѣйствуетъ-ли на искорененіе пьянства химія... Безъ шутокъ! На основаніи-ли опыта или умозрительнаго метода, докладчикъ открылъ, что всему злу корень «молодое» неочищенное вино. Оно «производитъ въ человѣкѣ говоритъ онъ, глубокое органическое разстройство и такъ-называемое эпилептическое опьяненіе, между тѣмъ какъ старое вино возбуждаетъ одну только веселость...» Слѣдовательно, заключаетъ онъ, «вся задача сводится къ тому, чтобы найти способъ дѣлать молодое вино старымъ» *) скоро и дешево. И этотъ-то способъ, открытый какимъ-то бельгійцемъ Гакомъ, докладчикъ и рекомендовалъ, какъ лучшее средство противъ развитія въ народѣ пьянства!

Рецептъ, какъ видите, на-столько простой, легкій и въ то-же время неожиданный, что остается только изумляться остроумію

---

*) „О мѣрахъ противъ пьянства въ Европѣ и Америкѣ“, Спб. 1871 г.

почтеннаго докладчика. Правда, онъ при этомъ добавилъ, что недурно еще противодѣйствовать пьянству «развитіемъ общаго образованія и общаго благосостоянія»; но ужь это такъ—къ слову пришлось, да, наконецъ, «развитіе образованія и благосостоянія», какъ универсальная панацея противъ всѣхъ язвъ и недуговъ народнаго организма, сдѣлалось теперь избитой фразой, ничего неразрѣшающей и ничего невыражающей. Ею у насъ отдѣлываются отъ всякихъ насущныхъ вопросовъ.

Общее образованіе и благосостояніе развиваются въ народѣ вѣками и, конечно, столько-же зависятъ отъ поощрительныхъ санкцій разныхъ мудрецовъ и ученыхъ комитетовъ, сколько и отъ прохожденій Венеры надъ дискомъ солнца. «По нашему глубокому убѣжденію, причина даннаго зла — недостатокъ образованія и благосостоянія. Восполнить этотъ недостатокъ вдругъ мы не можемъ... Подождемъ, когда онъ естественнымъ порядкомъ восполнится!»— вотъ общая формула этихъ мудрецовъ, ни къ чему никого необязывающая.

Къ такому именно выводу пришелъ въ концѣ своихъ долгихъ преній и политико-экономическій комитетъ... Но я забѣжалъ впередъ... Посмотримъ, какъ отнесся комитетъ къ цитированному докладу и какія предъявилъ мѣры съ своей стороны? Способъ Гака, какъ средство противъ пьянства, былъ признанъ «заслуживающимъ вниманія» и представленія на усмотрѣніе правительства. Мы не знаемъ, какъ отнеслось правительство къ этому чудесному проэкту, но знаемъ, что онъ канулъ въ ту-же пучину, на днѣ которой похоронено столько прекраснѣйшихъ проэктовъ.

Въ преніяхъ своихъ комитетъ прежде всего старался выяснить вопросъ: точно-ли пьянство слишкомъ развито у насъ и точно-ли оно увеличивается? Получились слѣдующіе, взаимно побивающіе другъ друга отвѣты:

№ *1-ый.* «Пьянство не уменьшается», ибо «потребность вина въ народѣ поддерживается недостаткомъ матеріальнаго и умственнаго развитія».

№ *2-ой.* «Пьянство ни за-границей, ни у насъ не увеличивается, усиливается только потребленіе водки, но это далеко еще не признакъ пьянства».

№ *3-ій.* Пьянство, «*кажется*, ростетъ сильно и дошло уже до

неожиданной высоты, считается чѣмъ-то необыкновеннымъ, приличіемъ, даже удалью».

№ *4-й*. «Всѣ доводы, приведенные въ доказательство усиленія пьянства въ Россіи, неосновательны, *потому что никто не считалъ пьяныхъ*».

И такъ далѣе., и т. д.

Вы видите, что всѣ положенія здѣсь равно убѣдительны, такъ-какъ основываются на «кажется», на томъ, что «никто не считалъ пьяныхъ», на томъ, что до сихъ поръ нѣтъ «статистики русскаго пьянства», и, стало быть, въ-концѣ-концовъ вопросъ остается по-прежнему открытымъ.

Еще разнообразнѣе были посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ спасительныя мѣры къ искорененію народнаго пьянства, хотя комитетъ и высказался, что онъ, въ сущности, не знаетъ, существуетъ-ли оно въ дѣйствительности, или только въ головахъ политико-экономовъ. Но не все-ли это равно? Отчего не доставить себѣ удовольствія и не высказать остроумной мѣры? На то и существуютъ говорильни, чтобъ благонамѣренные радѣтели о мужичьей трезвости могли свободно опорожнивать себя отъ того якобы умственнаго груза, которымъ обремененъ нашъ культурный человѣкъ. Вотъ эти остроумныя мѣры:

— Слѣдуетъ изъять изъ практики всѣ стѣснительныя административныя мѣры, имѣющія цѣлью «отдалить водку отъ потребителя», такъ-какъ опытъ показалъ, что онѣ недѣйствительны...

— Нѣтъ! «Могутъ быть такія административныя мѣры, которыя должны повлiять на уменьшеніе охмѣленія народа».

— Все зло—кабакъ! Пусть администрація «запретитъ открывать кабаки людямъ опороченнымъ».

— Вздоръ! «Всѣ подобныя мѣры, кромѣ уменьшенія въ народѣ побужденія къ самоопекѣ, ведутъ къ злоупотребленіямъ».

— «Пора объяснить народу, что пьянство есть нравственное преступленіе»; достигнуть-же этого можно «учрежденіемъ обществъ трезвости, которыя повсемѣстно вліяли-бы (не безъ содѣйствія полиціи, конечно!) на народъ внушительными и карательными мѣрами».

— Не дурно также «доставить народу возможность пользоваться развлеченіями, напр., театрами».

— Вотъ что, господа: «не возможно-ли изобрѣсти такое химиче-

ское соединеніе, которое, растворяясь въ винѣ извѣстной крѣпости, при малѣйшемъ прибавленіи воды производило-бы муть, дѣлало-бы вино скверным на видъ и отвращало-бы отъ него взоры и уста пьяницъ?»

— Довольно, довольно!—скажетъ читатель.

Я и самъ вижу, что довольно: «муть» и только муть получается изъ этихъ «политико-экономическихъ» мѣръ, и при томъ достаточно «скверная на видъ», чтобъ настояла надобность еще болѣе ее сгущать.

Комитетъ-же вышелъ изъ этой мути, какъ говорится, съ честію,—безъ всякаго затрудненія для себя и къ общему удовольствію взболтавшихъ ее: онъ почти цѣликомъ внесъ ее въ «резолюцію». На томъ дѣло и кончилось...

Мнѣ кажется, одно сопоставленіе приведенныхъ выдержекъ, безъ всякихъ коментаріевъ, вполнѣ подтверждаетъ высказанную здѣсь мысль, что наши политико-экономы, считающіе себя призванными рѣшать вопросъ о народномъ пьянствѣ, не знаютъ, о чемъ они говорятъ, не знаютъ, чего хотятъ, и изъ всѣхъ ихъ писаній и разглагольствованій выходитъ дѣйствительно одна «муть»...

Я взялъ для примѣра самый крупный и самый характерный случай; разсмотрѣніе всѣхъ ихъ и вообще всей литературы вопроса завлекло-бы меня слишкомъ далеко, да въ этомъ и нѣтъ надобности: въ представленной здѣсь дѣятельности политико-экономическаго комитета они отражаются, какъ въ фокусѣ. Почти все, что было писано и обсуждаемо по этому вопросу въ разныхъ другихъ ученыхъ комитетахъ и органахъ за послѣднее время, не представило-бы для насъ уже ни новизны, ни интереса. Безплодность-же всѣхъ этихъ писаній и разговоровъ краснорѣчиво доказывается тѣмъ, что они до сихъ поръ не увѣнчались никакими практическими результатами и нисколько не подвинули самый вопросъ къ его рѣшенію.

II.

Одновременно съ интеллигенціей, но несравненно ближе къ цѣли и дѣловитѣе, были озабочены искорененіемъ пьянства правительство и самъ народъ. Тутъ уже мы встрѣчаемся съ чисто-практическими мѣрами, но увы! все, что сдѣлано по этому предмету, сдѣлано совершенно независимо отъ остроумныхъ мѣропріятій приватныхъ регламентаторовъ, а часто даже наперекоръ имъ...

Я далекъ отъ того, чтобы упрекать за это прискорбное отсутствіе солидарности ту или другую сторону, да и какъ упрекать, напр., народъ, что онъ не соображался въ данномъ случаѣ съ резолюціями вольнаго экономическаго общества или передовыми статьями публицистовъ, если онъ и не подозрѣваетъ существованія этихъ почтенныхъ дѣятелей?

Народъ въ борьбѣ съ пьянствомъ дѣйствовалъ, по своему чисто-эмпирическому разуму, чрезвычайно просто и непосредственно, не вдаваясь ни въ какія высшія соображенія, не справляясь ни съ Фреръ-Орбанами, Лажордьерами, Фовилями, ни даже съ гг. Бушеномъ и Бланкомъ.

Видятъ мужики, что многіе изъ односельчанъ ихъ спиваются въ мѣстномъ кабакѣ. Слѣдовательно, не будь кабака, разсуждаютъ они,—пьяницамъ негдѣ было бы раздобыть вина и волей-неволей перестали-бы они пьянствовать. На основаніи этого нехитраго умозаключенія собирается сходъ и пишется приговоръ (привожу выдержки изъ подлинника): «Закрыть существующій на мірской землѣ питейный домъ и впредь таковыхъ на всемъ протяженіи крестьянскаго надѣла не открывать, дабы не лишиться послѣдняго хозяйства и получить льготы правительства разсрочкою недоимокъ; да чтобъ изъ общества села (имя рекъ) никто не ходилъ-бы ни въ какой питейный домъ пить водку. Если-же кто будетъ замѣченъ, что выпилъ водки, того штрафовать каждый разъ» (обозначается, на какую сумму штрафовать; въ другихъ-же приговорахъ назначается еще арестъ и другія наказанія по приговору мировыхъ судей)...

Вотъ господствующая форма сельскихъ приговоровъ противъ кабаковъ и пьянства, и такихъ приговоровъ составлялось въ послѣднее время цѣлыя тысячи. Въ одной пензенской губерніи въ

1874 году число ихъ возрасло до 350. Въ агитаціи противъ пьянства стали принимать дѣятельное участіе и крестьянки, стали составлять свои бабьи приговоры объ уничтоженіи кабаковъ, хотя, къ ихъ великой горести, приговоры эти не могли получить надлежащей санкціи.

Кажется, эти факты должны-бы послужить рельефнымъ указаніемъ, что въ народѣ нашемъ далеко не существуетъ такой огульной слабости къ пьянству, какъ это привыкли думать, и что онъ, помимо всякихъ отечески-полицейскихъ внушеній и наставленій, ведетъ борьбу противъ этого зла по собственному разумѣнію и сознанію.

Движеніе въ народѣ въ пользу трезвости не ново. Впервые проявилось оно, и въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь, въ 1858 г., еще во время существованія откупа, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ его тогда Добролюбовъ:

«... Кто изъ насъ, писалъ онъ,—хотя въ предположеніи могъ указать такое средство (т. е. зарокъ не пить) противодѣйствія откупу? Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека нашихъ нравовъ, такъ радикальна... что мы даже въ теоріи не могли ее придумать... А народъ это сдѣлалъ безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній». (Соч. Н. А. Добролюбова, т. IV, стр. 115.)

Эти слова могутъ повторить безъ особенной натяжки и современные политико-экономисты и публицисты. Что новаго, лучшаго втеченіи слишкомъ 20 лѣтъ нашлись они придумать и предложить народу?!

Теперь, впрочемъ, къ крестьянскимъ обществамъ трезвости симпатіи значительно поостыли и кое-кто относится къ нимъ даже съ скептицизмомъ. Такъ, въ свое время, кореспондентъ «Голоса» категорически засвидѣтельствовалъ, что «ни одинъ изъ пензенскихъ приговоровъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на уменьшеніе пьянства» и что, будучи продуктомъ начальственнаго воздѣйствія, они «остались мертвой буквой и не выходили изъ стѣнъ волостныхъ правленій...»

Противъ этого спорить нельзя. Конечно, множество приговоровъ на самомъ дѣлѣ кончилось ничѣмъ; но нельзя также отрицать и народнаго почина въ этомъ дѣлѣ, что доказывается повсемѣстностью его проявленія, во-первыхъ, а, во вторыхъ, общеиз-

вѣстными фактами, гдѣ мѣстное начальство не только не возбуждало подобнаго почина, а даже нерѣдко противодѣйствовало ему *). Извѣстны также тѣ мѣры «противъ ограниченія кабаковъ», которыя издало министерство финансовъ, побуждаемое къ тому именно общественными приговорами объ искорененіи пьянства.

Для надлежащей оцѣнки этого явленія гораздо важнѣе опредѣлить дѣйствительное практическое значеніе подобныхъ приговоровъ (предполагая полную ихъ непосредственность) въ народной борьбѣ съ пьянствомъ. Дѣйствительно-ли приговоры эти такое безспорно спасительное и вѣрное средство, что стоитъ только всѣмъ крестьянамъ поголовно учинить подъ оными рукоприкладство, какъ тотчасъ-же водворится между ними поголовная трезвость?

Если-бы можно было допустить такое предположеніе, тогда вопросъ разрѣшился-бы чрезвычайно легко и просто; но въ томъ-то и бѣда, что словами, въ формѣ-ли приговоровъ, ученыхъ-ли разсужденій, или даже начальственныхъ предписаній, пороки и бѣдствія въ народѣ не искореняются. Не будь этого непріятнаго свойства въ словахъ, тогда ничего не стоило-бы, посредствомъ приговоровъ, вдругъ спасти народъ не только отъ пьянства, но и отъ бѣдности, невѣжества и отъ всѣхъ другихъ темныхъ сторонъ его жизни... Даже недоимки исчезли-бы безъ всякихъ взысканій и внушеній со стороны становыхъ. Накопилась недоимка—составляй приговоръ о немедленной ея очисткѣ, и дѣло въ шляпѣ!...

Къ сожалѣнію, мы не можемъ обольщаться въ такой степени крестьянскими приговорами и «зароками», а тѣмъ менѣе ждать отъ нихъ какихъ-то чудодѣйственныхъ результатовъ. Мы думаемъ, что если дѣйствительно пьянство въ народѣ существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ и постоянно увеличивается, то общественные приговоры, составляемые подъ гнетомъ этого зла, имѣютъ лишь значеніе протеста противъ существующаго порядка продажи вина и,

---

*) Вотъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи крестьяне составили приговоры, что не желаютъ имѣть кабаковъ. Мѣстный кулакъ Щ., содержащій, «можно сказать, на откупу нѣсколько уѣздовъ», обратился къ исправнику, чтобы «сломить упорство крестьянъ». Исправникъ созвалъ сходъ и началъ убѣждать его принять отъ Щ. «благодѣяніе въ образѣ кабака», цѣловалъ стариковъ, кричалъ на молодыхъ, ругался, и когда ничего не помогло, плюнулъ и уѣхалъ («Недѣля» 1875 г.).

главнымъ образомъ, противъ кабака въ его настоящемъ омерзительномъ видѣ. Понятно, что отъ протеста до разрѣшенія вопроса еще далеко; но, въ данномъ случаѣ, за нимъ та заслуга, что, указывая на главнѣйшій источникъ зла—не по теоріи, а по горькому опыту,—онъ ставитъ вопросъ сразу на реальную почву.

Народный протестъ противъ нынѣшняго кабака, какъ онъ хронически выражается въ общественныхъ приговорахъ, авторитетно подкрѣпляемый наблюденіями изслѣдователей народной жизни, привелъ къвидоизмѣненію самого вопроса объ искорененіи пьянства. Теперь уже утвердилось сознаніе, какъ въ обществѣ и печати, такъ и въ администраціи, что если принимать мѣры къ уменьшенію въ народѣ пьянства, то прежде всего надо начать дѣло съ кореннаго преобразованія кабака. Уже коммисія по составленію новаго акцизнаго устава категорически высказалась, что «нынѣшніе кабаки нисколько не соотвѣтствуютъ стремленіямъ правительства предотвратить вредное вліяніе питейной продажи на общественную нравственность». Недавно въ одномъ органѣ было замѣчено, что нынѣшній кабакъ «во сто разъ вреднѣе откупнаго» и служитъ безнаказаннымъ орудіемъ для «опиранія и развращенія народа». Въ виду этого, говорится тамъ-же, есть мысль—не возвратиться-ли ужь къ откупной системѣ? («С.-Петерб. Вѣд.» 1876 г. № 119.)

Подобная мысль, если-бы она дѣйствительно существовала, представляется тѣмъ болѣе дикою, что теперь, благодаря все тому-же здоровому народному почину, открывается широкая возможность гораздо радикальнѣе помочь бѣдѣ, не возвращаясь къ страшному призраку откупа. Возможность эту слѣдуетъ искать въ учрежденіи *общественныхъ* кабаковъ.

Движеніе въ этомъ смыслѣ проявилось въ народѣ еще въ 1863 г., вслѣдъ за упраздненіемъ откупа. Въ средѣ крестьянства пермской, томской, вологодской, саратовской, екатеринославской и многихъ другихъ губерній возникла почти одновременно мысль открывать, по общественнымъ приговорамъ, «мірскія» питейныя заведенія съ тѣмъ, чтобы доходъ отъ продажи вина въ нихъ поступалъ на уплату недоимокъ и другія нужды населенія. Это былъ благотворный протестъ народа противъ разорительной и деморализующей кабацкой питейной системы. Крестьяне ясно сознали всю негодность и вредъ этой системы, при которой благосостояніе сель-

скаго населенія быстро поглощается хищной саранчей кабатчиковъ. Но осуществленіе этого добраго почина встрѣтило и до сихъ поръ встрѣчаетъ препятствіе со стороны финансоваго вѣдомства, о чемъ мы скажемъ послѣ.

Идея мірского питейнаго заведенія, какъ прямое противоположеніе существованію безобразнаго промышленнаго кабака, всѣми признаваемаго чрезвычайно вреднымъ, была встрѣчена очень сочувственно въ печати и даже въ нѣкоторой части администраціи—именно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Жизненность этой идеи видна изъ того, что, несмотря на препятствія къ ея осуществленію, къ ней не перестаетъ время отъ времени возвращаться народъ; ее пробовали примѣнять у себя нѣкоторыя городскія общества и, наконецъ, во имя ея, окончательно дискредитирована въ теоріи кабацкая система нашей публицистикой. Ея развитію посвятилъ, между прочимъ, брошюру *) г. Н. Аксаковъ, хорошо знакомый съ этимъ вопросомъ.

Трудъ г. Аксакова имѣлъ главнѣйшей задачей убѣдить кого слѣдуетъ въ неосновательности опасеній насчетъ мірскихъ питейныхъ заведеній и тѣмъ устранить препятствія къ ихъ свободному и повсемѣстному открытію. Если до сихъ поръ положеніе дѣла нисколько не измѣнилось, то не потому, чтобъ доводы г. Аксакова были неубѣдительны.

Мірской кабакъ, какъ показалъ опытъ и какъ сознаютъ сами крестьяне, вездѣ и постоянно приносилъ хорошіе результаты. На доходы отъ него строились школы, уплачивались недоимки и т. под. Выбранныя міромъ и постоянно контролируемыя имъ лица для завѣдыванія общественнными питейными заведеніями вели дѣло «по-божески»—своихъ посѣтителей не спаивали, закладовъ отъ нихъ не брали, вина водой не разбавляли и не обмѣривали. Даже воровство, не говоря о пьянствѣ, уменьшалось ощутительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были открыты мірскіе кабаки.

Но тѣ, отъ кого зависитъ разрѣшеніе мірскихъ питейныхъ заведеній, этими результатами не обольщаются, въ силу слѣдующихъ финансово-фискальныхъ опасеній. Во-первыхъ, возражаютъ они, об-

*) «Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами, какъ простѣйшая мѣра противъ пьянства и нарушенія правилъ о питейномъ сборѣ», 1874 г.

щественное питейное заведеніе противорѣчитъ существующимъ узаконеніямъ. Г. Аксаковъ доказалъ, что это не такъ. «Существующія узаконенія, говоритъ онъ,—не могутъ воспрепятствовать крестьянскимъ обществамъ производить торговлю отъ своего имени», въ силу X тома Свода Законовъ, гдѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ (2, 126; 2, 133 и др.) имъ предоставляется полная свобода заключать договоры, брать подряды, открывать торговыя заведенія и т. под.

Во-вторыхъ, возражаютъ противники мірского кабака, надзоръ за правильностью продажи въ немъ питей крайне затруднилъ-бы вѣдомство фиска, такъ-какъ въ распоряженіи «міра» гораздо больше средствъ скрыть злоупотребленія, допускаемыя въ его питейномъ домѣ, чѣмъ у одиночнаго лица—кабатчика. Г. Аксаковъ прежде всего находитъ, что подобное возраженіе могло-бы имѣть какое-нибудь основаніе, если-бъ существующій надзоръ, и при отсутствіи мірскихъ кабаковъ, былъ сколько нибудь удовлетворителенъ... И въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что корчемство теперь развилось у насъ въ огромныхъ размѣрахъ? Напротивъ, въ мірскомъ питейномъ домѣ «общество не допуститъ корчемства, говоритъ далѣе г. Аксаковъ:—оно не захочетъ потреблять разбавленное вино или само себя обмѣривать». Съ другой стороны, и общественному сидѣльцу «нѣтъ надобности продавать вино въ долгъ, въ закладъ или въ обмѣнъ. Міру нѣтъ разсчета спаивать и разорять своихъ членовъ и самого себя обманывать». Обязанный платить подати за каждаго своего разорившагося члена, міръ всѣми силами будетъ стараться не допускать случаевъ такого разоренія чрезъ пьянство въ его-же мірскомъ кабакѣ...

Съ неменьшей логикой опровергаетъ своихъ противниковъ г. Аксаковъ и относительно опасеній за уменьшеніе потребленія вина и пониженіе цифры патентнаго сбора при осуществленіи предлагаемой мірской питейной системы. Первое возраженіе опровергается статистикой питейнаго дѣла, указывающей прогресивное увеличеніе потребленія вина; да иначе это и не можетъ быть. Что-же касается возможности пропинаціи, т. е. обращенія кабаковъ какъ-бы въ монопольную оброчную статью мірскихъ обществъ, то опасеніе на этотъ счетъ совершенно напрасно, потому что данное явленіе существуетъ именно теперь и повсемѣстно. Извѣстно, что въ деревняхъ всякій кабатчикъ за право открытія кабака вноситъ обществу

условленную сумму, которая, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдъ затѣмъ у него-же и пропивается. Сдѣлки такія, правда, не обусловлены закономъ, но существовованія ихъ никто не станетъ отрицать. Съ открытіемъ-же мірскихъ питейныхъ домовъ онѣ сами собой исчезнутъ, а, главное, исчезнутъ сопровождающія ихъ злоупотребленія и деморализація крестьянъ.

Такимъ образомъ, идея мірского питейнаго дома построена на нравственно-экономическихъ выгодахъ для народа и, рано или поздно, должна восторжествовать какъ надъ существующей системой питейнаго дѣла, такъ и надъ кабинетными измышленіями разныхъ теоретиковъ. За нею всѣ шансы успѣха, уже потому, что она выработана народнымъ опытомъ и разумомъ и совершенно отвѣчаетъ духу нашего крестьянскаго общиннаго быта. Въ ней, въ этой идеѣ, дѣйствительно, заключается единственная, какъ говоритъ г. Аксаковъ, «простѣйшая мѣра противъ народнаго пьянства, а также нарушенія правилъ о питейномъ сборѣ».

Мірской питейный домъ можетъ считаться нежелательнымъ только съ точки зрѣнія кабацкой системы, которой онъ служитъ прямымъ жизненнымъ протестомъ. Противниками его осуществленія могутъ быть только теперешніе монополисты—виноторговцы и кабатчики—безсознательные и сознательные враги народнаго блага.

Изъ всего, что до сихъ поръ было предлагаемо и испытываемо для искорененія пьянства и лучшаго устройства питейнаго дѣла, въ интересахъ народныхъ и государственныхъ, мірской питейный домъ является единственно цѣлесообразнымъ, единственно выгоднымъ рѣшеніемъ этого вопроса.

На этомъ мы покончимъ обзоръ того, что было сдѣлано народомъ, по его собственному почину, въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ и кабакомъ. Посмотримъ теперь, что было сдѣлано по тому-же вопросу администраціей.

III.

Правительственныя мѣры въ Россіи противъ пьянства, съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, основывались преимущественно на запрещеніяхъ и взысканіяхъ. Запрещались кабаки, ограничивалась свобода продажи питей, а, съ другой стороны, преслѣдовались пьяницы разными полицейско-исправительными карами.

Законодательство наше положительно воспрещаетъ гражданамъ пьянство *) и опредѣляетъ за ослушаніе цѣлый рядъ различныхъ взысканій и исправленій. На этомъ-же основаніи, въ задачи администраціи о поддержаніи народной нравственности входятъ строгій надзоръ за наблюденіемъ установленныхъ ограниченій продажи питей и преслѣдованіе публичнаго пьянства, всякихъ проявленій народнаго загула и разгула.

И, однакожъ, всѣ эти строгости, вся эта опека, несмотря на безчисленныя ихъ улучшенія, дополненія и преобразованія, никогда не приносили на дѣлѣ желаемыхъ результатовъ, сколько-нибудь ощутительныхъ. Происходило это не только потому, что полицейскими пресѣченіями нельзя искоренять пьянства, но еще болѣе потому, что по данному вопросу на практикѣ правительство постоянно находилось въ противорѣчіи съ самимъ собою.

Съ той поры, какъ пошлина на вино сдѣлалась у насъ главной статьею государственнаго дохода и правительство стало хозяиномъ-монополистомъ питейнаго промысла, оно вынуждено было одной рукой поддерживать кабакъ и способствовать увеличенію потребленія питей, въ интересѣ казны, а другой—въ интересѣ народной нравственности, поддерживать въ народѣ трезвость и противодѣйствовать пьянству. И эта двойственность административной системы, по отношенію къ вопросу о пьянствѣ, составляетъ самую характеристическую черту его исторіи у насъ.

Мѣры къ уменьшенію пьянства со стороны правительства начинаются одновременно почти съ переходомъ питейнаго дѣла въ

---

*) Въ ст. 241, гл. III, „Уст. о предупрежд. и пресѣч. преступл.", т. XIV, сказано: „запрещается всѣмъ и каждому пьянство".

вѣдѣніе казны. Иванъ III, а за нимъ Василій Ивановичъ, присвоившіе право приготовленія и продажи крѣпкихъ напитковъ исключительно казнѣ, въ то-же время, по словамъ Альберта Кампензе, запрещали жителямъ Москвы, «подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, исключая однихъ только праздничныхъ дней». О томъ, на-сколько это запрещеніе исполнялось, можно судить по тому, что нѣмцы и гвардія великаго князя, получившіе исключительно привилегію пить когда и сколько угодно, заводить корчмы и продавать вино въ предѣлахъ своей слободы, пріобрѣвшей поэтому весьма характеристичное названіе *Наливокъ*, такъ разбогатѣли отъ явной и тайной продажи вина москвичамъ, что ихъ жены и дочери, по свидѣтельству историковъ, считали постыднымъ носить другія платья, кромѣ бархатныхъ и атласныхъ (Герберштейнъ).

При Іоаннѣ Грозномъ такую-же привилегію получили царскіе опричники. Для нихъ устроена была корчма на Балчугѣ, прозванная впослѣдствіи «царевымъ кабакомъ», въ подражаніе «кабакамъ ханскимъ», бывшимъ въ Казани. Эти кабаки до покоренія Казани были отдаваемы ханомъ на откупъ и винная регалія въ этой формѣ была почти цѣликомъ перенесена Грознымъ на русскую почву. «Царевъ кабакъ» на Балчугѣ послужилъ прототипомъ для множества возникшихъ тогда кабаковъ, по царскимъ указамъ, во всѣхъ воеводствахъ. Такъ, въ 1543 г. въ одномъ Новгородѣ, опустошенномъ и разоренномъ, было поставлено восемь корчемныхъ дворовъ (Полное собр. лѣтописей, т. III).

Нововведеніе это, казавшееся очень выгоднымъ для казны, не замедлило обнаружить свои послѣдствія. Началось повсюду страшное пьянство, развитію котораго много способствовала только-что вошедшая около этого времени въ употребленіе на Руси хлѣбная водка. «Бога ради, государь, писалъ царю новгородскій владыко Феодосій,—потщися и помысли о своей вотчинѣ... что ся нынѣ въ ней чинить? Въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія... убійства и грабленія въ градѣ и погостомъ великія учинилися» и т. д. (Вивліоф. XIV, 238.)

Вслѣдъ за этимъ Грозный начинаетъ преслѣдовать пьянство. По словамъ лѣтописей, въ Новгородъ пріѣхали «дьяки опришные», заповѣдали винщикамъ не торговать, поставили на великомъ мосту рогатку и стражу, «а поймаютъ винщика съ виномъ или пья-

наго человѣка, велятъ бити кнутомъ, да и въ воду мечютъ съ великаго мосту». «Винщики» преслѣдовались, разумѣется, запретные, т. е. продававшіе корчемное, а не казенное вино. Вообще, съ переходомъ виннаго дѣла въ казну и учрежденіемъ «царевыхъ кабаковъ», тайное корчемство, какъ и слѣдовало ожидать, развилось въ московскомъ государствѣ въ огромныхъ размѣрахъ и втеченіи цѣлыхъ столѣтій правительство тщетно заботилось объ его искорененіи. «Государь царь Борисъ Федоровичъ говоритъ современникъ,—корчемства много еже-бы въ свое царство таковое неблагоугодное дѣло искоренити, но невозможе отнюдь». (Примѣч. къ «Ист. гос. рос.».) Съ такимъ-же успѣхомъ боролись съ корчемствомъ и позднѣйшіе правители.

При Иванѣ Грозномъ запрещеніе пьянства шло объ руку съ распространеніемъ «царевыхъ кабаковъ». По мнѣнію тогдашняго правительства, это одно другому не противорѣчило; напротивъ, предполагалось одновременно и пріумножить царскую казну, и сдержать народное пьянство сокращеніемъ мѣстъ продажи питей, а въ особенности уничтоженіемъ вольнаго корчемства и винокуренія. Въ предписаніяхъ воеводамъ постоянно встрѣчаемъ наказы «держати кабакъ, а на кабакѣ вино, медъ, пиво», и въ то-же время тѣмъ-же воеводамъ приказывалось имѣть «береженье великое» отъ корчемъ и смотрѣть, чтобъ у обывателей ночныхъ съѣздовъ и «ночного питія не было, а и въ день-бы не бражничали» («Акты археогр. экспед.»). Ослушниковъ, какъ мы видѣли, пороли батогами *) и даже метали съ моста въ воду. Въ томъ-же духѣ поучали православныхъ Стоглавъ и Домострой.

Еще рѣзче обнаружилась эта двойственность въ царствованіе Годунова. Годуновъ, самъ воздержный въ питіи, терпѣть не могъ пьянства и, по словамъ Бера («Москов. лѣтопись»), «запретилъ пьянство... и объявилъ, что скорѣе помилуетъ вора и убійцу, нежели того, кто, вопреки указу, осмѣлится открывать кружечный

---

*) По словамъ Маскѣвича („Сказанія о Дм. Самозв.“, II, 55), въ Москвѣ была „бражная тюрьма“, куда отводили пьяницъ и держали по нѣскольку недѣль; „замѣченнаго въ пьянствѣ вторично снова сажаютъ въ тюрьму, потомъ нещадно сѣкутъ кнутомъ. За третью вину опять въ тюрьму, потомъ подъ кнутъ; изъ-подъ кнута въ тюрьму, изъ тюрьмы подъ кнутъ и такимъ образомъ порятъ виновнаго разъ до десяти, чтобы, наконецъ, пьянство ему омерзѣло“.

дворъ». А между тѣмъ при немъ-то и вошла въ полную силу откупная кабацкая система и принесла плоды, вполнѣ ея достойные. «Корчемницы,—пишетъ въ своей исторіи этого царствованія Авраамій Палицынъ,—пьянству и душегубству, и блуду желатели, во всѣхъ градѣхъ въ прекупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ» (Примѣч. къ «Ист. гос. рос.», т. XI), и уже на законномъ основаніи развращали и спаивали народъ, наперекоръ сердечнымъ желаніямъ царя «искоренить въ немъ пороки». Враги Годунова, подбирая обвинительные противъ него пункты, ставили ему въ упрекъ, между прочимъ «корыстолюбивое введеніе откуповъ и размноженіе казенныхъ домовъ питейныхъ» (ib., стр. 65).

И этотъ упрекъ былъ совершенно основательный; но сила въ томъ, что, разъ вступивъ на этотъ путь веденія питейнаго дѣла, московское правительство уже не въ силахъ было своротить на другую дорогу и измѣнить существующій порядокъ. Въ винномъ откупѣ оно съ каждымъ годомъ находило все большій и большій источникъ своихъ доходовъ, замѣнить который чѣмъ-либо другимъ, соотвѣтствующимъ, оно не находило возможнымъ. Для этого ему не хватало знакомства съ правильной системой государственнаго хозяйства и управленія. Оно даже не догадывалось, что откупъ, что «царевъ кабакъ», въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали, діаметрально противоположны интересамъ народнаго блага. Допуская-же существованіе этого кабака съ исключительной цѣлью пріумноженія чрезъ него казны, оно не умѣло сдѣлать этого иначе, какъ только предоставивъ цѣловальникамъ и откупщикамъ право «безстрашно» спаивать народъ. Потребовались цѣлые вѣка горькаго опыта, чтобъ признать окончательно невозможность откупной системы!..

При такомъ порядкѣ вещей всѣ мѣры противъ пьянства носили отпечатокъ лицемѣрія и, на лучшій конецъ, были продуктомъ какого-то мертвеннаго приказно - полицейскаго формализма.

Спаиваніе народа было конечной, узаконенной задачей кабака, даже когда онъ былъ не на откупу. Выбранные для завѣдыванія продажей казеннаго вина головы и цѣловальники опутывались цѣлой системой обязательствъ, клонившихся къ пріумноженію кабацкихъ доходовъ. На каждый кабакъ былъ положенъ окладъ, опредѣляемый доходами предыдущихъ лѣтъ, и вотъ головы и цѣловальники, за порукой общества, «цѣловали крестъ» непремѣнно собрать

кабацкія деньги «съ прибылью противу прошлыхъ лѣтъ». Для этого имъ разрѣшалось наказами изъ Москвы дѣйствовать «безстрашно», за прибыль ожидать государевой милости и «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а, главное, «питуховъ не отгонять» (Акты Арх. Э., III, IV.)

Они такъ и дѣйствовали и, въ случаѣ успѣха, ставили свои заслуги на видъ, ожидая милостей и поощреній. «Я, государь, писалъ, напр., цѣловальникъ Андрей Образцовъ царю Михаилу Федоровичу въ 1618 г.,—никому не норовилъ, правилъ твои государевы доходы нещадно, побивалъ (т. е. опаивалъ) на смерть».

Благочестивый Алексѣй Михайловичъ, въ 1652 г., посовѣтовавшись со своимъ «отцомъ и богомольцемъ», патріархомъ Никономъ, и со всѣмъ священнымъ и боярскимъ соборомъ, рѣшилъ попытаться искоренить въ народѣ пьянство и разгульное «неистовство». Послѣдовала уставная грамата къ воеводамъ, въ которой предписывалось: во-1-хъ, ограничить въ городахъ число мѣстъ питейной продажи однимъ кружечнымъ дворомъ; во-2хъ, продавать вино не иначе, какъ большою мѣрою—ведрами, кружками и чарками въ три прежнія чарки, и больше одной чарки одному человѣку не продавать; въ-3-хъ, воспретить питухамъ пить вино на кружечномъ дворѣ и около него; въ великій-же постъ, рождественскій, петровъ и успенскій, а также въ воскресенья, среды и пятки во весь годъ вина не продавать вовсе. До послѣдняго предѣла были ограничены и часы продажи вина въ дозволенные дни. Наконецъ, воспрещалось продавать вино кому-бы ни было въ долгъ и т. д. Словомъ, по всѣмъ пунктамъ граматы разлита, повидимому, самая теплая и благонамѣреннѣйшая заботливость воздержать народъ отъ злоупотребленія спиртными напитками. А между тѣмъ въ концѣ той-же граматы встрѣчаемъ неожиданно слѣдующія, обращенныя къ цѣловальникамъ, внушенія. Требуя, чтобы они «сбирали государевой казны» съ кабаковъ «съ великимъ радѣньемъ, противъ прежняго съ прибылью», за что обѣщается милостивое пожалованье, въ граматѣ говорится далѣе: «а будетъ они (цѣловальники), своею оплошкою и нерадѣньемъ, не доберутъ и мы тотъ недоборъ велимъ доправить на нихъ». Запрещая ранѣе держать въ кружечномъ дворѣ ярыгъ и бражниковъ, та-же грамата черезъ нѣсколько строкъ предписываетъ цѣловальникамъ «лишнихъ напой-

ныхъ денегъ на питуховъ не начитать и тѣхъ питуховъ съ кабаковъ не отганивать». («Акты арх. экспед.», т. IV.)

Далѣе этого противорѣчіе съ самимъ собою уже не могло идти! Оно тѣмъ болѣе поразительно, что правительству лучше, чѣмъ кому другому, было извѣстно, что цѣловальники вовсе не нуждаются въ поощреніи размножать и обирать питуховъ и дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ «радѣтельно». Современники разсказываютъ, что даже въ Москвѣ не рѣдкость было увидѣть пьяныхъ, выходящихъ изъ царевыхъ кабаковъ въ костюмѣ праотцевъ. На масляницѣ и на святкахъ каждое утро свозили въ земскую избу десятки до смерти замерзшихъ питуховъ. Не напрасно Андрей Образцовъ, въ порывѣ цѣловальницкаго радѣнья о государевой прибыли, похвалялся, что онъ побивалъ своихъ гостей на смерть.

Петръ I, который вообще не стѣснялся въ выборѣ средствъ для пополненія казны, часто нуждавшейся при немъ въ деньгахъ, довелъ откупную систему до крайняго предѣла. Не довольствуясь откупомъ на крѣпкіе напитки, онъ отдалъ въ откупъ сусленые, квасные и уксусные промыслы. Впрочемъ, въ то трудное переходное время все государство было на откупу, включительно до бородъ. Нужда въ деньгахъ создала даже особый служебный классъ, такъ-называвшихся «прибыльщиковъ», которые изыскивали новые источники казеннаго дохода, не обращая, конечно, никакого вниманія на ихъ правильность и соотвѣтствіе народному достатку.

Винный откупъ былъ отданъ въ 1705 г. «знатнымъ, правдивымъ и зажиточнымъ людямъ» купеческаго чина, и отданъ, согласно указамъ, «по большому окладу». Впослѣдствіи откупами завѣдывала камеръ-колегія, которая, по отзыву кн. Щербатова, «никогда на хорошую ногу поставлена не была», ибо пуще всего старалась объ одномъ: «показать государю пріумноженіе доходу (чего отъ нея наиболѣе и требовали!) и тѣмъ выслужиться, а притомъ и себѣ прибыли отъ откупщиковъ получить» («О поврежд. нрав. въ Россіи»).

Однимъ словомъ, петровское правительство на первый планъ ставило возможное увеличеніе питейныхъ доходовъ. Для этой-же цѣли требовался отъ откупщиковъ атестатъ «правдивости и зажиточности», какъ гарантіи исправнаго платежа откупной суммы. Были-ли они правдивы и честны въ отношеніи народа, въ дѣлѣ

своей практики, объ этомъ ихъ не спрашивали. Между тѣмъ, вотъ въ какихъ чертахъ обрисовываетъ ихъ, а также ихъ кабаки, извѣстный Татищевъ.

Близко знакомый съ лишеніями и нуждами народа, Татищевъ, какъ человѣкъ высокообразованный для своего времени, видѣлъ ясно весь вредъ откуповъ. Откупщики, по его словамъ, со всею ихъ откупною челядью, ничто иное, какъ «праздно-живущіе хлѣбоядцы, тунеядцы и, просто сказать, саранча». Откупной кабакъ—это причина и источникъ «распутной жизни, неустройства и непотребства подлыхъ людей» (т. е. крестьянъ); онъ портитъ «добрые нравы человѣческіе, подлостью и буянствомъ напитываетъ» и низводитъ людей до того, что они «ни къ какому дѣлу, кромѣ зла, способными не бываютъ». Татищевъ вооружался такъ противъ тогдашняго кабака на основаніи того, что самъ видѣлъ, какъ вездѣ пьютъ безобразно, какъ откупщики спаиваютъ народъ. («Татищевъ и его время», Н. Попова.)

Въ то время, какъ откупному кабаку, въ интересѣ пріумноженія казны, былъ данъ полнѣйшій просторъ для эксплоатаціи и деморализаціи народа, приказные моралисты не перестаютъ предписывать все новыя и новыя мѣры искорененія пьянства и пьяницъ. Указомъ 1698 года сибирскому воеводѣ повелѣвалось «гораздо смотрѣть, чтобъ въ кабакахъ никто черезъ свою силу не пилъ и отъ безмѣрнаго питія до смерти не опивался и душу свою на-вѣки не погубилъ, а чтобъ пили умѣренно и честно, въ веселіе и отраду». Эта трогательная заботливость о душѣ и тѣлѣ питуховъ простиралась до того, что если послѣдніе «озадорятся» въ нетрезвомъ видѣ и станутъ пропивать свои вещи и деньги, то подлежащая власть обязана была сперва отечески «наказывать ихъ словами, смотря по человѣку, и что кому по винѣ пристойнѣе», а когда слова не дѣйствовали, то, давъ проспаться, посѣчь батожьемъ. Впослѣдствіи, въ инструкціяхъ столичной полиціи (1722 г.), говорилось почти то-же самое. Въ виду замѣченнаго шатанья по улицамъ многихъ гулящихъ, пьяницъ, непотребныхъ людей, полиціи предписывалось ловить ихъ и брать подъ стражу, такъ-какъ отъ нихъ-то и «бываетъ всякое воровство и смертное убійство», по мнѣнію издателя указа.

Можно представить себѣ, насколько подобныя мѣропріятія къ искорененію пьянства достигали цѣли, при тогдашнемъ положе-

нія питейнаго дѣла! Нѣкоторое указаніе на это даетъ, между прочимъ, Ломоносовъ, свидѣтельствующій, что въ его время на смерть побитые могучимъ Ивашкой Хмѣльницкимъ заурядъ «валялись по кабакамъ и улицамъ»; масса пьяницъ, угостившись въ откупномъ кабакѣ, на пути къ дому замерзала, проваливалась подъ ледъ, топилась... Но Ломоносовъ, ужасаясь громаднымъ резмѣромъ зла, не видѣлъ, гдѣ скрывается его настоящій источникъ, и воображалъ, что заставить народъ не пьянствовать такъ-же легко, какъ «заставить брить бороды и носить нѣмецкое платье» (Его «Сочин.» т. I изд. 1847 г.).

Это была слабая сторона всѣхъ регламентаторовъ, какъ тогдашнихъ, такъ и позднѣйшихъ. Не видя или умышленно игнорируя анормальность узаконеннаго порядка питейнаго дѣла, они думали, что могутъ искоренить его послѣдствія полицейскими мѣрами, относясь снисходительно и даже покровительственно къ самой сущности дѣла. Такое отношеніе къ данному вопросу проходитъ черезъ всю послѣдующую его исторію, несмотря на то, что съ развитіемъ русскаго общества вредъ откуповъ сознавался все болѣе и болѣе. Вслѣдъ за Татищевымъ, при Аннѣ Іоанновнѣ негодованіе, возбуждаемое откупщиками, выразилось въ замѣчательномъ доносѣ, гдѣ говорилось, между прочимъ: «нынѣ... неусмотрѣніемъ высокаго сената продано все земледѣльчество и купечество безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе великаго интересу в. и. величества, второе на разореніе и великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и кампанейщикамъ» («Чтенія Истор. О.» I. 1866).

Въ 1764 году правительство признало, что откупа приносятъ вредъ государству; была учреждена комисія съ цѣлью пріискать способы улучшенія питейныхъ сборовъ, но существованіе откуповъ протянулось послѣ того, какъ мы знаемъ, еще цѣлое столѣтіе, съ незначительными лишь перерывами. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда злоупотребленія откупщиковъ превзошли всякія границы, когда они просто начали отравлять народъ ядовитыми примѣсями къ вину, введена была казенная продажа питей. Дѣло, однако, нисколько не улучшилось. Какъ прежде откупные, такъ теперь казенные сидѣльцы равно предлагали «подъ вывѣскою орла» вѣрное «средство, по выраженію Карамзина, избавляться народу отъ денегъ, ума и здоровья». Вдо-

бавокъ, питейные чиновники, помимо множества другихъ злоупотребленій, начали сами заниматься корчемствомъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачнаго опыта, казенная продажа вина была отмѣнена и откупа снова воскресли (1827 г.). Потребовалось еще цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, пока, наконецъ, русскій народъ былъ избавленъ отъ нихъ безвозвратно.

Уничтоженіе откуповъ въ 1862 году—самый краснорѣчивый и безпощадный приговоръ всей прошлой питейной системѣ, тяжелымъ бременемъ лежавшей на плечахъ нашего народа цѣлыя столѣтія! Эта благодѣтельная мѣра была офиціально мотивирована тѣмъ, что существованіе откупнаго кабака несовмѣстимо съ сохраненіемъ «общественной нравственности и народнаго благосостоянія». Другими словами, правительство сознало, что всѣ его законодательныя и полицейскія мѣры, направленныя къ искорененію пьянства и отвращенію его гибельныхъ для народа послѣдствій, не достигали цѣли и не могли ея достигать при существованіи старой питейной системы, въ видѣ-ли откупа или казенной продажи вина.

Оно и понятно: терпимость къ казенному или откупному кабаку, завѣдомо развращавшему, спаивавшему и разорявшему народъ, естественно должна была парализовать заботы о поддержаніи народной нравственности и благоденствія. Отсюда и происходила та двойственность отношенія правительства къ данному вопросу, которая составляетъ, какъ мы старались доказать, самую характеристическую черту въ исторіи питейнаго дѣла въ Россіи.

Скажемъ въ заключеніе, что ненормальность и неудобство такого отношенія давно сознавались и нашими лучшими государственными людьми. Извѣстный графъ Н. С. Мордвиновъ въ 1838 году, по поводу возобновленія откуповъ, подалъ въ государственный совѣтъ особое мнѣніе, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Сколь торжественно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ... покушеніе на обманъ и злоухищреніе; ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки... видѣть въ цѣловальникѣ представителя власти, предавшей ему за деньги такое право (т. е. право спаиванія народа)... видѣть погрязшими

въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому» и т. д. («Государственный человѣкъ прежняго времени», А. Д. Градовскаго, «Складчина»)...

IV.

Результаты реформы питейнаго дѣла 1862 года не оправдали ожиданій какъ ея либеральныхъ сторонниковъ, такъ и ретроградныхъ противниковъ. Откупщики пугали правительство тѣмъ, что съ уничтоженіемъ откупа въ казнѣ окажется огромный недоборъ въ питейномъ доходѣ, и предлагали даже учредить изъ своей среды особую «компанію застрахованія акциза съ питей». Сторонники-же реформы возлагали на нее слишкомъ преувеличенныя надежды въ отношеніи улучшенія нравственнаго и экономическаго быта народа, заранѣе высчитывали, сколько миліоновъ рублей сбережется въ карманѣ у народа, сколько исчезнетъ разныхъ, связанныхъ съ откупами, злоупотребленій и т. п.

Уже опытъ перваго послѣреформеннаго года (1863) показалъ, что и оптимисты, и пессимисты грубо ошиблись въ своихъ выкладкахъ и ожиданіяхъ. Удешевленіе вина и свобода питейной торговли, предоставленныя новой акцизной системой, выразились въ огромномъ увеличеніи числа кабаковъ и количества потребленія спирта. Съ 93,000 питейныхъ заведеній въ 1859 г., къ 1864-му число ихъ возрасло до 273, 508, т. е. почти на 300%. Въ послѣдніе годы откуповъ потребленіе безводнаго спирта простиралось до 22 миліон. ведръ, въ 1863—64 годахъ количество это возрасло до 27,596,241 в. въ годъ. Соотвѣтственно этому увеличился и питейный доходъ казны: въ 1862 г. откупъ платилъ всего 104 мил. руб., а въ 1863 г.

казна собрала акцизу до 114 мил. руб., т. е. почти на 10% болѣе.

Эти цифры, а также замѣченное кое-гдѣ, на первыхъ порахъ по упраздненіи откуповъ, усиленіе пьянства привели многихъ сторонниковъ реформы въ смятеніе, а друзей стараго порядка—въ злорадство. Послѣдніе стали кричать, что, благодаря расширенію свободы торговли виномъ и удешевленію вина, народъ непремѣнно сопьется и развратится вконецъ. Смущенные оптимисты стали защищать новый порядокъ, и защищать, сказать правду, очень не умѣло. Они простирали свое полемическое усердіе до отрицанія неопровержимыхъ фактовъ и цифръ. Въ этомъ ихъ оправдывало опасеніе, что враги освобожденія крестьянъ, въ своихъ поползновеніяхъ къ реставраціи крѣпостного права въ той или другой благовидной формѣ, могутъ получить сильное подкрѣпленіе для себя въ фактѣ увеличенія народнаго пьянства, разъ онъ будетъ доказанъ... Дѣйствительно, партіи газеты «Вѣсть» и «Московск. Вѣд.» такъ именно и смотрѣла на это дѣло.

Правительство, съ своей стороны, не осталось безучастнымъ къ обнаружившимся послѣдствіямъ акцизной системы и, въ благой цѣли уменьшить развитіе пьянства въ народѣ путемъ сокращенія мѣстъ питейной продажи и возвышенія акциза на вино, уже въ 1864 г. повысило цѣну патентовъ питейныхъ заведеній, а акцизъ съ безводнаго спирта увеличило съ 4-хъ до 5-ти коп. за градусъ. Результатомъ этого было, дѣйствительно уменьшеніе и числа кабаковъ, и количества употребленія спирта. Въ 1865 г., сравнительно съ 1864-мъ, мѣстъ продажи питей уменьшилось слишкомъ на 24 тыс., а потребленіе спирта сократилось слишкомъ на три мил. ведръ. Но уменьшилось-ли отъ этого пьянство въ народѣ, принявшее какъ казалось, опасные размѣры? Отвѣтомъ служитъ послѣдующій рядъ мѣръ, изданныхъ правительствомъ сколько для улучшенія организаціи питейнаго дѣла, столько-же и для сокращенія пьянства.

Въ 1865 г. была учреждена комисія «для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками», которая выработала, вошедшія потомъ въ законную силу, нѣкоторыя ограниченія питейной торговли, въ особенности распивочной. Важнѣйшими изъ этихъ ограниченій были: поставленіе открытія питейныхъ заведеній въ зависимость отъ разрѣшенія городскихъ и сельскихъ обществъ, пра-

вила по устройству этихъ заведеній въ архитектурномъ отношеніи и т. п. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ опять было пониженіе потребленія спирта и уменьшеніе числа кабаковъ. А пьянство, на взглядъ подлежащихъ вѣдомствъ и вольныхъ радѣтелей народнаго блага, все не уменьшалось.

Въ 1869 г. возвышенъ патентный сборъ; въ 1870 г. возвышена и цѣна акциза съ 5 на 6 к. за градусъ; въ 1871 г. снова слѣдуетъ повышеніе патентнаго сбора, достигшаго наконецъ, крайняго, повидимому, предѣла въ 1874 г. Въ 1873 г. акцизъ на вино возвышенъ до 7 коп. на градусъ... Все это повело къ тому, что въ 1874 г. мѣстъ продажи питей осталось всего 135,585 (сравнительно съ 1864 г. уменьшилось на 100% слишкомъ), а потребленіе спирта ограничилось 26 мил. ведръ. Послѣдняя цифра показываетъ положительное уменьшеніе потребленія вина, и относительно, и абсолютно: въ 1864 г., среднимъ числомъ, каждый житель въ Россіи выпивалъ $1,_{05}$ ведръ сорокаградуснаго вина, а въ 1874 г. всего $0,_{98}$ вед. Стало быть на семь процентовъ менѣе. По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ намъ оффиціальныя цифры.

Несмотря на все это, опасенія за развитіе пьянства въ народѣ нисколько не уменьшились и до сихъ поръ. Что-жь это такое? Или они лишены основанія, или-же мѣры правительства и даже сокращеніе кабаковъ и потребленія спирта, какъ результатъ этихъ мѣръ, не оказываютъ никакого дѣйствія на степень развитія пьянства?.. Есть надъ чѣмъ задуматься!

Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ жалобамъ на увеличеніе народнаго пьянства; говорили, что для убѣдительности этихъ жалобъ не хватаетъ одного—достаточно вѣскихъ и достаточно обобщенныхъ аргументовъ. Всѣ они носятъ, большею частью, характеръ извѣстной тенденціозности и строются на почвѣ узкихъ наблюденій, а нерѣдко и на полномъ ихъ отсутствіи. Притомъ-же рядомъ съ ними раздаются голоса, не менѣе компетентные, за то, что всѣ эти іеремiады объ увеличеніи народнаго пьянства—кимвалъ звенящій, звенящій совершенно праздно и безпричинно... Одинъ изъ непосредственныхъ наблюдателей народной жизни высказалъ глубокое убѣжденіе, что, «если и слѣдуетъ признать, что пьянство увеличилось въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ для того условіяхъ, то никакъ

нельзя сказать того-же о всей народной массѣ» (Волженскій: «Труды Вольн. Экон. Общ.» 1872, т. I).

Въ томъ-же духѣ высказалась и комисія «по изслѣдованію нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства». Не отрицая существованія пьянства въ народѣ и того, что «страсть въ водкѣ пустила глубокіе корни въ народномъ характерѣ», комисія тѣмъ не менѣе нашла: во-1) что пьянство, говоря вообще, не увеличивается, и, во-2) что оно далеко не повсемѣстно. Болѣе всего подвержены ему губерніи великорусскія, менѣе малороссійскія и еще менѣе западныя и прибалтійскія («Докладъ», стр. 25 — 28). Въ трудахъ комисіи находятся также нѣкоторыя данныя для поясненія того факта, что колебанія въ цифрѣ питейныхъ заведеній и количествѣ потребленія спирта не имѣютъ никакого серьезнаго вліянія на степень развитія пьянства. Извѣстно, что по числу кабаковъ Россія находится въ самомъ благопріятномъ положеніи сравнительно съ главнѣйшими европейскими государствами. Въ то время, какъ въ Англіи приходится одно питейное заведеніе на 68 жителей, во Франціи—на 70, въ Бельгіи—на 93, въ Пруссіи—на 260, въ Россіи—одно на 450 жит.

Обращаясь въ частности къ распредѣленію питейныхъ заведеній въ Россіи между губерніями, видимъ, что тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сильнѣе развито пьянство, нерѣдко имѣютъ несравненно меньшее число этихъ заведеній, чѣмъ губерніи, пользующіяся репутаціей трезвыхъ. Такъ, въ большинствѣ губерній малороссійскихъ, западныхъ и прибалтійскихъ приходился въ 1874 г. одинъ кабакъ, среднимъ счетомъ, на 300—450 жит., а въ великорусскихъ, центральныхъ и восточныхъ,—одинъ на 500—1,100 жит. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ данномъ случаѣ развитіе пьянства находится въ совершенно обратномъ отношеніи къ числу питейныхъ заведеній.

Выше мы указывали, что по мѣрѣ увеличенія акциза и патентнаго сбора, потребленіе спирта постоянно падало и падаетъ по настоящее время. Приведемъ еще цифры за послѣдніе годы. Такъ, было оплачено акцизомъ алкоголя: въ 1871 г.—26,084,048, въ 1872 г. — 25,900,896, въ 1873 г. — 25,384,850, въ 1874 г. — 25,072,271 вед. Стало быть, втеченіи этихъ четырехъ лѣтъ потребленіе спирта упало почти на 1 мил. ведръ или на 4%. Паденіе это отразилось на цѣнности вина. Замѣчено было, что въ 1875 г. цѣны на вино

упали и винокуренное дѣло во многихъ мѣстностяхъ испытывало кризисъ.

Констатируя эти данныя, необходимо, однакожъ, прежде всего соблюсти точность опредѣленія, часто имѣющую рѣшающее значеніе для вопроса. Если-бы въ этомъ не существовало никакого сомнѣнія, если-бы представленныя цифры опредѣляли въ точности народное потребленіе спирта до послѣдняго ведра, тогда можно было-бы придти къ очень печальному выводу для нашего экономическаго роста. Такой разительный упадокъ потребленія вина былъ-бы неотразимымъ доказательствомъ крайняго обѣднѣнія страны, особенно такой страны, какъ наша, гдѣ спиртъ во многихъ случаяхъ восполняетъ недостаточность и малопитательность пищи. Статистика показываетъ, что среднее душевое потребленіе алкоголя постоянно находится въ прямомъ отношеніи со степенью благосостоянія страны. Чѣмъ страна богаче и развитѣе, тѣмъ больше въ ней и пьютъ...

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что нашъ народъ сталъ пить въ настоящее время меньше, что среднее душевое потребленіе вина упало въ какія-нибудь десять лѣтъ, какъ было указано выше, на цѣлыхъ семь процентовъ; другими словами, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что народъ обѣднѣлъ и поневолѣ сократилъ свои потребности. Кажущійся упадокъ потребленія спирта объясняется гораздо проще—чрезмѣрнымъ развитіемъ тайнаго корчемства, которое естественнымъ порядкомъ возникаетъ вездѣ и всегда при очень высокомъ акцизѣ на вино и стѣсненіи свободы питейнаго промысла. Существованіе-же корчемства у насъ въ настоящее время, въ широкихъ размѣрахъ, подтверждаютъ и ежедневные факты... Можно сказать съ достовѣрностью, что если-бы теперь возвратились къ свободѣ питейной торговли и низкому акцизу 1863 г., т. е. къ началу послѣ-откупной эпохи, то повторилось-бы явленіе, однородное съ тѣмъ, какое случилось тотчасъ по упраздненіи откуповъ: количество оплаченнаго акцизомъ вина возрасло-бы вдругъ на нѣсколько милліоновъ ведръ! Какъ тогда, такъ и теперь, корчемство, которое соблазнительно только при очень высокомъ акцизѣ на узаконенное вино, само собой должно было-бы упасть, если не совсѣмъ исчезнуть.

Разумѣется никто не знаетъ, сколько именно выпивается корчемнаго вина; но разъ мы признаемъ существованіе корчемства,

официальныя цифры оплаченнаго акцизомъ алкоголя уже не могутъ представлять достовѣрнаго объема народнаго потребленія вина. Онѣ будутъ непремѣнно ниже этого объема въ дѣйствительности.

Отсюда ясно, что если путемъ прогресивнаго возвышенія акциза на вино и стѣсненія свободы питейнаго промысла преслѣдовалась цѣль «сокращенія чрезмѣрнаго употребленія народомъ крѣпкихъ напитковъ», по выраженію «Положенія» 1868 г., то эта цѣль едва-ли достигнута и едвали могла быть достигнута. Сокращеніе числа питейныхъ заведеній, какъ показываютъ цифры, не оказываетъ никакого вліянія на размѣръ пьянства въ данной мѣстности, а возвышеніе стоимости вина, въ связи съ стѣсненіемъ питейнаго промысла, содѣйствуетъ только развитію тайнаго корчемства.

Но въ то время, какъ принятая система «сокращенія» оправдывалась на практикѣ такими сомнительно-положительными результатами, она не замедлила обнаружить и отрицательные, настолько ощутительные, что даже крайніе оптимисты не могли ихъ не замѣтить. Эти не желательные результаты, явившіеся нѣсколько неожиданно, выросли на почвѣ монополизаціи и специализаціи винной торговли и заключаются въ томъ, что нынѣшній кабакъ эксплуатируетъ и деморализируетъ народъ почти такъ же, какъ и недоброй памяти откупной. Какъ это происходитъ, можно наглядно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующей выкладки, сдѣланной г. А. Головачевымъ въ его «Обзорѣ государствен. росписи» («От. Зап.», 1874 г. кн. 3). Извѣстно, что въ оптовой продажѣ, ведрами, вино продается по 4 р. 20 к. за ведро, то-же ведро въ мелочной распивочной продажѣ уже оплачивается потребителемъ семью рублями. Слѣдовательно въ послѣднемъ случаѣ потребитель платитъ 15 коп. за градусъ, въ томъ числѣ: $7^1/_2$ коп. акциза, $^1/_2$ к. за стоим. вина и 6 коп. виноторговцу. Такимъ образомъ, онъ платитъ на 80% болѣе, чѣмъ получаетъ казна. Иными словами, если казна получила, напр., въ 1874 г. питейнаго налога (съ акциза и патентовъ) 195,952,817 руб., то для народнаго кармана этотъ налогъ выразился уже въ суммѣ 352,715, 070 р.

Таковъ смыслъ извѣстной экономической истины, что всякое возвышеніе налога вызываетъ монополизацію облагаемаго продукта и поднимаетъ его стоимость гораздо болѣе, чѣмъ на цифру налога.

Выходитъ, что обозрѣваемая система «сокращенія» въ-концѣ-концовъ вела только къ большей наживѣ виноторговцевъ на счетъ потребителя, безъ всякой пользы для казны и даже не доставляя утѣшенія, что хоть пьянство при этомъ уменьшается. Монополизація питейной торговли росла и укрѣплялась по мѣрѣ возвышенія патентнаго сбора, и обусловливалась, съ другой стороны, правомъ, предоставленнымъ городскимъ и сельскимъ обществамъ разрѣшать или воспрещать въ своихъ районахъ открытіе питейныхъ заведеній.

На основаніи этого права, опять-таки совершенно неожиданно для заправителей нашимъ питейнымъ дѣломъ, цѣлые уѣзды состоятъ въ настоящее время на откупу у одного или у нѣсколькихъ виноторговцевъ. Въ очень многихъ деревняхъ кабаки отданы крестьянами на откупъ. Хотя законъ воспрещаетъ сельскимъ обществамъ взымать плату за открытіе на ихъ земляхъ питейныхъ заведеній, но, подъ предлогомъ отдачи въ наемъ помѣщенія, двора и т. п., плата взымается повсемѣстно и повсемѣстно создаетъ монополію питейнаго дѣла, со всѣми ея хищническими и антисоціальными послѣдствіями.

Кабакъ, несмотря на всѣ новѣйшія архитектурныя усовершенствованія и всякія ограниченія и правила въ интересѣ потребителя, является во всемъ своемъ первобытномъ, традиціонномъ безобразіи, какъ учрежденіе, открыто спеціализирующее грабежъ и развращеніе народной массы. Такимъ онъ былъ съ самаго начала его появленія на Руси, такимъ онъ остался и до сихъ поръ...

Уничтоженіе откуповъ, которому мы такъ радовались, въ сущности, послѣ слишкомъ десятилѣтней практики, почти не улучшило положенія вещей. Взамѣнъ крупнаго, узаконеннаго откупа, мы имѣемъ теперь откупъ мелкій, въ розницу, тѣмъ вреднѣйшій, что онъ тайный, основанный на обходѣ закона. Вмѣсто нѣсколькихъ крупныхъ откупщиковъ расплодились теперь тысячи мелкихъ, которые, самолично оперируя въ своихъ заведеніяхъ, имѣютъ гораздо болѣе возможности и способовъ до нитки обирать мужика.

Всѣ эти, достаточно ярко обнаружившіяся качества современнаго кабака возбудили противъ него реакцію и въ народѣ, какъ мы видѣли, и въ обществѣ, и въ сферахъ правительственныхъ. Реакція эта привела къ новому «сокращенію»... Утвердилось мнѣніе, что всему злу причина—многочисленность питейныхъ заведеній,

которыя, при указанныхъ ихъ качествахъ, даютъ возможность народу и поощряютъ его пропиваться; слѣдовательно если сократить ихъ число, то само собой уменьшится и вредное ихъ вліяніе, уменьшится и пьянство.

Немногимъ приходило въ голову, что вся бѣда не въ количествѣ кабаковъ, а въ ихъ качествѣ, въ ихъ сущности. Правда, если хотите, не оставлена была безъ вниманія и сущность. Въ новыхъ правилахъ 1873 г. изданъ цѣлый рядъ «воспрещеній» и ограниченій относительно внутренняго устройства питейныхъ заведеній, относительно порядка, мѣста и времени торговли, относительно благонадежности кабатчиковъ, возраста сидѣльцевъ и т. п.

Ограниченіе числа питейныхъ заведеній, закономъ 1873 г., поставлено въ зависимость отъ мѣстной администраціи. Она должна опредѣлять, какое число ихъ можетъ быть открыто въ данной мѣстности. Пока законъ этотъ былъ примѣненъ только къ Петербургу, Москвѣ и Одессѣ. Впрочемъ, и нѣсколько десятковъ городскихъ думъ сами отъ себя составили постановленія въ томъ-же смыслѣ ограниченія въ своихъ районахъ питейныхъ заведеній, съ тою-же благой цѣлью сокращенія пьянства, а мимоходомъ—и ради преуспѣянія городскихъ доходовъ посредствомъ отдачи съ торговъ помѣщеній подъ кабаки и возвышенія городского акциза на трактиры.

Мы не знаемъ, къ какимъ — благопріятнымъ или неблагопріятнымъ—результатамъ «сокращенія» пришли всѣ эти города; но у насъ подъ рукою имѣются достовѣрныя данныя о практикѣ новыхъ правилъ 1873 г. въ Петербургѣ.

Правила эти составляютъ послѣднее слово въ исторіи разсматриваемаго вопроса и оцѣнка ихъ результатовъ въ настоящую минуту можетъ имѣть существенное практическое значеніе. Притомъ-же опытъ Петербурга, гдѣ полицейскій и всякій другой надзоръ несравненно бдительнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ городахъ, особенно поучителенъ въ данномъ случаѣ. Наконецъ для предлагаемой оцѣнки Петербургъ еще тѣмъ удобенъ, что по разсматриваемому вопросу здѣсь имѣются офиціальныя статистическія цифры, каковыхъ въ другихъ городахъ еще не надоумились собирать.

Въ печатныхъ годовыхъ отчетахъ о дѣятельности петербургской полиціи находятся, между прочимъ, вѣдомости о числѣ задержи-

ваемыхъ полиціей пьяныхъ. Понятно, что эти вѣдомости даютъ самое наглядное представленіе о размѣрѣ пьянства въ столицѣ и о степени его увеличенія или уменьшенія. Вотъ валовыя цифры этихъ любопытныхъ вѣдомостей за послѣднія 8 лѣтъ:

Годы.	Пьяныхъ задержано.
1867	26,646
1868	32,217
1869	33,622
1870	23,693
1871	29,085
1872	29,334
1873	33,745
1874	31,115

Слѣдуетъ думать, что эти цифры принимались во вниманіе и служили однимъ изъ стимуловъ при ходатайствѣ мѣстной полиціи объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній, съ цѣлью сокращенія количества пьяныхъ и пьянства въ столицѣ. Если разсматривать, однакожъ, эти цифры въ ихъ восьмилѣтней совокупности, то нѣтъ никакого основанія заключить, чтобы количество пьяныхъ, а слѣдовательно и пьянство, увеличивались прогрессивно. Напротивъ, видно, что къ 1873 году, когда изданы были помянутыя правила, цифра пьяныхъ за время 1870—72 г. понизилась въ сложности почти на 14%, сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ (1867—69 гг.). Затѣмъ, въ послѣдніе два года (1873—74 гг.), когда правила уже вошли въ силу и должны были оказать отрезвляющее вліяніе, число задержанныхъ пьяныхъ, какъ нарочно, увеличилось сравнительно съ предшествовавшими 1870—72 годами слишкомъ на пять тысячъ чел., среднимъ числомъ, въ годъ, или на 19%.

Но объ этомъ мимоходомъ. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ привела система сокращенія кабаковъ.

Увеличеніе мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ въ Петербургѣ особенно стало замѣтно въ серединѣ обозрѣваемаго восьмилѣтія (1867—74 г.). Такъ, въ 1867 г. ихъ было всѣхъ 2,409 (въ томъ

числѣ трактиры, гостинницы, кабаки, портерныя и т. д.). Къ 1870 г. число ихъ увеличилось слишкомъ на полтораста, въ 1872 г.—на 250. Въ среднемъ выводѣ увеличеніе произошло на 8%. Но увеличивалось только число гостинницъ и портерныхъ; число-же кабаковъ въ средней сложности за семь лѣтъ, до введенія реформы 1873 г., не только не увеличивалось, но даже уменьшалось. Въ 1867 году ихъ было 1,423; затѣмъ, постепенно уменьшаясь, въ 1873 г. ихъ осталось всего 1,224... Судя по этому, позволительно думать, что сокращеніе кабаковъ въ Петербургѣ, регулируемое закономъ спроса и предложенія, естественнымъ порядкомъ дошло-бы до уровня дѣйствительной потребности, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Пойдемъ далѣе! Если, въ силу воздѣйствія разныхъ правилъ и «сокращеній», съ цѣлью искорененія пьянства, уменьшалось число кабаковъ, то, слѣдовательно, цифра послѣднихъ должна находиться въ прямомъ арифметическомъ отношеніи съ цифрами задерживаемыхъ пьяныхъ, т. е., чѣмъ меньше кабаковъ, тѣмъ меньше должно быть и пьяныхъ, и наоборотъ... Это, по крайней мѣрѣ, составляло конечную задачу, какъ мы знаемъ, всѣхъ изданныхъ ограниченій питейнаго промысла.

Что-же оказывается на дѣлѣ? Мы видѣли, что въ послѣдніе два года полиція задерживала пьяныхъ все больше и больше, и между тѣмъ въ это именно время число кабаковъ, наоборотъ, постепенно уменьшалось и, со введеніемъ реформы, дошло до ничтожной цифры—180 (въ 1874 г.). И, наоборотъ, предшествовавшіе годы (1870, 1871, 1872), когда распространенію питейныхъ заведеній не ставилось никакихъ преградъ и общая ихъ цифра достигла наибольшаго максимума (мы разумѣемъ здѣсь всѣ мѣста продажи питей), оказываются, вдругъ, самыми скромными и трезвыми, по числу задержанныхъ пьяныхъ, и во всякомъ случаѣ гораздо трезвѣе послѣ-реформенныхъ годовъ.

Подтвердимъ этотъ выводъ слѣдующей табличкой распредѣленія всѣхъ вообще питейныхъ заведеній и числа пьяныхъ на общую сумму столичнаго населенія. Мы беремъ среднія цифры за два первыя трехлѣтія, за послѣднее двухлѣтіе и за восемь первыхъ мѣсяцевъ 1875 года.

Годы	На числo жителей. 1 питейное заведеніе.	1 пьяный.
1867—69	276	21,4
1870—72	256	24,4
1873—74	272	20,5
1875	272	14,3

Если насъ не обманываютъ цифры, хотя онѣ взяты изъ вполнѣ достовѣрныхъ официальныхъ источниковъ, тогда представленная табличка убѣждаетъ въ томъ, что уменьшеніе числа питейныхъ заведеній ведетъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые ожидались отъ этой мѣры. Цифры говорятъ намъ неотразимо: чѣмъ больше мѣстъ питейной продажи, тѣмъ меньше пьяныхъ, и, наоборотъ, чѣмъ меньше этихъ мѣстъ, тѣмъ больше пьяныхъ.

Не претендуя на открытіе здѣсь какого-нибудь постояннаго неизмѣннаго закона или правила, напомнимъ только, что нашъ выводъ вполнѣ подкрѣпляютъ вышеприведенныя данныя относительно зависимости пьянства отъ числа питейныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ и въ нашихъ губерніяхъ. Дѣлая этотъ выводъ, мы, конечно, вовсе не имѣли въ виду защищать размноженіе питейныхъ заведеній. Наша цѣль была указать только на безрезультатность ихъ «сокращенія», въ интересѣ уменьшенія народнаго пьянства.

Въ полицейскомъ отчетѣ за 1874 годъ указывается, между прочимъ, какъ на успѣшный результатъ новыхъ правилъ питейной продажи въ столицѣ, на сокращеніе будто-бы потребленія вина и, стало быть, на сокращеніе разгула и пьянства. Такъ, въ 1874 г. потребленіе это уменьшилось, сравнительно съ 1873 г., на 224 тыс. ведръ; иначе—въ 1873 г. на каждаго петербургскаго жителя приходилось 3,4 ведра, въ 1874 году—3 вед. Выводъ этотъ основанъ, разумѣется, на цифрѣ оплаченнаго акцизомъ спирта... Сколько-же выпито было корчемнаго вина въ столицѣ за то-же время, объ этомъ, конечно, не говорится; а что его выпито не мало, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ намъ огромная цифра процесовъ о нарушеніи питейныхъ правилъ и тайной продажѣ вина...

Наконецъ, даже и безъ этого, уменьшеніе потребленія въ столицѣ крѣпкихъ напитковъ, по даннымъ самого отчета, оказывается фиктивнымъ, ибо, какъ тамъ сказано, вмѣсто недопитыхъ въ 1874 году 224 тыс. вед. вина, петербуржцы восполнили эту утрату поглощеніемъ лишнихъ 614 тыс. вед. пива сравнительно съ 1873 г. Рѣшить, что пьянѣе—одно-ли ведро вина или три ведра пива—мы не беремся; но, судя по статистикѣ петербургскаго пьянства въ 1874 г., замѣна вина пивомъ не выразилась ни въ какихъ ощутительныхъ результатахъ. Напротивъ число пьяныхъ, сравнительно съ предшествовавшими годами, нисколько не уменьшилось, а оттого, напивались-ли они водкой или пивомъ, интересы народной нравственности и благосостоянія едва-ли что-нибудь выигрываютъ...

Заканчивая нашъ очеркъ итоговъ искорененія народнаго пьянства, предоставляемъ читателю самому сдѣлать окончательное заключеніе о томъ, далеко-ли мы подвинулись въ удовлетворительномъ рѣшеніи этого капитальнаго, въ экономическомъ отношеніи, вопроса со времени его возникновенія до нашихъ дней, т. е. за періодъ времени слишкомъ въ триста лѣтъ?... А съ тѣмъ вмѣстѣ не наведетъ-ли это насъ на мысль объ изслѣдованіи и постановкѣ этого вопроса съ болѣе общей, соціальной точки зрѣнія? Не пора-ли посмотрѣть на кабакъ, какъ на продуктъ всей экономической обстановки народа, какъ на неизбѣжное дополненіе къ тому, чего онъ не доѣстъ и не допьетъ въ своемъ домашнемъ быту, наконецъ, какъ на результатъ того низкаго умственнаго и нравственнаго уровня, на которомъ алкоголь является физіологически-необходимымъ средствомъ противъ подавленнаго нервнаго состоянія человѣка? Пока мы не изучимъ этого вопроса съ этой точки зрѣнія, мы будемъ ходить только вокругъ да около него.

1877 г.

ОБЪЕДИНИТЕЛИ.

Мы переживали великій, вѣчно-памятный историческій моментъ. Россія самоотверженно приняла на себя и героически несла освободительную миссію, искупая общій грѣхъ человѣчества кровью сыновъ своихъ въ тяжкой и столь неблагодарной для нея войнѣ съ Турціей.

А въ то время, когда нашъ народъ-подвижникъ, обойденный у себя дома и природой, и судьбой и исторіей, безропотно и беззавѣтно несъ тяжелыя, едва переносимыя жертвы кровью и потомъ на великодушную борьбу за освобожденіе невѣдомыхъ для него «братушекъ», надъ нимъ, въ сферѣ русскаго печатнаго слова, поднялись непризнанные кабинетные пророки и политиканы, которые усиливались истолковать его простой и высокій въ своей простотѣ подвигъ въ духѣ книжныхъ доктринъ панславистическаго толка, которые, возмнивъ себя полномочными выразителями народной думы, начали громко, съ апломбомъ благовѣствовать отъ лица и во имя народа такія узко-тенденціозныя, завѣдомо сочиненныя «исповѣди» и теоріи, что эта доктринерская и quasi-патріотическая агитація не могла не вызвать отпора со стороны людей, понимавшихъ патріотизмъ нѣсколько иначе и не зараженныхъ, напущеннымъ тогда въ нашу общественную атмосферу, воинственно-панславистическимъ угаромъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и авторъ предлагаемой статьи, написанной (въ концѣ 1877 г.) подъ горячимъ впечатлѣніемъ шовинистическаго гама извѣстной части нашей печати и съ цѣлью оказать ей посильный отпоръ на почвѣ историческихъ фактовъ и критики «національно-объединительныхъ» теорій. Поэтому статья носитъ характеръ полемическій, съ отпечаткомъ настроенія данной минуты; но такъ какъ возбужденный тогда споръ далеко

не конченъ, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, впереди еще не разъ онъ будетъ возобновленъ, еще не разъ повторятся тѣ-же доктринерскія увлеченія, съ ихъ послѣдствіями, то авторъ и нашелъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь предлагаемую статью въ первоначальномъ видѣ, съ небольшими лишь пропусками и измѣненіями.

Оспариваемый вопросъ слишкомъ важенъ въ русской жизни и въ русской новѣйшей исторіи, чтобы говорить о немъ въ любую минуту показалось не къ мѣсту и не ко времени. Каждое искреннее, горячо высказанное мнѣніе имѣетъ здѣсь свою относительную цѣнность, какъ-бы оно ни было, само по себѣ, спорно и даже ошибочно. Въ этомъ — оправданіе помѣщаемой здѣсь статьи, хотя авторъ, конечно, далекъ отъ гордой мысли рекомендовать ее, какъ нѣчто непогрѣшимое и авторитетное.

I.

«Исповѣдь» московскаго панславизма.

За «Московскими Вѣдомостями», редактируемыми г. Катковымъ, всегда было одно цѣнное достоинство, ставившее ихъ во главѣ всѣхъ примыкавшихъ къ ихъ «направленію» органовъ, а, пожалуй, и во главѣ «партіи», если только она у нихъ когда нибудь была. Указываемое достоинство московской газеты заключалось въ томъ, что она всегда тверже всѣхъ ставила свое знамя, всегда, съ неуклонной послѣдовательностью, рѣшительностью и ясностью, формулировала проповѣдываемыя ею идеи и мнѣнія, какъ-бы они не были исключительны и ретроградны, и сколько-бы не вредила имъ и не скандализировала ихъ такая откровенная постановка.

Такъ случилось и на этотъ разъ—въ пору напряженной воинственно-панславистической агитаціи. Въ то время, когда другіе органы, занимавшіеся этой агитаціей, метались въ вихрѣ звонкихъ

фразъ, безъ опредѣленной програмы, безъ ясно сознанной идеи, за ихъ отсутствіемъ, «Московскія Вѣдомости» въ одно прекрасное утро категорически догматизировали, какъ онѣ выразились, *«исповѣдь* русскаго народа» по славянскому вопросу, вообще, и по поводу австрійскихъ славянъ, въ частности (Поводъ этотъ возникъ тогда по случайному, много надѣлавшему шуму, эпизоду — заарестованія г. Иловайскаго въ Галичинѣ австрійской полиціей, заподозрившей въ немъ русского эмиссара-агитатора).

«Исповѣдь русскаго народа» (вѣроятно, газета хотѣла сказать—*исповѣданіе*), по редакціи «Москов. Вѣд.», заключается въ слѣдующемъ:

...«Чувство братства съ угнетенными единовѣрцами и соплеменниками составляетъ въ нашемъ народѣ силу, которая въ годину *борьбы за ихъ освобожденіе* можетъ оказать великую пользу этому великому дѣлу. Съ этой точки зрѣнія, такъ называемый, *панславизмъ въ Россіи не есть программа какой-либо партіи, а политическая исповѣдь русскаго народа; онъ созданъ* не мудрованіями отдѣльныхъ мечтателей, а *исторіей*, и имъ написаны самыя блестящія страницы русской исторіи»...

Когда была сдѣлана эта догматизація «исповѣди русскаго народа», для многихъ нашихъ доморощенныхъ и скороспѣлыхъ панславистовъ она послужила чѣмъ-то въ родѣ откровенія. Они начали съ нею носиться и повторять на всякіе лады, какъ новое слово, безповоротно рѣшающее вопросъ и окончательно затыкающее глотку противникамъ.

Это было недоразумѣніе—результатъ газетной спѣшности и малаго знакомства со славянофильской литературой. «Моск. Вѣд.» никакого новаго слова не сказали: онѣ только повторили вкратцѣ готовое ученіе «отцовъ» московскаго славянофильства.

Вспомнить здѣсь это ученіе въ той части его, которая касается идеи «слитія» всѣхъ славянъ, не мѣшаетъ, хотя-бы для того только, чтобы провѣрить утвержденіе «Московскихъ Вѣдомостей», будто-бы, «созданіе» панславизма свершилось безъ всякаго участія «отдѣльныхъ мечтателей».

Покойный Тютчевъ, пламенный поэтъ, а еще болѣе пламенный славянофилъ (проповѣдывавшій—сказать между скобокъ—славянофильство всего охотнѣе и краснорѣчивѣе на «гниломъ» французскомъ языкѣ), какъ діалектикъ съ очень смѣлой логикой, шелъ въ

своихъ мечтаніяхъ о «слитіи» до крайнихъ выводовъ и дошелъ до прожекта «вселенской церкви» и «вселенской монархіи» («La monarchie universelle»). Эта вселенская монархія, по мысли Тютчева, должна была называться «Греко-славянской имперіей».

На вопросъ: «qu'est ce que la monarchie universelle»,—Тютчевъ отвѣчаетъ слѣдующею догмою или, по его выраженію, «doctrine de l'empire»:

«Имперія едина!

«Душою ей—православная церковь; тѣломъ—славянское племя. Еслибы Россія не дошла до имперіи, она-бы лопнула. Восточная имперія (то есть грекославянская) это—Россія»...

Я не буду вдаваться въ подробности этой удивительной «doctrine»; упомяну только, что въ составъ проектированной «единой» имперіи, по мысли Тютчева, должны были войти не только всѣ славяне, но и всѣ, безъ изъятія, національности, на правахъ «имперскихъ земель»... Само-собой разумѣется, что центромъ и столицей этой «monarchie universelle» должна была стать златоверхая «matouchka» Москва, а конечной цѣлью всей этой фантасмагоріи — наискорѣйшая ассимиляція народовъ, посредствомъ филипповскихъ калачей и обрусителей-становыхъ, испытанной преданности... Боже, какъ-бы это было хорошо!

При такомъ всепоглощающемъ «слитіи» всего рода человѣческаго въ лонѣ Россіи *), понятно, объ индивидуальности славянъ не могло быть и рѣчи. На этотъ счетъ Тютчевъ категорически высказался готовымъ, такъ сказать, законоположеніемъ, а именно:

«Не можетъ быть никакой для славянъ политической національности внѣ Россіи».

Законоположеніе это, давно сложившееся въ непреложный догматъ въ ученіи «отцовъ» славянофильства, Тютчевъ обнародовалъ въ игривой стихотворной формѣ, во время достопамятныхъ пиршествъ, по случаю пріѣзда братьевъ славянъ къ намъ въ 1867-мъ году. На одномъ изъ этихъ пиршествъ Тютчевъ привѣтствовалъ братьевъ такъ:

,,Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви;
Но знайте гости дорогіе,
Вы здѣсь не гости, вы — свои!"

---

*) Здѣсь умѣстно вспомнить, что это мечтаніе Тютчева нашло себѣ потомъ новое выраженіе въ извѣстной теоріи о ,,всечеловѣкѣ" другаго пламеннаго славянофила—покойнаго Достоевскаго.

«Дорогіе гости», безъ сомнѣнія, достаточно прочувствовали и поняли смыслъ этого радушнаго «будьте какъ дома!»

Это «видѣніе будущаго», которымъ Тютчевъ, какъ онъ разсказываетъ, «былъ охваченъ, взобравшись на платформу Ивана Великаго», не было субъективнымъ и одиночнымъ, а составляетъ исходную точку всего московскаго панславизма. Хомяковъ, еще раньше Тютчева, пророчилъ, что нашей

... „странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной..."

Мечтая о славянскомъ «слитіи», Хомяковъ призывалъ Россію снять «*цѣпь насилья*» съ турецкихъ и австрійскихъ славянъ, и, рисуя, какъ славянскіе орлы, освобожденные отъ «цѣпи насилья», расправятъ крылья и воспарятъ, онъ склоняетъ ихъ «мощную главу *предъ старшимъ* сѣвернымъ орломъ»...

Другой позднѣйшій и современный намъ «великій отецъ» московскаго панславизма, И. С. Аксаковъ, совершенно соглашаясь съ «видѣніями» Тютчева, заявляетъ отъ себя то-же мнѣніе, что «слитіе» славянъ немыслимо безъ «объединяющаго цемента Россіи», что для западныхъ славянъ нѣтъ выбора между «объединеніемъ съ Россіей» и утратой славянской національности, что «славяне неправославные могутъ спасти въ себѣ славянскую народность только подъ условіемъ возвращенія (?) къ православію», и т. д.

Судя по извѣстной перепискѣ И. С. Аксакова съ Ригеромъ, гдѣ онъ уже категорически и энергически призываетъ чеховъ къ «возвращенію» въ православіе, выше намѣченныя «видѣнія» московскаго панславизма кристаллизовались въ несокрушимыя твердыни «святая святыхъ», противъ которыхъ безсильны уже самые разрушительные приступы вольнодумства и разъѣдающаго скептицизма.

Я остановился на ученіи «отцовъ» панславизма и позволилъ себѣ оживить въ вашей памяти нѣсколько наиболѣе выразительныхъ цитатъ изъ ихъ вдохновенной проповѣди для того, во-первыхъ, чтобъ показать, какъ не нова и, въ сущности, блѣдна «исповѣдь русскаго народа», въ редакціи «Моск. Вѣд.», а во-вторыхъ, чтобы, при дальнѣйшемъ теченіи моей аргументаціи, никто не сказалъ, будто я искажаю и кривотолкую истинный смыслъ этого ученія.

Это необходимо было сдѣлать еще, въ виду появленія въ послѣднее время обширной клики сверхкомплектныхъ, такъ сказать, *нео*-славянофиловъ, извѣстныхъ, впрочемъ, болѣе подъ общей характеристической кличкой Орестовъ Миллеровъ. Какъ извѣстно, господа эти обнаруживаютъ склонность смѣшивать теорію панславизма чуть-ли не съ медіумизмомъ. Общеславянское «слитіе» Оресты Миллеры уподобляютъ какому-то, безъ помощи становыхъ, «матеріализованному» общенію славянскихъ душъ, при посредствѣ, если, положимъ, не вертящихся столовъ, то—столовъ обѣденныхъ, время отъ времени сервируемыхъ съ славянскимъ хлѣбосольствомъ то въ Москвѣ, то въ Прагѣ, то въ Бѣлградѣ и т. д., да еще при посредствѣ разныхъ именинныхъ презентовъ, въ родѣ колоколовъ, ханджаровъ съ серебрянными рукоятками работы Сазикова, крестовъ Такова, роскошныхъ изданій синодальной типографіи и проч.

Дальше этихъ вещественныхъ знаковъ невещественнаго «слитія» Оресты Миллеры не простираютъ своихъ объединительныхъ видовъ. По ихъ редакціи, московскій панславизмъ есть не болѣе, какъ теплое платоническое или, вѣрнѣе сказать, филологическое «сочувствіе», согрѣтое полнѣйшимъ безкорыстіемъ Россіи.

Я не знаю, въ какой степени Оресты Миллеры искренни, но въ послѣднее время они такъ сугубо и назойливо тыкали всѣмъ въ носъ своимъ «безкорыстіемъ», что оставить здѣсь безъ оговорки всю эту фракцію панславистовъ было-бы невозможно. Зная-же сущность ученія истиннаго панславизма, преслѣдующаго, какъ мы видѣли, весьма и весьма «вещественныя» цѣли и весьма опредѣленно формулировавшаго «исповѣдь» русскаго народа и задачу русской исторіи, несостоятельность Орестовъ Миллеровъ сама собой обнаруживается въ достаточной наготѣ...

II.

«Видѣнія» и дѣйствительность.

Идея національнаго объединенія, какъ ее проповѣдываютъ наши панслависты, есть продуктъ философіи и политики на эстетико-филологической подкладкѣ. Она родилась въ головѣ ученаго систематизатора, развилась путемъ сообщеннаго ею литературнаго движенія и, съ недавняго времени, стала однимъ изъ главныхъ принциповъ международной политики. По своей схемѣ идея эта чисто-искусственная, теоретическая, чуждая сознанію народныхъ массъ и вовсе не вытекающая органически изъ ихъ насущныхъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей.

Народныя массы имѣютъ такое множество неудовлетворенныхъ нуждъ первой необходимости и стоятъ еще на такой низкой степени умственнаго и матеріальнаго развитія, что имъ не до національной идеи. Насколько имъ чужда эта идея—лучше всего показываетъ свѣжій примѣръ эльзасскихъ и швейцарскихъ нѣмцевъ.

Извѣстно, что эльзасцы, пріобщенные желѣзнымъ княземъ къ великому Vaterland'у, не только не обрадовались этому національному «возсоединенію», но, напротивъ, протестовали и протестуютъ до сихъ поръ всѣми силами противъ «освобожденія» ихъ отъ «поработителей» - французовъ. Когда, почти одновременно, возникла мысль о «возсоединеніи» съ общимъ Vaterland'омъ и швейцарскихъ нѣмцевъ, мы помнимъ, какъ энергически и единодушно возстали они противъ малѣйшей попытки подобнаго національнаго ихъ объединенія. А наши славянскіе братья, живущіе подъ «игомъ» Австріи, напримѣръ?—Развѣ они хоть одну минуту думаютъ серьезно о братскомъ «возсоединеніи» подъ крыльями «старшаго сѣвернаго орла»?

Г. Боборыкинъ, прожившій цѣлое лѣто между чехами, сербами и хорватами, удостовѣряетъ, что у нихъ нѣтъ и въ помыслѣ ничего подобнаго, какъ нѣтъ и въ помыслѣ освобождаться изъ-подъ австрійскаго «ига», потому что подъ этимъ игомъ имъ очень недурно живется. Оно и понятно: отъ добра добра не ищутъ... Съ Россіей-же они, напр., чехи, только играютъ въ «сочувствіе» и «объединеніе», чтобы подразнить Австрійскую власть и сдѣлать

ее сговорчивой на уступки... Это просто ходы политической стратегіи и ничего больше!

Г. Боборыкинъ, въ своихъ письмахъ изъ славянскихъ земель, намѣтилъ еще одно, весьма важное обстоятельство, которое совершенно упускаютъ изъ виду теоретики-объединители. Говоря объ отношеніяхъ хорватовъ и сербовъ, онъ упоминаетъ, что они чрезвычайно дорожатъ своей племенной индивидуальностью и, изъ за гегемоніи другъ надъ другомъ, ведутъ между собою непримиримую вражду. То же самое замѣчается и въ отношеніяхъ сербовъ съ болгарами. Словомъ, мы здѣсь видимъ въ миніатюрѣ процессъ національнаго объединенія, выражающійся въ томъ, что каждая племенная индивидуальность отстаиваетъ всѣми силами свою самостоятельность и ни за какія коврижки не желаетъ возсоединиться съ другой и признать другую старшей надъ собою. Вспомнимъ исторію взаимныхъ отношеній главныхъ славянскихъ племенъ. Не та-же-ли характеристическая черта красной полосой проходитъ по всѣмъ ея страницамъ?..

Нѣтъ, князь Бисмаркъ тысячу разъ правъ! Безъ «крови и желѣза», безъ ежовыхъ рукавицъ, объединеніе разноплеменностей одной національной расы немыслимо.

Но съ другой стороны, развѣ не тысячу разъ правъ и какой нибудь саксенъ-кобургъ-готскій нѣмецъ-крестьянинъ, нечувствующій никакого восторга оттого, что князь Бисмаркъ сдѣлалъ его гражданиномъ великой германской имперіи, что онъ объединилъ его съ великой обще-нѣмецкой семьею? Что существеннаго принесло ему въ данномъ случаѣ торжество національной идеи, кромѣ удовольствія оплачивать, сверхъ издержекъ своего саксенъ-кобургъ-готскаго правительства, еще издержки правительства имперскаго?

Бренный блескъ военной славы, тріумфальныя арки и побѣдныя колонны, воздвигаемыя на счетъ кармана все того-же нѣмца-крестьянина, не представляютъ въ его невѣжественныхъ глазахъ достаточнаго оправданія бытію дорого стоющей, по выраженію Тиссо, формы «Бисмаркъ и Комп.», учрежденной для переноски королевскихъ и княжескихъ коронъ и троновъ. По свидѣтельству того-же Тиссо и другихъ наблюдателей современной жизни объединенной Германіи, всѣ, вообще, нѣмцы, послѣ скоротечныхъ упоеній отъ побѣдъ, почувствовали себя несовсѣмъ ловко въ ежовыхъ рукавицахъ своего монументальнаго объединителя.

И въ самомъ дѣлѣ, такъ удачно, повидимому, разрѣшенный опытъ германской имперіи представляетъ весьма поучительный урокъ для будущихъ объединителей.

Мы видимъ здѣсь полное торжество національной идеи, но видимъ въ тоже время, что отъ этого торжества ни на вершокъ не подвинулся общечеловѣческій прогрессъ, ни на іоту нѣмецъ не сталъ удовлетвореннѣе въ своихъ насущныхъ народныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Напротивъ, торжество нѣмецкаго націонализма отразилось въ жизни нѣмецкаго интеллигентнаго общества самымъ антипатичнымъ и антигуманнымъ образомъ. Степенный, мягкій, умный и глубоко человѣчный, по натурѣ, нѣмецъ, подъ вліяніемъ національной гордости, столько наговорилъ и натворилъ за это время дикихъ и глупыхъ вещей, что заставилъ усомниться въ благородствѣ его характера. Кого не поражали въ послѣднее время грубѣйшій нѣмецкій шовинизмъ, нелѣпѣйшее нѣмецкое національное бахвальство и надменность!

А въ то время, какъ въ обществѣ и литературѣ Германіи праздновалось такимъ чисто-вандальскимъ образомъ торжество національнаго единства, ея общественныя и народныя язвы, растравленныя опустошительной войной и послѣдовавшей затѣмъ перетасовкой политическихъ отношеній въ странѣ, приняли самый острый характеръ. Прочтите внимательно очерки германской жизни Тиссо, справьтесь съ статистикой развитія нѣмецкаго соціализма («интернаціональ» тожъ), познакомьтесь съ картинами бѣдности нѣмецкаго пролетаріата и съ его угрожающими размѣрами, и изъ всего этого вы увидите, что національное единство ни на волосокъ не сдѣлало нѣмца счастливѣе...

Этого мало: національное объединеніе нѣмцевъ, въ желѣзномъ кольцѣ имперіи, внесло и въ международныя отношенія новый прецедентъ постоянной тревоги и вражды, и уже окончательно превратило всю Европу въ сплошной военный лагерь. Скованное желѣзомъ германское объединеніе желѣзомъ только и можетъ держаться: для его охраненія и авторитета потребовалось держать на готовѣ милліоны штыковъ. До этого момента миръ въ Европѣ и «дружескія» отношенія державъ поддерживались сотнями тысячъ штыковъ; теперь, когда одна изъ державъ засвидѣтельствовала свое миролюбіе увеличеніемъ своихъ штыковъ до милліоновъ, то же самое, понятно, вынуждены были сдѣлать и остальныя державы.

И иначе не могло случиться, потому что національная идея, по своей сущности, есть идея въ высшей степени эгоистичная и вполнѣ воинствующая. Возбуждая національную гордость и національный эгоизмъ, она предполагаетъ, для торжества одной національности,—подчиненіе и принесеніе въ жертву другой. Объединенный нѣмецъ стремится проглотить француза, какъ, съ своей стороны, французъ хочетъ проглотить нѣмца и т. д. И это въ натурѣ вещей, потому что въ борьбѣ національностей мы видимъ самое грубое проявленіе дарвиновскаго закона ожесточенной борьбы за существованіе... Спрашивается, въ этомъ-ли спасеніе человѣчества?

Гдѣ найдется тотъ статистикъ, который-бы высчиталъ, во-что обошлось человѣчеству торжество національной идеи, только для одного, наприм., нѣмецкаго племени!? Намъ кажется, что идея, которой осуществленіе такъ дорого стоитъ и такъ мало или вовсе не улучшаетъ нашу юдоль плача и всякія скверны, не заслуживаетъ большаго сочувствія, если мы дорожимъ не однѣми только нашими досужими фиксъ-идеями и фантастическими картинками разныхъ «monarchies universelles», но и скромнымъ благомъ, такъ называемой, «платежной единицы»!..

Трудно себѣ представить, какое мы имѣемъ право пренебрегать маленькими интересами этой злополучной «единицы» и проектировать исполненіе нашихъ желаній, по части всѣхъ этихъ грандіозныхъ фиксъ-идей, на счетъ ея хребта и трудовой копѣйки, если она сама этихъ идей не знаетъ и не хочетъ знать? Если вы скажете, что исполненіе этого сорта нашихъ желаній совпадаетъ съ *несознанными* желаніями самой «единицы», то не правильнѣе-ли мы поступимъ тогда, доставивъ ей прежде всего возможность *сознать* эти желанія? Вы, конечно, знаете, что для этого нужно.

Для этого нужно, чтобы помянутая «единица» была удовлетворена прежде всего во всѣхъ своихъ *первыхъ* потребностяхъ—желудочныхъ, гигіеническихъ, гардеробныхъ и т. д. Затѣмъ мы должны будемъ расширить умственный кругозоръ «единицы» до размѣровъ нашего кругозора, и вотъ тогда уже мы поведемъ съ нею сочувственную бесѣду объ осуществленіи нашихъ возвышенныхъ національно-объединительныхъ плановъ... Долго ждать, скажете.—А почему и не подождать?

Цивилизація потому только хорошая вещь, что ея задача —

счастье человѣка, въ широкомъ значеніи этого слова... Ничего больше, кромѣ счастья, обусловливаемаго удовлетвореніемъ человѣческихъ потребностей! Съ этой точки зрѣнія, идея національныхъ «слитій», признаться, очень мало имѣетъ цивилизующаго значенія... И замѣчательная вещь — въ самой цивилизованнѣйшей странѣ она не имѣетъ никакого кредита и никакого обращенія! Я говорю о Сѣверной Америкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, всѣ національности уживаются бокъ о бокъ самымъ дружескимъ образомъ, гдѣ никто не хлопочетъ о разныхъ «объединеніяхъ», гдѣ, не смотря на страшную племенную пестроту, нѣтъ и признаковъ національной борьбы и гегемоніи одного племени надъ другимъ. Тамъ все сливается въ одно могучее государство общностью не племенныхъ, не національныхъ интересовъ, а соціально-политическихъ, духовныхъ и экономическихъ, словомъ—культурныхъ.

Мнѣ кажется, что эта американская окрошка изъ національностей есть, именно, то, что требуется для человѣчества... Ахъ, былъ-бы только вкусный кусокъ хлѣба, теплый уголъ, свобода думать и говорить, что лежитъ на душѣ, кругъ добрыхъ друзей, спокойствіе, да поменьше податей, повѣрьте—люди охотно отказались бы отъ удовольствія служить объектомъ для національныхъ экспериментовъ разныхъ «желѣзныхъ» объединителей! Если какому-нибудь нѣмецкому крестьянину хорошо живется, не все-ли равно для него—подданный-ли онъ великой германской имперіи или крошечнаго зингмарингенскаго княжества?

Нужно только, чтобъ не было рабства, чтобъ одна національность не давила другую и, наслаждаясь свободой сама, давала свободно жить и другимъ. Съ этой стороны, вполнѣ понятны задачи турецкихъ славянъ и нельзя представить себѣ ничего гуманнѣе и возвышеннѣе задачи Россіи, безкорыстно поднявшей мечъ за освобожденіе порабощенныхъ варварской турецкой ордой христіанскихъ народовъ!..

III.

Исповѣдники русскаго народа.

Приступая къ критикѣ, собственно, панславистической теоріи московскаго дѣла, мы должны возвратиться къ приведенной нами выше догматикѣ ея, въ послѣдней редакціи «Моск. Вѣд.» Въ этой редакціи, «исповѣдь русскаго народа» заключается, какъ мы видѣли, въ томъ,

1) что «панславизмъ въ Россіи не есть программа какой нибудь партіи, а политическая исповѣдь русскаго народа»; и

2) что панславизмъ «созданъ не мудрованіями отдѣльныхъ мечтателей, а всей русской исторіей»...

Для удостовѣренія подлинности и справедливости этихъ догматовъ, намъ ничего не остается, какъ обратиться къ опросу свидѣтелей. Свидѣтели эти—русскій народъ и русская исторія.

Вамъ извѣстно, что эти свидѣтели склонны къ запирательству и умолчанію: «знать-де ничего не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ»!.. Къ счастью, благодаря остроумію и расторопности многихъ пытливыхъ слѣдователей, съ народа сняты, внесены на страницы бытописанія и скрѣплены установленнымъ порядкомъ всѣ нужныя «показанія». Цѣлая блестящая плеяда исторіографовъ, этнографовъ и публицистовъ, каковы гг. Аксаковы, Данилевскіе, Оресты Миллеры, Зиссерманы и tutti quanti, одинъ за другимъ, опускалась на самое дно народной души, хозяйничали тамъ, какъ въ своемъ гардеробномъ шкапу, мѣряли и нивеллировали эту душу вдоль и поперекъ и не оставили въ ея «исповѣди» ни одного уголка безъ обслѣдованія...

Теперь, когда народъ, по какому-либо случаю, призывается во свидѣтели, эти шустрые господа прыгаютъ въ его душу, какъ суфлеръ въ свою будку, и «подсказываютъ» оттуда народную «правду», ими средактированную, исправленную и дополненную, «ничтоже сумняшеся».

Беру нѣсколько наиболѣе рельефныхъ примѣровъ, нестолько ради доказательства всего, здѣсь сказаннаго, сколько для исходной точки моей дальнѣшей бесѣды.

Въ эпоху великаго переселенія добровольцевъ въ Сербію, об-

ществу понадобилось узнать, какъ относится русскій сѣрый народъ къ восточному вопросу вообще и къ «братушкамъ» славянамъ въ особенности? Одна предупредительная петербургская редакція тотчасъ командировала г. Немировича-Данченко, какъ наблюдательнаго и опытнаго знатока народа, произвесть на этотъ счетъ подробное слѣдствіе.

Г. Немировичъ-Данченко прокатился отъ Петербурга до Нижняго по желѣзной дорогѣ, а изъ Нижняго до Казани на пароходѣ, и немедленно отрапортовалъ:

«Съ полною увѣренностью (мы цитируемъ его подлинныя слова) я могу сказать вамъ теперь, что думаетъ русскій народъ!»

Оказалось, разумѣется, что весь русскій народъ думаетъ совершенно такъ, какъ думаетъ г. Немировичъ-Данченко и какъ угодно было думать командировавшей его редакціи, сообразовавшейся въ данномъ случаѣ съ требованіями и прихотями сезона. Оказалось, что русскій народъ только о томъ и «думаетъ», какъ-бы ему «всѣмъ міромъ» тронуться за освобожденіе «братушекъ» и, если онъ, по словамъ г. Немировича, тогда-же не тронулся, то только потому, что «становой не сталъ пущать»...

— Это, братъ, наше мірское дѣло!—говорили г. Немировичу патріоты-«пахатники» на счетъ славянскаго вопроса. — Насъ бьютъ (турки, то есть), насъ обираютъ... Это не сербъ, а русскій (sic!). Какой такой болгаринъ? Послѣ этого и владиміряцъ не русскій. А за свое мірское дѣло мы цѣлымъ міромъ и станемъ!

Вотъ, какъ у насъ «думаетъ» русскій народъ, какъ онъ глубоко и сознательно проникнутъ идеей панславизма, когда его подвергаютъ опросу такіе чуткіе изслѣдователи народной «исповѣди» какъ г. Немировичъ-Данченко!

Я знаю, иной скептикъ улыбнется, что я цитирую такого легкомысленнаго писателя, какъ г. Немировичъ, и придаю его розсказнямъ такое документальное значеніе... Пусть скептикъ не улыбается, хотя бы потому уже, что приведенныя изреченія г. Немировича въ свое время цитировались же въ серьезъ многими нашими «большими» газетами, какъ неопровержимое доказательство панславистическихъ тенденцій народа. И, наконецъ, что такое въ данномъ случаѣ г. Немировичъ-Данченко, какъ не выразитель ученія «отцовъ» панславизма? Конечно, выразитель онъ поверхностный—онъ, такъ сказать, только вульгаризаторъ этого ученія, но изъ разряда

тѣхъ свѣже-испеченныхъ вульгаризаторовъ панславизма и славянофильства, школа которыхъ такъ пышно расцвѣла на страницахъ одной откровенной газеты и такъ пришлась по вкусу и по росту неразборчивой полуобразованной массы... Ими пренебрегать нельзя.

Вотъ вамъ г. Данилевскій, мужъ ученый и серьезный, такой серьезный, что отъ чтенія его статей самый смѣшливый читатель можетъ впасть въ ипохондрію,—а развѣ онъ не въ томъ же смыслѣ изъясняетъ «исповѣдь» русскаго народа? Развѣ онъ также не истолокъ въ одной ступѣ обрусѣнія владимірца съ болгариномъ, пошехонца съ сербомъ и т. д.? Развѣ русскій народъ не стремится у него, какъ къ своей естественной границѣ, къ «вратамъ» Царьграда, такого-же, по его «исповѣди», русскаго города, какимъ слыветъ какая нибудь Кострома или Рязань?

Вообще, въ этихъ пунктахъ ученія сходятся всѣ: посвященные и непосвященные, далай-ламы и новички-прозелиты... Гдѣ кто начинается и гдѣ кто кончается—не разберешь, да и разбирать нѣтъ надобности.

Съ русской исторіей на этотъ счетъ еще менѣе церемоній. Мы уже знаемъ, какъ толкуютъ ея задачи «Моск. Вѣд.» и какъ прозрѣли эти задачи, съ высоты платформы Ивана Великаго, «отцы» панславизма... Въ органѣ вульгаризаторовъ этого ученія о тѣхъ же задачахъ говорилось слѣдующее:

«Къ чему мы должны стремиться?

«Если-бы у насъ Петръ Великій явился столѣтіемъ раньше или по крайней мѣрѣ, еслибы его преемники по уму, дѣятельности и патріотизму были достойны его, то уже давно былъ-бы данъ исторіею утвердительный отвѣтъ на вопросъ: «сольются ли славянскіе ручьи въ русскомъ морѣ?» Еще полвѣка тому назадъ могли бы они слиться»...

И такъ, Петръ В.—славянофилъ и панславистъ!?... Подобнымъже образомъ проговорилась впослѣдствіи «Русь», признавшая, что самый славянскій вопросъ, невѣдомый въ старо-московской Руси, впервые возбужденъ былъ и сдѣланъ нашей національной задачей Петромъ В. Можно-ли придумать болѣе курьезную непослѣдовательность въ устахъ славянофильства — того самаго славянофильства, которое все зиждется на отрицаніи Петра В., какъ перваго «западника» и исказителя, якобы, правильнаго хода русской исторіи?!.

Съ исторіей у насъ не церемонятся даже такіе, повидимому,

компетентные знатоки ея, какъ, напр., профессоръ Градовскій Такъ, онъ убѣждалъ насъ, на основаніи, будто-бы, исторіи, что русскій народъ, не какъ государство, не какъ первостепенная великая держава (противъ чего нельзя было-бы спорить), а именно, какъ племя, «какъ общество хозяйственное и какъ общество религіозное», преслѣдуетъ на Балканахъ и за Балканами свои кровныя, органическія цѣли и задачи, безъ которыхъ ему просто тѣсно и неловко жить у себя дома...

Чего, чего только не говорится у насъ и не утверждается, какъ непреложная истина, отъ имени народа и на основаніи русской исторіи?—Благо, народъ молчитъ и не знаетъ даже, что его такъ-то со всѣхъ сторонъ выисповѣдали, а бумага все терпитъ.

Съ своей стороны долженъ сказать, я не только хотѣлъ-бы вѣрить во всѣ эти соблазнительныя мечты и исповѣди панславизма, но отъ всего сердца желалъ-бы видѣть ихъ полное отождествленіе и осуществленіе въ натурѣ! Помилуйте, чего лучше и пріятнѣе было-бы, еслибъ сербъ и ярославецъ, болгаринъ и владиміревецъ различались между собою не болѣе, какъ двѣ капли воды, еслибъ всѣ славянскіе ручьи слились въ одно могучее русское море, еслибъ мы могли съ вами, слѣдуя по «прямому сообщенію», ѣздить изъ Петербурга лѣтомъ въ Константинополь на дачу, какъ ѣздимъ теперь въ Павловскъ, что-ли? Вѣдь это былъ-бы рай, было-бы такое великое, гордое національное счастье, какимъ не наслаждалось еще ни одно племя на землѣ!

Но люди—странная порода! Они любятъ больше всего свою природу, свое небо, какъ-бы они ни были бѣдны и непривѣтливы...

Дѣйствительно-ли нужно, не намъ только съ вами, русскимъ «культурнымъ» людямъ, набалованнымъ во всякихъ фантазіяхъ и прихотяхъ,—а нашему труженику-народу, это всеславянское объединеніе, эти лазоревыя волны Босфора, эти чудныя розовыя долины въ Балканахъ?—Это одинъ вопросъ; другой—не менѣе важный: въ какой степени достижимы для него всѣ эти блага, еслибъ онъ и точно вздыхалъ по нихъ?

Вы полагаете, что нетолько все это нужно русскому народу и достижимо для него, но что безъ этого онъ даже и существовать не можетъ, въ силу своего историческаго роста и призванія... Посмотримъ!

Въ панславистахъ разныхъ оттѣнковъ, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, прежде всего поражаетъ глубокое пренебреженіе мѣ-

стными, ближайшими интересами и нуждами русскаго народа, его трудомъ, его копѣйкой и, стало быть, его жизнью и имъ самимъ. Народъ, съ ихъ точки зрѣнія, есть не болѣе, какъ орудіе, какъ матеріалъ для сооруженія тѣхъ идеальчиковъ, тѣхъ объединительныхъ всеславянскихъ комбинацій, имѣющихъ привести къ образованію грандіозной «monarchie universelle», которую создало ихъ досужее, пылкое воображеніе, вскормленное на заморскихъ теоріяхъ.

Замѣчательное дѣло, что самые крупные и самые вліятельные изъ нашихъ панславистовъ—были поэты и, вообще, люди художественнаго темперамента. Поэтому, въ ученіи панславизма, въ его цѣляхъ и идеалахъ—эстетическій элементъ на первомъ планѣ. Возьмите идею «всемірной монархіи», какъ ее понимали Хомяковы, Тютчевы, Аксаковы,—это поэма! Всероссійскій орелъ, парящій надъ вселенной, громъ славы, яркій крестъ Софіи, озаряющій весь міръ, возстановленіе византійскаго классицизма, съ его блескомъ, величіемъ и гармоніей, и торжество божественной всеславянской идеи надъ посрамленными идеями «гнилаго» Запада и мусульманства... Сколько здѣсь поэзіи и какъ мало мѣста шероховатой прозѣ народной обыденной жизни!..

Всѣ эти эстетики-объединители, творцы идеальныхъ монархій, прежде всего деспоты. Какъ всякій истинный художникъ, они ставятъ превыше всего въ мірѣ свои, собственнаго сочиненія, красивые образы и идеалы, и, для ихъ осуществленія, не задумаются принесть въ жертву сколько угодно человѣческихъ жизней и какіе угодно, самые дорогіе, соціально-экономическіе интересы массы. Интересовъ массы, сосредоточенныхъ на такихъ низкихъ матеріяхъ, какъ насущный хлѣбъ, какъ заботы о своей хатѣ, о своей нивѣ, о своихъ, въ потѣ лица добытыхъ грошахъ, эстетики-объединители не понимаютъ,—мало того: они ихъ презираютъ и ставятъ ни во что передъ возвышенностью своихъ художественныхъ фантазій и идеаловъ! Масса, въ свою очередь, не понимаетъ и не хочетъ понимать ни этихъ фантазій, ни этихъ идеаловъ, зная только одно, по прежнимъ опытамъ, что эти идеалы обходятся очень дорого и исключительно насчетъ пота и крови ея-же, массы.

Происходитъ при этомъ обычное недоразумѣніе, разрѣшающееся классическимъ порядкомъ: эстетикъ-объединитель, если Богъ снабдилъ его властью, пускаетъ ее въ ходъ и гонитъ «неразумную» массу на постройку, по его плану, разныхъ объединительныхъ храмовъ...

Исторія представляетъ не мало краснорѣчивыхъ примѣровъ этого, и не далѣе, какъ въ сербскую войну наши доморощенные объединители очень исправно дубасили по зубамъ «братушекъ»-сербовъ, за то, что тѣ были такъ глупы—не понимали блаженства быть подданными не сербскаго княжества, а сербскаго королевства, и предпочитали, въ простотѣ души, мирное прозябаніе въ своихъ «кучахъ»—воинской славѣ.

Всѣ эти «объединенія» и созиданія общенаціональныхъ храмовъ изъ разрозненныхъ кирпичиковъ одного племени, при своевременномъ соціально-экономическомъ состояніи народовъ, только и могутъ совершаться путемъ зуботычинъ и крутыхъ мѣръ. Идеалъ объединителя—князь Бисмаркъ, громко провозгласившій, что онъ объединитъ нѣмецкое племя «кровью и желѣзомъ», и на самомъ дѣлѣ объединившій его этимъ цементомъ. Для такого дѣла нужны: желѣзная рука и желѣзная душа историческихъ дѣятелей, подобныхъ князю Бисмарку, съ одной стороны, а съ другой—пассивность и рабская забитость хорошо дисциплинированной массы, готовой, по первому требованію, не спрашивая зачѣмъ и для чего, давать сколько угодно солдатъ и сколько угодно податей.

IV.

Достовѣрныя лжесвидѣтельства.

Когда газетный публицистъ, высказывая свои личные взгляды по какому нибудь вопросу, говоритъ во множественномъ числѣ «*мы* полагаемъ», «*мы* думаемъ», это еще понятно. Какъ членъ интеллигентнаго общества, онъ всегда встрѣтитъ въ немъ извѣстную долю единомышленниковъ, какъ бы не были исключительны его взгляды. Но когда наши панслависты импонируютъ читателя своими «мы полагаемъ» отъ лица всего русскаго народа, который ихъ не знаетъ, это ужъ такая смѣлость, что ей и названія не придумаешь...

Изъ приведенныхъ выше цитатъ вы видѣли, что такою смѣлостью отличаются не одни, погрѣшающіе «легкостью мыслей», корреспонденты, но, вообще, всѣ панслависты всѣхъ калибровъ и оттѣнковъ. Напр., одинъ изъ нихъ, г. А. Кошелевъ, разразился въ одной газетѣ даже чуть не анаѳемой Петербургу за то, что этотъ городъ «безплеменныхъ», по его выраженію, русскихъ «европейцевъ»—«не понимаетъ» панславистическихъ «чувствъ, понятій и требованій Россіи», досконально понятыхъ имъ и достовѣрно извѣстныхъ ему—г-ну Кошелеву. Онъ радъ былъ согнать насъ со свѣту за малѣйшее сомнѣніе въ томъ, напр., что въ данное время всю «почти невозмутимую Россію—людей всѣхъ ея состояній, всѣхъ мѣстностей» охватило,—какъ онъ увѣрялъ, — «горячее, глубокое, небывалое одушевленіе» во имя братства съ славянами, что нашъ народъ, «какъ одинъ человѣкъ», въ силу «неустранимой потребности», полагаетъ всѣ свои помыслы и заботы «о слабѣйшихъ своихъ братіяхъ», не только о тѣхъ, которые находятся «подъ игомъ мусульманства», но и о тѣхъ, которые «льнутъ» къ нему изъ «подъ гнета раньше развившихся иноплеменныхъ народовъ», и т. д., и т. д.

«Лучше-бы вамъ, — энергически обращался г. Кошелевъ къ ненавистнымъ для него русскимъ «европейцамъ»,—не родиться на землѣ русской или скорѣе съ нея исчезнуть!..»

Господи! ну, что, еслибъ этимъ апостоламъ панславизма, собирающимся «обновить» и спасти Европу своимъ «смиреніемъ» и «братолюбіемъ», да власть дать?—Много-ли не хватаетъ рѣшимости, напр., г-ну Кошелеву, чтобъ подать свой голосъ за учрежденіе инквизиціи панславизма и начать жарить на сковородѣ всѣхъ тѣхъ, кто, по его суду, не долженъ былъ «родиться на русской землѣ?» Это—между прочимъ...

Смѣлое обобщеніе панславистами своихъ фантастическихъ плановъ и желаній съ желаніями, «чувствами, понятіями и требованіями» всего русскаго народа объясняется довольно просто. Ихъ пренебреженіе къ насущнымъ нуждамъ и интересамъ народа и демагогическое отношеніе къ нему, какъ къ орудію и матеріалу для осуществленія своихъ объединительныхъ фантазій и плановъ, былибы уже слишкомъ вопіющи, даже, на близорукій взглядъ, еслибъ являлись на свѣтъ Божій безъ благовидной маски. Маска эта и есть обобщеніе панславистическихъ тенденцій съ волею и «неу-

странимой потребностью» будто-бы всего русскаго народа. Снимите эту маску съ московскаго панславизма и—онъ, какъ доктрина совершенно изолированной отъ народа партіи, лишается всякаго смысла и всякаго оправданія... Панслависты это очень хорошо понимаютъ и потому, искренно или притворно, драпируются въ мантію пророковъ и выразителей «исповѣди» всего рускаго народа, и отъ его имени, подобно древнимъ оракуламъ, сплетавшимъ всякія небылицы устами безмолвнаго бронзоваго бога, смѣло вѣщаютъ свои доктринерскія—«*мы* полагаемъ», «*мы* думаемъ», т. е. мы—русскій народъ.

Отсюда происходитъ крайняя нетерпимость этихъ господъ ко всякому несогласному съ ихъ ученіемъ мнѣнію и яростная готовность, за малѣйшее противорѣчіе имъ, объявить васъ измѣнникомъ русскому народу и, еслибъ можно было, поступить съ вами такъ, чтобъ вы моментально, какъ желаетъ г. Кошелевъ, «исчезли» съ лица русской земли. И какъ-же иначе! Вѣдь противорѣча имъ, вы, значитъ, противорѣчите волѣ всего русскаго народа, чураясь ихъ секты и ихъ догматовъ, вы обнаруживаете тѣмъ неуваженіе къ «исповѣди» всего русскаго народа, забывая, что «гласъ народа—гласъ Божій...» Какъ-же васъ не предать анаѳемѣ и не сжить со свѣту!

Съ ловкостью хорошаго волтижера, который умѣетъ найти для себя опорную точку на самой покатой плоскости, наши объединители безъ церемоніи цѣпляются въ загривокъ исторіи и гнутъ ее подъ свои предвзятыя теоріи и взгляды. Нѣтъ почти такого явленія въ прошлой и текущей жизни русскаго народа и братьевъ-славянъ, которое они не истолковали-бы въ смыслѣ, оправдывающихъ ихъ теорію, фактовъ и доказательствъ. Малѣйшій шагъ къ сближенію между славянскими разноплеменностями, хотя бы выражающійся, напр., своеобразнымъ нашествіемъ въ Россію покладистыхъ докторовъ Цыбулекъ, такъ охотно «объединяющихся» съ нами подъ условіемъ хорошихъ окладовъ и чиновъ, наши панслависты раздуваютъ въ цѣлое «знаменіе», а гг. Цыбулекъ возносятъ въ санъ «предтечъ»—приближающагося великаго «суднаго часа», когда имѣетъ свершиться таинство всеславянскаго объединенія...

Эта предупредительность въ отношеніи къ исторіи, эта поспѣшность и легкость обобщеній напомнили мнѣ нашего древняго немудрствовавшаго лукаво лѣтописца, который, за нѣсколько уже

столѣтій до современныхъ намъ панславистовъ, преспокойно объединилъ съ Русью всѣ южнославянскія земли.

«Се имена градамъ Руськимъ далнимъ и ближнимъ,—говоритъ онъ.—На Дунаи Видинцовъ (Виддинъ) о седми стѣнъ каменныхъ, Мединъ, а объ ону страну Дуная Терновъ; ту лежитъ св. Пятница. А по Дунаю Дреставинъ (Силистрія), Дичинъ, Килія» и такъ далѣе, включительно до Варны и какого-то города «Аколятря на морѣ»... *)

Если хотите, вотъ вамъ и исторія на сторонѣ объединительныхъ, короче сказать, обрусительныхъ плановъ нашихъ панславистовъ!

Наивный лѣтописецъ, которому, конечно, не приходили въ голову никакія панславистическія мечтанія, назвалъ болгарскіе города русскими, вѣроятно, потому только, что они были временно завоеваны Святославомъ.

Но развѣ современные намъ объединители съ большей основательностью и убѣдительностью аргументируютъ свои славянофильскія обобщенія, развѣ они не съ такою же безъоглядною смѣлостью раздвигаютъ границы своей излюбленной «monarchie universelle» уже не до какого нибудь Аколятря, а вплоть до того мѣста, гдѣ

„Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ...“

Самымъ рельефнымъ примѣромъ, какъ за панибрата распоряжаются наши панслависты съ исторіей и съ текущими событіями народной жизни, можетъ служить ихъ тенденціозное кривотолкованіе и искаженіе истиннаго смысла современныхъ событій и отношеній Россіи къ несчастнымъ балканскимъ славянамъ.

Они не хотятъ и не могутъ понять, что кровавое посланничество Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, прежде всего и всего главнѣе, имѣетъ значеніе чисто гуманитарное и общечеловѣческое, что Россія въ борьбѣ съ Турціей есть не болѣе, какъ уполномоченная *представительница Европы,* поднявшая мечъ, съ ея об-

*) Воскресенск. Лѣтопись.

щаго согласія и одобренія, во имя цивилизаціи и свободы—противъ отжившаго варварства и азіатизма. Россія выполняетъ не болѣе какъ долгъ совѣсти всего образованнаго человѣчества, на которой тяжелымъ гнетомъ лежала возмутительная тиранія турецкой орды, по отношенію къ угнетеннымъ ею христіанскимъ народамъ. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такъ относится къ этой великой задачѣ и общее европейское мнѣніе и что такъ отнесется къ нему и исторія. Туркофильскіе голоса и туркофильская политика нѣкоторыхъ правительствъ въ Европѣ являются въ данномъ случаѣ не болѣе какъ временнымъ, безпочвеннымъ диссонансомъ, потому что, въ душѣ, самъ туркофилъ изъ туркофиловъ — лордъ Биконсфильдъ, безъ сомнѣнія признавалъ, въ принципѣ, положительную невозможность турецкихъ порядковъ на европейскомъ материкѣ.

Туркофильство есть антиподъ панславизма и вызвано къ жизни его пугающимъ призракомъ. Оба они однородны по своимъ тенденціямъ, исходящимъ изъ грубаго политическаго инстинкта къ національному преобладанію на міровой сценѣ и, стало быть, къ политическому хищничеству и грабежу. Англія, соорудившая свое могущество на порабощеніи различныхъ народовъ, становится на сторонѣ поработителей балканскихъ славянъ не потому, чтобъ она имѣла что-нибудь противъ освобожденія послѣднихъ, а только потому, что она предполагаетъ въ политикѣ Россіи панславистическія завоевательныя стремленія и боится встрѣтить въ ней опасную для себя соперницу на поприщѣ расширенія политическаго могущества и владычества надъ міромъ.

Извѣстно, что наши панслависты не находятъ достаточно жестких словъ, чтобъ заклеймить англійскую политику за ея эгоизмъ, алчность и властолюбіе. Нельзя представить себѣ ничего комичнѣе этого недоразумѣнія! Господа, мечтающіе объ основаніи «вселенской монархіи», объ обрусѣніи всего славянства, о гегемоніи Россіи надъ всѣми народами, вообще,—эти самые господа безпощадно отрицаютъ вчужѣ тѣ же самыя, такъ горячо исповѣдуемыя ими, политическія начала и стремленія! Не странное ли это противорѣчіе?! Вѣдь, по настоящему, англійская политика должна быть для нашихъ панславистовъ идеаломъ и урокомъ, потому что политика эта въ высшей степени политика національная: въ ней все— для Англіи, вся вселенная, всѣ интересы человѣчества приносятся

въ жертву національному могуществу, національной славѣ и гордости англійскаго народа или, вѣрнѣе сказать, англійской аристократіи и капитала! Но коль скоро вы признаете эту политику, возобновляющую эгоистическую вѣру Израиля въ то, что онъ—единственный избранникъ Еговы, которому

„Богъ отдастъ судьбы вселенной"—

ложной и вредной для человѣчества,—какова она и есть на самомъ дѣлѣ,—вамъ ничего не остается, какъ признать ложь и вредъ всякой, однородной съ этой политикой, политической доктрины, будь то даже боговдохновенный панславизмъ.

Намъ кажется, что миссія Россіи въ данный моментъ въ томъ, именно, и состояла, чтобъ дискредитировать хищнически-національную политику старыхъ европейскихъ правительствъ и внести въ международныя отношенія новое миротворное начало. Европа довольно испытала грабежей и насилій со стороны разныхъ великихъ и малыхъ объединителей и систематизаторовъ, перетасовывавшихъ народы, при посредствѣ «крови и желѣза», то во имя религіознаго единства, то во имя единства національнаго, то во имя европейскаго «равновѣсія» и т. п. Не приближается-ли пора, когда народы додумаются, что ихъ счастье состоитъ не въ томъ, чтобъ служить матеріаломъ для созиданія разныхъ, сколоченныхъ насиліемъ, воинствующихъ государствъ, а въ мирномъ развитіи своихъ внутреннихъ, культурныхъ силъ и способностей, въ дружномъ, равноправномъ союзѣ, на почвѣ котораго группировка національностей должна регулироваться естественной ассимиляціей?

V.

Народная политика: «что надо, то надо».

Россія начала чисто *освободительную* войну и не подлежитъ сомнѣнію, что ея задача заключалась единственно въ томъ, чтобъ предоставить независимость и свободу всѣмъ балканскимъ славянамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ — подорвать господство хищнической политики въ Европѣ вообще. Паденіе турецкаго владычества надъ христіанскими народами, полная эмансипація этихъ народовъ и предоставленіе ихъ *самимъ себѣ*—въ этомъ великая задача Россіи, исполненіе которой должно принести благотворнѣйшіе результаты для всего человѣчества.

Результаты эти чисто нравственные. Извѣстно, что въ международной политикѣ нравственное начало не имѣетъ мѣста, а если и играетъ изрѣдка роль, то роль самую жалкую. Холодный разсчетъ, безграничный эгоизмъ и неразборчивость въ средствахъ — вотъ на чемъ зиждутся международныя отношенія! Поэтому, держава, торжественно провозгласившая, что она руководится одними нравственными принципами, и остающаяся вѣрной этимъ принципамъ, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ международныхъ отношеній традиціонный звѣроподобный порядокъ вещей. Это уже огромный шагъ въ общечеловѣческомъ прогрессѣ!

Извѣстно, что въ данную минуту эти принципы были написаны, безъ всякихъ междустрочныхъ экивоковъ, на знамени Россіи. Вотъ, напр., что писалъ нашъ канцлеръ, кн. Горчаковъ, отъ 22-го октября 1876 года, графу Шувалову:

«Съ глубокимъ удивленіемъ узналъ я, что мысли о нашихъ притязаніяхъ на Константинополь и о вожделѣніяхъ завѣщанія Петра Великаго продолжаютъ занимать нѣкоторые умы въ Англіи. Признаюсь, я думалъ, что это *старье* вышло изъ вѣры и отнесено, вмѣстѣ съ покореніемъ индійскихъ владѣній Россіей, въ область миѳической политики»...

Кажется, болѣе ясно и опредѣленно высказаться на этотъ счетъ нельзя!

Этими-же принципами сами собой опредѣляются и будущія наши отношенія къ славянамъ.

Если освобожденные балканскіе славяне потянутся въ нашу сторону, по свободному выбору и національному непосредственному влеченію, пріобщатся къ русскому міру и къ русской культурѣ, или говоря языкомъ панславистовъ, вольются въ русское «море,— въ добрый часъ! Мы пойдемъ къ нимъ навстрѣчу и братски подѣлимся своимъ добромъ. Жалко, только, что добра-то этого у насъ не слишкомъ много пока. Это, кажется, чувствуютъ и московскіе панслависты, которые, въ печальномъ предвидѣніи, что симпатіи славянъ, чего добраго, могутъ направиться совсѣмъ въ иную сторону, въ сторону, напр., «гнилаго» Запада, собираются, во чтобы-то ни стало, сжать ихъ въ своихъ братскихъ объятіяхъ, наперекоръ пословицѣ: «насильно милъ не будешь».

Они уже и теперь весьма откровенно рекомендуютъ, напр., не церемониться съ болгарами и закрѣпить на горячихъ порахъ наше братство съ ними посредствомъ той своеобразной политики, которая выражается въ двухъ словахъ: «тащить и не пущать»... Оно и понятно: для столь желаннаго объединенія съ славянами инымъ способомъ, основаннымъ на культурно-политическихъ приманкахъ и благодѣяніяхъ, у нашихъ панславистовъ порожнія руки... Ну, и остается одно: «тащить и не пущать»!

Одна московская газета, говоря о предстоявшемъ мирѣ, высказала увѣренность, что при его заключеніи, «мы остережемся *новымъ великодушіемъ* создавать новыя Польши» (?)... Знаете что это такое? — Это значитъ, что газета предлагаетъ не очень-то баловать болгаръ свободой. «Мы должны будемъ,—говоритъ она,—потребовать ручательствъ не только отъ Турціи за будущее спокойствіе подвластныхъ ей теперь населеній, но *и за собственное дальнѣйшее спокойствіе*»... «Актомъ освобожденія восточныхъ христіанъ, — говоритъ газета далѣе,—*великодушіе наше должно кончиться*; всякое же дальнѣйшее великодушіе будетъ слабостью, всякая дальнѣйшая жертва—самопредательствомъ». Говоря яснѣе, — почтенная газета смотритъ на Болгарію, какъ на присоединенную уже къ Россіи губернію и заранѣе предвкушаетъ ядовитое наслажденіе изобличать въ ея нѣдрахъ неизбѣжныя интриги, сепаратизмы и т. п. хорошо знакомыя пугала...

Вотъ они каковы, эти горячіе защитники славянства, распинающіеся за ихъ свободу въ риторическихъ рѣчахъ, а внутренно стремящіеся пригнуть ихъ къ одному знаменателю и утвердить надъ

ними свою отеческую опеку, покоющуюся на палкахъ и зуботычинахъ! Развѣ это не дикое искаженіе истинной задачи, которую взяла на себя Россія по отношенію къ балканскимъ славянамъ?!

Также исказили и перетолковали гг. славянофилы и отношенія нашего простаго народа къ тѣмъ же славянамъ.

Отношенія эти въ высшей степени просты и глубоко человѣчны. Мотивируются они въ сердцѣ народномъ, вопервыхъ, прирожденнымъ русскому человѣку милосердіемъ ко всякому страданію, вовторыхъ, чувствомъ чисто-религіознымъ и, втретьихъ, стародавней враждой, вѣковѣчными нашими счетами съ мусульманствомъ. Вотъ истинные стимулы того сочувствія къ страждущимъ отъ турецкаго варварства славянамъ, которое въ *большей или меньшей степени* проникло въ наши народныя массы и изъ за котораго, по царскому слову, въ данную минуту русскіе мужики «переодѣтые въ солдатъ», по выраженію Щедрина, такъ героически, такъ самоотверженно проливали свою кровь.

Представленіе о балканскихъ событіяхъ, дошедшее до народа по слухамъ и, разумѣется, по слухамъ очень смутнымъ, опредѣлялось, вѣроятно, въ такой краткой, но многозначущей для простаго русскаго сердца формѣ: «басурманы бьютъ и рѣжутъ православныхъ христіанъ!»

Этого было довольно, чтобъ въ народѣ, близко принимающемъ къ сердцу православную вѣру и хорошо знакомомъ, по прежнему многократному опыту, съ лютостью басурманина-турка (или татарина), и съ его ненавистью къ христіанамъ, загорѣлось живѣйшее сочувствіе къ страждущимъ и готовность такъ или иначе помочь имъ и защитить ихъ.

Кто такіе эти страждущіе по *національности* — народъ не могъ справляться, потому что, по этому пункту, въ его представленіи даже нѣтъ вопроса. Народу довольно было только знать, что они *христіане*, т. е. православные, потому, что христіанъ неправославныхъ народъ называетъ общимъ именемъ «нѣмцевъ»—людей «нѣмецкой вѣры».

Никакихъ «братьевъ» по родству—славянъ, сербовъ, герцеговинцевъ, болгаръ и проч., народъ не зналъ, не знаетъ и не можетъ знать, потому что никогда не имѣлъ съ ними никакихъ, ни дружескихъ, ни враждебныхъ сношеній и даже не слышалъ ихъ име-

ни *). Да что говорить о народной массѣ, если и добрая часть нашей интеллигенціи до послѣднихъ событій и не подозрѣвала, что у насъ существуютъ какіе-то тамъ братья-герцеговинцы, босняки, кривошіяне!

Откуда же было взяться въ народѣ тѣмъ панславистическимъ тенденціямъ и національнымъ сочувствіямъ къ страждущимъ славянамъ—не потому, что они страждущіе, а потому, что они братья славяне — какія прозрѣли, выспросили по горячимъ слѣдамъ изъ народныхъ устъ и внесли въ протоколъ исторіи гг. Данилевскіе, Кошелевы и имъ подобные народовѣдцы? Откуда было взяться въ народѣ сознанію своего національнаго единства съ невѣдомыми ему славянами, что болгаринъ и сербъ такіе-же руссаки, какъ владиміренъ и ярославецъ, если самая славянская идея, какъ ее понимаютъ просвѣщенные панслависты, совершенно чужда и недоступна народу, просто, хотя бы по низкому уровню его умственнаго развитія и потому, что онъ никогда не жилъ политическими интересами?

Вѣдь самъ-же г. Кошелевъ соглашается, напр., что «крестьяне и мѣщане, вообще у насъ мало занимаются политикою и въ особенности, дѣлами внѣшними: для нихъ, — говоритъ онъ, — французы, нѣмцы, англичане словно живутъ на лунѣ»... Но г. Кошелевъ полагаетъ, что эти-же самые темные крестьяне и мѣщане, вдругъ, по щучьему велѣнью, по нашему хотѣнью, почувствовали необыкновенный интересъ къ «внѣшнимъ дѣламъ» и стали взапуски заниматься «политикой», чуть дѣло коснулось братьевъ-славянъ. Онъ увѣряетъ, что объявленіе войны, только потому, что она была объявлена за славянъ, въ этихъ сермяжныхъ политикахъ «возбудило всеобщую радость: всѣ они стали дышать свободнѣе, какъ будто камень, всѣхъ подавлявшій, свалился съ плечъ. Даже манифестъ о

*) До какой степени нашему народу ничего неизвѣстно о Балканскомъ полуостровѣ, о славянахъ и даже о такомъ, казалось-бы, популярномъ на Руси городѣ, какъ Константинополь, лучше всего подтверждаетъ слѣдующій фактъ. По свидѣтельству покойнаго П. Якушкина (См. его очеркъ: «Великъ Богъ земли, русской»!), и экс-профессора Энгельгардта (См. его «Деревенскія Письма» въ «Отеч. Зап.»), наши крестьяне, подъ именемъ Царьграда, разумѣютъ даже не городъ, а просто-метеорологическое явленіе, т. е. градъ, который представляется ихъ суевѣрному уму царемъ—*Царемъ градомъ*...

наборѣ,—говоритъ онъ,—не произвелъ обычнаго тяжкаго дѣйствія.» «Что дѣлать, — говорили г-ну Кошелеву крестьяне, — что надо, то надо».

Это—«что надо, то надо», которое г. Кошелевъ приводитъ въ доказательство, будто бы панславистическаго одушевленія народа, и которое, какъ онъ думаетъ, не имѣло-бы мѣста, еслибъ дѣло шло о защитѣ не братьевъ славянъ, а какихъ-нибудь англичанъ или нѣмцевъ, — превосходное оружіе противъ самого же г. Кошелева!

Спрашиваемъ его, развѣ народъ нашъ не говорилъ точно также— «что надо, то надо», когда, напр., съ него брали рекрутовъ и посылали ихъ то на Альпы, то на берега Сены, то въ степи Венгріи, защищать, «словно на лунѣ живущихъ» для него, по выраженію г. Кошелева, нѣмцевъ и прочихъ «дванадесять языковъ»? Когда-же нашъ народъ не исполнялъ безпрекословно, безъ разсужденій и вопросовъ, все то, «что надо» было для потребностей государства? «Что надо, то надо» — въ этомъ вся вѣковая политика народа, очень плохо подкрѣпляющая аргументы панславистовъ.

Я вовсе не отрицаю большее или меньшее возбужденіе въ народной массѣ сочувствія къ страждущимъ балканскимъ христіанамъ; но, полемизируя съ Кошелевымъ и К°, я возстаю только противъ ихъ риторической фальши и преувеличеній, противъ навязыванья ими народу тѣхъ тенденціозно-политическихъ взглядовъ и стремленій, которыхъ въ народѣ нѣтъ и не можетъ быть.

Что разглагольствованія этихъ господъ дѣйствительно преисполнены предъумышленной и, въ сущности, зловредной фальши и риторики,—это говоритъ намъ не только здравый, непомраченный доктринерствомъ смыслъ, но и непосредственное наблюденіе народной массы.

Вѣроятно, никто не усомнится въ правдивости и добросовѣстности извѣстнаго наблюдателя и знатока народной жизни, г. Глѣба Успенскаго. Пусть же г. Успенскій скажетъ нашимъ панславистамъ, въ какой степени нашъ народъ причастенъ ихъ бреднямъ, въ какой степени онъ обладаетъ просто физической возможностью заниматься «политикой» и «внѣшними дѣлами», хотя-бы по отношенію только къ однимъ славянамъ, какъ увѣряетъ г. Кошелевъ?

Г. Успенскій обращался среди народа въ самый разгаръ со-

временныхъ политическихъ событій и вотъ что вынесъ изъ своихъ наблюденій.

«Я три мѣсяца, говоритъ онъ, жилъ въ деревнѣ въ то время, какъ наши войска переходили Дунай, дрались, умирали, тонули... три мѣсяца вся *читающая городская* Россія уже жила тревожными интересами войны, и въ теченіи такихъ-то трехъ мѣсяцевъ я ни отъ кого не слыхалъ здѣсь ни единаго слова о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ... Собрать рекрутовъ призыва... года». «Произвести пріемку лошадей...» — вотъ что доходитъ въ деревню отъ самыхъ крупныхъ историческихъ событій».

«Человѣкъ, который черезъ недѣлю будетъ наступать на Карсъ или освобождать Болгарію, уходя изъ села, жалѣетъ только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣнокъ; но ни о Шипкѣ, ни о Болгаріи, ни о причинѣ, требующей его на защиту кого-то — ничего этого неизвѣстно, никто объ этомъ не скажетъ крестьянину ни слова, а главное—онъ самъ *отвыкъ* разспрашивать и узнавать объ этомъ... «Драться съ туркомъ»—это онъ знаетъ, но зачѣмъ, изъ за чего и гдѣ все это дѣлается — никому неизвѣстно».

«Я бы сказалъ большую неправду, продолжаетъ г. Успенскій, еслибы сталъ утверждать, что въ этомъ «неразсужденіи» народа скрывается, въ данномъ случаѣ, охота идти въ бой и дѣтски-чистое желаніе постоять за правое дѣло. Нѣтъ этого ничего. Никто не знаетъ за чѣмъ, въ чемъ дѣло, но всякій безпрекословно идетъ потому, что привыкъ идти, когда ему скажутъ «иди!», привыкъ платить, когда ему скажутъ «плати!», и совершенно отвыкъ отъ разговоровъ—куда, зачѣмъ и почему»...

По словамъ г. Успенскаго, идея «явленія, совершающагося въ общей жизни государства, никогда не доходила до деревни», и потому деревня ничего не знаетъ «объ общемъ ходѣ политической жизни, переживаемой страною», и «ровно ничего» не вноситъ отъ себя или вноситъ что-то «безконечно-малое» въ этотъ «общій потокъ, направляющій жизнь страны».

Не правда-ли, какимъ огорошивающимъ диссонансомъ звучитъ эта неприкрашенная риторикой, правдивая рѣчь въ общемъ оркестрѣ панславистическихъ бубновъ и тимпановъ? Тамъ, у нихъ, крестьяне, святымъ духомъ познавъ о своемъ родствѣ съ славянами, испытываютъ «горячее, глубокое, небывалое одушевленіе» и, «какъ

одинъ человѣкъ», рвутся «всѣмъ міромъ» идти на освобожденіе болгаръ, а когда является манифестъ о войнѣ, всѣ начинаютъ «дышать свободнѣе, какъ будто камень, всѣхъ подавлявшій, свалился съ плечъ». Здѣсь деревенскій человѣкъ ничего не знаетъ ни о братьяхъ болгарахъ, ни о «внѣшнихъ дѣлахъ» и не желаетъ знать; онъ не испытываетъ ни малѣйшаго одушевленія, когда его требуютъ на войну, и гораздо менѣе интересуется вопросомъ—*за кого* онъ идетъ кровь проливать, чѣмъ «сапожными инструментами»...

Изъ словъ г. Успенскаго, мы въ правѣ заключить, что въ народѣ не было движенія въ пользу славянъ, даже въ той элементарной, стихійной формѣ, даже въ той незначительной степени, въ какой мы согласились выше признать его реальность.

Кому-же вѣрить?

Если даже допустить, что панслависты въ своихъ «показаніяхъ» не менѣе правдивы г. Успенскаго, то и тогда вопросъ становится спорнымъ. А пока онъ спорный, панслависты не имѣютъ никакого логическаго права дѣлать свои скороспѣлые выводы и обобщенія на счетъ того, что думаетъ народъ о славянскомъ вопросѣ... Однако, они ихъ дѣлаютъ, и уже этимъ однимъ уполномочиваютъ насъ обвинить ихъ въ предвзятости выводовъ и преднамѣренномъ искаженіи фактовъ.

VI.

Отрицаніе «внутреннихъ» вопросовъ.

Неопанславпсты одной петербургской газеты чрезвычайно радовались во время сербско-турецкой войны, что наше общество, увлеченное сочувствіемъ къ «братушкамъ»-славянамъ, возвысилось до полнѣйшаго забвенія своихъ буднишнихъ мелкихъ «внутреннихъ» вопросовъ и дрязгъ для паренія въ возвышенныхъ эмпиреяхъ панславистскихъ идей и чувствъ.

Если бы панслависты этой фракціи были хоть сколько-нибудь благоразумны и разумно-патріотичны, еслибъ они дѣйствительно дорожили благомъ Россіи, они не стали-бы радоваться этому явленію и, тѣмъ болѣе, не стали бы усугублять своимъ дешевымъ краснорѣчіемъ отвращенія общества отъ внутреннихъ дѣлъ и вопросовъ. Какое нужно ослѣпленіе, чтобы упрекать русское общество въ слишкомъ большомъ пристрастіи къ «внутреннимъ» вопросамъ, когда оно только, только что начало вникать въ ихъ разработку!?

Дѣйствительно, идея національныхъ объединеній—всѣхъ этихъ пангерманизмовъ, панславизмовъ и т. д., имѣетъ за собой это пагубное свойство—отвлекать вниманіе подогрѣтаго ею общества отъ своихъ насущныхъ нуждъ и болячекъ въ погоню за грандіозными призраками и побрякушками національно-военной славы и величія разныхъ объединительныхъ плановъ. Примѣръ этого показали намъ нѣмцы, которые слишкомъ много отдали и времени и силъ на восторги по случаю возсозданія германскаго національнаго единства, въ ущербъ своему внутреннему культурному развитію. Какъ силенъ, значитъ, соблазнъ подобныхъ восторговъ, если ему поддались даже солидные, трезвые нѣмцы!

Когда у насъ была провозглашена достопамятная мысль, что въ настоящее время, по случаю объединительныхъ стремленій «братушекъ», намъ нужно бросить всякіе «внутренніе» вопросы, что наше преуспѣяніе и спасеніе вовсе не въ развитіи внутренняго народнаго благосостоянія (это, молъ, придетъ послѣ—само собой, а теперь довлѣетъ заняться исключительно объединеніемъ «братушекъ»), эта дикая мысль была оцѣнена по достоинству истинными

патріотами и друзьями русскаго народа. Казалось, въ сознаніи людей мыслящихъ она не должна бы имѣть ни малѣйшаго кредита; но — что же видимъ на дѣлѣ?

Эта безпримѣрная «національная политика», приносящая, съ такой легкой душою, самыя вопіющія внутреннія потребности народнаго организма въ жертву какимъ-то «внѣшнимъ» фикціямъ и идеаламъ, получила въ устахъ такого, повидимому, основательнаго знатока государственныхъ вопросовъ, какъ профессоръ Градовскій, новую санкцію — санкцію уже цѣлой программы всей нашей государственной политики.

Почтенный профессоръ, вслѣдъ за легкомысленными фельетонистами неопанславизма, высказалъ свое полное принципіальное неодобреніе всѣмъ тѣмъ эгоистамъ, которые «отвращаютъ свое лицо отъ балканскихъ дѣлъ» для дѣлъ внутреннихъ.

«Если, говоритъ онъ, мы отвратимъ лицо отъ балканскихъ дѣлъ» и будемъ «смотрѣть исключительно на дѣла внутреннія, то въ результатѣ получится, между прочимъ, слѣдующее:

«Мы проспимъ свободу выхода изъ Чернаго моря — существенное условіе нашего государственнаго развитія.

«Мы проспимъ самое Черное море и безопасность собственныхъ береговъ нашихъ. Но настанетъ время, когда мы проснемся, окруженные враждебнымъ кордономъ, когда наши границы будутъ охвачены желѣзнымъ кольцомъ... и тогда мы должны будемъ сказать себѣ, что одна изъ существеннѣйшихъ цѣлей нашей внѣшней политики была оставлена нами безъ вниманія...»

Сколько можно понимать витіевато-уклончивую аргументацію г. Градовскаго, онъ проводитъ здѣсь, раздѣляемую очень многими, мысль о необходимости для насъ Босфора и полнаго обладанія Чернымъ моремъ съ его важнѣйшими портами.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что коль скоро мы начали войну и доведемъ ее до желанной цѣли, то наши издержки на нее и потеря необходимо должны быть вознаграждены. Этого требуетъ и патріотизмъ и простой здравый смыслъ; но вопросъ въ томъ, во-первыхъ, слѣдуетъ-ли намъ, вообще, ради богатыхъ пріобрѣтеній извнѣ (будь то даже Босфоръ съ Константинополемъ) «отвращать лицо», по совѣту г. Градовскаго, отъ своихъ внутреннихъ дѣлъ и, во-вторыхъ, дѣйствительно-ли безъ Босфора мы «про-

чимъ» безопасность нашихъ границъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и одну изъ «существеннѣйшихъ цѣлей нашей внѣшней политики?»

Разсмотримъ этотъ капитальный вопросъ послѣдовательно, пунктъ за пунктомъ.

Выше мы сказали, въ какой степени основательны господа, старающіеся «отвратить лицо» нашего общества отъ дѣлъ внутренняго развитія Россіи въ то время, когда общество и безъ того не обнаруживаетъ особеннаго вниманія и ревнія къ этимъ дѣламъ. Напр., сами-же панслависты, всякаго сорта и калибра, гремятъ огненными филиппиками противъ того, дѣйствительно жалости достойнаго и возмутительнаго факта, что въ средѣ нашего патріотическаго купечества не хватило настолько иниціативы, предпріимчивости и дружной солидарности, чтобы устранить орду международныхъ проходимцевъ отъ святого дѣла—продовольствія русскаго солдата—и организовать это дѣло къ выгодѣ правительства и на здоровье нашего воистину христолюбиваго воинства.

Г. Суворинъ, который такъ настойчиво проповѣдывалъ пренебреженіе къ «внутреннимъ вопросамъ», когда зашла рѣчь о вопіющихъ злоупотребленіяхъ поставщиковъ дунайской арміи, только и нашелся, что обрушиться всѣми стрѣлами своего патріотическаго краснорѣчія на «жидовъ», на Когановъ, Грегеровъ и компанію... Стрѣлы, безспорно, были направлены куда слѣдуетъ, безспорно, «жиды», взявшіеся продовольствовать нашихъ солдатъ, были орда хищниковъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Все это такъ; но, бѣда въ томъ, сколько вы не мечите стрѣлъ — вопросъ не разъясняется и зло не становится ни на одну каплю меньше.

Еслибы г. Суворинъ и ему подобные публицисты захотѣли быть послѣдовательными, они не стали-бы въ виду подобныхъ фактовъ, «отворачивать лицо» общества отъ внутреннихъ дѣлъ. Вѣдь вся эта провіантская международная орда, со всѣми ея злоупотребленіями, есть ничто иное, какъ прямой, непосредственный результатъ, именно, внутренняго нашего безсилія и неустройства! Вѣдь наши комерсанты и предприниматели, которымъ, конечно, никто не откажетъ въ патріотизмѣ, потому только и не въ состояніи вытѣснить «жидовъ» изъ области военныхъ подрядовъ, что въ нихъ слабо развита та гражданственная, личная и коллективная сила, которая создается только внутреннимъ преуспѣяніемъ общества!

И одинъ-ли это фактъ въ такомъ родѣ? — Ихъ у насъ тысячи,

они со всѣхъ сторонъ въ тысячу голосовъ кричатъ о поразительномъ ничтожествѣ нашего внутренняго развитія... Этихъ голосовъ не слышатъ только глухіе и только маньяки панславизма могутъ предостерегать русское общество отъ излишняго увлеченія внутренними дѣлами!

Наше историческое несчастье въ томъ именно и состоитъ, что мы ужасно мало занимались нашимъ внутреннимъ развитіемъ за все пережитое Русью тысячелѣтіе. Цѣлыя столѣтія мы въ этомъ отношеніи стояли на точкѣ замерзанія; истощая силы народныя, роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, на развитіе лишь и закрѣпленіе государственнаго организма. Цѣлыя столѣтія Русь «собиралась» внутри самой себя, цѣлыя столѣтія отбивалась отъ татаръ, Литвы, шведовъ и др. враждебныхъ народностей и, неощутительно для самой себя, изъ «пустого народа», какъ назвалъ ее одинъ турецкій историкъ прошлаго столѣтія, выросла въ громадное государство.

По справедливости, нужно сказать, что русскій народъ слишкомъ много занимался внѣшней политикой, чтобъ не настала, наконецъ, неотложная для него надобность заняться и внутренней— заняться самимъ собой, своими домашними дѣлами и приведеніемъ въ порядокъ того необъятнаго, разнообразнаго, разноязычнаго добра, которое онъ скопилъ вѣками цѣною своего пота и крови.

Это сознаютъ и наши лучшіе государственные люди. Извѣстенъ краснорѣчивый афоризмъ кн. Горчакова: «La Bussie se recueille»... Наконецъ, съ 19 февраля 1861 г. вся правительственная дѣятельность принимаетъ рѣшительное направленіе въ сторону внутренняго подъема и преуспѣянія народныхъ силъ и приведенія въ лучшее устройство обширной территоріи государства. Сознаніе, что внѣшняя сила и устойчивость государства находятся въ прямой зависимости отъ внутренняго благосостоянія и развитія страны, проникаетъ и въ общество, и въ печать, да и пора наконецъ!

«Мы довольно, въ теченіи своей исторіи, — говоритъ по этому поводу г. Е. Марковъ, — проглотили разнаго сырья, требующаго переработки. Нужно же время и переварить проглоченное.

«Работа внѣшняго поглощенія должна остановиться и дать мѣсто главному дѣлу—дѣлу внутренняго усвоенія, претворенія чужого въ свое, худого въ хорошее. Положа руку на сердце, мы сдѣлали

для этой цѣли такъ мало, такъ мало, что вспомнить стыдно. А, вѣдь, дѣло не въ одномъ стыдѣ. Дѣло въ серьезной опасности.

«Кавказъ, на которомъ мы утвердились еще съ Петра I-го, въ рѣшительную минуту оказывается какъ бы не совсѣмъ нашъ. Вмѣсто того, чтобы своими неприступными твердынями служить оплотомъ и надежною базою нашихъ военныхъ дѣйствій, онъ, вотъ уже во второй разъ, служитъ враждебнымъ лагеремъ въ тылу нашихъ сражающихся армій.

«Крымъ точно также заставляетъ насъ постоянно оглядываться назадъ, точно также бѣжитъ отъ насъ къ врагамъ нашимъ, считая себя не у себя дома, а среди чужихъ.

«Какую связь могутъ имѣть съ Россіей разныя Ферганскія области — и говорить не стоитъ. Польша — это не передовой бастіонъ Россіи, чѣмъ бы она должна быть, а именно та роковая брешь, на которую прежде всего устремляется взоръ нашихъ враговъ.

«А почему все это?

«Потому что мы разбрасываемся, потому что мы не имѣемъ ни времени, ни возможности заняться основательно усвоеніемъ того матерьяла, который мы поглощаемъ безъ соразмѣрности съ своими пищеварительными силами».

Казалось бы, что сами панслависты должны, въ особенности, хлопотать о процвѣтаніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду свои объединительные планы. Вѣдь не посредствомъ же филипповскихъ калачей и становыхъ—обрусителей, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ они сблизиться съ братьями-славянами и влить ихъ цѣликомъ въ «русское море». Должны-же они сознавать, что только такое «слитіе» народностей, хотя бы наиболѣе между собою родственныхъ, можетъ быть дѣйствительно и прочно, которое создается не на общности одного лишь національнаго инстинкта, а на какихъ-нибудь болѣе существенныхъ и опредѣленныхъ благахъ! Многократный опытъ неопровержимо доказываетъ, что только та народность вливаетъ въ себя и ассимилируетъ другія народности, которая имѣетъ надъ ними культурный перевѣсъ, т. е. обладаетъ большей цивилизованностью и, стало быть, большимъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ и способностей.

А обладаемъ-ли мы этимъ единственно-надежнымъ «объединительнымъ» орудіемъ — лучше всего показываетъ общеизвѣстный фактъ существованія на нашей территоріи множества сохранившихъ

свой языкъ, свою вѣру и индивидуальность народностей, несмотря на низкое ихъ умственное развитіе и на частыя сношенія съ господствующей національностью. Въ теченіе многихъ вѣковъ мы не успѣли еще ассимилировать съ собою какихъ-нибудь чувашъ, мордву, мещеру и проч. «инородцевъ», живущихъ среди густого великорусскаго населенія. Нѣмецъ-колонистъ, проживъ слишкомъ столѣтіе въ Россіи, считаетъ для себя «обидою, если его назовутъ русскимъ», по свидѣтельству извѣстнаго Мекензи Уэллеса. Тотъ-же авторъ, насчитавъ въ одномъ новороссійскомъ краѣ *девятнадцать* національностей, говоритъ, что «процесъ сплавленія (т. е. обрусѣнія) здѣсь едва только начался»... «Дѣло руссификаціи, — говоритъ онъ далѣе, — даже среди финскихъ племенъ еще далеко не кончено». Затѣмъ, Мекензи и другіе этнографы свидѣтельствуютъ, что очень нерѣдки случаи, гдѣ русскіе сами подчиняются вліянію инородцевъ и замѣтно утрачиваютъ свой національный обликъ. Пишущій эти строки, въ бытность свою въ остзейскомъ краѣ, лично встрѣчалъ кровныхъ русскихъ православныхъ людей (въ томъ числѣ даже одно духовное лицо) положительно онѣмеченныхъ. Встрѣчались даже такіе русскіе, которые не умѣли говорить по-русски...

Всѣ подобнаго рода факты ясно указываютъ, что русскому народу, полагавшему до сихъ поръ всѣ свои силы на покореніе подъ русскую державу этихъ безчисленныхъ племенъ, остается одно — скрѣпить ихъ съ собою путемъ собственнаго культурнаго развитія, на что потребуются, конечно, многіе и многіе годы.

Сказать къ слову, эти-же факты, съ другой стороны, показываютъ въ какой степени народъ нашъ чуждъ всякихъ фантазій насчетъ «monarchies universelles», насчетъ объединенія всѣхъ народовъ въ «русскомъ морѣ», которыми бредятъ гг. панслависты. Напротивъ, въ нашемъ народѣ замѣчается рѣдкая національная терпимость и удивительная, по своей глубокой человѣчности, способность уживаться со всякими разноплеменностями. Вотъ какія драгоцѣнныя строки читаемъ мы по этому поводу у Мекензи:

«Русскій крестьянинъ, — говоритъ онъ, — среди нецивилизованныхъ племенъ является добродушнымъ, выносливымъ, примирительнымъ, изумительно умѣющимъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Надменное сознаніе личнаго и національнаго превосходства и неутомимая жажда господства, превращающая свободнаго британца

въ тирана, при соприкосновеніи съ слабѣйшими рассами, совершенно чужды русскому характеру. Все—что желаетъ русскій, это—нѣсколько десятинъ земли, которыя онъ могъ-бы самъ воздѣлывать; пока онъ ихъ имѣетъ, до тѣхъ поръ онъ не станетъ тревожить сосѣдей...»

Гг. панслависты, бредящіе разными «сепаратизмами» и предписывающіе славянамъ-католикамъ «возсоединиться» съ православіемъ, въ частности, а всѣмъ славянамъ, вообще, стереть съ своего лица всякую индивидуальность и утонуть въ «русскомъ морѣ», поучитесь у нашего народа смотрѣть человѣческими, трезвыми глазами на племенныя отношенія и на всякія объединенія!

Возвратимся къ прерванной нити нашей полемики.

Становясь на точку зрѣнія панславистовъ, внутреннее развитіе нашихъ народныхъ силъ представляется крайне необходимымъ еще и по другимъ соображеніямъ. Предположимъ, что, въ данную минуту, согласно желаніямъ панславистовъ, всѣ, напр., австрійскіе славяне, при нашемъ содѣйствіи, освободились-бы отъ мадьяро-нѣмецкаго «ига» и беззавѣтно упали-бы въ наши братскія объятія.

Спрашивается, совершилось-ли бы ихъ освобожденіе отъ этого ига не только формально, но и на самомъ дѣлѣ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить положительно только въ томъ случаѣ, если поставить условіемъ проведеніе китайской стѣны между нѣмцами и славянами. Если же такой стѣны не будетъ, если близкое общеніе славянъ съ нѣмцами не прекратится (а прекратиться оно не можетъ) и если мы не противопоставимъ нѣмецкой культурѣ свою — ей равносильную, до тѣхъ поръ, очевидно, наши «братушки» не перестанутъ тяготѣть къ нѣмцамъ и не выйдутъ изъ подъ ихъ умственной и экономической зависимости... Таковъ законъ общечеловѣческой цивилизаціи, которая одна только дѣлаетъ прочныя завоеванія и неразрывныя объединенія!

На Западѣ славянъ называютъ чернорабочими и батраками Европы, — ихъ называютъ такъ не потому, что они находятся въ политической зависимости отъ иноплеменныхъ государствъ, а потому только, что они до сихъ поръ стоятъ на низшемъ уровнѣ культурнаго развитія, чѣмъ нѣмцы, французы, англичане и проч. При настоящемъ развитіи цивилизаціи, на мѣсто грубаго политическаго рабства явилось рабство болѣе утонченное, легкое, но и бо-

лѣе безпощадное — рабство торговое, промышленное, умственное, включительно до модъ и покроевъ на платье... Если вы дорожите вашей индивидуальностью, если вы хотите занесть на страницы міровой цивилизаціи свою идею, боритесь противъ этого рабства, но боритесь не громкими фразами, не широковѣщательными фантазіями и не завоевательной политикой, а напряженной работой мысли и неустаннымъ усовершенствованіемъ вашихъ внутреннихъ способностей и силъ... Другого оружія тутъ нѣтъ!

VII.

Теорія сна и бдѣнія о безопасности нашихъ границъ.

Какимъ-же образомъ, многоученый профессоръ Градовскій собирается защитить Россію и весь славянскій міръ отъ «желѣзнаго кольца», по его выраженію, того «враждебнаго намъ кордона», который, шагъ за шагомъ, надвигается на насъ съ запада, — защитить отвращеніемъ лица русскаго общества отъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ? Какимъ способомъ хотите вы избавить славянство отъ культурнаго порабощенія «гнилымъ западомъ», если вы сами бросаете единственно вѣрное для этого оружіе—внутреннее самостоятельное развитіе народной массы?

Если вникнуть въ аргументацію нашихъ панславистовъ, можно подумать, что имѣешь дѣло не съ друзьями славянъ и Россіи, а, напротивъ, съ ихъ затаенными недругами — настолько ихъ задачи противорѣчатъ истинному благу славянства и его дѣйствительному усиленію...

Всѣ они, и въ томъ числѣ г. Градовскій, полагаютъ, напр., что «задачи» русскаго народа лежатъ гдѣ-то внѣ его — на Босфорѣ, на Дунаѣ, въ Индіи и еще не вѣсть гдѣ, только не въ са-

мой Россіи, внутреннимъ ростомъ которой они откровенно пренебрегаютъ. Можно ли представить болѣе парадоксальную теорію?

Г. Градовскій положительно утверждаетъ, что мы ведемъ настоящую войну ради безопасности нашихъ границъ, для чего намъ нужны, по его мнѣнію, Черное море и «свобода выхода» изъ него т. е. Босфоръ съ Константинополемъ. Но, очевидно, еслибы г. Градовскій захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ былъ бы признать, что дѣло на этомъ никакъ не можетъ и не должно остановиться, разъ мы поставили себѣ задачей совершенно обезопасить наши границы территоріальными завоеваніями.

Не ясно ли, какъ божій день, что, овладѣвъ Босфоромъ, намъ необходимо нужно будетъ овладѣть и его азіатскимъ берегомъ. Далѣе, чтобъ ни малѣйше не «проспать» Чернаго моря и вполнѣ обезопасить его, намъ непремѣнно понадобится овладѣть всѣмъ его малоазіатскимъ побережьемъ. Здѣсь мы неминуемо войдемъ въ столкновеніе съ малоазіатскими турками и другими масульманскими народами и, ради безопасности нашихъ границъ, вынуждены будемъ и ихъ завоевать. Завоевывая одинъ народъ, мы будемъ входить въ столкновеніе съ другимъ, ему сосѣднимъ, и опять будемъ хлопотать о безопасности нашихъ границъ, до тѣхъ поръ, пока не упремся въ какой нибудь Индійскій океанъ, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, почувствуемъ, что наши границы еще гораздо менѣе безопасны съ этой стороны теперь, чѣмъ были прежде—на берегахъ эвксинскихъ.

Что подобная перспектива вовсе не фантастична—лучше всего показываетъ живой примѣръ нашихъ безконечныхъ среднеазіатскихъ завоеваній, начатыхъ и веденныхъ, какъ извѣстно, исключительно ради безопасности нашихъ границъ. Что-жь, г. Градовскій желаетъ создать для насъ такой-же порядокъ вещей въ Малой и въ Великой Азіяхъ?..

Наконецъ, если г. Градовскій рѣшилъ всесовершеннѣйше обезопасить наши границы, онъ неминуемо долженъ желать, чтобы и другое, не менѣе для насъ важное, внутреннее море, именно Балтійское, и «свобода выхода» изъ него (черезъ Зундъ), точно также, цѣликомъ перешли въ наши руки. Онъ не можетъ-же не знать, что въ Балтійскомъ морѣ, въ которомъ ростетъ теперь могучій германскій флотъ, наши границы несравненно менѣе безопасны, чѣмъ

въ Черномъ... Что-жь, онъ не боится «проспать» для насъ это второе «русское» море?

Да въ какую сторону мы ни повернемся, наши границы вездѣ настоятельно требуютъ, по теоріи панславистовъ, все новыхъ и новыхъ прирѣзокъ для ихъ полной идеальной безопасности... И нашимъ страхамъ не видно конца!

Бросимъ взглядъ на нашу западную территоріальную границу. Г. Градовскій пророчески предостерегаетъ насъ отъ той ужасной минуты, когда мы, въ случаѣ, если малодушно «проспимъ» Босфоръ, проснемся, «окруженные враждебнымъ кордономъ», который охватитъ наши границы «желѣзнымъ кольцомъ».

Мы уже говорили,—да для этого и не нужно большой проницательности, чтобъ догадаться,—на какой именно «враждебный кордонъ» намекаетъ здѣсь г. Градовскій. Рѣчь идетъ, ясное дѣло, о нашихъ западныхъ сосѣдяхъ—нѣмцахъ.

Почтенный профессоръ очень основательно полагаетъ, что съ этой стороны наши границы гораздо менѣе обезпечены, чѣмъ съ какой-бы ни было другой. Слѣдовательно, отправляясь отъ его завоевательной программы, мы должны будемъ, вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Босфора съ окрестностями, обратить нашъ вожделѣющій взоръ въ эту сторону и «не проспать»... чего? — Мало ли куда простираетъ г. Градовскій свой, неусыпно-блюдущій безопасность нашихъ границъ, взоръ!—На Эльбу, на Одеръ, на Саву, на Драву, на Мораву и т. д., и т. д., вплоть до Пиренеевъ, да и на Пиренеяхъ, пожалуй, намъ все еще не придется уснуть, не безпокоясь за полную безопасность нашихъ границъ, потому что останутся еще испанцы...

Читатель видитъ, до какихъ абсурдовъ можно дойти, если оставаться логически вѣрнымъ теоріямъ нашихъ объединителей и созидателей идеальныхъ «безопасныхъ границъ».

Повторяю, я совершенно согласенъ съ г. Градовскимъ, что границы Россіи и славянства со стороны запада дѣйствительно не обезпечены. Признаться, эти Савы и Дравы въ тысячу разъ больше безпокоятъ насъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ-взятые «гирла» и «проливы».

Помилуйте, нѣтъ у насъ ни этихъ проливовъ, ни гирлъ, турки полновластно хозяйничаютъ въ Черномъ морѣ, имѣютъ отличный броненосный флотъ, тогда какъ у насъ тамъ, кромѣ нѣсколькихъ не военныхъ пароходовъ, нѣтъ почти ни суденышка (нельзя-же

считать «флотомъ» — поповки, оказавшіяся столь *грозными*... для ихъ собственнаго экипажа), — и что-же здѣсь сдѣлали страшнаго за всю войну турки для нашихъ черноморскихъ береговъ?—Взяли Сухумъ! Такъ вѣдь, по ихъ собственному сознанію, эта побѣдоносная экспедиція гораздо болѣе принесла вреда имъ самимъ, чѣмъ намъ...

Совсѣмъ другое дѣло — наши-западныя границы. Пока мы будемъ хлопотать о «проливахъ» и «гирлахъ», невольно чудится, какъ это, по вѣщему слову г. Градовскаго, наши западныя окраины будутъ все болѣе и болѣе охватываться нѣмецкимъ патентованнымъ «желѣзнымъ кольцомъ...»

Что подобныя страшныя грезы не слишкомъ далеки отъ дѣйствительности — это можно видѣть изъ того, что въ настоящее время нѣмцы систематически наводняютъ наши западныя губерніи, въ особенности литовскія, и Царство Польское. Всѣмъ извѣстно, что въ этихъ областяхъ въ настоящее время въ руки нѣмцевъ перешло уже множество имѣній и всякихъ угодій, а въ городахъ они становятся господами въ области промышленности, торговли и т. д. Да и въ одномъ ли западномъ краѣ нѣмецкій Drang nach Osten обнаруживается такими рельефными признаками?

«Теперь у насъ, въ Россіи, говоритъ г. Е. Марковъ, не увидишь не одного нѣмца безъ какого-нибудь лакомаго куска, и теперь у насъ нѣмецъ непремѣнно начальникъ и распорядитель чего-нибудь, непремѣнно Meister, хотя бы и простой Schafmeister.

«Мы говоримъ это, продолжаетъ г. Марковъ, отнюдь не въ укоръ нѣмцамъ и отнюдь не съ цѣлью повредить ихъ положенію; положеніе это—результатъ естественнаго превосходства, отъ котораго не отдѣлаешься никакими другими мѣрами, кромѣ собственныхъ усилій сравняться съ нѣмцемъ и перестать нуждаться въ нѣмцѣ. Нѣмецъ даже и территоріально вытѣсняетъ насъ порядкомъ изъ Европы, пользуясь нашимъ неразумнымъ стремленіемъ въ Азію. Нѣмцы-колонисты гораздо догадливѣе насъ и нестолько увлекаются степями туркменовъ, сколько крымскимъ и новороссійскимъ побережьемъ и берегами Волги. Они завели тамъ цѣлые сплошные уголки Германіи, гдѣ на десяткахъ верстъ не услышишь русскаго языка и не увидишь ничего русскаго».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ этой стороны наши границы, дѣйствительно, «охватываются враждебнымъ кордономъ»—

охватываются безъ кровопролитій, неощутительно, шагъ за шагомъ; но тѣмъ неотразимѣе и побѣдоноснѣе.

Слѣдовательно, пока мы, по увѣщаніямъ гг. Градовскихъ, будемъ упрочивать наши границы покореніемъ Босфора съ окрестностями и истощать на эту задачу народныя силы, нѣмцы, пользуясь нашей *внутренней* неразвитостью, нашимъ пренебреженіемъ къ своимъ «внутреннимъ дѣламъ» — заберутся въ самое сердце нашихъ кровныхъ земель и покорятъ насъ не мечемъ, а превосходствомъ своей культуры... Этого-ли желаютъ гг. панслависты, отвращающіе лицо русскаго общества отъ его домашняго преуспѣянія!?

Въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ, панслависты ссылаются на нашу исторію, на колонизаціонныя движенія русскаго народа, и, на этомъ основаніи, какъ мы сейчасъ указывали, намѣчаютъ конечные рубежи Россіи на разныхъ Босфорахъ, Дунаяхъ, Савахъ, Дравахъ и т. д. У нихъ на этотъ счетъ завелась даже цѣлая апокрифическая литература, цѣлый рядъ «пророчествъ», по смыслу которыхъ русскій народъ неминуемо долженъ возобладать Царьградомъ, потому что русскій народъ, будто-бы, въ теченіи всей своей исторической жизни, начиная со временъ Олеговъ и Святославовъ, только и дѣлалъ, что неудержимо стремился и стремится къ «вратамъ» града Константина...

Между тѣмъ, трудно, кажется, найти другой народъ, болѣе, миролюбивый и менѣе завоевательный, какъ народъ русскій. Расширеніе Россіи въ необъятное государство, посредствомъ покоренія безчисленнаго множества племенъ и царствъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, самое больное мѣсто нашей исторической жизни. Русскій народъ былъ тысячу лѣтъ завоевателемъ, не ради какихъ-нибудь объединительныхъ или воинственно-хищническихъ инстинктовъ и задачъ, а въ силу роковой необходимости. По своему географическому положенію, русскій народъ, въ началѣ своей исторической жизни, выдерживая со всѣхъ сторонъ напоръ множества чуждыхъ, притомъ, большею частью, воинственныхъ народностей, долженъ былъ или самъ покориться и исчезнуть съ лица земли, или покорить всѣхъ своихъ враговъ, которые не давали ему спокойно жить и развиваться.

Такимъ путемъ, мы стерли съ лица земли разныя кочевыя монгольскія царства на востокѣ и юговостокѣ нашей коренной территоріи, сломили шведовъ, ливонцевъ и поляковъ на западѣ и, наконецъ, завели

вѣковой кровавый споръ на югѣ съ османами и теперь добиваемъ ихъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что намъ нуженъ именно Царьградъ, удержаніе котораго за собою, безъ сомнѣнія, потребуетъ отъ Россіи громадныхъ усилій и жертвъ, и, опять таки, въ ущербъ ея внутреннему преуспѣянію? Наши панслависты забываютъ, что Россія и теперь несетъ непосильныя издержки на удержаніе многихъ нашихъ завоеваній, не приносящихъ нашей казнѣ никакихъ доходовъ. Чего намъ стоило, напр., завоеваніе Кавказа, который и по сіе время не окупаетъ расходовъ на его управленіе и охраненіе? Чего стоитъ намъ Туркестанскій край и чего будетъ стоить еще въ будущемъ?

Россіи въ данное время ненужно новыхъ земель. Она и безъ того «слишкомъ велика», какъ сказалъ императоръ Николай. Россіи нѣтъ никакой выгоды превращать славянскія земли, какъ желаютъ панслависты, въ русскія губерніи. Ей только нужно, чтобъ эти земли пользовались гражданской свободой и политической автономностью. Созданіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ и ихъ федерація, на началахъ полнаго равноправія,—вотъ истинная задача славянской политики! Но, при этомъ, нужно, чтобы славяне сами, своими собственными силами, своимъ внутреннимъ развитіемъ, воочію показали міру, что они способны къ самостоятельной жизни, что они могутъ быть не только подневольными «чернорабочими» Европы, но и равноправными товарищами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

ПЛЯСКИ НА РУСИ

въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ.

(Историческій очеркъ.)

I.

Современные бальные танцы и ихъ сущность. — Теорія и генезисъ танцевъ въ антропологическомъ отношеніи. — Пляски религіозныя, военныя, бытовыя и эротическія.—Происхожденіе танцовальнаго искусства, какъ искусства.

Остроумные французы, которые такъ любятъ пикантныя двусмысленности и такъ изящно и тонко умѣютъ выражать ихъ на своемъ салонномъ языкѣ, назвали польскій танецъ мазурку—«un mariage de deux heures».

Эта бальная фраза, брошенная, вѣроятно, на лету между двумя фигурами веселаго танца, имѣетъ глубокій смыслъ, какъ мѣткое опредѣленіе, съ одной стороны, генезиса танцевъ вообще и, съ другой, символической сущности современныхъ танцевъ въ особенности.

Цивилизація лишила наши танцы обрядно-бытоваго значенія и оставила за ними одно только художественно-эротическое, проявляющееся иногда въ такой откровенно-цинической формѣ, какъ, напр., общеизвѣстный канканъ. Наша молодежь танцуетъ нынче главнымъ образомъ въ интересѣ сближенія половъ. Свѣтская чадолюбивая маменька, когда ея дочь достигаетъ возраста «невѣсты», въ намѣреніи найти для нея жениха, везетъ ее на балъ, который, по справедливости, можетъ быть названъ современнымъ культомъ Эрота и Гименея.

Всѣ эти вальсы, польки, мазурки, контрадансы и проч., составляя содержаніе бала, символизируютъ лишь сближеніе половъ въ его разнообразныхъ чувственныхъ перипетіяхъ и, судя по тѣмъ формамъ, обстановкѣ и костюмамъ, при которыхъ происходятъ наши

бальные танцы, символизацію эту, сказать къ слову, нельзя упрекнуть въ излишней стыдливости. Если-же она не возмущаетъ нашихъ цѣломудренныхъ дѣвъ и ихъ нравственно-блюстительныхъ маменекъ, то только потому, что это такъ *принято* съ одобренія свѣта, вошло въ обычай и привычку, санкціонировано, наконецъ, деспотической царицею—*модой*. «Подлецъ человѣкъ ко всему привыкаетъ», сказалъ гдѣ-то Достоевскій, а къ законамъ моды, какъ-бы они не были безстыдны, легче всего—добавимъ отъ себя...

Мы не только любимъ сами танцовать, но и любимъ смотрѣть танцы — въ балетѣ-ли, или во время бала. Не трудно доказать, что въ обоихъ случаяхъ въ насъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же психологическій рефлексъ, что въ художественномъ наслажденіи, которое доставляетъ намъ зрѣлище, напр., балета, главную, если не единственную роль, играетъ элементъ чувственный, эротическій, да на этомъ элементѣ вертится, въ сущности, вся теорія балета, вся его пластика и мимика.

Первоначально въ бытѣ патріархальномъ и языческомъ танцы и пляски имѣли гораздо болѣе широкое и болѣе многостороннее значеніе въ жизни семейной и общественной. У первобытныхъ народовъ пляски и игры до сихъ поръ служатъ образнымъ, пластическимъ выраженіемъ ихъ отношеній къ различнымъ явленіямъ природы, къ событіямъ и эпохамъ ихъ собственной жизни, наконецъ, къ божеству. Для дикаря танецъ не только чувственное наслажденіе, но и культъ. Въ пляскѣ, какъ и въ пѣснѣ, онъ выражаетъ свои чувства, понятія и тѣ образы, которые чѣмъ-нибудь поразили его умъ и воображеніе. Для него это такая же область художественно-интеллектуальнаго творчества, какъ для насъ—мистерія, лирика, живопись и скульптура.

По различію этихъ впечатлѣній и внутренняго отношенія дикаря къ тѣмъ или другимъ явленіямъ внѣшняго міра и собственной жизни, которыя онъ воспроизводитъ въ своихъ плясках и танцахъ, послѣдніе раздѣляются антропологами на 4 группы: танцы *религіозные*, *военные*, *бытовые* и *эротическіе*.

Несомнѣнно, что подъ эту классификацію подойдутъ національныя пляски всѣхъ первобытныхъ народовъ, даже стоящихъ уже на значительной степени культурнаго развитія. Извѣстно, что у многихъ восточныхъ народовъ, пріобрѣвшихъ уже нѣкоторую цивилизацію, существуютъ еще чисто религіозные танцы, предписываемые

исповѣдуемымъ ими культомъ. Можно указать, напр., на пляски дервишей, шамановъ и пр. Тоже самое можно сказать и о нѣкоторыхъ христіанскихъ еретическихъ толкахъ, въ родѣ нашихъ хлыстовъ и скопцовъ.

Религіозные танцы въ одномъ случаѣ входятъ въ обряды поклоненія богамъ и предкамъ, сопровождаясь пѣснями и музыкой (напр., на тризнахъ и поминкахъ); въ другомъ—служатъ для достиженія блаженнаго экстатическаго состоянія, доходящаго до галлюцинацій. Этимъ путемъ человѣкъ какъ-бы входитъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ. Наши скопцы, напр., посредствомъ пляски «ищутъ Христа»; они во время своихъ «бдѣній» прыгаютъ, вертятся и кружатся посолонь до тѣхъ поръ, пока не впадутъ въ изступленіе, которое и принимается ими за снисходящую свыше «благодать».

Танцы *военные* у первобытныхъ народовъ тоже служатъ для нервнаго возбужденія, которымъ обусловливается воинственный энтузіазмъ. Сами танцы этого рода образно воспроизводятъ сраженіе, побѣду, преслѣдованіе непріятелей и т. под. акты войны. Военные парады и маневры у народовъ цивилизованныхъ—это «зрѣлище боговъ», какъ ихъ называли у насъ при императорѣ Николаѣ,—имѣютъ несомнѣнную, хотя и отдаленную, аналогію съ воинственными плясками какихъ-нибудь зулусовъ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что опредѣленной грани между выше намѣченными группами не существуетъ, потому что есть танцы, какъ, напр., при погребеніи воиновъ у нѣкоторыхъ народовъ (вспомнимъ, кстати, пляску Ахиллеса на могилѣ Патрокла), гдѣ религіозный элементъ сливается съ военнымъ, въ другихъ-же случаяхъ и тотъ и другой—съ бытовымъ, а этотъ послѣдній съ эротическимъ.

Военные танцы отличаются отъ религіозныхъ присутствіемъ мимическаго начала, которое особенно преобладаетъ въ бытовыхъ и эротическихъ танцахъ. Мимическое начало вообще играетъ важную роль въ развитіи танцевъ, какъ первой стадіи драматическаго искусства. Отъ простой мимики прямой переходъ къ татуировкѣ, къ маскамъ, гримировкѣ и переодѣваньямъ, какъ къ сценическимъ средствамъ, большее и большее примѣненіе которыхъ, въ соединеніи съ музыкой и пѣніемъ непосредственно приводитъ къ созданію драматическаго искусства.

Пляски *бытовыя* воспроизводятъ какія-нибудь, свойственныя дан-

пому народу, занятія, общинно-семейныя отношенія и т. под. Въ этихъ пляскахъ проявляются ловкость и сила въ примѣненіи къ такимъ именно занятіямъ.

Эротическія пляски и игры служатъ, съ одной стороны, для общенія половъ и, съ другой, для образнаго воспроизведенія отношеній между ними. Естествоиспытателями замѣчено, что даже животныя, въ особенности нѣкоторыя птицы, въ періоды любви для того, чтобы плѣнить сердца другаго пола, дѣлаютъ иногда довольно сложныя движенія, исполненныя кокетства и куртизантской граціи, которыя вполнѣ подходятъ подъ понятія пляски и танца. Кто, напр., не видѣлъ, какъ голубь, ухаживая за голубкой, гордо и плавно кружится около нея подъ тактъ собственнаго воркованья?.. Аналогія между этимъ голубинымъ вальсомъ и танцами, выражающими тотъ-же актъ ухаживанія у людей, какъ извѣстная «качуча», «краковякъ» и пр., слишкомъ очевидна, чтобъ нужно было ее доказывать.

Образность выраженія половыхъ отношеній въ народныхъ пляскахъ заходитъ иногда слишкомъ далеко. Цинизмъ этого рода плясокъ у нѣкоторыхъ первобытныхъ племенъ (особенно африканскихъ) переходитъ нерѣдко всякія границы приличія. Впрочемъ, общая характеристическая черта эротическихъ танцевъ, даже существующихъ у народовъ цивилизованныхъ, та, что въ нихъ допускаются такіе откровенные внѣшніе знаки сближенія половъ, которые внѣ этихъ танцевъ признаются въ обществѣ неприличными и невозможными. Если на нашихъ балахъ внѣшніе знаки эти ограничиваются только взаимными деликатными объятіями дамъ и кавалеровъ, то въ танцахъ народовъ первобытныхъ и полуобразованныхъ куртизанство выражается гораздо чувственнѣе и грубѣе.

Эта характеристическая особенность эротическихъ плясокъ объясняется тѣмъ, что народъ вообще имѣетъ способность долго сохранять въ своемъ обрядномъ обиходѣ формы такихъ отношеній, которыя имъ давно пережиты и только въ незапамятныя времена имѣли реальное значеніе. Пляски и игры потому такъ долго сохраняются народомъ въ первоначальномъ видѣ, что вслѣдствіе ихъ автоматичности онѣ легче всего запоминаются и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такимъ образомъ, въ настоящее время національные танцы европейскихъ народовъ совершенно утратили свой стародавній внут-

ренний смыслъ, ибо тѣ жизненныя отношенія, которыя въ нихъ воспроизводятся, давно видоизмѣнились, а частію исчезли. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ славянскихъ пляскахъ и играхъ отчетливо воспроизводится «умыканье» женщинъ; есть танцы, представляющіе еще болѣе старинные обломки варварства, какъ-то: борьбу половъ за преобладаніе и независимость, когда, по словамъ нашей народной былины, красна дѣвица, прежде чѣмъ отдаться доброму молодцу.

«... у батюшки-сударя отпрашалася—
Кто ее побьетъ во чистомъ полѣ,
За того ей, дѣвицѣ, замужъ идти...»

Затѣмъ, въ другихъ пляскахъ воспроизводится общинный гетеризмъ и тому подобныя давно исчезнувшія формы первобытныхъ любовныхъ и брачныхъ отношеній.

Слѣдовательно, мы приходимъ къ тому заключенію, во-первыхъ, что національные танцы не есть что-нибудь случайное, нарочно придуманное для однѣхъ увеселительно-хореграфическихъ цѣлей, а вытекаютъ органически изъ природы человѣка и въ соединеніи съ музыкой и пѣніемъ служатъ символическимъ выраженіемъ его поэтическихъ воззрѣній на міръ. Во-вторыхъ, что такое внутреннее значеніе танцевъ у народовъ культурныхъ въ настоящее время утрачено, подъ вліяніемъ христіанства и цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ забыты и многіе танцы языческой эпохи, какъ, напр., танцы религіозные и военные. Болѣе всѣхъ сохранилась, хотя и въ видоизмѣненіяхъ, группа танцевъ эротическихъ и это можно принять за общее правило.

Съ утратой своего космогеническаго и бытоваго смысла, эротическіе танцы при воздѣйствіи цивилизаціи обособились частію въ отдѣльное, самостоятельное искусство точно также, какъ искусственная поэзія и музыка выдѣлились изъ области стихійно-непосредственной народной рапсодіи.

Какимъ путемъ происходитъ процессъ подобнаго обособленія и образованія танцовальнаго искусства можно судить отчасти по живому, нынѣ существующему, примѣру общественныхъ *баядерокъ* въ Индіи и Персіи, *альмэ* въ Египтѣ и въ иныхъ мусульманскихъ странахъ, *бачи* въ Туркестанѣ и проч.

Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи институтъ баядерокъ. Будучи чисто религіознаго происхожденія и служа религіи,

онъ мало-помалу превращается въ своего рода національный кордебалетъ, ради однѣхъ чувственно-эстетическихъ цѣлей. Переставая быть религіознымъ учрежденіемъ, баядерки являются уже только какъ артистки, выработавшія извѣстную школу танцованія, извѣстную технику и стиль. Такимъ образомъ, создаваемое ими искусство получаетъ цѣль и значеніе въ самомъ себѣ, независимо отъ всѣхъ тѣхъ бытовыхъ и религіозныхъ задачъ, которымъ оно обязано своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ. Нашъ балетъ, наше танцовальное искусство, какъ искусство, имѣющіе такъ мало общаго съ національными танцами, несомнѣнно выработывались подобнымъ же путемъ, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ.

II.

Мифы о плясках и ихъ генезисъ. — Демонологическій элементъ. — «Пляска смерти».—Языческое отождествленіе и умилостивленіе силъ природы.

Исторія національныхъ плясокъ и танцевъ начинается въ области мифологіи. У каждаго народа была эпоха, когда его пляски имѣли религіозно-космогеническое и глубоко-жизненное значеніе. Это можно заключить отчасти по сохранившейся до сихъ поръ обрядности въ нѣкоторыхъ играхъ и плясках нашего деревенскаго люда. Правда, въ настоящее время всѣ эти, напр., «горѣлки», «хороводы», ристанія, и пляски на Ивана Купала, въ Семикъ и проч., сохранивъ свою древнюю обрядность, утратили внутренній смыслъ, сдѣлались одной забавой, формой безъ содержанія; но было время, на зарѣ жизни народа, когда во всѣхъ подобныхъ играхъ и плясках выражались и воплощались его вѣрованія, его семейно-бытовыя отношенія. Насъ убѣждаетъ въ этомъ лучше всего знакомство съ мифологіей и демонологіей.

Извѣстно, что язычникъ, обожествивъ природу, олицетворивъ ея творческія и разрушительныя силы въ боговъ и духовъ, злыхъ и добрыхъ, надѣлилъ послѣднихъ чисто-человѣческими свойствами, страстями и дѣйствіями. Языческіе боги любятъ и ненавидятъ, радуются и страдаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ, поютъ и пляшутъ.

Всѣ духи, олицетворявшіе по народной фантазіи вихри, грозу, мятель, вешній плодотворный вѣтерокъ, всѣ эти нимфы, сильфиды, сатиры, фавны, эльфы, никсы, вилы, сладкогласныя сирены, русалки и вѣдьмы любятъ музыку, пѣніе и пляски. Девять знаменитыхъ греческихъ музъ въ первоначальномъ мифическомъ значеніи были не болѣе, какъ пѣвицы и танцовщицы.

У индусовъ небо было населено, между прочими божествами, гендарвами—пѣвцами и апсарасами—танцовщицами. Неистовое войско нѣмецкаго Одина, олицетворявшее бурю, носилось по воздуху съ бѣшенными плясками подъ звуки пѣсенъ и музыки. По нашимъ мифическимъ преданіямъ, водяные своими плясками волнуютъ моря и рѣки. Отсюда, по выраженію украинской пѣсни, море играетъ, во время бури, изъ безднъ его выходятъ духи, поютъ и пляшутъ. Знаменитыя «кіевскія» вѣдьмы собирались вмѣстѣ съ демонами на Лысой горѣ по ночамъ для бѣсовскихъ пиршествъ, сопровождавшихся срамными пѣснями, плясками и блудными связями...

Эти шумныя музыкально-танцовальныя утѣхи и упражненія духовъ и боговъ мотивировались въ фантазіи язычника главнымъ образомъ половыми, брачными отношеніями, которыя вслѣдствіе этого всегда и у всѣхъ народовъ имѣли священное значеніе. Мужскіе и женскіе духи, вступая между собою въ любовную связь, сопровождали ее и ознаменовывали, подобно людямъ, соотвѣтственными игрищами, пѣснями и плясками. У грековъ пѣснелюбивый Аполлонъ и Гермесъ во время охоты въ лѣсу волочатся за нимфами, прельщаютъ ихъ и преслѣдуютъ среди игръ и пѣсенъ. Тоже дѣлаютъ сластолюбивые сатиры. Славянскій Ярило въ любострастномъ экстазѣ гоняется по небу за воздушными полногрудыми дѣвами-тучами, кружится съ ними и оплодотворяетъ ихъ подъ звукъ грозы. Результатомъ этого акта является дождь, обсѣменяющій землю. Точно также буря, мятель и т. под. разрушительныя метеорологическія и атмосферическія явленія представлялись уму язычника «свадьбами» злыхъ духовъ, демоновъ. Есть мѣстности, гдѣ наши крестьяне до сихъ поръ считаютъ, напр., вѣтеръ нечистою

силою. У малороссіянъ крутящіеся вихри называются «чортовимъ весіллемъ» (т. е. свадьбою). Согласно съ этимъ, у поляковъ тотъ-же вихрь считается бѣсовскою пляскою. Мы видѣли выше, что ночныя ненастья и вьюги объяснялись свадьбами вѣдьмъ съ бѣсами. Тѣ-же бѣсы въ зимнее время бѣгаютъ по полямъ, дуютъ себѣ въ кулакъ и, подплясывая подъ эту самодѣльную музыку, производятъ вьюгу.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ фантазіи язычника и добрые и злые духи одновременно принимали участіе во всѣхъ безъ исключенія шумныхъ разгулахъ стихій, такъ что, напр., съ понятіемъ о грозѣ, какъ о любовныхъ похожденіяхъ добрыхъ боговъ, всегда и вездѣ связывалось представленіе и о блудныхъ оргіяхъ нечистой силы. Впослѣдствіи, когда подъ вліяніемъ христіанства языческія вѣрованія и образы, всѣ безъ изъятія, пошли за счетъ дьявола и стали преслѣдоваться, какъ грѣховная сатанинская «прелесть», пляски и пѣсни получили демонологическое значеніе. Онѣ дѣлаются однимъ изъ спеціальныхъ орудій обольщенія дьявола, который пріобрѣтаетъ поэтому репутацію неподражаемаго музыканта и плясуна на погибель рода человѣческаго.

«Умысли сатана, говорится въ одномъ нашемъ старинномъ апокрифѣ, како отвратити людей отъ церкви и, собравъ бѣси, преобрази ихъ въ человѣки и, идяще въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ, и вси біяху въ бубны, друзіи въ козицы и въ свирѣли... Мнози-же, оставивши церковь, и на позоры бѣсомъ течаху». Увлеченныхъ этими «позорами» и начинавшихъ плясать и пѣть бѣсы уловляли въ свои коварныя сѣти...

Въ подобной артистической роли, со всѣми атрибутами, бѣсъ чаще всего изображается нетолько въ письменныхъ сказаніяхъ и картинахъ монастырской литературы, но и въ народныхъ преданіяхъ.

Намъ лично извѣстно изъ первыхъ рукъ нѣсколько малороссійскихъ сказокъ, въ которыхъ сатана фигурируетъ въ качествѣ музыканта и плясуна и подъ этимъ видомъ шутитъ злыя шутки надъ добрыми людьми. Напр., въ одной сказкѣ чортъ (всегда «куцый» по малороссійской демонологіи) изображается потѣшнымъ кургузымъ нѣмчикомъ, на тоненькихъ козлиныхъ ножкахъ, съ козлиной бороденкой. Шествуетъ онъ по бѣлу свѣту верхомъ на козлѣ и играетъ въ дудку; какъ заиграетъ — сейчасъ-же все встрѣчное кругомъ него начинаетъ выплясывать бѣшенаго трепака... Въ своемъ родѣ Орфей наизнанку.

Въ другой народной сказкѣ передается видѣніе пустынника, въ которомъ ему представилось, какъ бѣсы ходятъ на трапезу. Трапеза, конечно, совершается безъ благословенія, но за то, идучи на нее, бѣсы «гайгайкаютъ, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ». Точно также разсказывается во многихъ преданіяхъ о пляскахъ нечистыхъ въ аду подъ звуки скрипки.

Наконецъ, самая смерть—исчадье грѣхопаденія первочеловѣковъ и споспѣшница ада—является въ мистической фантазіи, какъ представительница Эвтерпы и Терпсихоры. Хорошо извѣстна общераспространенная, во множествѣ варіантовъ, легенда о пляскѣ смерти, о пляскѣ мертвыхъ (La danse de morts, la danse macabre, Todtentanz и пр.). На западѣ «la danse macabre» получила свое происхожденіе и названіе отъ легенды св. Макарія, одного изъ основателей аскетическаго ученія и подвижниковъ христіанства въ Египтѣ. «Пляска мертвыхъ» сдѣлалась въ средніе вѣка одною изъ любимѣйшихъ темъ для апокрифическаго художества и для аллегорической религіозной морали во Франціи, Германіи и Италіи.

Недавно нашему «обществу любителей древности» досталось факсимиле одной изъ замѣчательнѣйшихъ, весьма популярныхъ въ свое время гравюръ, изображающихъ «пляску мертвыхъ», работы знаменитаго Гольбейна, по которому можно составить точное представленіе о содержаніи этой легенды. Идея здѣсь та, что смерть является человѣку во всѣхъ положеніяхъ и на всѣхъ ступеняхъ неизбѣжнымъ, роковымъ фатумомъ. Начало Гольбейновой пляски представляетъ рядъ образовъ, предшествовавшихъ явленію на свѣтъ смерти: сотвореніе міра, созданіе женщины, грѣхопаденіе первыхъ человѣковъ. Затѣмъ начинается царство смерти. Она провожаетъ изгнанныхъ изъ рая Адама и Еву, выплясывая передъ ними съ гитарою въ рукахъ. Далѣе, въ роли того-же плясуна и музыканта, смерть увлекаетъ за собою людей, отрывая ихъ отъ земныхъ благъ, въ свое жилище. «Gebein aller Menschen»—мертвые, скученные въ катакомбахъ, пляшутъ подъ звуки литавръ и трубъ передъ оставшимися еще въ живыхъ собратьями. Вся эта картина, какъ можно заключить уже изъ ея описанія, проникнута глубокимъ трагизмомъ.

Изображенія «пляски мертвыхъ» были извѣстны и въ нашей апокрифической литературѣ, но какъ заимствованіе съ запада, хотя русскій мистицизмъ создалъ, какъ мы видѣли, самостоятельныя сказанія въ этомъ-же родѣ. Г. Буслаевъ описываетъ такую картину

«Пляски смерти», переведенную на русскіе нравы и найденную имъ въ одной рукописи XVII столѣтія. Эта «пляска бѣсовъ» пріурочена къ извѣстной притчѣ о томъ, какъ на пиру у Господа было много званыхъ и мало избранныхъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ міровоззрѣніи народа въ пору его младенчества пляской и музыкой олицетворялись различныя явленія и факты жизни внѣшней и внутренней, духовной и физической. Отсюда, понятно, почему «миѳическія представленія, сочетавшіяся, какъ говоритъ А. Афанасьевъ, съ пѣніемъ, музыкою и пляскою, дали имъ священное значеніе и сдѣлали ихъ необходимою обстановкою языческихъ празднествъ и обрядовъ». Поклонники стихійныхъ силъ природы—язычники—старались въ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ символически выражать то-же, что совершалось на небѣ или что желательно было получить отъ него. Подражая дѣйствіямъ своихъ боговъ, они думали, что творятъ ему угодное и съ дѣтскою наивностью вѣрили, что умилостивляютъ такимъ образомъ божественныя силы, возбуждая въ нихъ творческую дѣятельность.

У славянъ было, напр., въ обычаѣ при испрашиваніи у неба дождя водить Додолу-дѣву, увѣнчанную цвѣтами, и обливать ее водою. Въ ней олицетворялась богиня Весны, жаждущая плодотворнаго сѣмени. Представляя облака рыскающими стаями различныхъ животныхъ, наши предки наряжались въ звѣриныя шкуры и бѣгали толпами по полямъ и улицамъ. Точно также небесная музыка и напѣвы грозы, танцы облачныхъ дѣвъ и воздушныхъ духовъ отождествлялись звономъ металлическихъ сосудовъ, игрою въ дудки, волынки, бубны и въ другіе инструменты, шумными кликами, пѣснями и бѣшеною, быстро-вертящеюся пляскою. И въ такихъ случаяхъ, для полноты отождествленія, дождь, утоляющій жажду грозовыхъ духовъ, замѣнялся медомъ и виномъ.

Изслѣдуя смыслъ языческихъ пиршествъ и празднествъ, мы видимъ, что большая часть ихъ имѣла такое именно космогоническое значеніе. Сопровождаясь пѣснями, плясками, пьянствомъ и разгуломъ, они совершались преимущественно въ честь или благодатнаго возврата весеннихъ грозъ, несущихъ плодородіе, или-же въ честь той-же божественной силы въ пору осенняго изобилія, какъбы въ благодарность за урожай.

Такая обстановка языческихъ празднествъ усвоила за ними

названіе игрищъ, до сихъ поръ въ общихъ чертахъ справляемыхъ народомъ по преданію.

III.

Земледѣльческій культъ по отношенію къ народнымъ мифамъ и праздникамъ. Русскій праздникъ и его общественное значеніе. — Древне-русскія игрища. — Пляски и забавы въ дни господни. — Эротическій элементъ въ народныхъ игрищахъ.—Праздникъ Ярилы.

Народные мифы и вѣрованія складываются подъ впечатлѣніемъ физическихъ условій страны, поскольку тѣ поражаютъ своей стихійной силой младенческій умъ первобытнаго человѣка и оказываютъ вліяніе на его существованіе, на его естественныя потребности: пропитанія, крова, продолженія рода и т. д.,—словомъ, всего того, что составляетъ бытъ.

Такимъ образомъ наши отдаленные предки, живя по физическимъ условіямъ своей территоріи преимущественно земледѣліемъ, обоготворили тѣ именно силы и явленія окружающей ихъ природы, которыя могли вліять благотворно или разрушительно на плодородіе земли и, слѣдовательно, на ихъ собственное благосостояніе.

Въ предшествовавшей главѣ мы намѣтили эту характеристическую черту нашей мифологіи, насколько это нужно было для нашей задачи; но ее необходимо имѣть постоянно въ виду при знакомствѣ съ нашими народными праздниками, играми и плясками.

Зная и помня, что нашъ языческій культъ главнымъ образомъ земледѣльческій, не трудно будетъ уловить внутренній, хотя бы и давно вывѣтрившійся смыслъ многихъ, кажущихся на современный глазъ только странными, народныхъ обрядовъ и увеселеній.

Извѣстно, что и понынѣ русское крестьянское веселье или, по крайней мѣрѣ, призракъ его пріурочивается къ важнѣйшимъ актамъ

производительности земли и находится въ прямой отъ нея зависимости. Всѣ почти деревенскіе праздники, семейные и общинные, мірскіе, пригоняются или къ «красной» веснѣ, когда земля въ юной красѣ обновленной природы какъ бы брачится съ теплымъ вешнимъ солнышкомъ и оплодотворяется имъ, или къ «богатой» осени, когда земля вознаграждаетъ лѣтнюю «страду» пахаря своими продуктами и обезпечиваетъ его существованіе на глухое, томительное время мертвенной, «лютой» зимы.

Такъ водилось на Руси и въ отдаленную старину; такъ было не только у насъ, но у всѣхъ другихъ земледѣльческихъ народовъ древняго и новаго міра.

Земледѣльческій бытъ, отразившись въ миѳахъ и вѣрованіяхъ, сообщилъ особенный складъ и характеръ народнымъ игрищамъ и праздникамъ, а отсюда—музыкѣ и пляскѣ. Самый календарь сложился у нашего народа сообразно условіямъ земледѣльческой жизни. Такимъ образомъ новый годъ въ старинной Руси начинался въ мартѣ мѣсяцѣ, въ періодъ весенняго равнодѣйствія, обновленія природы и начала сельско-хозяйственныхъ работъ.

Новымъ годомъ открывался и рядъ народныхъ игрищъ и праздниковъ, которые поэтому и могутъ быть раздѣлены, соотвѣтственно временамъ года, на весенніе и лѣтніе, осенніе и зимніе; точнѣе—на двѣ группы, разграничиваемыя сборомъ жатвы и окончаніемъ полевыхъ работъ. Къ первой относятся: *авсѐнь* (или таусень, собственно—новый годъ), *красная горка*, *радуница*, *семикъ*, *праздникъ ярила*, *купало*, *русаліи* и пр. Ко второй группѣ принадлежатъ: *обжинки*, *спожинки*, *бабье лѣто*, *осенины*, *каледа* (святки), *родительская* (поминки), *масляница* и пр.

Различаясь по своимъ обрядамъ и по своему внутреннему значенію, всѣ эти праздники имѣютъ нѣкоторыя общія черты. Прежде всего они отличаются своимъ общиннымъ, мірскимъ характеромъ, въ чемъ ярко выразилось родовое начало, до нашихъ дней крѣпко лежащее въ основѣ русской народной жизни. Кромѣ того, что многіе праздники справляются сообща — цѣлымъ міромъ, при условіи обязательнаго, равноправнаго и равномѣрнаго участія въ пиршествѣ и въ издержкахъ на него всѣхъ общинниковъ, въ другихъ случаяхъ празднованіе сопровождается широкимъ гостепріимствомъ—каждый домъ настежъ открытъ для званыхъ и незваныхъ гостей, каждая семья свято подчиняется всѣмъ обрядностямъ и обычаямъ по завѣту

«старины». Даже чисто семейные праздники и торжества, какъ свадьбы, родины, похороны и пр., до сихъ поръ въ быту русскаго крестьянина происходятъ на міру, заинтересовываютъ всѣхъ мірянъ и равно доступны для каждаго изъ нихъ. Крѣпкій духъ общины и солидарности присутствуетъ во всѣхъ жизненныхъ функціяхъ нашего народнаго быта.

Праздники мірскіе, совершаемые на началахъ ассоціаціи, получили характеристическія названія въ томъ же духѣ, что касается ихъ устройства, а именно: *ссыпчины*, *братчины*, *бесѣды*, *посидѣлки* и пр.

Содержаніе русскаго народнаго праздника—семейнаго-ли, или мірскаго—весьма несложно и далеко не роскошно ни по обстановкѣ, ни въ питіяхъ и яствахъ, а въ особенности въ новѣйшія, трудныя для «деревни» времена. За то, наперекоръ поговоркѣ о соловьѣ, котораго «пѣснями не кормятъ», каждый деревенскій праздникъ изобилуетъ у насъ пѣснями, хороводами, плясками, играми и разнообразными суевѣрными обрядами сценическаго характера. Съ утра до поздней ночи заливается во всю мощь молодыхъ, здоровыхъ голосовъ, безконечными, звонкими, то заунывными, то разудалыми пѣснями, нашъ широкій, не унывающій осударь-праздникъ, стройно вьется въ хороводѣ среди оживленной, веселой толпы красныхъ дѣвицъ — «бѣлогрудыхъ лебедушекъ» и удалыхъ молодцевъ—«ясныхъ соколовъ», то скользя съ плавной, женственной граціей «павы», то бѣшенымъ вихремъ носясь въ трепакѣ, отъ котораго все кругомъ ходенемъ ходитъ подъ разъимчивые, задорнобойкіе звуки «камаринской» или «метелицы... Нѣтъ на него, осударя, ни устали, ни удержу, и ужъ нужно забрать великую, всезахватывающую силу лихому «горю злосчастью», чтобъ заставить его притихнуть и повѣсить носъ!

Если таковъ русскій народный праздникъ и понынѣ, то въ старину, во времена язычества, онъ былъ еще разгульнѣе, шире, какъ, потому, что бытовая идея не была еще вытѣснена и заглушена христіанскимъ ученіемъ, такъ и потому, что въ ту эпоху русскому человѣку вообще жилось несравненно вольнѣе и сытнѣе, чѣмъ потомъ, съ началомъ водворенія московской «цивилизаціи». Въ этомъ отношеніи исторія неотразимо убѣждаетъ насъ согласиться съ ретроспективнымъ мнѣніемъ, что въ прадѣдовскую старину жилось не въ примѣръ лучше

нашему сермяжному святорусскому богатырю Микулѣ Селяниновичу...

Первыя точныя извѣстія о русскихъ празднествахъ и, вообще, о Руси находимъ у греческихъ и арабскихъ писателей. Уже знаменитый Прокопій, византійскій историкъ VI вѣка, засвидѣтельствовалъ, что русскіе славяне поклоняются Перуну, нимфамъ и инымъ божествамъ, приносятъ имъ жертвы, сопровождаемыя извѣстными религіозными обрядами и торжествами.

Слово *торжество* происходитъ отъ *торгъ*, однороднаго съ готскимъ torg. Дѣйствительно, наше древнее языческое торжество, какъ народный праздникъ, соединяло въ себѣ идолослуженіе, судбище (народоправство) и торгъ. Въ извѣстномъ пунктѣ, гдѣ находился почитаемый идолъ, въ извѣстные дни собирался весь родъ, представители всего племени, и тутъ исполнялись всѣ несложныя патріархальныя отправленія, всѣ дѣла, касающіяся общихъ интересовъ всей области. При этомъ, конечно, удѣлялось время на широкое пиршество, на гульбу и игрище.

Вообще праздникъ въ древне-русскомъ быту имѣлъ многостороннее и важное общественное значеніе, помимо своей чисто религіозной и поэтической стороны. «Нигдѣ съ такою полнотою и свободою, справедливо замѣтилъ Снегиревъ, не раскрывается личность народная, какъ на праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, люди не сближаются душею и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствами, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ настоящее».

И это въ особенности справедливо по отношенію къ старинному русскому празднику, который былъ въ полномъ смыслѣ народнымъ, когда, по выраженію былины, «почестной пиръ» происходилъ «на весь міръ», безъ различія положеній и состояній.

Предки наши, названные византійскими историками «пѣснолюбимыми», отличались веселонравіемъ и разнообразили свою жизнь частыми праздниками и игрищами. Изъ боговъ своихъ они особенно чтили ботовъ веселыхъ и легкосердечныхъ, покровителей любви и жизненныхъ утѣхъ, какъ, напр. *Лада* или *Леля*, *Ярилу*, *Дажбога* и друг. Жертвоприношенія имъ всегда заканчивались веселымъ пиромъ и шумными игрищами, состоявшими изъ пѣсенъ, плясокъ,

«московюдства» (переряживанья), ристанія, кулачныхъ боевъ и т. подобныхъ забавъ и «глумовъ», по лѣтописному выраженію.

«Видимъ-бо, повѣствуетъ Несторъ о русскомъ народѣ X столѣтія, игрища утолчена, и людій много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще», сопровождаемыя «трубами и скоморохы, гусльми и русальи». Говоря въ другомъ мѣстѣ о нравахъ радимичей, вятичей и сѣверянъ, онъ-же сѣтуетъ, что браковъ у нихъ «не бываху, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на *плясанье*, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто съвѣщашеся».

Со введеніемъ христіанства народъ, не смотря на духовныя поученія и гоненія церковью всего, что напоминало язычество, продолжаетъ долго еще жить «по устроенію дѣдню и отчю» и справлять свои языческіе праздники и игрища со всѣми обрядами и суевѣріями. Разница только въ томъ, что по мѣрѣ распространенія христіанства языческія божества въ представленіи народномъ вытѣсняются, а частью отождествляются съ лицами святыхъ, отсюда и сами игрища пріурочиваются къ праздникамъ, установленнымъ церковью.

«Еда-бо приходитъ велій праздникъ, разсказываетъ позднѣйшій нравописатель, игуменъ Памфилъ, и тогда... мало не весь градъ взмятется и взбѣсится бубны и сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... Стучатъ бубны и гудутъ струны, женамъ-же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличь и вопль, всескверныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»...

Митрополитъ Кириллъ въ своемъ «правилѣ» XIII в., описывая подобные-же «позоры», происходившіе въ «божественные праздники», «съ свистаніемъ и съ кличемъ», удостовѣряетъ, что на нихъ, между прочимъ, совершались также бои «съ дреколіемъ до самой смерти».

По свидѣтельству митрополита бѣлогородскаго Мисаила (XVII ст.), подобныя игрища происходили во всѣ воскресные, господскіе и богородичные дни. Народъ, совмѣстивъ языческіе праздники съ христіанскими, ознеменовывалъ ихъ, къ ужасу благочестиваго іерарха, «великимъ піанствомъ, и бѣсовскимъ глумленіемъ и скоморошест-

вомъ со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на поляхъ слушать богомерзкихъ пѣсенъ и всякихъ бѣсовскихъ игръ».

Въ самой Москвѣ, въ дни, казалось, строгаго благочестія, по удостовѣренію митрополита Іосафа (1636 г.), въ господскіе праздники и воскресные дни, православные точно также, «вмѣсто духовнаго торжества и веселія, воспріимше игры и кощуны бѣсовскіе, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ, на торжищахъ и на распутіяхъ, сатанинскія игры творили и въ бубны били, и въ сурны ревѣли, и руками плескали, и плясали и иная неподобная дѣяли»...

Пляски, игрища и «глумы» совершались и на кладбищахъ, «жальникахъ», въ дни плача и печали, т. е. во время поминокъ. Такъ, въ Стоглавѣ между прочимъ упоминается, что въ троицкую субботу обыкновенно «сходились мужи и жены на жальники» и плакали на могилахъ «съ великимъ воплемъ»; но когда являлись скоморохи и гудошники и начинали играть, то картина моментально мѣнялась: поминальщики, «отъ плача преставши», пускались «скакати и плясати и въ лодони бити и пѣсни сатанинскія пѣти».

Если веселились съ такимъ увлеченіемъ на кладбищахъ въ память усопшихъ, то въ честь живыхъ, напр., на свадьбахъ, «плесканію и плясанію» просторъ давался уже полный. По словамъ тогоже Стоглава, въ мірскихъ свадьбахъ играли обыкновенно «глумотворцы, арганники и смѣхотворцы, и гусельники», пѣлись пѣсни, заводились игры и пляски и «какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми бѣсовскими играми рыщутъ».

Клеймя народныя игрища «сатанинскими», «треклятыми» и «елинскими», духовенство имѣло на то основаніе уже въ самомъ характерѣ этихъ игрищъ, далеко не отвѣчавшемъ требованіямъ строгой христіанской нравственности. Особенно не отличались стыдливостью и цѣломудріемъ весеннія празднества «межю селы» въ честь сластолюбиваго Ярилы, тѣмъ болѣе во времена до христіанскія. Переяславскій лѣтописецъ разсказываетъ, что эти наши сатурналіи, на которыя сходилась молодежь обоего пола, начинались обыкновенно плясаніемъ, «и отъ плясанія познаваху—которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать, и отъ очнаго возрѣнія, и отъ обнаженія мышца, и отъ прьстъ ручныхъ показанія,

и отъ прстней даралоганія (вздѣванія?) на прьсты чюжая, тажъ потомъ цѣлованія съ лобзаніемъ, и плоти съ сердцемъ разжегшися слагахуся, и иныхъ поимающе, а другихъ, поругавше, метаху на посмѣяніе до смерти».

Такой совершенно первобытный гетерическій характеръ это «студное» игрище, сопровождавшееся притомъ обрядами, напоминавшими культъ Пріапа, сохранило до позднѣйшихъ временъ съ большими или меньшими уступками кодексу христіанской морали и цивилизаціи. По свидѣтельству письменныхъ памятниковъ, въ XVI столѣтіи точно также на народныхъ праздничныхъ игрищахъ представлялось «мужемъ и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе», а «женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвицамъ растлѣніе». Въ подобномъ видѣ праздникъ Ярила праздновался всенародно въ Воронежѣ въ дни преподобнаго Тихона Задонскаго. «Я увидѣлъ, говоритъ онъ въ своемъ увѣщаніи (1765 г.), множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей... иныхъ почти безчувственно-пьяными, между одними ссоры, между иными драки; примѣтилъ плясанія женъ піяныхъ съ скверными пѣснями». Преосвященный остановился среди этой разгульной толпы, сталъ увѣщать ее и достигъ того, что она, по его слову, разошлась.

Игрище въ честь Ярилы происходитъ кое-гдѣ на Руси и по настоящее время въ обстановкѣ, хотя не столь зазорной, какъ водилось въ старину, но не безъ вольностей и гульбы въ вакхическомъ вкусѣ. Его встрѣтилъ, между прочимъ, одинъ новѣйшій этнографъ въ Костромѣ, гдѣ оно справляется съ немалымъ разгуломъ низшимъ классомъ населенія. Смыслъ самого празднества совершенно утерянъ. На вопросъ этнографа, кто такой былъ Ярило, ему, не задумываясь, отвѣчали: «костромской-де мѣщанинъ, большой затѣйникъ и пьяница!»

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чадолюбивыя матери въ подобные праздники посылаютъ дочекъ *поневѣститься.*

IV.

Хороводъ, какъ содержаніе игрища.—Этимологическое происхожденіе хоровода и его національность.—Общественное значеніе хоровода въ народной жизни.—Его ритуалъ и его родовыя характеристическія черты.—Особенность русскаго веселья.—Типъ хоровода.

Въ увеселительномъ отношеніи главнымъ, существеннымъ содержаніемъ каждаго почти русскаго народнаго игрища служитъ *хороводъ*, въ которомъ мелодія и пластика въ народномъ безъискусственномъ творчествѣ нашли себѣ высшее и самое полное выраженіе. Хороводъ, соединяющій въ себѣ пѣсню, музыку и пляску, сопровождаемый условной мимикой и сценической игрою, образно представляющей различныя перипетіи любви и «жениханья», относится уже къ области драмы и, несомнѣнно, есть ея примитивный зачатокъ.

Эта форма игрища и пляски, послужившая впослѣдствіи основаніемъ для балета и для нѣкоторыхъ бальныхъ танцевъ, встрѣчается у всѣхъ народовъ съ различными видоизмѣненіями. Въ библіи упоминается (3-я «Книга Царствъ»), что во время жертвоприношеній Ваалу жрецы «скакали» вкругъ жертвенника, призывая имя идола отъ утра до полудня. У грековъ и римлянъ, какъ можно видѣть на сохранившихся античныхъ барельефахъ и рисункахъ, хороводъ былъ въ большомъ употребленіи въ религіозно-общественныхъ празднествахъ и играхъ, каковы. напр., гіакинтіи, вакханаліи, сатурналіи, коланды и пр. У грековъ онъ назывался χορὸς—*хоръ*, что дало поводъ нѣкоторымъ нашимъ изслѣдователямъ (напр., Снегиреву) произвести отъ этого слова русскій хороводъ, являющійся, такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, заимствованіемъ изчужа.

Кажется, никакой надобности не было такъ далеко ходить за филологическимъ объясненіемъ этого слова. Гораздо ближе произвести его отъ литовскаго *korohod* *) или, еще проще, отъ славян-

---

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр., въ новгородской губерніи, и понынѣ на крестьянскомъ жаргонѣ говорится не хороводъ, а *короводъ* („Путевыя письма“ П. Якушкина). Въ Малороссіи тоже хороводъ называется *корогодомъ*.

скаго *коло* (кругъ), откуда *коловодъ*, который въ парафразѣ передѣлался въ *хороводъ*.

Коло или хороводъ (у нѣмцевъ Rundtanz) свойственъ всѣмъ славянамъ по настоящее время. Въ старину же славяне «имѣли, вѣроятно, въ своихъ танцахъ, какъ говоритъ Голембіовскій (авторъ книги: «Gry i zabawy»), нѣчто религіозное и торжественное: у нихъ собиралось, такъ называвшееся, *стадо Божье*: съ *Дѣвичьей горы* сходили юныя дѣвы-невѣсты, туда же стекались удалые молодцы, мужи, жены, старцы и дѣти, и, плеская въ ладоши, восклицая «ладо! ладо!», среди плясокъ и пѣсенъ всѣ шли къ *городищу*, гдѣ приносились жертвы богамъ, совершались религіозные обряды и игрища»...

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что происхожденіе хоровода было, какъ у насъ, такъ и у другихъ народностей, совершенно самостоятельное и что оно относится къ весьма глубокой древности. Древность хоровода видна уже изъ его символическаго значенія, выражающагося въ отождествленіи забытыхъ доисторическихъ формъ половыхъ и брачныхъ отношеній. Первобытной стариной вѣетъ и отъ многихъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ мы увидимъ въ ихъ складѣ и содержаніи наглядные слѣды «умыканья», общиннаго брака и борьбы половъ.

«Важность русскихъ хороводовъ для нашей народности столь велика, говоритъ Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ», что мы, кромѣ свадебъ, ничего не знаемъ подобнаго. Занимая въ жизни русскаго народа три годовыя эпохи: весну, лѣто и осень, хороводы представляютъ особенныя черты нашей народности: разгулъ и восторгъ»...

Сахаровъ, часто оживлявшій свои трудолюбивыя историко-этнографическія изысканія кваснымъ патріотизмомъ, возвелъ эти «особенныя, якобы, черты», т. е. «разгулъ и восторгъ», въ нѣчто такое ультра-національное и великое, чѣмъ «русская жизнь отличается, будто бы, отъ всякихъ другихъ славянскихъ поколѣній, отъ всего міра!»

Оставляя въ сторонѣ это наивное самоуслажденіе, нельзя, однако, не согласиться съ нашимъ ученымъ, что русскій хороводъ имѣетъ огромную важность при изученіи быта и характера нашего народа въ семейно-родовомъ отношеніи.

Что касается «годовыхъ эпохъ» для хоровода, указываемыхъ

Сахаровымъ, то опредѣленіе это нѣсколько поверхностно. Въ сущности, хороводъ, составляя основу каждаго народнаго игрища, имѣетъ мѣсто не только въ весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ праздникахъ, но и въ зимнихъ, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями, сообразно тому, что въ теплое время игрища совершаются исключительно подъ открытымъ небомъ, а въ холодное, главнымъ образомъ,—въ домахъ.

Наши, напр., зимнія святочныя игры, по основательному замѣчанію г. Кавелина, суть ничто иное, какъ «*перенесенныя съ улицъ въ комнату*, смягченныя приличіемъ и христіанскою нравственностью, развалины прежнихъ вакханалій». Но, какъ мы знаемъ, въ иное время года тѣ же самыя «развалины», заполняя наши народные праздники, остались не перенесенными въ «комнату», что еще не значитъ, чтобы мы имѣли здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь обособленнымъ, разнохарактернымъ явленіемъ.

Хороводъ представляетъ собою общую неизмѣнную форму коллективныхъ праздничныхъ, любовно-увеселительныхъ отношеній деревенской молодежи обоихъ половъ. Гдѣ собралось нѣсколько дѣвушекъ и столько же парней для забавы, для «бесѣды», тамъ, по естественному порядку, начинаются шутки, куртизантское заигрываніе, пѣсни, пляска и игры, т. е. все то, что въ стройной, подчиненной извѣстному ритуалу, совокупности, составляетъ хороводъ. Хороводъ есть не только игра и забава—онъ заключаетъ въ себѣ еще цѣлый кодексъ выработанныхъ обычаемъ правилъ морали и приличія, въ границахъ которыхъ допускается и регулируется сближеніе половъ въ разъ опредѣленныхъ и для всѣхъ обязательныхъ формахъ. Это, въ сущности, тотъ же *этикетъ*, которымъ руководятся интеллигентные свѣтскіе люди на балахъ и въ салонахъ. Какъ на паркетѣ, такъ и тамъ—на «толокѣ», гдѣ-нибудь «у ракитовыхъ кустовъ», несоблюденіе установленныхъ правилъ приличія въ общеніи съ участниками раута или «бесѣды» одинаково скандализируетъ «честную компанію» и вызываетъ болѣе или менѣе ощутительный протестъ.

Позволимъ себѣ привести здѣсь, для подкрѣпленія сказаннаго, характеристическую сценку, описанную извѣстнымъ Павломъ Якушкинымъ, въ которой онъ, притомъ, самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Странствуя въ 1858 г. по новгородской губерніи, въ одномъ

селеніи онъ попалъ на деревенскія «посидки» и принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. Общество дѣвушекъ и парней затѣяло хороводъ.

«Не вставая съ мѣстъ и продолжая прясть, дѣвушки запѣли:

„Какъ по первой по порошѣ
Ходилъ молодецъ хорошій..."

«При началѣ пѣсни вышелъ одинъ молодецъ хорошій съ платкомъ и сталъ ходить около пѣвицъ. При словахъ пѣсни:

„Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Шелковой-то онъ платочекъ
Дѣвкѣ на колѣни..."

«Онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣни; та взяла, не спѣша вышла на средину и, въ свою очередь, стала ходить и бросила

„Шелковый платочекъ
Парню на колѣни."

«Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвку и началъ ходить подъ ту же пѣсню». Платокъ переходилъ такимъ образомъ съ колѣнъ на колѣни, пока не попалъ на колѣни разсказчика изъ рукъ его сосѣдки. «Желая за любезность сосѣдки, повѣствуетъ Якушкинъ, отплатить ей такою же любезностью, я вызвалъ ее же·

— «Родненькой, послушай, что я тебѣ скажу, сказала она, садясь около меня,—*у насъ такъ не водится:* я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты ту-жь пору и мнѣ. Такъ-то будетъ *зазорно.*

— «Да отчего же зазорно? спросилъ я.

— «Да ужь такъ *у насъ не повелось*, отвѣчала она.—Пожалуйста, родненькой, теперь на первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хоть и меня»...

А между тѣмъ, на этихъ же самыхъ «посидкахъ» «повелось» такъ, что когда они кончатся, то «всякій дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ съ нею, куда нужно»...

Представленный примѣръ можетъ быть принятъ за общее правило въ томъ смыслѣ, что народныя игрища, не смотря иногда на свою эротическую разнузданность, всегда подчинены, какъ мы сказали, установленнымъ обычаямъ, условнымъ приличіямъ и церемоніямъ. Эти приличія и церемоніи весьма различны по мѣстностямъ. «Что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай»: то, что при-

знается въ одной какой-нибудь мѣстности дозволеннымъ и приличнымъ, въ другой—отвергается, какъ нѣчто зазорное. Напр., хороводныя игра и пляска въ большинствѣ случаевъ сопровождаются взаимными поцѣлуями парней и дѣвицъ; но есть мѣстности, гдѣ подобная свобода обращенія уже не допускается. Въ шенкурскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Шадрина, на всѣхъ играхъ и гуляньяхъ «не водится» никакихъ поцѣлуевъ — ихъ замѣняютъ поклоны и улыбки. Дѣвушка, позволившая себѣ поцѣловаться на людяхъ съ парнемъ, пропала въ мнѣніи всей деревни. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Котельничѣ, хороводы водятъ однѣ дѣвушки; парни, храня установленныя правила приличія, могутъ только издали любоваться ихъ игрой и пляской. Въ нѣкоторыхъ деревенскихъ обществахъ различныхъ губерній *) ригоризмъ въ данномъ отношеніи простерся до составленія мірскихъ приговоровъ объ уничтоженіи «ночныхъ бесѣдъ», т. е. посидѣнокъ, и въ тоже время существуютъ мѣстности (въ ставропольской губ., въ мценскомъ уѣздѣ и проч.), гдѣ на игрищахъ господствуетъ разнузданность и цѣломудріе дѣвушекъ не имѣетъ никакой цѣны.

Мы могли бы представить длинный рядъ подобныхъ разнорѣчій въ ритуалѣ, установленномъ обычаемъ для данныхъ отношеній.

Конечно, и самыя игрища, а равно и хороводъ, какъ неизбѣжная ихъ принадлежность, справляются далеко не одинаково въ тѣхъ или другихъ поселеніяхъ даже одного и того-же племени, точно также подчиняясь въ своихъ видоизмѣненіяхъ различнымъ мѣстнымъ условіямъ. Но, говоря собственно о хороводѣ, нужно признать, что онъ, не смотря на различіе оттѣнковъ по мѣстностямъ, повсюду сохраняетъ однако нѣкоторыя, характеризующія его, общія основныя черты.

Во-первыхъ, по времени, хороводы вездѣ начинаются въ періодъ зимняго солнцеворота—перелома зимы на весну—и особенно оживляются съ наступленіемъ теплыхъ ясныхъ дней, со Святой, при вешнемъ обновленіи природы. Во-вторыхъ, по мѣсту, лѣтніе хороводы большею частью устраиваются на открытой лужайкѣ, у воды, близъ «ракитовыхъ кустовъ», въ рощахъ, нерѣдко на кладбищахъ,

*) «Обычное право», *Е. Якушкина*; подробнѣе—въ книгѣ *А. Смирнова*: «Очерки семейныхъ отношеній».

причемъ разъ избранная для игрища мѣстность не мѣняется иногда чрезъ цѣлыя поколѣнія. Извѣстно, что въ каждомъ почти поселеніи (городѣ или деревнѣ) есть особенныя, излюбленныя народомъ мѣста, куда онъ въ извѣстные праздники стекается на гульбище. Во времена языческія это было «городище», т. е. капище, о которомъ упоминаетъ Голембіовскій.

Сахаровъ подраздѣляетъ сельскіе хороводы на праздничные и будничные. Различіе это онъ видитъ въ томъ, что для праздничныхъ хороводовъ дѣлается особенная подготовка. «Женщины и дѣвушки одѣваются въ лучшіе наряды—предметъ особенной заботливости поселянъ. Сельскія дѣвушки закупаютъ для сего ленты, платки на ярмаркахъ. Изъ мірской складчины онѣ покупаютъ для хороводницы платокъ и коты».

Тотъ-же авторъ дѣлитъ еще хороводы на городскіе и сельскіе, но такая безъ нужды раздробительная классификація ничего намъ не поясняетъ и едва-ли въ дѣйствительности существуетъ. Тогда слѣдовало-бы выдѣлить еще одну категорію хороводовъ, имѣвшихъ мѣсто при крѣпостномъ правѣ, когда на барскій дворъ «сгоняли» изъ деревни бабъ и дѣвокъ водить хороводы на потѣху «господъ» и ихъ гостей. «Раздолье было шумное и гулкое, когда бояринъ жилъ въ селѣ и справлялъ Никольщину», оживляя ее хороводами, какъ особымъ видомъ «барщины».

Обращаясь къ опредѣленію другихъ общихъ характеристическихъ чертъ хоровода, слѣдуетъ указать на то, что они всегда и вездѣ сопровождаются хоровымъ пѣніемъ всѣхъ участниковъ игры, нерѣдко съ содѣйствіемъ флейты, дудки или гармоніи, что пѣсни поются при этомъ, именно хороводныя, содержаніе которыхъ и напѣвъ строго соотвѣтствуютъ самой игрѣ и ея символическому значенію. Затѣмъ, какъ во всякомъ русскомъ хоровомъ пѣніи есть запѣвало, такъ и хороводъ ведутъ, большею частью, особые спеціалисты—избранные мастера своего дѣла—«хороводникъ» либо «хороводница». Въ старину, на свадьбахъ, напр., плясками и музыкой руководили скоморохи—умѣльцы, чтó и понынѣ встрѣчается въ быту нѣкоторыхъ славянъ.

И еще вотъ какая общая особенность русскаго хоровода, весьма удачно подмѣченная однимъ знатокомъ народнаго быта, г. Южаковымъ.

«Поразителенъ переходъ, говоритъ онъ, описывая деревенскіе

хороводы, отъ веселыхъ пѣсенъ къ заунывнымъ; отъ шутокъ, отъ рѣзвой игры къ тихой и скромной задумчивости, къ глубокой скорби; онъ какъ-то озадачиваетъ посторонняго слушателя». «Невольно мнѣ бросалось въ глаза, что если одинъ затянетъ заунывную пѣсню,—веселье въ сторону: и смѣхъ, и крики, и веселыя пѣсни замолкаютъ и всѣ пристанутъ къ заунывной пѣснѣ». «Я былъ въ хороводѣ въ одной сѣверной губерніи. Немного въ сторонѣ отъ него собралась небольшая кучка дѣвокъ, бабъ и парней. Хороводъ былъ въ полномъ ходу. Эта небольшая кучка затянула заунывную пѣсню и перетянула къ себѣ весь хороводъ».

Г. Южаковъ называетъ эту черту «обще-русской струной». И дѣйствительно, въ русскомъ весельи — въ гульбѣ-ли, пѣснѣ или пляскѣ—элементъ скорби, выражающійся иногда въ дикихъ порывахъ молодецкой удали и кипучей страсти, звучитъ неумолкающей ноткой, то затаенной, то хватающей за сердце своей заунывной выразительностью и глубиной.

Для полноты характеристики великорусскаго хоровода, заключимъ эту главу картиннымъ описаніемъ его *типа*, сдѣланнымъ извѣстнымъ знатокомъ народнаго быта, г. Мельниковымъ. По его описанію, хороводная игра начинается такъ:

«Голосистая бойкая молодица выходитъ изъ толпы, весело вкругъ себя озирается, и ловко подбоченясь заводитъ громкимъ голосомъ «созывную» пѣсню:

„Собирайтесь, дѣвицы,
Собирайтесь, красныя,
На зеленъ, на лужокъ,
Собирайтесь, дѣвицы,
Собирайтесь, красныя,
Во единъ во кружокъ.“

«И дѣвицы и молодицы дружно подтягиваютъ запѣвалкѣ:

„На травкѣ, муравкѣ рвите цвѣточки,
Пошли въ хороводъ!
Пошли въ хороводъ!
Въ хороводѣ веселитесь,
По забавушкамъ пуститесь,
Пѣсни запѣвайте,
Подружекъ сбирайте!“

«Собрались дѣвицы, подошли къ нимъ мо́лодцы, но стали осо-

бымъ кружкомъ. Въ хороводѣ пѣсню за пѣсней поютъ, но игра идетъ вяло, не весело. Молодица, что́ созывную пѣсню запѣвала, становится середь хоровода и начинаетъ:

„Какъ намъ дѣвушки хороводъ сбирать,
Какъ намъ, красныя, новыя пѣсни запѣвать?“

«Хороводъ продолжаетъ:

„Диди ладо, диди ладушки!
Вы, подруженьки любимыя,
Вы, красавицы забавницы,
Сходитесь на лужокъ
Становитесь во кружокъ.
Диди ладо, диди ладушки!
Вы сцѣпитесь всѣ за ручки,
Да примите молодцо́въ!
Приходите молодцы, во дѣвичій хороводъ,
Выходите удалые, ко краснымъ во кружокъ.
Диди ладо, диди ладушки!
Въ пары становитесь—сохи собирать,
Въ пары, въ пары собирайтесь, пашеньку пахать,
Пашеньку пахать, сѣять бѣлъ ленокъ,
Въ пары, въ пары, въ пары, во зеленый во садокъ.
Диди ладо, диди ладушки!“

«Гурьба молодцо́въ къ хороводу идетъ. Тихо поспѣшно идутъ они охорашиваясь. Пары въ кругъ становятся. Вмѣстѣ всѣ весело, дружно играютъ.

«Вотъ середь круга выходитъ дѣвица. Рдѣютъ пышныя ланиты, высокой волной поднимается грудь, застѣнчиво поникли темныя очи, робѣетъ чернобровая красавица. Тихо двинулся хороводъ, громкую пѣсню запѣлъ онъ, и пошла дѣвица павой ходить, сама бѣленькимъ платочкомъ помахиваетъ. А молодцы и дѣвицы дружно поютъ:

„Какъ па кустикѣ зеленомъ
Соловеюшко сидитъ
Звонко, громко онъ поетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ,
А по травкѣ, по муравкѣ
Красны дѣвицы идутъ,
А котора лучше всѣхъ
Та сударушка моя.

Бѣлымъ лицомъ круглоличка
И наряднѣе всѣхъ,
Какъ Мароушу не признать,
Какъ милую не узнать?“

«Лётомъ влетаетъ въ кругъ самый удалой молоде́цъ. Въ ситцевой рубахѣ, синь кафтанъ болокомъ, шляпа съ подхватцомъ, къ тульѣ пристегнуты павлиньи перышки. Идетъ улыбается, рѣдко шагаетъ, крѣпко ступаетъ—знать сокола́ по полету, знать мо́лодца по выступкѣ. Подходитъ онъ къ Мароушѣ, шляпу снимаетъ, низко кланяется, беретъ за бѣлыя руки красавицу, ведетъ за собой. Сильнѣе и сильнѣй колышется дѣвичья грудь, краснѣй и краснѣй рдѣютъ щеки... Вотъ глаза подняла — и всѣхъ осіяла, взглянула на молодца—сама улыбнулась. А хороводъ пѣсню свою допѣваетъ:

„Признавалъ, узнавалъ
Гриша молодецъ удалъ,
За рученьку ее бралъ,
Отъ подругъ прочь отзывалъ,
Полой ее одѣвалъ,
При народѣ цѣловалъ.“

«И подъ эти слова Гриша, накинувъ на Мароушу полу кафтана, цѣлуетъ ее въ уста алыя».

V.

Хороводъ, какъ отраженіе быта.—Анализъ хороводной пѣсни.—Метафорическій языкъ въ опоэтизированіи любви и ея факторовъ.

Движеніе хоровода, его сценическая игра и пляска всегда строго согласуются съ содержаніемъ сопровождающей его пѣсни—съ развитіемъ ея драматической сущности. Народное творчество въ этомъ отношеніи представляетъ ту цѣлостность и ту естественную гармонію во взаимодѣйствіи основныхъ элементовъ лирической драмы, которыхъ такъ тщетно стараются достигнуть, напр., современные творцы музыки «будущаго»...

Хороводныхъ русскихъ пѣсенъ безчисленное множество, какъ много ихъ и у другихъ славянскихъ племенъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что хороводъ вообще, какъ игрище, всего употребительнѣе и всего развитѣе у великоруссовъ. Въ Малороссіи, напр., какъ это мы могли заключить по многимъ личнымъ наблюденіямъ, сельская молодежь любитъ собираться въ кучу—на «вечерницахъ»-ли, или въ теплое время года гдѣ-нибудь подъ вербами, у воды—любитъ тѣшиться хоровыми пѣснями, плясками и «жартами», но стройной хороводной игрою рѣдко увеселяется. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ (полтавской губ.) намъ вовсе не приводилось встрѣчать хороводы, столь обычные въ жизни великорусскихъ крестьянъ.

Не смотря на богатство и разнообразіе хороводныхъ пѣсенъ, содержаніе всѣхъ ихъ исчерпывается любовью и различными отношеніями, изъ нея вытекающими между двумя полами—«между удалымъ молодцемъ» и «красной дѣвицей», между женихомъ и невѣстой, мужемъ и женою, и т. д. Отождествляя какъ-бы культъ половой любви и ея поэтическія стороны, хороводъ и хороводная пѣсня въ то-же время служатъ яркой неувядаемой картиной семейнаго быта и брачныхъ отношеній, какъ они складывались въ русскомъ народѣ исторически, съ незапамятныхъ временъ. Въ хороводной пѣснѣ историкъ-бытописатель найдетъ типичныя черты и живыя краски для изображенія древне-русской семьи и ея домашней жизни, поэтъ почерпнетъ въ ней могучіе, эпическіе образы и психическіе элементы для народной семейной драмы. Въ этомъ

нетрудно убѣдиться при первомъ-же знакомствѣ съ хороводной игрой и пѣснью.

Мы остановимся теперь именно на хороводной пѣснѣ, такъ какъ безъ ея анализа и самая хороводная пляска была-бы необъяснима.

Какъ было уже упоминаемо раньше, въ хороводной игрѣ живо сохранились черты доисторическихъ формъ половыхъ отношеній, отчасти давно забытыхъ, а отчасти дискредитированныхъ въ понятіяхъ народа христіанской нравственностью. Но то, что не допускается или осуждается въ жизни, на практикѣ,—въ хороводной игрѣ является символически съ полной непринужденностью. Пѣсня-же хороводная идетъ еще дальше мимики и игры, въ изображеніи различныхъ актовъ сближенія половъ и развитія любовной страсти. Извѣстно, что нѣкоторыя наши народныя пѣсни (не говоря ужъ о фабрично-солдатскихъ новѣйшей формаціи) доходятъ въ реализмѣ своихъ картинъ и характеристикъ до такой откровенности, какая немыслима въ цивилизованномъ обществѣ.

Тѣмъ не менѣе, свѣжесть и бьющая жизненной правдой поэтичность хороводной пѣсни, богатство въ ней картинныхъ метафоръ и уподобленій, изумляющихъ необыкновенной мѣткостью и красотою, при эпическомъ спокойствіи и наивной объективности повѣствованія, ни съ чѣмъ несравнимы.

Нѣкоторыя наши хороводныя пѣсни сохранили отпечатокъ далекой языческой эпохи, какъ это можно заключить уже по употребительному во многихъ изъ нихъ припѣву, напоминающему поклоненіе языческимъ божествамъ, напримѣръ: «Ладо мое, ладо!»; «Ой Дидъ-Ладо!»; «Ой, Диди, калина моя! Ой ладо, малина моя!» и проч. Тотъ-же отпечатокъ сохранился и въ содержаніи многихъ хороводныхъ пѣсенъ, о чемъ мы уже упоминали.

Такъ какъ нашъ хороводъ, продуктъ земледѣльческаго быта, начинается весною, пріурочиваясь къ разцвѣту животворныхъ силъ природы и отчасти олицетворяя его, то въ большинствѣ хороводныхъ пѣсенъ—въ ихъ складѣ, напѣвѣ и содержаніи,—ощутительно чуется ароматъ цвѣтущихъ садовъ, дубравъ и полей, слышится мелодическій щебетъ птицъ, журчанье вешнихъ водъ и среди ликующей природы раздается рожокъ пастуха, звенящій ударъ косы или серпа пахаря на колосистой нивѣ. Эти картинки, такъ ярко и живо рисующія русскую природу, не составляютъ, однако, сущности хороводной пѣсни. Онѣ представляютъ собою въ ней не

болѣе того, что въ какомъ-нибудь древнемъ манускриптѣ или въ изящномъ печатномъ изданіи представляетъ ландшафтная виньетка къ начальной буквѣ текста. Притомъ, по свойству народнаго творчества, эти виньетки въ хороводной пѣснѣ имѣютъ исключительно метафорическое значеніе—для болѣе образнаго представленія даннаго положенія человѣческой личности и ея внутренней жизни.

Эти уподобленія явленіямъ и живымъ силамъ природы всегда входятъ въ приступъ пѣсни. Вотъ дѣвушки собираются на хороводъ и пѣсня уподобляетъ это тому,

„Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ..."

Собрались, сплелись руками—

„Стоятъ, дѣвушки въ кругу,
Стоятъ красныя въ кругу!"

Дѣвушки «красныя» въ хороводѣ напоминаютъ пѣснотворцу цвѣтущій пунцовый «макъ на горѣ»—

„Маки маковочки,
Золотыя головочки!"

Въ иныхъ хороводныхъ пѣсняхъ дѣвушки уподобляются «наливнымъ яблочкамъ», либо ягодамъ на «кудрявой рябинѣ», на вѣточкахъ которой—

„Первая ягодка Аннушка,
Вторая ягодка Катенька,
Третья ягодка Машенька и т. д."

Начинается хороводъ, раздается пѣсня и—вся «улица заиграла»... Выступаетъ на средину его душа-дѣвица:

„Вотъ она идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ..."

Если начнется пляска, съ минуты на минуту оживляясь и переходя въ отчетистый трепакъ, пѣсня выговариваетъ, въ видѣ шутливаго поощренія:

„Заинька поскачи!
Сѣренькой попляши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!"

Въ другой пѣснѣ пляска уподобляется «присѣданію стараго

воробушка» или «чижика-пыжика»—тоже большихъ мастеровъ и охотниковъ выдѣлывать колѣнца.

Борьба половъ и умыканье дѣвицъ образно рисуется въ пѣснѣ, представляющей «сѣянье проса», которое противная сторона грозитъ «вытоптать». Это обломокъ очень древней эпохи; позднѣйшая, болѣе гражданственная форма «жениханья» изображается въ хороводной пѣснѣ такимъ образомъ.

„Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица...“

Встрѣча ихъ будетъ сердечная, роковая. Оба они молоды, статны, красивы. Онъ идетъ—не то «соколъ по небу летитъ», не то—

„Селезень—сизъ голубчикъ, селезень
Вдоль по рѣчкѣ плыветъ,“

гонится за «утицей, за сѣренькой»:

„Поди, утица, домой,
Поди, сѣрая, домой!“

Еще поэтичнѣе изображаетъ эту встрѣчу молодца съ дѣвицей другая пѣсня, въ которой «лебедь бѣлая» по морю плыветъ:

„Плывши лебедь, вышла на берегъ,—
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую,
Онъ кровь пустилъ по синю морю...“

Страшно встрѣтиться съ соколомъ молодой лебедушкѣ; но мятежное «ретивое» проситъ этой встрѣчи, высоко вздымается молодая грудь, взволнованная пылающей кровью, страстныя желанія не даютъ покою. И вотъ дѣвица поетъ:

„Я пойду съ горя молоденька во зеленъ садъ гулять.
Обернуся я, повернуся я бѣлой лебедью;
Ужь я стану-ли выкликати ясна соколочка:
Ты, ау, ау, соколочекъ, ау, миленькій дружечекъ!“

Въ другой пѣснѣ тоскующая по «суженому» дѣвушка сѣетъ ленъ:

„Уродился бѣлъ ленъ,
И тонокъ, и долгъ,
Бѣлъ волокнистъ.
Сталъ ленъ поспѣвати,
А я млада горевати:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?“

Въ такомъ же жуткомъ положеніи созрѣвшей дѣвичьей красы, такъ граціозно уподобленной здѣсь поспѣвшему льну, «бѣлому и волокнистому», ищущая отзыва одиноко ноющему сердцу Ладушка, въ иномъ случаѣ, идетъ «во зеленый садъ гулять». Тамъ—поетъ она—

„Поищу я молодого соловья.
Соловей ты мой, батюшка!
Ты скажи, мой младъ соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?“

Соловей ничего утѣшительнаго на этотъ щекотливый вопросъ не отвѣчаетъ. Конечно, дѣвицамъ «нѣтъ воли гулять» ни въ какомъ случаѣ, а которая загуляетъ, такъ про ту нехорошія рѣчи пойдутъ. Былъ, напр., у одной

„Душечки, красной дѣвицы,
Зеленъ огородецъ,
Новый, новый огородецъ,
Частой частоколецъ.“

Но вдругъ, по несчастью, случилось, что

„Подъ тотъ-ли частоколецъ
Ручеекъ протекъ:
Покатился частоколецъ,
Повалился частоколецъ,
Къ землѣ приклонился...“

Это значило, что къ дѣвицѣ—

„Три дружечка
Проложили три слѣдочка,“

да сами же о томъ и разболтали «небылыя рѣчи».

Въ подобномъ же грустно-романическомъ случаѣ красная дѣвица не поостереглась—

„Позабыла, млада, зеленъ садъ затворить.
Прилетѣлъ попугай винограду щипать“

и, разумѣется, надѣлалъ бѣды...

Такими, всегда мѣткими, нерѣдко юмористическими, образными уподобленіями, взятыми изъ окружающей природы и дѣйствительности, блещутъ всѣ истинно-народныя пѣсни и въ томъ числѣ хороводныя.

Въ хороводныхъ эти картинныя метафоры имѣютъ исключи-

тельное значеніе—охарактеризовать личность женщины, преимущественно, какъ дѣвушки и невѣсты, любовную страсть въ разцвѣтѣ молодости и различныя, вытекающія изъ нея, то тихія и радостныя, то бурныя и драматическія положенія для дѣйствующихъ лицъ. Все это рельефно отражаетъ въ себѣ сложившіяся въ народѣ поэтическія воззрѣнія на внутренній міръ человѣческаго сердца въ дѣлѣ любовныхъ отношеній.

VI.

Женщина и ея соціальное положеніе по тексту хороводной и плясовой пѣсенъ.— Злоупотребленіе «шелковой плетью».—Женскій протестъ въ лицѣ «гулящихъ» молодокъ. — Картина родственно-семейныхъ отношеній.—Объективность народной пѣсни.

Мы видѣли въ какихъ, полныхъ красоты и граціи, образахъ опоэтизирована хороводной пѣснью дѣвичья краса, первые приступы любовной страсти въ молодой, горячей крови и ея постепенное развитіе—то счастливое и радостное, то печальное и драматичное, смотря по обстоятельствамъ. Но народная пѣсня на этомъ неостанавливается: воспроизводя полную картину разнообразныхъ любовныхъ, брачныхъ и семейныхъ отношеній, она съ одинаковой, искренностью и непосредственностью воспѣваетъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя ихъ стороны.

Такимъ образомъ, въ великорусскихъ хороводныхъ, плясовыхъ и свадебныхъ пѣсняхъ, едва-ли не самымъ главнымъ содержаніемъ служитъ рабская зависимость женщины отъ мужчины — ея подневольное, унизительное положеніе, какъ жены, обязанной угождать всѣмъ прихотямъ, самодурству и капризамъ мужа.

Еще до встрѣчи съ суженой, молодецъ по бережку гуляетъ, пру-

тики «волженые» ломаетъ и при этомъ его любовное вожделѣніе выражается въ такомъ, напр., кровопійственномъ желаніи:

«Изхлесталъ-бы, изхлесталъ-бы я васъ, прутья,
О дѣвичье, о дѣвичье бѣло тѣло!»

Немудрено, что дѣвица, съ своей стороны, помышляя о замужествѣ, прежде всего представляетъ себѣ, что молодой мужъ станетъ сразу бить ее и бить не «за правду», а «про свое дурацкое бездѣлье».

Съ первой встрѣчи, по смыслу пѣсни, добрый молодецъ «величается» и «надругается» надъ суженой, а она, поддаваясь ему, какъ побѣдителю и властелину, горько оплакиваетъ потерю своей дѣвичьей «воли».

Сошлись въ «чистомъ полѣ» молодецъ и дѣвица, сошлись—разговорились: о чемъ-же?

«Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ,»

что «зашлетъ къ ней сватовъ» и—тогда дѣвка ему «поклонится», будетъ дѣвка «у кроватушки стоять»,

«Будетъ дѣвка бѣлы руки цѣловать,
Будетъ держать шелкову плеть въ рукахъ...»

И дѣвка на эти бахвальныя рѣчи смиряется и выражаетъ покорную готовность принять сватовство.

Самое сватовство пѣсня изображаетъ въ видѣ набѣга и насилія. «Свѣтлый князь», желая добыть себѣ «свѣтлую княгиню», подступаетъ къ городу.

«Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота...»

Въ другой пѣснѣ, дѣвица, уже сосватанная, разсказываетъ, чѣмъ и какъ плѣнилъ ее удалъ молодецъ «отецкій сынъ». Онъ напустилъ на нее три «грозы»:

«Перву грозу—ступилъ на ногу:
Отъ того страху отъ полоху
Подломились ножки рѣзвыя;
Другу грозу—прижалъ мнѣ праву руку,
Онъ сломалъ злаченъ перстень....
. . . .
А третью грозу пригрозилъ—

Онъ взглянулъ по-звѣриному:
И отъ того страху отъ полоху
Мое цвѣтно портищечко
По шитью распоролося.»

Во время свадебнаго обряда насиліе надъ женщиной и ея рабское подчиненіе мужу выражаются въ пѣснѣ не менѣе рельефно и краснорѣчиво. Мужъ срываетъ съ нея дѣвичій вѣнокъ, расплетаетъ «на-двое» ея косу русую, заставляетъ «разувать себя и т. д. Дѣвушка-невѣста сравниваетъ себя съ «лебедушкой», растерзанной яснымъ соколомъ:

«У ней крылышки ощипаны—
У меня коса расплетена;
У ней ноженьки обломаны —
У меня да *воля снятая*!»

И, вотъ по выходѣ замужъ у молодки, незнавшей дотолѣ никакой кручины, стало теперь три «заботушки»:

«Ужъ какъ первая заботушка—
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка—
Мужъ удалая головушка;
А какъ третья-то заботушка—
Лиха матушка свекровушка»...

Разумѣется, кромѣ «заботушекъ», семейная жизнь доставляетъ молодкѣ и свои радости. Пѣсня о нихъ не забываетъ; но собственно въ хороводахъ и плясовыхъ пѣсняхъ главное мѣсто отводится разнымъ болѣе или менѣе зазорнымъ нарушеніямъ супружеской вѣрности, искаженіямъ и аномаліямъ семейнаго начала и семейной морали. Здѣсь на первомъ планѣ—протестующая женская личность, протестующая противъ гнета супружеской и отчасти родительской ферулы. Протестъ этотъ выражается въ разгулѣ, въ шаловливыхъ похожденіяхъ съ веселыми ребятами, тайкомъ отъ мужа или родныхъ.

Уже въ дѣвичествѣ молодкѣ не даютъ воли гулять:

«А я-ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Скакати, плясати,
Въ зеленъ садъ ходити.»

Поэтому, не смотря на строгій запретъ, она все-таки находитъ

минуту вырваться изъ дому для веселой компаніи; но дорого обходится молодкѣ ея гульба:

«За тѣ-ль меня скачки,
За тѣ-ль поплясушки
Меня батюшка билъ, билъ,

билъ «пруточкомъ», да такъ, что съ тѣхъ родительскихъ побоевъ она

«Недѣлю лежала,
Другую вставала.»

Но не унялась молодка «гуляти» и вотъ послѣ батюшки бьетъ ее родная матушка, бьетъ миленькій дружечекъ... Вообще битье, преимущественно битье женщины, составляетъ, къ сожалѣнію, одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ народной семейной пѣсни. Ни одинъ предметъ изъ домашняго обихода столько не воспѣтъ и столько не опоэтизированъ, какъ «шелковая плеть», на которой зиждется семейное счастіе.

Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ пѣснѣ, молодка пускается во всѣ нелегкія чаще всего изъ-за того, что ее замужъ выдали либо за стараго—ревниваго, либо за немилаго—постылаго. Грустно ей и скучно; рада-бы она поразвлечься, съ подруженьками въ хороводѣ повеселиться,

«Съ ребятами поиграть,
Съ неженатыми потолковать»,

да «мужъ, старый старичище, не пускаетъ на игрище»:

«Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить...»

Она плачетъ, горюетъ и рѣшаетъ, наконецъ, «не покоряться» старому-ревнивому. Уходитъ безъ спросу на улицу гулять. Наигралась и нагулялась въ волюшку молодка.

«Что заря пришла, я домой пошла!»

А дома ужъ, во высокомъ теремѣ, ревнивый мужъ за столомъ сидитъ:

«Шелкова плетка на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ».

Вошла молодая жена—«теремъ златоверхъ пошатнулся», мужъ «за плетку ухватился»:

«Плетка свиснула, руда брызнула.
Гдѣ жена была?
Гдѣ ты страмница была?
Я была млада во зеленомъ саду
Все съ ребятами, съ неженатыми».

Гульба на сторонѣ отъ семейнаго очага, тайкомъ отъ родни и мужа принимаетъ въ пѣснѣ нерѣдко крайнія границы разнузданности Молодка таскается по пирамъ и «бесѣдушкамъ», пьетъ «сладку водочку» и уже «не рюмочкой, не стаканчикомъ, а съ полуведра»— пьетъ «черезъ край»; домой приходитъ—на ногахъ не держится, одна надежда у нея въ этомъ деликатномъ положеніи на «вереюшку», къ которой она обращается съ такой сердечной просьбой:

«Верея-ль моя,
Вереюшка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную,
Шельму хмѣльную;
Не увидѣлъ-бы
Свекоръ-батюшка,
Не сказалъ-бы онъ
Своему сыну,
Моему мужу...»

Въ этомъ вся забота у загулявшей молодки: провести и обмануть мужа и его родню.

Дальше пѣсня изображаетъ, все съ тою-же спокойной объективностью, послѣдствія разврата и гульбы на домашнемъ быту разрушающейся семьи. Гулящая молодка похваляется:

«У меня-ль, младой,
Въ домѣ убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила,
Порогъ вымыла,
Во щи вылила;
Чашу вымыла,
Въ кашу вылила;
Косячки скребла,
Пироги пекла.»

Рядомъ съ картиной безпутныхъ, тяжелыхъ отношеній между неполадившими мужемъ и женой, пѣсня воспроизводитъ печальное

положеніе жены отъ недоброжелательства мужней родни. Бываетъ, что съ мужемъ-бы и можно жить въ ладу, да—

«Свекоръ журитъ со свекровушкою,
Деверь бранитъ со золовушкою».

Въ такихъ-же враждебныхъ отношеніяхъ находится, большею частью, мужъ съ роднею жены; но въ пѣснѣ ему всегда удается взять верхъ надъ нею, усмирить и «проучить» рѣшительными мѣрами кулачной расправы.

Въ одной хороводной пѣснѣ удалъ-молодецъ ищетъ «богатаго тестя», «ласковую тещу», таковыхъ-же шурина и свояченицу, а при этомъ, конечно, и «ладу младую». Нашелъ, сговорился съ ладой, а дальше поустроился въ ея дому такимъ-родомъ:

«Я, выпивши пива,
Ударю тестя въ рыло;
Я пріѣвши пироги,
Пущу тещу матушку въ толчки.
Осѣдлай шуринъ коня,
Поѣзжай шуринъ со двора;
Ласковой своячинѣ
Подарю подарочекъ,
Что шелкову плеть.
Веселъ, я веселъ,
Что одинъ остался
Съ своей ладой милой...»

Въ другомъ случаѣ теща подчивала зятя и потомъ «тихонько выбранила» за неумѣренный апетитъ. Зять это намоталъ на усъ, пообѣщалъ тещу отподчивать и—отподчивалъ:

«Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.
Ходи гуляй, тещинька!»

Впрочемъ, пѣсня не забыла упомянуть и о тѣхъ щекотливыхъ случаяхъ, когда свекоръ болѣе, чѣмъ родственно, благоволитъ къ снохѣ, а теща изъ тѣхъ-же побужденій нарочно варитъ «пиво на меду»

«Поитъ зятя молодаго,
Своего гостя дорогого...»

Питаясь преданіями и непосредственными наблюденіями надъ живой дѣйствительностью, народная пѣсня съ чисто стихійнымъ

безразличіемъ, спокойно и незлобиво, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, воспроизводитъ полную картину жизни во всемъ разнообразіи ея явленій, какъ правильныхъ, такъ и уродливыхъ. Она правдива и безстрастна, какъ зеркало, и чужда всякаго морализированія. Настроеніе пѣвца строго подчиняется содержанію пѣсни, переходя то въ унылое, то въ веселое, то въ шутливое и юмористическое, сообразно характеру воспѣваемаго предмета.

Дѣлая предложенный очеркъ содержанія русскихъ хороводныхъ и вообще плясовыхъ пѣсенъ, мы имѣли въ виду наглядно намѣтить естественную органическую связь, существующую между ними и самой пляской-игрой. Вопросъ: почему именно народныя пляски сопровождаются такими, какъ показано, а не иными какими-нибудь пѣснями?—не можетъ имѣть мѣста послѣ того, какъ мы знаемъ біологическую сущность пляски въ жизни народа, знаемъ ея происхожденіе и назначеніе.

Символизируя и отождествляя въ пластической формѣ различные акты и явленія любви, брака и семейныхъ отношеній, хороводъ и пляска естественно могутъ сопровождаться только пѣснями соотвѣтствующаго содержанія, т. е. пѣснями, въ которыхъ воспроизведены поэтически тѣ-же акты и тѣ-же явленія любви, брака и семейныхъ отношеній во всемъ ихъ разнообразіи. Тутъ нѣтъ ничего случайнаго и иначе это и не могло бы быть.

VII.

Женскій и мужской элементы въ народной пляскѣ.—Первообразъ плясовой игры по тексту пѣсни.—Пластическія особенности женской и мужской плясокъ.—Русская пляска по характеристикѣ поклонниковъ народности.

Весьма характеристично, что въ народной пѣснѣ, когда рѣчь заходитъ о хороводѣ и пляскѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствующимъ лицомъ является «красная дѣвица», женщина. «Удалый-же молодецъ» присутствуетъ здѣсь либо въ качествѣ восхищающагося дѣвичьей граціей зрителя, либо служитъ музыкантомъ, подъ игру котораго и происходитъ пляска.

Такое распредѣленіе ролей между двумя полами въ плясовой игрѣ обозначено въ одной пѣснѣ весьма опредѣленно, въ смыслѣ какъ-бы общаго неизмѣннаго правила.

Какъ-то «съѣзжались господа изъ семидесяти городовъ» для большаго и мудренаго дѣла, а именно: срубили они «яблоньку подъ самый корешокъ», напилили изъ нея досокъ и соединенными силами и искусствомъ смастерили изъ нихъ «гусли звончаты». Конечно, гусли тотчасъ-же получили должное назначеніе, но тутъ возникъ весьма существенный вопросъ:

«Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?»

И пѣсня даетъ отвѣтъ, не задумываясь и съ такой увѣренностью, которая не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности принятаго рѣшенія:

«Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.»

Пѣсня въ этомъ случаѣ совершенно сходится съ дѣйствительностью относительно участія двухъ половъ въ музыкальномъ искусствѣ. Какъ извѣстно, въ народномъ быту игра на музыкальныхъ инструментахъ —дѣло, по преимуществу, мужское и такъ какъ она служитъ тамъ исключительно для акомпанимента или пѣнію, или пляскѣ, не имѣя самостоятельной функціи, то этимъ и объясняется вполнѣ оговоренное пѣсней распредѣленіе участія мужчины и женщины въ «игрищѣ». Есть тутъ еще одно обстоятельство, вытекаю-

щее изъ натуры отношенія половъ и изъ поэтическаго воззрѣнія на женщину и на ея красоту.

Пластическая прелесть женскихъ формъ, женской граціи, всего ярче, полнѣе и обольстительнѣе выказывается при движеніи—въ походкѣ и въ ея наиболѣе выразительномъ видоизмѣненіи—пляскѣ. Отсюда самое любимое сравненіе на народномъ языкѣ хорошенькой женщины съ «лебедью бѣлой», съ «павой», съ «утицей», характеризующихъ своей красивой, плавной посадкой въ походкѣ или въ плаваніи, женскую грацію въ моменты движенія. Отсюда «красная дѣвица», инстинктивно сознавая, въ чемъ именно наиболѣе чарующая власть ея внѣшности въ глазахъ мужчинъ, желая показать себя передъ ними во всей красѣ, понравиться и пококетничать, начинаетъ «ходить» въ хороводѣ или плясать. И смотрите, какое впечатлѣніе производятъ ея выходъ и ея пляска!

«Вышла на улицу Маша,
Заиграла вся улица наша!
Она стала плясать:
Парни пѣсни играть,
А сѣдые старики
Да подмигивати,
А молодые мужики
Ногой подергивати...»

Отсюда, наконецъ, самое сближеніе между молодцемъ и дѣвицей, по смыслу народной пѣсни нерѣдко начинается съ музыки и пляски. Добръ-удалъ молодецъ является на игрище съ гуслями и, играя на нихъ, ходитъ, отыскиваетъ себѣ по сердцу «ладу», которой-бы и онъ самъ приглянулся:

«Заигралъ милый въ гусли,
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Пора молодцу жениться...»

Музыка въ этомъ случаѣ является однимъ изъ средствъ ухаживанія и обольщенія со стороны мужчины *). (Вспомнимъ аналогиче-

---

*) Это прекрасно выражено въ одной пѣснѣ: Иванъ-молодецъ, собираясь идти „съ дѣвками гулять", беретъ гусли и налаживаетъ ихъ:

«Звончатыя гусли-мысли принаравливаетъ,
Взыграйте *гусли-мысли!*»

ское явленіе, напр., въ жизни пѣвчихъ птицъ, у которыхъ самцы привлекаютъ самокъ своимъ пѣніемъ). Молодецъ обходитъ въ хороводѣ кругъ дѣвицъ, играетъ и «бьетъ челомъ», какъ поется въ одной пѣснѣ, сперва передъ молодой вдовой, проситъ ее поднять его «шапку-мурманку», но терпитъ для перваго раза неудачу:

«Не твоя, сýдарь, слуга,
Я не *слушаю* тебя»,

отвѣчаетъ ему вдова, на которую раззадоривающая игра молодца на гусляхъ не производитъ уже увлекательнаго впечатлѣнія. Молодецъ не унываетъ, идетъ дальше и, наконецъ, находитъ «душу-дѣвицу», воспламеняетъ ея сердце своей музыкой и тутъ-то начинается хореграфическій «пантомимъ любви», говоря терминомъ книжной поэзіи. Бойко зазвенѣли «золотыя струны» подъ умѣлыми пальцами игреца... Дѣвица встрепенулась, выступила и начала пляску, съ каждымъ моментомъ все болѣе и болѣе оживляющуюся и постепенно переходящую въ страстное увлеченіе. Чувство, одушевляющее плясунью, она высказываетъ въ пѣснѣ такимъ образомъ:

«Молодой въ гусли заигралъ;
Мое сердце радо, радо,
Скоры ноги расплясались,
Руки бѣлы размахались,
Очи ясны разглядѣлись...»

Такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ въ народныхъ игрищахъ — на деревенскихъ «бесѣдахъ», «посидѣнкахъ», «вечерницахъ» и проч.

«Въ около-московскихъ селеніяхъ мнѣ случалось видѣть, разсказываетъ Сахаровъ, что добрый молодецъ ходитъ въ хороводъ съ балалайкою...Въ тульскомъ уѣздѣ въ хороводѣ участвуютъ три лица: молодецъ, вдова и дѣвица. По окончаніи первой половины пѣсни вдова, отверженная мірскимъ совѣтомъ (?), выходитъ изъ хоровода; дѣвица-же остается до конца игры».

Хотя въ пѣснѣ совершенно вѣрно и точно воспроизведенъ первообразъ сцены заигрыванья при посредствѣ музыки, разрѣшающагося пляской, но, конечно, на практикѣ дѣло происходитъ съ различными видоизмѣненіями и отступленіями. Поэтическія гусли, напр., почти забыты въ настоящее время; самая возбуждающая къ пляскѣ музыка вовсе не обязательна для молодца: она спеціализируется въ обособленное искусство или «хитрость» нарочитыхъ «умѣльцевъ», для которыхъ служитъ уже профессіей. Оттого, во многихъ мѣст-

ностяхъ парни, отправляясь на вечеринки и желая угодить дѣвушкамъ, развеселить ихъ и заохотить къ пляскѣ, нерѣдко приводятъ съ собою наемныхъ музыкантовъ. Впрочемъ, въ каждой деревнѣ, въ средѣ самой молодежи всегда есть нѣсколько любителей-искуссниковъ играть на балалайкѣ, на дудкѣ, на бубнѣ, на скрипкѣ или, по нынѣшнему, чаще всего на модной гармоникѣ... Тѣмъ не менѣе психическая сущность пляски, въ ея драматическомъ движеніи и развитіи, остается неизмѣнной при всякихъ условіяхъ. Какъ намѣчено пѣснью, всегда охота къ пляскѣ и увлеченіе ею возбуждаются съ наибольшей экспрессіей чувствомъ полового различія, загорающимся въ моменты взаимнаго ухаживанія и заигрыванья парней и дѣвушекъ. Точно также неизмѣнно всегда царитъ въ пляскѣ женщина, придавая ей ту чарующую прелесть и ту разъимчивую, хватающую за сердце страстность, ощущеніе которыхъ заставляетъ мужиковъ «ногой подергивати» и даже «сѣдыхъ стариковъ» похотливо глазами «подмигивати». Въ этомъ отношеніи пляска является, попреимуществу, женской стихіей, въ которой пластическое выраженіе красоты женскаго тѣла, согрѣтаго огнемъ эротической страсти, достигаетъ самой высшей полноты и яркости. Это превосходно угадано классическими греками, олицетворившими, такъ сказать, поэзію человѣческаго тѣла, именно, въ женскомъ образѣ *грацій* и притомъ въ моментъ пляски.

Наши деревенскія плясуньи, не имѣя никакого понятія ни о классицизмѣ, ни о класическихъ граціяхъ, инстинктивно чувствуютъ, однако, эту поэзію своего тѣла, стараются возможно ярче, смотря по умѣнью, проявить ее въ пляскѣ и воспользоваться ея впечатлѣніемъ на мужчинъ.

„Передъ мальчиками
Хожу пальчиками;
Передъ старыми людьми
Хожу бѣлыми грудьми,“

говоритъ въ пѣснѣ плясунья, высказывая этимъ и сердечное вожделѣніе, какъ цѣль своей пляски, и кокетливое сознаніе плѣнительной силы своего тѣла и своей граціи въ моментъ пляски.

Повторяемъ, что пляска, когда она не является, какъ въ цивилизованномъ обществѣ, условнымъ, вложившимся въ разъ установленныя формы развлеченіемъ, а подчиняется своей непосредственной психической стихіи, возникшей изъ натуры любовныхъ

отношеній половъ, всегда слѣдуетъ тому процессу, который такъ опредѣленно обозначенъ въ народной пѣснѣ.

Обыкновенно, при началѣ игрища, въ разгаръ ухаживанья, подъ раззадориваюціе звуки бойкой плясовой пѣсни или ея мотива, наигрываемаго на «гусляхъ звончатыхъ», либо на другомъ какомъ инструментѣ, выступаетъ въ кругъ, если не наиболѣе искусная, то наиболѣе впечатлительная плясунья и начинаетъ «ходить» «передъ мальчиками—пальчиками, передъ старыми людьми — бѣлыми трудьми»... Смотря по настроенію «бесѣды», плясовая страсть мало-по-малу сообщается всѣмъ ея участникамъ. За первой плясуньей выступаетъ другая, третья; наконецъ, къ нимъ присоединяются всѣ дѣвушки, а частью и парни, и образуютъ стройно вьющійся кругъ. Къ пляскѣ никто изъ участвующихъ въ игрищѣ не остается равнодушенъ; но степень этого участія со стороны мужчинъ и женщинъ различна, смотря по мѣстностямъ. Есть мѣстности, гдѣ на игрищахъ парни присутствуютъ только въ качествѣ зрителей: поютъ и пляшутъ однѣ только дѣвушки. Одинъ этнографъ, описывая «посидѣнки» въ сѣверныхъ губерніяхъ, удостовѣряетъ, что участіе парней на нихъ бываетъ большею частью «пассивное»: они только смотрятъ на поющихъ и пляшущихъ дѣвушекъ, посылая въ ихъ кругъ «остроты, иногда довольно острыя, но больше сальныя». Въ другихъ мѣстностяхъ, во время хороводной игры даже мужскую роль жениха или мужа исполняетъ одна изъ дѣвушекъ, для чего надѣваетъ на голову шляпу.

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ мужчины принимаютъ дѣятельное участіе въ хороводахъ и пляскахъ. Вотъ образчикъ народной пляски, по описанію Рогова, близко изучившаго бытъ пермяковъ: «одна или двѣ дѣвушки встаютъ и начинаютъ бѣгать (ходить) одна за другою кругомъ по избѣ. Къ нимъ присоединяются постепенно прочіе, любители пляски: дѣвки, холостые и женатые парни; составляется такимъ образомъ кругъ, который или весь движется въ одну сторону, или одна его половина устремляется на встрѣчу другой, въ «переплетъ». Во время пляски, участвующіе въ ней подергиваютъ плечами, помахиваютъ руками, припрыгиваютъ, стучатъ ногами; а бойкія полногрудыя дѣвки, выдавши впередъ грудь, склонивши на сторону голову, подъ тактъ пляски и пѣсни, подмигиваютъ молодымъ мужчинамъ».

Безъ сомнѣнія, этотъ «образецъ» народной пляски, относительно

степени участія въ ней мужчинъ и женщинъ, имѣетъ безчисленное множество разновидностей.

Въ то время, какъ «полногрудыя» деревенскія граціи стараются въ моментъ пляски выказать красоту своего тѣла, женственную прелесть своихъ движеній и кокетство, парни соперничаютъ ухарствомъ, силой и стремительностью своей пляски. Русская женская пляска отличается, какъ извѣстно, плавностью, мѣрностью темпа и округленностью движеній тѣла и оконечностей. «Плывутъ», какъ «павы», «воды не замутятъ», «вьются», «ходятъ», ходятъ такъ, что «всѣ суставы говорятъ», — вотъ въ какихъ выраженіяхъ самъ народъ характеризовалъ пляску женщинъ. Строго говоря, типичная русская женская пляска не столько пляска въ общепринятомъ смыслѣ, сколько позированіе, стройное сочетаніе граціозныхъ нюансовъ съ цѣлью выказать всю красоту женскаго тѣла, всю его обольстительную гармонію въ различныхъ положеніяхъ. Ея исполненіе не требуетъ напряженныхъ усилій и энергическихъ раккурсовъ, очень мало требуетъ искусства, выучки, потому что красотѣ и граціи не выучиваются. Вся она состоитъ изъ медленныхъ, свободныхъ движеній, зависящихъ отъ настроенія и степени граціи плясуньи и строго съ ними согласующихся.

Тогда какъ въ женской русской пляскѣ «говоритъ» «играетъ» все тѣло, наша мужская народная пляска состоитъ, главнымъ образомъ, въ энергической работѣ ногъ, требующей большой мускульной силы, мастерства и навыка. Русскій артистъ-плясунъ весь, такъ сказать, въ ногахъ: онъ то быстро «семенитъ» ими, то съ силой «топочетъ» и порывисто взмахиваетъ широкими, смѣлыми движеніями, то вихремъ кружится и носится въ бѣшеной «присядкѣ» съ головоломными «вывертами» и «колѣнцами», Руки, которыя въ женской пляскѣ играютъ такую важную роль и находятся въ непрерывномъ плавномъ движеніи, въ мужскомъ «трепакѣ» либо сложены, либо отчаянно машутся, какъ плети. Тѣло плясуна участвуетъ въ пляскѣ пассивно, самое лицо неподвижно: все вниманіе и его самаго, и зрителей сосредоточено на ногахъ, доведенная до виртуозности вертлявость, изломанность и «скорость» которыхъ въ стройномъ сочетаніи танца составляетъ идеалъ мужскаго хореографическаго искусства, молодечества и лихости. Самая мелодія плясовой пѣсни для «трепака» отличается бѣшеннымъ весельемъ, порывистымъ, стремительнымъ теченіемъ, бойкой, точно топоромъ рубя-

щей, отчетистостью темпа, съ каждой минутой все болѣе и болѣе ускоряемаго, среди гика и свиста, пока, наконецъ, и пѣсня, и пляска не превратятся въ какой-то шумный и зычный вихрь страстнаго, вакханальнаго увлеченія...

Когда слышишь эту пѣсню и видишь самую пляску, трудно остаться равнодушнымъ: невольно поддаешься этой мощной огневой вспышкѣ молодецкаго веселья и молодецкой удали, какъ-то духъ захватываетъ, по тѣлу пробѣгаетъ бодрящая, возбудительная дрожь и ноги сами собой притопываютъ...

Эти рефлективныя ощущенія, безсознательно испытываемыя всякимъ русскимъ человѣкомъ при видѣ нашей народной пляски, во всей ея красѣ и разгарѣ, преисполнили сердце одного извѣстнаго изслѣдователя-этнографа патріотической гордостью, подъ впечатлѣніемъ которой онъ слѣдующимъ образомъ характеризировалъ русскую пляску, въ пику «жидконогимъ нѣмцамъ»:

«Русскія пляски, пишетъ онъ, пришлись не по плечу чужеземцамъ. Да и гдѣ имъ сладить съ нашею пляскою, когда природа не надѣлила ихъ нашимъ богатырскимъ разгуломъ, когда отказала имъ въ такихъ ногахъ, которыя только могутъ быть у русскаго мужичка, отъ которыхъ во время пляски дрожитъ земля, шатается изба, клокочетъ въ груди ретивое. Русской пляскѣ нельзя выучиться; она приходитъ на роду, говорятъ наши земляки. Родись плясуномъ и будешь плясать, говорятъ наши старики. Мнѣ часто случалось видѣть и въ городахъ за-московныхъ и въ Питерѣ, какъ чужеземцы обучаютъ русскихъ плясать. Жалкіе эти люди чужеземцы! Неужели они думаютъ и въ этомъ уже уничтожить нашу народность («Сказанія русскаго народа", т. I, книга 3-я)?..»

Имѣютъ-ли или не имѣютъ «жалкіе» чужеземцы такой коварный замыселъ, но несомнѣнно, по мѣрѣ распространенія цивилизаціи народныя пляски, какъ у насъ, такъ и вездѣ, уступаютъ мѣсто общечеловѣческой французской кадрили, и—противъ этого ничего не подѣлаешь...

VIII.

Національная пляска, какъ стихія непосредственнаго творчества.—Мѣстности, прославившіяся своими пѣсенниками и плясунами.—Сценическія стороны народныхъ игръ и плясокъ.

Въ новѣйшихъ балетахъ часто выводятся представители разныхъ народностей, причемъ каждая народность изображаетъ свой *національный танецъ.* Такимъ образомъ, балетоманы наряду съ наслажденіемъ пластикой получаютъ урокъ наглядной этнографіи и уже твердо знаютъ, что, напр., у испанцевъ національный танецъ — качуча, у итальянцевъ—тарантелла, у поляковъ—мазурка и краковякъ, у великоруссовъ—русская, у малороссовъ—казачекъ и т. д. Дальше этого, признаться, этнографическія свѣдѣнія по данному предмету простираются у весьма лишь немногихъ интеллигентныхъ людей. Весьма немногимъ приходитъ въ голову, что эти, вошедшіе въ кругъ всеобщаго вѣдѣнія, балетные «національные» танцы ничего собой не выражаютъ и что самыя ихъ клички нерѣдко—продуктъ лишь остроумія систематизаторовъ. Возьмите нашу «русскую»—конечно, нигдѣ въ народѣ вы не услышите этого названія, извнѣ приклееннаго къ его національной пляскѣ.

Систематизація — вещь безспорно хорошая, но съ нею нужно очень осторожно обращаться, хотя бы, напр., по отношенію къ занимающему насъ предмету. Народная пляска въ нетронутомъ цивилизаціей, примитивномъ бытѣ, какъ и народная пѣсня, — вѣчно движущаяся, живая стихія непосредственнаго творчества, не подчиняющаяся никакой систематизаціи и никакимъ условнымъ рамкамъ. Это, своего рода, хамелеонъ, по нѣсколько неуклюжему сравненію извѣстнаго знатока народнаго быта А. Терещенко.

«Пѣснь, только что пересказанную вамъ, говоритъ Терещенко, станете выслушивать отъ другого и выходитъ разница не въ однихъ словахъ, но и въ разстановкѣ стиховъ и въ порядкѣ самаго содержанія. Тоже самое и въ пляскѣ». Попытавшись изобразить «русскую», авторъ сознается въ концѣ: «невозможно описать этотъ народный танецъ! Онъ постоянно измѣняется самими пляшущими, которые разнообразятъ его до безконечности, потому что выражаютъ то, что у нихъ на душѣ».

По этой причинѣ, разгрупировать народныя пляски на опредѣленныя, законченныя «піесы» съ неподвижными, разъ придуманными ярлыками, какъ это примѣняется къ балетнымъ и салоннымъ танцамъ,—трудъ напрасный и безполезный.

Конечно, основныя начала и элементы народной пляски и ея типъ, самобытно выработанный извѣстнымъ племенемъ, остаются безъ измѣненія, какъ не могутъ измѣняться и общія всему человѣчеству формы пластическаго выраженія того или другого инстинкта и ощущенія. Но въ этихъ предѣлахъ народное творчество развертывается уже съ полнымъ просторомъ, насколько его процвѣтанію и свободному полету не препятствуютъ внѣшнія неблагопріятныя условія: житейскія невзгоды, нужда и бѣдность, преслѣдованія со стороны искоренителей «треклятаго еллинства», а въ наши дни—со стороны, напр., гг. урядниковъ, блюстителей деревенскаго благочинія, наконецъ, та поверхностная, фальшивая «образованность», которая внушаетъ презрѣніе къ родному, «мужичьему» укладу жизни и выражается въ неуклюжемъ обезьянничаньи образцовъ интеллигентнаго общества. Къ сожалѣнію всѣ эти, подавляющія народный духъ и обезличивающія его индивидуальность, неблагопріятныя условія не разъ имѣли мѣсто въ русской жизни и оказали таки свое парализирующее дѣйствіе на ея самобытное развитіе въ различныхъ отношеніяхъ.

Неизмѣнный, общій типъ нашей народной пляски — *хороводъ*, который, однако, имѣетъ множество разновидностей, зависящихъ какъ отъ различія мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ, такъ и отъ различія обрядовъ и игръ, присвоенныхъ тому или другому празднику. Завсѣмъ тѣмъ, хороводъ, составляя неизмѣнную общую форму каждаго игрища, вмѣщаетъ въ себѣ не одну пляску, но и всѣ другіе виды лирико - драматической области, пѣсню, музыку и сценическую игру. Пляска въ этомъ случаѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, служа лишь однимъ изъ элементовъ для образнаго выраженія данной поэтической идеи.

При условіи полнаго простора для творческой изобрѣтательности, на которое мы указывали выше, одна и таже пѣсня и сопровождающая ее пляска исполняются совершенно различно въ различныхъ мѣстностяхъ: въ одной полнѣе, ярче и искуснѣе, въ другой—проще и безвкуснѣе. Большую роль играютъ здѣсь, конечно, личная талантливость и душевное настроеніе участниковъ игрища.

Подобно тому, какъ извѣстныя народности стяжали себѣ преимущественно славу своей музыкальностью и веселонравіемъ, точно также есть и въ нашемъ отечествѣ мѣстности, прославившіяся своими хороводами, пѣсенниками и плясунами. Напр., въ народѣ «дразнятъ»: ярославцевъ — «пѣсенниками», владимірцевъ, суздальцевъ и витебцевъ «гудошниками» и «волынщиками» («Собирались кулики, на болотѣ сидючи, они суздальцы и володимірцы, и волынки и гудокъ»), вятичей — «свистоплясцами» и т. д. Подобная-же слава складывалась въ народѣ и о какомъ-нибудь околоткѣ или деревнѣ.

Сахаровъ разсказываетъ, что въ его время извѣстное подмосковное село Пушкино пользовалось у любителей особенной славой за свои хороводы. «Добрые москвитяне, пишетъ онъ, нарочно ѣздятъ слушать пѣсни въ Пушкино. Въ селѣ Братовщинѣ, по той-же дорогѣ, пляшутъ поселяне подъ тѣже пѣсни, но ихъ пляска не имѣетъ того очарованія, какъ пушкинская».

Такую-же артистическую извѣстность имѣло въ прошломъ столѣтіи другое подмосковное село Перово, гдѣ императрица Елизавета Петровна почасту гостила и, любя народныя пѣсни и пляски, нерѣдко лично принимала участіе въ перовскихъ крестьянскихъ хороводахъ.

Вообще Москва съ окрестными селеніями искони славилась своими пѣсенниками, да и нынѣ славится въ лицѣ, напр., знаменитыхъ московскихъ цыганъ, возведшихъ нашу народную пѣсню и пляску въ самостоятельное искусство и профессію.

Въ «Трудолюб. Пчелѣ» (1759 г.) находимъ извѣстіе, что въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Москвѣ—въ Петровскомъ кружалѣ, гдѣ продавались разные напитки,» по всякій день представляли оперу (авторъ здѣсь иронизируетъ), въ которой самая лучшая инструментальная музыка—Гудки, Волынки, Рылѣ, Балалайки и протчее», а также «самыя тутъ лучшіе пѣвцы и танцовщики»... Тогда-же, какъ свидѣтельствуетъ другой очевидецъ, народныя праздники и гулянья въ Москвѣ сопровождались всеобщимъ, повсемѣстнымъ весельемъ, въ которомъ пляска играла большую роль. Вотъ какъ описываетъ одинъ наблюдатель въ «Еженедѣльникѣ» за 1769 годъ семицкое празднество на московскихъ улицахъ. По улицѣ движется шумная веселая толпа, впереди ея «березка».

«Вина не пьетъ она, однако пляшетъ
И, вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь,
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая вмигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать весьма искусно знаетъ:
Танцуетъ *голубца,* танцуетъ и *бычка»*...

Много хвалили также въ свое время тульскихъ пѣсенниковъ, точно также какъ въ Петербургѣ, до построенія желѣзной дороги, ходила слава о тверскихъ ямщикахъ за ихъ пѣснопѣвчество «съ птичьими высвистами». Пѣсни и мотивы поэтической Малороссіи давно распространены по всей Россіи и въ области нашей искусственной музыки занимаютъ выдающееся мѣсто. Уже со временъ Алексѣя Михайловича, и особенно въ XVIII столѣтіи, на Руси весьма славились малороссійскіе бандуристы и „воспѣвательницы“, очень часто встрѣчаемые въ придворныхъ штатахъ того времени. Столько-же, какъ украинскія мотивы, популяренъ и характерный малоросійскій танецъ «Козакъ» или «Козачекъ». Подъ этимъ именемъ извѣстна даже хороводная игра, встрѣчаемая въ великорусскихъ поселеніяхъ.

Народная пляска, какъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, всегда строго согласуется съ содержаніемъ и тономъ пѣсни, составляя съ нею нѣчто цѣлое. Обыкновенно пляшущіе стараются мимикой и жестикуляціей образно представить всѣ отличительныя характеристическія черты тѣхъ лицъ и положеній, которыя обрисованы въ пѣснѣ.

Съ той-же цѣлью участвующіе въ игрѣ прибѣгаютъ къ разнаго рода украшеніямъ и измѣненіямъ своей внѣшности: надѣваютъ праздничные наряды, дѣвушки накладываютъ на голову вѣнки изъ цвѣтовъ. Въ тоже время допускается переодѣванье мужчинъ въ женщинъ и женщинъ въ мужчинъ. Вообще костюмировка — «ряженье» и гримировка имѣютъ широкое примѣненіе въ народныхъ игрищахъ и, напр., на масляницѣ и святкахъ превращаются уже въ цѣлый маскарадъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ, сохранившихся со временъ язычества, празднествахъ являются дѣйствующими ли-

цами куклы и чучела, олицетворяющія извѣстные идолопоклонническіе образы: Ярилы, Костромы, Мары или Мараны и проч.

Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло со всѣми элементами театрально-драматическаго искусства въ зачаточномъ состояніи. Извѣстно, что на народномъ языкѣ говорится—*играть* пѣсню (вмѣсто пѣть). И дѣйствительно, о всѣхъ хороводныхъ и плясовыхъ пѣсняхъ, съ точки зрѣнія общихъ понятій объ искусствѣ, слѣдуетъ сказать, что онѣ не поются, а *разыгрываются*, въ смыслѣ драматическомъ. Каждая такая пѣсня въ исполненіи представляетъ цѣлую законченную *сцену*, въ которой воспроизводится какой-нибудь смѣшной или грустный, но всегда типичный эпизодъ изъ обыденной жизни. Чаще всего содержаніемъ такой сцены-пѣсни служитъ любовь въ различныхъ перипетіяхъ. Затѣмъ идутъ картины семейныхъ отношеній, бытовыхъ особенностей, сельско-хозяйственныхъ занятій и пр. Мы остановимся на нѣсколькихъ наиболѣе выразительныхъ сценахъ.

Нѣкоторыя изъ хороводныхъ плясокъ отличаются замѣчательной красотой и граціей своихъ сочетаній. Таковы напр., *Плетень*, *Вьюнецъ* и др.

«Плетень» исполняется подъ пѣсню, въ которой изображаются семейныя связи, уподобленныя плетню. Играющіе, мужчины и дѣвушки, становятся попарно и, при пѣніи первой половины пѣсни:

„Заплетися плетень заплетися“,

смыкаются руками, вытягиваясь въ линію. Когда-же, при началѣ второй половины пѣсни, поется:

„Расплетися плетень, расплетися“,

крайняя пара отдѣляется и соединяетъ приподнятыя руки въ видѣ арки. Остальные проходятъ подъ эту арку и постепенно, пара за парой, расплетаются. Въ подобныхъ-же сочетаніяхъ происходитъ и Вьюнецъ. Эта пляска, при живости и ловкости исполненія, такъ классически хороша, что нѣкоторые изслѣдователи усомнились даже — точно ли она русская, «мужичьяго» изобрѣтенія? Имъ сейчасъ вспомнились античные хоры грековъ, съ которыми они нашли такое сходство въ «Плетнѣ», что возбудили серьезный вопросъ — не есть-ли онъ *позаимствованіе*, принесенное къ намъ изъ Греціи? Впрочемъ, было время, когда происхожденіе всего нашего народнаго пѣснопѣвчества приписывалось греческимъ источникамъ.

О хороводной пляскѣ, изображающей любовь и ухаживанье, мы

говорили уже прежде. Самыя характерныя въ жанровомъ отношеніи сцены хороводной игры,—это тѣ, въ которыхъ воспроизводятся семейныя отношенія, нарушенныя несогласіемъ, разгуломъ, супружеской невѣрностью и т. п. пороками. Тутъ дается широкій просторъ здоровому юмору.

Вотъ молодая жена жалуется на свое житье съ постылымъ мужемъ. Хороводъ поетъ, въ кругу его «ходитъ» хороводница и жестами показываетъ, какъ мужъ бьетъ жену шелковой плетью «межъ бѣлыхъ плечъ», какъ она съ него кафтанъ скидываетъ, разуваетъ его и пр. Но не всегда жена жалуется на крутость нрава супруга. Въ другой сценѣ «женина любовь» выражается такимъ, напр., образомъ.

Играющіе подъ пѣсню представляютъ мужа и жену. Мужъ сперва сулитъ женѣ, чтобъ угомонить ее «сердитое сердце», кисеи на рукава, потомъ «глазетовую юбку» и еще чего-то; но она каждый разъ гнѣвно отворачивается отъ него и отбрасываетъ его подарки. Наконецъ, онъ догадывается—привозитъ ей изъ Китай-города шелковую плеть. Жена сразу мѣняется, смотритъ ласково на мужа и кланяется ему въ ноги, послѣ того, какъ онъ ее постегалъ плеткой. Хороводъ радостно привѣтствуетъ это возвращеніе семейнаго согласія:

„Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ“ и т. д.

Такимъ-же образомъ разыгрываются и другія сцены изъ супружескаго житья-бытья. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно сложны. Есть, напр., сцена, гдѣ выводятся жена, мужъ и его любовница, и дѣло получаетъ драматическій оттѣнокъ. Въ другой пѣснѣ на выборъ дѣвицы представляется старый и молодой мужъ. Играющій старика, изображаетъ его хилымъ, сгорбленнымъ, едва волочащимъ ноги. Пѣсня спрашиваетъ дѣвицу: «идти-ли ей замужъ за него?» Она отдергиваетъ его руки и поворачивается къ нему спиною.—«Стлать-ли старому постелю?» Дѣвица бросаетъ на земь тряпку, толкаетъ на нее старика и, при вопросѣ: «будетъ-ли его обнимать и цѣловать?» —обнимаетъ надъ головой стараго воздухъ, цѣлуетъ его и сплевываетъ... Но вотъ на сцену выходитъ молодой. При видѣ его дѣвица весело пляшетъ и, при повтореніи тѣхъ-же вопросовъ пѣсни, мимикой показываетъ, какъ онъ любъ ей, какъ она стелетъ для

него пуховую постелю, нѣжно укладываетъ его на ней, какъ прижимаетъ къ груди своей, цѣлуетъ и милуетъ.

Во многихъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами являются животныя: гуси, утки, зайцы, воробушки и т. д., въ лицѣ которыхъ, конечно, воспроизводятся тѣ-же люди, преимущественно семьяне и ихъ отношенія. При этомъ во время пляски играющіе стараются подражать движеніями выведенному въ пѣснѣ животному. Особенно часто фигурируетъ «сѣрый заинька», съ его забавными прыжками. Въ одной хороводной сценѣ онъ является вмѣстѣ съ тестемъ, тещей-свояченицей и молодыми супругами. Представляющій заиньку пляшетъ подъ пѣсню, бѣгаетъ по кругу и старается выскочить изъ него. Хороводъ не пускаетъ и приглашаетъ его продѣлать разныя заячьи штуки хореграфическаго свойства.

«Заинька ускоки, сѣренькій ускоки,
И подъ бочки подоприсъ.

Заинька скачетъ и подпирается въ боки фертомъ. Потомъ вертится «кружкомъ-бочкомъ» и при стихѣ —

«Есть зайцу куда выскочить»,

прорывается изъ хоровода подъ улюлюканье мужчинъ и взвизгиванье женщинъ.

Не менѣе заиньки популяренъ воробушекъ, являющійся въ хороводной пѣснѣ истымъ комикомъ и сатирикомъ. Его амплуа изобразить въ пляскѣ каждаго съ смѣшной стороны.

«Скажи, скажи воробушекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?»

спрашиваетъ хоръ и воробушекъ показываетъ дѣвицъ во всей формѣ:

«Они этакъ и вотъ этакъ,
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ»...

Точно такимъ-же образомъ воробушекъ представляетъ, какъ «ходятъ» молодцы, старики, старухи, горбатые, хромые, купцы, бояре, скупые, нищіе и т. д. Въ другой сценѣ, имѣющей много варіантовъ, воробушекъ изображаетъ пьяницу.

«У воробушки головушка болѣла,
Такъ болѣла, такъ болѣла...»

Болѣла и спина и рученька, и ноженька, вслѣдствіе чего:

«Ужь какъ сталъ воробей присѣдати,
Такъ присѣдати, такъ присѣдати»!

Въ этой игрѣ требуется отъ исполняющаго роль воробушка много искусства и сценической даровитости, тогда она необыкновенно забавна. Въ другихъ пѣсняхъ воробушковъ изображаютъ всѣ участники хоровода. Весь хороводъ пускается плясать подъ веселый, бойкій напѣвъ:

«Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелищутъ, пепелищутъ, и т. д.»

Изъ игръ, представляющихъ сельскія занятія, особенно любима въ народѣ картина уборки льна. Игра эта имѣетъ множество варіантовъ. Выбираемъ наиболѣе характерный.

Хороводъ выбираетъ мать и нѣсколько дочерей. Одна изъ послѣднихъ запѣваетъ:

«Научи меня, мати,
На ленъ землю пахати!»

Мать жестами показываетъ, какъ нужно пахати:

«Да вотъ этакъ дочи, дочушки!
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ!»

подхватываетъ хоръ, а играющія дочерей подражаютъ движеніямъ матери. Такимъ порядкомъ продѣлываются всѣ пріемы при обработкѣ льна; но, наконецъ, дочери, во время работы, начинаютъ заглядываться на парней и, вдругъ, неожиданно озадачиваютъ мать такимъ предложеніемъ:

«Научи меня, мати,
Съ молодцемъ гуляти!»

Мать гнѣвается и, видя, что дочки начинаютъ плясать съ парнями, грозитъ бить ихъ; но онѣ ее не слушаютъ и не ждутъ уже наставленій. Что нужды, если мать не хочетъ научить «гуляти»:

«А я сама пойду
И съ молодцемъ плясать буду:
Вотъ такъ, да вотъ этакъ,»

отвѣчаетъ за дочерей хоръ...

Не менѣе замѣчательна хороводная сцена «бурлаки», въ которой народный юморъ выставляетъ разгулъ бездомныхъ людей. Бур-

лаки сманиваютъ дѣвицу «горами золотыми», тогда какъ всѣ «бурлацкія пожитки»

«Одна лямка да котомка»...

IX.

Почему русскія пляски не доразвились до искусства? — Вліяніе аскетическаго ученія на художественную стихію русской жизни въ старину.—Исторія гоненія пляски и веселья на Руси и его нравственно-бытовыя послѣдствія.

Наши національныя пляски не доразвились до обособленнаго самостоятельнаго искусства, не диференцировались культурно изъ области стихійно-безъискусственнаго народнаго творчества. У насъ нѣтъ національнаго балета, нѣтъ даже національнаго танца, въ родѣ, напр., польской мазурки, нѣмецкаго вальса, французской кадрили и т. п., который былъ-бы выработанъ и обязательно усвоенъ образованной частью общества, входя въ составъ нашихъ бальныхъ развлеченій. Русская пляска навсегда осталась принадлежностью нашего простонародья, да и тамъ она выходитъ изъ употребленія при первыхъ наносахъ культивирующей новизны общеевропейской цивилизаціи.

Для объясненія этой стороны изслѣдуемаго нами предмета, весьма существенной по многимъ причинамъ, намъ необходимо начать нѣсколько издалека. Мы разскажемъ послѣдовательно исторію того, какимъ образомъ русское общество сперва отъучивалось отъ національныхъ игрищъ, въ томъ числѣ и отъ національныхъ плясокъ, путемъ многолѣтняго систематическаго мерзенія къ нимъ, какъ къ душепагубному изобрѣтенію дьявола, а потомъ кинулось, сгоряча и очертя голову, плясать «чиномъ французскимъ и нѣмецкимъ», продолжая еще съ большимъ омерзеніемъ относиться ко всему родному по этой части, уже какъ къ продукту грубаго варварства.

Эта участь выпала на долю всего нашего народнаго творчества вообще, начиная съ пѣсни и музыки и кончая дѣтскими играми. Вся область самобытной поэзіи и искусства, въ чемъ выражался народный геній и что составляло духовную индивидуальную физіономію русскаго народа, цѣлые вѣка проклипалось, преслѣдовалось и искоренялось, какъ «бѣсовская прелесть», «треклятое еллинство», т. е. язычество. Гоненіе это началось съ первыхъ дней введенія на Руси христіанства; исходило оно изъ совершенно естественнаго въ принципѣ стремленія учителей новой вѣры искоренить въ міровоззрѣніи, въ нравахъ и обычаяхъ народа все то, что противорѣчило ея ученію или казалось противорѣчащимъ, что носило на себѣ отпечатокъ и слѣды язычества. А такъ какъ у младенческаго народа религіозный культъ проникаетъ во всѣ поры и отправленія жизни, въ особенности-же въ праздничныя, обрядныя ея стороны, то, понятно, что распространители на Руси христіанства, стремясь, по выраженію Стоглава, «попрать до конца» еллинское бѣснованіе, должны были съ наибольшей энергіей возстать именно на народныя игры, пѣсни и пляски. Это тѣмъ болѣе, что пришедшая къ намъ изъ Византіи христіанская проповѣдь, ставя идеаломъ жизни человѣческой суровый монашескій аскетизмъ, по принципу отрицала всякую мірскую «прелесть», всякія плотскія наслажденія и радости, для смиренія, поста и молитвы, въ видахъ достиженія вѣчнаго блаженнаго живота за гробомъ.

Въ такомъ духѣ церковная проповѣдь неустанно гремитъ противъ народныхъ игрищъ, «глумовъ», пѣсенъ и плясокъ съ начала введенія на Руси христіанства вплоть до конца XVII столѣтія. Сперва одна церковь, въ лицѣ патріарховъ, митрополитовъ и проповѣдниковъ, съ церковнаго амвона, въ «учительныхъ грамотахъ», «памятяхъ» и «посланіяхъ», а впослѣдствіи и государственная власть путемъ указовъ и запрещеній, подъ страхомъ «жестокаго наказанія», которому нерѣдко подвергались и на самомъ дѣлѣ любители веселыхъ игрищъ, пѣсенъ и плясокъ.

Мы уже имѣли случай подробно и послѣдовательно разсказать исторію этого многовѣковаго гоненія на Руси, во имя аскетической идеи, самобытныхъ поэтическихъ проявленій народнаго духа, въ другой нашей книгѣ (См. томъ I-й предлагаемыхъ *этюдовъ:* «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи»), и потому повторяться здѣсь не станемъ. Ограничиваемся лишь кон-

статированіемъ этого, чрезвычайно важнаго въ судьбахъ русскаго творчества и русскаго искусства, историческаго факта, надолго задержавшаго свободное развитіе русской художественной мысли. За всѣмъ тѣмъ, сдѣлаемъ справку о тѣхъ историческихъ данныхъ по этому вопросу, которыя касаются спеціально народной пляски.

Уже по самому существу пляски, которая, какъ это было пояснено нами въ своемъ мѣстѣ, представляетъ собою, такъ сказать, торжество тѣла, его игру и самое рельефное проявленіе и символизацію плотской эротической страсти, она должна была особенно возмущать и фанатизировать чувство благочестія у суровыхъ ревнителей аскетизма.

Въ цѣломъ рядѣ старинныхъ проповѣдей и поученій пляска называется «лестью идольской», «хулной потѣхой», «бѣсовской игрой», «богомерзкимъ дѣломъ» и пр. Гдѣ затѣвается игра и пляска, оттуда отлетаютъ ангелы Божіи; ибо, по выраженію преподобнаго Нифона, «плясанья, плесканья сбираютъ около себѣ студные бѣсы». Отсюда, кто любитъ «въ сласть гусли и пѣнья, плесканья и плясанья, тотъ чтитъ темнаго бѣса». По этой причинѣ благочестивый христіанинъ, какъ учили митрополиты Іоаннъ, Даніилъ и др., не долженъ былъ посѣщать пировъ и игрищъ или уходить прочь, какъ скоро начнется на нихъ гуденіе и пласаніе. «Не подобаетъ хрестьяномъ, говорится въ другомъ памятникѣ (XV в.) въ пирахъ и свадьбахъ бѣсовьскихъ игръ играти, аще то не бракъ наречется, но идолослуженіе, иже есть: плясба, гудба, пѣсни бѣсовьскія, сопѣли, бубны и вся жертва идольска». То-же и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ повторяетъ попъ Сильвестръ въ «Домостроѣ». Наконецъ Стоглавъ въ «отвѣтѣ» на царскій вопросъ «о игрищахъ еллинскихъ», указывая на то, что «мнози отъ неразумія простая чадь» въ городахъ и селахъ «творятъ различныя игры и плясанія», строго предписывалъ: «отнынѣ и впредь православнымъ хрестьянамъ на таковая древняя еллинская бѣсованія не исходите...»

Но особенно сильно возмущались наши старинные іерархи и проповѣдники присутствіемъ въ «богомерзкой» пляскѣ женскаго элемента и вообще участіемъ въ игрищахъ женщины. Оно и совершенно понятно, зная какой до крайности отрицательный взглядъ на женщину проповѣдывало аскетическое ученіе, видя въ ней «начало грѣху» и своего рода «сѣть, дьяволомъ сотворенную» на пагубу человѣчества.

«О, лукавыя жены, многовертимое плясаніе! восклицаетъ одна проповѣдь (по списку XVII в.). Пляшущи бо жена невѣста нарицается сатанина, любодѣица діаволя, супруга бѣсова; не токмо сама будетъ плящущая сведена во дно адово, но и ти, иже съ любовію позоруютъ и во сластѣхъ раздвизаются на ню съ похотію... Пляшущая-бо жена многымъ мужемъ жена есть; тою діаволъ многыхъ прельститъ во снѣ и на явѣ. Вси любящіи плясаніе со Иродіею въ негасимый огонь осудятся... Братіе и сестры, блюдитеся и не любите беззаконныхъ игоръ бѣсовскихъ, паче же удаляйтеся плясанія, да не злѣ въ муку вѣчную осуждени будете!»

На основаніи такого взгляда, нашъ старинный нравственно-аскетическій кодексъ мирился съ женщиной только въ томъ случаѣ, когда она уходила изъ міра и дѣлалась, если не монастырской схимницей, то, по крайней мѣрѣ, теремной затворницей, чуждой всякихъ общественныхъ забавъ и увеселеній.

Противодѣйствіе народнымъ игрищамъ, «паче же плясанію», не ограничивалось одною церковной проповѣдью и устрашеніемъ загробною «мукой вѣчною». Увѣщанія проповѣдниковъ съ теченіемъ времени стали подкрѣпляться преслѣдованіями и карами со стороны гражданскихъ властей. Власти эти возставали, главнымъ образомъ, на профессіональныхъ затѣйщиковъ всякихъ народныхъ игрищъ, «глумовъ», и плясокъ—*скомороховъ*, классъ которыхъ въ старинной Руси былъ весьма многочисленный. Они скитались по всей странѣ «многими ватагами», какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, состоявшими изъ всякаго рода «умѣльцевъ», музыкантовъ, «глумотворовъ», «шпыней», плясуновъ и пр. Являясь въ села и города, они импровизировали публичныя скоморошескія «дѣйства», веселили народъ своими пѣснями и плясками, заохочивая къ нимъ и соблазняя православныхъ христіанъ. Благодаря этому скоморошескому соблазну, случалось нерѣдко, что въ самой Москвѣ народъ, «вмѣсто духовнаго торжества и веселія, какъ говоритъ патріархъ Іосафъ (1636 г.), воспріимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ», на улицахъ и на торжищахъ «сатанинскія игры» творилъ, пускаясь, подъ бой бубенъ и ревъ суренъ, «руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти...»

Вслѣдствіе этого, какъ духовенство, такъ и правительство, съ давняго времени и непрерывно преслѣдовали скомороховъ и словомъ и дѣломъ. Въ «жалованныхъ граматахъ» и «памятяхъ» кня-

зей и царей разнымъ «волостелемъ» и областнымъ властямъ постоянно встрѣчаемъ запрещеніе впускать въ села и принимать скомороховъ. Въ случаѣ, если-бы они явились произвольно и оказали сопротивленіе запрещенію, дозволялось «выбивать» ихъ изъ селъ «безстрашно», т. е. не опасаясь наказанія за насиліе.

Не ограничиваясь гоненіемъ скомороховъ, правительство преслѣдовало также ихъ любителей и покровителей. Подъ страхомъ попасть на «съѣзжую» и попробовать «батоговъ», всѣмъ и каждому повсемѣстно воспрещалось призывать скомороховъ «со всякими бѣсовскими играми». Особенно строго было на этотъ счетъ правительство царя Алексѣя Михайловича, стремившееся искоренить въ государствѣ «многое неистовство», т. е., чтобы никто и нигдѣ «медвѣдей не водилъ, съ сучками не плясалъ и никакихъ бѣсовскихъ дивъ не творилъ», чтобы православные даже пѣсенъ не пѣли, «не плясали, въ ладони не били и никакихъ богомерзкихъ игръ не слушали...»

Безъ сомнѣнія, ни проповѣдническія увѣщанія, ни строгія, со стороны властей, запрещенія, преслѣдованія и кары не достигали цѣли и не могли искоренить въ народѣ естественныхъ художественно-увеселительныхъ потребностей и наклонностей. Во времена самыхъ строгихъ и энергическихъ мѣръ противодѣйствія «еллинскому бѣсованію» и скоморошескимъ забавамъ, народъ, особенно въ низшихъ классахъ, не переставалъ имъ предаваться и «многое неистовство», по выраженію указа царя Алексѣя Михайловича, продолжало бушевать по всей странѣ, не выключая самой благочестивой Москвы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ-же указы, «памяти» и проповѣди, вызывавшіеся именно неискоренимостью народныхъ игрищъ.

Но, не говоря уже о простомъ народѣ, жившемъ «по старинѣ» и крѣпкомъ осужденнымъ церковью языческимъ обычаямъ, самый высшій классъ московскаго общества точно также былъ не безгрѣшенъ въ пунктѣ аскетическаго отрицанія «хулныхъ потѣхъ», пѣсенъ и плясокъ.

Самъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, издавшій «Стоглавъ», съ цѣлью исправленія «еллинства», нерѣдко однако-же самолично на дворцовыхъ пирахъ со своими «ближними» людьми наряжался въ «хари», т. е. въ маски, и плясалъ, къ великому соблазну благочестивыхъ людей. Въ дни «тишайшаго» Алексѣя Михайловича, до-

ведшаго преслѣдованіе музыки и пляски до послѣдней границы нетерпимости, случалось однако, и почасту, что въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи всего государева семейства и придворныхъ раздавались звуки веселой заморской музыки, плясали заѣзжіе искусники-нѣмцы, давались «комедійныя дѣйства», существовало даже спеціальное по этой части придворное вѣдомство—«потѣшная палата». При дворѣ, тогда же, были введены въ видѣ зрѣлищъ малороссійскіе и польскіе важные танцы. Одинъ иностранецъ видѣлъ какъ-то разъ даже въ царской «потѣшной комнатѣ» пляшущую танцовщицу, что особенно должно было казаться зазорнымъ.

То-же самое, конечно, творилось и въ боярскихъ домахъ, въ числѣ многочисленной дворни которыхъ всегда содержались для увеселенія господъ разные «умѣльцы»—игрецы, пѣвцы и плясуны.

Одинъ польскій писатель, бывшій въ Москвѣ въ началѣ XVII столѣтія и близко познакомившійся съ бытомъ и нравами москвитянъ, разсказываетъ, что хотя сами бояре на своихъ вечеринкахъ не танцуютъ, «считая неприличнымъ плясать честному человѣку; но за то есть у нихъ такъ называемые шуты, которые тѣшатъ ихъ русскими плясками, кривляясь, какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частью весьма безстыдными...»

Позднѣе, подобныя-же увеселенія видѣлъ въ домахъ московскихъ бояръ Олеарій, тоже неодобрительно отозвавшійся насчетъ характера тогдашнихъ русскихъ танцевъ, которые «полны, по его выраженію, самыхъ страстныхъ и наглыхъ тѣлодвиженій». Проживавшій около того-же времени въ Москвѣ англичанинъ Карлейль удостовѣряетъ, что русскіе «танцовали, но съ манерами столь нехорошими и грубыми, что нельзя видѣть ничего болѣе смѣшнаго: почти не двигаясь съ мѣста, они только топаютъ ногами и движеніемъ рукъ, плечей и тѣла дѣлаютъ извѣстныя гримасы, какъ будто желая возбудить этимъ свои разнузданныя страсти».

Тѣмъ не менѣе, вліяніе аскетическаго ученія въ данномъ случаѣ не прошло безслѣдно: проводимый этимъ ученіемъ рѣзко-отрицательный взглядъ на игрища и пляски глубоко проникъ въ сознаніе русскаго человѣка, какъ одинъ изъ принциповъ религіозно-нравственнаго порядка. Даже и въ томъ случаѣ, когда русскій православный человѣкъ предавался соблазну къ игрищамъ, онъ не переставалъ въ душѣ относиться къ нимъ съ омерзеніемъ, какъ къ дѣлу завѣдомо грѣховному.

Отсюда происходило то презрительное, гадливое отношеніе къ игрецамъ, плясунамъ, скоморохамъ и всякимъ артистамъ, которое не совсѣмъ еще исчезло въ сознаніи многихъ русскихъ людей (напр., старовѣровъ) и въ наши дни. Извѣстно, напр., что слово *скоморохъ* и понынѣ нерѣдко употребляется въ смыслѣ брани.

Вѣроятно, отсюда-же получилъ начало распространенный въ крестьянской средѣ во многихъ мѣстностяхъ обычай примѣненія пляски для публичнаго опозоренія личности, въ видѣ наказанія, по мірскому приговору, за извѣстнаго рода проступки.

Такъ, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне нерѣдко наказываютъ своихъ односельчанъ, попавшихся въ воровствѣ, тѣмъ, что торжественно водятъ ихъ по улицамъ съ музыкой и пѣснями, со звономъ въ колокольчики и бубенчики. Подобнымъ-же образомъ малороссы наказываютъ женщинъ за развратъ. Вотъ одинъ случай, характеризующій этотъ варварскій обычай. Въ одномъ селѣ балтскаго уѣзда крестьяне, заподозривъ вдову Оксану Верещиху въ незаконной связи съ писаремъ, раздѣли ее до нага, сперва приковали цѣпями къ столбу, а потомъ «присудили провести ее съ музыкой по улицѣ и высѣчь розгами. Впереди шла музыка, вслѣдъ за ней Верещиха, потомъ староста и народъ. Осужденную семь разъ провели по улицѣ, въ это время ее били кулаками, сѣкли розгами и пили водку. Во время наказанія на голову Верещихи надѣли соломенный вѣнокъ съ будяками (репейникомъ) и *заставляли ее танцовать*»... *)

Примѣрами такого опозориванія личности при посредствѣ музыки и пляски богата исторія русской жизни.

---

*) «Обычное право», Е. Якушкинъ, стр. XXXX.

X.

Танецъ въ русскомъ языкѣ и по древнерусскимъ понятіямъ.—Первые иноземные танцоры-артисты въ до-петровской Москвѣ. — Комедійныя и балетныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Первые питомцы Мельпомены и Терпсихоры.

Слово *танецъ* (по итальянски — danza, по французски — danse, по нѣмецки — Tanz) получаетъ право гражданства въ русскомъ языкѣ задолго до практическаго усвоенія нашими предками самого танца, какъ иностраннаго заимствованія. Оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ старинныхъ памятникахъ нашей, преимущественно апокрифической и переводной письменности, да еще нерѣдко съ подходящими иллюстраціями на картинкахъ. Предающіеся танцамъ грѣшники изображены между прочимъ въ древней картинкѣ ада, гдѣ бѣсы вѣшаютъ ихъ за пупъ—это спеціальное для нихъ наказаніе.

Въ стѣнной живописи царской палаты XVI столѣтія, въ числѣ аллегорическихъ образовъ находилась фигура танцующей женщины, о которой современный хроникеръ Висковатый записалъ такъ:

«Въ полатѣ середней Государя нашего написанъ образъ Спасовъ, да туто-жъ близко него написана *жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ*, а подписано надъ нею: *блуженіе...*»

Въ какой степени слово *танецъ* и его понятіе были распространены на Руси въ старину, можно заключить изъ того, что слово это вошло въ нашъ древнѣйшій словарь или азбуковникъ иностранныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій языкъ. Оно встрѣчается въ «Сказаніи о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ, ихъ-же древніи переводницы не удоволишася преложити на русскій языкъ». Изъ извѣстныхъ списковъ этого «Сказанія»—самое старинное относится къ XVI столѣтію. Въ немъ-то наше слово записано такимъ образомъ:

«*Танецъ*—ликъ, *танцую*—ликую, справую, ликовствую».

Переводъ, какъ можно видѣть, не совсѣмъ точный. Славянское «ликъ» означаетъ, кромѣ лица, еще — хоръ, собраніе поющихъ, «ликую»—праздную, торжествую. О танцѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, слово это не даетъ представленія, и примѣненіе его въ данномъ

случаѣ кажется тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что у составителя «азбуковника» былъ подъ рукою болѣе точный переводъ «танца»— русской «пляской», «плясбой» и т. п.

Неточность эта произошла, однако, вовсе не оттого, чтобы русскіе люди того времени не имѣли нагляднаго опредѣленнаго понятія, что такое *танецъ*. Уже въ XVI столѣтіи сношенія Москвы съ Западомъ, а въ особенности съ Польшей и Кіевской Русью, значительно тогда цивилизованными, настолько участились и упрочились, что въ кругозоръ московскихъ «лучшихъ» людей неощутительно проникъ цѣлый потокъ новыхъ «заморскихъ» понятій, воззрѣній, словъ, установленій и обычаевъ. Извѣстно, какое, напр., огромное цивилизующее вліяніе оказала въ тѣ времена южнорусская культура на московское государство и въ особенности на великорусскую письменность. Отсюда-то несомнѣнно занесенъ былъ и «танецъ», какъ слово и какъ понятіе, задолго передъ тѣмъ усвоенныя малороссами отъ поляковъ, которые съ незапамятныхъ временъ славились лихими танцорами.

Позднѣе, въ шумные и веселые дни Дмитрія Самозванца, москвичамъ представилась широкая оказія близко насмотрѣться на нечестивые заморскіе танцы, во всемъ ихъ соблазнительномъ блескѣ и разнообразіи, за что, отчасти, Самозванецъ и поплатился короной и жизнью.

Впрочемъ, и гораздо ранѣе въ московскихъ дворцовыхъ палатахъ, случалось, заѣзжіе иноземные танцоры тѣшили государей своимъ искусствомъ. Для этого существовала, какъ мы уже упоминали, особая «потѣшная палата», свѣдѣнія о которой восходятъ до временъ Годунова и ранѣе. Въ XVII столѣтіи подобныя забавы при московскомъ дворѣ несоставляли уже рѣдкости. Со временъ Михаила Федоровича «потѣшныя хоромы» получаютъ правильную организацію, съ цѣлымъ штатомъ разнаго рода увеселителей: музыкантовъ, актеровъ (комедіантовъ), акробатовъ, плясуновъ и проч., преимущественно изъ нѣмцевъ и поляковъ. Они разыгрывали передъ царскимъ семействомъ разныя буфонады, арлекинады и тому подобныя «скоморошныя хитрости», въ которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣли мѣсто и танцы, какъ балетное искусство.

Собственно о заѣзжихъ иностранцахъ-танцорахъ того времени сохранились нѣкоторыя довольно опредѣленныя свѣдѣнія. Такъ, есть извѣстіе, что въ 1629 г. при московскомъ дворѣ явился потѣшникъ—

канатный плясунъ «нѣмчинъ» Иванъ Лодыгинъ, который, вѣроятно, пользовался большимъ успѣхомъ, потому что, какъ свидѣтельствуютъ дворцовые списки, ему ежегодно по царскому приказу и изъ царской казны выдавалось жалованье и роскошное платье или деньги на шитье онаго. Благоволеніе государя къ Лодыгину выражалось не за одно только его личное искусство, а еще и за то, что онъ обучалъ своей «бѣсовской мудрости» порученныхъ ему учениковъ изъ русскихъ. Въ 1637 г. государь пожаловалъ ему 10 аршинъ камки двоеличной, шелкъ алъ-желтъ цѣною въ 9 рублей, да на сукно деньгами 6 рублей «за то, что онъ, Иванъ, выучилъ по канатамъ ходить и *танцовать* и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, 5 человѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка».

Однакожъ, «нѣмчинъ» Лодыгинъ всѣми этими милостями не былъ достаточно удовлетворенъ, какъ можно заключить изъ слѣдующей, весьма характеристичной челобитной, поданной имъ государю.

Упомянувъ вначалѣ, послѣ титула, какъ и чѣмъ, именно, онъ, Иванъ, тѣшилъ государя и царевича Алексѣя Михаиловича, проситель говоритъ далѣе: «рекся ты, государь, пожаловать мнѣ, холопу своему, шубу, и я, холопъ твой, съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору ожидаючи твоего государеваго жалованья ко мнѣ, не билъ челомъ. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, въ то мѣсто къ свѣтлому воскресенью ферезцами, да кафтанцомъ. А дураки, государь, тѣша тебя, государя, изодрали на мнѣ однорядку, да шапку, и однорядочка у меня, холопа твоего, къ свѣтлому вокресенію съ пугвицы серебряными—твое царское жалованье—есть. Царь государь, смилуйся!»

Просьба Лодыгина была уважена, и на этомъ кончаются наши свѣдѣнія объ этомъ, едва-ли не *первомъ* въ Россіи, по времени танцмейстерѣ и балетмейстерѣ. Ничего неизвѣстно также и о дальнѣйшей судьбѣ обученныхъ имъ для сцены русскихъ танцоровъ.

Алексѣй Михайловичъ вначалѣ своего царствованія чуждался увеселеній, какъ отечественныхъ, такъ и заморскихъ, но впослѣдствіи дворцовая «потѣшная палата» не только возобновила при немъ свои дѣйствія, но значительно ихъ расширила и усовершенствовала. Въ это время при ней образовался настоящій театръ, на которомъ давались большія сложныя пьесы разнообразнаго содержанія или «комедіи», какъ ихъ тогда называли.

Такая перемѣна въ царѣ произошла подъ вліяніемъ его второй жены Натальи Кириловны, любившей веселье, а также приближенныхъ къ нему бояръ Матвѣева, Лихачева и другихъ, людей образованныхъ, усвоившихъ наклонность къ западной цивилизаціи и къ европейскому образу жизни, отчасти по личному съ нею знакомству. Такъ, Лихачевъ объѣхалъ часть Европы въ качествѣ посланника, увлекся ея диковинами, удовольствіями и художествами, а потомъ, по возвращеніи, своими разсказами о нихъ увлекалъ многихъ москвичей, не исключая и самаго царя.

Такъ или иначе, но въ 1670-хъ годахъ царь, по разсказу Рейтенфельса, «узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, *танцы* и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, нечаянно приказалъ чтобы все это было представлено въ какой-то *французской пляскѣ*. По краткости назначеннаго семидневнаго срока сладили дѣло, какъ могли».

«Дѣломъ» этимъ занялся, вѣроятно, бояринъ Матвѣевъ; вѣроятно, онъ-же озаботился вызвать для этой потѣхи иностранныхъ артистовъ изъ-за моря, которыхъ явилась въ Москву цѣлая труппа подъ управленіемъ Ягана Готфрида Грегори.

По словамъ Рейтенфельса, первый спектакль доставилъ придворной публикѣ «полное удовольствіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая, но когда ему сказали, что безъ музыки точно также невозможно *танцовать*, какъ и безъ ногъ, то онъ представилъ все на волю самихъ артистовъ»... Собралась публика, открылся занавѣсъ. «Орфей, прежде нежели начать пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю». Алексѣю Михайловичу очень понравилось представленіе; заѣзжіе комедіанты были приняты на службу и стали давать спектакли постоянно въ дни, назначаемые царемъ.

Въ описаніи построенной тогда-же «комедійной палаты» находимъ, въ числѣ ея акссесуаровъ, какіе-то 4 «выкрашенные голубцомъ *бальты*». Вѣроятно, рѣчь идетъ о балетныхъ декораціяхъ и, во всякомъ случаѣ, это слово даетъ указаніе, что балетному искусству отводилось въ тогдашнемъ московскомъ театрѣ видное мѣсто. Вообще, по требованіямъ тогдашнихъ театральныхъ вкусовъ, большія серьезныя пьесы успащались въ антрактахъ легкими ин-

термедіями, музыкою и балетомъ. Такъ, сочинитель современной комедіи о блудномъ сынѣ въ своемъ прологѣ говоритъ, что онъ раздѣлилъ свою пьесу на 6 частей и послѣ каждой части «нѣчто примѣсихомъ, утѣхи ради, потому что все стужаетъ, что едино безъ премѣнъ бываетъ». А «примѣсилъ» онъ здѣсь пѣніе, играніе на органахъ, танцы...

Въ комедійной игрѣ, въ музыкѣ и танцахъ на дворцовой сценѣ принимали тогда участіе не одни только нѣмцы. Сохранились извѣстія о постановкѣ тогда и «русскихъ» комедій съ танцами. Такъ, въ 1671 г., въ день рожденія царевича Θеодора была дана— читаемъ у историковъ — «русская комедія *Туръ*, съ пѣснями, съ плясками казацкими, польскими танцами и игрищами разными».

Въ 1765 г. царевна Софья сочинила и поставила въ своихъ хоромахъ «баснословную комедію *Русалки или славянскія нимфы* (?) съ пѣснями и танцами» *).

Въ дворцовыхъ запискахъ того времени и описаніяхъ театральныхъ зрѣлищъ, нерѣдко читаемъ: «тѣшили великаго государя иноземцы, нѣмцы, да *люди боярина С. А. Матвѣева* на органахъ и на фіоляхъ и на стрементахъ и *танцовали*».

Изъ этого извѣстія можно заключить, что подобнаго рода сценическими потѣхами забавлялись тогда не только при дворѣ; но и въ богатыхъ боярскихъ домахъ.

И дѣйствительно, въ дни Алексѣя Михайловича и позднѣе, наканунѣ петровской реформы, въ Москвѣ находилось уже не мало новаторовъ, подобныхъ Матвѣеву, которые, вкусивъ отъ европейской цивилизаціи, стали заводить у себя изъ своихъ крѣпостныхъ холопей музыкантовъ, комедіантовъ и плясуновъ, обученныхъ на иноземный «нѣмецкій» ладъ. Сохранились извѣстія, что, кромѣ Матвѣева, имѣли тогда домашніе театры изъ холопей князь Ю. А. Долгоруковъ, Т. П. Шереметевъ и др. Нѣкоторые бояре содержали по найму и иностранныхъ артистовъ. Такъ, въ концѣ XVII столѣтія Корбъ слышалъ въ домѣ князя Голицына хоръ его домовыхъ музыкантовъ, которые всѣ были поляки. Около того-же времени самъ царь «купилъ» однажды у бранденбургскаго посла за 1200 червонцевъ хоръ мальчиковъ-гобоистовъ...

---

*) Свѣдѣнія эти приводитъ Θ. Кони изъ находившихся у него въ рукахъ, по его словамъ, набросковъ исторіи русскаго театра Дмитревскаго.

Такимъ образомъ, еще задолго до петровскихъ нововведеній, въ Москвѣ началъ развиваться артистическій классъ, «на манеръ, какъ въ иноземныхъ странахъ», и отодвинулъ на задній планъ народныхъ самодѣльныхъ скомороховъ и «умѣльцевъ».

Тѣ изъ этихъ первыхъ у насъ питомцевъ Мельпомены и Терпсихоры, которые состояли при дворѣ, рекрутировались обыкновенно изъ рядовъ молодыхъ мѣщанъ и приказныхъ, не столько, конечно, по призванію и личному выбору, сколько за неволю, какъ на службу. Они жили и обучались въ Нѣмецкой слободѣ. Положеніе ихъ, впрочемъ, было далеко незавидное, какъ можно заключить изъ слѣдующей, сохранившейся отъ 1673 г. челобитной, поданной ими царю.

«Отослали насъ, холопей твоихъ, писалъ Васька Мешалкинъ съ товарищи,—въ Нѣмецкую слободу, для наученія комедѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а корму намъ ничего не учинено; и нынѣ мы, по вся дни ходя къ нему магистру и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить-ѣсть нечего и помираемъ мы голодною смертію. Милосердый государь! вели намъ поденный кормъ учинить, чтобъ, будучи у того комѐдійнаго дѣла, голодною смертію не умереть».

Не напрасно, вѣроятно, Корбъ замѣтилъ, что московскіе меломаны того времени очень туги были вообще въ поощреніи тѣшившихъ ихъ артистовъ вещественными знаками своего невещественнаго отъ нихъ восхищенія. Артисты нравятся имъ, разсказываетъ онъ, только до тѣхъ поръ, пока играютъ, но чуть дѣло доходитъ до вознагражденія ихъ за искусство, то «въ москвитянахъ пробуждается скупость и они ни за что не соглашаются покупать удовольствіе, продолжающееся только нѣсколько часовъ на годичные расходы».

XI.

Петровскія новшества.—Московская неподвижность, смѣняемая салонной вертлявостью. — Царственная пощечина. — Вліяніе нѣмецкой слободы и ея нравовъ на Петра.—Русскіе на танцовальныхъ вечерахъ и балахъ заграницей.

Мы видѣли, что московскій большой свѣтъ съ самимъ царемъ во главѣ еще задолго до петровскихъ крутыхъ нововведеній получилъ уже вкусъ къ заморскимъ сценическимъ зрѣлищамъ, къ музыкѣ и танцамъ, не смотря на ихъ запретность по кодексу старой морали, не смотря даже на протестующіе голоса вліятельныхъ блюстителей древняго благочестія. Правда, сами эти новаторы-меломаны еще «не занимались, какъ свидѣтельствуетъ одинъ иностранецъ, ни объѣздкою лошадей, ни фехтованіемъ, ни *танцами*, ни какимъ либо другимъ искусствомъ, въ которыхъ стараются, изъ похвальнаго честолюбія, отличиться иноземцы»; но до этого ужъ было не далеко. Скоро увидимъ, что въ занятіи этими благородными искусствами, а въ особенности танцовальнымъ, наши предки, современники Петра и его ближайшихъ преемниковъ, не только сравнялись съ иноземцами, но и превзошли ихъ, если не умѣньемъ, то охотой и ретивостью. Скоро увидимъ тѣхъ самыхъ, длиннополыхъ, нарочито, для пущей важности, неповоротливыхъ и тяжеловѣсно-осанистыхъ представителей старо-московскаго режима, которые попали въ школу Петра, собственными персонами, въ кургузыхъ кафтанчикахъ и въ легкихъ башмачкахъ, носящимися по паркету и выдѣлывающими хитрые па «чиномъ французскимъ и нѣмецкимъ»...

Эту науку переимчивые и послушные русскіе люди постигли живо, какъ и вообще все то изъ заданнаго имъ царственнымъ учителемъ урока европейской цивилизаціи, надъ чѣмъ не нужно было ломать головы и что могло служить, по выраженію Ломоносова, къ «избыточествующему изобилію многоразличныхъ удовольствій, которыхъ прежде предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли».

Въ этомъ случаѣ русское общество должно было пережить тотъ пароксизмъ безоглядного увлеченія чувственными наслажденіями и внѣшними изысканными формами цивилизованной жизни, который

неизбѣженъ въ исторіи каждаго народа, выходящаго изъ примитивнаго или замкнутаго въ своей національной индивидуальности состоянія рѣзкимъ вступленіемъ въ сферу высшей европейской культуры. Разъ отказавшись отъ своей косной обособленности и усомнившись въ авторитетѣ традицій, установленій и правилъ своей «старины», малоразвитое, патріархально-воспитанное общество жадно бросается на блескъ новизны, безъ разбора усвоиваетъ весь декорумъ и всю обстановку плѣнившей его чужеземной культуры, не вникая въ ея сущность, и прежде всего спѣшитъ насытиться новыми для него чувственно-эстетическими наслажденіями. Образуется цѣлый классъ людей изъ среды, располагающей властью и богатствомъ, который предается всецѣло роскошному культу салонно-свѣтской жизни, со всѣми ея эпикурейскими затѣями, гдѣ изощряется ревнивое соперничество не высшими интеллектуальными и гражданскими способностями, а элегантностью, внѣшнимъ блескомъ, расточительной роскошью и, такъ называемыми, «talents de société». Эти таланты заключаются въ умѣньи пропѣть модный романсикъ, сыграть на какомъ нибудь салонномъ инструментѣ легкую пьеску, ловко танцовать, искуссно ѣздить верхомъ и, какъ верхъ свѣтской интеллигентности,—вести неумолкаемую, веселую, необременительную для мозга, «конверсацію», на французскомъ, конечно, языкѣ... Вотъ весь идеалъ, къ которому стремились цѣлыя поколѣнія нашихъ «петиметровъ» прошлаго столѣтія, начиная со дней Петра.

«Мы сперва были просты — говоритъ одинъ изъ моралистовъ прошлаго вѣка—правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ,* стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими украшаются нынѣ сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ-же сего пудримся и опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, но лучше-ли мы нашихъ предковъ?» («Смѣсь», 1769 г.).

Танцы въ этомъ салонно-эпикурейскомъ культѣ занимали, конечно, видное мѣсто. Въ комедіи «Смѣхъ и горе», Клушина, одно дѣйствующее лицо, говоря объ идеалѣ свѣтской жизни петиметра, замѣчаетъ, что для достиженія этого идеала нужно—

„Все русское, что есть, какъ можно презирать,
Забыть и честь и долгъ, и славно *танцовать*",

а сверхъ того, быть «страстнымъ къ музыкѣ» и ѣздить на всѣ оперы, такъ какъ въ нихъ «много ума», «правила, вкусъ тонкій и природа» («Рос. Ѳеатръ», XX). И дѣйствительно—какъ увидимъ—были счастливцы, избранники Терпсихоры, которые, случалось, вытанцовывали себѣ блестящую карьеру, богатства, почести, благосклонность красавицъ и даже безсмертіе въ потомствѣ. Было время, когда люди, ничего не имѣвшіе за душой, кромѣ стройной таліи, пары гибкихъ ногъ и искусства мастерски владѣть ими въ менуэтахъ и котильонахъ, а позднѣе—въ контрадансахъ и мазуркѣ, получали всюду доступъ, въ самые аристократическіе дома, и ими дорожили, какъ украшеніемъ свѣтскаго общества.

Русское общество, въ этомъ отношеніи, эманспировавшись при Петрѣ отъ тѣсныхъ путъ аскетическаго міровоззрѣнія, перешло изъ одной крайности въ другую. Поскольку оно до этого относилось нетерпимо и отрицательно къ пляскамъ, какъ къ «бѣсовской прелести», какъ къ «занятію, недостойному честныхъ людей», по выраженію современниковъ Кошихина, постолько-же теперь оно беззавѣтно, со страстью, предалось тому-же самому «занятію». И въ глазахъ свѣтскихъ людей прошлаго вѣка танцы, дѣйствительно, были *занятіемъ*, культомъ, храмомъ котораго служили бальная и театральная залы, а его высшимъ торжествомъ — балетъ, съ его воздушными жрицами, становившимися предметомъ общаго поклоненія и обожанія.

«Молодому человѣку—говоритъ одинъ сатирикъ прошлаго вѣка—непремѣнно нужно ѣздить часто въ знатные дома, а что касается до спектаклей и баловъ, то ни одного не должно пропустить, хотя-бы въ одинъ день случилась ихъ цѣлая сотня; еще этимъ можно похвастать, что вездѣ успѣлъ перебывать»...

Если сравнивать поэтому на масштабъ умственнаго развитія, представителя московскаго режима съ «петиметромъ» петровской эпохи, столь различно относившихся къ салонной эстетикѣ, то нельзя сказать, чтобъ между ними была слишкомъ большая разница, чтобъ послѣдній слишкомъ далеко ушелъ впередъ отъ своего предка. Не трудно понять, что какъ крайнее отрицаніе этой эстетики, такъ и смѣнившее его крайнее до излишества увлеченіе ею были одинаково продуктомъ умственно-духовной узкости и го-

раздо родственнѣе между собою, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Тутъ произошелъ лишь просто механическій процессъ переворота одного и того-же міросозерцанія, такъ сказать, съизнанки на изнанку, и хотя это само-по-себѣ было уже нѣкоторымъ шагомъ къ умственному прогрессу, но для данной минуты процессъ этотъ не шелъ дальше измѣненія одного лишь формальнаго отношенія къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ явленіямъ.

Въ началѣ перемѣна эта не обошлась, конечно, безъ затрудненій и нѣкотораго сопротивленія со стороны поклонниковъ старины. Петру, какъ во всемъ и всегда, пришлось личнымъ примѣромъ заохочивать русское общество учиться танцовать и вообще вести свѣтскую жизнь на европейскій ладъ; учениковъ-же неособенно понятливыхъ и упрямыхъ онъ безъ церемоніи приневоливалъ къ этому, гдѣ приказомъ, гдѣ «дубинкой», а гдѣ, въ экстренныхъ случаяхъ, и просто скоропостижной пощечиной.

Всеобъемлющій учитель, не смотря на свою исполинскую государственную дѣятельность, находилъ и время и мѣсто преподавать еще своимъ «птенцамъ» уроки танцовальнаго искусства и свѣтской галантерейности, по точной буквѣ взятыхъ въ руководство европейскихъ правилъ, и былъ очень строгъ къ малѣйшимъ упущеніямъ въ этомъ отношеніи.

Разъ въ Москвѣ, еще до обязательнаго введенія западнаго образа жизни, имѣлъ мѣсто такой характеристическій эпизодъ.

Датскій посолъ, по случаю крестинъ сына, давалъ вечеринку, которую удостоилъ своимъ присутствіемъ царь со своими приближенными. Начались танцы. Во время ихъ Петръ, находившійся, замѣтимъ, въ веселомъ настроеніи, «увидѣвъ, какъ разсказываетъ очевидецъ, что его любимецъ Алексашка (Меньшиковъ) пляшетъ при саблѣ», не стѣснился тутъ-же «напомнить ему пощечиной, *что съ саблями не пляшутъ*, отъ чего у того сильно кровь брызнула изъ носа»... Разсказчикъ добавляетъ шутливо, что «таже комета» чуть было не задѣла и физіономіи полковника барона Блюмберга, который тоже танцовалъ при саблѣ, хотя, какъ природный нѣмецъ, долженъ былъ бы, казалось, знать свѣтскія приличія потверже Алексашки — тогда еще новичка въ европеизмѣ. «Полковникъ, однако, выпросилъ себѣ прощеніе, хотя и съ большимъ трудомъ».

Фактъ этотъ показываетъ, что Петръ смотрѣлъ на танцы и на

правила свѣтскости серьезно, да и въ самомъ дѣлѣ придавалъ имъ культивирующее, смягчающее нравы значеніе. Самъ онъ тоже нерѣдко отплясывалъ съ большимъ одушевленіемъ, а въ минуты сильнаго возбужденія отъ возліяній, случалось, плясалъ и по столамъ... Первые уроки какъ танцевъ, такъ и свѣтской европейской жизни Петръ со своими приближенными получилъ, безъ сомнѣнія, въ московской нѣмецкой слободѣ, еще до своихъ путешествій за границу.

Московскіе нѣмцы въ то время, образуя довольно многочисленную колонію «на Кукуѣ» (по насмѣшливому выраженію москвичей), жили въ своей слободѣ изобильно и весело: круглый годъ у нихъ составлялись тамъ балы, вечеринки, маскарады, пикники, загородныя гулянья, на которыхъ лилось вино, гремѣла музыка и шли танцы нерѣдко цѣлую ночь напролетъ.

Сблизившись съ нѣкоторыми московскими нѣмцами, а въ особенности съ Лефортомъ и съ домомъ Монсовъ, Петръ сталъ принимать нерѣдко личное дѣятельное участіе въ ихъ пирахъ и увеселеніяхъ, а впослѣдствіи домъ Лефорта сталъ постояннымъ мѣстомъ не только пріятельскихъ пирушекъ царя, но и оффиціальныхъ придворныхъ баловъ. Домъ Лефорта, до самой смерти послѣдняго, былъ центромъ московскаго свѣта. Знаменитый женевецъ былъ незамѣнимъ, какъ организаторъ веселыхъ пировъ, баловъ и всякихъ другихъ увеселеній. Отличаясь живымъ, общительнымъ нравомъ и эпикурейскими наклонностями, ловкій салонный кавалеръ и неутомимый собутыльникъ, Лефортъ, безъ сомнѣнія, оказалъ большое вліяніе на личные вкусы молодаго царя и на его рѣшимость измѣнить на заморскій ладъ весь образъ жизни, и свой и своего народа. Но особенно сильно, должно быть, повліяла тогда въ этомъ отношеніи на страстнаго Петра красавица Анна Монсъ—первая звѣзда московской нѣмецкой колоніи, царица ея собраній и баловъ. Она была дѣвица вполнѣ свѣтская, любила музыку, танцы и веселое общество. Петръ, почувствовавъ къ ней страстную любовь и желая ей нравиться, разумѣется, старался поддѣлаться подъ вкусы своей «свѣтъ-Аннушки», старался быть въ ея глазахъ такимъ-же ловкимъ, свѣтскимъ кавалеромъ, какъ и другіе окружавшіе ее молодые, отшлифованные люди изъ иностранцевъ. При впечатлительности и необузданной пламенности своей натуры, Петръ въ этомъ случаѣ не стѣснялся строгими требованіями своего сана и предпи-

саніями старо-московской морали. Весьма вѣроятно, что обаяніе Аннушки и ея вкусовъ отразилось на волѣ Петра гораздо болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ одна рѣшимость облечься, въ угоду ей, въ нѣмецкое платье, выучиться танцовать и нисcпускаться до дѣятельнаго участья въ мѣщанскихъ вечеринкахъ и балахъ нѣмецкой колоніи. Но входить здѣсь въ это мы не станемъ. Мы отмѣчаемъ только тотъ несомнѣнный фактъ, что Петръ, благодаря своей страсти къ Монсъ и дружбѣ съ московскими нѣмцами, еще до поѣздокъ своихъ заграницу эмансипировался отъ ферулы старо-московскаго обихода и усвоилъ вкусъ къ западному образу жизни и къ предписанной имъ салонной эстетикѣ. Заграницей мы встрѣчаемъ его уже человѣкомъ нѣсколько навыкшимъ къ свѣтскому этикету и къ школѣ «talents de société», не безъ рѣзкихъ, впрочемъ, эксцентричностей, которыя являлись въ немъ результатомъ порывистаго характера, никакими сдержками не дрессированнаго съ молоду. Впрочемъ, вначалѣ своего заграничнаго путешествія и своихъ первыхъ встрѣчъ съ иностранцами, а въ особенности съ иностранными свѣтскими дамами, Петръ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко и, случалось, конфузился въ присутствіи ихъ и обнаруживалъ застѣнчивость чисто красной дѣвицы.

Такъ, въ Германіи онъ едва далъ себя уговорить на свиданіе съ курфирстинами ганноверскими, очень желавшими съ нимъ познакомиться; вошелъ къ нимъ въ домъ украдкой съ задняго крыльца и при первой встрѣчѣ съ ними до того сконфузился, что закрылъ лицо рукою и на всѣ привѣтствія любезныхъ хозяекъ отвѣчалъ только:

— Jch kann nicht sprechen!

Но скоро потомъ дѣло обошлось. Царь оправился, разговорился и очаровалъ принцессъ своимъ остроуміемъ, развязностью и веселостью. Послѣ ужина дѣло дошло и до танцевъ. Принцессы просили своего высокаго гостя показать, какъ пляшутъ «по-московски». Петръ согласился, но предложилъ имъ самимъ прежде начать танцы. Старая курфирстина охотно открыла балъ. Присутствовавшій здѣсь Лефортъ явился въ своей обычной роли: онъ распоряжался танцами и объяснялъ нѣмкамъ позы и движенія русской пляски, которая имъ очень понравилась. Затѣмъ пустился въ плясъ самъ Петръ и остался очень доволенъ этимъ вечеромъ и ганноверскими дамами. Одно только ему не понравилось въ нихъ: онъ на-

шелъ, что онѣ «чертовски жестки», принявъ пружины на ихъ корсетахъ за кости.

Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи, въ 1698 году, Петръ во всѣхъ дававшихся въ его честь иностранцами праздникахъ уже не чувствовалъ смущенія и веселился съ отличавшимъ его одушевленіемъ: присутствовалъ на спектакляхъ и фейерверкахъ, танцовалъ на балахъ и маскарадахъ, являясь въ послѣднихъ тоже закостюмированнымъ. Особенно много повеселилось тогда наше посольство въ Вѣнѣ. Царю пришлось тамъ праздновать свои именины. Балъ, данный имъ по этому случаю, продолжался до бѣлаго дня; именинникъ танцовалъ до упаду и потомъ писалъ въ Москву объ этомъ праздникѣ:

«На день св. Апостолъ было у насъ гостей мужескаго и женскаго пола больше 1000 ч. и были до свѣта, и безпрестанно употребляли *тарара, тарара* кругомъ, изъ которыхъ иные и свадьбы сыграли въ саду».

Но особенно отличился онъ по части свѣтскости и танцевъ на данномъ въ честь его вѣнскимъ дворомъ маскарадѣ, «виртшафтѣ». Царь явился туда подъ маскою фрисландскаго крестьянина какъ разъ передъ началомъ танцевъ. Поздоровавшись съ хозяевами, императоромъ и императрицей, онъ быстро прошелъ всю залу и, отыскавъ въ толпѣ гостей свою даму, фрейлину фон-Турнъ, закостюмированную въ одинаковый съ нимъ костюмъ, открылъ съ нею балъ, а затѣмъ танцовалъ со всѣми до бѣлаго дня. Вмѣстѣ съ царемъ на этомъ праздникѣ фигурировала, тоже въ костюмахъ, его свита — «семь московскихъ кавалеровъ», какъ значилось въ церемоніалѣ. Эти московскіе кавалеры не уступали, конечно, своему царственному представителю ни въ веселости, ни въ свѣтской развязности, ни въ танцовальномъ искусствѣ.

XII.

Учрежденіе баловъ и асамблей при Петрѣ В.—Привлеченіе русской женщины къ общественнымъ увеселеніямъ.—Обученіе танцамъ.—Первые танцорки петровскихъ временъ. — Офиціально-придворные балы. — Описаніе бальныхъ танцевъ начала прошлаго вѣка.

Въ 1700 г. Петръ, въ видахъ вящшаго распространенія въ русскомъ обществѣ «люцкости», по выраженію князя Щербатова, разумѣвшаго подъ этимъ словомъ гуманитарность, «за нужное почелъ, какъ повѣствуетъ Голиковъ, учреждать при дворѣ и у бояръ, подобные европейскимъ, столы, балы и другія увеселенія»...

Эти просвѣтительно-эпикурейскія учрежденія пришли одновременно съ переодѣваньемъ въ заморскіе костюмы, обязательнымъ бритьемъ бороды и прочими, въ этомъ родѣ, туалетными «реформами», повергшими благочестивыхъ поклонниковъ старины въ неописанный ужасъ и заставившими ихъ уподобить златоглавую Москву нечестивому Вавилону, а ея перекостюмировавшихся «питомцевъ славы»—исчадьямъ антихриста.

Впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, этого рода увеселительныя собранія получили правильную организацію, съ разъ установленными правилами, въ видѣ хорошо извѣстной «асамблеи».

Въ асамблеѣ танцамъ отводилось видное мѣсто. Въ изданномъ въ 1718 г. «Объявленіи, какимъ образомъ асамблеи отправлять надлежитъ» требовалось, чтобы для танцовъ отводилась особая комната и чтобы «никто другому прешкодить или унімать» «да не дерзалъ»—«сідѣть, ходіть, играть» («въ фанты и другія забавныя игры»), а также и танцовать. Учредитель объ одномъ только позаботился, чтобы въ то время, когда «въ Австеріи и въ прочіхъ мѣстахъ будутъ балы или банкетъ», ни подъ какимъ видомъ «лакѣи или служітели» не имѣли туда доступа, въ качествѣ, разумѣется, гостей.

Учреждая «балы и другія увеселенія», ради «люцкости», ради смягченія жестокихъ нравовъ, необходимо было ввести въ нихъ присутствіе женскаго элемента, да и какой-же «балъ» на подобіе европейскаго мыслимъ безъ дѣятельнаго участія въ немъ прекраснаго пола? И вотъ, въ одно время съ «учрежденіемъ» общественно-

увеселительныхъ собраній послѣдовало распоряженіе, чтобы на оныя «приглашаемы были и всѣ знатныхъ людей жены и дочери, одѣтыя по-нѣмецки, по-французски и по-англійски».

Приказъ объ этомъ былъ данъ еще въ Москвѣ въ 1700 г. Впослѣдствіи онъ не разъ подтверждался и отчасти повторенъ въ уставѣ объ асамблеяхъ, а именно: обозначивъ, какихъ чиновъ и званій мужчинамъ представлялось право являться въ эти собранія, учредитель счелъ долгомъ упомянуть, что «такімъ-же образомъ разумѣется и женскому полу пріходити на асамблеи противъ выше означенныхъ мужеска полу чіновъ». Въ другомъ пунктѣ поставлено въ обязанность хозяевамъ асамблей отводить для женщинъ особую комнату, въ которой онѣ могли бы забавляться играми.

Конечно, одѣться въ новомодный костюмъ и выйти изъ опостылаго терема въ свѣтъ, людей посмотрѣть, себя показать, московскимъ красавицамъ было недолго; но стать свѣтской дамой, заблистать въ салонѣ разными «talents de société» и въ томъ числѣ танцовальнымъ искусствомъ—для этого нужна была цѣлая продолжительная школа. Непапрасно Петръ, въ предусмотрѣніи развитія этого рода «люцкости» въ своемъ царствѣ, отправляя заграницу цивилизоваться русскую молодежь, ставилъ ей въ обязанность выучиться тамъ и танцовать.

«Учились мы, писалъ одинъ изъ этой молодежи, Неплюевъ, въ бытность свою за-границей:—солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, *танцовать*, на лошадяхъ ѣздить и пр.» Для многихъ изъ нихъ едвали-ли не въ пріобрѣтеніи однихъ лишь этихъ искусствъ и заключался весь курсъ наукъ, какъ это можно видѣть по «щеголю» Медору, осмѣянному Кантемиромъ. Тотъ-же Неплюевъ, похваляясь успѣхами, сдѣланными имъ и товарищами его въ означенныхъ предметахъ, свидѣтельствуетъ, что по математикѣ, напр., они «безъ дѣла сидѣли», каковое обстоятельство и повергало его въ нѣкоторое грустное сомнѣніе: могутъ-ли, говорилъ онъ, одни «шпажное и танцовальное ученія къ нуждѣ его величества въ насъ годны быть?..» Конечно, «годны» могли быть, но Петръ хотѣлъ, чтобы его «птенцы», преуспѣвая въ танцахъ и въ «люцкости», не менѣе того были свѣдущи и въ математикѣ.

Во всякомъ случаѣ, ко времени учрежденія обязательныхъ баловъ, которые притомъ, въ дни Петра, давались чрезвычайно часто, у насъ не было недостатка въ свѣтскихъ кавалерахъ и ловкихъ

танцорахъ; но гдѣ было выучиться этому московскимъ, «знатныхъ людей женамъ и дочкамъ?» По этой причинѣ на первыхъ порахъ героинями петровскихъ баловъ являются почти исключительно однѣ иностранки — колонистки московской нѣмецкой слободы: большею частью жены и дочери служившихъ въ царскомъ войскѣ офицеровъ. Пунктуальный лѣтописецъ Корбъ описывая одинъ изъ тогдашнихъ баловъ, перечислилъ всѣхъ участвовавшихъ въ немъ дамъ поименно. Между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи.

Но ждать выступленія, въ должномъ престижѣ элегантности и граціи, прирожденныхъ русскихъ барынь на бальномъ паркетѣ пришлось недолго. Скоро онѣ заблистали на немъ, не уступая нѣмкамъ въ искусствѣ щеголять, манерничать и танцовать. И иначе не могло быть, если согласиться съ компетентнымъ историкомъ, княземъ Щербатовымъ, что «пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ».

На первыхъ порахъ пришлось для этого обратиться къ услугамъ заѣзжихъ иностранцевъ, среди которыхъ являлись на спросъ искусные учителя танцамъ, и не только танцамъ но и «тѣлесному благолѣпію», а также «поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ», какъ титуловался одинъ изъ нихъ. Были такіе многосторонне-просвѣтительные професора и въ Москвѣ, еще до основанія Петербурга. Одинъ изъ нихъ той эпохи увѣковѣчилъ даже свое имя. Это нѣкто Стефанъ Рамбургъ, «танцовальный мастеръ» въ московскомъ пансіонѣ пастора Глюка. Нужно полагать, что онъ точно былъ мастеръ своего дѣла, судя потому, что въ 1703 г. на него возложили высокую честь обучить танцамъ царевенъ (дочерей Прасковьи Федоровны и младшую сестру Петра). Рамбургъ, впрочемъ, одной честью не удовольствовался. «Обучалъ я ихъ высочествъ со всякою прилежностью, — жаловался онъ царю, много времени спустя,—а за оные труды обѣщано по 300 рублевъ на годъ», и, «однако, принужденъ, послѣ 10-лѣтнихъ моихъ докукъ», просить «всемилостивѣйше повелѣть ваше державство» выдать «за мои вѣрные труды»—1,500 руб. за 5 лѣтъ.

Нельзя, конечно, допустить, чтобы курсъ танцовальнаго искусства продолжался въ данномъ случаѣ 5 лѣтъ. По всѣмъ вѣроятіямъ,

Рамбургъ состоялъ при царевнахъ въ качествѣ постояннаго придворнаго танцмейстера. Въ придворномъ штатѣ такая должность въ тѣ времена необходимо полагалась, потому что даже петровскіе вельможи содержали своихъ домовыхъ танцмейстеровъ. Такъ, у Берхгольца встрѣчаемъ извѣстіе о танцмейстерѣ князя Меншикова, фигурировавшемъ въ знаменитомъ маскарадѣ 1721 г., въ костюмѣ Сатира, и «дѣлавшемъ на ходу (въ процессіи) искусные и трудные прыжки».

Такъ или иначе, но петровскія русскія дамы съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ настолько уже обладали внѣшней свѣтскостью, «тѣлеснымъ благолѣпіемъ» и «учтивствами», что, по свидѣтельству Вебера, иностранецъ, попавъ въ ихъ общество, «рѣшительно могъ подумать, что находится не въ Россіи, а въ Лондонѣ или Парижѣ»... «до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не вступитъ съ ними въ разговоръ». Что-же касается танцевъ, то, по словамъ того же очевидца, «всѣ русскіе вообще имѣли большое расположеніе къ этому упражненію и исполняли его съ граціею».

Это подтверждаетъ другой обстоятельный хроникеръ Берхгольцъ, извѣстный «Дневникъ» котораго переполненъ описаніями петербургскихъ баловъ, маскарадовъ и вечеринокъ съ танцами. Танцовали тогда всѣ, и старъ, и младъ. Примѣръ подавалъ царь, почти въ каждомъ такомъ собраніи лично открывавшій танцы въ парѣ, большею частію, съ царицей. «Государь и государыня исполняли всѣ па, какъ самые молодые люди», восхищался танцемъ ихъ величествъ Берхгольцъ на одной свадьбѣ въ 1721 г., т. е., когда Петру было уже почти 50 лѣтъ, а Екатеринѣ подъ 40. 50 лѣтъ не считались тогда слишкомъ зрѣлымъ возрастомъ для танцовальныхъ па и пируэтовъ; а князь Меньшиковъ, напр., только на 50-мъ году принялся учиться танцовать менуэтъ и потомъ «исполнялъ его не дурно».

Изъ петербургскихъ русскихъ дамъ славились въ то время, какъ искусныя и граціозныя танцорки: во-первыхъ, императрица, затѣмъ великія княжны и, въ особенности, тогда еще очень юная, Елисавета Петровна, княгиня Черкасская, первая красавица и львица, княгиня Кантемиръ, графини Головкины, княжна Трубецкая, Лопухина и друг. Первенство-же между всѣми ними знатоки отдавали старшей графинѣ Головкиной, которая, по отзыву Берхгольца, «танцовала лучше всѣхъ въ Петербургѣ».

Нужно и то сказать, что для усовершенствованія въ танцовальномъ искусствѣ свѣтскому обществу временъ Петра I практика представлялась большая. Плясали круглый годъ, и лѣто, и зиму, на многочисленныхъ празднествахъ, церковныхъ, государственныхъ и семейныхъ. Бассевичъ насчиталъ однихъ офиціально-придворныхъ праздниковъ больше 30 въ году; они раздѣлялись на лѣтніе и зимніе: первые справлялись обыкновенно въ царицыномъ саду (нынѣ Лѣтній), а вторые—въ почтовомъ домѣ, а также въ великолѣпномъ дворцѣ князя Меньшикова.

Приведемъ, кстати, изъ петровскихъ «Санктпетербургскихъ вѣдомостей» описаніе одного изъ баловъ того времени, даннаго въ 1719 г. въ имянины государя въ лѣтнемъ саду. «Вышедши изъ церкви,—повѣствуетъ современный фельетонистъ—радость всенародная съ громкою пушечною стрѣльбою, пированіе и трапезы царскія, всякое изобиліе въ брашнахъ и питіяхъ, имущая съ сладкогласнымъ пѣніемъ, трубами и мусикіею. По сихъ гулба въ вертоградѣ царскомъ, гдѣ-же вся чувства насладилися: зрѣніе—видящее неизреченную красоту древесъ... Уханіе—отъ благовонныхъ цвѣтовъ, имуще свою сладость. Слышаніе—отъ мусикійныхъ, трубныхъ и пушечныхъ гласовъ. Вкушеніе—отъ различнаго и нещаднаго (!) питія... Послѣди-же по западѣ солнца были препзрядные фейерверки, и огня, въ гору летущаго и по водамъ плавающаго... Но хотя воистину при томъ торжествѣ свѣтлы были палаты, веселы вертограды, сладки трапезы, и самое новопрестольнаго града мѣсто дивное... но неудововлилася-бы тако любы невидяща тѣлесныма очима самаго торжественнаго имянинника, аще-бы не присутствовала тамо неложная утѣха живый его величества образъ: всемилостивѣйшая наша государыня Екатерина Алексѣевна съ прелюбезнѣйшими дщерьми».

Дѣйствительно, Екатерина была душою этихъ торжественно-увеселительныхъ собраній, умѣя поддерживать, по словамъ очевидцевъ, «блескъ двора съ удивительнымъ величіемъ и непринужденностью».

На праздникахъ въ лѣтнемъ саду танцы происходили въ нарочно построенныхъ для того галереяхъ. Они начинались, обыкновенно, около 9 часовъ вечера и оканчивались къ 12; во время ихъ изъ саду никого не выпускали, для чего у входовъ разставлялись часовые. Балъ открывали высочайшія особы: большею частью, царь

съ царицей и великія княжны съ знатнѣйшими вельможами или съ пріѣзжими принцами. Танцовали для открытія польскій (полонезъ) или «нѣмецкій танецъ». Это составляло церемоніальную прелюдію къ балу; пока танцовали царственные гости, остальная бальная публика бездѣйствовала, исполняя роль почтительныхъ зрителей. Послѣ перваго танца танцовали уже всѣ, кто хотѣлъ, безъ разбора. Вообще, первое мѣсто отводилось церемоніальнымъ танцамъ, повторявшимся втеченіе бала разъ до шести, и только послѣ нихъ балъ принималъ видъ непринужденнаго веселья. Церемонность въ танцахъ требовалась тогдашнимъ этикетомъ. Напр., желая танцовать съ дамой, кавалеръ подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танца едва касался ея пальцевъ, а, когда танецъ кончался, объявлялъ ей свою благодарность въ выспреннихъ выраженіяхъ и цѣловалъ ручку. При этомъ приличіе требовало, чтобы дѣвица втеченія бала не танцовала съ однимъ мущиной болѣе двухъ, трехъ разъ, подъ страхомъ заслужить дурную славу.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда придворному балу предшествовалъ парадный обѣдъ, всегда сопровождавшійся, по обычаямъ того времени «нещаднымъ питіемъ», въ которомъ не безучастенъ былъ и прекрасный полъ, танцы начинались гораздо раньше—при дневномъ свѣтѣ. Петръ, по всегдашней привычкѣ, уходилъ послѣ обѣда отдыхать часа 2 и на это время приставлялъ къ пиршественному чертогу часовыхъ съ строгимъ приказомъ никого не выпускать. Гости, обремененные явствами и питіями, томились, какъ въ заключеніи, пока царь не возвращался: тогда начинались танцы, оканчивавшіеся въ такихъ случаяхъ часамъ къ 10 вечера.

Вельможи старались не отставать отъ двора въ гостепріимствѣ и кромѣ обязательныхъ асамблей, наперерывъ другъ передъ другомъ задавали по разнымъ случаямъ балы и банкеты «съ доброю церемоніею и веселіемъ». Если на этихъ собраніяхъ присутствовалъ царь со своимъ семействомъ, то въ танцахъ соблюдался вышеописанный порядокъ. Вообще-же честь открытія бала всегда возлагалась на самыхъ почетныхъ гостей. На свадебныхъ пиршествахъ это дѣлалъ такъ называвшійся «маршалъ», игравшій роль главнаго распорядителя.

Свадебные танцы начинались особенной церемоніей. «Маршалъ», съ присвоеннымъ его званію жезломъ въ рукѣ, ангажировалъ не-

вѣсту и открывалъ балъ. За нимъ слѣдовали 2 старшіе шафера— одинъ съ посаженной матерью, другой съ посаженной (или родною) сестрою невѣсты. Подъ звуки марша съ медленнымъ темпомъ дамы становились по одну сторону, кавалеры по другую, въ такомъ положеніи и тѣ и другіе дѣлали «реверансы» своимъ сосѣдямъ и другъ другу каждая пара; потомъ кавалеры и дамы брались за руки и, сдѣлавъ поворотъ, церемонно шли кругомъ по залѣ, отвѣшивая поклоны гостямъ. Танецъ этотъ въ такомъ порядкѣ продѣлывался нѣсколько разъ со смѣною танцующихъ, пока въ немъ не принимали участіе всѣ почетные и спеціально-свадебные гости: шафера, дружки и проч. Къ слову сказать, въ свадьбахъ знати во время Петра строго соблюдались многіе старинные русскіе свадебные обряды.

Послѣ описаннаго церемоніальнаго танца, начинался польскій, въ которомъ уже принимали участіе всѣ гости, безъ различія, но во всѣхъ свадебныхъ танцахъ «маршалъ» обязательно долженъ былъ фигурировать въ первой парѣ, не разставаясь со своимъ жезломъ, такъ что исправленіе этой почетной должности требовало крѣпкихъ ногъ и неутомимости.

Танцы въ тѣ беззаботныя времена имѣли мѣсто не на однихъ только заранѣе условленныхъ вечерахъ и балахъ. Свѣтскіе люди танцовали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Гдѣ только сходились нѣсколько дамъ и кавалеровъ и случалась подъ рукою музыка или хотя-бы плохенькій какой-нибудь скрипачъ, тотчасъ послѣ угощенія молодежь пускалась въ плясъ. Если правъ Веберъ, что наши дамы того времени не обладали еще искусствомъ салонной «causerie», то, понятно, танцы должны были служить самымъ главнымъ посредникомъ для сближенія половъ. Этимъ способомъ, напр., герцогъ голштинскій 4 года вытанцовывалъ себѣ благосклонность великой княжны Анны Петровны...

Ассортиментъ бальныхъ танцевъ состоялъ тогда изъ польскаго, менуэта, англеза и «нѣмецкаго танца». Балъ проходилъ въ безконечномъ ихъ повтореніи. «Мы, разсказываетъ Берхгольцъ объ одной вечеринкѣ у Головкина,—танцовали по 2 польскихъ и по 2 англійскихъ танца сряду и, наконецъ, начали одинъ такой, который продолжался болѣе получаса: 10 или 12 паръ связали себя носовыми платками и каждый изъ танцовавшихъ, идя впереди, долженъ былъ выдумывать новыя фигуры. Особенно дамы танцовали съ большимъ

удовольствіемъ. Когда очередь доходила до нихъ, онѣ дѣлали свои фигуры не только въ самой залѣ, но и переходили изъ нея въ другія комнаты; нѣкоторыя водили въ садъ, въ другой этажъ дома и даже на чердакъ. При всѣхъ этихъ переходахъ одинъ изъ музыкантовъ со скрипкой долженъ былъ постоянно прыгать впереди, такъ что измучивался, наконецъ, до крайности» Это былъ, конечно, танецъ, извѣстный и нынѣ подъ именемъ «Гросъ-фатера», который очень любилъ и ввелъ Петръ В. Онъ происходилъ при участіи всего общества и начинался подъ звукъ медленнаго, почти похороннаго марша. Затѣмъ, по знаку жезла маршала бала «музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между не танцовавшими, кавалеры ловили дамъ или искали другихъ, поднималась ужасная кутерьма, толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ, какъ будто играли въ жмурки; даже лица царской фамиліи не освобождали себя отъ этого: за ними бѣгали, гонялись какъ и за всѣми другими, сами ловили другихъ; наконецъ по новому сигналу маршала, всѣ опять приходили въ прежній порядокъ, и тѣ, кои оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осушить большаго или малаго орла».

Замучивая музыкантовъ, танцоры старались взаимно—дамы кавалеровъ и кавалеры дамъ—тоже довести до полнаго изнеможенія и въ этомъ заключался особенный интересъ такого времяпрепровожденія. Этимъ нерѣдко забавлялся самъ Петръ съ Екатериной. Такъ, на свадьбѣ Головкина, танцуя въ первой парѣ, имъ вздумалось, какъ разсказываетъ очевидецъ, замучить тяжеловѣсныхъ вельможъ—стариковъ: канцлера, Г. Ѳ. Долгорукова, Апраксина, Шафирова, Толстаго и друг. Изъ нихъ, многіе—люди очень толстые, вынужденные не отставать отъ августѣйшей пары, едва переводили духъ. «Но первая пара была неутомима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валились на стулья. Развеселившійся государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы».

XIII.

Балы XVIII столѣтія.—Вѣкъ «праздности и нѣги».—Танцовальное искусство въ системѣ воспитанія юношества.—Идеалы «петиметра» и «жеманихи».

Огромная великолѣпная зала, среди зимы превращенная въ роскошный садъ. Померанцовыя и миртовыя деревья въ полномъ цвѣту, разставленныя шпалерами по обѣимъ сторонамъ залы, образуютъ тѣнистыя, благоуханныя аллеи, подъ сѣнію которыхъ журчатъ фонтаны... Тысячи огней, стройные мелодическіе звуки огромнаго оркестра; толпы «изящныхъ кавалеровъ и очаровательныхъ дамъ въ праздничныхъ нарядахъ»; аркадскіе пастушки и нимфы, то гуляющіе въ аллеяхъ, то вьющіеся пестрой вереницей въ граціозномъ танцѣ. «Все это заставляло думать, что находишься въ странѣ фей» и въ восхищенномъ воображеніи вставали поэтическія картины изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Шекспира...

Въ такихъ краскахъ описываетъ придворный балъ при Аннѣ Іоанновнѣ наблюдательная иностранка, лэди Рондо.

Перенесемся въ другое царствованіе, нѣсколько лѣтъ спустя.

Лѣтній вечеръ высокоторжественнаго дня. Апартаменты дворца приняли праздничный видъ и наполнились многочисленными кавалерами и дамами, «блистающими уборами и драгоцѣнными каменьями». Изумительны красота и богатство апартаментовъ, но ихъ «затмило пріятное зрѣлище 400 дамъ, вообще очень красивыхъ и очень богато одѣтыхъ... Къ этому поводу восхищенія присоединился другой: внезапно произведенная одновременнымъ паденіемъ всѣхъ сторъ темнота смѣнилась въ тоже мгновеніе свѣтомъ 1,200 свѣчей, которыя со всѣхъ сторонъ отражались въ зеркалахъ»... Грянулъ оркестръ изъ 80 музыкантовъ, и—великій князь съ великой княгиней открыли балъ... Вдругъ все смолкло, послышался шумъ, «имѣвшій нѣчто величественное: дверь быстро отворилась настежъ и мы увидѣли блестящій тронъ», а на немъ императрицу. Сойдя съ трона, окруженная царедворцами, она вошла въ бальную залу при всеобщемъ почтительномъ молчаніи и неподвижности. Поговоривъ съ нѣкоторыми лицами, государыня дала знакъ къ продолженію танцевъ. «Зала была очень велика, танцовали заразъ по

20 менуэтовъ, что составляетъ довольно необыкновенное зрѣлище; контрадансовъ танцовали мало, кромѣ нѣсколькихъ англезовъ и полонезовъ. Балъ продолжался до 11 часовъ, когда гофмаршалъ пришелъ доложить ея величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень обширную, великолѣпно убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами, въ которой красовался фигурный столъ на 400 кувертовъ. На хорахъ залы начался вокальный и инструментальный концертъ, продолжавшійся во все время банкета. Были кушанья всевозможныхъ націй».

Такъ описываетъ извѣстный Мессельеръ одинъ изъ пышныхъ баловъ Елизаветы Петровны.

Перевернемъ еще нѣсколько страницъ исторіи житья-бытья нашихъ предковъ минувшаго вѣка.

Вотъ мы въ таврическомъ дворцѣ на достопамятномъ, чисто вальтасаровскомъ пиршествѣ 28 апрѣля 1791 года, обошедшемся въ 500,000 рублей. Ничего подобнаго Петербургъ не видѣлъ ни прежде, ни послѣ. Цѣлыя тысячи рабочихъ втеченіи нѣсколькихъ недѣль были заняты убранствомъ дворца и сада, сооруженіемъ «храмовъ», павильоновъ, тріумфальныхъ воротъ, каскадовъ и всякихъ другихъ затѣй прихоти и вкуса. Для иллюминаціи потребовалось 300 пуд. воску и 20,000 разнообразныхъ, причудливой формы, шкаликовъ и фонарей. Пруды покрылись раззолоченными гондолами; фонтаны били ароматической водой, напр., лавандовой; въ тѣни деревьевъ раздавалось пѣніе соловьевъ и другихъ пѣвчихъ птицъ; въ аллеяхъ сада курились фиміамы; для развлеченія гостей были предложены театръ, балетъ, концерты — вокальный и инструментальный. Ужинъ, блюда и напитки котораго, «казалось, приготовлены были самою роскошью», поданъ былъ на драгоцѣнной золотой и серебрянной посудѣ. Блестящее общество состояло изъ 3,000 гостей. При появленіи императрицы, ее встрѣтила стройная кадриль, составленная изъ 24 паръ. Въ ней участвовала знатнѣйшая молодежь—на подборъ красавицы и красавцы, въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ, усѣянныхъ бриллiантами, которыхъ въ итогѣ было на 10 милліоновъ рублей. Танцы аранжировалъ придворный балетмейстеръ Пикъ; танцовавшими предводительствовали великіе князья. Въ концѣ балета явился самъ Пикъ и отличился какимъ-то удивительнымъ соло. Въ заключеніе бала была спѣта оперными пѣвцами итальянская кантата, въ которой между прочимъ говорилось:

«Царство здѣсь удовольствій—владычество щедротъ твоихъ; здѣсь вода, земля и воздухъ—дышетъ все твоей душой!» Въ этихъ виршахъ хозяинъ праздника, князь Потемкинъ, выражалъ своей высокой гостьѣ, императрицѣ Екатеринѣ II, одушевлявшія его вѣрноподданическія чувства.

Державинъ, восхищенный зрѣлищемъ этого роскошнаго пиршества и граціей украшавшихъ его свѣтскихъ дамъ, пѣлъ, обращаясь къ Анакреону:

«О, пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда-бы лишь увидѣлъ
Столько нимфъ и столько милыхъ,
Безъ вина-бы и безъ хмѣлю
Ты во всѣхъ-бы въ нихъ влюбился».

Изъ безчисленнаго множества, описанныхъ въ стихахъ и въ прозѣ, баловъ и пиршествъ прошлаго вѣка, поражавшихъ своей изумительной роскошью, блескомъ и расточительностью, мы остановились только на трехъ, выхваченныхъ изъ трехъ различныхъ эпохъ. Нашей цѣлью было—въ нѣсколькихъ характеристическихъ штрихахъ набросать общую картину этого рода общественнаго времяпрепровожденія нашихъ предковъ. Подробное и обстоятельное, годъ за годомъ, изображеніе того, какъ и въ какой обстановкѣ веселились и плясали русскіе, обезпеченные крѣпостнымъ трудомъ, эпикурейцы XVIII столѣтія — безъ надобности утомило-бы только читателей.

Въ сущности, все это столѣтіе, особенно начиная съ дней Анны Іоанновны, было у насъ, въ верхушкахъ общества, какой-то безконечной, нерѣдко доходившей до безумія, вакханаліей. Не безуміе-ли съ нынѣшней точки зрѣнія этотъ, напр., полумиліонный пиръ «великолѣпнаго» князя Таврическаго? Всѣ эти пышные Лукуллы и Сарданапалы, большіе и маленькіе, все общество, по выраженію сатирика, «стремило мыслей бѣги» лишь

«На то, чтобъ вѣкъ ихъ протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги»...

«Самъ Діогенъ,—говоритъ одинъ писатель того времени, восхищенный роскошью барскихъ пиршествъ,—самъ Діогенъ со всѣмъ своимъ къ богатству презрѣніемъ... прельстился-бы, взглянувъ на *все это*, оставилъ-бы свою бочку и помирился-бъ съ пріятностями, избыткомъ доставляемыми».

Графъ Сегюръ, наблюдая жизнь русскихъ вельможъ второй половины прошлаго вѣка, говоритъ, что они «начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла». Пышность и сластолюбіе господствовали не въ однѣхъ столицахъ. Тотъ-же историкъ видѣлъ на балу въ Смоленскѣ «до 300 дамъ въ богатыхъ нарядахъ: онѣ показали намъ, говоритъ онъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаются при блистательныхъ дворахъ европейскихъ».

Авторъ «Описанія обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» (ч. III), говоря о нравахъ и «упражненіяхъ» россійскаго дворянства екатерининскихъ временъ, свидѣтельствуетъ, что «всякій праздникъ, каждый балъ вскружали головы щеголямъ и щеголихамъ петербургскимъ и московскимъ». А такъ какъ балы, маскарады и всякаго рода увеселенія были въ тѣ времена безпрерывны и составляли все содержаніе общественной жизни, то подобное *головокруженіе* было, можно сказать, нормальнымъ состояніемъ каждаго истиннаго «щеголя» и каждой свѣтской «щеголихи».

«Праздность и удовольствіе сдѣлались потребностью общества», говоритъ одинъ историкъ о русскомъ обществѣ временъ Елизаветы. «Народилось племя людей, задачею которыхъ стало— великолѣпно одѣться, быть на пиршествахъ, на куртагахъ и банкетахъ, въ маскарадахъ, въ балетахъ, въ комедіяхъ и т. д., танцовать, по всюду изобрѣтать новыя препровожденія времени и разныя забавы».

Поэтъ, воспѣвая молодость, находитъ, что она «даръ безцѣнный», но что-же въ ней было дорого для него? Онъ вспоминаетъ счастливые дни:

«Скачу на балъ богатый, пышный,
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ
И гдѣ умѣренность гость лишній,
Гдѣ роскошь царствуетъ, живетъ—
Тамъ съ нимфами въ кругу рѣзвяся,
Себя Парисомъ вображалъ» и т. д.

«Всѣ жившіе въ Петербургѣ, говоритъ Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ, жили вольно и пріятно, безъ всякаго принужденія». При дворѣ бывали каждую недѣлю «куртаги», не считая большихъ баловъ и маскарадовъ въ праздничные и высокоторжественные дни.

Вельможи держали открытые дома и, соперничая роскошью и блескомъ, наперерывъ другъ передъ другомъ давали пышные обѣды, балы и вечера. «Люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись, говоритъ Энгельгардтъ, избраніемъ, у кого обѣдать или съ пріятностью проводить вечеръ». За всѣмъ тѣмъ оставались еще клубы, «вольные дома», общественные маскарады въ театрахъ, гдѣ тоже можно было съ неменьшею «пріятностью» проводить время.

Очерчивая образъ жизни и «упражненія» знатныхъ россіянокъ, авторъ «Описанія народовъ» говоритъ, что главнѣйшей задачей ихъ существованія было—«ѣздить на всѣ собранія, на всѣ балы, въ спектакли, въ клубы, воксгалы, маскарады, на редуты», гдѣ онѣ «отличаются не благородною осанкою, не степеннымъ поведеніемъ, но стараются обладать такими только прелестями, кои меньше достопочтенны и болѣе желательны: станъ, образъ и вкусъ Граціи, небрежность, легкомысліе, рѣзвость Нимфы, искусство нравиться и вселять во всѣхъ мужчинъ желаніе себя любить».

Пріобрѣтеніе этихъ «прелестей» и искусство ихъ выказывать составляли цѣль воспитанія свѣтской дѣвушки. Это достигалось обученіемъ танцамъ, музыкѣ, играмъ и салонному обхожденію, въ чемъ, въ сущности, и заключался весь кругъ образованія «петиметровъ» и «жеманихъ» XVIII столѣтія.

Особенное вниманіе обращалось на обученіе танцамъ. «Тогда,— говоритъ «Собесѣдникъ Люб. Рос. Слов.»,—танцмейстеры и французскіе учители или *мадамы* все воспитаніе совершали»... Бывали такіе чадолюбивые родители, что весь курсъ школьнаго образованія своихъ дѣтей ограничивали одними танцами. Въ 70-хъ годахъ нѣкто Элертъ содержалъ въ Смоленскѣ пансіонъ, въ которомъ обучалось мѣстное юношество разнымъ наукамъ. Кромѣ того, онъ давалъ, такъ называвшіеся, «танцъ-бодены», на которые пріѣзжало много дѣвицъ, и между ними не мало взрослыхъ, учиться танцамъ. Элертъ бралъ за выучку съ каждой по 30 рублей и, повидимому, бралъ не даромъ. Училась у него нѣкая дѣвица Лебедева «очень непонятная; одинъ разъ Элертъ, по разсказу очевидца, отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно».

Въ газетахъ того времени очень часто встрѣчаются объявленія вызовѣ танцмейстеровъ или о предложеніи ими услугъ, въ

такомъ, примѣрно, родѣ: «Танцовальщица Ніоденъ обучаетъ благородныхъ танцевать минаветы, контратанцы и верхніе танцы; желающіе у нее учиться могутъ сыскать» (тамъ-то)...

Танцы считались основаніемъ «добраго воспитанія» даже въ сферѣ официальныхъ взглядовъ на учебное дѣло. «Доброй походкѣ и наружности ничѣмъ лучше выучиться не можно, какъ *танцеваніемъ*», писала сама Екатерина II въ «Инструкціи о воспитаніи великаго князя». И дѣйствительно, читая «Записки» Порошина, воспитателя великаго князя Павла Петровича, невольно удивляешься, какъ много отдавалось тогда времени и труда танцовальному искусству въ дѣлѣ воспитанія. Аккуратно ведя журналъ занятій и времяпрепровожденія юнаго великаго князя, Порошинъ чуть не каждый день упоминаетъ о танцовальныхъ урокахъ, о подготовкѣ къ балетамъ и маскарадамъ, въ которыхъ его высочество принималъ личное участіе. Великаго князя обучалъ танцамъ придворный балетмейстеръ Гранже. Во время этихъ танцъ-классовъ, обыкновенно, «пріѣзжали къ его высочеству танцовать графъ А. С. Строгановъ, графиня Е. К. Сиверсша, маленькій С. А. Олсуфьевъ, маленькій-же князь Куракинъ и друг. Потомъ вмѣстѣ съ ними великій князь являлся на сценѣ Эрмитажа передъ придворной публикой въ балетѣ, или танцовалъ съ придворными дамами на балахъ и куртагахъ»...

Такое-же видное мѣсто отводилось танцамъ и въ системѣ общагó образованія. Такъ, екатерининское «Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» требовало развитія и поддержанія въ дѣтяхъ постоянной веселости, посредствомъ разныхъ забавъ и игръ, и искорененія въ нихъ наклонности къ «скукѣ, задумчивости и прискорбію».

По этой причинѣ, при воспитаніи юношества «первое и главнѣйшее ученіе основывалось, говоритъ современный нравоописатель,— на изученіи французскаго языка, при совершенномъ презрѣніи россійскаго» и такихъ предметовъ, какъ, напр., исторія, землеописаніе и проч. За то давалось «весьма тонкое познаніе *въ танцованіи*, въ декламаціи, въ музыкѣ, въ фехтованіи, въ верховой ѣздѣ, болѣе-же всего въ непринужденномъ, смѣломъ и легкомысленномъ искусствѣ впасть въ чужую рѣчь», и т. под. «Что до меня, говоритъ въ одной сатирѣ знатный дворянинъ,—я въ книгу никогда не заглядываю и когда умѣю на лету стрѣлять птицъ, пѣть, танцо-

вать, подписывать свое имя, я почитаю себя столь-же, какъ и покойный Цицеронъ, знающимъ».

Таковъ былъ идеалъ свѣтскаго человѣка, «петиметра». А вотъ идеалъ благородной дѣвицы, выступающей въ свѣтъ въ полномъ блескѣ «прелестей», достигнутыхъ образцовымъ воспитаніемъ. Уже въ отрочествѣ «наученная выраженію сильныхъ страстей, а паче страсти Федриной, она напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей». «Потомъ начинается танцованіе, музыка и пѣніе: сладострастное переплетаніе рукъ въ *Аллеманѣ*, непристойные прыжки *Казачка*, ужимки плечами и помана глазъ сластныхъ въ пляскѣ *Русской* пріобрѣтаютъ ей рукоплесканіе; но когда достигнетъ совершенства въ нѣжноприсядливомъ *Менуэтѣ*, или въ прискакиваніи, вертяся, минуэтъ *а-ла-Ренъ*, тогда тщаніе не жалѣющихъ ничего на воспитаніе родителей обращается къ пѣнію итальянскому» и т. д.

Отсюда понятно то тщеславіе, съ которымъ одна свѣтская женщина писала издателю «Живописца» (1773 г.): «Кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость?—Мы, женщины»... Даже позднѣе, уже во времена александровскія, по наблюденію г-жи Сталь, въ высшемъ петербургскомъ обществѣ «считалось неприличіемъ говорить о какомъ нибудь предметѣ умственныхъ занятій: всякій разговоръ о чемъ либо, кромѣ *нарядовъ*, *танцевъ*, *jolie tournure*, признавался педантствомъ»...

XIV.

Салонные танцы прошлаго столѣтія. — Вліяніе французовъ. — Полонезъ и его прошлое.—Менуэтъ.—Алемандъ.—Англезъ. — Тампетъ.—Котильонъ.

Почти всѣ салонные танцы минувшаго столѣтія теперь не употребительны и забыты. Мы постараемся здѣсь дать читателямъ приблизительное о нихъ понятіе, соотвѣтственно нашей задачѣ.

Большинство салонныхъ танцевъ того времени были французскаго происхожденія. Живые, веселые и подвижные французы всегда, съ незапамятныхъ временъ и по наши дни, славились первыми въ мірѣ танцорами и законодателями въ этой области искусства. Историческій, самый рельефный типъ и идеалъ француза — знаменитый Генрихъ IV или, какъ его прозвали сами французы, «le roi galant», увѣковѣчилъ себя въ памяти благодарнаго потомства не только, какъ мудрый и добрый правитель, но и какъ талантливый, страстный танцоръ и бонвиванъ. И быть можетъ даже послѣднее качество сдѣлало его имя болѣе популярнымъ, чѣмъ государственныя заслуги. Французы до сихъ поръ, подъ веселую минуту, воспѣваютъ его въ такой характерной шансонеткѣ:

,,Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant!
Ce diable à quatre
A le triple talent:
De boire, de batre
Et d'être un *vert-galant*".

«Vert-galant», въ чемъ выразился третій талантъ славнаго короля, отвѣчаетъ понятію ловкаго, вертляваго молодца, ухаря, по нашему народному выраженію.

Извѣстно также, что самый балетъ развился и усовершенствовался, главнымъ образомъ, на французской сценѣ и ни одна страна не дала столько знаменитыхъ балетныхъ танцоровъ, какъ Франція. Было время у насъ, напр., когда въ каждомъ танцовальномъ учителѣ непремѣнно подразумѣвался французъ, да и самое представленіе объ индивидуальномъ характерѣ француза составилось у дру-

гихъ народовъ, какъ о галантномъ, вертлявомъ плясунѣ по преимуществу.

Французамъ-же обязаны своей популяризаціей и введеніемъ въ общеевропейскіе салоны нѣкоторые танцы другихъ національностей, напр., полька, полонезъ, мазурка, вальсъ и друг. Мы остановимся здѣсь на одномъ изъ нихъ—именно, на *полонезъ*, такъ какъ этотъ танецъ былъ во всеобщемъ употребленіи въ прошломъ столѣтіи и имъ начинался каждый балъ. Особенно былъ любимъ онъ у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка, въ дни Екатерины II.

Полонезъ или *польскій*, какъ явствуетъ изъ самаго названія, національный танецъ поляковъ. Какъ по своей церемонности, такъ и по идеѣ онъ чрезвычайно образно и пластично символизируетъ первые акты сближенія половъ, ухаживанья и любви, а потому и является совершенно естественной, цѣлесообразной интродукціей бала. Впрочемъ, у насъ въ описываемое время *польскій* нерѣдко повторялся нѣсколько разъ втеченіе бала. Какъ видоизмѣненіе полонеза, въ концѣ прошлаго столѣтія вошелъ въ употребленіе, для открытія бала, «Бранль» (Branle), въ которомъ участвовали «всѣ особы, держась руками и танцуя пристойными шагами».

У поляковъ въ старину полонезъ дѣйствительно совпадалъ со встрѣчей на балу дамъ и кавалеровъ. Въ то время, какъ послѣдніе, собравшись въ залѣ, вели бесѣду за чарами добраго вина, дамы, изготовившись къ танцамъ въ заднихъ покояхъ, въ назначенный часъ выходили нарядной толпою въ ихъ общество подъ звуки музыки. Тогда кавалеры бросались къ нимъ, каждый изъ нихъ избиралъ себѣ пару по сердцу и, когда такимъ образомъ спаривалось все общество, начинался полонезъ или, какъ назвалъ его одинъ иностранецъ, «ходячій разговоръ».

«Польскій, говоритъ Голембіовскій (авторъ книги «Gry i zabawy»), танецъ солидный и рыцарскій—единственный, который можетъ быть пристоенъ сановнымъ особамъ и монархамъ... Онъ имѣетъ свою поэзію и свой національный отпечатокъ, выражающійся въ торжественной важности; онъ не олицетворяетъ страсти, но является какъ-бы тріумфальнымъ шествіемъ».

Впрочемъ, обыкновенно характеръ такого шествія сохранялся въ полонезѣ только въ началѣ; потомъ постепенно учащался темпъ музыки, переходившей отъ торжественныхъ нотъ къ болѣе игривымъ и веселымъ, танцоры оживлялись, смѣняли мѣрный церемон-

ный тактъ на болѣе непринужденный и бѣглый, разнообразя танецъ соотвѣтственной плясовой мимикой и, такъ называвшимися, *obertasami* (родъ пассажей).

Въ полонезѣ принимало участіе обыкновенно все присутствовавшее на балѣ общество, безъ различія возраста. Въ переднихъ парахъ танцующей вереницы шли гости болѣе почетные, предводимые, такъ называвшимся, *маршаломъ*. Маршалъ бывалъ на балахъ у нашихъ предковъ въ тѣхъ случаяхъ въ особенности, когда балъ былъ парадный и торжественный.

Часто полонезъ длился довольно долго, смотря по настроенію общества. Танцующія пары, предводимыя маршаломъ, переходили изъ бальной залы въ смежные покои и, случалось, шествовали въ такомъ порядкѣ черезъ весь домъ. При этомъ, по польскому обычаю, въ какомъ-нибудь изъ покоевъ танцующая вереница встрѣчала своеобразное препятствіе, въ видѣ какой-нибудь перекладины, черезъ которую приходилось перепрыгивать. Не то танцоры натыкались на столъ, обремененный питіями и, чтобы обойдти это препятствіе, вынуждались осушить поднесенную радушнымъ хозяиномъ чару. У поляковъ при этомъ часто соблюдался такой галантерейный обычай: танцовавшій въ первой парѣ кавалеръ (маршалъ) становился передъ своей дамой на колѣни, почтительно снималъ съ ея ноги башмачекъ, ставилъ въ него бокалъ съ виномъ и пилъ за ея здоровье. Эту церемонію въ томъ же порядкѣ должны были продѣлать и всѣ остальные кавалеры.

Полонезъ исполнялся въ хореграфическомъ отношеніи обыкновенно такъ. Начиная танецъ, мужчина подавалъ дамѣ правую руку— у поляковъ, до употребленія бальныхъ перчатокъ, прикрывъ ее шапкой, изъ рыцарскаго почтенія къ прекрасному полу. Ставъ съ нею въ парѣ, онъ велъ ее впередъ, причемъ и кавалеръ и дама, граціозно позируя, выступали плавными па, время отъ времени прерываемыми своеобразными, горделиво-театральными point'ами, посредствомъ приподыманія всего тѣла наноскахъ. При оборотахъ, кавалеръ, не выпуская руки дамы, галантно заходилъ спереди ея и, взявъ другую ея руку, становился по другую ея сторону, а затѣмъ уже дѣлалъ съ нею поворотъ и велъ ее обратно.

Иногда въ полонезѣ кавалеры мѣнялись дамами, переходившими черезъ весь ихъ строй поочередно; употребителенъ былъ также весьма характеристичный пріемъ—«отбиванья» дамы, очевидно, но-

сящій въ себѣ символическій отпечатокъ глубокой старины, когда женщина бралась мужчиной съ бою и становилась призомъ сильнѣйшаго изъ ея искателей, какъ побѣдителя. «Отбиванье» дамы въ полонезѣ (употреблявшееся, впрочемъ, и въ другихъ танцахъ) состояло въ томъ, что кто-нибудь изъ нетанцующихъ мужчинъ загораживалъ дорогу какой-нибудь парѣ и, хлопая въ ладоши, съ вызывающимъ видомъ требовалъ, чтобы кавалеръ уступилъ ему свою даму. Обыкновенно эта невинная паркетная узурпація улаживалась полюбовно; но въ старину бывали случаи, что изъ-за нея соперничающіе кавалеры послѣ бала выходили на барьеръ, стрѣлялись и рубились.

Въ такихъ, описанныхъ здѣсь, чертахъ полонезъ практиковался и у насъ въ прошломъ столѣтіи, ставъ во второй его половинѣ самымъ любимымъ нашими предками танцемъ. Екатерининскіе «орлы» и орлята, а за ними и разныя мелкія птахи, «съ какою-то восторженною гордостью ходили подъ гремящіе звуки» извѣстнаго полонеза Козловскаго: «Славься симъ Екатерина!», какъ свидѣтельствуетъ Вигель.

Мы уже сказали, что полонезомъ начинался тогда каждый балъ Имъ открывалъ танцы хозяинъ дома съ почетнѣйшею изъ дамъ: «мужчины, говоритъ Вигель, выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса».

Танецъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той риторической напыщенности и фальшивому блеску, которыми были преисполнены представители екатерининскаго, такъ называемаго, «златаго вѣка». Популярности полонеза у насъ много способствовали тогда находившіеся въ столицѣ талантливые польскіе композиторы Огинскій и Козловскій, написавшіе нѣсколько прекраснѣйшихъ полонезовъ, обезсмертившихъ ихъ имена.

Замѣчательно, что при такомъ пристрастіи къ полонезу у насъ въ XVIII столѣтіи не было и помина о другомъ польскомъ танцѣ— мазуркѣ, хотя она составляетъ, въ сущности, ничто иное, какъ хореграфическую разновидность полонеза. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ свидѣтельствуетъ П. М. Дараганъ, полонезъ, замѣнивъ минуэтъ, исполнялся на петербургскихъ балахъ, подъ названіемъ «*круглаго* польскаго», вмѣстѣ съ вальсомъ.

Въ старину обыкновенно на балахъ послѣ польскаго шли: *менуэ-*

ты, контрадансы, алеманды, англезы, котильоны, гавоты, тампеты, матрадуры, вальцоны, какіе-то *монюмаски* и множество другихъ, разновременно входившихъ въ моду и потомъ оставляемыхъ танцевъ, которыхъ теперь и перечислить всѣхъ даже трудно. Нечего говорить, что большая часть ихъ были французскаго происхожденія и вводились въ моду универсальнымъ Парижемъ. Мы остановимся здѣсь только на капитальныхъ, такъ сказать, классическихъ танцахъ того времени, которые долѣе другихъ держались на салонномъ паркетѣ и наиболѣе были распространены у насъ въ Россіи.

Въ числѣ такихъ безспорно первое мѣсто занимаетъ французскій *менуэтъ*, продержавшійся въ модѣ все прошлое столѣтіе. Онъ первое мѣсто послѣ полонеза занималъ и въ каталогѣ бальныхъ танцевъ, такъ какъ обыкновенно послѣ польскаго шелъ непосредственно менуэтъ въ большинствѣ случаевъ.

Менуэтъ изобрѣтенъ въ Пуату и получилъ свое названіе отъ французскаго слова *menu*—мелкій, дробный, что вполнѣ характеризуетъ хореграфическую физіономію этого танца. Онъ отличался мѣрностью и церемонносью движеній; танцоры двигались мелкими, размѣренными па, стараясь придать своимъ фигурамъ салонно-галантныя позы, причемъ дамы, граціозно опустивъ руки, слегка приподымали пальцами полы своихъ юбокъ. Менуэтъ складывался изъ четырехъ хореграфическихъ движеній. Первое движеніе состояло изъ двухъ коротенькихъ па, полу-шаговъ правой и лѣвой ногою. Во второмъ движеніи танцоръ дѣлалъ pointe правой ногою, приподымаясь на носкахъ. Медленнымъ опусканіемъ на землю пятки правой ноги онъ переходилъ въ третье движеніе, причемъ правая нога плавно сгибалась; затѣмъ повторялся полушагъ и скользящимъ движеніемъ впередъ лѣвой ноги, составлявшимъ четвертый ритмъ менуэта, танецъ завершался. Слѣдовало повтореніе тѣхъ-же движеній, какъ это, впрочемъ, дѣлается во всѣхъ другихъ танцахъ, представляющихъ, въ сущности, ритмическое повтореніе весьма несложныхъ и однообразныхъ движеній.

Изъ сказаннаго видно, что менуэтъ состоялъ главнымъ образомъ изъ приседаній и это его характеристическая черта. Танцовали его обыкновенно парами, кавалеръ съ дамой, каждая пара порознь, подъ монотонные и бѣдные мелодіей звуки менуэтной музыки—cherzo. Вообще танецъ этотъ «самый не веселый», по замѣчанію Ж. Ж. Руссо, — скучный, вычурный, лишенный огня и сво-

боды движеній, онъ своей салонной жантильностью какъ нельзя лучше характеризуетъ искусственные, церемонно-приторные нравы свѣтскаго общества прошлаго столѣтія. На вкусъ этого общества, менуэтъ—напротивъ—казался исполненнымъ «изящной и благородной простоты», какъ говоритъ «Танцовальный Словарь» того времени (Изд. 1790 г.).

Менуэтъ вошелъ въ моду съ половины XVII столѣтія и втеченіе своего употребленія имѣлъ безчисленное множество видоизмѣненій, носившихъ различныя названія. Былъ «менуэтъ Ришелье», любившаго свои досуги разнообразить въ тиши кабинета довольно игривыми пируэтами; былъ «менуэтъ а ла рень» (въ честь Маріи-Антуанеты); былъ «менуэтъ лозанскій» и много другихъ. Музыка менуэта точно также измѣнялась и разнообразилась. Особенно были популярны и долго держались менуэты Гретри, Фишера и др.

Такой-же распространенностью въ прошломъ столѣтіи и такою-же вялостью и монотонностью отличался танецъ *алемандъ*. Алемандъ состоялъ изъ медленныхъ, грузныхъ движеній, состоявшихъ изъ двухъ темповъ; танцовался онъ парами. Впрочемъ, алемандовъ было нѣсколько и нѣкоторые изъ нихъ, какъ по музыкѣ, такъ и по хореграфіи, не лишены были живости и огня. Алемандъ, какъ показываетъ его названіе, имѣлъ родиной Германію но, «весьма употреблялся», какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутый «Словарь», и въ другихъ странахъ. Вотъ какъ описанъ онъ въ этой книгѣ: «Арія сего танца имѣетъ много веселаго и ударяется въ двѣ такты». Танцуютъ его парами, ухватясь руками съ дамою,—нѣсколько паръ въ рядъ, «подаваясь впередъ и назадъ двучисленною мѣрою». Дойдя до конца залы, оборачиваются и танцуютъ опять тѣмъ-же порядкомъ. Когда музыка проиграетъ первую арію, слѣдуетъ остановиться и «разговаривать съ дамою». Такъ, при 2-й и 3-й аріяхъ, съ тою разницею, что при 3-мъ «куплетѣ» надо танцовать съ «привскакиваніемъ» (Battements).

Англезъ, получившій свое происхожденіе въ Англіи, былъ также распространенъ повсюду, какъ и алемандъ; танцовали его парами. Онъ состоялъ всего изъ двухъ темповъ и отличался живостью и картинностью движеній, давая свободу женщинѣ выказать свою грацію въ плѣнительномъ видѣ. Англезъ танцовался парами и представлялъ собою, по идеѣ, пантомимъ любви, ухаживанья. Танцорка дѣлаетъ движенія такого рода, какъ будто она убѣгаетъ и уклонят-

ся отъ ухаживанія кавалера, ее преслѣдующаго; то вдругъ, точно поддразнивая его и кокетничая, останавливается въ обольстительной позѣ и, едва онъ къ ней приближается, мгновенно оборачивается въ сторону и опять скользитъ по паркету. Одной изъ разновидностей англеза явился впослѣдствіи *экосезъ*.

Весьма своеобразны и характеристичны были танцы, появившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія во время революціоннаго движенія во Франціи. И тутъ характеръ француза, какъ прирожденнаго танцора, сказался во всемъ блескѣ. Придумалъ онъ тогда, напр., танецъ *тампетъ* — отъ tempête, т. е. «буря». И дѣйствительно тампетъ отличался бурностью, разгуломъ и демократической страстностью, какъ бы олицетворявшими народное движеніе. Въ немъ принимало участіе множество паръ, уставленныхъ въ нѣсколько рядовъ. Танецъ состоялъ изъ рѣзкихъ и порывистыхъ движеній и, быть можетъ, былъ изобрѣтенъ самимъ народомъ въ медовые мѣсяцы революціи, когда бывали случаи, что весь Парижъ въ торжественныя минуты народнаго восторга плясалъ на улицахъ и площадяхъ. Подобный моментъ случился на знаменитомъ марсовомъ полѣ, гдѣ вдругъ болѣе чѣмъ стотысячная народная толпа запѣла и заплясала, какъ одинъ человѣкъ.

Къ этой эпохѣ относятся также танцы: *гавотъ*, *вальцонъ* и др. Послѣдній, сказать къ слову, за свое революціонное происхожденіе, былъ у насъ въ царствованіе императора Павла строго запрещенъ, что, однако, сдѣлало его тогда весьма популярнымъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Гавотъ былъ танецъ живой и веселый. По современному описанію, онъ состоялъ изъ «трехъ шаговъ и однаго соединеннаго». Арія его была «въ два пріема». Движеніе въ гавотѣ «должно было быть пріятное, веселое, а иногда нѣжное и медленное».

Въ концѣ прошлаго вѣка распространились у насъ контрадансы *различныхъ* наименованій, напр.: «Данилы Купера», «Березани», «Соважъ», «Préjugé vaincu» и др. Въ нихъ мужчины и дамы становились рядами, другъ противъ друга, визави, и «старались, по словамъ очевидца, сколь можно болѣе разнообразить фигуры», весьма сходныя съ нынѣшнимъ кадрилемъ. Въ контрдансѣ могло участвовать отъ 4 до 8 особъ. Его плясали послѣ менуэтовъ, такъ какъ онъ былъ гораздо ихъ «веселѣе и смѣлѣе»; по современному описанію. Аріи его были такого-же живаго характера. Авторъ

«Танц. Словаря» утверждаетъ, что «всѣ почти контрдансы суть *гавоты*, — ихъ танцуютъ съ дружескимъ и шутливымъ видомъ, и съ такою, притомъ, поспѣшностью и скоростью, что они обыкновенно человѣка разгорячаютъ». По его-же словамъ, танцы «называемые: *шенъ*, *шассъ*, *жалузи*, *котильонъ* и пр.» тоже были ничто иное, какъ контрдансы.

Въ заключеніе бала обыкновенно танцовался *котильонъ*, представлявшій собою какъ-бы ералашъ всѣхъ танцевъ и гдѣ разнообразіе фигуръ зависѣло отъ иниціативы и изобрѣтательности танцоровъ. Котильонъ имѣлъ тоже значеніе въ данномъ отношеніи, какое имѣетъ на нынѣшнихъ балахъ, напр., мазурка. Въ немъ участвовало отъ 4 до 8 особъ, изъ которыхъ «каждая представляла свою ролю попеременно».

При танцахъ предписывалось соблюдать извѣстныя правила. Такъ, цитированный здѣсь «Словарь» совѣтовалъ, при ангажированіи дамы, если она съ кѣмъ разговариваетъ,—«отойти и ждать», пока не кончитъ разговора; во время танца наблюдать очередь, а по окончаніи, «даму проводить до ея мѣста» и проч. Впрочемъ, провожать дамъ рѣдко приходилось, такъ какъ, по словамъ одного современника, наши прабабушки, будучи страстными охотницами потанцовать и выказать свое хореграфическое искусство, во время танцевъ, обыкновенно не садились и какъ-бы напрашивались къ кавалерамъ...

Кромѣ иностранныхъ танцевъ, на балахъ нашихъ офранцузившихся предковъ прошлаго столѣтія нерѣдко допускались и отечественныя народныя пляски, какъ-то: «русская», малороссійскій «казачекъ», «метелица» и др. Случались между свѣтскими людьми охотники и охотницы отхватить и «цыганскую», съ ея страстными эротическими нюансами.

XV.

Балетъ, въ ряду «позорищныхъ игръ», съ точки зрѣнія меломановъ XVIII вѣка.— Недоумѣнія и обмолвки по вопросу о началѣ балетныхъ представленій въ Россіи.— Наши первые танцмейстеры и танцовщики.—Балетная хореграфія въ петровскихъ маскарадахъ.

Выше мы разсмотрѣли только народныя и общественныя пляски, закончивъ нашъ обзоръ XVIII столѣтіемъ. Теперь мы постараемся очертить исторію развитія у насъ собственно *балета*, какъ искусства и какъ зрѣлища, т. е. намѣтить характеристическія черты того, какъ началась и водворялась у насъ эта отрасль сценической дѣятельности и какъ относилось къ ней общество.

Для знакомства собственно съ первоначальными опытами насажденія на Руси этого искусства мы въ своемъ мѣстѣ разсказали, какимъ образомъ еще задолго до Петра В. московскій государевъ дворъ и «лутчіе» московскіе люди познакомились съ балетными представленіями, устраиваемыми нарочитыми артистами—заѣзжими иноземцами, и получили къ нимъ большой вкусъ, не смотря на признаніе, съ точки зрѣнія господствовавшихъ тогда аскетическихъ взглядовъ, грѣховнаго и «бѣсовскаго» происхожденія такого рода зрѣлища.

Настоящій очеркъ мы начнемъ съ петровскаго періода, существеннаго для насъ въ томъ отношеніи, что въ его дни балетъ, наравнѣ съ другими зрѣлищами, уже знакомыми и принятыми русскими людьми въ предшествовавшемъ вѣкѣ, но принятыми, какъ запретный плодъ, украдкой и съ оглядкой на требованія суровой аскетической морали, теперь получаютъ полное право гражданства, становятся однимъ изъ нормальныхъ отправленій общественной жизни. Впрочемъ, Петръ В. былъ слишкомъ занятъ болѣе важными общественными и государственными задачами и, какъ работникъ, слишкомъ мало развлекался эстетикой, чтобы имѣть досугъ и лишнія средства позаботиться о прочной и правильной организаціи русскаго театра вообще. Въ его дни это дѣло подчинялось волѣ разныхъ случайностей; царь принимался за его устройство урывками, при удобныхъ оказіяхъ, если такія подвер-

тывались подъ руку, и скупился тратить на него время и деньги,— въ особенности, деньги, такъ что въ его царствованіе питомцы Мельпомены, свои и заѣзжіе, нерѣдко скитались и босы и голодны, за неплатежемъ имъ отъ казны обѣщанныхъ гонораровъ.

Несомнѣнно, однакожъ, что уже и въ то время у насъ существовали зачатки театральныхъ зрѣлищъ и въ томъ числѣ балетныхъ; не было недостатка и въ исполнителяхъ, какъ своихъ, такъ и заѣзжихъ. Со временъ Алексѣя Михайловича вошло въ обычай каждаго иностраннаго антрепренера, пользовавшагося государевымъ гостепріимствомъ и разрѣшеніемъ давать представленія, обязывать обучить своему искусству извѣстное число русскихъ молодыхъ людей, нарочно для того выбранныхъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ нѣмецкій «комедійный мастеръ» Готфридъ обучилъ своей профессіи 26 человѣкъ русскихъ мѣщанскихъ дѣтей. При Петрѣ В. былъ выписанъ изъ Данцига такой-же «мастеръ» Яганъ Куништъ и, какъ его, такъ и его преемниковъ царь обязывалъ обучать назначенныхъ «по наряду» русскихъ недорослей, «съ добрымъ радѣніемъ и всякимъ откровеніемъ», декламаціи, сценической игрѣ, музыкѣ и танцамъ. Заправскій «комедіантъ» того времени долженъ былъ быть мастеромъ на всѣ руки: онъ, смотря по надобности, являлся и пѣвцомъ, и актеромъ и балетнымъ танцовщикомъ.

Такимъ образомъ, артистическій классъ у насъ постоянно возросталъ и въ дни Петра В. русскій «комедіантъ» не составлялъ уже большой рѣдкости. Правда, эти наши первые питомцы Мельпомены были очень плохіе артисты и больше занимались пьянствомъ и буйствомъ, чѣмъ служеніемъ своей музѣ, но это иначе и быть не могло.

Нужно замѣтить, что тогда подъ «комедійнымъ дѣломъ» разумѣлось отнюдь не одно лишь чисто-драматическое искусство, а вообще все театральное, т. е. и драма, и опера, и музыка и балетъ и даже канатная эквилибристика. Все это носило общее названіе «комедійнаго дѣла», «шпильманской мудрости» или «позорищныхъ игръ». Точно также всякій сценическій дѣятель назывался «мастеромъ» —словомъ, вовсе не отвѣчающимъ понятіямъ «артиста», да и на самомъ дѣлѣ понятіе это было чрезвычайно растяжимо.

Публикуется, напр., въ 1734 г., въ современной газетѣ, вновь прибывшій въ Петербургъ «извѣстной англійской *позітурной мастеръ»* которой «уже честь имѣлъ многихъ государей своими удиви-

тельными дѣйствіями увеселить»... И подъ этимъ громкимъ артистическимъ титуломъ оказывается попросту монстръ, который «безъ ногъ» родился и этимъ дивомъ приглашаетъ «охочихъ людей увеселить».

Малоразвитые и праздные люди, какими были наши вельможи прошлаго вѣка, дѣйствительно, отъ души «увеселялись» монстрами, юродивыми, шутами, — увеселялись и наслаждались нисколько не менѣе, если не болѣе какъ и трагедіей, оперой, балетомъ. Все, что могло позабавить глазъ, развлечь вниманіе, удивить—все это безразлично воспринималось, какъ «потѣха», какъ «позорище», совершенно независимо, въ большинствѣ случаевъ, отъ требованій вкуса и эстетическаго чувства, или слишкомъ грубаго или вовсе заглохшаго. Такимъ образомъ, въ кругъ забавъ, напр., Анны Ивановны входили, съ одной стороны, шуты, уроды и блаженные, съ другой—итальянская опера, балетъ, салонные «куртаги» и даже, случалось, «астрономическія обсерваціи», гидравлическіе и пневматическіе «опыты», которые нарочно «для забавы, къ высочайшему удовольствію», жрецами де-сіансъ-академіи во дворцѣ представлялись. Все это въ различной степени служило къ увеселенію—не болѣе, и входило въ широкую область «позорищныхъ игръ».

Должно сказать, что даже собственно театральныя представленія состояли тогда, чаще всего, изъ смѣси всѣхъ родовъ сценическаго искусства, такъ что, въ общемъ, выходилъ какой-то пестрый спектакль, вродѣ тѣхъ, какими подчуютъ нынѣ кафе-шантаны.

Это происходило отчасти оттого, что усвоенной нынѣ, точной и строго разграниченной классификаціи родовъ и элементовъ сценическаго искусства наши предки не знали, да и современная имъ теорія по этому предмету была довольно сбивчива и неправильна.

Съ этой теоріей впервые познакомили русскую читающую публику ученыя «Примѣчанія къ Спб. Вѣдомостямъ» въ 1733 г., подъ заглавіемъ: «О позорищныхъ играхъ или комедіяхъ и трагедіяхъ». Это рядъ статей, въ которыхъ трактуется «наипаче о тѣхъ славныхъ позорищныхъ играхъ, которыя подъ именемъ оперы извѣстны», но почему-же? А потому, говоритъ авторъ, что «въ операхъ часто зѣло удивительныя вещи, яко морскія и сухопутныя войны, громы, молніи и симъ подобныя представляются»...

Понятно, что при такомъ наивномъ взглядѣ на значеніе «позорищныхъ игръ», въ число которыхъ авторъ вводитъ, между прочимъ,

какія то непостижимыя для насъ «пастушьи игры», «ругательныя игры» и даже «кукольныя комедіи»,—при такомъ взглядѣ, говоримъ, естественно было для интереса спектакля смѣшивать оперу съ балаганнымъ фарсомъ, трагедію съ балетомъ, а балетъ съ акробатскимъ искусствомъ. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ. Дается, напр., мистерія: «Какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана», и при этомъ тѣшатъ зрителей игрою «на органахъ и фіолахъ», танцами и «всякими потѣхами разными».

Да и самый балетъ въ началѣ XVIII столѣтія былъ совсѣмъ не такимъ, какимъ мы видимъ его въ настоящее время. Даже у себя на родинѣ, въ Италіи, а также во Франціи, давшей ему наибольшее развитіе, онъ находился тогда еще въ зачаточномъ состояніи и рѣдко имѣлъ самостоятельное значеніе, какъ обособленная отрасль искусства. Напр., въ то время только что отважились допускать на сцену танцорокъ на женскія балетныя роли, исполнявшіяся дотолѣ мужчинами. Точно также впервые сталъ вводиться въ балетъ комическій элементъ. Только въ 1730 г. знаменитая Камарго первая осмѣлилась производить въ балетѣ антраша, заставившія современнаго поэта сказать ей:

«Les nymphes sautent comme vous»...

Такъ называемый пируэтъ, имѣющій такое обширное примѣненіе въ нынѣшнемъ балетѣ, получилъ право гражданства на сценѣ не ранѣе второй половины минувшаго вѣка. За всѣмъ тѣмъ, со введеніемъ и распространеніемъ оперы балетъ чаще всего ставится въ видѣ придатка къ ней, какъ дивертиссементъ.

По всему этому, если говорить о появленіи у насъ настоящаго балета, то его нужно отнести къ царствованію Александра I, а никакъ не ко времени Анны Ивановны, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, слишкомъ ужь довѣрчиво полагающіеся на слово Штелина, находя въ немъ единственный источникъ для исторіи первоначальныхъ театральныхъ зрѣлищъ въ Россіи.

Штелинъ писалъ свое «Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ»—въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и, слѣдовательно, разумѣлъ подъ словомъ «балетъ» вовсе не то, что мы теперь разумѣемъ, и сообразовался съ современными ему, узкими и недостаточно еще развитыми понятіями объ этомъ родѣ сценическаго искусства. Притомъ Штелинъ

нигдѣ не говоритъ, чтобы первыя и «настоящія» балетныя представленія начались именно при Аннѣ Ивановнѣ. Онъ только проходитъ молчаніемъ предшествовавшую эпоху, за неимѣніемъ о ней свѣдѣній, и отмѣчаетъ лишь тѣ факты, которые ему были извѣстны. Такъ, онъ извѣщаетъ, что въ 1735 г., послѣ того какъ на придворномъ театрѣ явилась итальянская опера, рѣшено было разъ въ недѣлю ставить *«для перемѣны»* итальянскія интермедіи «съ *балетомъ*, въ которомъ обыкновенно танцовали сухопутнаго шляхетскаго корпуса кадеты и *посторонніе молодые люди*, обучавшіеся у кадетскаго танцмейстера Ланде».

Вотъ и все! Это—*первое* печатное извѣстіе о балетныхъ у насъ представленіяхъ; но это вовсе не значитъ еще, чтобы и сіи послѣднія были въ то время у насъ *первыми* и до даннаго случая, записаннаго Штелиномъ, никогда прежде не являлись. Между тѣмъ, всѣ почти изслѣдователи исторіи нашего театра вообще, и балета, въ особенности, обобщаютъ *первыя* извѣстія о балетѣ съ *первымъ* его у насъ появленіемъ, взваливая такую несообразность на честнаго нѣмца Штелина, тогда какъ онъ въ ней неповиненъ.

Къ сожалѣнію, Штелинъ очень кратокъ: онъ ничего не говоритъ, откуда вдругъ явились эти балетные танцовщики изъ «шляхетныхъ» кадетъ и «постороннихъ молодыхъ людей», а также управлявшій ими балетмейстеръ Ланде? Всѣ они у него точно съ луны свалились во всеоружіи хореграфическаго искусства и по первому востребованію явились на подмосткахъ «для перемѣны» предъ изумленныя очи благосклонной публики. Но мы знаемъ, что такія вещи съ луны не сваливаются. Для того, чтобы начать давать балетныя представленія мѣстными силами и средствами нужна была очень сложная и продолжительная подготовительная дѣятельность, нуженъ былъ извѣстный опытъ и, наконецъ, нуженъ былъ вкусъ къ такого рода зрѣлищамъ, который тоже, какъ извѣстно, изъ пальцевъ, вдругъ, не высасывается. На основаніи однихъ уже этихъ соображеній совершенно опровергается ходячее мнѣніе, будто-бы балетное искусство *впервые* явилось у насъ въ вышеозначенный моментъ и никакъ не ранѣе. Но, кромѣ того, самыя свѣдѣнія Штелина, не смотря на ихъ краткость, даютъ матеріалъ для подкрѣпленія нашего предположенія. Кто были тѣ балетные танцовщики—«посторонніе молодые люди», о которыхъ онъ говоритъ? Ктобъ они ни были, но ихъ присутствіе и то, что они по собственному почину

обучались балетному искусству, ясно указываютъ на существованіе у насъ уже въ то время и до того своихъ спеціальныхъ, вольныхъ служителей Терпсихоры. Предположеніе, что ихъ впервые призвалъ къ этому служенію и обучилъ всемогущій Ланде, какъ *первый* объявившійся на Руси танцмейстеръ, не выдерживаетъ критики и вотъ почему. Всѣ историки согласны въ томъ, по Штелину, что *первый* балетъ поставленъ былъ у насъ въ 1735 г.; но тѣ же историки утверждаютъ, что и самъ Ланде впервые явился къ намъ въ томъ же 1735 году. Спрашивается, мыслимо-ли было-бы въ одинъ годъ изъ неотесанныхъ, неимѣвшихъ дотолѣ никакого понятія въ танцахъ учениковъ (какъ кадетъ, такъ и вышеозначенныхъ «посторонних» дилетантовъ) сдѣлать искусныхъ, какъ увидимъ, танцовщиковъ и въ одинъ годъ насадить балетное искусство, дотолѣ у насъ, по предположенію историковъ, невиданное и неслыханное? Все это гипотезы, которыя разваливаются отъ перваго прикосновенія критики.

Обратимся, однако, къ фактамъ.

Что Ланде въ свое время былъ у насъ не первымъ, не единственнымъ танцмейстеромъ и что до его появленія танцовальное искусство уже значительно у насъ процвѣтало—доказывается слѣдующими данными.

Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1734 г. (№ 25) было напечатано «для извѣстія» такое, существенное для оспариваемаго вопроса, приглашеніе: «Изъ канцеляріи шляхетскаго кадетскаго корпуса чрезъ сіе объявляется, что въ помянутый корпусъ одинъ *танцовальный мастеръ* потребенъ, чего ради *имѣющіе охоту* къ тому, могутъ въ означенномъ мѣстѣ явиться». Съ одной стороны, объявленіе это показываетъ, конечно, что въ «танцовальныхъ мастерахъ» не чувствовалось тогда избытка, но, съ другой, самая мысль отыскивать ихъ въ предѣлахъ Петербурга чрезъ газету ясно свидѣтельствуетъ, что они не составляли тогда у насъ и слишкомъ большой рѣдкости, которую нужно было-бы выписывать не иначе, какъ изъ за-границы.

Есть основаніе предполагать, что въ шляхетскомъ корпусѣ былъ уже въ ту минуту свой танцмейстеръ, но вѣроятно, одного его было мало, потому что среди кадетъ находилось очень много охотниковъ учиться танцамъ, составлявшимъ одинъ изъ необязательныхъ предметовъ кадетскаго образованія.

Изъ официальнаго рапорта Миниха о состояніи корпуса за 1733-й

годъ (второй съ его основанія) узнаемъ, что слишкомъ третья часть всего числа кадетъ (110 чел.) обучалась танцамъ.

Все это убѣждаетъ, что и до Ланде были у насъ и танцоры и танцмейстеры, было, слѣдовательно, и балетное искусство въ объемѣ подспорья во всякаго рода сценическихъ представленіяхъ. При Аннѣ Ивановнѣ оно только получило новое примѣненіе—«перемѣны» въ оперныхъ спектакляхъ, явившихся у насъ тогда впервые, и въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать извѣстіе Штелина.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о театрѣ временъ Петра Великаго и его первыхъ преемниковъ очень скудны. Штелинъ упоминаетъ лишь мелькомъ о существованіи при Петрѣ театра «при Мойкѣ», въ которомъ подвизалась какая-то «шайка нѣмецкихъ весьма дурныхъ комедіантовъ» нѣкоего Манна. Были при Петрѣ и другіе театры, а также и иныя всякаго рода зрѣлища, введенныя для «народнаго полированія», по выраженію Петра. Первоначально все это явилось въ Москвѣ, куда съ распространеніемъ западныхъ новшествъ, не замедлили явиться нѣмецкіе *штукмейстеры*, англійскіе *шпрингеры*, *балансеры*, *эквилибристы*, французскіе комедіанты и плясуны. Петръ, однако-же, не всегда радушно встрѣчалъ этихъ просвѣщенныхъ гостей. Когда, уже въ Петербургѣ, явилась какая-то заѣзжая труппа балансеровъ, царь приказалъ ей показывать свое искусство простому народу даромъ, и только зажиточныхъ зрителей обязалъ платить, по таксѣ,—гривну съ персоны; но, вслѣдъ затѣмъ, почему-то выпроводилъ труппу вонъ изъ города, замѣтивъ, что «въ Петербургѣ нужны художники, а не фигляры», сорить деньги на которыхъ грѣхъ.

Что въ числѣ заѣзжихъ артистовъ въ петровское время бывали нерѣдко танцовщики—это можно видѣть и по сохранившимся отъ того времени афишамъ. Въ записанномъ Пекарскомъ «Объявленіи о чудномъ мужѣ, его-же иные вторымъ Самсономъ нарицаютъ», упоминается между прочимъ, что въ представленіяхъ этого «мужа» участвовала «англинская *танцовальная* мастерица»... Въ другой афишѣ того-же времени извѣщалось о представленіяхъ цѣлой труппы комедіантовъ, которые обѣщались показывать «смѣхотворства, скоки различные и *танцы*». Спектакли начинались съ четвертаго часа пополудни и давались пять разъ въ недѣлю.

Вообще, въ театральныхъ зрѣлищахъ при Петрѣ недостатка не было, какъ это можно судить и по извѣстіямъ проживавшихъ

тогда въ Россіи иностранцевъ, Вебера, Берхгольца, Бассевича и друг.

Затѣмъ достовѣрно, что уже въ то время существовали начатки домашнихъ театровъ у вельможъ, комплектовавшихся большею частью крѣпостными артистами всякаго рода: актерами, пѣвцами, музыкантами и танцовщиками. Берхгольцу случилось быть на нѣсколькихъ домашнихъ спектакляхъ во дворцѣ герцогини мекленбургской, Екатерины Ивановны, которая сама лично режиссерствовала на нихъ. Играли нѣкоторыя лица изъ свиты герцогини, а главнымъ образомъ, крѣпостные актеры, которыхъ герцогиня не церемонилась, какъ записалъ тотъ-же Берхгольцъ, пороть плетьми на конюшнѣ, въ случаѣ какой-либо неисправности.

Извѣстно также, что у князя Меньшикова, графа Апраксина, княгини Черкасской и друг. богатыхъ вельможъ временъ Петра Великаго были уже свои домашніе, изъ холопей, пѣвцы, музыканты и прочіе артисты. У Меньшикова—и, вѣроятно, не у него одного—былъ, кромѣ того, свой домашній танцмейстеръ изъ иностранцевъ. Берхгольцъ видѣлъ этого искусника въ маскарадной процессіи, въ 1721 г., въ которой онъ представлялъ собою сатира—«былъ особенно хорошъ и натураленъ» и дѣлалъ «на ходу искусные и трудные прыжки», т. е., фигурировалъ въ качествѣ балетнаго танцовщика.

Сказать къ слову, маскарады временъ Петра Великаго были, въ сущности, однимъ изъ видовъ сценическаго лицедѣйства съ значительной примѣсью чисто балетнаго элемента. Въ этихъ церемонныхъ «позорищахъ», подчиненныхъ строгому порядку, въ которыхъ каждый участникъ, и въ томъ числѣ самъ царь, былъ актеромъ и исполнялъ извѣстную роль, присутствовали всѣ сценическія средства и аксессуары: гримировка и мимика, костюмировка и символика, слово и пѣсня, музыка и танцы. На маскарадахъ комбинировались цѣлыя сцены и картины въ символическомъ родѣ; весь маскарадъ, въ общемъ, представлялъ огромную пантомиму, полную движенія и игры, притомъ съ яркимъ комическимъ оттѣнкомъ. Такое-же совершенно сценическое значеніе имѣли при Петрѣ Великомъ, столько разъ описанныя, шутовскія свадьбы, балы и процессіи карликовъ, а также смѣхотворныя дѣйствія знаменитаго «Всешутѣйшаго собора».

Все это, безспорно, входило въ кругъ «позорищныхъ игръ», какъ,

напр., и баснословный по своей затѣйливости и роскоши «Ледяной домъ», столько возбуждавшій удивленія.

Во всѣхъ такого рода зрѣлищахъ чисто-балетной хореграфіи отводилось широкое мѣсто. «Ледяной домъ» въ этомъ отношеніи, можно даже сказать, предвосхитилъ одно важное пріобрѣтеніе у балета позднѣйшихъ временъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ «характерныхъ», этнографическихъ танцахъ, составляющихъ лучшее украшеніе современнаго балета. Этой категоріи танцы, примѣненные къ искусственному зрѣлищу въ симетрической системѣ, мы видимъ впервые въ «Ледяномъ домѣ», съ тою только разницею, въ пользу этнографической правдивости, что здѣсь они исполнялись не актерами, олицетворяющими различныя народности, а реальными представителями самихъ народностей. «Выбрать,—требовали изъ Москвы устроители «Ледяного дома»—изъ калужскаго и алексинскаго уѣздовъ деревенскихъ 8 бабъ молодыхъ и столько же мужей ихъ, *умѣющихъ плясать*, которые-бъ собою были не гнусны, да около Москвы набрать изъ пастуховъ 6 человѣкъ молодыхъ людей, которые-бъ умѣли на рожкахъ играть».

Такіе-же «негнусные собою» плясуны и игрецы были вытребованы и изъ другихъ мѣстностей. Тутъ по словамъ Нащокина, «были собраны со всего государства разночинцы и разноязычники самаго подлаго народа, то есть вотяки, мордва, черемисы, татары, калмыки, самоѣды и ихъ жены». Въ маскарадной процессіи эта живая этнографическая выставка составляла особую группу, названную «Весной», и каждый изъ ея участниковъ «показывалъ свое *веселье*, гдѣ у котораго народа какія веселья употребляются». Веселье это выражалось, конечно, главнымъ образомъ плясками.

XVI.

Теорія и практика балета первой половины XVIII вѣка съ точки зрѣнія тогдашнихъ эстетиковъ.—Свѣдѣнія о Ланде.—Русская балетная школа въ первые дни ея основанія.—Плясунъ-политикъ.

Первое современное извѣстіе о балетѣ на придворной сценѣ при Аннѣ Ивановнѣ встрѣчаемъ не ранѣе 1736 г. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», которыя въ то время вели точный и подробный журналъ всѣмъ—весьма частымъ тогда—празднествамъ, торжествамъ, зрѣлищамъ и увеселеніямъ, совершавшимся при дворѣ, включительно до такихъ, напр., обыденныхъ мелочей, что императрица «иногда гуляніемъ, а иногда стрѣляніемъ въ цѣль забавляться изволила».

Въ № 10 «Вѣдомостей», за означенный годъ, сообщалось, что 29 января, въ день рожденія императрицы, на придворномъ театрѣ была дана «превзрядная и богатая опера «Сила любви и ненависти», а при ней «*балы* издалъ балъ-діректоръ господинъ Антоніо Ріналді».

«Балы»—это былъ именно балетъ, а подъ «балъ-діректоромъ» нужно разумѣть придворнаго балетмейстера и вообще танцмейстера, хотя съ этимъ придворнымъ чиномъ, какъ равно съ именемъ Антоніо Ринальди, мы встрѣчаемся здѣсь въ первый разъ. Между тѣмъ, этотъ Ринальди предшествуетъ, по времени, пресловутому Ланде, о которомъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» царствованія Анны Ивановны, столь внимательныя, какъ мы знаемъ, ко всѣмъ даже маловажнымъ событіямъ тогдашней придворной жизни, не говорятъ нигдѣ ни одного слова. Это обстоятельство, сказать мимоходомъ, наводитъ нѣкоторое сомнѣніе на точность извѣстій Штелина относительно даннаго пункта.

Антоніо Ринальди, какъ узнаемъ изъ академическихъ «Примѣчаніе» за 1738 г., былъ никто иной, какъ «такъ называемый» *Фузано* — прозвище принятое нѣкоторыми историками нашего театра, съ легкой руки Штелина, за подлинную фамилію.

Въ обширной статьѣ «Примѣчаній»: «Історическое описаніе онаго театральнаго дѣйствія, которое называется опера», — находимъ довольно подробныя извѣстія также объ оперѣ и балетѣ на русскомъ театрѣ въ царствованіе Анны Ивановны. Извѣстія эти дра-

гоцѣнны для исторіи нашего театра вообще, хотя, кажется, до нас никто изъ ея изслѣдователей ими не пользовался. Тамъ съ большой подробностью описаны содержаніе оперы «La forza del amore e del odio» («Сила любьви и ненависти»), сочиненной композиторомъ Арайя, ея постановка, декораціи, музыка и, наконецъ, балетъ, составлявшій ея интермедію. Поименованы также главнѣйшіе исполнители оперы съ оцѣнкой ихъ игры. Кратко сказать — это была у насъ едва-ли не *первая* обстоятельная театральная рецензія, какъ въ свою очередь «Сила любви и ненависти» была у насъ первой, по времени постановки, итальянской оперой.

Въ цитируемой статьѣ сообщено, между прочимъ, нѣсколько любопытныхъ историческихъ и теоретическихъ данныхъ о значеніи балета въ оперѣ, съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ на искусство. Авторъ, полагая, что опера, «кромѣ боговъ и храбрыхъ героевъ, никому на театрѣ быть не позволяетъ», допускаетъ, однако, выводить въ ней «иногда», для цѣлей увеселительныхъ, «счастливыхъ пастуховъ и въ удовольствіи находящихся пастушекъ», такъ какъ они «пріятными ихъ пѣснями и *изрядными танцами* изображаютъ веселіе дружескихъ собраній»... Въ доказательство этой теоріи онъ ссылается на знаменитѣйшія того времени итальянскія оперы: во всѣхъ нихъ дается мѣсто «танцовальщикамъ и танцовальщицамъ», являющимся въ «учрежденныхъ» въ концѣ дѣйствій балетахъ, то въ видѣ сатировъ и дріадъ, которые «въ своемъ танцеваніи» «надъ такъ называемымъ Лессе-Куръ смотрѣніе имѣютъ» и дѣлаютъ «такъ называемое Шанжъ, Ревю» и пр., то въ образѣ нимфъ или музъ, сходящихъ съ Парнаса и пляшущихъ съ пастухами, то, наконецъ, въ оболочкѣ сиренъ и дельфиновъ, которыхъ, случалось, для полноты сценической иллюзіи, въ самомъ дѣлѣ заставляли плясать въ особо устроенномъ въ театрѣ акваріумѣ...

Затѣмъ, переходя къ современному состоянію «оперныхъ танцевъ и балетовъ», авторъ отдаетъ по этой части пальму первенства тогдашнему французскому театру передъ всѣми другими европейскими театрами и даже предъ итальянскими. Онъ признаетъ, что французы вообще «очень способны къ изобрѣтенію танцевъ», почему и выдѣляютъ изъ своей среды наибольшее число танцмейстеровъ и танцовщиковъ. Тогда между ними первенствовалъ парижскій балетмейстеръ Блонди: «ничего, говоритъ о немъ авторъ,—нельзя лучше представить того, что онъ вымышляетъ на оперномъ театрѣ» (въ

балетѣ, конечно) со своими знаменитыми «помощниками»: Дюпре, Камарго и др.

Что касается балетнаго искусства въ Россіи, то авторъ, ничего не говоря о прошломъ, останавливается лишь на дняхъ Анны Ивановны и на моментѣ перваго появленія у насъ итальянской оперы. Упоминая о постановкѣ въ оперѣ «Сила любви и ненависти» «презрядныхъ балетовъ» «балъ-директоромъ» Ринальди, онъ замѣчаетъ съ рецензентской точностію, что въ танцахъ «наилучше себя показали» жена Ринальди—Джулія, «а потомъ и другая мастерица» — Антонина Константини, также итальянскіе «мастера» Джузеппе Брунони и Тези. Машины и декораціи «изобрѣли» Бонъ и Тарсіа. Все это были итальянцы, выписаные вмѣстѣ съ оперной труппой Арайя.

Помянутая опера состояла изъ трехъ дѣйствій и въ концѣ каждаго дѣйствія происходилъ балетъ. Такъ, въ 1-мъ танцовали сатиры, «огородники» и «огородницы»; 2-е закончилось «презряднымъ балетомъ, сдѣланнымъ по японскому обыкновенію». Въ 3-мъ, декорація котораго представляла пышный царскій дворецъ, когда, по ходу дѣйствія, герой и героиня счастливо соединяются брачными узами, «сходятъ больше *ста* человѣкъ съ верхней галереи сего великолѣпнаго строенія и танцуютъ, при согласномъ пѣніи дѣйствующихъ персонъ и при играющей музыкѣ всего оркестра, пріятной балетъ, которымъ кончается сія славная опера».

«Примѣчанія» не упоминаютъ, изъ кого состоялъ такой обширный коръ-де-балетъ, явившійся въ этой оперѣ, но мы знаемъ уже по Штелину, что это были кадеты шляхетскаго корпуса и «сторонніе» любители. Штелинъ-же утверждаетъ, что какъ укомплектованіе и обученіе, такъ и редижированіе коръ-де-балета были, въ данномъ случаѣ, дѣломъ кадетскаго танцмейстера Ланде, который, вообще, признанъ нашими историками, какъ мы видѣли, первымъ основателемъ балетнаго искусства въ Россіи. Это вошло даже въ наши энциклопедическіе словари.

«Справочный энциклопедическій словарь» говоритъ о Ланде, что онъ былъ французъ родомъ, актеръ и знаменитый балетмейстеръ, что онъ прибылъ въ Россію въ 1735 г. и что до него у насъ не знали, что такое балетъ. «Ланде-же началъ свои балеты, и публика стала во множествѣ посѣщать тогдашніе театры (?). Въ тоже почти время были приглашены въ Петербургъ итальянскіе актеры, играв-

шіе интермедіи (?); тогда Ланде также (sic) обучалъ кадетовъ сухопутнаго корпуса и вмѣстѣ съ ними замѣнялъ (?!) интермедіи итальянцевъ на придворномъ театрѣ. Вскорѣ, какъ знатокъ сценическаго искусства, онъ былъ посланъ во Францію вызвать французскую труппу (?). Съ успѣхомъ исполнивъ порученіе, еще болѣе усовершенствовалъ, при помощи французскихъ актеровъ, балетъ свой. Ему много содѣйствовалъ (?) извѣстный капельмейстеръ Арайя. Ланде умеръ около 1760 г.».

Новѣйшій «Русскій словарь» профессора Березина воспроизводитъ эту-же энциклопедическую путаницу вкратцѣ—путаницу синхронистическую, хронологическую и профессіональную, которая, сказать къ слову, отличаетъ всю вообще исторію русскаго театра.

Въ довершеніе затемнѣнія вопроса о Ланде, извѣстный театралъ и знатокъ историческихъ судебъ нашего театра, Кони, въ своихъ этюдахъ по этому предмету, говоря о началѣ театральнаго училища, утверждаетъ уже, что Ланде выступаетъ на сцену лишь въ 1739 году. По его словамъ, въ означенномъ году графъ Линаръ, «исполняя желаніе скучающей Анны Ивановны, *выписалъ* изъ Лейпцига нѣмецкую труппу», которая привела императрицу въ «восторгъ». Вслѣдствіе этого къ итальянцамъ охладѣли, а Фузано, завѣдывавшій балетомъ, чѣмъ-то не угодилъ Бирону и былъ высланъ имъ изъ Россіи. Его отсутствіе открыло поприще «ловкому» Ланде, который подбился къ Бирону и былъ принятъ въ императорскій театръ съ 2,000 руб. жалованья и наименованіемъ придворнаго балетмейстера. Ланде предложилъ балетъ изъ своихъ учениковъ и опытъ удался, причемъ русскій балетъ лучше понравился итальянскаго; самъ Биронъ хлопалъ ему громче всѣхъ». Выдающимися питомцами Ланде, по словамъ Кони, были: Тимошка Бубликовъ, Афанасій Топорковъ, Андрей Нестеровъ, Авдотья Тимофѣева, Зорина и друг. Собственно это были ученики театральнаго балетнаго училища, которое Ланде, осыпанный милостями, по выраженію Кони, увеличилъ до 12 хорошенькихъ дѣвочекъ и 12 мальчиковъ — дѣтей бѣдныхъ родителей, преимущественно изъ придворныхъ служителей.

Въ этомъ извѣстіи, весьма сходномъ съ хроникой Штелина и, вѣроятно изъ нея отчасти почерпнутомъ, тоже нѣтъ недостатка въ путаницѣ. Начать съ того, что графъ Линаръ никоимъ образомъ не могъ исполнять желаній скучающей Анны Ивановны въ 1739 г., во-первыхъ, потому, что въ этомъ году его въ Россіи не было, а,

во вторыхъ, императрица его не жаловала за романическія сношенія съ Анной Леопольдовной, и по ея представленію, онъ, какъ посолъ польскаго короля, былъ отозванъ передъ этимъ изъ Петербурга. Кони перепуталъ царствованіе Анны Ивановны со временемъ регенства Анны Леопольдовны, которая, дѣйствительно, вызвала Линара изъ за границы и сдѣлала его своимъ оберъ-камергеромъ, но это случилось не ранѣе 1740 г.

Что касается года поступленія въ должность придворнаго балетмейстера Ланде, то откуда взялъ Кони, что это произошло не ранѣе 1739 г. — неизвѣстно и вообще этотъ вопросъ остается темнымъ, если не положиться на достовѣрность хронологіи Штелина, какъ единственнаго въ этомъ случаѣ указателя. Слѣдуетъ, однако, предположить, что Штелинъ въ этомъ пунктѣ все-таки достовѣрнѣе. Въ 1739 г. мы находимъ Ланде уже вполнѣ акклиматизовавшимся на придворномъ театрѣ; онъ уже состоитъ въ званіи придворнаго танцмейстера и стоитъ во главѣ театральнаго балетнаго училища, по всѣмъ вѣроятіямъ, имъ же основаннаго, а для всего этого нужно было время. Относительно этихъ данныхъ мы уже опираемся на неподлежащія сомнѣнію официальныя свѣдѣнія.

Въ спискѣ артистовъ придворной «итальянской компаніи», принесшихъ въ 1740 г. присягу на вѣрность императору Іоанну III, значится и Жованъ Батисто Ланде, въ званіи придворнаго танцмейстера. Достовѣрно извѣстно также, что онъ въ это время завѣдывалъ, въ качествѣ танцовальнаго учителя, придворной балетной школой, о которой мы скажемъ здѣсь подробнѣе.

Школа эта, одновременно почти съ такой-же музыкальной школой, была основана во второй половинѣ 30-хъ годовъ, а по мнѣнію компетентныхъ составителей относящейся къ этому времени книги «Внутренній бытъ русскаго государства», не ранѣе 1739 г.; но мы полагаемъ, по нѣкоторымъ основаніямъ, что случилось это раньше. Главнымъ основаніемъ для насъ служитъ то, что тогда, какъ и прежде, существовалъ старинный обычай каждаго, принимаемаго въ русскую службу, иностраннаго мастера или артиста обязывать обучать своему искусству поручаемыхъ ему для того русскихъ учениковъ по назначенію правительства, постоянно стремившагося у насъ въ старину обзаводиться своими собственными искусниками всякаго рода, чтобы избавиться отъ зависимости у ино-

странцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что этому-же правилу были подчиняемы и принимавшіеся на русскую службу балетмейстеры и иные артисты. Гораздо позднѣе, уже при Екатеринѣ II, въ этомъ смыслѣ высказалось косвенно даже наше законодательство. Въ высочайше утвержденномъ театральномъ штатѣ (1766 г.) было поставлено въ условіе придворнымъ музыкантамъ, что если они будутъ имѣть при себѣ учениковъ, то этимъ пріобрѣтутъ право на полученіе особаго вознагражденія «по разсмотрѣнію».

Балетная школа имѣла прямой цѣлью—приготовленіе русскихъ служителей Терпсихоры. Она была въ описываемое время не велика: въ ней обучалось всего 6 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ (а не 24, какъ утверждали до сихъ поръ наши театральные историки), и помѣщалась она въ старомъ Зимнемъ дворцѣ (гдѣ нынѣ казармы 1-го батальона Преображенскаго полка), въ верхнемъ апартаментѣ, въ двухъ покояхъ. Въ этомъ же дворцѣ имѣла квартиры и вся почти придворная «итальянская компанія».

Балетная школа находилась въ полномъ вѣдѣніи Ланде и только «у смотрѣнія надъ обучающимися танцеванію дѣвочками» имѣлась особая надзирательница, вдова дворцоваго конюха Федосья Куртасова, награжденная за эту педагогическую службу въ 1741 г. помѣщеніемъ въ придворной богадѣльнѣ.

Ученики и ученицы находились на всемъ казенномъ иждивеніи, что составляло въ годъ, по счетамъ камеръ-цалмейстерской конторы, 558 руб. съ копѣйками. Содержаніемъ школы завѣдывалъ театральный смотритель и экономъ капитанъ Рамбурхъ. Сохранились даже подробныя свѣдѣнія, чего и сколько съѣдали каждодневно балетные ученики, а именно: муки куличной 10 фунтовъ и недомѣрочной 1 фунтъ, да масла коровьяго русскаго 2 фунта; питій: полпива по ведру и кислыхъ щей по 2 ведра... Для дюжины малютокъ, да еще посвященныхъ воздушной хореграфіи, порція питей, болѣе чѣмъ изобильная!

Какъ и чему обучалъ Ланде своихъ учениковъ—свѣдѣній мы не имѣемъ; но, кажется, они дѣлали успѣхи, судя, между прочимъ, по слѣдующему факту. Въ 1741 г., въ день восшествія на престолъ Ивана Антоновича, были даны при дворѣ «публичные маскарады», на которыхъ были представлены профессіональными артистами разные національные танцы. Въ этихъ танцахъ участвовали и ученики балетной школы, а одинъ изъ нихъ исполнялъ роль солиста въ

особомъ «маскарадскомъ платьѣ», нарочно сшитомъ для него къ этому дню, по указу правительницы и по проекту Ланде, портнымъ мастеромъ, французомъ Церистомъ, изъ казенныхъ матеріаловъ за 6 рублей.

Безъ сомнѣнія, и помимо этихъ первыхъ питомцевъ балетной школы тогда было не мало уже русскихъ балетныхъ танцовщиковъ. Кромѣ указаній Штелина, есть офиціальныя извѣстія о существованіи въ дни Анны Ивановны полной балетной труппы на придворномъ театрѣ, какъ это свидѣтельствуютъ и современные печатные источники, на которые мы здѣсь не разъ ссылались.

Были даже случаи, что русскіе танцовщики фигурировали въ неподлежащей имъ области политики: Незадолго до своего паденія, Биронъ, жалуясь Пецольду на «нескладные замыслы» противъ него герцога Антона-Ульриха, мужа правительницы, разсказывалъ, между прочимъ, какъ тотъ «привлекалъ къ себѣ въ соучастники одного русскаго плясуна», служившаго у придворнаго шута Педриллы. По словамъ Бирона, Антонъ-Ульрихъ этого курьезнаго заговора съ «плясуномъ» не отрицалъ и только замѣтилъ «съ величайшей наивностью, что ему хотѣлось немножко побунтовать»...

XVII.

Прихотливость вкуса и обиліе зрѣлищъ.—Танцы персидскаго манера.—Царство Терпсихоры въ елизаветинскіе дни. — Балеты „благородныхъ". — Поправка къ „Исторіи балета въ Россіи".

«Deliciae Augustae!»

пышными огнями горѣло, въ видѣ девиза, на одной изъ многочисленныхъ иллюминацій въ честь императрицы Анны Ивановны, сложенное академикомъ піитомъ, привѣтствіе.

Для Анны Ивановны и ея царствованія это, дѣйствительно,

могло служить девизомъ. Сама, по личнымъ качествамъ, далеко не веселонравнаго характера, Анна Ивановна, тѣмъ не менѣе, веселилась чрезвычайно много и отличалась въ этомъ отношеніи крайне изысканнымъ и причудливымъ вкусомъ. Точно также и наслѣдовавшая ей потомъ, съ низверженіемъ несчастнаго Ивана Антоновича, императрица Елизавета Петровна, болѣе живая и сангвиничная по темпераменту, «жадно искала наслажденій», какъ говоритъ о ней князь Щербатовъ, всецѣло отдавалась всякаго рода развлеченіямъ и довела прихотливость въ нихъ до послѣднихъ границъ ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи.

Пышность театральныхъ зрѣлищъ была тогда необыкновенная «Мы привыкли къ зрѣлищамъ огромнымъ и великолѣпнымъ!» сказалъ какъ-то, въ началѣ царствованія Екатерины II, Н. И. Панинъ, въ объясненіе неудовольствія придворной публики, возбужденнаго тѣмъ, что въ это болѣе уже скромное время на эрмитажныхъ спектакляхъ часто «кромѣ простоты въ музыкѣ и на театрѣ, кромѣ кузницъ, кузнецовъ и кузнечихъ ничего не было» (рѣчь шла о французской опереткѣ: «Le marrechal ferrant»).

Вслѣдствіе такой привычки къ «огромности» и «великолѣпію» зрѣлищъ въ дни Анны Ивановны, и Елизаветы Петровны, русскій дворъ имѣлъ въ своемъ штатѣ такое необычайно большое количество разнаго рода артистовъ, увеселителей и потѣшниковъ, какого, по замѣчанію одного компетентнаго историка, не водилось тогда ни при какомъ другомъ европейскомъ дворѣ.

Впрочемъ, это объяснялось отчасти тѣмъ, что тогда на Руси, почти вовсе не было частныхъ публичныхъ зрѣлищъ и ихъ предоставлялъ высшему образованному обществу одинъ только дворъ. Порядокъ этотъ такъ прочно утвердился, что даже въ наши дни, какъ извѣстно, всѣ почти столичные театры состоятъ на иждивеніи двора и значатся «придворными».

Кромѣ многочисленности артистическаго штата, состоявшаго при дворѣ описываемаго времени, онъ отличался еще такимъ удивительно пестрымъ, разнообразнымъ составомъ, по родамъ искуства и національностямъ, какого тоже, вѣроятно, никогда не видѣлъ никакой другой европейскій дворъ.

У насъ подъ руками имѣется подробная офиціальная вѣдомость этого штата за 1740—41 гг. Тамъ мы находимъ, кромѣ театральныхъ труппъ—итальянской (оперной), нѣмецкой и балетной, кромѣ

пѣвческой капеллы и двухъ оркестровъ музыки—«комедіантовъ персидскаго манера», молдаванскихъ музыкантовъ, малороссійскихъ бандуристовъ и «воспѣвательницъ», шутовъ, карликовъ, наконецъ, слоновъ, ученыхъ попугаевъ, канареекъ, которые «выпѣвали куранты», и пр.

Этотъ разнородный выборъ увеселителей, забавъ и курьезовъ безпрерывно еще пополнялся: то, по указу, требовалось доставить гдѣ-то объявившихся и нигдѣ невиданныхъ «бѣлыхъ галокъ», то обучали пляскѣ, для потѣхи царской, медвѣдей (напр. при Елизаветѣ), причемъ заводилась официальная переписка о томъ, что такой-то «медвѣженокъ къ наукѣ-де непонятенъ, весьма сердитъ», то привозилась изъ Англіи «великая птица, зовомая Струсъ или Строфокамилъ» для украшенія императорской увеселительной «менажереи», то являлся въ даръ отъ «остіндскаго» шаха ученый слонъ и государыня «болѣе часу его смотрѣла», то, наконецъ, наскучивъ заморскими дивами и зрѣлищами, государыня призывала во дворецъ гвардейскихъ солдатъ, съ ихъ женами, умѣвшихъ пѣть и плясать, и заставляла ихъ водить хороводы и отхватывать трепака, въ которыхъ нерѣдко принимали дѣятельное участіе и родовитые придворные кавалеры, не взирая на всю свою чиновную важность и салонную элегантность.

Въ тоже время, заманиваемые слухами о русскомъ гостепріимствѣ и о русской тароватости, иноземные всякаго сорта комедіанты и артисты часто наѣзжали тогда въ Россію и не ошибались большею частью въ своихъ разсчетахъ. Дворъ постоянно оказывалъ имъ, по мѣрѣ ихъ искусства, гостепріимство и покровительство. Пріѣзжаетъ въ 1738 г. въ Петербургъ труппа голландскихъ «комедіантовъ» и—отъ двора немедленно слѣдуетъ имъ «позволеніе играть на театрѣ Лѣтняго императорскаго дворца». Комедіанты эти, сказать мимоходомъ, были акробаты и клоуны, но современные меломаны, кажется, отнесли ихъ искусство къ области хореграфіи и называли ихъ «танцовщиками». Останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ, чтобы показать, какое растяжимое понятіе имѣли тогда о балетѣ.

О «комедіантахъ» этихъ современный репортеръ записалъ, что они «по веревкамъ *танцуютъ*, на воздухѣ прыгаютъ, на лѣстницѣ, ни за что не держась, въ скрыпкѣ играютъ, съ лѣстницею ходя,

пляшутъ, безмѣрно высоко скачутъ и другія удивительныя вещи дѣлаютъ».

Кромѣ исчисленныхъ зрѣлищъ, петербургскіе меломаны того времени видѣли у себя и театры маріонетокъ, и «кабинеты» восковыхъ фигуръ, и «гокусъ-покусы» престидигаторовъ и т. д. Словомъ, Петербургу 30—40 годовъ прошлаго столѣтія были вполнѣ знакомы всѣ тѣ зрѣлища, какія нынѣ въ немъ имѣются, а, случалось, видывалъ онъ и такіе кунстштюки, о которыхъ мы теперь понятія не имѣемъ. Напримѣръ, намъ рѣшительно невѣдомо, что такое могли изображать собою представленія нѣкоего комедіанта Мартина Ниренбаха, дававшіяся въ 1743 г. и состоявшія изъ «маріонетовыхъ итальянскихъ комедій, сперва фигурами, а потомъ *живыми персонами*, такъ что смотрители—по завѣренію афишки—великое удовольствіе изъ того получить могутъ». Удовольствіе, несомнѣнно, должно было получиться «великое» уже отъ одного столь остроумнаго и для насъ непостижимаго объединенія маріонетокъ съ «живыми персонами».

Равнымъ образомъ должны показаться читателю загадочными и вышеупомянутые «комедіанты персидскаго манера». Этой загадки мы не въ состояніи объяснить досконально. Знаемъ только, что около 40-хъ годовъ у насъ были особенно оживленныя дипломатическія сношенія съ Персіей. Въ то время пріѣзжалъ въ Петербургъ посолъ персидскаго шаха съ необычайной пышностью, въ сопровожденіи свиты въ 16,000 чел., которую онъ, только послѣ долгихъ переговоровъ, согласился убавить до 3 т. человѣкъ. Весьма вѣроятно, что въ этой огромной свитѣ находились и туземные артисты, изъ коихъ нѣкоторые, понравившись русскому двору, остались потомъ при немъ и какъ-бы вознаградили собою произведенную этимъ дикимъ посольствомъ убыль въ гражданахъ Россіи, въ видѣ нахватанныхъ его членами на возвратномъ пути русскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ.

Сколько находилось у насъ этихъ «персидскаго манера» артистовъ — мы не знаемъ, но лѣтопись сохранила намъ имя главнаго изъ нихъ—Ивана Лазарева, судя по имени, армянина, который получалъ отъ двора полное содержаніе и 120 р. жалованья въ годъ За это онъ обязанъ былъ давать представленія «персидскаго манера» и обучить «разнымъ штукамъ» нѣсколькихъ порученныхъ ему русскихъ учениковъ и въ томъ числѣ одну «капральскую дочь».

По всѣмъ вѣроятіямъ, «комедіи» Ивана Лазарева состояли изъ смѣси музыки, пляски и акробатическаго искусства въ персидскомъ вкусѣ. Что хореграфія имѣла здѣсь несомнѣнное мѣсто, на это указываютъ намъ сохранившіяся извѣстія, что въ то время при дворѣ находились въ особенной модѣ *персидскіе танцы* и именно какъ зрѣлище.

Въ день восшествія на престолъ Ивана Антоновича въ 1741 г., дворъ, во время маскарада, «смотрѣлъ» разные національные танцы и въ томъ числѣ персидскіе, въ которыхъ особенно отличились два персіянина, удостоившіеся общаго одобренія и 100 рублей награды отъ великой княгини-правительницы. Это былъ, значитъ, балетный дивертисементъ, и извѣстіе это ясно указываетъ намъ, что въ труппѣ Ивана Лазарева находились спеціальные персидскіе танцовщики.

Вообще, по части танцевъ, по крайней мѣрѣ со стороны ихъ разнообразія и затѣйливости, вкусъ меломановъ описываемаго времени былъ довольно избалованный. Да надо полагать, что и въ эстетическомъ отношеніи онъ стоялъ уже на довольно значительной высотѣ, особенно во времена Елизаветы Петровны, когда, по иниціативѣ государыни, танцы, и какъ зрѣлище и какъ салонное искусство, сдѣлались однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій. «Всему свѣту было извѣстно, говоритъ историкъ, что императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцованія».

По его-же словамъ танцовальное искусство было развито въ Петербургѣ въ такой высокой степени, что извѣстный уже намъ Ланде публично говаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуэты танцовать надобно, долженъ пріѣхать къ императорскому россійскому двору...»

Неизвѣстно, ѣздилъ-ли кто-нибудь для этого къ нашему двору, но достовѣрно, что русское общество по части балета и салоннаго «танцованія» прогрессировало въ тѣ времена быстро и постоянно стояло на одномъ уровнѣ съ Европой, а можетъ быть, даже и обгоняло ее.

О степени этого прогреса можно судить, между прочимъ, по тому, что въ тѣ времена нерѣдко на придворной сценѣ въ балетахъ участвовали не только, какъ мы уже знаемъ, юные кадеты

«шляхетнаго» корпуса, но и взрослые представители знати, въ качествѣ любителей, и притомъ настолько искусившихся въ хореграфіи, что они могли соперничать съ профессіональными балетными артистами.

«Вкусъ хорошаго танцованія, говоритъ современный театральный критикъ, не только царствовалъ на придворной сценѣ, но распространился также между знатными, въ доказательство чего, къ удивленію всѣхъ знатоковъ и самихъ иностранныхъ театральныхъ танцовщиковъ, они съ великимъ искусствомъ исполнили въ Москвѣ, во дворцѣ, большой балетъ: «Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны».

Сохранились и имена главныхъ исполнителей этого балета. Имена все громкія! Вотъ они: графиня Сиверсъ (старшая), графиня А. М. Воронцова, М. П. Нарышкина, графъ П. А. Бутурлинъ и друг. Оркестръ въ этомъ балетѣ тоже состоялъ изъ однихъ «благородныхъ» любителей музыки, точно такъ-же, какъ и предшествовавшая ему по порядку спектакля, трагедія Сумарокова, «Семира», была разыграна опять-таки «благородными».

Правъ былъ Сумароковъ, славасловившій около этого времени россійскій прогрессъ по части эстетики въ такихъ отмѣнныхъ выраженіяхъ:

„Се въ презрѣнной сей пустынѣ
Пышный градъ, и музы нынѣ
Царствуютъ въ селеньяхъ сихъ!“

Музамъ, дѣйствительно, открывалось широкое царство...

Описанный балетъ «благородныхъ» былъ данъ въ 1763 г., во время коронаціи Екатерины II, въ Москвѣ. Потомъ въ Петербургѣ подобные балеты на придворной сценѣ сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Такъ, въ 1764 г., по открытіи новаго Зимняго дворца, на его театрѣ былъ исполненъ аристократическими любителями, послѣ представленія трагедіи Сумарокова, аллегорическій балетъ «Галатея и Ацисъ», въ которомъ великій князь Павелъ Петровичъ (тогда еще отрокъ), по выраженію Штелина, «въ видѣ брачнаго бога Гимена явяся, искусными и благородными своими танцами удивилъ всѣхъ зрителей». «Сотанцовавшими» великому князю были «знатныя дамы», дѣвицы и кавалеры». Въ нихъ числѣ была княжна М. В. Хованская, особенно отличавшаяся искуснымъ танцованіемъ, судя по нижеслѣдующему эпизоду, записанному Порошинымъ.

Оркестръ въ этомъ балетѣ тоже состоялъ изъ «благородныхъ». Въ немъ на флейтѣ игралъ графъ И. Г. Чернышевъ. «И вотъ, разсказывалъ онъ потомъ,—какъ дошло въ балетѣ до того мѣста, гдѣ танцовала княгиня Хованская, тутъ хоть мнѣ и играть было на флейтѣ, однако, я, положа ее, глядѣлъ какъ княжна танцовала».

Замѣтимъ мимоходомъ, что у Штелина здѣсь вкралась, кажется, ошибка въ годахъ. Что Павелъ Петровичъ танцовалъ въ балетѣ въ 1764 г.—это не подлежитъ сомнѣнію, на основаніи «Записокъ» Порошина; но, вѣроятно, въ другомъ какомъ-нибудь, а не въ «Галатеѣ и Ацисѣ», такъ какъ постановка сего послѣдняго балета, съ участіемъ великаго князя, а также «маленькихъ» Олсуфьева, Шереметева и придворныхъ кавалеровъ и дамъ, происходила въ 1765 г.

Въ теченіи 1765 г. балетъ «Галатея и Ацисъ» игрался нѣсколько разъ артистами изъ «благородныхъ», но, кажется, безъ участія на сценѣ Павла Петровича, хотя онъ и готовился къ нему, очень часто и старательно «проходя свой роль» Гименея подъ руководствомъ балетмейстера Гранже, втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ 1764 г. При этомъ воспитатель великаго князя, Панинъ, присутствуя на этихъ репитиціяхъ, замѣчалъ ему, что онъ, танцуя, «выступаетъ очень на солдатскую стать».

Здѣсь будетъ кстати сдѣлать поправку одной изъ многихъ путаницъ, допущенныхъ историками нашего театра поспѣшнымъ и неосмотрительнымъ обращеніемъ съ фактами.

Въ «Исторіи балета», явившейся въ «Литературномъ журналѣ» за 1881-й годъ, читаемъ относительно балета «Галатея и Ацисъ» и участія въ немъ великаго князя, будто Порошинъ утверждаетъ, что *представленіе* этого балета состоялось 18-го января 1765 г. Далѣе авторъ пишетъ: «*Мѣсяцъ спустя* (т. е. съ 18-го января) въ запискахъ (Порошина) отмѣчено: «Въ балетѣ «Ацисъ и Галатея» танцовали все фрейлины и кавалеры. Роль его высочества, тожъИменея, танцовалъ графъ Н. П. Шереметевъ».

Мы сейчасъ увидимъ, что авторъ несомнѣнно, «Записокъ» Порошина не читалъ, а заимствовалъ приведенныя изъ него цитаты изъ вторыхъ рукъ, которыя въ свою очередь перелистали эти записки слишкомъ ужъ бѣгло.

Начать съ того, что 18 января было не *представленіе*, а *репетиція* названнаго балета въ числѣ другихъ пьесъ «благороднаго»

или, какъ тогда говорили, «кавалерскаго» спектакля, готовившагося на масляницѣ. У Порошина подъ 18-мъ января ясно сказано: «Въ пятомъ часу въ исходѣ пошли мы въ театръ. Его высочество изъ своей ложи смотрѣть изволилъ, какъ *репетиція была* кавалерской комедіи и маленькой пьесы. Потомъ, какъ *начался балетъ*, изволилъ сойдтить въ театръ. Какъ стало доходить до его роли, то изволилъ сѣсть на свое мѣсто...» Въ словахъ: «какъ начался балетъ» подразумѣвалась, безъ сомнѣнія, его репетиція, ибо онъ заключалъ собою изготовляемый спектакль, послѣ «кавалерской» комедіи и «маленькой пьесы». Таковъ былъ порядокъ всѣхъ тогдашнихъ придворныхъ спектаклей, и балетъ отдѣльно въ это время никогда не давался, да и такой балетъ, какъ «Галатея и Ацисъ», не могъ одинъ составить всего спектакля, ибо онъ, по исчисленію того-же Порошина, длился всего лишь три четверти часа.

Наконецъ, что это была именно репетиція, видно изъ происшедшей при этомъ интересной сцены. У тогдашнихъ балетомановъ было въ обычаѣ ходить на репетиціи, особенно, новыхъ балетовъ. Какъ-то, около этого времени, Павелъ Петровичъ встрѣтилъ во дворцѣ камергера князя С. М. Голицына. Князь весь дрожалъ и «доносилъ, что былъ на пробѣ балета, который черезъ нѣсколько дней представленъ будетъ, и очень озябъ, потому что на театрѣ холодно»... «Жалуется, что озябъ, будто кто посылалъ его смотрѣть! сказалъ Павелъ по уходѣ Голицына.—Вотъ до чего, люди *влюблены въ позорища*, что нѣтъ терпѣнія нѣсколько дней подождать настоящаго балета! Охота имъ глядѣть пробы и мерзнуть».

Тѣмъ скорѣе, конечно, должны были эти нетерпѣливые балетоманы сбѣжаться въ театръ на генеральную «пробу», когда въ ней принималъ участіе великій князь. Тутъ уже, кромѣ балетоманіи, дѣйствовала и «придворная граматика».

Такъ или иначе, но когда началась репетиція балета «весь почти партеръ, по разсказу Порошина, полонъ былъ смотрителей. Отъ хлопанья въ ладоши, въ танцеваньи его высочество нѣсколько сбился и обробѣлъ. *Конецъ балету танцовали еще разъ* (что, само-собой понятно, могло случиться только на репетиціи и именно потому что его высочество «сбился и обробѣлъ») Тутъ шло получше. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался его высочество, для чего бьютъ въ ладоши. Изволилъ сказать: не успѣлъ еше выйдтить я, такъ ужь и

аплодируютъ; то-то ужъ настоящіе персики (персики значатъ у насъ ласкательство)»...

Великій князь «сбился» и «обробѣлъ» потому еще, что это была первая репетиція на театральной сценѣ «Галатеи и Ациса». Черезъ 3 дня, именно, 22 января, у Порошина записано повтореніе «*пробы*» того-же балета, при чемъ уже «его высочество роль свой весьма хорошо танцовать изволилъ»...

Послѣ 18 января, «мѣсяцъ спустя», пишетъ авторъ «Исторіи балета», — «въ запискахъ Порошина отмѣчено, что представленіе «Галатеи и Ациса» *повторилось*...

Между тѣмъ, «мѣсяцъ спустя» въ запискахъ Порошина нѣтъ объ этомъ ни слова и по той простой причинѣ, что въ томъ году, мѣсяцъ спустя, наступилъ великій постъ, втеченіи котораго всякіе спектакли тогда прекращались. На самомъ-же дѣлѣ, не «мѣсяцъ спустя», а недалѣе *6 февраля* послѣдовала постановка «Галатеи и Ациса» въ томъ составѣ, какъ указываетъ авторъ «Исторіи», цитируя Порошина. Только это было не *повтореніе* этого спектакля, а *первое* его публичное представленіе, по заранѣе сдѣланному предположенію.

6 февраля было воскресенье сырной недѣли — начало масляной и «для публики, говоритъ Порошинъ,—на сей недѣлѣ были нижеслѣдующія увеселенія: сего числа на придворномъ театрѣ дворянская комедія» и т. д. Слѣдуетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ пьесъ, включительно до балета «Галатея и Ацисъ», репетицію которыхъ, происходившую 18 января, кое-какіе историки нашего театра, а съ ихъ легкой руки и авторъ «Исторіи балета», зачислили въ счетъ дѣйствительныхъ спектаклей, да еще изъ категоріи спектаклей, именуемыхъ «событіями»...

Точно также, кто не читалъ въ подлинникѣ «Записокъ» Порошина, легко могъ вывести такое заключеніе изъ его извѣстія объ исполненіи «мѣсяцъ спустя» «роли его высочества, *то есть* (а не *тожъ*) Имснея», графомъ Н. П. Шереметевымъ, что въ этой роли-де его высочество раньше фигурировалъ передъ публикой. Но этого ничего не бывало, потому что это было *первое* представленіе «Галатеи и Ациса» и Павелъ Петровичъ, по болѣзни, а можетъ быть и по другимъ какимъ-нибудь причинамъ и соображеніямъ, долженъ былъ передать свою роль другому.

Упомянемъ еще о нѣсколькихъ балетахъ, около этого времени исполнявшихся «благородными» и о которыхъ сохранились извѣстія.

Въ 1764 г., тоже на масляной, придворные любители играли мольеровскую комедію, въ концѣ которой былъ поставленъ Гранже балетъ, исполненный кавалерами и фрейлинами. Изъ послѣднихъ особенно отличились графиня А. И. Шереметева и Хитрово.

Въ 1765 г. «благородные» разыграли трагедію «Синавъ и Труворъ», опять-таки закончившуюся «презрядным балетомъ»

Вѣроятно такихъ любительскихъ спектаклей бывало не мало, но о нихъ нѣтъ извѣстій.

XVIII.

Состояніе петербургскаго балета при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ.—Балетъ «Радость народа о явленіи Астреи». — Балетныя знаменитости того времени.—Эпоха процвѣтанія позорищныхъ игръ.

До 1738 г. придворнымъ балетомъ завѣдывалъ Ринальди или Фузано. Въ этомъ году онъ выбылъ заграницу, а по словамъ Кони, какъ объ этомъ мы упоминали выше, — высланъ былъ Бирономъ, которому чѣмъ-то «не угодилъ». Впослѣдствіи, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, Фузано, прежде обучавшій императрицу танцамъ и пользовавшійся ея милостями, снова прибылъ въ Россію, и былъ принятъ на службу вторымъ придворнымъ балетмейстеромъ и оставался въ ней до второй половины пятидесятыхъ годовъ.

Ланде, смѣнившій въ 1738 г. Фузано, оставался главнымъ балетмейстеромъ, завѣдывалъ балетнымъ училищемъ и придворной балетной труппой по конецъ своей жизни. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1748 г. (а не въ 1760-мъ, какъ значится у нѣкоторыхъ историковъ). Когда впослѣдствіи, какъ мы сказали, Фузано былъ

снова принятъ на службу (именно, въ 1742 году), въ его вѣдѣніе былъ предоставленъ комическій балетъ, а Ланде завѣдывалъ серьезнымъ балетомъ или балетной драмой. Оба они были не только искусные танцмейстеры, но и сочинители по балетной части. Напримѣръ, къ каждой новой оперѣ, которая ставилась на петербургскомъ театрѣ, они сочиняли новый, соотвѣтствующій содержанію оперы балетъ. Заниматься такого рода творчествомъ тогдашнимъ балетмейстерамъ приходилось, надо полагать, немало, потому что со временъ Анны Ивановны до конца прошлаго столѣтія при русскомъ дворѣ постоянно почти находились на службѣ, смѣнявшіе одинъ другого, лучшіе и плодовитѣйшіе европейскіе композиторы, въ кругъ обязанностей которыхъ входило непремѣнное условіе сочинять и ставить новыя оперы, не говоря уже о «возобновленіи» на петербургской сценѣ выдающихся оперъ и оперетокъ обще-европейскаго репертуара. А мы уже знаемъ, что тогдашняя опера была немыслима безъ балета, который, къ тому-же, больше приходился по вкусу и по мыслямъ нашимъ малоразвитымъ театраламъ, чѣмъ утонченные ше-дёвры итальянской музыки.

Въ то время «балетъ, какъ сказано въ нашей книгѣ «Очеркъ исторіи музыки»,—обыкновенно не входилъ въ самую оперу, а только механически перемежался съ нею: послѣ каждаго акта оперы полагалась для антракта балетная сцена pour la bonne bouche. Впрочемъ, иногда онъ являлся какъ-бы мимическимъ коментаріемъ или иллюстраціей содержанія оперы, и нерѣдко въ то время, какъ текстъ проваливался въ мнѣніи зрителей,—иллюстрація его вызывала восторги».

Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай фактически подтвердить это опредѣленіе.

Въ дни Анны Ивановны и позднѣе петербургской итальянской оперой завѣдывалъ даровитый и плодовитый композиторъ Арайя. Онъ сочинилъ и поставилъ за это время цѣлый рядъ большихъ оперъ, начиная съ извѣстной намъ: «Сила любви и ненависти», и, разумѣется каждая изъ нихъ сопровождалась балетомъ, хотя подробныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Сохранилась, между прочимъ, афишка о постановкѣ въ 1743 году оперы Арайя «Александръ въ Индіи», въ которой сказано, что опера эта была представлена «съ хорами пѣвчихъ и балетами».

Кромѣ балетныхъ антрактовъ въ оперныхъ спектакляхъ, Ланде

и Фузано, а потомъ и другіе балетмейстеры, сочинили и ставили иногда, по поводу, главнымъ образомъ, какихъ-нибудь торжественныхъ случаевъ, самостоятельныя, законченныя балетныя сцены, содержавшія свою собственную идею и получавшія особое названіе. Такъ, въ 1742 г., во время пышныхъ празднествъ въ Москвѣ по случаю коронаціи Елизаветы Петровны, были представлены два балета: «Золотое яблоко на пирѣ боговъ и судъ Парисовъ» и «Радость народа о явленіи Астреи на россійскомъ горизонтѣ и о возстановленіи златого времени».

Послѣдній изъ этихъ балетовъ былъ данъ послѣ большой оперы «Милость царя Тита» («La Clemenza di Tito») и пролога, сочиненнаго Штелиномъ: «La Russia afflitta e riconsolatta». Содержаніе балета было аллегорическое, въ смыслѣ льстиваго превознесенія императрицы, отождествленной въ лицѣ богини Астреи. Другія дѣйствующія лица изображали «семь царственныхъ добродѣтелей»: Справедливость, Мужество, Человѣколюбіе, Великодушіе, Милость, Любовь и Постоянство. Коръ-де-балетъ представлялъ народы четырехъ частей свѣта. Сочиненіе и постановка этого балета принадлежали Ланде. Онъ прошелъ успѣшно и вызвалъ, по выраженію современника, «великую похвалу» своими, какъ замѣтилъ другой современникъ, «экстраординарными танцами». Танцовали въ немъ, кромѣ иностранныхъ артистовъ и артистокъ, также и русскіе: Чоглоковъ, Елизавета Бѣлоградская, Авдотья Тимофѣева, Аксинья Сергѣева и др. Коръ-де-балетъ состоялъ изъ «русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ—дѣтей конюшенныхъ придворныхъ служителей», т. е., вѣрнѣе сказать, учениковъ балетнаго училища и «стороннихъ» любителей, а въ томъ числѣ «дворянъ, обучавшихся въ Сухаревой башнѣ»...

Объ исполненіи «Золотого яблока», которое Кони называетъ первой у насъ, по времени, «хореграфической драмой», свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что представленныя въ этомъ балетѣ, на судѣ Париса, три богини олицетворяли трехъ императрицъ: Екатерину, Анну и Елизавету. Тотъ-же Кони, на основаніи имѣвшихся у него рукописныхъ источниковъ, сообщаетъ о постановкѣ во времена Ланде еще одного большого балета съ «экстраординарными танцами». По его выраженію, балетъ этотъ былъ «смѣшанъ» съ оперой «Scipio», данной въ 1745 г. по случаю бракосочетанія великаго князя Петра Федоровича. Свѣдѣніе это цѣнно

по приведенной Кони афишкѣ, съ обозначеніемъ дѣйствующихъ лицъ названнаго балета и ихъ исполнителей. Вотъ этотъ списокъ:

Псише	Фузано
Венера	Аксинья.
Купидо	Лебрень.
Гименъ	Авдотья.
Аполло	Афонасій.
Панъ	Джузеппе Фабіани.
Граціи	Мадамъ Коломба, Наталья и Аграфена.

Здѣсь весьма характеристично, что въ то время, когда иностранные артисты названы по фамиліямъ и даже какая-то Коломба титулована «мадамой», русскіе обзначены одними личными именами. Таковъ былъ обычай, державшійся втеченіи всего почти прошлаго столѣтія и основанный на барскомъ, презрительномъ отношеніи къ русскимъ людямъ «подлаго состоянія» (т. е. не дворянамъ), а отчасти и ко всему вообще артистическому классу. На афишахъ еще русскіе артисты и артистки прозывались, по крайней мѣрѣ, полными именами, а въ обыденномъ языкѣ тогдашнихъ театраловъ ихъ «кликали» просто уменьшительными: Лизка, Дунька, Афоня, Ванька и т. п.

Кони приводитъ, впрочемъ, и фамиліи этихъ нашихъ перваго урожая служителей Терпсихоры, сформировавшихся подъ руководствомъ Ланде. Ихъ звали: Аксинью—Баскаковой (въ другомъ мѣстѣ у Кони, а также у другихъ авторовъ упоминается только одна Аксинья—Сергѣева. Вѣроятно, она-же и Баскакова, быть можетъ, по мужу), Авдотью—Тимофѣевой, Афонасія — Топорковымъ, Наталью—Сергѣевой и Аграфену—Ивановой.

Имена эти записаны и у Штелина, но относительно помянутыхъ въ вышеприведенной афишкѣ двухъ иностранныхъ именъ онъ существенно расходится съ Кони хронологически. Говоримъ о Фабіани и Коломба, имена которыхъ у Штелина встрѣчаются впервые не ранѣе 1753 г. Между тѣмъ Кони относитъ свою афишку къ 1745 г. Это очень грубый анахронизмъ.

Дѣло было такъ. Со смертью Ланде петербургскій балетъ нѣсколько упалъ и обезлюдѣлъ. Лучшія балерины—иностранныя поразъѣхались, русскія—повыходили замужъ и были уволены. Такъ,

блиставшая въ 40-хъ гг. Джулія Фузано въ 1753 г. оставила сцену и уѣхала въ Италію. Около того-же времени ея ученица, Аксинья Сергѣева, которую она, по словамъ Штелина, «обучила до совершенства», и которая была лучшимъ украшеніемъ русской балетной труппы, тоже оставила сцену, по случаю выхода замужъ. Одновременно съ этими двумя знаменитостями женскаго балетнаго персонала временъ Ланде «удивлялъ знатоковъ» своимъ хореграфическимъ талантомъ его ученикъ, французъ Ле-Брюнъ (или Лебрень). Имя его тоже перестаетъ встрѣчаться въ 50-хъ годахъ.

Въ виду такого запустѣнія на балетной сценѣ и какъ разъ въ то время, когда петербургскій дворъ истощался въ изобрѣтеніи безпрерывныхъ и всевозможныхъ увеселеній, балетмейстеру Фузано было поручено въ 1753 г. навербовать для Петербурга въ Италіи новую балетную труппу. Онъ исполнилъ это порученіе и въ томъже году, какъ сообщаетъ Штелинъ, вывезъ изъ Италіи двухъ балеринъ «для серьезныхъ танцевъ»—Коломба и Фабіани, двухъ танцовщиковъ—Фабіани и Тардо, и шесть фигурантовъ.

Изъ этого извѣстія, заслуживающаго полнаго довѣрія, потому что Штелинъ записалъ его, какъ современникъ и очевидецъ, ясно видно, что Коломба и Фабіани не могли играть въ Петербургѣ въ 1745 г., какъ утверждаетъ Кови.

Ангажированная Фузано труппа снова поставила петербургскій балетъ на достодолжную высоту, въ уровень съ пресыщенными вкусами тогдашнихъ меломановъ.

Нужно сказать, что вообще пятидесятые года прошлаго вѣка, обнимающіе вторую половину царствованія Елизаветы, были у насъ едва-ли не самымъ пышнымъ, разгульно-вальтасаровскимъ періодомъ за все столѣтіе, по безконечности, разнообразію и расточительной роскоши всякаго рода празднествъ, пиршествъ, зрѣлищъ и увеселеній. Стоитъ пробѣжать только того времени газеты или «Камеръ-фурьерскій журналъ» («Банкетный»), чтобы потерять счетъ всевозможнымъ парадамъ съ пушечной пальбою и съ невообразимо-затѣйливыми, ослѣпительными иллюминаціями, когда, бывало, «по приказу полиціи, какъ извѣщаетъ современный репортеръ, и въ самыхъ подлыхъ дворахъ (т. е. домахъ) ни на одномъ окнѣ меньше 10 свѣчъ зажечь не можно было»,—затѣмъ, безпрерывнымъ, необыкновенно обильнымъ и пышнымъ «трактаментамъ», на которыхъ, въ иллюминованныхъ, случалось, 3,500 восковыхъ

свѣчей и 6,000 шкаликовъ, «публичныхъ покояхъ» дворца, угощалось за фигурными столами, украшенными «десертными эмблемами», по нѣсколько сотъ гостей, блистательнымъ баламъ, «куртагамъ», маскарадамъ съ лотереями, спектаклямъ и проч.

Никогда до этого періода самыя общественныя собранія и увеселенія не бывали у насъ еще такъ многолюдны и великолѣпны. Свѣтская разсѣянная жизнь, по европейской модѣ, охватила все общество и—какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, «Камеръ-фурьерскій журналъ»—даже «духовныя знатныя персоны» открыто посѣщали придворные оперные и балетные спектакли, и это считалось тогда въ порядкѣ вещей.

Старозавѣтная Москва соперничала въ этомъ отношеніи съ новоявленнымъ европейцемъ—Петербургомъ. Каждый пріѣздъ государыни въ Москву сопровождался цѣлымъ потокомъ пировъ, празднествъ и зрѣлищъ. Въ 1754 г. вся культурная Москва стекалась на «публичные всего дворянства маскарады», на которыхъ бывало до 1,300 «персонъ» въ маскахъ. Москва такъ разъохотилась на этого рода забаву, что въ ней завелись тогда-же и всесословные «публичные вольные маскарады», устроивавшіеся въ театральной залѣ французскимъ комедіантомъ Серегнемъ, съ платой по 2 руб. съ персоны. Одновременно такіе-же маскарады организовалъ въ Петербургѣ антрепренеръ Локателли. Ихъ посѣщало все столичное высшее общество и въ томъ числѣ сама императрица, являвшаяся туда въ маскѣ и инкогнито.

«Если петровскую эпоху можно справедливо назвать царствомъ мущинъ и, главное, царствомъ рабочихъ, — говоритъ одинъ историкъ,—отчего царство это являлось довольно грубоватымъ и даже буйнымъ, то съ Елизаветы настаетъ царство женщинъ и собственно царство людей празднующихъ и торжествующихъ, отчего царство это выходило довольно гуманнымъ и очень веселымъ. Какъ-бы знаменіемъ времени этого послѣдняго царства учреждается даже маскарадъ, называемый *метаморфозъ*, въ которомъ мужчины должны были одѣваться въ женскія платья, а женщины въ мужскія. Впервые такіе маскарады были устроены въ Москвѣ въ 1744 г.»

Въ это-же время процвѣли въ Петербургѣ и всякаго рода театральныя зрѣлища, включительно до балета. Даже можно сказать, что балету тогда особенно посчастливилось, и этотъ періодъ былъ для него едва-ли не самый блестящій за все прошлое столѣтіе.

Въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ было два придворныхъ театра: «малый»—въ самомъ дворцѣ (близъ нынѣшняго Полицейскаго моста) и «большой оперный домъ» (близъ Лѣтняго сада, вмѣсто сгорѣвшаго такого-же «дома» у Казанскаго собора), въ который, кромѣ знати, помѣщавшейся въ партерѣ, были «пусканы» въ 1-й и 2-й «этажи» (т. е. въ галлереи) «смотрители всякихъ чиновъ» безплатно, «по билетамъ за печатью придворной конторы».

Кромѣ того, имѣлись загородныя театральныя сцены въ Смольномъ дворцѣ и въ Петергофѣ, на которыхъ давались спектакли лѣтомъ, а также въ Ораніенбаумѣ—при «маломъ» дворѣ наслѣдника престола. Сверхъ того, стали заводиться и частные театры. Въ 1748 г. явился нѣмецкій театръ Акермана, потомъ позднѣе устроили собственный театръ въ Большой Морской улицѣ «панталонъ» Гилфертингъ и «арлекинъ» Сколяри, по привилегіи отъ сената; но въ 1757 г. всѣхъ ихъ затмилъ своей блестящей труппой антрепренеръ Локателли, пребываніе котораго въ Россіи вообще составляетъ одну изъ яркихъ страницъ въ исторіи нашего театра за прошлое столѣтіе.

Въ 1749 г. императрица имяннымъ указомъ установила такой порядокъ для придворныхъ зрѣлищъ: «отнынѣ впредь еженедѣльно пополудни быть музыкѣ—по понедѣльникамъ танцевальной, по средамъ итальянской, а во вторникъ и пятницу, по прежнему указу, комедіямъ». Сюда не входили въ счетъ экстраординарныя, весьма частыя тогда празднества.

Елизавета и придворные меломаны особенно жаловали французскую комедію, для которой спеціально была выписана французская труппа Серегня, и оперетку—буфъ или «итальянскую интермедію», по тогдашней терминологіи. Спектакли эти разнообразились русскими «тражедіями» и большими итальянскими операми. Независимо отъ этого, каждый почти спектакль сопровождался балетомъ, а то случались и такого еще сорта дивертиссементы. Въ «Камеръ-фурьерскомъ журналѣ» за 1750 г. записано, что 10 октября императрица смотрѣла въ «оперномъ домѣ» нѣмецкую интермедію, «причемъ отъ дѣйствующихъ происходило: ходили и перевертывались по канату».

На основаніи того-же источника можемъ заключить, что наличныя придворныя труппы часто пополнялись новыми, выписываемыми изъ за-границы персонажами, въ томъ числѣ и балетная

труппа. Между прочимъ для насъ важно слѣдующее извѣстіе названнаго «журнала», пополняющее хронику Штелина.

Отъ 1 іюля 1750 г. тамъ записано, что въ петергофскомъ «комедіантскомъ домѣ» была исполнена интермедія «Чиниха смѣшная» (вѣроятно: «Précieuse ridicule») «вновь пріѣзжими буфономъ и буфонкою, потомъ былъ балетъ и танцовали вновь пріѣзжіе изъ Италіи и россійскіе дансоры и дансорши» (т. е. танцоры и танцорки).

Слѣдовательно, и ранѣе ангажированныхъ въ 1753 г. балетмейстеромъ Фузано танцовщиковъ, о которыхъ говоритъ Штелинъ, петербургскій балетъ подновлялся за это время новыми артистами. Къ сожалѣнію, «Камеръ-фурьерскій журналъ» не называетъ ихъ именъ.

XIX.

Локателли и его труппа. — Балетоманія петербургской публики.—Балетмейстеръ Гильфердингъ и его «новый вкусъ».—Классификація балетовъ въ 60-хъ годахъ.

Самой блестящей порой для петербургскаго балета пятидесятыхъ годовъ было появленіе Локателли, который по замѣчанію историка, своими «превосходными танцовщиками и танцовщицами заставилъ хвалителей придворныхъ балетовъ меньше объ нихъ думать».

Локателли прибылъ въ Петербургъ со своей труппой въ 1757 г., и неизвѣстно — по приглашенію-ли, или по своей иниціативѣ. Неизвѣстно также и его прошлое. Нѣсколько ранѣе обращалъ на себя вниманіе въ дипломатической Европѣ и у насъ графъ Локателли— авантюристъ, заѣхавшій въ Петербургъ въ 30-хъ годахъ, но вскорѣ высланный отсюда за границу по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Въ

отместку онъ издалъ въ Парижѣ памфлетъ, «Lettres Moscovites», очень обезпокоившій нашу дипломатію. Разумѣется, съ этой личностью ничего не имѣлъ общаго описываемый балетмейстеръ Локателли, хотя, быть можетъ, происходилъ отъ одной и той-же фамиліи.

Локателли и его труппа были встрѣчены у насъ весьма гостепріимно. Въ ихъ распоряженіе былъ отданъ придворный театръ у Лѣтняго сада или, такъ называвшійся тогда, «большой оперный домъ», не только безплатно, но еще съ субсидіей отъ двора въ 5,000 руб., съ тѣмъ лишь обязательствомъ, чтобы труппа Локателли играла разъ въ недѣлю во дворцѣ. Впрочемъ, императрица и великій князь съ супругой часто посѣщали спектакли Локателли и въ публичномъ театрѣ, какъ это можно видѣть изъ «Камеръ-фур. журнала». Вельможи абонировали въ немъ всѣ ложи, по 300 р. за каждую; въ партерѣ за стулья платили 1 р. 50 к., а кто смотрѣлъ стоя—платилъ 1 руб.

Спектакли Локателли назывались офиціально «вольной комической оперой». Это была итальянская опера-буфъ, съ большой примѣсью балета. Балетная труппа Локателли была довольно значительная и отличалась хорошимъ составомъ. Въ ней находились: «госпожи» Сакки, Беллюци, «дѣвицы» Либера и Андреана, «господа» Сакки, Беллюци, Калцеваро и Толата. Балетмейстеромъ былъ Сакки.

Штелинъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, лично видѣвшій спектакли Локателли, говоритъ, что его балеты были «новѣйшаго изобрѣтенія» и отличались «превосходнымъ вкусомъ». По его словамъ, видѣвшіе ихъ «иностранные министры (т. е. послы) и здѣшніе знатоки говаривали, что лучше ихъ въ Европѣ видѣть нигдѣ нельзя и что они не уступаютъ ни въ чемъ славнымъ итальянскимъ и парижскимъ балетамъ».

Если такъ говорили «министры», то о восторгѣ простыхъ смертныхъ отъ балетовъ Локателли нечего и говорить—онъ былъ безграничный! Особенно плѣнялись петербургскіе балетоманы танцовщицами Либерой Сакки и Беллюци. «Равенство въ пріятностяхъ, вкусѣ и танцованіи» этихъ балеринъ «дѣлили на двѣ партіи зрителей». Каждая партія старалась, конечно, превознесть елико возможно свой кумиръ въ ущербъ кумиру партіи противной. Соперничество выражалось классически—хлопаньемъ, и до того усерднымъ и «безпрестаннымъ», что у клякеровъ вспухали ладони. Тогда они приду-

мали замѣнить ладони деревянными дощечками, съ которыми и являлись въ театръ. При этомъ дощечки перевязывались лентами, по цвѣту которыхъ различались обѣ партіи и, кромѣ того, на лентахъ было обозначено имя любимицы каждой изъ нихъ. Кромѣ «безпрестанныхъ» аплодисментовъ такимъ остроумнымъ способомъ, кромѣ подвесенія разныхъ вещественныхъ знаковъ невещественнаго восторга, поклонники названныхъ балеринъ, обладавшіе поэтическимъ даромъ, воспѣвали ихъ и въ стихахъ. Въ современномъ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія» (1759 г., февраль, стр. 191) напечатанъ былъ «Сонетъ или Мадригалъ *Либеръ Сакъ*, актрисѣ вольнаго театра», въ которомъ поэтъ (Ржевскій), плѣняясь «небеснымъ пламенемъ очей» своего предмета, «нѣжными чертами» его лица и «осанкой несравненной», заключалъ обращеніемъ;

«Ты истинно плѣнять сердца рожденна!..»

Локателли, кромѣ балетныхъ интермедій въ оперныхъ спектакляхъ, поставилъ на петербургской сценѣ цѣлый рядъ самостоятельныхъ балетовъ. Вотъ названія лучшихъ изъ нихъ: «Похищеніе Прозерпины», «Амуръ и Псише», «Пиръ Клеопатринъ», «Госпожи въ Сералѣ», «Дидона и Еней», «Апполонъ и Дафна», «Возвращеніе матросовъ», «Пандуры», «Фоксгалъ (т. е. вокзалъ) въ Лондонѣ» и другіе.

Успѣхъ театра Локателли былъ такъ великъ и давалъ такіе обильные сборы, что антрепренеръ его рѣшился расширить свою дѣятельность. Обольщенный горячей благосклонностью петербургской публики, онъ вообразилъ, что встрѣтитъ тоже самое и отъ московской, для которой онъ снялъ въ Москвѣ, имѣвшійся у Красныхъ воротъ, театръ и выписалъ особую труппу пѣвцовъ, актеровъ и танцоровъ. Но это предпріятіе оказалось для него фатальнымъ: Москва крайне холодно встрѣтила веселыхъ гостей. Локателли въ короткое время раззорился и долженъ былъ распустить свою труппу. Штелинъ свидѣтельствуетъ, что уже въ 1759 г. балеты Локателли «пришли въ упадокъ». Любимица публики, воспѣтая Ржевскимъ, Сакки не поладила въ чемъ-то съ Локателли и уѣхала за границу. Другая знаменитость, балерина Беллюци, съ мужемъ, перешла на службу въ ораніенбаумскій придворный театръ великаго князя. Туда-же поступилъ, въ качествѣ директора и балетмейстера, и танцовщикъ Кальцеваро. Другой танцовщикъ изъ труппы Локателли, Толата, перешелъ въ театръ большаго двора.

Такимъ образомъ блестящіе балеты Локателли «рушились», по выраженію современнаго хроникера. Впрочемъ, театръ Локателли, а въ особенности его маскарады существовали еще и въ царствованіе Екатерины, и послѣдніе посѣщались даже самой императрицей въ маскѣ и инкогнито.

Съ паденіемъ балетовъ Локателли, балетное искусство въ Петербургѣ не перестало, однако, процвѣтать, сдѣлавшись однимъ изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ свѣтской публики. Современные сатирическіе журналы укоряли театраловъ екатерининской эпохи за то, что они, прикидываясь «охотниками до театральныхъ представленій на драматическія пьесы и игру актеровъ», ведутъ себя во время спектакля шумно и неприлично, и что «молчаніе и тихость» возстановляется среди нихъ «не прежде, когда только глазами, а не слухомъ, вниманіе имѣть должно, то есть—*балетъ*». Театралы того времени отдавали предпочтеніе балету даже предъ пьесами тогдашняго «россійскаго Расина»—Сумарокова, который печатно, въ предисловіи къ одной своей трагедіи, внушалъ публикѣ, что «неприлично», пріѣхавъ въ театръ, «возлѣ самаго оркестра грызть орѣхи и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно».

Вѣроятно, уступая вкусу малоразвитой публики, Сумароковъ, очень много мнившій о себѣ и о своихъ трагедіяхъ, тѣмъ не менѣе ниспускался до сочиненія балетовъ, т. е. ихъ либретто. Такъ, въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» за 1788 г. (часть XVIII) напечатанъ его «балетъ», подъ названіемъ: «Прибѣжище добродѣтели», въ которомъ «танцы и основаніе драмы» ставилъ балетмейстеръ Гильфердингъ (балетъ въ 1-й разъ былъ представленъ въ 60-хъ годахъ) Сочиняли «балеты» и другіе того времени поэты наши, не исключая и «сѣвернаго Барда»—Державина.

Процвѣтанію балета въ Петербургѣ послѣ Локателли много способствовалъ «славный» и талантливый балетмейстеръ двора римскаго императора, Гильфердингъ. Онъ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Петербургъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Есть извѣстіе, что онъ былъ присланъ вѣнскимъ дворомъ изъ любезности и желанія угодить Елизаветѣ Петровнѣ, и притомъ на нѣсколько только лѣтъ «для улучшенія петербургскаго балета и введенія въ немъ новаго вкуса». И дѣйствительно, поставленные Гильфердингомъ балеты на

петербургской придворной сценѣ, по словамъ современника, «несравненно лучше старыхъ понравились» нашей публикѣ. Штелинъ говоритъ, что самымъ «превосходнымъ» изъ нихъ былъ, поставленный въ 1760 г., подъ названіемъ: «Побѣда Флоры надъ Бореемъ»; но Гильфердингъ былъ очень дѣятельный и плодовитый мастеръ своего дѣла. Онъ, устраивая на придворной сценѣ балетные спектакли еженедѣльно, поставилъ и сочинилъ новыхъ балетовъ множество—и самостоятельныхъ, и пріуроченныхъ къ лирическому репертуару, который съ половины прошлаго столѣтія сталъ обогощаться уже твореніями не только иностранныхъ, но отечественныхъ поэтовъ и композиторовъ. Къ нимъ Гильфердингъ, за свою бытность въ русской службѣ, неутомимо сочинялъ и аранжировалъ танцы. Такъ, уже въ 1759 г. онъ сочинилъ танцы къ «прологу» «Новые лавры», написанному Сумароковымъ для «торжественнаго тезоименитства Ея Императорскаго Величества по преславной побѣдѣ, одержанной россійскимъ войскомъ при Франкфуртѣ».

Успѣхамъ балетовъ Гильфердинга много содѣйствовала прекрасная музыка знаменитаго въ то время капельмейстера и композитора Старцера, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго изъ Вѣны. Равнымъ образомъ, и исполненіе балетовъ не оставляло ничего лучшаго желать, благодаря хорошему составу труппы. Одновременно съ Гильфердингомъ и, вѣроятно, по его приглашенію въ Петербургъ пріѣхала изъ-за границы цѣлая балетная труппа: г-жа Сантини съ мужемъ, г-жа Мекуръ съ мужемъ, г-жа Пріеръ съ мужемъ и г. Парадисъ съ фигурантами. Кромѣ того, русскіе танцовщики и танцовщицы стараніемъ Гильфердинга значительно усовершенствовались и, «скоро понявъ» его балеты «новаго вкуса», «невѣроятно хорошо, по выраженію Штелина, въ короткое время стали ихъ танцовать».

«Новый вкусъ» балетовъ Гильфердинга, по словамъ того-же автора, заключался въ «деревенскихъ веселостяхъ». Тогда начиналась мода сентиментализма и приторной идилліи, съ фарфоровыми пастушками и возстановленіемъ аркадскихъ нравовъ миѳическаго «златого вѣка», декорированнаго кружевами, брызжами, напомаженнаго и присыпаннаго пудрой.

Этотъ странный кудревато-фальшивый и слащавый жанръ преимущественнѣе всего, конечно, овладѣлъ современнымъ театромъ. Является спеціально-«пастушеская драма», рядомъ съ псевдо-«деревенскими веселостями». Всего удобнѣе было дать мѣсто этому

элементу въ балетѣ, отъ котораго, вообще, никто и никогда слишкомъ много смысла и жизненной правды не спрашивалъ.

Впрочемъ, у тогдашнихъ нашихъ балетомановъ существовала совершенно особенная и очень ужъ наивная классификація балетовъ. Ихъ, напримѣръ, различали не по роду танцевъ и не по драматическому содержанію, а по внѣшнимъ аксессуарамъ. Такимъ образомъ на языкѣ театраловъ, въ 60-хъ годахъ на петербургской сценѣ давались: «балетъ съ *деревяшками*», «балетъ съ *деревянными башмаками* (или съ «саботами»), «балетъ со *змiею*», «балетъ съ *волынкой*», «балетъ съ *зайцемъ*», «*охотничiй* балетъ», «балетъ съ *оленемъ*» и т. д.

Всѣ эти бутафорскія принадлежности составляли приманку и, конечно, многіе шли въ театръ единственно изъ желанія подивиться на то, какъ, напримѣръ, артисты ухищряются плясать въ «деревянныхъ башмакахъ?»

Гильфердингъ завѣдывалъ петербургскимъ балетомъ по 1765 г., когда онъ, а вскорѣ за нимъ и Старцеръ возвратились въ Вѣну. Уѣхала также съ ними и лучшая танцовщица — Сантини. На петербургской сценѣ появляются, послѣ нихъ, новыя силы, новые двигатели балетнаго искусства.

XX.

Прихоть на русскіе танцы. — Привозъ камчадальскихъ танцоровъ въ Петербургъ.—Отзывъ нѣмца о русской пляскѣ.—Русскій національный балетъ.—Балетмейстеръ Анжолини.—Штатъ балетной труппы.—Оклады и пенсіоны балетныхъ артистовъ.—Театральная школа.

Въ дни Елизаветы Петровны, о которыхъ современный поэтъ сказалъ, сравнивая ихъ съ петровскими днями, что

«Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь его ввела къ намъ *вкусъ*»,

театръ у насъ окончательно упрочивается, и—что всего важнѣе—водворяется на прочныхъ основаніяхъ русское національное сценическое искусство, благодаря геніальнымъ «ярославцамъ» Волкову и Дмитревскому.

Одновременно съ этимъ получаетъ начало и русскій національный балетъ. По крайней мѣрѣ, являются попытки искусственной обработки русской народной пляски, съ соблюденіемъ всей бытовой обстановки, примѣнительно, конечно, къ условіямъ и правиламъ обще-европейскаго балета.

Въ сущности, это была затѣя пресыщенія, плодъ барской прихотливости, скучавшей однообразіемъ и искавшей, во что-бы ни стало, новыхъ ощущеній и новыхъ возбужденій извнѣ для притупившейся впечатлительности. Особенно отличалась такимъ прихотничествомъ по части хореграфіи Елизавета Петровна, такъ любившая танцы и считавшаяся такимъ высокимъ авторитетомъ въ этой художественной области. Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующій курьезный фактъ, рельефно характеризующій ее съ этой именно стороны.

Когда до свѣдѣнія государыни были доведены результаты путешествія знаменитаго Беринга, то ее болѣе всего заинтересовало описаніе камчадальскихъ танцевъ и пѣсенъ, отличающихся одушевленіемъ и оригинальностью. Вслѣдъ за этимъ немедленно было приказано доставить въ Петербургъ ко двору шесть камчадальскихъ дѣвушекъ-плясуней, а для исполненія этой коммисіи былъ командированъ въ Камчатку штатсъ-фурьеръ Шахтуровъ. Ни огромнымъ

разстояніемъ, ни трудностями и дороговизной такой экспедиціи не стѣснились, ради исполненія минутной прихоти, а еще менѣе, конечно, задумывались надъ судьбой обреченныхъ на эту хореграфическую экспертизу несчастныхъ дикарокъ.

Шахтуровъ исполнилъ порученіе съ тою расторопностью, какою сплошь и рядомъ отличались подобные молодцы въ «доброе старое время». Онъ достигъ Камчатки, схватилъ шесть молодыхъ и самыхъ красивыхъ дѣвушекъ—дочерей мѣстныхъ богачей, и отправился съ ними въ путь, вездѣ требуя «помощи», продовольствія и денегъ на «хорошее содержаніе и леченіе» своихъ плѣнницъ. Нужда въ леченіи возникла вслѣдствіе того деликатнаго обстоятельства, что во время пути, длившагося болѣе года, всѣ шесть дѣвушекъ успѣли сдѣлаться матерями, благодаря теплому вниманію къ нимъ расторопнаго штатсъ-фурьера. Неизвѣстно, остались-ли довольны исполнительностью Шахтурова и искусствомъ доставленныхъ имъ камчадальскихъ танцовщицъ въ Петербургѣ.

Болѣе или менѣе аналогично съ подобными прихотями возникъ въ то время и вкусъ къ русской пляскѣ, къ изобрѣтенію русскаго балета. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, какъ императрица Анна иногда, наскучивъ итальянскимъ балетомъ, тѣшилась простонароднымъ русскимъ хороводомъ, аранжированнымъ гвардейскими солдатами и ихъ женами. Любила такіе хороводы и Елизавета Петровна и часто забавлялась ими въ загородныхъ резиденціяхъ, особенно въ подмосковныхъ. Это была прихоть, имѣвшая свое основаніе—пожалуй, довольно естественное,—въ томъ обстоятельствѣ, что обѣ эти государыни по воспитанію, по понятіямъ и наклонностямъ принадлежали больше къ типу старо-московскихъ боярынь, чѣмъ къ новѣйшей генераціи русскихъ женщинъ, созданныхъ петровской реформой.

Само собой разумѣется, что все то, что нравилось наверху, во дворцѣ, нравилось обязательно и одобрялось всѣмъ окружающимъ тронъ великосвѣтскимъ обществомъ. Такимъ образомъ, русская пляска сдѣлалась вдругъ предметомъ восторга и удивленія, и не только въ глазахъ русскихъ меломановъ, но даже въ мнѣніи чистокровныхъ нѣмцевъ.

«Всѣ роды европейскихъ танцевъ, пишетъ нѣмецъ Штелинъ,—не могутъ сравниться съ *природнымъ русскимъ*, когда прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и смѣло

казать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который-бы въ прелести могъ русскій превзойти».

Этотъ комплиментъ могъ имѣть значеніе, такъ сказать, обоюдоострое. Дѣло въ томъ, что сама императрица Елизавета, по словамъ того-же хроникера, «чрезвычайно хорошо танцовала и природные русскіе танцы, которые хотя вообще и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однакожс, иногда, а особливо во время придворныхъ маскарадовъ, ихъ танцуютъ». Слѣдовательно, ихъ танцовала здѣсь и императрица, вѣроятно, въ соотвѣтствующемъ «платьѣ русской дѣвушки», возбуждая восторженныя хвалы, къ которымъ она была весьма неравнодушна и откликъ которыхъ ощущается и въ строкахъ благодушнаго Штелина.

Попавъ въ такую честь, русская пляска естественнымъ порядкомъ обратила на себя благосклонное вниманіе и услужливыхъ придворныхъ балетмейстеровъ. Стремясь угодить модѣ и вкусу своихъ нанимателей и покровителей, а отчасти и по ихъ заказу, они начинаютъ взапуски изобрѣтать русскій балетъ, съ русскими костюмами и съ русской бытовой обстановкой, конечно, значительно дополненными и исправленными хореграфической фантазіей и театральнымъ искусствомъ по европейскому фасону. Первые опыты такого балета относятся ко днямъ Анны Ивановны и были сдѣланы изобрѣтательными балетмейстерами Ланде и Фузано; но особенно процвѣлъ и достигъ высшаго развитія русскій балетъ въ царствованіе Екатерины II, благодаря старанію талантливаго балетмейстера и композитора Анжолини, приглашеннаго въ 1766 году изъ Вѣны на службу ко двору.

Увидѣвъ русскіе «природные» танцы, вѣроятно, прежде всего на придворномъ паркетѣ и, смекнувъ, куда вѣтеръ дуетъ въ настроеніи государыни, искавшей тогда популярности подчеркиваніемъ въ себѣ и вокругъ себя тенденціозно-національныхъ вкусовъ и наклонностей въ русскомъ духѣ, Анжолини возымѣлъ счастливую мысль поддѣлаться подъ это настроеніе широкой утилизаціей русской пляски для балета.

Штелинъ даетъ этому любопытному факту нѣсколько натянутое и неправдоподобное толкованіе.

Онъ увѣряетъ, будто Анжолини *впервые* увидѣлъ «природные» русскіе танцы въ 1767 году въ Москвѣ, плѣнился ими и, «дабы

показать пріятство ихъ, сочинилъ огромный въ русскомъ вкусѣ балетъ»...

Во первыхъ, чтобы видѣть русскую пляску, не нужно было ѣздить въ Москву, потому что въ описываемое время она и въ Петербургѣ, даже при дворѣ, какъ утверждаетъ тотъ-же Штелинъ, была въ употребленіи. При Екатеринѣ-же, какъ узнаемъ изъ записокъ Сумарокова, во дворцѣ на святкахъ и на масляницѣ постоянно устраивались русскія народныя игры, хороводы, пляски и пр., и все это въ соотвѣтствующей обстановкѣ. Могъ-ли Анжолини, послѣ этого, живя годъ въ Петербургѣ, не знать и не видѣть русской пляски, вплоть до поѣздки въ Москву?.. Во вторыхъ, какъ мы уже сказали, у Анжолини были предшественники по мысли сочиненія русскаго балета и, слѣдовательно, честь перваго почина въ этомъ дѣлѣ не ему принадлежитъ.

Заслуга Анжолини состоитъ въ томъ, что онъ шире, талантливѣе и блистательнѣе своихъ предшественниковъ съумѣлъ воспользоваться богатымъ матеріаломъ, представившимся ему въ русской пляскѣ. Его «огромный» балетъ изъ русскихъ танцевъ, къ которому онъ самъ-же сочинилъ и музыку изъ русскихъ народныхъ мелодій, былъ поставленъ въ Москвѣ въ 1767 г., въ бытность тамъ двора, и имѣлъ большой успѣхъ.

«Симъ новымъ ума своего произведеніемъ», Анжолини по словамъ современнаго хроникера, «удивилъ всѣхъ и пріобрѣлъ всеобщую себѣ хвалу». Къ сожалѣнію, Анжолини не нашелъ себѣ подражателей въ области разработки русской національной хореграфіи, да и самъ онъ, кажется, не возвращался болѣе къ этому жанру въ послѣдующихъ «ума своего произведеніяхъ», подчиняясь, вѣроятно, прихотямъ измѣнчивой моды, а отчасти болѣе скромному режиму придворной жизни, какой установился въ дни Екатерины, сравнительно съ расточительно-пышнымъ царствованіемъ Елизаветы.

Въ екатерининское время обычный репертуаръ придворнаго театра состоялъ изъ небольшихъ французскихъ пьесокъ, чередовавшихся съ русскими комедіями и трагедіями, а также съ оперою буффъ, и обыкновенно спектакль оканчивался небольшимъ балетомъ. Въ 60-хъ годахъ балеты такого рода чаще всего сочинялъ и ставилъ балетмейстеръ Гранже; но намъ нужно прежде покончить съ петербургской карьерой вышепоименованнаго Анжолини.

Анжолини пріѣхавшій въ Петербургъ съ знакомой уже намъ

замѣчательной балеринной Сантини, которая являлась въ Россію вторично, дебютировалъ балетомъ своего сочиненія «Оставленная Дидона», данномъ послѣ оперы «Il re pastore» (1766 г.). Здѣсь балетъ дополнялъ и какъ-бы иллюстрировалъ оперу, и «явленія сей оперы, по замѣчанію очевидца, столь живо въ балетѣ изображены были, что для совершеннаго выразумлѣнія не надобно было словъ».

Въ балетѣ весь сценаріумъ, всѣ дѣйствующія лица и всѣ «перемѣны» были тѣ-же самыя, что и въ оперѣ, «не исключая пылающаго города Карфагена». Этотъ первый балетъ Анжолини въ Петербургѣ «удивилъ всѣхъ», доставилъ автору «великую славу» и потомъ «многожды послѣ разныхъ оперъ и трагедій ставился».

Въ 1767 г. Анжолини, какъ мы видѣли, «удивилъ всѣхъ» снова своимъ русскимъ балетомъ. Въ 1768 г. онъ опять пріумножилъ свою славу, ловко и изящно польстивъ государынѣ постановкой сочиненнаго имъ, «по случаю выздоровленія ея и. в. отъ оспы», алегорическаго балета: «Побѣжденное предразсужденіе» (рѣчь шла, собственно, о рѣшимости императрицы привить себѣ оспу и тѣмъ побѣдить господствовавшее тогда на счетъ этого презерватива «предразсужденіе»). Само собою разумѣется, «содержаніе» этого балета, по мнѣнію современника, «показало великій разумъ и искусство сего славнаго балетмейстера».

Тогда и послѣ Анжолини сочинилъ и поставилъ много и другихъ балетовъ, и, вообще, его имя довольно ярко свѣтитъ на страницахъ исторіи балетнаго искусства въ Россіи за описываемую эпоху.

Здѣсь, прежде чѣмъ перейдти къ послѣдующимъ страницамъ этой исторіи, намъ необходимо остановиться на одномъ важномъ того времени правительственномъ актѣ, имѣвшемъ серьезное значеніе въ судьбѣ русскаго театра, вообще, и балетной труппы, въ частности.

Мы говоримъ объ учрежденіи впервые постояннаго театральнаго штата, имѣвшемъ мѣсто въ 1766 г. Штатъ учреждался исключительно для петербургскихъ театровъ и въ него входили: итальянская опера, русская драматическая труппа, французская труппа, балетная труппа, камерная и бальная музыка. На содержаніе ихъ всѣхъ асигновалось 138,410 руб. изъ суммъ соляной конторы, въ томъ числѣ собственно на содержаніе балетной труппы 24,100 руб.

Весь штатъ балетной труппы состоялъ изъ *сорока* человѣкъ, а именно:

Балетъ-мейстеръ	1, съ жалованьемъ		2500	р.
Танцовщиковъ.	4:			
Серьезной	1 „	„	2000	„
Первой комической . .	1 „	„	2000	„
Демикарактеръ	1 „	„	1500	„
Бакомикъ	1 „	„	1000	„
Танцовщицъ	4:			
Серьезная	1 „	„	2000	„
Первая комическая . .	1 „	„	2000	„
Демикарактеръ	1 „	„	1500	„
Бакомикъ	1 „	„	1000	„

Составляющіе фигуру:

Танцовщики	12, съ жалованьемъ	по	300	р.
Танцовщицы	12 „ „	„	300	„
Маленькіе ученики . . .	4 „ „	„	150	„
Маленькія ученицы . . .	4 „ „	„	150	„
При нихъ женщина. . .	1 „ „	„	200	„

Судя по цѣнамъ того времени, жалованье для первыхъ персонажей балетной труппы было назначено достаточное, особенно по сравненію съ тѣмъ, которое было назначено одновременно актерамъ русской драматической труппы. Напр., игравшій первыя роли Дмитревскій получалъ всего 860 р., и эта цифра составляла maximum жалованья для русскихъ драматическихъ актеровъ, изъ коихъ лучшіе получали отъ 400 до 600 руб.

Въ виду этого, а также принявъ во вниманіе скудость жалованья тогда и во всѣхъ другихъ родахъ службы, становится понятной слѣдующая, по адресу танцовщикамъ, эпиграмма сумароковской «Трудолюбивой Пчелы»:

> «Танцовщикъ—ты *богатъ*, профессоръ—ты убогъ:
> Конечно, голова въ почтеньи меньше ногъ».

Впрочемъ, до учрежденья штатовъ, въ предшествовавшія царствованія балетные дѣятели, состоявшіе на придворной службѣ, даже иностранные и знаменитѣйшіе изъ нихъ, получали гораздо

меньшее жалованье. Мы кстати приведемъ здѣсь нѣсколько справокъ, чтобы читатель могъ составить себѣ представленіе о матеріальномъ положеніи вообще питомцевъ Терпсихоры въ Россіи въ первой и въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія.

Напр., при Аннѣ Ивановнѣ знаменитый балетмейстеръ Ланде получалъ всего 1000 р. въ годъ; его товарищъ Антоній Ринальди (Фузано) получалъ уже въ позднѣйшее время—1,400 р.; его жена—столь прославленная въ свое время балерина—1,200 р. Не менѣе извѣстныя балерины, «мадамы» Коломба и Фабіани, получали по 1,000 р. Мужъ Фабіани получалъ столько же. Танцовщикъ на первыя роли Гаэтано Торди довольствовался 1,350 руб. и т. д.

Жалованье русскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ того времени было уже совершенно мизерное, хотя они, по отзывамъ современниковъ, и не уступали въ искусствѣ иностранцамъ. Такъ, знаменитая ученица жены Фузано — Авдотья Тимофеева получала всего 260 р.; Аграфена Иванова—250 р.; остальныя-же танцовщицы довольствовались содержаніемъ отъ 160 до 100 р. Изъ танцовщиковъ русскихъ болѣе всѣхъ получалъ Афонасій Топорковъ—350 р., а его товарищи — отъ 250 до 130 р. Кажется, на положеніе русскихъ артистовъ попалъ почему-то и знакомый намъ французъ Лебренъ, достойный ученикъ Ланде. Ему платили всего 400 руб.

Цифры эти представляются тѣмъ болѣе ничтожными, что, какъ извѣстно, ремесло балетнаго артиста не можетъ долго ему служить. Онъ годенъ и въ славѣ пока молодъ, здоровъ и силенъ, а чуть состарѣлся и потерялъ гибкость ногъ—ему указываютъ дверь. Къ тому-же, до учрежденія штатовъ, придворнымъ артистамъ не полагалось за выслугу пенсіона. Съ учрежденіемъ этихъ штатовъ пенсіонъ былъ установленъ для балетныхъ дѣятелей, но незначительный и обусловленный нѣкоторыми тяжелыми ограниченіями.

«Танцовщикамъ и танцовщицамъ, сказано было тамъ,—кои здѣсь въ службѣ *десять лѣтъ* безвыѣздно пробудутъ, слѣдовательно и лѣта и силы свои потеряютъ, давать пенсіонъ: танцовщику отъ 150 до 200 р., послѣднее, если онъ здѣсь навсегда останется; танцовщицѣ отъ 200 до 250 р. (почему-то больше?) по тому-же послѣднее, по смерть ихъ, а первое съ тѣмъ, если они нигдѣ служить не обяжутся; а какъ скоро узнано будетъ, что они, выѣхавъ отсюда, пошли гдѣ-нибудь на службу, то пенсіонъ отрѣшается.

Фигурантамъ и фигуранткамъ въ полы» (т. е. половину противъ пенсіона солистовъ и солистокъ).

Чѣмъ мотивировалось это ограниченіе—объяснить трудно, особенно, въ виду сознанія, что артисты во всякомъ случаѣ теряютъ на службѣ «и лѣта, и силы», чѣмъ и выслуживаютъ себѣ право на пенсіонъ.

Правительственное участіе въ судьбахъ петербургскаго театра, весьма дѣятельное въ дни Екатерины, по отношенію къ балету выразилось еще разъ законодательнымъ порядкомъ въ 1783 г., въ инструкціи, данной учрежденному тогда театральному комитету, которому, между прочимъ, поручалось организовать театральную школу. Въ школѣ должны были обучаться русскіе ученики музыкѣ, *танцеванію* и «разнымъ мастерствамъ», къ театру относящимся. Цѣль школы была та, «чтобъ не только свой театръ изъ нихъ (учениковъ) наполнить, но дабы со временемъ достигнуть во всѣхъ мастерствахъ, по театрамъ нужныхъ, замѣны иностранцевъ своими природными» («П. С. З.», № 15,783).

Въ той-же инструкціи предписывалось впредь, «для отвращенія излишнихъ затрудненій и убытковъ, *большіе балеты* давать въ большомъ театрѣ, а на маломъ театрѣ давать *малые*, гдѣ мало или никакой перемѣны декорацій не надобно».

XXI.

Балетная труппа временъ Екатерины II.—Балетоманія в. кн. Павла Петровича.—Состояніе петербургскаго балета въ концѣ XVIII столѣтія.

60-е годы прошлаго столѣтія были необыкновенно плодовиты балетными сочинителями и новыми балетами на петербургской сценѣ.

Кромѣ уже извѣстныхъ намъ балетмейстеровъ — Гильфердинга и Анжолини, за это время стяжали себѣ безсмертіе въ исторіи нашего театра еще слѣдующіе творцы и устроители балетовъ: Калцеваро, Парадисъ, Гранже, Невиль и Толато.

Калцеваро пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ труппой Локателли и, когда она раскаспровалась, поступилъ, въ качествѣ балетмейстера, на службу въ ораніенбаумскій театръ при дворѣ наслѣдника престола (Петра Федоровича), отличавшагося большой меломаніей. Вмѣстѣ съ Калцеваро перешли туда-же изъ труппы Локателли танцовщики Беллюци, мужъ и жена, и другіе. Ораніенбаумская балетная труппа, благодаря стараніямъ Калцеваро, пріобрѣла выдающееся положеніе и имѣла въ своихъ рядахъ нѣсколько замѣчательныхъ артистовъ. Въ числѣ ихъ отличались и русскіе, знакомые намъ, питомцы Терпсихоры. Женскій персоналъ состоялъ: изъ Беллюци, занимавшей амплуа первой балерины, Авдотьи Тимофеевой, Варвары Михайловой, Парасковьи Петровой и другихъ. Изъ танцовщиковъ выдавались: Оливье, Нодень-ла-Конте, Вавило Афонасьевъ и, въ особенности, «молодой Цезарь» (?), котораго «легкія ноги», по словамъ очевидца, виднѣе были въ воздухѣ, нежели на полу,— такъ онъ, значитъ, былъ воздушенъ...

Калцеваро поставилъ на ораніенбаумской сценѣ рядъ балетовъ собственнаго сочиненія, изъ коихъ въ хроникѣ Штелина записаны, какъ лучшіе: «Золотая отрасль» (алегорическій балетъ), «Прометей и Пандора» и «Китайская свадьба».

Ораніенбаумскій балетный театръ не долго, впрочемъ процвѣталъ и существовалъ самостоятельно. Въ 1761 г. Калцеваро взялъ «абшидъ», т. е. вышелъ въ отставку, а въ слѣдующемъ году великій князь Петръ Федоровичъ сталъ императоромъ и весь ораніенбаумскій дворъ перенесся въ Петербургъ, въ зимній дворецъ.

Балетмейстеръ Парадисъ, состоявшій танцовщикомъ въ труппѣ, ангажированной Гильфердингомъ, выступаетъ одновременно съ Гранже (тоже фигурировавшимъ впервые въ качествѣ танцовщика) и Невилемъ въ дни уже Екатерины. Первыхъ двухъ Штелинъ величаетъ «славными» и говоритъ, что за выбытіемъ Гильфердинга (1765 г.), они поддержали петербургскій балетъ на должной высотѣ и «веселили» придворную публику собственнаго сочиненія балетами.

Изъ записокъ Порошина мы узнаемъ, что, дѣйствительно, эти три артиста, и въ особенности Гранже, очень часто ставили свои балеты на придворной сценѣ, являвшіеся обыкновенно въ заключеніе спектакля, главную, капитальную часть котораго составляли, въ большинствѣ случаевъ, французскія комедіи и «маленькія піесы» (опереты-буфъ).

Судя по этимъ запискамъ, въ которыя занесены Порошинымъ почти всѣ происходившіе при немъ на придворной сценѣ спектакли, помянутые балетмейстеры являются со своими балетами съ первыхъ дней царствованія Екатерины, а не съ 1765 г., какъ записано у Штелина.

Такъ, отъ 24 ноября 1764 г. Порошинъ извѣщаетъ о постановкѣ, послѣ оперы «Карлъ Великій», «*новаго* балета господина Гранже», причемъ въ театръ «впускали по билетамъ» и «тѣснота была ужасная». Это объяснялось, вопервыхъ, новизной балета, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ немъ «первый разъ» танцовала выписанная изъ-за границы, балерина Фузи.

Порошинъ, къ сожалѣнію, не всегда упоминаетъ названіе видѣнныхъ имъ балетовъ и имена ихъ авторовъ; но изъ приведеннаго извѣстія видно, что представленный въ означенный день балетъ Гранже былъ не первый.

Изъ балетовъ Гранже Порошинъ поименовываетъ: «Галатею и Ациса», «Апполона и Дафну», который весьма нравился и самъ великій князь однажды до того усердно ему хлопалъ, что потомъ жаловался, что «кулаки у него еще больше устали, чѣмъ онъ самъ», «Балетъ со зміею», тоже пользовавшійся большимъ успѣхомъ, «Le Faune jaloux», и др. Штелинъ приписываетъ Гранже слѣдующіе балеты: «Мастерская ваятелей», «Кораблекрушеніе и избавленіе отъ ефіопской неволи», «Турецкій кофейный домъ», и пр.

Балеты Невиля («La jalousie villageoise», 1764 г., «Chasseurs»,

1765 г., и др.) тоже весьма нравились въ то время и возбуждали оживленные толки среди придворныхъ балетомановъ.

Порошинъ называетъ Невиля «комедіантомъ» и—онъ, дѣйствительно, былъ актеромъ французской драмматической труппы и около этого же времени являлся на петербургской сценѣ въ трагедіяхъ.

Толато—нашъ старый знакомецъ—поставилъ тогда-же нѣсколько балетовъ и между прочимъ: «Балетъ съ куклою» и «Балетъ съ мельницею». Въ срединѣ 60-хъ годовъ онъ еще самъ танцовалъ и на одномъ изъ представленій послѣдняго балета вывихнулъ себѣ ногу.

Парадисъ, тоже ставившій своего сочиненія балеты въ описываемое время, фигурировалъ тогда-же и въ качествѣ танцовщика, притомъ одного изъ лучшихъ. Съ нимъ соперничалъ русскій танцовщикъ Тимофей (Бубликовъ), о которомъ часто упоминается въ запискахъ Порошина. То упоминается, какъ въ «балетѣ съ зайцемъ» Тимофей, «мѣсто Мекурши, зайца къ дереву привязываетъ», то говорится, что онъ «очень хорошо танцовалъ» и что его высочество ему «особливо» и «многократно» хлопать изволилъ, при чемъ весьма гнѣвался, когда партеръ принимался аплодировать не дождидаясь его почина.

— Впередъ я выпрошу, сказалъ онъ какъ-то послѣ спектакля,— чтобъ тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности.

Тимофей, какъ узнаемъ изъ тѣхъ-же записокъ, въ такой степени выдавался своимъ талантомъ, что былъ посланъ для усовершенствованія заграницу (или, по крайней мѣрѣ, былъ туда отпущенъ). Въ средѣ театраловъ это произвело сенсацію и при дворѣ великаго князя Н. И. Панинъ говорилъ: «на какомъ-бы его основаніи послать должно»... Въ чемъ состояло это «основаніе» по мнѣнію Панина, неизвѣстно. Можетъ быть, это имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ факту, позднѣе записанному Порошинымъ.

Дѣло въ томъ, что одновременно почти съ вышеупомянутымъ Тимофеемъ отправленъ былъ за-границу и знаменитый русскій актеръ Дмитревскій. По этому поводу вышелъ весьма характеристическій разговоръ у Павла Петровича съ его приближенными.

Порошинъ освѣдомился—скоро ли Дмитревскій возвратится изъ чужихъ краевъ?

— Я, братецъ, возразилъ великій князь, — въ подробности о комедіантахъ не вхожу, а особливо о русскихъ.

— Для чего-же бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности? возразилъ Порошинъ.

— Для того, что они дурно играютъ.

За русскихъ актеровъ вступились окружающіе и старались внушить в. кн. Павлу Петровичу, какъ важно для процвѣтанія русскаго театра поощреніе съ его стороны.

Въ описываемое время петербургская балетная труппа, кромѣ вышеисчисленныхъ дѣятелей, составлявшихъ главный мужской персоналъ, обладала слѣдующими балеринами: Мекуръ (или Мекурша, по тогдашней этимологіи), жена Невиля, Ла-Пріеръ, Фузи, Сантини и друг.

Всѣ онѣ фигурировали не одновременно, а большею частью смѣняли одна другую. Такъ, знаменитѣйшая изъ нихъ—Сантини, въ 1764 г. выбыла со сцены и на ея мѣсто явилась Фузи, которая, кажется, не вполнѣ заставила забыть петербургскихъ балетомановъ о своей предшественницѣ. По крайней мѣрѣ, въ 1765 г. въ средѣ послѣднихъ шли разговоры о возвращеніи «Сантинши» изъ Вѣны на петербургскую сцену. Вѣроятно, театральное начальство входило съ нею по этому предмету въ сношенія; но «Сантинша» очень дорожилась: она запрашивала 5,000 руб. въ годъ, что еще составляло тогда неслыханную цѣну.

Коръ-де-балетъ въ тѣ времена комплектовался частью учениками театральнаго училища. Ставились для нихъ и особые, самостоятельные балеты, замѣнявшіе собою на эрмитажной сценѣ балеты взрослыхъ. Порошинъ довольно часто упоминаетъ, что на такомъ-то спектаклѣ «балетъ былъ изъ *маленькихъ*», т. е. изъ маленькихъ учениковъ и ученицъ танцовальной школы.

Театральное дѣло, вообще, и балетъ, въ частности, въ царствованіе Екатерины прогрессивно расширялись и развивались. Только въ послѣдніе уже годы жизни императрицы блескъ двора, пышность и разнообразіе зрѣлищъ, которыми онъ ослѣплялъ въ началѣ этого «златого вѣка», значительно померкли и поубавились.

Театры-же доставляли Екатеринѣ въ это время много огорченій и заботъ, потому что одновременно съ ихъ развитіемъ и расширеніемъ страшно росли безпорядки и злоупотребленія въ ихъ хозяйствѣ и управленіи. На дирекціи накопились огромные долги, актеры

не получали жалованья, въ веденіи расходовъ не было никакой отчетности и т. д.

Въ 1783 г. государыня поручила особо учрежденному, подъ предсѣдательствомъ Олсуфьева, комитету заняться переустройствомъ и улучшеніемъ театральнаго хозяйства, и, видя, что дѣла не поправляются, лично принялась за сокращенія труппы.

Въ это время въ балетной труппѣ находилось нѣсколько европейски-извѣстныхъ артистовъ: танцовщики Канціани, Пикъ (или Ле-Пикъ), Розетти, танцовщицы — Канціани, Росси, Питю и друг. Рядомъ съ ними отличались и русскія знаменитости того времени: Настенька Берилова, Анна Пономарева, Гладышевъ, Валберхъ (Лѣсогоровъ) и др.

Первымъ танцовщикомъ былъ Пикъ—«для характеристическихъ танцевъ», по извѣстію Энгельгардта, а Розетти, по тому-же источнику, «отличался, какъ прыгунъ», т. е. какъ комикъ. Пикъ, прозванный за свое изящество Апполономъ танца, до пріѣзда въ Россію прославился въ Парижѣ и въ другихъ европейскихъ столицахъ. Въ Петербургѣ онъ получалъ огромное по тому времени жалованье въ 6,500 р. Съ нимъ соперничалъ, по искусству, танцовщикъ—Лѣсогоровъ, воспитанникъ театральнаго училища, прозванный императрицей Валберховымъ и, по ея желанію, ѣздившій заграницу для усовершенствованія.

Канціани состоялъ балетмейстеромъ и получалъ 5,000 р. жалованья. Онъ поставилъ нѣсколько балетовъ и, вообще, считался мастеромъ своего дѣла.

Первой балериной была Росси, получавшая 5,000 р. Въ девяностыхъ годахъ ее смѣнила Роза Колинетъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Дидло. Колинетъ и Берилова «оспаривали тогда другъ у друга пальму первенства». Берилова, которую балетоманы «изъ нѣжности» звали просто Настенькой, была, по словамъ Вигеля, «воплощенная грація», но, къ сожалѣнію, «черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ».

Въ 1787 г., по исчисленію директора театровъ Стрекалова, на петербургскую балетную труппу расходовалось 40,170 р. Годомъ позднѣе императрица, недовольная дороговизной театровъ и ихъ безпорядками, рѣшила убавить всѣ труппы, въ томъ числѣ и балетную. Изъ дневника Храповицкаго узнаемъ, что въ 1789 г. она приказала въ балетной труппѣ оставить только Пика и Росси, и

еще одну пару, ибо двухъ паръ, по выраженію Екатерины, довольно было за глаза. Въ какой мѣрѣ было исполнено это рѣшеніе—неизвѣстно; но дѣло въ томъ, что тогда оно явилось-бы противорѣчіемъ насущному требованію публики, проникнувшейся необыкновенной пассіей къ балетнымъ представленіямъ, о чемъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

XXII.

Балетоманія, и ея изнанка.—Танцовщица Ленушка и гр. Безбородко.—Фаворитизмъ въ судьбахъ театра. — Куртизанка Шевалье и ея протэже на балетной сценѣ.—Балетъ въ царствованіе Павла. — Балетмейстеръ Шевалье и Огюстъ въ русской пляскѣ.—Бенефисный гонораръ.—Автобіографія балерины.—Поклонники и покровители.

«Посѣщая театры, — пишетъ въ своихъ запискахъ гр. Ф. Толстой,—болѣе всего восхищался я прекрасными балетами Дидло»...

Рѣчь идетъ о первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда графъ только что вступалъ въ свѣтъ.

Гр. Толстой былъ художникъ и его балетоманія происходила, конечно, изъ источниковъ вполнѣ эстетическихъ; но едва-ли можно сказать это вообще о нашихъ свѣтскихъ балетоманахъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». А нужно замѣтить, что въ тѣ времена каждый почти великосвѣтскій баринъ, безъ различія возраста, непремѣнно былъ балетоманомъ, особенно, когда петербургскій балетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и изобиловалъ красивыми танцовщицами.

Какъ и въ наши дни, балетоманія всегда составляла одну изъ непремѣнныхъ принадлежностей эпикурейскаго культа людей богатыхъ, праздныхъ и живущихъ исключительно для наслажденія. Страсть къ балету, поэтому, весьма рѣдко носитъ отпечатокъ од-

ного чистаго эстетическаго увлеченія; въ ней всегда есть большая или меньшая примѣсь грубой чувственности и сластолюбиваго женолюбія. Обыкновенно балетоманъ, восхищаясь пластикой и искусствомъ танцовщицы, испытываетъ афектъ далеко не платоническаго чувства. Его плѣняетъ въ ней не только артистка, не только красота, какъ таковая, но и просто—женщина, самка, и—послѣдняя иногда болѣе всего, если не исключительно.

«Кто не знаетъ, справедливо замѣчаетъ одинъ писатель,—что есть много любителей балетовъ, которые ставятъ балетъ превыше всевозможныхъ зрѣлищъ, потому единственно, что тутъ только можно видѣть прекрасныя женскія ноги, высоко поднимаемыя!»

Отсюда, по естественному порядку вещей, всякая граціозная и смазливая танцовщица дѣлается предметомъ настойчивыхъ ловеласовскихъ преслѣдованій истыхъ балетомановъ, отсюда эта невыгодная для балетныхъ артистокъ традиція о легкости ихъ нравовъ, о предосудительности и опасности самой ихъ профессіи со стороны морали и цѣломудрія.

Все это въ особенности нужно сказать о такой малоразвитой, испорченной и сластолюбивой средѣ, какую представляли собою наши бонвиваны описываемаго времени. Балетоманія у нихъ сплошь и рядомъ смѣшивалась съ куртизанствомъ. Истый балетоманъ долженъ былъ быть одновременно и счастливымъ обладателемъ какой-нибудь танцовщицы, и чѣмъ она была цѣннѣе, по красотѣ и таланту, тѣмъ большей честью и славой пользовался ея покровитель въ своемъ кругу. Этимъ тщеславились. Великосвѣтскій бельомъ, «левъ» и вельможа, не достигалъ своего идеала, во всемъ его совершенствѣ, если не имѣлъ на своемъ содержаніи танцовщицы. Легкомысленное хвастовство Репетилова, что онъ

„Танцовщицу держалъ,—да не одну:
Трехъ разомъ!“

—имѣетъ положительное историческое значеніе для характеристики какъ нравовъ, такъ и балетоманіи того времени. Репетиловъ лгалъ,—быть можетъ, онъ никогда ни одной танцовщицы не «держалъ» и вообще былъ цѣломудреннѣе ягненка, но самое это лганье показываетъ, чѣмъ тщеславились тогдашніе представители beau monde'а.

Относительно этого пункта находимъ фактическое подтвержденіе

въ скандалезной хроникѣ того времени. Почти всѣ вельможи были не безгрѣшны въ этомъ отношеніи. И. Дмитріевъ былъ исторически достовѣренъ, когда въ одной своей сатирѣ, писалъ:

„...театральныя павы
Съ вельможей дань берутъ...
О, времена, о, нравы!"

«Дань» эта бывала иногда положительно баснословная и для нашихъ дней почти немыслимая по своимъ размѣрамъ.

Извѣстный своимъ женолюбіемъ, графъ Безбородко уже въ солидномъ возрастѣ «взялъ, какъ разсказываетъ Грибовскій, танцовщицу Ленушку (Грибовскій не называетъ ея фамиліи), отъ которой имѣлъ дочь». Потомъ, выдалъ ее замужъ за подчиненнаго ему чиновника, «далъ ей въ приданное упраздненный и пожалованный ему императоромъ Павломъ въ петербургской губерніи городъ Рожественъ, который приносилъ ежегодно доходу 80,000 руб.; сверхъ того, въ Петербургѣ домъ въ 300,000 руб., а мужу исходатайствовалъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника»...

Приданное, словомъ, такое, что и владѣтельной герцогинѣ въ пору, а его получила отъ своего покровителя простая танцовщица, которую даже полнымъ именемъ историкъ не удостоилъ назвать.

Положимъ, фортуна Ленушки была исключительная, по своимъ невѣроятнымъ размѣрамъ: такихъ тароватыхъ балетомановъ, какимъ былъ графъ Безбородко, съ его безпредѣльнымъ богатствомъ, дававшимъ ему возможность дарить своимъ фавориткамъ—танцовщицамъ такія царскія «приданныя», было, конечно, не много; тѣмъ не менѣе, въ исторіи русскаго балета и вообще въ исторіи театра въ Россіи, за взятую нами эпоху, меценатство и фаворитизмъ, на подкладкѣ конкубината, играютъ, къ сожалѣнію, очень видную и вліятельную роль. Вельможи, сильные люди, поддаваясь господствовавшей похотливой меломаніи, одинъ передъ другимъ взапуски платятъ дань «театральнымъ павамъ» и, конечно, благодаря своей власти и богатству, дѣлаются счастливыми ихъ обладателями предпочтительнѣе передъ рядовыми конкурентами изъ великосвѣтскаго плебса. «Театральныя павы», удостоившись такой чести, обыкновенно начинаютъ эксплоатировать власть и вліяніе своихъ сановныхъ почитателей для достиженія личныхъ цѣлей своекорыстія, соперничества, тщеславія и каприза... «Пава»—фаворитка дѣлается въ

театральномъ міркѣ тиранической властительницей, вноситъ въ него произволъ и интригу, и подкапывается подъ всѣхъ товарокъ болѣе ея талантливыхъ и выдающихся, въ завистливомъ страхѣ встрѣтить въ нихъ опасныхъ соперницъ. Бывали примѣры, что такія султанши ворочали судьбами всего театра по своей прихоти, опираясь на авторитетъ и власть своихъ, слишкомъ ужъ податливыхъ, слишкомъ влюбчивыхъ покровителей. Мало того: онѣ, случалось, простирали свое закулисное вліяніе далеко за предѣлы театральнаго міра—въ сферу даже, такъ называемой, высшей политики...

Такой интересный примѣръ представляетъ намъ французская актриса Шевалье, подвизавшаяся въ Петербургѣ въ царствованіе императора Павла. Мы на ней останавливаемся, потому что ея «случай», момимо своего эпизодическаго интереса, имѣетъ прямое отношеніе и къ исторіи балета въ Россіи за данный моментъ.

Шевалье была талантливая пѣвица и актриса, но—главное—она была красавица, благодаря чему и сдѣлалась фавориткой всесильнаго любимца Павла, графа Кутайсова, влюбившагося въ нее съ азіатской страстностью (извѣстно, что графъ Кутайсовъ, по происхожденію, былъ турокъ). Пользуясь этимъ, Шевалье и ея мужъ не только дѣлали, что хотѣли, въ театральномъ мірѣ, но даже продавали свое вліяніе на Кутайсова многимъ искателямъ и просителямъ по дѣламъ, неимѣвшимъ никакого отношенія къ театру.

Сама Шевалье, не забывая лично о себѣ, въ тоже время высказывала себя доброй патріоткой, попечительной родственницей и—какъ это ни курьезно—преданной супругой. Желая снискать и на самомъ дѣлѣ снискавъ благосклонность государя, она употребила всѣ старанія почаще фигурировать передъ нимъ на придворной сценѣ и такъ ловко повела интригу, что французскіе спектакли совершенно почти вытѣснили на этой сценѣ представленія русской, нѣмецкой и оперной труппъ. Конечно, это было очень выгодно не только для г-жи Шевалье, но и для всей французской труппы. Зная павловскія времена, нужно удивляться силѣ вліянія этой хорошенькой куртизанки.

«Четыре раза императоръ, какъ разсказываетъ Коцебу, бывшій тогда директоромъ петербургскаго нѣмецкаго театра,—выражалъ желаніе видѣть въ своемъ дворцѣ нѣмецкое представленіе, четыре

раза я получалъ приказаніе отъ гофъ-маршала приготовиться, и четыре раза г-жа Шевалье съумѣла этому воспрепятствовать».

Послѣ этого, вовсе не будетъ удивительна та перетасовка, которую самовластно произвела Шевалье въ петербургской балетной труппѣ, изъ угоды нѣжно любимымъ ею мужу и родственникамъ.

M-sieur Шевалье, по характеристикѣ Коцебу, былъ «олицетвореніемъ дерзости и нахальства и однимъ изъ самыхъ худыхъ балетныхъ танцоровъ, когда либо существовавшихъ—хотя онъ не разъ хвасталъ въ Петербургѣ, что танцовалъ въ «Большой оперѣ» въ Парижѣ вмѣстѣ съ такими знаменитостями, какъ Вестрисъ, Гардель и другіе».

Коцебу подозрѣваетъ, что Шевалье въ Парижѣ былъ не болѣе, какъ статистомъ, а потомъ помощникомъ балетмейстера «въ какомъ-то итальянскомъ театрѣ». Но это все равно: у Шевалье была хорошенькая жена, а въ театральныхъ карьерахъ это иногда стоитъ дороже первокласнаго таланта.

Благодаря вліянію и интригамъ жены, Шевалье «одержалъ побѣду надъ старымъ балетмейстеромъ Ле-Пикомъ, пользовавшимся большимъ уваженіемъ», т. е., вытѣснилъ его съ позиціи главнаго распорядителя петербургской балетной труппой и сталъ въ ней полновластно царствовать. Жена-же доставила ему тогда и чинъ колежскаго ассесора, что, по тому времени, составляло небывалую почесть.

Сдѣлавшись главнымъ балетмейстеромъ, Шевалье началъ ставить балеты собственнаго сочиненія, которые, по мнѣнію Коцебу, «были жалкіе и плохіе». «Бѣдность своего воображенія онъ старался прикрыть разными маршами, богатыми костюмами и прекрасными декораціями, поставляемыми извѣстнымъ Гонзаго (театральнымъ декораторомъ - живописцемъ), единственнымъ въ своемъ родѣ». Постановка балетовъ Шевалье стоила большихъ денегъ и не могла окупаться, потому что балеты его сочиненія выдерживали очень немного представленій. При этомъ балетный театръ пользовался при Шевалье особой привиллегіей. Въ то время, какъ для постановки спектаклей другихъ труппъ театральная дирекція скупилась на издержки, расходамъ на балетъ не было предѣловъ. Вслѣдствіе того, балетная труппа имѣла, напримѣръ, самые роскошные и самые свѣжіе костюмы, и Шевалье ни за что не хотѣлъ ихъ давать на подержаніе въ другія труппы.

Разъ директоръ театровъ, Нарышкинъ, прислалъ ему собственноручную записку съ приказаніемъ отпустить изъ балетной гардеробной костюмы для нѣмецкихъ актеровъ, и, не смотря на это, Шевалье костюмовъ не далъ... Такъ силенъ онъ былъ вліяніемъ своей супруги, опиравшейся на покровительство графа Кутайсова!

Замѣчательно при этомъ, что императоръ Павелъ вовсе не былъ большимъ поклонникомъ балета; но театральная интрига и фаворитизмъ дѣлали свое дѣло и на роскошную постановку бездарныхъ балетовъ Шевалье дирекція не жалѣла никакихъ средствъ.

Впрочемъ, кромѣ Шевалье, при императорѣ Павлѣ принимали участіе въ поддержаніи петербургскаго балета на должной высотѣ и другіе, болѣе даровитые дѣятели. Ле-Пикъ, хотя оттертый съ первенствующаго положенія и загнанный, продолжалъ все-таки работать. Громкая слава его, доходившая, по словамъ Вигеля, «до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій», тогда еще-не угасла. Имя его «произносилось съ благоговѣніемъ» поклонниками балета. Балеты его сочиненія очень долго держались на сценѣ. Уже позднѣе, «мнѣ, говоритъ Вигель, неоднократно случалось читать на афишкѣ: «Балетъ сочиненія балетмейстера Ле-Пика».

Въ дни Павла всходила новая хореграфическая звѣзда—Ивана Ивановича Валберхова, едва-ли не перваго русскаго балетмейстера, и какъ руководителя танцевъ, и какъ самостоятельнаго сочинителя балетовъ. Впрочемъ, его имя и слава больше принадлежатъ уже александровской эпохѣ. Павелъ Петровичъ, какъ мы сказали, не особенно жаловалъ танцовщиковъ, а подъ конецъ царствованія его антипатія къ нимъ дошла до того, что онъ и вовсе запретилъ имъ являться на придворной сценѣ; всѣ роли въ балетахъ, и мужскія, и женскія, по волѣ государя, исполнялись обязательно танцовщицами, которыхъ онъ, въ свою очередь, заставлялъ, по словамъ Каратыгина, принимать пассивное участіе въ воинскихъ экзерциціяхъ. Однажды, встрѣтивъ на какомъ-то ученьи, въ числѣ зрителей, двухъ балеринъ, государь издалъ высочайшій приказъ, чтобы отселѣ вся балетная труппа являлась присутствовать на вахтъ-парадахъ и смотрахъ.

Въ тогдашней балетной труппѣ особенно выдвигались русскія танцовщицы—Берилова и Колосова, восхищавшая своимъ прекраснымъ сложеніемъ въ мужскихъ роляхъ. Кажется, однако, тогдашняя балетная труппа нуждалась въ пополненіи и обновленіи. По

крайней мѣрѣ, Шевалье дано было порученіе набрать заграницей новыхъ артистовъ, и онъ съ этой цѣлью ѣздилъ туда. Кого онъ выписалъ—неизвѣстно; но г-жа Шевалье воспользовалась этимъ, чтобы выписать своего брата и, съ родственной заботливостью, пристроить его на тепломъ мѣстечкѣ.

Брата Шевалье звали Огюстомъ. Онъ былъ тоже танцовщикъ и «очень посредственный» по отзыву Коцебу, исполненнаго непримиримой вражды ко всему семейству Шевалье. Этотъ Огюстъ (Пуаро) занялъ въ петербургскомъ балетѣ амплуа перваго танцовщика, удостоился чести преподавать танцы наслѣднику престола, великому князю Александру Павловичу, и впослѣдствіи, когда, со вступленіемъ послѣдняго на престолъ, Шевалье съ супругой очень поспѣшно выпроводили заграницу, сдѣланъ былъ балетмейстеромъ. Какъ танцовщикъ, Огюстъ прославился бойкимъ исполненіемъ русской пляски, которую онъ перенялъ, по словамъ очевидцевъ, въ совершенствѣ.

«Этотъ Огюстъ, вспоминаетъ о немъ Вигель, — долго, очень долго танцовалъ и леталъ передъ нами зефиромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебѣлостью, не заставило его, отпустивъ бороду, надѣть нашъ простой крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать порусски».

Добавимъ, что онъ былъ женатъ на дочери знаменитой балетной четы—Ле-Пика, танцовщика и балетмейстера, и Росси—первой балерины екатерининскихъ временъ.

Вигель разсказываетъ о русской пляскѣ Огюста въ такомъ тонѣ, что онъ, будто-бы, по нуждѣ обратился къ ней; но, кажется, этотъ питомецъ Терпсихоры, благодаря опять-таки покровительству сестры, былъ хорошо обезпеченъ матеріально.

Семейство Шевалье жило въ Петербургѣ роскошно и его жилье, по богатству убранства, не уступало покоямъ Михайловскаго дворца. Втроемъ — мужъ, жена и ея братъ — получали изъ театральной дирекціи жалованья вмѣстѣ 13,000 руб., и гораздо больше получали съ бенефисовъ. Если вѣрить Коцебу, бенефисы г-жи Шевалье и Огюста приносили каждому изъ нихъ до 20,000 рублей. Этому можно повѣрить, потому что и въ этомъ случаѣ игралъ роль фаворитизмъ. Желая заискать у фаворитки всесильнаго временщика, вельможи, по словамъ Коцебу, платили въ бенефисы Шевалье и ея брата за ложи, случалось, по тысячѣ рублей. «Всѣ, имѣвшіе зна-

ченіе при дворѣ, всѣ, старавшіеся удержаться при немъ, дѣлали въ эти дни пожертвованія, нерѣдко превосходившія ихъ средства»...

Таковы бывали иногда обаяніе и значеніе «театральныхъ павъ», взысканныхъ благосклонностью сильныхъ міра сего — благосклонностью, такъ мало имѣвшей общаго съ чисто-эстетическими побужденіями и вкусами!

Явленіе это, повторяемъ, въ особенности часто имѣло мѣсто въ балетномъ мірѣ уже потому, что балетъ всегда, предпочтительнѣе предъ всѣми другими сценами, нарочно комплектовался самыми красивыми и самыми граціозными женщинами изъ среды посвящающихъ себя театральному искусству. Еще въ отрочествѣ, на школьной скамьѣ театральнаго училища, отличенныя этими дарами природы питомицы Терпсихоры дѣлаются предметомъ донъ-жуановскихъ искательствъ и преслѣдованій со стороны свѣтскихъ балетомановъ, юныхъ и старыхъ, сановныхъ и мелкотравчатыхъ.

Эти искательства отличались нерѣдко нахальствомъ и молодечествомъ, возбуждавшими полное одобреніе великосвѣтской золотой молодежи. Каратыгинъ разсказываетъ случай, относящійся къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія, гдѣ извѣстный впослѣдствіи декабристъ Якубовичъ, нарядившись сбитеньщикомъ, явился на репетицію одного балета за кулисы, съ цѣлью вручить любовную записочку воспитанницѣ Дюмонъ, за которой онъ ухаживалъ. Нѣсколько позднѣе, тотъ-же Якубовичъ устроилъ дуэль между своими товарищами Завадовскимъ и Шереметьевымъ, изъ за знаменитой балерины Истоминой, и Шереметьевъ заплатилъ жизнью, оспаривая право на благосклонность вѣтренной танцовщицы... Такими скандалезными исторійками полна наша театральная хроника.

Для характеристики балетной танцовщицы съ этой стороны, — ея школьной жизни, ея первыхъ успѣховъ въ мнѣніи балетомановъ и ихъ волокитства за нею—мы приведемъ здѣсь ея автобіографическую исповѣдь, очень мѣтко и бойко написанную, подъ веселую минуту, Лермонтовымъ. Вещица эта написана въ 30-хъ годахъ, но она исторически вѣрна и для описываемаго нами времени.

Танцовщица, пользующаяся уже всѣми дарами фортуны, сидя «на шелковомъ диванѣ», вспоминаетъ свои школьные годы:

...«въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,

Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
Флери хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одинадцатый часъ—
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры,
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь,
За то—вернулись лишь домой—
Директоръ поретъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй,—
А самъ! Прости ему Всевышній—
Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!»

Строгость директора относительно кокетничанья съ офицерами тоже бывала вещью довольно условной. Есть историческія указанія, что нравы воспитанницъ балетной школы не всегда охранялись съ такой взыскательностью. Инсарскій категорически говоритъ про одного директора этой школы—«знаменитаго» только тѣмъ, что «онъ считался самымъ ловкимъ и усерднымъ устроителемъ отношеній театральныхъ воспитанницъ съ сильными міра сего». Въ доброе старое время въ этомъ пунктѣ не безупречны бывали очень многіе представители театральнаго начальства. Это знала, между прочимъ, императрица Екатерина II и однажды въ рѣзкихъ выраженіяхъ указала одному директору театровъ на его неблаговидныя «шашни» въ области этой деликатной матеріи...

Сами директоры театровъ часто оставляли очень многаго желать, какъ блюстители театральныхъ нравовъ. Въ 20-хъ годахъ галантный графъ Милорадовичъ, сдѣлавшись директоромъ театровъ, зашелъ по этой части такъ далеко, что устроилъ въ Екатерингофѣ, по выраженію Вигеля, «свой паркъ о-Серфъ», который населялъ лѣтомъ «молодыми актрисами и воспитанницами», и веселился съ ними въ нарочно построенномъ для нихъ вокзалѣ...

XXIII.

Балетъ и балетоманы александровскихъ временъ. — Хореграфическій патріотизмъ. — Три русскія граціи на петербургской сценѣ. — Дидло и его балеты.

Первая четверть текущаго столѣтія въ исторіи балетнаго искусства въ Россіи, по справедливости, должна быть названа эпохой Дидло—извѣстнаго талантливаго балетмейстера, съумѣвшаго своимъ искусствомъ, энергіей и трудолюбіемъ, поставить петербургскій балетъ на такую высоту, которой онъ прежде никогда не достигалъ.

Нужно, впрочемъ замѣтить, что вящему процвѣтанію въ тѣ времена балетнаго искусства у насъ много способствовало само общество, его вкусы и его настроеніе. Это условіе всегда и вездѣ въ исторіи искусства играло чрезвычайно важную роль. Какъ процвѣтаніе, такъ и упадокъ той или другой эстетической области всегда находятся въ прямой зависимости отъ характера, направленія и степени высоты интеллектуальной жизни общества. Весьма обыкновенны жалобы на отсутствіе талантовъ, на застой или запустѣніе въ той или другой сферѣ искусства за извѣстное время; обыкновенно упадокъ такой ставится въ вину однимъ лишь служителямъ захудалаго художества, тогда какъ на самомъ дѣлѣ виновато прежде всего и всего главнѣе само общество и переживаемый имъ моментъ.

Таланты исчезаютъ, искусство коснѣетъ и падаетъ оттого, что понижается или замираетъ вовсе спросъ на нихъ, оттого, что интересъ общества устремляется въ другую сторону, и—наоборотъ оживленіе общественнаго вниманія къ данной отрасли искусства, предъявленіе ему высшихъ требованій и идеаловъ вытекающихъ изъ общаго подъема и развитія духовной жизни, создаютъ и таланты, дѣлаютъ цвѣтущимъ и состояніе искусства.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія эпохи процвѣтанія и упадка различныхъ отраслей искусства, исторія могла бы открыть много чрезвычайно любопытныхъ и поучительныхъ сближеній, совпаденій и контрастовъ, въ интересѣ изученія хода интелектуальной и политической жизни даннаго общества. Обращаясь съ этой же точки зрѣнія къ изслѣдуемой эпохѣ балетнаго искусства въ Россіи, мы найдемъ объясненіе его цвѣтущаго блестящаго состоянія въ тог-

дашнемъ настроеніи русскаго общества—въ уровнѣ и характерѣ его умственнаго развитія и тѣхъ интересовъ и идеаловъ, которыми оно тогда жило.

Русскіе люди, составлявшіе интеллигентное общество временъ Александра I, были почти исключительно помѣщики, обезпеченные крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ и привлеченные въ столицу обояніемъ двора, перспективой служебныхъ карьеръ и наслажденіями свѣтской разсѣянной жизни въ блестящихъ салонахъ, въ великолѣпныхъ театрахъ, клубахъ и т. под. публичныхъ заведеніяхъ, обставленныхъ на европейскую ногу, какихъ въ провинціи тогда не было еще и завода.

Русскій интеллигентный человѣкъ александровскихъ временъ былъ прежде всего эпикуреецъ, ставившій себѣ задачей жизни — «срывать цвѣты наслажденія», по выраженію Хлестакова, и — ничего больше.

«Цѣль жизни состояла въ томъ, — говоритъ одинъ очевидецъ этой эпохи, славословя современныхъ ей вельможъ и ихъ житье,— чтобы наслаждаться жизнію и доставлять наслажденіе какъ можно большему числу людей, не имѣющихъ къ тому собственныхъ средствъ».

Послѣднее слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что тогдашніе Лукуллы и Алкивіады, наслаждаясь сами, любили окружать себя «большимъ числомъ» прихлебателей и блюдолизовъ изъ среды «безличной сволочи салоновъ», по выраженію поэта. Это и означало— «какъ возможно болѣе дѣлать добра и своею силою поддерживать дарованіе и заслугу», съ точки зрѣнія такого моралиста, какъ Ѳ. Булгаринъ, изъ воспоминаній котораго приведены эти строки.

Смотря по степени умственнаго развитія и утонченности вкуса, александровскій эпикуреецъ срывалъ «цвѣты наслажденія» то на уединенной нивѣ чистой науки, то въ саду «изящной словесности» и «свободныхъ художествъ», то въ теплицахъ салонной суетности и куртизанства, то, наконецъ, на широкомъ полѣ буйнаго разгула, чревоугодія и разврата. Тамъ, гдѣ требовались школа, талантъ и изученіе, онъ являлся диллетантомъ—не болѣе, иногда замѣчательнымъ и блестящимъ, но—только диллетантомъ. Трудъ и профессія, какъ таковыя, были ему чужды, въ принципѣ, и онъ ими гнушался изъ барской спѣси. Карамзинскій «Вѣстникъ Европы» (за 1803-й годъ) отмѣтилъ однажды, въ особой статьѣ: «Дворянинъ-профессоръ

въ Россіи», какъ достойный удивленія, рѣдкостный фактъ—*первый* примѣръ вступленія въ сословіе ученыхъ русскаго дворянина, въ лицѣ Г. Глинки, занявшаго тогда кафедру въ дерптскомъ университетѣ. Извѣстно, напр., что Пушкинъ и другіе писатели тѣхъ временъ стыдились названія «литератора» и гораздо болѣе дорожили своими шитыми, придворными мундирами и чинами, чѣмъ писательской славой. Графъ Уваровъ, какъ то высказался ex officio, что Карамзинъ, напр., при всей своей литературной славѣ, остался бы «скромнымъ ничтожествомъ, еслибы взоръ монаршій не поставилъ его въ общественномъ мнѣніи въ равную степень съ вельможами» (посредствомъ чиновъ и отличій).

За всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ помнить, что «срывать цвѣты наслажденія» высшаго порядка занятіями, хотя бы и диллетантскими только, литературой и наукой, охотниковъ находилось тогда не много. Великосвѣтская толпа искала наслажденій болѣе доступныхъ, болѣе вульгарныхъ и реальныхъ и менѣе головоломныхъ. Средній великосвѣтскій эпикуреецъ того времени оказывался въ большинствѣ случаевъ, подъ блестящей оболочкой внѣшняго салоннаго образованія и элегантства, натурой грубой, чувственной, порабощенной низменными инстинктами и пошлыми страстями. Истинной культурности въ немъ было очень мало. Праздный и сластолюбивый, онъ вѣчно гонялся за развлеченіями и забавами, которыя щекотали въ немъ чувственность, удовлетворяли его суетность и просто губили время, котораго ему некуда было дѣвать. Отсюда само собой разумѣется, что театральныя зрѣлища должны были сдѣлаться для него однимъ изъ главныхъ времяпрепровожденій. Стихъ Грибоѣдова, характеризовавшій одного извѣстнаго московскаго меломана: «На лбу написано: *театръ* и *маскарадъ*», могъ быть отнесенъ къ большинству великосвѣтскихъ людей того времени. На ясномъ лбу ихъ рѣдко можно было прочитать какія нибудь другія, болѣе глубокія думы и интересы, и если даже Пушкинъ сказалъ о себѣ, что «*подъ сѣнію кулисъ* младые дни его неслись», то для современныхъ ему юныхъ и старыхъ бонвивановъ, не обремененныхъ никакими миссіями и призваніями, эта «сѣнь» служила уже единственнымъ прибѣжищемъ отъ бездѣлья и великосвѣтской скуки.

«Присяжные» театралы того времени, какъ разсказываетъ Арановъ, «ежедневно являлись» въ театры «что-бы въ нихъ не пред-

ставляли», а въ Большомъ театрѣ (гдѣ ставились балеты) они сформировали «свое *общество*» (вотъ даже какія «сообщества» у насъ водились!) «называя себя въ шутку *лѣвымъ флангомъ*». «Эти театралы обыкновенно апплодировали отъ души актрисамъ и танцовщицамъ и возглашали вызовы»... «Предводителемъ этой партіи былъ отставной ротмистръ Ч. (Дѣло относится къ 1810-мъ годамъ), который нерѣдко дѣлалъ репетицію апплодисментовъ и вызововъ и отряжалъ наемныхъ хлопальщиковъ въ галлереи, гдѣ они, по условленному знаку, должны были восклицать дружно»...

Тотъ-же Араповъ, говоря о страстной меломаніи того времени, разсказываетъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ другими театралами, совершали въ лодкѣ далекія поѣздки на Гутуевскій островъ «съ единственною цѣлью, чтобы взглянуть, хотя издали, въ зрительную трубу на обожаемую особу» (т. е. артистку), проживавшую въ екатерингофскомъ «Паркъ-о-Серфъ» графа Милорадовича. «Вотъ какъ велика и дальновидна была въ то время благородная влюбчивость!» — съ гордостью восклицаетъ авторъ въ назиданіе измельчавшему потомству, утратившему такое «благородство» чувствъ.

Пушкинъ изображая истаго представителя интеллигентнаго общества александровской эпохи, Евгенія Онѣгина, рельефно и живо очертилъ сущность и характеръ тогдашней меломаніи. Нельзя сказать, чтобы интересы и наслажденія, которыхъ искали Онѣгины «подъ сѣнію кулисъ», отличались особенною возвышенностью и эстетичностью.

Меломанъ Онѣгинъ любилъ театръ, непрерывно посѣщалъ его и былъ «почетный гражданинъ кулисъ», (этихъ «гражданъ» сказать, между скобокъ, Вигель честитъ, попросту, «сволочью кулисъ»), но не какъ восторженный поклонникъ музъ, а, главное, какъ

„Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ“...

Собственно къ музамъ онъ былъ довольно равнодушенъ и даже любилъ порисоваться пренебреженіемъ къ нимъ. Смотрите, какъ онъ ведетъ себя, пріѣхавъ въ театръ на первое представленіе новаго балета! Вошелъ,

. . . . «на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну

Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»

Съ виду, онъ — «театра злой законодатель»; но, на самомъ дѣлѣ, онъ только рисуется такимъ,—онъ и порицаетъ и хлопаетъ лишь «для того, чтобъ только слышали его» и признали въ немъ компетентнаго «законодателя». Его восторгъ и скука, хвала и порицаніе одинаково фальшивы и очень далеки отъ сознательнаго, серьезнаго отношенія къ искусству. Онъ зѣваетъ въ театрѣ и отворачивается отъ сцены либо изъ желанія порисоваться въ модной роли разочарованнаго Чайльдъ-Гарольда, либо отъ пресыщенія и притупленія мозга и нервовъ, утомленныхъ праздной, разсѣянной и сластолюбивой жизнью. Восторгъ его и пафосъ не менѣе подозрительны.

Характеристично то, что Онѣгинъ исключительно любитъ и посѣщаетъ одинъ балетъ. По крайней мѣрѣ, такое спеціальное направленіе даетъ его меломаніи Пушкинъ, который тутъ же оправдываетъ своего героя съ этой стороны собственнымъ лирическимъ признаніемъ, имѣющимъ для насъ историческое значеніе. Поэтъ говоритъ:

„Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Однако, *ножка Терпсихоры*
Прелестнѣй чѣмъ то для меня.“

Далѣе поэтъ, съ простодушіемъ чисто-анакреонтическимъ, признается *чѣмъ*, именно, «ножка Терпсихоры» прелестна для него:

„Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.“

Въ этихъ четырехъ стихахъ самая правдивая и самая полная исповѣдь балетоманіи того времени, а, можетъ быть, и всѣхъ временъ; но вы не скажете, чтобы она отличалась возвышенной чистотой «желаній» и близкимъ сосѣдствомъ съ идеалистической теоріей поклоненія искусству для искусства...

Мы, впрочемъ, знаемъ, что Пушкинъ, лично умѣлъ смотрѣть на красоту и искусство съ болѣе широкой и возвышенной точки зрѣнія, за то современные ему рядовые «граждане кулисъ,» безъ

сомнѣнія, не простирали своихъ эстетическихъ требованій и идеаловъ дальше удовлетворенія грубыхъ чувственныхъ инстинктовъ. А такъ какъ «ножка Терпсихоры» всего краснорѣчивѣе и реальнѣе возбуждала «желаній своевольный рой», то эти театралы и предпочитали изъ всѣхъ родовъ сценическихъ зрѣлищъ балетъ. По этой то отчасти причинѣ, петербургскій балетъ достигъ въ описываемое время небывалаго блеска и совершенства.

Вообще, первая половина царствованія Александра I, смѣнившаго сумрачные дни суроваго павловскаго режима, когда всѣмъ жителямъ столицы предписывалось, напр., по пробитіи зари тушить огни и сидѣть дома, когда всякое, даже домашнее увеселеніе дозволялось не иначе, какъ съ разрѣшенія и вѣдома полиціи,—отличалось необыкновеннымъ разгаромъ общественныхъ увеселеній, забавъ и празднествъ.

«Въ Петербургѣ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ времени Булгаринъ,—были превосходныя театральныя труппы: русская, французская, нѣмецкая, итальянская оперная, нѣкоторое время даже польская... и наконецъ знаменитая балетная»... «Въ балетѣ мы имѣли перваго европейскаго танцора Дюпора, знаменитаго Огюста, балетмейстера Дидло и нашихъ танцовщицъ, не уступавшихъ Тальони: Евгенію Ивановну Колосову, чудную красавицу Данилову, Иконникову и потомъ Истомину».

Изъ поименованныхъ танцовщицъ — Колосова, Данилова и Истомина, одна другой не уступавшія въ красотѣ, искусствѣ и талантѣ, составляли главное украшеніе и славу петербургскаго балета александровскаго царствованія, кружили головы къ ряду нѣсколькимъ поколѣніямъ «золотой молодежи,» и заставляли цѣлый «поэтовъ хоръ», по выраженію Дениса Давыдова,

„Россійской Терпсихорѣ
Восторги посвящать“...

Дѣйствительно это были лучшія представительницы и выразительницы «россійской Терпсихоры», три русскія граціи, въ лицѣ которыхъ русское искусство танца, русская пластика и красота русской женщины съ блескомъ выдерживали сравненіе съ античными и новѣйшими европейскими образцами. Онѣ смѣло могли

соперничать съ лучшими европейскими балеринами запада и, вполнѣ удовлетворяя изысканный вкусъ петербургскихъ балетомановъ, исключали надобность «выписывать» изъ заграницы для столичной сцены иноземныхъ балетныхъ знаменитостей прекраснаго пола, какъ это водилось прежде и послѣ. Благодаря имъ, балетное искусство на русской почвѣ далеко опередило своимъ процвѣтаніемъ всѣ другія отечественныя художества... Выигрышъ, конечно, небольшой и даже не лишенный печальнаго значенія; но въ то время возбужденія дешеваго патріотизма и національной гордости, подъ вліяніемъ войнъ съ французами, наши великосвѣтскіе меломаны, относившіеся пренебрежительно къ отечественнымъ талантамъ, стали въ запуски превозносить выдающихся русскихъ актеровъ и актрисъ. Когда въ 1811 г. въ Россію пріѣхала знаменитая французская трагическая актриса Жоржъ, то патріоты-меломаны выставили ей соперницу, въ лицѣ извѣстной трагической актрисы Семеновой, которая при всей своей талантливости, во многомъ уступала заѣзжей знаменитости. Тѣмъ не менѣе, меломаны наши, по словамъ одного очевидца, «изъ патріотизма употребляли всевозможныя старанія, чтобъ русская превзошла иностранку, что иногда и случалось!»... Старанія эти дѣйствительно были «всевозможныя», потому что, напр., С. Т. Аксаковъ, въ своихъ «воспоминаніяхъ о Шушеринѣ», постарался передать даже въ отдаленное потомство свое личное «неудовольствіе» «безсмысленной» игрою Жоржъ, по сравненію съ «одушевленной» игрою Семеновой. Въ силу отчасти такихъ же побужденій вышепоименованныя балерины были оцѣнены по достоинству и сдѣлались объектомъ національной гордости для меломановъ-патріотовъ. Патріотизмъ оказалъ вліяніе и на тогдашній театральный репертуаръ. «Въ это время, — говоритъ одинъ современный хроникеръ, — всѣ танцовщики и танцовщицы преимущественно плясали порусски и показацки, всѣ лучшіе пѣвцы и пѣвицы, во всѣхъ дивертиссементахъ, пѣли аріи, дуэты и квартеты, составленные изъ русскихъ пѣсенъ». Публика была отъ этого въ восторгѣ и даже, посѣтившій въ то время Москву, прусскій король «весьма благосклонно» отнесся къ русскому національному репертуару. Отсюда пошла мода и на русскіе балеты, сочиненные на мотивы и темы, взятыя изъ народной жизни. Таковы были: «Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ», «Макарьевская ярмарка», «Гулянье подъ Новинскимъ» и пр., а также военно-патріотическіе: «Любовь къ отечеству», «Праздникъ въ лагерѣ»,

«Праздникъ въ станѣ союзныхъ войскъ», «Казакъ въ Лондонѣ» и друг. Это были, собственно, дивертиссементы, состоявшіе изъ пѣнія, танцевъ, музыки и пантомимъ, и въ сочиненіи ихъ особенно усердствовали тогда балетмейстеры Огюстъ и Валберховъ, композиторы Кавосъ, Кашинъ и Давыдовъ. Мы забѣжали, впрочемъ, нѣсколько впередъ; намъ необходимо еще прежде ознакомиться съ общимъ состояніемъ балетнаго искусства въ Россіи за александровское время, къ чему мы теперь и обратимся.

Мы сказали выше, что въ теченіе царствованія Александра I, русскимъ балетомъ заправлялъ Дидло, которому онъ несомнѣнно больше всего обязанъ былъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Дидло соединялъ въ себѣ всѣ качества генія въ своемъ родѣ: изящный вкусъ, большой творческій талантъ, необыкновенное искусство и неутомимое трудолюбіе, рядомъ со страстной любовью къ своему дѣлу. Словомъ, это былъ идеалъ балетмейстера.

Родомъ французъ, сынъ балетмейстера, Карлъ-Людовикъ Дидло родился въ Стокгольмѣ и учился танцамъ въ Парижѣ, гдѣ и началъ свою артистическую карьеру, сначала въ качествѣ танцовщика—довольно искуснаго, но не выдающагося. Затѣмъ онъ возвратился въ Стокгольмъ, гдѣ дебютировалъ съ успѣхомъ, какъ сочинитель балетовъ, и, по желанію шведскаго короля, снова возвратился въ Парижъ для усовершенствованія. Балеты его начали входить въ славу; во время своего артистическаго путешествія онъ вездѣ пожиналъ успѣхи и въ 1801 г., находясь въ Лондонѣ, получилъ приглашеніе въ Петербургъ отъ тогдашняго директора театровъ, князя Юсупова. Приглашеніе онъ принялъ и, съ той поры окончательно, съ небольшимъ перерывомъ, посвятилъ себя петербургскому балету до конца жизни. Умеръ онъ въ Россіи, въ Кіевѣ, въ 1836 г. Первоначально онъ былъ ангажированъ на петербургскій театръ въ званіи балетмейстера, учителя танцовальной школы и перваго танцовщика, но послѣднюю обязанность онъ вскорѣ оставилъ. Первый изъ сочиненныхъ имъ и поставленныхъ въ Петербургѣ балетовъ былъ «Аполлонъ и Дафна», по словамъ Глушковскаго («Воспоминанія о Дидло», «Пантеонъ» 1851 г.), «восхитившій петербургскую публику прелестными своими танцами и живописными группами». Затѣмъ послѣдовали другіе его балеты: «Зефиръ и Флора», «Амуръ и Психея», въ которыхъ впервые были введены Дидло «очаровательные воздушные полеты», или «движущіяся крылья», какъ ихъ

называетъ Араповъ. Зрители были такъ очарованы этими балетами,—по словамъ того же очевидца, что «совершенно забывали, что они въ театрѣ, воображая, что перенеслись въ другой фантастическій міръ». Послѣ того Дидло, въ теченіе своей службы при петербургскихъ театрахъ, сочинилъ и поставилъ множество превосходныхъ балетовъ, изъ которыхъ особенно славились: «Венгерская хижина» съ трагическимъ элементомъ; «Рауль-де-Креки», взятый изъ временъ крестовыхъ походовъ; «Альцеста» миѳологическаго содержанія; «Кора и Алонзо» изъ временъ завоеванія Перу; «волшебно-героическій» балетъ «Роландъ и Моргана»; китайскій — «Хензи и Тао»; наконецъ «Кавказскій плѣнникъ», взятый изъ поэмы Пушкина, и друг.

Біографъ Дидло говоритъ, что онъ былъ неистощимъ въ творчествѣ: «до послѣдней минуты своей жизни (и находясь уже въ отставкѣ) онъ сочинялъ разныя программы балетовъ, которыя были одна другой лучше; но жаль—онѣ не были поставлены на сцену». Достоинство балетовъ Дидло заключалось въ удивительномъ разнообразіи и красотѣ группъ, танцевъ и аттитюдовъ, въ ихъ простотѣ и живости безъ аффектацій. Танцы его строго гармонировали съ характерами лицъ и съ требованіями изящества. Самому балету онъ умѣлъ придать мѣстный, этнографическій или историческій колоритъ, избѣгалъ въ техникѣ излишней помощи машинъ, богатыхъ костюмовъ и роскошныхъ обстановокъ, замѣняя «всю роскошь сценировки, все поддѣльное великолѣпіе, богатствомъ своей фантазіи»... «Живопись характеровъ и группъ пополняла въ его балетѣ всякій внѣшній недостатокъ». Сказать къ слову, это подтверждаетъ и Пушкинъ, замѣтившій что «балеты Дидло исполнены живости, выраженія и прелести необыкновенной.» По его же словамъ, одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ этихъ балетахъ «гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ». Балеты Дидло — говоритъ современный журнальный критикъ, — «всѣ равно прекрасны и всѣ приводятъ въ отчаянье настоящихъ и будущихъ балетмейстеровъ», потому что превзойти его невозможно. Можетъ быть главная тайна успѣховъ балетовъ Дидло заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ въ нихъ поддѣлаться подъ господствовавшій въ публикѣ вкусъ къ сентиментально-романтическому жанру. Теперь покажется страннымъ, что находились зри-

тели, которые на балетахъ Дидло плакали, растроганные ихъ чувствительнымъ сюжетомъ.

Неутомимо работая по сочиненію и постановкѣ балетовъ, Дидло съ неменьшимъ усердіемъ занимался образованіемъ балетной труппы и танцовальной школой. Онъ всего себя отдавалъ своему искусству и, отличаясь вспыльчивымъ характеромъ, очень былъ взыскателенъ по этой части къ подчиненнымъ ему служителямъ Терпсихоры. Съ этой стороны его хорошо характеризують Глушковскій и П. Каратыгинъ, бывшіе его учениками. «Если что нибудь касалось до его балетовъ, — разсказываетъ первый: — если дирижеръ музыки велъ дурно кадансъ или балетные артисты худо выполняли роли, или если танцы и машины шли худо, онъ просто выходилъ изъ себя и забывалъ всѣхъ и все на свѣтѣ. За то онъ былъ очень добръ въ другихъ случаяхъ», какъ это на самомъ себѣ испыталъ авторъ.

«Ни одна репетиція новаго балета, — вспоминаетъ о Дидло Каратыгинъ,—не обходилась безъ исторіи. Тутъ Дидло бывалъ неприступенъ и доходилъ зачастую до совершеннаго изступленія. Малѣйшая ошибка или неисправность приводила его въ бѣшенство; онъ рвалъ на себѣ волосы, бросалъ свою толстую палку и кричалъ неистовымъ голосомъ. Къ концу репетиціи потъ лилъ съ него градомъ и онъ совершенно изнемогалъ и терялъ голосъ. Горе тому, кто подвертывался къ нему въ этотъ роковой вечеръ! Онъ не помнилъ себя и готовъ былъ прибить встрѣчнаго и поперечнаго»... Такою же неукротимостью и взыскательностью отличался онъ на урокахъ въ танцовальной школѣ театральнаго училища, нерѣдко выправляя ноги учениковъ своей «толстой палкой», которая была съ нимъ неразлучна.

«До сихъ поръ вижу его, какъ будто на яву, — вспоминаетъ о немъ Араповъ, — въ танцовальномъ фойе, въ короткомъ коричневомъ сюртучкѣ, разстегнутомъ безъ жилета, съ цвѣтнымъ платочкомъ на шеѣ и большими бѣлыми воротничками до ушей, съ вязовою дубинкою въ рукѣ, которою онъ постукивалъ въ кадансъ игравшей скрипки, а передъ нимъ цѣлая шеренга взрослыхъ дѣвицъ, въ бѣлыхъ короткихъ платьицахъ, выдѣлывающихъ экзерсисы: балансе, батеманы и пируэты»... Такъ какъ рядомъ съ деспотизмомъ въ Дидло была горячая любовь къ искусству и желаніе довести всѣхъ и все въ балетѣ до совершенства, то вмѣстѣ со страхомъ онъ внушалъ къ себѣ глубокое уваженіе въ балетномъ мірѣ. На него смо-

трѣли, какъ на непогрѣшимый авторитетъ, какъ на полубога, и всѣ, вышедшіе изъ его школы наши танцовщики, на вѣкъ сохранили о немъ благоговѣйную память, а время его управленія петербургскимъ балетомъ считаютъ невозвратнымъ временемъ блеска и процвѣтанія послѣдняго... Дѣйствительно, такихъ балетмейстеровъ, какъ Дидло, было немного.

Для полноты его характеристики добавимъ, что онъ былъ большой эксцентрикъ и въ тоже время многосторонне образованный человѣкъ. Весь погруженный въ балетное искусство, онъ чуждъ былъ всякихъ игръ и развлеченій. Картъ, напр., онъ никогда и въ руки не бралъ. Внѣшность его была довольно комическая. Онъ былъ невзраченъ собой съ длиннымъ горбатымъ носомъ на сухощавомъ лицѣ, которое вѣчно подергивалось гримасами, отражавшими подвижность его душевнаго аппарата, всегда занятаго сочиненіемъ какого нибудь па, какой нибудь фигуры. Такая же судорожная подвижность отличала и его фигуру, причемъ ноги онъ какъ-то выворачивалъ, а когда стоялъ, то одну изъ нихъ ежеминутно поднималъ и забавно отбрасывалъ въ сторону... Все это вошло у него въ привычку.

Въ 1831 г. Дидло вышелъ въ отставку по слѣдующему случаю. Съ 1829 г. директоромъ театровъ былъ назначенъ кн. Гагаринъ, не взлюбившій Дидло. Однажды князь, недовольный кордебалетомъ, велѣлъ посадить Дидло подъ арестъ. Старика это оскорбило: подъ арестъ онъ не сѣлъ и подалъ въ отставку.

XXIV.

Евгенія Ивановна Колосова.—Русская Психея Данилова.—Танцовщикъ Дюпоръ.—Истомина и ея романъ.—Зубова, Телешова и Новицкая.—Балетмейстеръ Валберховъ.

«Знаменитый хореграфъ, говоритъ о Дидло Араповъ,—сформировалъ въ короткое время изъ воспитанницъ театральнаго училища такихъ танцовщицъ солистокъ, которыя сдѣлали бы честь и лучшей парижской консерваторіи». Рѣчь идетъ объ вышеупомянутыхъ, славившихся во времена александровскія, танцовщицахъ солисткахъ петербургскаго балета: Колосовой, Даниловой и Истоминой, а также и о другихъ, современныхъ имъ, замѣчательныхъ балеринахъ.

Впрочемъ, старшая изъ этихъ танцовщицъ—Евгенія Ивановна Колосова не была воспитанницей Дидло: она только являлась главной солисткой въ его балетахъ и составляла главное ихъ украшеніе въ теченіи первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.. Она выдвинулась еще въ царствованіе Павла, пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ этого государя за свой талантъ, граціозность и красоту. Разъ въ эрмитажномъ театрѣ, какъ повѣствуетъ дочь Екатерины Ивановны (А. Н. Каратыгина, въ своихъ воспоминаніяхъ), Колосова танцовала въ какомъ то балетѣ въ присутствіи Павла. Вдругъ во время какой-то сцены, государь всталъ съ своего кресла подошелъ къ барьеру и, указывая рукой на танцовщицу, сказалъ ей что-то, чего нельзя было разслышать за игравшимъ въ ту минуту оркестромъ. Зная крутой и своеобычной нравъ Павла, Колосова вообразила, что имѣла несчастье чѣмъ нибудь навлечь гнѣвъ его и, по окончаніи сцены, выйдя за кулисы, упала безъ чувствъ на руки окружавшихъ ее. Страхъ оказался неосновательнымъ. Павелъ не только не думалъ гнѣваться, но напротивъ выказалъ необыкновенную заботливость объ артисткѣ: на сцену явился директоръ театровъ Нарышкинъ и заявилъ Колосовой отъ имени его величества, что у нея отшпилилась во время танца гирлянда на юбкѣ, чѣмъ и было вызвано напугавшее ее движеніе государя.

Колосова была женщина величавой наружности, стройная, граціозная, съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ и поэтому

главное ея достоинство заключалось въ превосходной мимикѣ, а лучшія ея роли были въ балетныхъ «драмахъ». Кромѣ того, что она прекрасно танцовала, она еще была, по отзыву современныхъ знатоковъ, замѣчательная трагическая актриса. Глушковскій увѣряетъ, что онъ за сорокъ лѣтъ, которыя слѣдилъ за театромъ, ни «въ комъ» не видѣлъ подобнаго таланта, какимъ обладала Е. И. Колосова. «Каждое движеніе ея лица, — говоритъ онъ, — каждый жестъ, такъ были натуральны и понятны, что рѣшительно замѣняли для зрителя рѣчи»...

Почти тоже говоритъ о ней и Вигель.

«Съ выразительными чертами лица,—описываетъ онъ ее по личнымъ впечатлѣніямъ 800-хъ годовъ,—съ прекрасною фигурой, съ величавой поступью, Колосова лучше чѣмъ языкомъ, умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями; но трагическіе балеты брошены и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ, пожимая плечиками, плясать порусски».

Въ сущности русская пляска оказалась истиннымъ призваніемъ Колосовой и она въ ней была несравненна. Танцовала она порусски обыкновенно съ Огюстомъ, который, несмотря на свое французское происхожденіе, усвоилъ нашу національную пляску, со всѣмъ ея антуражемъ, балалайкой и пѣніемъ, въ совершенствѣ. Оба они вызывали энтузіазмъ, но особенно большой успѣхъ имѣла Евгенія Ивановна, и не только во мнѣніи русскихъ патріотовъ, но и иностранцевъ. Такъ, принцесса Баденская, нѣмка, находившаяся въ то время въ Петербургѣ, до того плѣнилась Колосовой и ея исполненіемъ русской пляски, что сама пожелала брать у нея уроки послѣдней. Это сдѣлало то, что Колосова и русская пляска вошли въ моду среди дамъ высшаго петербургскаго свѣта и Евгенія Ивановна едва успѣвала давать имъ уроки.

Колосова долго держалась на сценѣ и очень долго жила: она умерла восьмидесяти слишкомъ лѣтъ въ 1869 г., но уже въ восьмисотыхъ годахъ ее начали затмѣвать вновь восходящія балетныя свѣтила, образованныя въ школѣ Дидло. Даже въ русской пляскѣ у нея явилась опасная соперница. Это была—Марія Данилова.

Появленіе Даниловой на сценѣ Араповъ относитъ къ 1808 году, когда она дебютировала въ балетѣ, сочиненія Дидло, «Любовь Венеры и Адониса и мщеніе Марса», въ роли Венеры. Въ то время, она была, по его описанію, «прелестнѣйшая шестнадцатилѣтняя

танцовщица; по красотѣ—настоящая Венера; любимая ученица Дидло, она была столько же граціозна, какъ и талантлива; публика очень ее любила и принимала съ восхищеніемъ», а что касается «присяжныхъ» театраловъ, то они по ней съ ума сходили, въ томъ числѣ поэтъ Д. Давыдовъ, посвящавшій ей пламенные мадригалы...

«Въ Данилову,—разсказываетъ Вигель—скоро влюбился весь Петербургъ; она была превыше всего, въ этомъ родѣ, что онъ дотолѣ видывалъ». По словамъ современнаго хроникера, «Данилова отличалась въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ требовалось изящество искусства, грація, прелесть и увлеченіе»; но особенно хороша была Данилова въ русской пляскѣ, которая, сказать къ слову, сдѣлалась въ это время непремѣнннымъ дивертисементомъ почти въ каждомъ балетномъ спектаклѣ.

«Что вижу?.. кто крыльями машетъ?..
Амуръ!.. Такъ, самъ амуръ летитъ,
И, зря Данилову, съ улыбкой говоритъ:
Порусски Душенька моя съ Зефиромъ пляшетъ»

Въ такихъ восторженныхъ виршахъ воспѣлъ современный піитъ Данилову въ русской пляскѣ, исполнявшейся ею въ балетѣ «Амуръ и Психея». Она играла здѣсь роль Психеи, а Зефира (по другимъ хроникерамъ, Амура) исполнялъ Дюпоръ, знаменитѣйшій своего времени танцовщикъ. Съ нимъ-то Данилова и восхищала балетомановъ артистическимъ исполненіемъ русской пляски. На Дюпорѣ будетъ здѣсь кстати остановиться, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связанъ печальный конецъ этой замѣчательнѣйшей русской балерины.

Дюпоръ, французскій танцовщикъ, прославился въ Парижѣ и во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Въ Вѣнѣ даже въ честь его носили башмаки à la Duport. Въ 1807 г. онъ былъ приглашенъ на петербургскую сцену за баснословный гонораръ. Сперва дирекція обязалась, по контракту, выплачивать ему по 1.200 рублей за каждый спектакль, считая рубль въ 3 франка; потомъ, по новому контракту онъ получалъ въ годъ 60.000 рублей или 180.000 франковъ. Такая безмѣрная расточительность на жалованье балетному плясуну рельефнѣе всего показываетъ, на какой, именно, сценическій «товаръ» существовалъ тогда самый алчный спросъ на рынкѣ россійской эстетики и меломаніи, показываетъ, разумѣется,

и уровень послѣднихъ... Нельзя, при этомъ, не упомянуть, что Дюпоръ, при всей необыкновенной тароватости къ нему и поклоненіи предъ нимъ русской публики позволялъ себѣ иногда третировать ее самымъ заносчивымъ и безцеремоннымъ образомъ. Разъ ему показалось, что публика недостаточно восторженно его приняла, онъ обидѣлся и, когда по окончаніи акта, раздались вызовы, выслалъ сказать своимъ поклонникамъ, что за усталостью не можетъ самъ выйти. На этотъ разъ публика измѣнила своему благодушію и усердно освистала зазнавшагося танцовщика. Въ слѣдующій спектакль онъ вынужденъ былъ, прежде чѣмъ явиться на сцену, испросить у публики, черезъ актера Яковлева, прощеніе, которое и было дано ему, съ восторженной благосклонностью.

«Дюпоръ заключалъ въ себѣ все, что необходимо для танцовщика—говоритъ компетентный критикъ балета, Глушковскій:—необыкновенную граціозность, легкость, быстроту и чистоту въ танцахъ; пируэты были имъ доведены до совершенства и удивительно разнообразны». Родъ его танцевъ былъ полухарактерный (demi-caractére) а, по совершенству техники, «онъ былъ похожъ на хорошо-устроенную машину, которой дѣйствіе опредѣлительно и всегда вѣрно». При всемъ томъ, исполняя въ балетахъ главныя роли и дѣлая труднѣйшія па, Дюпоръ, «какъ въ началѣ такъ и въ концѣ балета былъ всегда одинаково свѣжъ; въ немъ нельзя было замѣтить и тѣни усталости»...

Вигель не могъ забыть Дюпора и по прошествіи многихъ лѣтъ: «какъ теперь гляжу на него,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. — Всѣ тѣлодвиженія его были исполнены пріятности и быстроты; не весьма большого роста, былъ онъ плотенъ и гибокъ, какъ резиновой шарикъ; полъ, на который падалъ онъ ногою, какъ бы отталкивалъ его вверхъ; бывало, изъ глубины сцены на ея край въ три прыжка являлся онъ передъ зрителями; послѣ того танцы можно было болѣе назвать полетами».

При огромномъ хореграфическомъ талантѣ, Дюпоръ обладалъ, однако, довольно невзрачной и вульгарной наружностью; но, не смотря на это, имѣлъ большой успѣхъ у прекраснаго пола, притомъ, не только въ зрительной залѣ, но и за кулисами. Въ числѣ его поклонницъ была и прелестная Данилова. Такъ можно, по крайней мѣрѣ, догадываться по намекамъ театральныхъ лѣтописцевъ. Глушковскій говоритъ, что она была «подругою Дюпора въ тан-

цахъ» и, между прочимъ, являясь съ нимъ часто въ балетѣ «Амуръ и Психея», въ качествѣ «очаровательной» Психеи, почувствовала влеченіе къ Амуру (роль Дюпора) болѣе пылкое и реальное, чѣмъ это требовалось для сценической иллюзіи. Про нее въ то время многіе говорили, что «любовь къ Амуру свела ее въ могилу». Вигель утверждаетъ, что Дюпоръ «въ короткое время образовалъ Данилову, какъ первокласную балерину, и что для образованія ея онъ, какъ увѣряли, употреблялъ гораздо болѣе нѣжныя средства, чѣмъ жестокосердный Дидло». Араповъ записалъ въ своей «Лѣтописи» по «воспоминанію» что къ Даниловой, «во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной дѣвушкѣ, происходившей отъ благородной фамиліи, Дюпоръ былъ неравнодушенъ; но непостоянный Зефиръ скоро вспорхнулъ отъ своей Флоры: терзаемая горемъ она впала въ болѣзнь и угасла 8 января 1810 г., на зарѣ своей жизни».

Араповъ, говоря о «непостоянствѣ» Зефира, т. е. Дюпора, намекаетъ, повидимому, на то, какъ онъ «вспорхнулъ», въ сердечномъ смыслѣ, къ своей знаменитой соотечественницѣ, одновременно съ нимъ пребывавшей въ Петербургѣ, трагической актрисѣ m-lle Жоржъ.

Жоржъ тоже влюбилась въ него безъ памяти и, когда ее спрашивали, какъ она, будучи сама красавицей и обладая столь изящнымъ вкусомъ, могла сдѣлать такой дурной выборъ, она отвѣчала, что влюбилась не въ самаго Дюпора, а въ его талантъ. Дюпоръ, съ своей стороны, платилъ аналогической любовью m-lle Жоржъ: онъ тоже любилъ въ ней, кажется, не столько ее самое и даже не столько ея талантъ, сколько ея бриліанты.

По крайней мѣрѣ Глушковскій разсказываетъ, что когда расточительной Жоржъ понадобилось однажды нѣсколько тысячъ и она обратилась за ними къ своему другу, то онъ согласился дать ей эти деньги не иначе, какъ подъ залогъ ея бриліантовъ. Ко всѣмъ антипатичнымъ чертамъ своей личности, знаменитый танцовщикъ отличался еще скупостью и алчностью.

Такъ или иначе, но опоэтизированная современными балетоманами Данилова умерла въ расцвѣтѣ силъ и таланта, и, судя по эпитафіи, посвященной ей извѣстнымъ поэтомъ Милоновымъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1812-й г., *), умерла скоропостижно.

*) Несомнѣнно, что эпитафія эта была напечатана тотчасъ же послѣ смерти Даниловой, которая умерла значитъ въ 1812 г., а не въ 1810-мъ, какъ записано Араповымъ, столь беззаботно обращавшимся и съ фактами и съ хронологіей.

Можетъ быть, впрочемъ, скоропостижность эта выражена въ стихахъ больше для красоты слога и поэтическаго эффекта, чѣмъ для точнаго воспроизведенія дѣйствительности. У поэтовъ это бываетъ...

Стихи Милонова носили такое заглавіе: «На пляску Д. въ одномъ превосходномъ балетѣ и на ея же скоропостижную смерть». Стихотворецъ, между прочимъ, пѣлъ:

«Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной;
Вчера твои красы срѣтали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстротой...
. . . .
Сегодня... встрѣтить гробъ я ранній твой
притекъ! и т. д.

Милоновъ, въ своей эпитафіи, не поясняетъ причины скоропостижной смерти Даниловой, и вопросъ: точто-ли она стала жертвой несчастной романической любви,—остается нерѣшеннымъ. Есть даже вѣроятіе предположить болѣе прозаическую и естественную причину ранней смерти этой знаменитой русской балерины. По крайней мѣрѣ, Вигель объясняетъ ее такъ: «Желая удовлетворить страсть зрителей къ Даниловой и деспотически распоряжаясь своими воспитаницами, дирекція, по его словамъ, безпрестанно заставляла ее показываться, не давъ ей распуститься, убила ее во цвѣтѣ, и она погибла, какъ бабочка, проблиставъ одно (?) только лѣто».

Данилову смѣнила на балетной сценѣ Иконина: «она была хороша собой, высока ростомъ, молода, стройна, неутомима и танцовала весьма правильно; но всякій разъ, что появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба, румяны валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ, и она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Тогда еще менѣе стала она нравиться»... По таланту и граціи, равномѣрное съ Даниловой, новое русское хореграфическое свѣтило является на петербургской сценѣ не ранѣе 1815 г., въ лицѣ знаменитой Истоминой, такъ поэтически увѣковѣченной Пушкинымъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», хотя и не совсѣмъ заслуженно, какъ полагаетъ г. Пржецлавскій, о чемъ будетъ сказано ниже.

Авдотья Ильинична Истомина тоже была ученица Дидло. Она де-

бютировала первый разъ въ августѣ 1815 г., въ балетѣ «Ацисъ и Галатея», и сразу завоевала благосклонность публики. Она играла роль Галатеи и была, какъ и потомъ во всѣхъ балетахъ, «удивительно хороша», по отзыву Глушковскаго. Успѣхъ съ нею въ названномъ балетѣ раздѣляла танцовщица Новицкая, игравшая мужскую роль Ациса и игравшая ее «прекрасно».

Истомина, по описанію Арапова, была «средняго роста брюнетка, красивой наружности, очень стройна, имѣла черные огненные глаза, прикрываемые длинными рѣсницами, которыя придавали особый характеръ ея физіономіи; она имѣла большую силу въ ногахъ, апломбъ на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грацію, легкость, быстроту въ движеніяхъ; пируэтъ ея и элевація были изумительны»...

Истомина долго не имѣла себѣ равныхъ въ балетѣ...

Г. Пржецлавскій утверждаетъ, что слава Истоминой и олицетворяемый ею идеалъ балерины были помрачены впослѣдствіи Тальони: «впервые мы увидѣли танецъ, оживленный *душою*», говоритъ онъ о послѣдней и противупоставляетъ «одушевленный танецъ Тальони бездушной пляскѣ Истоминой». «Я не могу признать знаменитостью Истомину»,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Она танцовала прекрасно, въ ней было много силы, даже болѣе чѣмъ граціи, но и тогда, когда я еще не видалъ ничего лучшаго, Истомина не осуществляла моего идеала».

Конечно, историку трудно провѣрить, чей отзывъ изъ современныхъ критиковъ о данномъ сценическомъ талантѣ точнѣе и справедливѣе, такъ какъ самый объектъ спора со смертью артиста исчезаетъ. Можетъ быть, г. Пржецлавскій правъ и его «личный» идеалъ въ данномъ случаѣ былъ выше идеала другихъ цѣнителей Истоминой, и въ томъ числѣ самаго Пушкина; но намъ довольно знать, что Истомина была признана знаменитостью огромнымъ большинствомъ современныхъ ей знатоковъ балета и всей публики. Она была «искусная танцовщица и извѣстная красавица, и въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ говоритъ Вигель, плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиной нѣсколькихъ поединковъ между ними и даже смерти одного изъ нихъ».

Рѣчь идетъ объ извѣстномъ поединкѣ графа А. П. Завадовскаго съ В. А. Шереметьевымъ. Поединокъ этотъ, окончившійся смертью одного изъ противниковъ, имѣлъ мѣсто въ 1817 г. и заслуживаетъ

особаго вниманія по нѣкоторой прикосновенности къ нему Грибоѣдова. Дѣло происходило такъ.

Завадовскій былъ въ числѣ особенныхъ ухаживателей за Истоминой, обладателемъ которой былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметьевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховскаго, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ, послѣ спектакля пить чай; но она опасаясь возбудить подозрѣніе въ ревнивомъ Шереметьевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ санями у Гостинаго двора, къ которому обѣщала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметьевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго и этого было достаточно. Пріятель Шереметьева,—уланскій штабъротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театралъ, шалунъ и забіяка, посовѣтовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщая, въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Шереметьевъ вызвалъ Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только помѣняться мѣстами, т. е. чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Завадовскому съ Шереметьевымъ. Эта двойная дуэль состоялась и при самыхъ суровыхъ условіяхъ («Рус. Старина», 1874 г.). Послѣдствіемъ дуэли была смерть Шереметьева. Грибоѣдовъ не стрѣлялся въ этотъ разъ; согласно желанію Якубовича, дуэль между ними состоялась на Кавказѣ и окончилась тѣмъ, что творецъ «Горя отъ ума» оказался съ простреленной кистью лѣвой руки.

Поединокъ Шереметьева съ Завадовскимъ вызвалъ цѣлое слѣдствіе, къ которому была привлечена и Истомина, показавшая, что она проживала у Шереметьева на квартирѣ, но въ день своей поѣздки «на чай» къ Завадовскому, ушла отъ него, поссорившись «за дурное съ нею обращеніе».

Карьеру свою Истомина закончила довольно скромно и задолго до смерти была забыта. Она вышла замужъ за второстепеннаго актера Экунина и умерла отъ холеры въ 1847 г.

Заканчивая нашъ очеркъ исторіи русскаго балета александровской эпохой, не можемъ не упомянуть еще о нѣкоторыхъ выдаю-

щихся персонажахъ этой, именно, эпохи въ разсматриваемой области искусства.

Къ такимъ наши театральные историки причисляютъ, между прочимъ, двухъ одновременно подвизавшихся балеринъ — «очень талантливыхъ», по отзыву Арапова—Зубову и Телешову. Обѣ онѣ были хороши собой и имѣли тьму поклонниковъ, въ числѣ которыхъ находился и тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ. Онъ плѣнился Телешовой, которая была родственницей князя Шаховскаго—театрала, и, благодаря своей связи съ графомъ и покровительству князя, сдѣлалась одно время закулисной султаншей. По крайней мѣрѣ, изъ за нея графъ Милорадовичъ, можно сказать, въ гробъ вогналъ талантливую балерину Новицкую, о которой знатоки были того мнѣнія, что она, по хореграфическимъ достоинствамъ, стоитъ выше самой Истоминой. Въ одномъ новомъ балетѣ Дидло, угождая графу, который былъ въ то время и директоромъ театровъ, первую роль назначилъ Телешовой, а второстепенную—Новицкой. Послѣднюю это обидѣло и она отказалась играть. Милорадовичъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ Новицкую и пригрозилъ ей, что посадитъ ее въ смирительный домъ, если она не станетъ играть. Самодурство и грубость графа такъ потрясли артистку, что она слегла въ постель.

На несчастье, у нея нашлись сильные покровители, которые заставили Милорадовича почувствовать жестокость и неприличіе его поступка. Графъ поѣхалъ извиняться передъ оскорбленной Новицкой, но едва ей доложили о его пріѣздѣ, она пришла въ такой ужасъ, что это окончательно убило ее и черезъ нѣсколько дней она отдала Богу душу. П. Каратыгинъ относитъ этотъ фактъ къ 1822 году.

Относительно Телешовой слѣдуетъ добавить, что въ числѣ ея поклонниковъ былъ и Грибоѣдовъ, вообще сильно увлекавшійся балетомъ. За исполненіе роли волшебницы въ балетѣ «Русланъ и Людмила» Грибоѣдовъ посвятилъ ей восторженные стихи:

„О, кто она? Любовь, харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?“ и т. п.

Брюловъ увѣковѣчилъ для потомства черты лица красавицы Телешовой въ своей извѣстной картинѣ «Итальянка у фонтана»,

Въ числѣ балетныхъ дѣятелей подвизавшихся въ александровское царствованіе, видную роль играетъ Валберховъ, который какъ мы упоминали выше, можетъ считаться *первымъ*, по времени, русскимъ балетмейстеромъ и сочинителемъ балетовъ. На него обратила еще вниманіе Екатерина, давшая ему и фамилію Валберхова.

Въ 1801 г. онъ былъ посланъ на казенный счетъ заграницу для усовершенствованія и, возвратившись, всего себя посвятилъ преуспѣянію петербургскаго балета. Онъ образовалъ нѣсколькихъ танцовщиковъ и неутомимо сочинялъ, часто вмѣстѣ съ балетмейстеромъ Огюстомъ, новые балеты, преимущественно въ русскомъ національномъ вкусѣ. Умеръ Валберховъ въ 1819 г.

XXV.

Балы и бальные танцы александровскихъ временъ.

«Едва-ли петербургское общество было когда либо въ такой сильной степени расположено къ веселой и открытой жизни, какъ въ началѣ царствованія императора Александра»,—говоритъ Булгаринъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» и, въ этомъ отношеніи, съ нимъ согласны и другіе современные хроникеры.

Не менѣе была расположена въ то время «къ веселой и открытой жизни» и Москва. «Въ Москвѣ танцуютъ чуть не каждый день»—говоритъ Волкова въ своихъ запискахъ о 1810-хъ годахъ, и—это послѣ того, какъ бѣлокаменная была «спалена пожаромъ», а Россія была разстроена чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ въ борьбѣ съ нашествіемъ «двунадесяти языковъ».

Провинція, съ своей стороны, не отставала отъ столицъ въ «веселой и открытой жизни». «Баламъ и вечерамъ не было конца»,—разсказываетъ Второвъ объ общественной жизни въ Казани 1820 г.,

и, вообще, много посвящаетъ страницъ изображенію тогдашняго «вихря свѣтской жизни» въ провинціи, въ которомъ онъ самъ кружился, «погружаясь въ гнусныя мерзости»... А около того-же времени въ Симбирскѣ, по его словамъ, «такъ пріятно и весело было, что многіе пріѣзжали гостить туда изъ Казани и даже изъ Москвы».

Словомъ, «веселая и открытая жизнь» кипѣла повсемѣстно, въ предѣлахъ, разумѣется, однѣхъ барскихъ хоромъ и палатъ, усердно и изобильно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для пиршественной роскоши и блеска корявыми руками крѣпостныхъ... Весело-ли, при этомъ, жилось и послѣднимъ—объ этомъ никто не справлялся и сами историки проходятъ этотъ щекотливый пунктъ молчаніемъ.

Такое веселое настроеніе высшаго культурнаго общества въ дни Александра I, Булгаринъ объясняетъ тѣмъ, что въ началѣ этихъ дней «всѣ сердца наполнены были какою-то сладостною надеждою, какими-то радостными ожиданіями»... «Радостныя ожиданія», ктому-жъ, для многихъ просвѣщенныхъ эпикурейцовъ бывали не напрасны. Такъ, «права и преимущества русскаго дворянства (въ томъ числѣ, конечно, и право крѣпостное — самое существенное) снова были подтверждены и произвели общій восторгъ»... Можетъ быть, и не *общій*, но восторгъ несомнѣнно должны были почувствовать, отъ этого «подтвержденія», тѣ господа, которые въ началѣ царствованія Александра имѣли основаніе опасаться кое-какихъ обрѣзокъ и ограниченій этихъ драгоцѣнныхъ правъ, со стороны новаго правительства, заявившаго себя либеральнымъ направленіемъ. Но опасенія эти скоро разсѣялись, старыя «права и преимущества» подтверждены и—благополучное россійское дворянство могло беззаботно и безъоглядно предаться «веселой и открытой жизни».

Но точно-ли эта жизнь была весела, т. е., жизнь тогдашняго свѣтскаго общества? Едва-ли, даже на неособенно интеллигентный и изысканный вкусъ тогдашнихъ культурныхъ людей—по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые усвоили привычку задумываться надъ окружающимъ и надъ самими собой.

Одинъ поэтъ александровскихъ временъ, человѣкъ свѣтскій, говоря о разсѣянной жизни своего кружка и о томъ какъ онъ злоупотреблялъ «звѣздящеюся влагою Аи», говоритъ:

„Мы въ ней *заботы* потопляли“...

Полежаевъ, спрашивая, зачѣмъ онъ, въ подобной-же жизни, «убилъ»

«силы мощныя души», объясняетъ это тѣмъ, что этимъ силамъ «не было *воли*»,

„Какъ въ широкомъ, чистомъ полѣ
Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣсти".

Пушкинъ съ такимъ увлеченіемъ предававшійся въ молодости свѣтской жизни и бывшій «отъ баловъ безъ ума», сознается, однако, устами Онѣгина, что —

...„рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ",

и что самый салонный «разговоръ» бальныхъ красавицъ ничто иное въ его глазахъ, какъ «несносный, хоть невинный вздоръ»...

Одна свѣтская умная женщина, примыкающая къ описываемой эпохѣ, говоря о своей «привязанности къ свѣту», даетъ такую исповѣдь: «да, я люблю его, жажду баловъ, выѣздовъ, шума, толпы, но я люблю ихъ, какъ угаръ, какъ опьяненіе, какъ *свободу*»!... «Не осуждайте тѣхъ, которые кажутся слишкомъ привязанными къ свѣту: это вѣрная примѣта, что *нѣтъ имъ отрады дома*».

Конечно, толпа—свѣтская чернь, не вдаваясь въ такіе анализы и скептицизмы, искренно довольствовалась разсѣянной, суетной, непроходимо-пустой свѣтской жизнью, наивно смѣшивая салонный шумъ, бальную толкотню и грубое чревоугодіе съ *весельемъ*, въ человѣческомъ смыслѣ, хотя-бы на аршинъ чисто-эпикурейскій.

И дѣйствительно, когда эта блестящая, съ внѣшней стороны, толпа собиралась вкупѣ и ее хоть на минуту оставляли не занятой механически рутинной программой увеселительныхъ собраній, то тотчасъ-же среди нея водворялась дремучая скука и эти вялые пресыщенные бонвиваны, привыкшіе вести «веселую и открытую жизнь» по системѣ бѣлки, вертящейся въ колесѣ, не знали, что съ собой дѣлать.

«Наши общественныя собранія скучны», — выразился Растопчинъ, вообще, о свѣтскихъ собраніяхъ того времени. Это-же говоритъ и Пржецлавскій о петербургскихъ общественныхъ собраніяхъ 20-хъ гг. Напр., знаменитые маскарады въ домѣ Энгельгардта, по его словамъ, вовсе не были веселы и «ничего не имѣли похожаго на европейское». «Не смотря на веселые мотивы оркестра», маскарады эти (происходившіе безъ танцевъ) «имѣли видъ похороннаго шествія и утомляли мундирнымъ однообразіемъ костюмовъ»... За

то около 3-хъ часовъ ночи «меланхолическій характеръ» этихъ собраній «почти постоянно» оживлялся «безобразнымъ пьянствомъ въ буфетѣ, а иногда и драками».

Волкова, описывая московское «благородное собраніе» 1810 гг., свидѣтельствуетъ, что оно принимало совершенно «нелѣпый» видъ, когда гостей не развлекали танцами, ужинами и картами. Она съ наивнымъ ужасомъ вспоминаетъ одинъ изъ такого рода «нелѣпыхъ» праздниковъ, когда въ собраніи «тысяча особъ, разряженныхъ, какъ куклы, ходили изъ угла въ уголъ, *не имѣя другаго развлеченія*, кромѣ заунывнаго хора», и честитъ за это старшинъ собранія «болванами». Особенно возмутилъ ее одинъ изъ нихъ, ея дядя Валуевъ, который «изъ ума выжилъ—хочетъ, чтобы дамы каждый день являлись въ собраніе съ рукодѣльемъ и, при этомъ, однѣ изъ нихъ пѣли, другія играли на фортепьянѣ или гитарѣ»... «Никакъ нельзя было выбить у него изъ головы,—жалуется Волкова, — эту *дикую фантазію*», изъ за которой съ нимъ «перессорилась вся Москва». «По всей вѣроятности,—заключаетъ она,—никто не станетъ ѣздить въ собраніе»... И съ своей точки зрѣнія, московскій бо-мондъ былъ правъ: людямъ, которые не находятъ ни разумной цѣли, ни содержанія, ни удовольствія въ сообществѣ между собою quande même, у которыхъ нѣтъ никакихъ живыхъ общихъ интеллектуальныхъ интересовъ, рѣшительно незачѣмъ собираться для самихъ себя. Собраніе для нихъ только тогда получаетъ смыслъ, когда оно оживлено какими нибудь внѣшними развлеченіями, забавами и внѣшнимъ праздничнымъ блескомъ.

При такомъ содержаніи и характерѣ общественныхъ собраній, натурально, танцы должны были сдѣлаться главнымъ и господствующимъ времяпрепровожденіемъ, по ихъ общедоступности и по тому, что, развлекая и сосредоточивая на себѣ вниманіе, они исключали надобность утруждать головы и отыскивать какіе-нибудь высшіе интересы.

Вслѣдствіе этого, описываемая эпоха, въ области общественной жизни, могла-бы назваться по преимуществу эпохой *танцующей, паркетной*. «Мы плясали безъ отдыха», разсказываетъ Волкова, описывая «грибоѣдовскую Москву»; плясали каждый день и не только по вечерамъ, на безпрерывныхъ балахъ, но и по утрамъ— на «завтракахъ съ танцами».

«Балы были въ разгарѣ»—разсказываетъ о петербургской жизни

20-хъ годовъ Хвостова. — «Рѣшительно *всѣ дни* были разобраны, кромѣ субботы, въ которую мы всѣ почили отъ дѣлъ (?) своихъ и отыхали»...

Говоря словами Пушкина, эта вѣчно танцующая, пустая жизнь свѣтскаго бонвивана была

«*Однообразна* и пестра,
И завтра то-же, что вчера».

Въ тѣхъ-же почти выраженіяхъ характеризовалъ эту жизнь и Грибоѣдовъ устами Чацкаго, замѣтившаго о Москвѣ, что въ ней только и разнообразія:

„Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два!“

Такимъ образомъ, балъ сдѣлался вѣнцомъ общественности, высшимъ его выраженіемъ, танцы—культомъ, единственно дойстойнымъ дѣтей «забавъ и роскоши», и въ то-же время чуть не единственнымъ цементомъ для общенія кавалеровъ съ дамами, для начала и продолженія великосвѣтскихъ романовъ. Эту существенную сторону бала и бальнаго танца прекрасно подмѣтилъ и очень игриво описалъ Пушкинъ. Онъ говоритъ:

„Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О, вы почтенные супруги!
. . . .
Я васъ хочу предостеречь,
Вы также маменьки построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ:
Не то... не то, избави Боже!“

Это шутка, но, зная скандалезную хронику тогдашней великосвѣтской жизни, можно согласиться съ Пушкинымъ серьезно, что отъ баловъ того времени, съ ихъ куртизантствомъ, «страдали нравы». Конечно, сами-то «нравы» были очень ужъ ненадежны и податливы.

Сдѣлавшись, своего рода, культомъ, бальные танцы становятся какъ-бы обязательной повинностью для каждаго вступающаго въ свѣтъ члена общества. Не танцовать свѣтскому человѣку, а тѣмъ болѣе дамѣ временъ александровскихъ было не мыслимо, какъ, съ другой стороны, умѣнье танцовать и хореграфическій талантъ со-

ставляли цѣнное достоинство и доставляли успѣхъ не только на паркетѣ, но иногда и на поприщѣ служебной карьеры.

На то, какъ кто танцуетъ, обращали вниманіе въ свѣтѣ гораздо болѣе, чѣмъ на содержаніе головы, и во всякомъ случаѣ нерѣдко дѣлалась та или другая посылка отъ ногъ къ головѣ. Одинъ важный баринъ на какомъ-то балѣ въ 1808 г. окончательно погубилъ въ мнѣніи свѣта тогда еще молодаго графа Хвостова, съостривъ на его счетъ такой эпиграммой:

„Скажу про графа не въ укоръ:
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ".

Не менѣе жестокій ударъ былъ нанесенъ въ то время князю А. П. Гагарину какимъ-то зоиломъ, напечатавшимъ въ одной газетѣ такой, надѣлавшій скандала, анонсъ: «Не угодно-ли князю Г.....у, *потерявшему кадансъ* на такомъ-то балѣ, за полученіемъ онаго явиться къ танцмейстеру Гоголю?»

Князь былъ настолько сраженъ этимъ, настолько почувствовалъ неотложную надобность, ради своихъ успѣховъ въ свѣтѣ, найти «кадансъ», что, дѣйствительно, пригласилъ танцмейстера и сталъ у него учиться правильно танцовать, запираясь въ особой комнатѣ отъ всѣхъ домашнихъ, какъ школьникъ, пускающійся на шалость... Вѣроятно, уроки не пропали даромъ и искомый «кадансъ» былъ найденъ, потому что въ двадцатыхъ годахъ князь былъ уже «высокимъ сановникомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, волею судебъ какъ-то такъ ужъ само собой совпадало въ тѣ веселыя времена, что кто отличался на паркетѣ, того встрѣчали отличія и блестящіе успѣхи и на поприщѣ практическомъ, житейскомъ. Это можно-бы сказать о многихъ тогдашнихъ представителяхъ «командующаго класса»...

Искусство изящнаго танца и элегантныхъ маперъ открывали иногда доступъ въ великосвѣтскіе дома даже и очень скромнаго сана и незнатнаго рода людямъ. Араповъ разсказываетъ, что Сосницкій въ молодости, желая научиться свѣтскости, сталъ копировать во всемъ тогдашняго петербургскаго льва, графа С. «Удачная эта репрезентація открыла Сосницкому входъ въ лучшіе дома; я встрѣтилъ его,—говоритъ Араповъ,—на балахъ и вечерахъ, гдѣ онъ отличался въ мазуркѣ и французскомъ кадрилѣ, а въ ту пору не всякій ихъ могъ танцовать».

О громадной роли танцовальнаго искусства въ судьбѣ и карьерѣ тогдашнихъ свѣтскихъ дамъ, въ особенности дѣвицъ—нечего ужъ и говорить. Барышня, не танцующая или танцующая плохо, пропала-бы въ мнѣніи свѣта.

«По большой части родители учили своихъ дочерей танцовать только для того, чтобы вывозить ихъ на балы и чтобы дать имъ *чрезъ это средство составить выгодную партію*»,—говоритъ одинъ мемуаристъ того времени. И въ этомъ отношеніи, свѣтскія барышни, особенно столичныя, были безъукоризненны, въ большинствѣ случаевъ. Художница Виже-Лебренъ, посѣтившая Россію около этого времени, свидѣтельствуетъ, что петербургскія дамы даже кланялись съ необыкновенной граціозностью и въ своихъ внѣшнихъ манерахъ обнаруживали «утонченность и пріятность лучшаго французскаго общества».

Что-же касается свѣтскихъ дамъ Москвы, то, по свидѣтельству Фамусова, самъ прусскій король—

„Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ;
Ихъ благонравью, а не лицамъ".

Волкова, описывая одинъ балъ въ московскомъ собраніи, говоритъ, что на немъ, между прочимъ, состоялся экоссезъ, въ которомъ участвовало 20 дѣвушекъ, «одна другой лучше», граціознѣе и благонравнѣе.

«Какая вѣжливость, и учтивость и благопристойность!—восхищается Второвъ блестящимъ салоннымъ обществомъ въ Москвѣ на паркетѣ благороднаго собранія 1800-хъ годовъ.—Ежели потѣсните кого или васъ кто задѣнетъ, то всегда съ пріятною миною и уклончивостью извиняются»... «Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шуму», но «какой-то пріятный гулъ и шорохъ»...

Впрочемъ, по части бонтона Москва всегда отставала отъ Петербурга, сосредоточивавшаго въ себѣ самыя отборныя сливки свѣтскаго общества. Здѣсь-же сосредоточивались и самыя изящнѣйшіе львы и львицы паркета. «Просто нѣтъ словъ передать, какое множество хорошенькихъ женщинъ увидѣла я проходящими передо мною»—разсказываетъ свои наблюденія Виже-Лебренъ на одномъ изъ петербургскихъ придворныхъ баловъ. Петербургъ же блисталъ тогда и лучшими танцорами и танцоршами. Изъ кавалеровъ здѣсь славились тогда, въ особенности, какъ мазуристы, самъ императоръ

Александръ Павловичъ, графъ Милорадовичъ, графъ Соллогубъ и актеръ Сосницкій. Изъ петербургскихъ танцорокъ особенно славилась тогда извѣстная красавица Марья Антоновна Нарышкина, «танцовавшая съ неподражаемою граціей», по замѣчанію Виже-Лебренъ.

Въ то-же время Петербургъ славился и своими танцмейстерами. Въ 800-хъ годахъ, по словамъ Глушковскаго, «были первоклассные учителя бальныхъ танцовъ: Пикъ, Юаръ, а впослѣдствіи Дидло, Огюстъ, Колосова, Новицкая, Дютакъ и Эбергардъ». Глушковскій хвалитъ ихъ методу и свидѣтельствуетъ, что всѣ они были завалены уроками. Престранную картину представляли иногда тогдашніе танцъ-классы.

Тутъ можно было видѣть: «мальчика лѣтъ восьми, съ булочкой въ рукѣ, прыгающаго чижикомъ, нѣмца, старичка съ подвязанными зубами, который задыхается, но танцуетъ до поту лица, армянина въ національной одеждѣ», пожилыхъ и молодыхъ барынь, «въ папильоткахъ на головѣ, которыя со всѣми граціями стараются выдѣлывать па-де-зефиръ и, поглядывая на всѣхъ, какъ будто спрашиваютъ: «А что, каковы мы?»

Многіе учились танцовать основательно, систематически, но было много и такихъ, которые жаждали пройзойти всю хореграфическую науку въ нѣсколько пріемовъ. Для послѣднихъ имѣлись особые танцмейстеры-шарлатаны, бравшіе «за выучку» всѣмъ танцамъ въ нѣсколько уроковъ рублей 25.

Въ то время, по словамъ того-же автора, «танцовали слѣдующіе бальные танцы: экоссезъ, вальсъ, котильонъ, французскую кадриль въ восемь фигуръ, гросфатеръ, полонезъ-сотанъ, пергурдонъ, гавотъ Вестриса, мазурку въ четыре пары. Характерные танцы: русскую пляску, па-де шаль, фанданго, матлотъ, венгерку, краковякъ, алемандъ, па-де-козакъ».

Уже по обширности и разнообразію этого репертуара, можно заключить о томъ, какъ много занималось тогда свѣтское общество танцовальнымъ искусствомъ, которое, даже съ точки зрѣнія педагогической, считалось тогда прекраснымъ средствомъ къ «укрѣпленію мускуловъ» и сообщенію молодымъ людямъ «ловкости, проворства» и пріятныхъ манеръ.

Изъ вышеупомянутыхъ танцевъ, употребительныхъ въ александровскіе дни, многіе нынче забыты даже по имени. Мы здѣсь

скажемъ только пару словъ о тогдашней мазуркѣ, такъ прочно утвердившейся въ нашемъ бальномъ репертуарѣ.

Мазурка появляется въ Петербургѣ въ 1810-хъ годахъ и, конечно, завезена была къ намъ изъ Парижа. Она вошла тогда въ большую моду; ее танцовали въ четыре пары и хорошая школа требовала танцовать ее плавно, безъ топанья, простыми па, стараясь придать грацію движеніямъ всего тѣла. Особенно образцово танцовалъ мазурку въ описываемое время актеръ Сосницкій. Онъ, по словамъ Глушковскаго, танцуя мазурку, «не дѣлалъ никакого усилія; все было такъ легко, зефирно, но вмѣстѣ увлекательно». За это-то Сосницкаго и «брали наперехватъ» во всѣхъ аристократическихъ домахъ, и какъ бальнаго кавалера и какъ танцмейстера.

ИЗВРАЩЕНІЕ НАРОДНАГО ПѢСНО-ТВОРЧЕСТВА.

„Много погибло на нашей землѣ родныхъ преданій, драгоцѣнныхъ для исторіи“...

И. Сахаровъ.

„Народная душа опустошена“...

Глѣбъ Успенскій.

I.

Нельзя отрицать того грустнаго факта, что распространеніе цивилизаціи въ народѣ тѣмъ путемъ и тѣми способами, какими оно до сихъ поръ совершалось и совершается, сопровождается множествомъ крайне неблагопріятныхъ въ нравственно-бытовомъ отношеніи послѣдствій.

Цивилизація уже сама по себѣ—сила обезличивающая и обезцвѣчивающая всякую яркую, самобытную индивидуальность. Она все и вся гнетъ къ одному знаменателю, втискиваетъ всѣхъ въ одноформенныя, такъ называемыя, «общеевропейскія» лекала—отъ универсальнаго фрака и «цилиндра», до универсальнаго метода мышленія. Говоря параболически, лощеный, столь обязательный для цивилизованнаго человѣка, «цилиндръ», кажется, какъ будто бы обладаетъ, не смотря на свою легкость и мягкость, жестокими свойствами той варварской машины, посредствомъ которой извѣстные дикари сплющиваютъ себѣ головы по одной формѣ и фасону. Европейскій «цилиндръ», точно также «оболванивая», по выраженію скульпторовъ, всѣ головы по одному фасону, дѣлаетъ ихъ, какъ бы, одноформенными не только снаружи, но и извнутри, по складу и подборку мыслей, понятій, стремленій.

Можетъ быть, это такъ и нужно... Несомнѣнно, общечеловѣческая культура, идя путемъ естественно-историческаго подбора, всегда и вездѣ отправлялась отъ частнаго къ общему, и—въ этомъ ея конечная цѣль. Но поклонникамъ національной старины и самобытности въ характерѣ, обычаяхъ и нравахъ своего народа, отъ этой мудрой истины не становится легче... Нельзя не видѣть безъ

боли сердечной, какъ съ каждымъ днемъ, подъ могучимъ вѣяніемъ стремящейся на всѣхъ парахъ цивилизаціи, мало по малу исчезаютъ въ народѣ его племенныя оригинальныя черты, измѣняется бытъ, вывѣтриваясь отъ стародавней, проведенной рѣзцомъ исторіи складки, забываются преданія и чисто народныя пѣсни, коверкается языкъ и, взамѣнъ поэтической старины, съ ея яркимъ индивидуальнымъ колоритомъ, распространяется повсюду и во всемъ какое то досадливое, безхарактерное, нерѣдко каррикатурное обезьянничество, именуемое «образованностью», которая идетъ неразлучно съ презрѣніемъ ко всему родному.

Мы говоримъ, именно, о той «образованности», которая такъ непріятно поражаетъ наблюдателя, напримѣръ, въ нашихъ горожанахъ низшихъ классовъ. Но такъ какъ нашъ горожанинъ этого слоя, особенно въ столицѣ, тотъ же крестьянинъ—выходецъ изъ «деревни», съ которою онъ продолжаетъ имѣть частыя сношенія, то, понятно, что эта антипатичная «образованность» широкой рѣкой разливается по всему лицу земли русской. Кромѣ того, развозитъ ее по всѣмъ направленіямъ и во всѣ захолустья современная «чугунка», разноситъ ее по деревнямъ, всякіе виды на своемъ вѣку видавшій, балагуръ—солдатъ, распространяетъ ее съ неменьшимъ успѣхомъ какой нибудь полуграмотный фанфаронъ—волостной писарь или уѣздный чиновникъ, знакомитъ съ нею заѣзжій мѣщанинъ торгашъ—и уже самымъ полнымъ, самымъ плодовитымъ органомъ ея является кабакъ, со своимъ прожженнымъ, «на тонкой политикѣ» воспитаннымъ хозяиномъ-цѣловальникомъ.

Можетъ быть и это такъ нужно... Не знаемъ и разбирать этого не станемъ. Цѣль этой замѣтки—указать лишь на одно изъ наиболѣе обидныхъ, если хотите, проявленій этой «образованности», именно—на извращеніе, подъ ея растлѣвающимъ вліяніемъ, нашего народнаго пѣснотворчества. Въ распоряженіи нашемъ имѣется, кромѣ наблюденій, собранныхъ другими изслѣдователями, нѣсколько фактовъ и образчиковъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества, лично нами подмѣченныхъ и записанныхъ.

Какъ извѣстно, любители и собиратели народныхъ былинъ, сказаній и пѣсенъ, давно жалуются на крайнее оскудѣніе этого драгоцѣннаго для изученія народной жизни матеріала, а, съ другой стороны, на порчу языка и эстетическаго вкуса, на отсутствіе типичности въ новѣйшей народной пѣснѣ. Теперь уже никто изъ нихъ

не могъ бы, напримѣръ повторить, даже съ натяжкой, патріотической тирады, сказанной лѣтъ сорокъ тому назадъ наивно-восторженнымъ Сахаровымъ:

«Если бы чужеземецъ, писалъ Сахаровъ, спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостью пригласили его на русскія святки въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантазій, сказали бы ему: вотъ ея памятники! вотъ наша старая русская жизнь! Было время, когда всѣмъ этимъ дорожили, все это любили...

Да, было время, но давно быльемъ поросло...

Нынче такого «боярскаго» дома, въ которомъ справлялись бы русскія святки по старинѣ, со всѣмъ «разгуломъ народныхъ фантазій», и днемъ съ огнемъ не сыскать. Нынче не только въ «боярскихъ» домахъ, но и въ скромной хатѣ городскаго мѣщанина русскія «народныя фантазіи» и обряды на святкахъ вытѣснила заѣзжая модница—нѣмецкая «елка». Даже въ деревняхъ святочныя и всякія другія праздничныя «народныя фантазіи», игры, забавы и пѣсни сильно амальгамированы городскою «образованностью», а кое-гдѣ, ради нея, и вовсе выброшены изъ памяти и житейскаго обихода.

Можетъ быть самая антипатичная черта этого цивилизаторскаго превращенія въ массѣ заключается именно въ томъ, что оно сопровождается и идетъ параллельно съ развитіемъ въ той же массѣ отвращенія ко всему своему, родному и всего болѣе къ старинѣ. «Образованный» простолюдинъ-горожанинъ, нарядившись въ «нѣмецкаго» фасона «спинжакъ» и «пальто», уснастивъ свой словарь кудреватыми, книжными выраженіями и словечками, научившись чувствительнымъ романсамъ и веселымъ куплетамъ (все это, конечно, въ искаженно-каррикатурномъ видѣ), смотритъ уже свысока на «деревенщину», брезгаетъ ея сѣрымъ зипуномъ и лаптями, фыркаетъ на ея «простоту» въ обычаяхъ и нравахъ, издѣвается надъ ея «мужицкой» пѣснью.

Встрѣтивъ какъ-то одного молодаго, развязнаго крестьянина изъ «образованныхъ» и сблизившись съ нимъ настолько, что онъ, по моей просьбѣ, охотно пропѣлъ мнѣ нѣсколько «фабричныхъ» пѣсенъ, я, между прочимъ, попросилъ его спѣть еще, какія онъ знаетъ, *деревенскія* пѣсни.

— Этта, *мужицкія*, значитъ? презрительно скосивъ глаза, возразилъ мнѣ «образованный» собесѣдникъ.

— Да, мужицкія, говорю.

— Не поемъ и даже никакого, то есть, средоточія въ понятіи своемъ насчетъ этой рухляди не имѣемъ, сказалъ онъ, со свойственной у такихъ «любителей просвѣщенія» пестротою и вычурностью безсмысленно нанизанныхъ словъ въ рѣчи.

— Почему-же? спрашиваю.

— Потому — какія-же у мужика необразованнаго пѣсни? Такъ, трень-брень, да, нѣшто, вытье во все, то ись, горло... и весь тутъ сюжетъ: ни чувствія, ни обонянія... о великатности и говорить ужъ нечего... Вотъ, не угодно-ли?

И не дожидая моего согласія, обязательный пѣвецъ приложилъ руку къ щекѣ, скривилъ на бокъ ротъ и затянулъ гнусавымъ голосомъ, копируя, якобы, «мужицкое пѣніе», такую белиберду:

„Онъ мочилъ, мочилъ, мочилъ,
А потомъ началъ онъ сушить,
Онъ сушилъ, сушилъ, сушилъ,
А потомъ началъ онъ мочить.
Онъ мочилъ, мочилъ“ и т. д.

— Антиресно? спросилъ, смѣясь, пѣвецъ, кончивъ пѣніе. Вотъ въ эдакомъ фасонѣ, добавилъ онъ, и всѣ мужицкія пѣсни...

Такой-же отвѣтъ и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ дали одному туристу на Волгѣ щеголи фабричные, когда онъ имъ напомнилъ про старыя пѣсни.

— Это старинныя, «тошныя», — сказали парни; ихъ старики себѣ подъ носъ мурлыкаютъ, а у насъ свои пѣсни—вишь житье-то какое теперь веселое стало... народъ-то все... какой?.. и не выговоришь какой!

Вспомнился мнѣ тутъ описанный Кулишемъ, въ его «Запискахъ о Южной Руси», малоросъ — пѣвецъ, по образу и подобію Баяна (увы, одинъ изъ послѣднихъ!), который жаловался автору на это, именно, эпидемически распространяющееся въ массѣ презрѣніе къ чисто-народному пѣснотворчеству и къ эпической старинѣ.

«Теперь, бачте, говорилъ онъ ему, *малі старці* настали—*нічого не тямлять*. Стань ёго вчить, то воно й слухать не хоче. «Се,

каже, все брехня. Ваші панотці брехали и ви брешете». А якъ коли, то, попавши нашого брата на шляху, и попобьють»... *).

А въ какой степени эти «малі старці», со своимъ пѣснопѣвческимъ безвкуснымъ новшествомъ, вытѣснили нынѣ старинную народную пѣсню и ея хранителей — пѣвцовъ былого симпатичнаго типа, можно видѣть изъ того, вопервыхъ, что послѣдніе въ настоящее время почти совершенно вымерли уже и, во-вторыхъ, что для собиранія нерастерянныхъ еще пока и не искаженныхъ окончательно перловъ «народныхъ фантазій» приходится странствовать въ непролазную глушь и дичь лѣсовъ и топей какого нибудь Заонежья, лежащаго за предѣлами цивилизаціи.

Дошло до того, что истинно-народныхъ «сказителей» и пѣвцовъ точно какое «чудо-юдо морское», возятъ на показъ по столицамъ, да какже иначе, если какой-нибудь Остапъ Вересай или Рябининъ являются послѣдними могиканами вымершаго цикла древне-русскихъ пѣвцовъ, если въ мелодическихъ звукахъ бандуры одного и въ пѣвучихъ, эпическаго строя пересказахъ другого, слышалась какъ-бы лебединая пѣсня всего нашего старинная народнаго пѣснотворчества!

Уже Рыбниковъ замѣтилъ, что даже въ глухомъ Заонежьи, куда городская «образованность» не проторила еще себѣ широкой дороги, «у большинства сказителей (существовавшихъ еще въ бытность тамъ автора) врядъ-ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія»...

Можетъ быть, все это такъ и нужно, и—безъ сомнѣнія, такъ нужно, потому что противъ распространенія цивилизаціи и ея нивеллирующаго вліянія на народную индивидуальность прати нельзя, да и было-бы безсмысленно.

Между тѣмъ, благодаря только именно отсутствію вѣянія цивилизаціи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества, тамъ удержались пока въ памяти сельскаго люда старыя пѣсни и

---

*) Теперь, видите, *малые старцы* (т. е. пѣвцы) настали—ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. „Это, говоритъ, все вздоръ. Ваши отцы врали и вы врете“. А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ.

былины, а главное старый, эпическій складъ народнаго творчества.

Гильфердингъ, посѣтившій Заонежье гораздо позднѣе Рыбникова, прямо говоритъ, что, только благодаря *глуши* и *свободѣ* (отъ бывшего крѣпостнаго права), мѣстный крестьянинъ остался до сихъ поръ «подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія» и съумѣлъ сберечь въ чистотѣ кристаллы русской народной фантазіи.

«Свободный крестьянинъ Заонежья, говоритъ онъ, жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода, его едва коснулась и грамотность... Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи»...

Гильфердингъ указалъ при этомъ на замѣчательный въ своемъ родѣ фактъ: изъ семидесяти встрѣченныхъ имъ въ Заонежьи «сказителей» былинъ только *пять* оказались грамотными! Затѣмъ, онъ дѣлаетъ печальный выводъ что народная, эпическаго склада пѣсня можетъ еще удержаться въ данной мѣстности только при одномъ условіи, «если въ эту глушь *не проникнетъ промышленное движеніе и школа*».

Понятно, что эта дилемма безусловно можетъ и должна получить одно лишь рѣшеніе—въ пользу «промышленнаго движенія и школы», т. е. распространенія цивилизаціи; но это не отнимаетъ, однако, у насъ права поскорбѣть отъ всего сердца, что въ вопросѣ о цивилизаціи такая дилемма неизбѣжна и что, слѣдовательно, неизбѣжны искаженіе народнаго пѣснотворчества и забвеніе лучшихъ его перловъ, завѣщанныхъ стариною...

Скорбь эта объяснится и оправдается, надѣемся, вполнѣ, при ближайшемъ знакомствѣ съ продуктами вдохновенія «маліхъ старцівъ»—съ новой пѣснью въ устахъ народа, тронутаго культивирующимъ движеніемъ европейскаго прогресса. Но прежде чѣмъ перейти къ этому, сдѣлаемъ маленькую оговорку, по адресу тѣмъ проницательнымъ критикамъ, которые уже однажды, при появленіи предлагаемаго этюда въ одномъ изъ журналовъ, заподозрѣли автора въ отрицаніи цивилизаціи для народа и въ отстаиваніи его патріархальнаго мрака и невѣжества противъ свѣта знанія и культуры, ради сохраненія въ неприкосновенности цвѣтовъ народнаго пѣсно-

творчества. Непредубѣжденный читатель, надѣемся, ничего такого не найдетъ здѣсь.

Мы не противъ распространенія цивилизаціи въ народѣ, даже въ томъ извращенномъ видѣ, въ какомъ она дѣлаетъ свои первые шаги на народной почвѣ,—мы миримся съ этимъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, въ твердой вѣрѣ, что народъ современемъ, силою своего разума, все болѣе культивируемаго просвѣщеніемъ, отыщетъ прямую дорогу къ истинной цивилизаціи. Нашъ грѣхъ (если это грѣхъ) только въ томъ, что мы не закрываемъ глазъ на *темныя стороны* цивилизаторскаго процесса, совершающагося въ массѣ, которыхъ никто отрицать не станетъ, и что, видя это, мы относимся критически къ существующимъ *путямъ и способамъ* распространенія въ народѣ цивилизаціи, полагая, что пути эти могли-бы быть прямѣе и шире, а способы—лучше и цѣлесообразнѣе. Значитъ-ли это отрицать просвѣщеніе народа?

Дѣло въ томъ, что, благодаря этимъ ложнымъ, фальшивымъ путямъ и способамъ, въ связи съ другими неблагопріятными условіями, распространеніе цивилизаціи въ народѣ сопровождается однимъ, громадной важности и громаднаго вреда, фактомъ—*разрушеніемъ земледѣльческаго быта* и «земледѣческаго міросозерцанія». Фактъ этотъ указанъ такимъ компетентнымъ знатокомъ народной жизни, какъ г. Глѣбъ Успенскій, и—мы позволимъ себѣ здѣсь сослаться на его свидѣтельство.

«Огромнѣйшая масса русскаго народа—говоритъ онъ, до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно сильна и дѣтски кротка, словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ все и вся, народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*»...

«Нашъ народъ до тѣхъ поръ будетъ казаться такимъ, каковъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоцѣнными качествами ума и сердца, словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь съ головы до ногъ и съ наружи до самаго нутра проникнутъ и освященъ тепломъ и свѣтомъ, вѣющими на него съ матери сырой земли»... «Оторвите крестьянина отъ земли и... нѣтъ этого славнаго народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него.

Остается одинъ пустой аппаратъ пустаго человѣческаго организма»...

«Вотъ почему такъ противны тѣ изъ крестьянъ, которые вылѣзли къ деньгамъ, отдѣлались отъ труда, живутъ на готовое: скучнѣе, пошлѣе этой жизни трудно представить. Что за глупые разговоры о людяхъ съ песьими головами, о Махмудѣ персидскомъ или, какъ теперь, о «понье» и «портвинѣ». Кто не знаетъ, сколько глупаго «форцу» вноситъ крестьянинъ, пожившій въ трактирѣ, въ лакеяхъ и т. д. А вѣдь онъ пьетъ, ѣстъ готовое, спитъ въ теплѣ и деньги получаетъ, у него часы «анкерные»; но кто не испыталъ къ этимъ типамъ самаго полнаго отвращенія?» («Отеч. Зап.» январь 1882 г.).

И этотъ-то типъ, представляющій собою пока господствующій типъ «образованнаго» мужика, вытѣсняетъ, а во многихъ мѣстностяхъ уже вытѣснилъ земледѣльческій типъ крестьянина и внесъ то «опустошеніе» въ душу народа, на которомъ мы здѣсь и останавливаемъ вниманіе читателя.

II.

Искаженіе народнаго характера, исчезновеніе сомобытности въ образѣ жизни, въ правахъ и обычаяхъ крестьянина, порча его языка и его пѣсни, наряду съ забвеніемъ «старины» и привнесеніемъ бросовыхъ объѣдковъ цивилизаціи въ его міросозерцаніе, распространяются, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Гильфердингъ, по всѣмъ путямъ, пролагаемымъ «промышленнымъ движеніемъ».

Промышленное движеніе, какъ всегда и вездѣ, служитъ лучшимъ и самымъ дѣятельнымъ проводникомъ цивилизаціи, со всѣми ея благами и изъянами, просвѣщеніемъ и растлѣніемъ, смягченіемъ нравовъ и развратомъ, обогащеніемъ однихъ и обѣдненіемъ другихъ. На этомъ основаніи, размѣромъ и степенью распространенія промышленнаго движенія по территоріи нашего отечества, рядомъ съ разрушеніемъ земледѣльческаго быта, вполнѣ опредѣлится и рай-

онъ развитія того явленія въ области народной жизни, о которомъ идетъ рѣчь.

Оно идетъ преимущественно по главнымъ искуственнымъ путямъ сообщенія — по направленію желѣзныхъ дорогъ и большихъ судоходныхъ рѣкъ, сосредоточиваясь около важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, т. е. городовъ, и въ мѣстностяхъ, гдѣ фабричное производство приняло широкіе размѣры, мало по малу упраздняя въ средѣ населенія земледѣльческій быть.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, если не совершенно уже исчезъ прежній патріархальный земледѣльческій типъ русскаго селянина, то, во всякомъ случаѣ, сильно исказился и сталъ вытѣсняться новымъ типомъ «фабричнаго крестьянина», по удачной квалификаціи извѣстнаго этнографа г. Нефедова.

«Фабричный крестьянинъ» въ интеллектуальномъ отношеніи не только не возвышается надъ крестьяниномъ—земледѣльцемъ, нетронутымъ цивилизаціей обитателемъ какой нибудь деревенской глуши, но во многомъ ему уступаетъ, не говоря уже о положительномъ превосходствѣ надъ нимъ послѣдняго въ отношеніи нравственномъ.

«Фабричный крестьянинъ», не смотря на обладаніе грамотностью въ большинствѣ случаевъ, далеко еще не вышелъ изъ мрака застарѣлыхъ предразсудковъ и суевѣрій, присущихъ русскому простолюдину вообще. Онъ также невѣжественъ, въ сущности, какъ и крестьянинъ пахарь; ибо тотъ пестрый, поверхностный налетъ фальшивой «образованности», который дала ему фабрика или городъ, заключаетъ въ себѣ гораздо больше отрицательныхъ, разлагающихъ пріобрѣтеній, чѣмъ положительныхъ и цѣнныхъ. Данная среда воспитываетъ, какъ говоритъ г. Е. Марковъ, «мужика цивилизованнаго питейнымъ заведеніемъ и кафе-шантанами уѣзднаго города, развитаго аблакатами, обогащеннаго мошенничествомъ подрядовъ и поставокъ, но оставшагося въ душѣ тѣмъ же средневѣковымъ дикаремъ, живущаго, попрежнему, въ мірѣ «порчъ» и «глаза», домовыхъ и «скотьихъ боговъ».

За то, взамѣнъ внѣшней «образованности», у фабричныхъ, по наблюденіямъ г. Нефедова, «отзывчивость къ поэтическому творчеству и поэтическая память слабѣютъ, да и народу становится не до нихъ». Вся поэзія для нихъ, весь «идеалъ времяпрепровожденія, какъ говоритъ тотъ же авторъ, есть питье чая и водки въ трактирѣ или кабакѣ». Фабрика и городъ «изуродовали ихъ физически и

нравственно». Это-же подтверждаетъ и другой наблюдатель жизни великорусскихъ крестьянъ, г. Шараповъ.

Въ послѣдніе 18 лѣтъ, по его словамъ, «исчезли рѣшительно всѣ остатки прежнихъ увеселеній. Ни однѣхъ качель, ни одной балалайки, лишь изрѣдка послышится однообразный звукъ гармоники... Хороводы становятся все рѣже и скучнѣе, даже пѣсни съ ихъ чудесными мотивами начинаютъ вырождаться и переходить въ совершенно немузыкальное *кричанье*. Остается одна водка и водка, да развѣ при ней—праздничное галдѣнье». «Посидѣлки стали чѣмъ-то въ родѣ деревенскаго клуба, пишетъ г-жа Бравина въ своей статьѣ «Село Олино» въ «Нижегородскомъ Сборникѣ.—Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы они сдѣлались чрезвычайно шумны, вслѣдствіе посѣщенія ихъ толпами молодыхъ парней изъ мѣстныхъ питейныхъ, а иногда они приносятъ съ собою косушки и полуштофы. Посидѣлки часто оканчиваются теперь буйными драками... Старыя пѣсни забыты вовсе или успѣли уже передѣлаться на новый, довольно отвратительный ладъ.»

Правда, «фабричный крестьянинъ» большой щеголь. Г. Нефедовъ наблюдалъ его по теченію Волги и ея притоковъ. «Фабричные ходятъ тамъ, по его словамъ, съ синими бумажными зонтиками подъ мышкой, у дѣвицъ въ платьяхъ замѣчаются зачатки панье»... Сбылись мечты гоголевскаго цивилизатора, полковника Кошкарева, желавшаго одѣть русскихъ мужиковъ во фраки, а бабъ въ корсеты!

Подобное франтовство и модничанье въ крестьянской средѣ, весьма обычные въ большихъ городахъ, проникаютъ повсюду, гдѣ только повѣяло цивилизующимъ промышленнымъ движеніемъ. Г. Молчановъ, посѣтивъ недавно новгородскую губернію, встрѣчалъ тамъ въ деревняхъ парней не только въ кумачевыхъ, но и въ шелковыхъ рубахахъ. «Молодицы-же деревенскія носятъ городское платье, и что меня, говоритъ онъ, особенно поразило, такъ это то, что по всей слободѣ шли танцы, — дѣвушки танцовали *французскую кадриль*, при чемъ сами и пѣли какія-то пѣсни новѣйшей формаціи» (Дѣло происходило въ праздничный день). Г. Гусевъ, описывая въ «Тверскомъ вѣстникѣ» (1879 г. № 20) «народное веселье» въ деревняхъ тверскаго уѣзда, свидѣтельствуетъ, что «на посидѣлкахъ иногда бываетъ трудно отличить по одеждѣ крестьянскую дѣвушку отъ городской мѣщанки. Изъ молодцевъ же нѣкоторые являются въ сюртукахъ и жилетахъ съ часами»... Вышеупомянутая г-жа

Бравина свидѣтельствуетъ, что въ описываемомъ ею селѣ «дѣвушка, явившаяся на гулянье въ ситцевомъ сарафанѣ, не смѣетъ встать въ хороводъ и принять участіе въ общемъ весельѣ, отъ того, что въ хороводѣ принято ходить въ шерстяныхъ сарафанахъ, платьяхъ и шелковыхъ платкахъ; также и молодые парни, не имѣющіе щегольского наряда—сюртука изъ тонкаго сукна, хорошихъ сапоговъ и жилета—остаются только зрителями чужого веселья». Даже «перчатки являются необходимой потребностью при играхъ въ хороводахъ». Такой внѣшній прогрессъ происходитъ въ то время, когда средній доходъ семьи, состоящей изъ двухъ работниковъ и владѣющей двумя полными надѣлами, не превышаетъ двухъ сотъ рублей въ годъ. Такъ что авторъ очерка оказывается вполнѣ правымъ, говоря: «если посторонній зритель, не имѣющій понятія о крестьянскомъ бытѣ, посмотрѣлъ бы на сельскія народныя гулянья, онъ былъ бы пріятно изумленъ достаткомъ и довольствомъ крестьянъ, но стоитъ только вникнуть, какимъ путемъ пріобрѣтаются эти суконные кафтаны, армяки, шерстяные и шелковые сарафаны, чтобы пожалѣть остальную толпу голодающихъ».

Такихъ деревенскихъ щеголихъ и щеголей намъ лично приводилось встрѣчать очень часто въ окрестныхъ къ Петербургу селеніяхъ, а, напр., этнографъ г. Н. Камкинъ встрѣчалъ ихъ не мало даже въ корельскихъ деревняхъ архангельской губерніи.

Все это было бы вполнѣ утѣшительно, если бы эти сюртучники, скидывая съ плечъ національные, прадѣдовскаго покроя, зипуны и сибирки, не скидывали съ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свой племенной обликъ, свою этнографическую индивидуальность въ образѣ жизни, въ нравахъ, понятіяхъ, эстетическихъ вкусахъ и т. д.

Къ сожалѣнію, въ развитіи образованности народной массы повторяется, въ основныхъ чертахъ, тотъ же процессъ «отсебятины» и разрыва съ родной «почвой», который пережили въ свое время верхушки русскаго общества, при воспринятіи западной цивилизаціи, и который такъ дорого намъ обошелся, цѣною отчужденія цѣлыхъ поколѣній отъ народа и его интересовъ.

Всѣ эти сюртуки, жилетки, «панье» и т. п. предметы гардеробной и домашней рухляди, скроенной и сшитой по модѣ, на «нѣмецкій» фасонъ, вносятся въ крестьянскій бытъ, наряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, большею частью непонятыхъ или понятыхъ вкривь и вкось, идей, понятій,

словъ, привычекъ, маперъ и предразсудковъ изъ сферы интеллигентной жизни. При отличающей нашъ національный характеръ переимчивости, все это жадно и безъ всякой критики воспринимается и усвоивается невѣжественной массой и, въ результатѣ, уродуетъ ее до неузнаваемости.

Получается какая-то дикая, безобразная амальгама изувѣченныхъ обрывковъ и крупицъ европейской культуры съ обезличенными, разлагающимися остатками и чертами отживающаго стараго типа «мужика», съ его примитивной грубостью и невѣжествомъ, которыя одни и сохраняются долѣе и неприкосновеннѣе изъ всего дѣдовскаго наслѣдія.

Благодаря этой страсти къ переимчивости, къ новинкамъ, народный языкъ коверкается и уснащается массой, большею частью обезображенныхъ, ни къ селу ни къ городу нацѣпленныхъ иностранныхъ и техническихъ словъ и оборотовъ, выдернутыхъ изъ лексикона городской интеллигенціи. Одинъ компетентный знатокъ нашего мѣщанскаго быта давно подмѣтилъ эту слабость тронутыхъ цивилизаціей простолюдиновъ къ «подбору какихъ-бы то ни было нелѣпыхъ выраженій. Въ подобномъ подборѣ они находятъ, говоритъ онъ, какую-то поэтическую красоту». Ниже мы увидимъ до какой, дѣйствительно, нелѣпости доходитъ нерѣдко эта тарабарщина.

Весь этотъ потокъ новыхъ словъ и понятій естественно проникаетъ и въ народное пѣснотворчество, вытѣсняя самобытность и чистоту поэтическихъ формъ старинной пѣсни, которая мало по малу совершенно забывается. Вмѣсто нея нарождается фальшивая и дикая сюртучно-трактирная поэзія, непріятно поражающая искусственностью и вычурностью своего склада, отсутствіемъ живости и красоты, которыми такъ плѣняетъ истинно-народная пѣсня, и, наконецъ, какой-то лоскутной пестротой языка и содержанія. Мы остановимся здѣсь на записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе характеристическихъ образчикахъ этой новой, уродливой, сюртучно-трактирной поэзіи, и читатель увидитъ, правы-ли мы въ нашемъ приговорѣ.

Какъ всегда и вездѣ, на первомъ планѣ въ современной народной пѣснѣ любовь и ея герои—добръ-удалъ молодецъ и красная дѣвица. Посмотримъ же на идеалъ молодецкой красоты, приго-

жести и талантливости», какъ о нихъ поется нынче кое-гдѣ на дѣвишникахъ, на свадьбахъ и на деревенскихъ посидѣнкахъ!

Вотъ, напр., «во городѣ во Саратовѣ, во московской главной улицѣ» разгуливаетъ добрый молодецъ Иванъ Степановичъ—

„Какъ на Ванюшкѣ, на Степанычѣ,
Сюртукъ бархатный,
Жилетъ розовый,
Галстухъ шелковый,
Платокъ въ рукѣ батистовый“ *).

Понятно, что на такого ослѣпительнаго щеголя и франта всѣ добрые люди «дивовалися»,

„Да всѣ дѣвушки, да всѣ красныя
Засмотрѣлися“.

И какъ не засмотрѣться, если, кромѣ блистательнаго наряда, Ванюшка отличается еще и образцовой благовоспитанностью:

„Онъ *щепетко* ходитъ,
Манежно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ.
Чулокъ не мараетъ,
Ой, люшеньки, люли,
Чулокъ не мараетъ!“

Вкусы у него изысканные и деликатные. На приглашенье откушать зелена вина, онъ отвѣчаетъ:

„Не пью вина я зеленаго,
Я кушаю водку
И то для охотки“.

Во всемъ нашего красавца добрые люди и особенно красныя дѣвицы «одобривали»:

„Какъ онъ скроменъ!
Какъ онъ вѣжливъ!

---

*) Въ варіантахъ этой весьма распространенной пѣсни, записанныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, сюртукъ на молодцѣ оказывается то „кармазиннымъ“, то „гармишелевымъ“; на головѣ молодца „шляпенка пуховая“, рубаха на немъ то „канетелевая“, то „французская“, на плечахъ „лайковыя помочи“, въ рукахъ его либо платокъ „фуляровой“, либо трость „серебрянна, со ленточками букетовыми“ и т. под.

говорятъ онѣ о немъ между собой. Впрочемъ, и самъ предметъ этого удивленія и этихъ восторговъ отлично знаетъ себѣ цѣну и неотразимую плѣнительность своихъ жилетокъ и сюртуковъ. Пѣсня застаетъ его большею частью стоящимъ передъ «зеркаломъ хрустальнымъ» или передъ «туалетомъ» и прихорашивающимся. На деревенскихъ посидѣнкахъ въ тверскомъ уѣздѣ, по списку г. Гусева, поется, между прочимъ, такая «разводная» пѣсня:

„Ваня въ *зеркало* глядѣлся,
Самъ собою смотрѣлся.
Какой я хорошій,
Какой я пригожій.
Рубашка французска,
Жилетка съ цвѣтами,
Шляпа со перами,
Голова съ кудрями.
Кудри вьются каждый часъ—
Цѣлуй молодца сейчасъ!“ **)

И по ходу игры, дѣвица, точно, цѣлуетъ франта немедленно, да и какъ не расцѣловать такую прелесть!

Не говоря уже о «французскихъ рубашкахъ» и «жилеткахъ», въ которыхъ, по смыслу этого рода пѣсенъ, вся краса и все достоинство добраго молодца, ибо о свойствахъ его *личности* въ нихъ нѣтъ ни слова, не говоря, наконецъ, о пошлости и нескладности самой, цитированной здѣсь, пѣсни, въ ней, и ей подобныхъ, особенно непріятно поражаетъ еще это глупое фанфаронство воспѣваемаго героя. Это какой-то неуклюжій, накрахмаленный Адонисъ, отдающій букетомъ коровьяго масла и помады «амбре», самодовольно восхищающійся въ зеркалѣ своей каленкоровой «пригожестью» и «хорошестью», точно городская кокетка-горничная. Подобный Адонисъ во «французской рубашкѣ», совершенно невиданный и немыслимый въ истинно-народной пѣснѣ, къ сожалѣнію, составляетъ излюбленный, господствующій типъ въ мужичьей пѣснѣ новѣйшей фабрично-городской формаціи (Замѣтимъ, что какъ здѣсь, такъ и дальше мы черпали подходящій матеріалъ изъ многихъ однохарактерныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ).

**) Эта пѣсня тоже весьма распространенная. Очень схожіе съ вышепредставленнымъ варіанты ея мы нашли, между прочимъ, въ сборникѣ Терещенко, изд. 1848 г., и въ сборникѣ П. В. Шейна, 1870 г.

Этотъ франтъ и модникъ то красотѣ своей «дивится», то, разгуливая вдоль по рѣчкамъ, по Казанкамъ, «со кудрями своими разговариваетъ», то, фланируя по Невскому «пришпехту», «самъ съ перчаткой разсуждаетъ», то катается въ каретѣ и «соболинымъ рукавомъ ее отпираетъ», то «манежничаетъ» и «щеголяетъ» передъ дѣвицами, «въ карманъ руки опускаетъ» и даритъ ихъ конфектами, то, наконецъ, пѣсня застаетъ его въ такомъ отмѣнно-комфортабельномъ положеніи:

„Сидѣлъ Ваня *на диванѣ*
Стаканъ рому наливалъ,
Не наливши полстакана,
Самъ за Катенькой послалъ"...

Въ патетическіе моменты объясненія въ любви, у этого щеголя, какъ у салоннаго кавалера, «выпадаетъ трость изъ рукъ, сваливаются перчатки съ рукъ». Когда идетъ въ хороводъ, въ кругъ дѣвицъ, на немъ—

„Сюртукъ тонкій со манишкой,
Штаны трековыя,
Трубочка пензовая,
Табакъ жуковъ подмоченъ,
Кисетъ новый парчевой"...

Собрался свататься молодецъ—

„Модно нарядился,
Жилетъ надѣваетъ,
Галстухъ оправляетъ" и т. д.

Сами свахи рекомендуютъ его, какъ первѣйшаго франта, и—прежде всего какъ франта, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной въ глухой и далекой Чердыни:

„Не иная молодая,
У васъ, вотъ, *сюртукъ* молодецкій!
Не иная молодая,
У насъ, вотъ, *брюки* молодецки" и т. д.

Въ соотвѣтствующихъ чертахъ, конечно, складывается въ этой сюртучно-бакалейной поэзіи, искажающей народную пѣсню, и идеалъ «дѣвьей красы». Дѣвица плѣняетъ уже молодыхъ людей не столько своей тѣлесной «пригожестью» и «дородностью», сколько тѣмъ,

что она франтиха, модница и «манерница». Величая дѣвицъ въ хороводѣ, парни называютъ ихъ *дамами:*

„Дамы, дамки, дамочки,
Наши дѣвки кралечки"!

Въ другой хороводной пѣснѣ, молодецъ спрашиваетъ приглянувшуюся ему красавицу:

„Ужъ ты, Маша *модница,*
Чисто ходишь, гдѣ берешь"?

На что она отвѣчаетъ, вычисливъ всѣ прелести своего моднаго туалета, что это все подарки родимаго батюшки, хотя, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ о ея нарядахъ позаботился кто нибудь и другой. Въ подобныхъ пѣсняхъ разсматриваемой формаціи, ужь коль дѣвица «хороша», то непремѣнно—

„*По нѣмецкому* разубрана",

на ней «цвѣтно платьице», «шуба шелковая», *«кушубеечка* пяльцевая», не то — «спгинкюровая», на шейкѣ «цѣпочка дорогая», въ ушахъ «серьги брилліантовыя»,

...„при помадѣ всегда
У дѣвицы голова очень мило убрана",

лицо у ней набѣлено и нарумянено.

„Ой, роза, роза, роза,
Роза алая моя"!

привѣтствуетъ ее восхищенный при ея видѣ парень. Да что ужь говорить о деревенскихъ парняхъ! Какъ-то разъ эдакую модницу

„Увидалъ генералъ,
Изъ окошка озиралъ".

Чуть увидѣлъ, сейчасъ и влюбился.

„Ахъ, кабъ зналъ я это дѣло,
Не женился-бы во вѣкъ;
Кабъ видѣлъ красоту,
Не взялъ барышню—жену,
Взялъ-бы крестьянку",

исповѣдуется въ пѣснѣ его превосходительство.

Сама дѣвица сознаетъ, что она хороша на диво, между прочимъ, потому что она «въ городѣ родилася» и

„Во Питерѣ жила,
Всѣ науки поняла“...

Родители, выдавая ее замужъ, предъувѣдомляютъ жениха, что

„Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена
И сдобнымъ кренделемъ вскормлена“.

Въ довершеніе благовоспитанности, у нея—

...„походка дворянская
И рѣчи деликатныя“.

Ѣздитъ дѣвица въ каретѣ или въ коляскѣ съ кучерами (а по болѣе современному—молодецъ прокатываетъ ее «на машинкѣ»).

„Какъ и съ мосту, мосту
Тутъ бѣжала *карета*...
. . . .
Какъ во той во каретѣ
Сидѣла дѣвица:
Добро-жалобно плачетъ,
Заунывно причитаетъ“

Плачетъ она и причитаетъ по своей «дѣвьей красѣ», которую она, отправляясь подъ вѣнецъ, «забыла» у родителей, «запомнила»

„Во столовой бѣлой горницѣ,
На *ломберномъ* столикѣ,
На фабричной на *салфеточкѣ*,
На *фарфоровой* тарелочкѣ“...

А и цѣна «дѣвьей красѣ» не маленькая! Оцѣнилъ ее добрый молодецъ въ слѣдующемъ отборномъ комплиментѣ:

„Ахъ, красная дѣвица,
Ваша бровь—сто рублевъ,
А вашъ взглядъ—пятьдесятъ,
Поцалуй—шестьдесятъ“!

Весьма естественно, что, высватавъ такую благовоспитанную и изящную дѣвицу—питерскую умницу, по словамъ одной хороводной пѣсни, счастливому молодцу ничего не остается, какъ благодарить Бога:

„Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Да и *школьную и манерную*“...

Спознаванье парней и дѣвицъ, заигрыванье и любовь между ними точно также, утративъ въ новѣйшей пѣснѣ поэтическую про-

стоту и эпическую образность уподобленій старинной пѣснѣ, пріобрѣли вычурныя, крайне пошлыя формы бульварнаго ухаживанья, городской манерности и книжной сентиментальности. И тутъ средствами обольщенія и привораживанья являются сюртуки, косметики, конфекты, всякаго рода галантерейности, а, сверхъ всего деньги, танцы, карты и водка.

Даже заочныя сношенія между влюбленными происходятъ, какъ между лицами, познавшими всѣ тонкости цивилизаціи, по способамъ самой усовершенствованной почтовой корреспонденціи. Въ деревняхъ тверской губерніи дѣвушки на посидѣнкахъ поютъ:

„По большой дорогѣ
Бѣжитъ маленькій *штафетъ*,
Несетъ дѣвушкамъ *газетъ*.
Мы газеты получали,
Распечатали, читали:
Пишетъ, пишетъ милый другъ
Объ любови дорогой“...

Встрѣча личная между дѣвушками и молодцами изображается съ неменьшей витіеватостью.

„Я стояла вечерней порой
Наша *армія* по улицѣ идетъ“...

«Арміей», ради краснаго словца, названа компанія вышедшихъ на улицу парней.

Дѣлая выборъ между ними, дѣвицы стараются прежде всего опредѣлить, который изъ нихъ дѣвушкамъ—

„Много денегъ даритъ“.

На этотъ счетъ у нихъ имѣется вѣрная примѣта, а именно:

„У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ;
У кого денегъ поболѣ,
У того руки на волѣ“.

Впрочемъ, при нынѣшнемъ распространеніи просвѣщенія и моднаго франтовства—«не узнать кто бѣднякъ», ибо каждый парень

„При сибиркѣ синей,
При манишкѣ бѣлой“.

Напримѣръ, какая-то «глазовская молодежь сапоги носитъ со скрипомъ», а дома у нея «гроша не найдешь, оброковъ не платятъ»...

Дѣвицы не стѣсняются, однако, наглядным образомъ провѣрить карманные рессурсы своихъ искателей. Онѣ безъ церемоній требуютъ отъ нихъ подарковъ и денегъ.

„Ужъ ты, Ванюшка, пьянъ,
Не ходи безъ румянъ"!

предостерегаетъ пѣсня какого-то недогадливаго посѣтителя дѣвичьихъ бесѣдъ. Въ другой пѣснѣ дѣвушки напрямикъ требуютъ у парней денегъ—

„Намъ на бѣлыя бѣлилы,
На красныя румяны.
Мы набѣлимся, нарумянимся,
Добрымъ молодцамъ
Лучше приглянемся"!

Обиліе и изысканность подарковъ — кратчайшій и вѣрнѣйшій путь къ сердцу дѣвицы. Молодцу, который тароватъ по этой части, одна хороводная пѣсня предлагаетъ на выборъ:

„Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвушку хорошенькую!"

Благосклонность красавицы снискивается то за «петербургскій пряникъ», то за «конфекты—для совѣта», съ прибавкой—«изюму—на раздуму», то за «банку розовой помады», съ придачей «шипронаго коленкору» либо «лександрину», а не то — «левантину» на платье, за «тальянскій платъ», за «батистовую косынку» и т. д. Если-же ко всему этому искатель приложитъ еще «на шейку цѣпочку», осчастливленная дѣвица уже безъ колебаній цѣлуетъ его «въ щечку», цѣлуетъ даже и тогда, когда онъ ей нелюбъ, какъ это откровенно говоритъ она въ одной пѣснѣ:

„Перстенечекъ-то хочется,
Цаловать его не хочется",

т. е. подносящаго перстенечекъ парня; но, въ концѣ концевъ, подарокъ оказываетъ свое дѣйствіе и дѣвушка цѣлуетъ не симпатичнаго вздыхателя «милешенько».

Имѣя въ виду такую сговорчивость и податливость дѣвицы на подарки, искатель, заручившись ими, прямо уже ломится къ ней въ «покой», самоувѣренно «топаетъ правою ногой» и изъясняется въ своихъ чувствахъ стилемъ апраксинскаго прикащика «красной» лавки, зазывающаго покупательницу:

...„милая, ахти!
Гарнитуровой тафты,
Атласу голубова,
Гарнитуру дорогова,
Черный бархатъ на сапожки,
Брилліантовы сережки" и т. д.

Въ отвѣтъ на это краснорѣчивое вещественное выраженіе невещественнаго влеченія, безъ дальнихъ разговоровъ,

„Беретъ дѣвица молодца".

Про ухаживанье и начало любви есть, въ числѣ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, одна необыкновенно поэтичная, съ яркимъ эпическимъ оттѣнкомъ, въ которой описывается, какъ удалъ молодецъ, разбивъ шатеръ въ чистомъ полѣ, встрѣтилъ тутъ дѣвицу, поставившую свой шатеръ противъ его шатра. Между ними начались сношенія съ того, что дѣвица прошла въ шатеръ молодца и стала

„Въ золоты гуселюшки играти",

да неощутительно для себя и «проиграла» ему свою дѣвичью красоту.

Что-же сдѣлала изъ этой прекрасной пѣсни новѣйшая фабрикація?

Разбивъ шатеръ, молодецъ, по современной редакціи,

„Разостлалъ тутъ *гранетуровый платокъ;*
Разломилъ онъ бѣлъ крупищатый калачъ,
Самъ поставилъ водки *полуштофъ*.
Не отколь да взялась дѣвица:
Тебѣ богъ помощь удалой молодецъ!
Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть—кушать,
Я пришла къ тебѣ во *карты играть*,
Что во карты, во *шахматы*,
И во всѣ игры нѣмецкія"...

Молодецъ сталъ играть, но дѣвицы не обыгралъ и она—

„Отошла сама разсмѣялася"...

Эта замѣна «золотыхъ» гуслей полштофомъ и картами весьма характеристична въ томъ отношеніи, что такимъ именно образомъ идетъ искаженіе и опошливанье нашей народной пѣсни повсемѣстно и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Уже и теперь во многихъ мѣстностяхъ истинно-народная пѣсня смѣнилась такою, напр., дребеденью фабрично-лакейскаго сочини-

тельства, вдохновеннаго разными «пѣсенниками» московскаго издания.

Рѣчь идетъ объ ухаживаньи и любви. Молодецъ «падаетъ на «колѣнки» передъ Машинькой и умоляетъ полюбить его.

Она сначала отказываетъ, говоря:

„Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить“...

Молодецъ сулитъ ей всякія блага:

„Для Машуриньки такой
Есть у меня особый покой.
Ужъ и спальню твою
Всю цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами
И подушечками.
Тесовая кровать („Красна дерева кровать“, по другому варіанту)
На коврахъ будетъ стоять;
Разсчастливая Машура
Будетъ пѣжно почивать („На бархатномъ на диванѣ“. Др. вар.).
Серебряны самовары
На столахъ будутъ кипѣть“, и т. д.

Въ другой подобной-же пѣснѣ дѣвица разсказываетъ, какъ «миленькій красавчикъ» ее сердечко «распрекраснымъ своимъ взоромъ заразилъ», а потомъ «танцевать съ собой просилъ».

„Долго долго танцовали,
Появился жаръ въ лицѣ“,

и кончилось тѣмъ, что красавчикъ выманилъ дѣвицу на дворъ и поставилъ ее въ такое конфузливое положеніе, что ей ничего не осталось «какъ скрыться отсель прочь» *).

---

*) По варіанту, записанному у Шейна, дѣвица въ этой пѣснѣ, выйдя на крыльцо „простудить лицо“,

„Не слыхала какъ упала“.

Молодецъ, стоя надъ нею, спрашиваетъ:

„Если любишь, другъ, скажи,
А не любишь—откажи!“

Она отвѣчаетъ, въ тонѣ жеманства старосвѣтской барышни:

„Я любить не люблю,
Отказаться не могу“.

А вотъ нѣкій ослѣпительный Александръ Яковлевичъ «по залу гуляетъ», въ которомъ «два голуба на шкафѣ пьютъ и льютъ (?), и въ цимбалы бьютъ», душу—Дунюшку «забавляютъ». Александръ Яковлевичъ плѣняетъ дѣвицу тѣмъ, что у него «бѣлы рученьки унизаны»

„Золотыми перстнями,
Отсвѣчиваютъ они отъ Дуняши
Разными лучами.
Душа Дуняша! душа Дуняша!
Васъ тятинька кричитъ".

Дуняша отвѣчаетъ: «скажите, подруженьки, не слыхала».

Точно также не слышитъ она и тогда, когда «маменька» ее «кричитъ», а закричалъ Александръ—она отвѣчаетъ:

„Подруженьки любезныя,
Скажите сейчасъ буду!"

Рядомъ съ неотразимо-плѣнительными молодцами въ золотыхъ перстняхъ и въ «бѣло-розовыхъ французскихъ рубашкахъ», деревенскихъ красавицъ обольщаютъ въ новѣйшей пѣснѣ офицеры, юнкера, капитаны, майоры, штабъ-лѣкари, уланы, подъячіе, писаря, дворяне, графы и т. п. представители интеллигенціи.

Увлекаясь такими благородными и чиновными особами, дѣвушки имѣютъ въ виду почетъ, деньги и вальготную свѣтскую жизнь на господскую ногу. Въ одной пѣснѣ, напр., дѣвица сравнивая свою долю съ долей подружекъ, считаетъ себя «пресчастливой», потому что она полюбила «щеголя писаря изъ конторы». Въ другой, весьма распространенной пѣснѣ, имѣющей множество варіантовъ, дѣвица думаетъ, гадаетъ за кого ей замужъ идти, и останавливается на выборѣ то подъячаго, то боярина.

За подъячаго замужъ идти выгодно, разсуждаетъ дѣвица:

„Какъ подъячій-то писать,
А я денежки считать".

За боярина—пріятно и лестно, потому что—

„Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй,
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся".

Съ высшими чинами военнаго сословія у дѣвицъ дѣло ограни-

чивается большею частью романическими похожденіями легкаго, зазорнаго свойства. Какіе-то удалые «майоры» лазятъ къ нимъ въ окна; молодые «офицерики» приглашаются ими въ спальню въ такія минуты, когда «маменька спитъ» и т. д. При этомъ, романъ завязывается въ чисто бульварномъ вкусѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей, записанной нами въ одной изъ близкихъ къ Петербургу деревень, пѣснѣ, носящей явные слѣды подражанія книжнымъ романсамъ:

„Долго я, какъ макъ цвѣла,
Веретеномъ крутила,
И отъ всей своей души
Прялку я любила.
Долго, долго такъ жила,
Злой тоски не знала,
Припѣваючи пряла,
Пѣла да играла.
Разъ, однажды вечеркомъ
Сижу за работой—
Ходитъ юнкеръ подъ окномъ
Въ ясной позолотѣ.
Онъ манилъ меня шутя—
Я не испугалась.
Вдругъ...

спустя немного, какъ и слѣдовало ожидать, у дѣвицы «нитка оборвалась», и, вотъ, съ той поры, поетъ она—

„Часто, часто нитки рву,
А на сердцѣ грустно“.

Книжная сентиментальность въ изображеніи любви ярко сказывается въ новѣйшей простонародной пѣснѣ, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи, усвоиваемыхъ извнѣ и вновь складываемыхъ въ данной средѣ, рапсодій. Это особенно замѣтно въ тѣхъ пѣсняхъ въ которыхъ описываются несчастная, «жестокая» любовь, сердечная измѣна, отвергнутое чувство и пр. Неудачники и неудачницы, въ любовныхъ дѣлахъ впадаютъ въ сентиментальную меланхолію, презираютъ постылой жизнью и, вопія къ «жестокости» своихъ предметовъ, кончаютъ съ собою болѣе или менѣе скоропостижно. Кому неизвѣстна, весьма любимая «образованнымъ» простонародьемъ, слезная пѣсня, въ которой покинутая любовница проситъ невѣрнаго дружка:

„Возьми въ руки пистолетикъ,
Заряди легкой зарядъ,
Разстрѣли мою грудь.
Я тѣмъ буду довольна—
Сократишь ты жизнь мою".

Убійственный «пистолетикъ» въ этихъ случаяхъ является на первомъ планѣ. Въ другой пѣснѣ «несчастной мальчюшечка», обращаясь къ «дѣвченочкѣ», проситъ ее полюбить его, а, въ случаѣ отказа, грозитъ:

„Если ты не любишь меня,
Убью мальчикъ самъ себя,
Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь
И покроюсь на вѣкъ темнотой".

Бываетъ, впрочемъ, когда чувство неудовлетворенной или обманутой любви ищетъ себѣ отмщенія болѣе практичнымъ путемъ, примѣняясь, напр., къ современному развитію сутяжничества. Одна обманутая дѣвица отправилась въ городъ:

„Гербовой она листъ
Бумаженьки закупала,
Молодого-то она писаря
Къ себѣ въ гости зазывала.
На милаго дружка
Просьбу составляла".

Съ этой просьбой она идетъ къ «молодому губернатору», кланяется ему въ ноги, проситъ «разсудить» ее съ милымъ дружкомъ «по правдѣ».

„Ты отдай моего дружка любезнаго,
Ты отдай въ солдаты"!

Губернаторъ, однакожъ, не уважилъ просьбу дѣвицы и даже прогналъ ее «вонъ изъ каменной палаты» за неосновательное ходатайство. Но въ иныхъ случаяхъ обманщики, привлеченные къ суду, дорого платятся, какъ поплатился, однажды, нѣкій молодецъ изъ села Кушалина за то, что

„У Натальи платочекъ заносилъ—
За безчестье шестьдесятъ рублей платилъ".

«Шестьдесятъ рублей—денежки. Изловили меня дѣвушки!»—жалуется, по дѣломъ наказанный, ловеласъ.

III.

Рядомъ съ этимъ сюртучнымъ франтовствомъ и бульварнымъ фанфаронствомъ въ романическихъ отношеніяхъ, опошленныхъ какой-то лакейской сентиментальностью, народная пѣсня разсматриваемой формаціи воспѣваетъ, съ неменьшей искренностью, кабакъ и трактиръ, какъ разсадники все той-же «образованности» и какъ неизсякаемые, единственные въ своемъ родѣ источники наивысшихъ усладъ и развлеченій, приличныхъ по городски избалованнымъ бонвиванамъ. Идетъ, напр., молодецъ въ Питеръ и — чѣмъ-же прежде всего плѣняетъ его пышная столица?

«Петербургъ—городъ привольный:
Все трактиры, кабаки,»—

поетъ онъ, мечтая о столичномъ «вальготномъ» житьѣ, а впослѣдствіи приходитъ къ такому прочному выводу, въ духѣ кабацкой философіи:

«Лучше пьяному напиться,
Чѣмъ тверезому ходить»...

Это—тоже одинъ изъ неразлучныхъ спутниковъ «промышленнаго движенія», всюду разносящаго, одновременно съ дарами и благами цивилизаціи, величайшее распутство, разгулъ, пьянство и глубокую порчу нравовъ. Наивная въ своемъ творчествѣ народная пѣсня, какъ наивенъ и самъ попавшій въ круговоротъ этого «движенія» и исковерканный имъ сынъ «деревни», воспроизводитъ передъ нами всю эту кабачно-трактирную поэзію безъ малѣйшаго намека на отрицательное къ ней отношеніе. Это-то и ужасно, что сынъ «деревни», какъ ребенокъ, ослѣпленный дешевымъ блескомъ фальшивой «образованности», плѣненный обманчивой прелестью безпутнаго трактирнаго эпикурейства, не умѣетъ и не можетъ различить золота цивилизаціи отъ ея шумихи, не въ состояніи отнестись къ послѣдней критически и уразумѣть всю ея фальшь и мерзость. И гдѣ ему взять такой критики?—Вѣру въ идеалы и нравственные устои «мужичьей» дѣдовской «старины» онъ утратилъ; нахлынувшее на него «промышленное движеніе» привезло къ нему по «чугункѣ» или на пароходѣ обольстительные сюртуки и «фран-

цузскія» манишки, привезло городскія моды и привычки къ какой ни на есть грошовой роскоши, да утонченные вкусы къ трактирнымъ наслажденіямъ, привезло, наконецъ, общедоступную науку городского пройдошества, всяческой плутоватости и вороватости. Полная разнузданность, разжигаемая алчностью къ легкой наживѣ, къ щегольству и къ трактирно-пьянымъ усладамъ, а взамѣнъ—никакихъ нравственныхъ сдержекъ, никакихъ истинно-цивилизующихъ понятій и привычекъ гражданственности въ жизни частной и общинной:—вотъ въ какихъ чертахъ складывается характеръ простолюдина подъ вліяніемъ «промышленнаго движенія» и городской «образованности»!

Извѣстно, что изъ всѣхъ нашихъ рѣкъ—Волга «кормилица» послужила особенно широкой и удобной дорогой для «промышленнаго движенія», съ его спутниками — цивилизацией и деморализацией. Извѣстно, что она привлекаетъ къ себѣ многія тысячи сельскаго народа со всѣхъ сторонъ, по своему огромному бассейну, — «кормиться» отъ ея богатыхъ промысловъ. Какія-же впечатлѣнія выноситъ съ ея береговъ рабочій крестьянинъ? какъ и въ чемъ отражается на немъ цивилизующее вліяніе этой главной артеріи россійской культуры?

Г. Мельниковъ записалъ очень интересную въ этомъ отношеніи пѣсню, сложенную на Волгѣ бурлаками и очень ими любимую. Пѣсня эта — своего рода географія нашей великой рѣки: въ ней, кратко и выразительно, описаны достопримѣчательности болѣе трехсотъ мѣстъ (городовъ и селеній), расположенныхъ на Волгѣ отъ Рыбинска до Бирючьей Косы... Но какія-же это достопримѣчательности? какая это географія? А, вотъ, неугодно-ли нѣсколько ея образчиковъ въ выдержкахъ!

„Вотъ городъ Кострома—*гульливая сторона*
А пониже его Плесъ—чтобъ шайтанъ его унесъ!
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ! чтобъ шайтанъ его унесъ!
За нимъ Кинешма, да Рѣшма—тамой *дѣвушки не честны*,
А вотъ городъ Юрьевецъ—*что ни парень, то подлецъ.*
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
Въ Городцѣ-то на дворѣ—*по три дѣвки на дворъ*,
А вотъ городъ Балахна—стоитъ полы распахня!
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ село Козино—*много дѣвокъ свезено.*

Еще Созиново село—*соромники наголо;*
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ Нижній-городокъ—*ходи гуляй въ погребокъ,*
Вотъ Кунавино село—въ три дуги меня свело.
Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
А вотъ Кстово-то Христово—*развеселое село,*
Хоша чарочка маленька, да винцо хорошо.
Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
Вотъ село великій Врагъ—*въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ,*
За нимъ село Безводно—*живутъ дѣвушки зазорно.*
Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
Рядомъ тутъ село Работки—покупай хозяинъ водки;
Вотъ Слопинецъ, да Титинецъ—всѣмъ мошенникамъ кормилецъ.
Ахъ, ну! охъ. ты мнѣ и т. д.

И въ такомъ родѣ идетъ живописаніе всей матушки-Волги, всѣхъ расположенныхъ на ней культурно-промышленныхъ центровъ! Кабаками, трактирами, «зазорными» дѣвками, мошенничествомъ и «озорничествомъ»—исчерпывается и замыкается весь кругъ наблюденій и сношеній рабочаго простолюдина, пришедшаго сюда обогащаться матеріально и духовно, посмотрѣть «свѣта» — «себя показать—людей поглядѣть».

Что дѣлаетъ Волга съ захваченнымъ ея промышленно-разгульнымъ движеніемъ мужикомъ—это мы знаемъ по хорошо изученному нашими этнографами мрачному типу волжскаго «бурлака», являющагося истымъ представителемъ злосчастной «кабацкой голи» и «вольницы» и пропивающаго на Волгѣ не только свой скудный заработокъ, но и здоровье, и честь, а нерѣдко и свою буйную, бесталанную голову. Самъ народъ сложилъ о бурлакѣ мнѣніе, какъ о пропащемъ человѣкѣ—забубенномъ голышѣ, пьяницѣ и плутѣ. Въ одной пѣснѣ бурлаки дѣвицу красную сманиваютъ, сулятъ ей золотыя горы; но дѣвица имъ не поддается—она хорошо знаетъ, что всѣ бурлацкія пожитки—«одна лямка да котомка», и та дырявая... Сами бурлаки про свое житье поютъ, что имъ

„Постелюшка—мать сыра земля,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Умываньице—частый дождичекъ,
Утиральнице—горючи слезы";

что на Волгѣ-матушкѣ (по тексту другой пѣсни) всего ими испробовано:

„Въ кабакахъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку, безъ спросу, потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожогомъ плеча поранены“...

Что касается нелестной славы, сложившейся, какъ видно изъ вышеприведенной бурлацкой пѣсни, про дѣвицъ нѣкоторыхъ наиболѣе веселыхъ волжскихъ поселеній, то и въ этомъ случаѣ пѣсня не выдумываетъ и не преувеличиваетъ фактовъ. Къ сожалѣнію, всѣ пути, по которымъ съ особенной бойкостью идетъ торгово-промышленное движеніе, заражены развратомъ. Кто не знаетъ, напр., о буйныхъ оргіяхъ и невѣроятномъ вакханальномъ распутствѣ, имѣющихъ мѣсто на знаменитой макарьевской ярмаркѣ?!

„Какъ *женила* молодца
Чужа дальная сторона,
Чужа дальная сторонка—
Макарьевская ярмарка“,

въ ироническомъ тонѣ повѣствуетъ народная пѣсня про скоропреходящія «женитьбы» захожихъ молодцовъ на этомъ торжищѣ, въ числѣ товаровъ котораго «дѣвья краса» всегда стоитъ въ хорошей цѣнѣ и всегда находитъ себѣ покупателей. Про высокую цѣну на нее можно заключить изъ другой пѣсни, воспѣвающей великую «пропажу», случившуюся на ярмаркѣ у одного купца.

„У Макарья на ярмаркѣ,
Близь гостинаго двора,
У Сафронова купца
Солучилася бѣда,
Бѣда не маленькая:
Вотъ *не сто рублей и не тысяча*,
Какъ пропала у него
Дочка милая его“...

Стали искать пропажу:—гдѣ же?

„По баракамъ, по ярамъ,
По трактирамъ, кабакамъ,
По макарьевскимъ пескамъ“...

И искали не напрасно, потому что, по опыту должно быть, знали,—куда именно запропащаются дѣвицы на веселой ярмаркѣ?

Нашли, на радость родителя, купеческую дочь на какомъ-то «чердакѣ», хотя и въ весьма непрезентабельномъ видѣ:

„Ея русая коса—
Вся растрепанная;
Черепаховая гребеночка—
Расколонная;
Ея цвѣтно платьице—
Изорванное;
Сантантюровый салопчикъ—
На гвоздикѣ виситъ“...

Нашли, при всемъ томъ, ее не одну, а въ компаніи съ какимъ-то удалымъ «воромъ-разбойникомъ», который привелъ въ безпорядокъ туалетъ дѣвицы и, какъ ни въ чемъ не бывало, тутъ же

„Подъ окошечкомъ сидитъ,
Табаку трубку куритъ“...

Эта зазорно-пикантная сторона ярмарочной и городской веселой жизни, поскольку она коснулась «образованнаго» простолюдина, воспѣта имъ во множествѣ нецензурныхъ пѣсенъ, отличающихся безшабашнымъ, истинно «бурлацкимъ» цинизмомъ. Впрочемъ, значительная часть этого рода шансонетокъ позаимствована мужиками у солдатиковъ, въ средѣ которыхъ всегда находились и находятся особенно изысканные мастера по этому жанру пѣснотворчества.

Развеселое житье-бытье городского крестьянина—рабочаго, вкусившаго отъ плодовъ «образованности», довольно живо и полно изображено, между прочимъ, въ весьма распространенной пѣснѣ «Трактирщикъ», которая положена даже на ноты и распѣвается кое-гдѣ подъ звуки шарманки. Намъ удалось записать ее со словъ одного петербургскаго фабричнаго. Содержаніе этой, довольно длинной и лишенной, конечно, всякой поэтичности, пѣсни заключается въ разсказѣ нѣкоего, видавшаго всякіе виды, молодца про свои романическія и бонвиванскія похожденія въ столицѣ. Это своего рода автобіографія. Герой начинаетъ съ личной рекомендаціи, что онъ-де человѣкъ бывалый: былъ онъ и «московскимъ трактирщикомъ», и «на фабрикахъ живалъ», гдѣ не безъ успѣха «разны ситцы набивалъ» и, такимъ образомъ, получалъ «сотъ восемь рублей въ годъ»;

„Но изъ оныхъ не хватало
Двадцати послать въ оброкъ.“

Деньги находили у него приличное помѣщеніе для себя въ столицѣ—на предметъ болѣе интересный, чѣмъ оброки и деревенскія нужды. «Я, поетъ онъ,—

„Имѣлъ въ своихъ рукахъ,
Въ бѣломъ фартучкѣ красотку
И въ сафьянныхъ башмачкахъ.
Для красотки было нужно
Въ косу ленты и платокъ,
Во ушки серьги жемчужны
И на ножки башмачки.
Въ праздникъ выдти—душегрѣйку
И кафтанчикъ съ галуномъ:
Тутъ послѣдняя копѣйка
Вылетала вверхъ орломъ“.

А кромѣ этихъ гардеробныхъ расходовъ, нужно же было тѣшить еще себя и «красотку» приличными «пирушками», да такими, что «только дымъ столбомъ стоялъ».

Въ дѣло вмѣшивается деревня, въ лицѣ отца и матери героя, въ намѣреніи навратить его на путь истины. Когда онъ пріѣхалъ къ нимъ «на побывку», они его укоряютъ, что, вотъ, уже «лѣтъ пять больше» не получаютъ отъ него ни копѣйки.

„Полно Ваня волочиться,
Съ длиннохвостыми гулять;
Не пора-ль тебѣ жениться—
Ты не будешь баловать!

рѣшаютъ старики и, дѣйствительно, женятъ избалованнаго молодца; но что пользы, если тотчасъ же послѣ свадьбы—«опять въ Питеръ его пустили деньги наживать?» Правда, въ «первый годъ я постарался—поетъ герой:

„Сотъ пятокъ домой послалъ,
Тогда милъ въ дому остался—
Свою женушку ласкалъ“;

но, какъ и слѣдовало предвидѣть заранѣе:

„Вдругъ, случилося несчастье
Мнѣ по Невскому пройти!
Я по Невскому прошелъ
Свою *прежнюю* нашелъ...
Мы нечаянно сошлися
Поздоровалися“,

а дальше, естественнымъ порядкомъ, Ванюша увлекается своей «прежнею» столичной зазнобою и снова у него съ нею начинаетъ «дымъ идти столбомъ», снова деревня шлетъ ему грозныя предостереженія и требованія денегъ на оброкъ, но онъ и ухомъ не ведетъ... «Заплутался» малый въ конецъ, какъ выражается народъ о такихъ блудныхъ сынахъ деревни, попавшихъ въ столичный водоворотъ. И сколько «заплутываетъ» такимъ-то порядкомъ городъ молодого деревенскаго народа!

Не удивительно послѣ этого, что къ такимъ «заплутавшимся» въ Питерѣ Ванюшамъ, не смотря на всю ихъ столичную франтовитость и полированность, когда они наѣзжаютъ въ родную деревню свататься, мѣстныя дѣвушки-невѣсты относятся не съ особеннымъ довѣріемъ.

„Скажи-кась ты мнѣ,
Каковъ ты человѣкъ?“

спрашиваетъ въ одной пѣснѣ (Калужской губ.) дѣвушка-невѣста этакого заѣзжаго чужанина-щеголя, и получаетъ предостерегающій отвѣтъ:

„Онъ пьяница, пропоица,
Пропилъ онъ самъ себя,
Пропилъ онъ самъ себя,—
Пропьетъ и тебя“.

Въ другой пѣснѣ такой-же «дѣтина-щеголецъ» сватается къ дѣвицѣ, но она отказываетъ ему, и вотъ на какомъ резонномъ основаніи:

„Я слышала, мальчикъ, про тебя,
Что ты, малый, *плутовать*,
Часто *ходишь во кабакъ*,
Зеленое вино пьешь,
Жену понапрасну бьешь:
Ступай, жена, во кабакъ,
Выкупай мой синій халатъ!“

То есть, это въ томъ смыслѣ, что въ перспективѣ семейнаго счастья съ «щегольцемъ» выкупъ его франтовского «синяго халата» изъ кабака имѣетъ составить одну изъ главнѣйшихъ заботъ нѣжно любимой супруги... Такихъ пѣсенъ можно бы подобрать много.

Мы упомянули выше, что всѣ эти сыны народа, деморализиро-

ванные городомъ или фабрикой, не въ состояніи критически разо-
браться въ томъ хаосѣ коверкающихъ ихъ внѣшній и внутренній
обликъ и, въ большинствѣ случаевъ, развращающихъ впечатлѣній,
понятій и привычекъ, которыя ими такъ жадно усвоиваются подъ
видомъ «образованности». На самомъ дѣлѣ, положеніе вещей пред-
ставляется нерѣдко въ болѣе безотрадномъ видѣ. У городского
простолюдина и такъ называемаго «фабричнаго крестьянина» не
только не является никакой протестующей критики, никакихъ мо-
ральныхъ сдержекъ противъ засасывающей его смрадной тины го-
родского распутства, разгула и суетности; но онъ видитъ въ нихъ
какъ бы верхъ блаженства и житейской удачи, выше которыхъ
ничего не остается желать. Онъ тщеславится не однѣми фасони-
стыми жилетками и «французскими» рубашками, но и тѣмъ, напри-
мѣръ, что онъ здоровъ выпить «до чертиковъ», что онъ имѣетъ
возможность бражничать и дебоширствовать по кабакамъ и трак-
тирамъ съ утра до поздней ночи, что «живя на заводахъ» и полу-
чая «мелки деньги», онъ повсечасно—

«Мелки деньги—пятаки
Относятъ всѣ въ кабаки»...

По крайней мѣрѣ, такого рода отчаяннымъ хвастовствомъ, а если хотите — хвастливымъ отчаяньемъ проникнуты многія забубенныя фабричныя пѣсни, представляющія вообще, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, одно изъ самыхъ глубоко-безобразныхъ проявленій искаженія народнаго пѣснотворчества. Для образчика и для подтвержденія сказаннаго сейчасъ, приводимъ одну фабричную пѣсню, записанную въ промышленной приволжской части Костромской губерніи.

„Бѣжитъ рѣчка по песку,
Ко фабричному двору.
Фабриканты (т. е. фабричные) музыканты,
Хоть голы, да удалы;
На рукахъ-то кандалы,
На ногахъ-то сапоги —
Много мудреные.
Они ткутъ салфетки,
Все на разныя клѣтки;
Они сукна спотыкали,
Всѣ кафтаны спошивали.
Намъ не дороги кафтаны —
У насъ денежки въ карманѣ.

Цѣлковые по мошнамъ
Не даютъ спать по почамъ.
Въ полночь денежки гремятъ,
Во кабакъ идти велятъ.
Мы подходимъ къ кабаку,
Цѣловальникъ на боку.
Цѣловальникъ-маркитантъ,
Отворяй новый кабакъ,
Пускай бравыихъ ребятъ!
Наливай вина осьмуху,
Наберемся его духу;
Мы ударимъ Сашу въ ухо,
Цѣловальника прибьемъ,
Домой пьяные пойдемъ" и т. д. *).

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вся эта кабачно-трактирная цивилизація, всѣ эти городскія франтовства, моды и «манерничанье», сопровождаемые распутствомъ, вовсе ужъ не встрѣчали осужденія и отрицанія въ средѣ самого народа, въ лицѣ лучшихъ его представителей. Напротивъ—народъ своимъ здоровымъ умомъ отлично постигъ цѣну всей этой фальшивой, гнилой «образованности», такъ глубоко растлѣвающей и обезличивающей попадающую въ ея струю значительную часть его молодого поколѣнія, всегда и вездѣ жадно бросающагося на новинки и всего легче поддающагося нравственной порчѣ. Въ протестующихъ голосахъ здѣсь нѣтъ недостатка; но бѣда въ томъ, что они отрицаютъ эту деморализацію и отщепенство отъ родной «старины» городского мужика, во имя закоренѣлаго обскурантизма, и отрицаютъ ужъ всю дочиста новизну, безъ изъятія и безъ различія ея добра и зла. Отрицаніе и протестъ идутъ, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ отъ представителей старшихъ поколѣній, прошедшихъ суровую школу и воспитавшихся при иныхъ порядкахъ, возвращеніе которыхъ и невозможно и не желательно ни въ какомъ случаѣ. Такимъ образомъ, у темныхъ и невѣжественныхъ народныхъ Катоновъ — порицателей

---

*) Эта пѣсня имѣетъ много варіантовъ. Напр., по одному изъ нихъ поется, что «бѣгущая» рѣчка «течетъ подъ самую Москву»; «фабричные ребята» являются въ ней «принапудренными»; въ кабакѣ они, «понабравшись духу»,

„Цѣловальника по уху—разъ!
Не люби нашу Настюху—два!" и т. д.

современныхъ новшествъ — идеалы назади, во тьмѣ отжившей свой вѣкъ эпохи крѣпостного гнета, безправія и умственной косности. Не ихъ вина, конечно, что другихъ, лучшихъ идеаловъ исторія имъ не дала; но нельзя не признать и того, что, вслѣдствіе такой ветхой подкладки, ихъ «учительная», протестующая новизнѣ проповѣдь лишена всякой убѣдительности и всякаго права на чью бы ни было симпатію.

Съ однимъ изъ выразителей этого протеста современнымъ порядкамъ и новшествамъ, со стороны «отцовъ» деревни, мнѣ удалось довольно близко сойтись нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ полуслѣпой старикъ—крестьянинъ Богородскаго уѣзда (Савелій Яковлевъ), по профессіи нищій, нѣчто въ родѣ калики перехожаго, пріобрѣвшій извѣстность въ своемъ околодкѣ стихотворнымъ импровизаторствомъ. Грамоты онъ не зналъ и передавалъ свои многочисленныя стихотворенія наизустъ, благодаря необыкновенно обширной и твердой памяти. Кто-то на родинѣ надоумилъ его отправиться въ Петербургъ — удивить сильныхъ міра сего своимъ самороднымъ талантомъ, въ чаяніи великія и богатыя милости. Старика, какъ и слѣдовало ожидать, постигло жестокое разочарованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ на первыхъ же шагахъ своего вдохновеннаго посланничества встрѣтилъ несчадное «пресѣченіе» и... очутился въ пересыльной тюрьмѣ, откуда его, раба Божія, невдолгѣ препроводили по этапу на мѣсто жительства. Тѣмъ не менѣе, тюремное начальство обратило на чудака вниманіе и, благодаря любезности одного изъ директоровъ тюремнаго комитета, познакомился съ нимъ и я. Старикъ отличался бойкостью и чрезвычайной общительностью, свидѣтельствовавшими, что онъ человѣкъ бывалый, какъ говорится — тертый калачъ, сталкивавшійся со всевозможнымъ людомъ. По первому-же предложенію, онъ сталъ декламировать свои самодѣльныя рапсодіи и, въ нѣсколько встрѣчъ, пересказалъ намъ ихъ невообразимое множество. Записывать ихъ всѣ не было никакой возможности, да и не стоило: необыкновенная плодовитость нашего импровизатора далеко превосходила его искусство. Дарованія въ немъ не ощущалось ни искорки, какъ отсутствовало и слуховое чутье версификаціи. Стихи его, лишенные размѣра, только тѣмъ и смахивали на стихи, что заканчивались отлагольными рифмами, да и то черезъ пятое—десятое. Складъ и языкъ—порченные книжные, безъ всякой самобытности и силы, такъ что, въ совокупности, я

имѣлъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ продуктовъ, давно выслѣживаемаго мною, современнаго искаженія народнаго пѣснотворчества, какъ увидимъ сейчасъ.

Характеристично было въ стихахъ Яковлева то, что всѣ они, съ претензіей на сатиру и дидактику, обличали разныя стороны современнаго быта и нравовъ крестьянства пореформенной эпохи. Наблюдая указанные здѣсь нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и пр., нашъ доморощенный Ювеналъ усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ.

„Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству пріучили;
Нынѣ крестьяне—живутъ не робѣютъ,
А себѣ добра не прочатъ, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ"...

Отсюда бѣдность и, въ то время какъ женщины — крестьянки ходятъ по міру,—

„Всѣ трактиры, кабаки
Занимаютъ деревенски дураки".

Да еще мало того, что «дураки» сами пьянствуютъ — они и «женъ вино пить принуждаютъ», а

„Если которая не хочетъ пить,
То ее начинаютъ кулаками бить;
А иная баба тому дѣлу рада,
Тутъ-же съ мужемъ напивается до пьяна...
Отъ этой воли
Стали крестьяне пить вина доволи,
Оттого получаютъ многія скорби и боли" и т. д.

Авторъ, повторивъ свое умозаключеніе о результатахъ «воли», кончаетъ дешевымъ морализированіемъ о душевредности пьянства, не говоря уже о томъ, что многіе «дураки» въ пьяномъ видѣ руки и ноги себѣ отмораживаютъ, а случается—«и совсѣмъ замерзаютъ—помираютъ»...

Не избѣжало обличительныхъ стрѣлъ нашего рапсода и пристрастіе деревенской молодежи къ франтовству и модничанью. Эту сторону современной порчи крестьянскихъ нравовъ, получившей на-

чало отъ «воли», онъ изобличилъ, между прочимъ, въ стихотвореніи, имъ самимъ названномъ: «карнолинъ» (т. е. кринолинъ).

«Новая мода
Для женскаго рода»

вышла, что дѣвка, вмѣсто чепца, носитъ чужія косы, а вмѣсто юбки—желѣзные обручи; вслѣдствіе чего—

«Если кто къ ней доткнется,
То карнолинъ сомнется;
А сатана гордится,
Какъ магнитъ, къ себѣ желѣзо привлекаетъ»...

Слѣдуетъ довольно не складная аллегорія въ томъ смыслѣ, что женщина, облекшись въ желѣзный «карнолинъ», тѣмъ самымъ какъ-бы намагничивается сатанинской «прелестью» и втягивается во адъ—на муку вѣчную.

Въ другомъ стихотвореніи, которое Савелій особенно рекомендовалъ нашему вниманію, назвавъ его, почему-то, «духовнымъ», онъ постарался обобщить свои наблюденія надъ современной суетой суетствій, въ сопоставленіи съ одушевляющимъ его религіозно-нравственнымъ идеаломъ. Онъ заставляетъ современнаго, разнузданнаго «волею» крестьянина какъ-бы исповѣдаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и покаяться предъ Всевышнимъ Судіею:

«Нынѣ я себя предалъ забавамъ,
Жизнь свою веду въ бесѣдахъ
И въ мірскихъ суетахъ.
Я всегда въ развратѣ пребываю,
А блаженство забываю...
. . . .
Пьянствомъ тѣло свое наслаждаю,
Празднословіе творю
И неправду говорю,
Чѣмъ работаю грѣху
И лукавому врагу»...

Идетъ въ такомъ порядкѣ, съ повтореніями и усугубленіями, длинное исчисленіе различныхъ пороковъ и грѣховностей предавшагося «забавамъ» и «суетамъ» деревенскаго «вольнаго» человѣка, пока, наконецъ, ему не приходитъ «вдругъ» мысль въ голову о судѣ Божіемъ и о загробной жизни. Тутъ его душу начинаетъ удручать вопросъ — къ чему онъ долженъ себя готовить: «къ радости-ли вѣчной, или къ мукѣ безконечной»? Конечно, вопросъ рѣшается

въ интересѣ «радости вѣчной», и навращающійся на путь истины грѣшникъ даетъ себѣ обѣтъ:

«Того ради, не мало тужить,
И горевати,
Крѣпко уповати,
Плакать и рыдати,
Въ печали пребывати,
Имя Божье призывати»,—

все это въ надеждѣ, что Господь, въ своемъ милосердіи, призритъ и проститъ покаявшагося и въ свои «небесные чертоги водворитъ»...

Философія извѣстная, и какъ она, сама по себѣ, не безхитростна, но на ней крѣпко зиждется міровоззрѣніе деревенскихъ «стариковъ». Другой у нихъ нѣтъ, да и ее, пожалуй, совершенно пока достаточно для аргументаціи того отрицанія тронувшихъ деревню «суетъ» и «забавъ», которое вдохновило нашего пріятеля Савелія Яковлева. Въ этомъ-то отношеніи онъ представляетъ собою весьма характеристическое явленіе; ибо, несомнѣнно, въ его стихахъ, не смотря на всю ихъ нехудожественность и плоховатость, выразился, такъ или иначе, отрицательно-«охранительный» взглядъ «отцовъ» деревни на новые «порядки» или, точнѣе сказать, на ихъ слабую сторону, на всю, сопровождающую ихъ примѣненіе, по фатальному ходу цивилизаціи, нравственную порчу, обезличеніе и отщепенство отъ своего родного, въ чемъ изобличается вновь формирующійся типъ «образованнаго» мужика. Савелій Яковлевъ является вѣрнымъ отголоскомъ деревенскихъ консерваторовъ даже и въ основной точкѣ отправленія своихъ обличеній — именно, что всему злу корень— «воля», т. е. освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Кто, сталкиваясь съ степенными «стариками» деревни, не слыхалъ такихъ-же жалобъ на «волю», со времени полученія которой мужикъ-де «избаловался», пропился и обѣднѣлъ въ конецъ? Это еще недавно былъ общій голосъ деревенскихъ консерваторовъ. И оно понятно—почему. Простой эмпирическій умъ крестьянина не могъ разобраться въ хаосѣ той перетасовки отношеній и положеній, которая, естественнымъ порядкомъ, возникла повсюду на Руси съ момента великой крестьянской реформы, онъ не могъ добраться до отдаленныхъ коренныхъ причинъ общей застарѣлой неладицы, а потому и пріурочилъ ея источникъ къ моменту ломки стараго, безобразнаго порядка. Моментомъ этимъ было дарованіе «воли», съ

представленіемъ о которой Савельи Яковлевы и связали, не мудрствуя лукаво, начало всѣхъ довлѣющихъ дневи крестьянскихъ «скорбей и болей».

Я вдался въ эти нѣсколько общія соображенія, потому что предметъ моего бѣглаго и скромнаго изслѣдованія соприкасается съ самыми важными и глубокими измѣненіями всего народнаго быта, подъ вліяніемъ какъ благотворныхъ, такъ и отрицательныхъ наносовъ всего того, что принято называть *цивилизаціей.* Пѣсня народная, въ данномъ отношеніи, — зеркало народной физіономіи, внѣшней и внутренней.

Искажается физіономія—искажается и пѣсня; искажается, какъ мы видѣли, и само пѣснотворчество, какъ органъ—пока единственный—выраженія народнаго духа, народной думы. Изучая народныя пѣсни, сложившіяся за данную эпоху, мы изучаемъ этимъ самымъ и всю эпоху въ области народной жизни, въ ея сокровеннѣйшихъ деталяхъ, часто ускользающихъ отъ глаза историковъ... Впрочемъ, это нынѣ уже «общее мѣсто», хотя нельзя не сказать, что для научной разработки нашего народовѣдѣнія на этой богатой почвѣ сдѣлано у насъ пока еще не много.

Мнѣ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно *формы* разсмотрѣнныхъ продуктовъ новѣйшаго искаженнаго народнаго пѣснотворчества. Скажемъ коротко: она также не благозвучна, фальшива и искусственна, какъ и само содержаніе пѣсенъ,—да это иначе и не могло-бы быть. Особенно жалкими и несимпатичными кажутся всѣ эти новѣйшіе куплетики и рапсодіи, со стороны формы, по сравненію съ старинными русскими пѣснями и былинами, съ ихъ могучимъ, дивно-картиннымъ языкомъ и съ ихъ гармоничной текучестью тона.

Въ языкѣ новой пѣсни можно различать два оттѣнка: одинъ—топорная грубость, вульгарность и неуклюжесть въ выраженіяхъ и оборотахъ (языкъ, напр., фабричныхъ, бурлацкихъ и солдатскихъ пѣсенъ); другой—поддѣлка и заимствованіе книжныхъ формъ очень дурного выбора и, при этомъ, какая-то пошлая вычурность и слащавость въ словечкахъ и въ тонѣ. Таковы, по преимуществу, «романсы», распространенные по Руси лакействомъ, у котораго въ барскихъ переднихъ всегда было слишкомъ достаточно и досуговъ и вдохновительныхъ высокихъ образцовъ, чтобы изъ среды его выдѣлялись самодѣльные пѣвцы и стиходѣи.

Въ пѣсняхъ послѣдней категоріи встрѣчаются нерѣдко цѣлые стихи и строфы—разумѣется, искаженные, изъ разныхъ наиболѣе популярныхъ стихотвореній книжной поэзіи; бываетъ, что такое стихотвореніе взято все цѣликомъ, но въ такомъ исковерканномъ видѣ, что въ немъ не сразу нащупаешь оригиналъ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько образчиковъ.

Въ Петербургѣ одинъ неграмотный подмастерье пропѣлъ намъ разъ пушкинскихъ «Братьевъ-разбойниковъ» въ такой «вольной» передѣлкѣ:

«Насъ было трое: братъ да я,
Да сабля вострая моя...
Съ младости вскормила насъ чуждая семья
И взяла насъ непомѣрная зависть.
Бросили мы хлѣбопашество»,

и т. д., все въ томъ же непринужденномъ родѣ. Оказалось, что оригиналъ стихотворенія пѣвецъ слыхомъ не слыхалъ, да и не зналъ даже, что это онъ Пушкина «своими словами» пересказываетъ.

Въ Саратовской губерніи одинъ собиратель записалъ изъ устъ «народа» въ такомъ же родѣ передѣлку другого общеизвѣстнаго стихотворенія:

«Ночною темнотою
Всѣ покрылись небеса.
Люди для спокою
Всѣ сомкнули глаза.
Внезапно кто-то постучалъ
И сонъ пріятный перервалъ» и т. д.

Весьма популярный въ свое время, старый романсъ: «Куда ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ», въ устахъ одной тверской крестьянки явился къ нашимъ услугамъ въ такомъ видѣ:

«Куда краса моя дѣвалась
На тотъ погибельный Кавказъ...
Отирайте очи и тоску—
Оттуль назадъ ее не воротишь» и т. д.

Такихъ «заимствованій» и «вольныхъ» передѣлокъ въ народѣ ходитъ безчисленное множество, а частію попадаетъ въ московскіе печатные пѣсенники и даже въ нотные сборники кое-какихъ композиторовъ нашихъ, подъ названіемъ «народныхъ пѣсенъ».

Подобно тому, какъ городскіе «образованные» простолюдины, въ особенности, почему-то, кучера любятъ во время пѣнія, «для нѣжности», самымъ неправдоподобнымъ манеромъ утончать свой голосъ до пронзительности комариной фистулы, точно также, ради «нѣжности» и чувствительности, пѣсни разсматриваемой категоріи часто уснащаются разными затѣйливыми и слащаво-уменьшительными словечками, какъ то: «Машерочка» или «Машеринька» (очевидно, отъ французскаго: ma chère), «дѣвченочка», «несчастненькая дѣвченочка», «мальчикъ», «бѣдненькой мальчишечка», «пастушечекъ», «купидончикъ» и т. п. При этомъ, для большей выразительности, нерѣдко словечки эти въ пѣніи произносятся съ томнымъ пришепетываньемъ и присюсюкиваньемъ.

Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ: пѣвецъ, желая елико возможно возвеличить чествуемую особу, прибавляетъ къ ея полному имени какой нибудь звучный и мудреный придатокъ, напр.: *фонъ* или *деръ*—«деръ Елизавета Ивановна», какъ это слышалъ одинъ наблюдатель въ мѣщанскихъ пѣсняхъ Приволжья.

«Фонъ» и «деръ» по крайней мѣрѣ, понятны для насъ и мы можемъ, такъ-сякъ, объяснить себѣ ихъ происхожденіе; но страсть къ хитрымъ, нерусскимъ словечкамъ у новѣйшихъ пѣснеслагателей изъ среды «образованнаго» простонародья изобрѣтаетъ нерѣдко такія слова и цѣлыя рѣченія, которыя и совершенно безсмысленны, и ни къ какому иностранному языку не могутъ быть пріурочены.

Не далѣе, какъ позапрошлымъ лѣтомъ одна бойкая и шустрая вышневолоцкая торговка—кружевница позволила намъ записать съ ея словъ такого рода, напр., непостижимую белиберду:

...«Встряхнись пастушка, улыбнись,
Улыбнись, какъ радость...
Что сказалъ тебѣ *аленгардъ?*
Брестъ какъ Парижъ дадутъ:
Брестики—татаринъ;
Онъ не нѣмецъ, не французъ,
А онъ англичанинъ...
Ерарфера мартъ, апрѣль,
Ваерварчики мои...
Что ты Дуня мылась,
Звонко колотилась...
Ай люли, малинка моя!
Ай люли, калинка моя»!

Знакомка наша — замѣтимъ, баба вовсе не глупая, бывалая и разбитная, притомъ и пѣть большая охотница — сообщила намъ чуть не весь свой репертуаръ, и изъ ея пѣсенъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ, мы рѣшительно ни въ одной не могли добраться до какого нибудь человѣческаго смысла. Кромѣ вставки нелѣпыхъ словъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, она перепутывала стихи и строфы разныхъ пѣсенъ, съ придачей импровизированныхъ варіацій, такимъ образомъ, что изъ всего этого выходило какое то ни съ чѣмъ несообразное кружево. Можно было бы подумать, что лукавая баба съ умысломъ дурачитъ насъ, издѣваясь надъ нашей любознательностью; но ничего похожаго на это не было, да, къ тому-жъ, она представляла собою далеко не единственный примѣръ такого вольнаго обращенія съ поэзіей и такой изобрѣтательности въ наборѣ нелѣпыхъ тарабарскихъ рѣченій и словъ.

Извѣстный знатокъ мѣщанскаго быта, П. А. Зарубинъ, засвидѣтельствовавъ, что подобное искаженіе языка и пѣснотворчества — вещь самая обыкновенная въ низшей полуобразованной средѣ народа и что употребленіе безсмысленныхъ словъ признается въ ней своего рода щегольствомъ и признакомъ высшаго тона, приводитъ слѣдующій, записанный имъ образчикъ этой новомодной поэзіи:

«Чинги дрынги мой фетонъ,
Чинги дрынги фарафонъ,
Потри гирди гирь гирдье,
Вовторыихъ, вошгирде,
При-да, при долинѣ тахъ-тахъ-тинушкѣ,
На дорожкѣ, при долинушкѣ».

Такіе-же изысканно-кудреватые куплетики есть и въ сборникѣ Шейна. Конечно, все это продукты доведеннаго до пресыщенія обезьянничества, весьма аналогичнаго съ тѣмъ, которымъ еще не очень давно болѣла и наша интеллигенція, стыдившаяся всего родного, русскаго и коверкавшая свой языкъ парижскимъ бульварнымъ жаргономъ...

Безъ сомнѣнія, спасти симпатичныя черты патріархальнаго русскаго *земледѣльческаго* быта и старинную народную пѣсню нельзя и даже пытаться сдѣлать это было-бы безполезно и, отчасти, нелѣпо. Жизнь народная безъостановочно идетъ впередъ, общечеловѣческая цивилизація вливается въ нее широкой струей и, чѣмъ она будетъ

вливаться шире и быстрѣе, тѣмъ лучше. Неизбѣжно съ этимъ должна идти перемѣна и усовершенствованіе жизненныхъ формъ во всемъ ихъ пространствѣ, начиная отъ одежды до слова, въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Мы вѣримъ, что эти формы будутъ выше, совершеннѣе и изящнѣе старинныхъ, но пока мы присутствуемъ при черной работѣ цивилизаціи—на нашихъ глазахъ совершается первоначальный, сложный, неопрятный процессъ броженія, ломки и борьбы старыхъ началъ съ новыми. Новыя формы, вырабатываемыя при этомъ жизнью на первыхъ порахъ, не могутъ быть ни прочны, ни совершенны: онѣ—*переходныя*, наскоро сколоченныя, частью фальшивыя и ложныя... На эту-то особенность ихъ я и хотѣлъ указать въ одномъ изъ уголковъ преобразующагося народнаго быта.

ЛОДКА.

(Простонародная святочная игра).

Я хочу разсказать читателямъ объ одной простонародной сценической забавѣ, которая едва ли многимъ изъ нихъ извѣстна и, кажется, до меня никѣмъ еще не была записана.

Забава эта, имѣющая мѣсто на святкахъ, въ дни ряженья, состоитъ изъ сценическаго представленія, называемаго именно «Лодкой», такъ какъ лодка играетъ тутъ дѣйствительно большую роль. «Лодкой» тѣшатся въ Петербургѣ мастеровые и фабричные, хотя, кажется, немногіе изъ нихъ. Большинству она мало извѣстна, да и съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ новыхъ модъ и вкусовъ, забывается и тѣми, которые ее знали когда нибудь. Я видѣлъ и записалъ эту игру въ Петербургѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что она извѣстна и въ другихъ центрахъ великорусскаго промыслово-городскаго населенія. Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ одной, забытой теперь, «господской» забавой, имѣвшей мѣсто на холостецкихъ пирахъ студентовъ, помѣщиковъ, военныхъ и у цыганъ, гдѣ тоже фигурируетъ *лодка*, и именно при хоровомъ исполненіи пѣсни: «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ».

Хотя описываемая здѣсь игра есть тоже, въ сущности, драматизированная—«Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» и носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой книжности и пошлой искусственности, но она существенно разнится отъ вышеупомянутой «господской» забавы гораздо большимъ драматическимъ развитіемъ, большей сценичностью и несомнѣннымъ присутствіемъ чисто народнаго творчества, только уже новѣйшей припорченной формаціи. Быть можетъ, это—одинъ изъ зачатковъ русской *народной* драмы, какъ извѣстно, недоразвившейся естественно-самостоятельнымъ путемъ до своихъ самородныхъ Софокловъ и Аристофановъ.

Построенная на пѣснѣ—всѣмъ русскимъ пѣснямъ пѣснѣ, игра

эта носитъ вполнѣ народный колоритъ и дышетъ поэзіей народной традиціонной «старины», съ проблесками удали и юмора, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ другихъ продуктахъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества.

Извѣстно, что «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ»—пѣсня «разбойничья», т. е. относящаяся къ циклу пѣсенъ знаменитой волжской «вольницы», глубокими, неизгладимыми чертами запечатлѣвшейся въ народной памяти и ею опоэтизированной. Пѣсня народная вообще относится не отрицательно къ «вольницѣ»: она въ этомъ пунктѣ объективна и скорѣй сочувственна, что объясняется важными историческими причинами.

Это-то характеристическое отношеніе народной памяти къ «лихимъ людямъ» временъ давнопрошедшихъ, проглядываетъ и въ нашей святочной «Лодкѣ». Все ея содержаніе взято изъ похожденій волжской «вольницы», со всѣмъ ритуаломъ ея организаціи; всѣ ея дѣйствующія лица — «добры молодцы—разбойнички», со всею своей іерархіей.

Представленіе «Лодки» происходитъ обыкновенно такъ. Нѣсколько парней, по числу дѣйствующихъ лицъ, сговорившись между собою, разъучиваютъ свои роли и подготовляются. На святкахъ, собравшись въ соотвѣтствующихъ роли каждаго костюмахъ, отправляются вечеромъ, на правахъ ряженыхъ, по знакомымъ, разумѣется, выбирая такіе дома, гдѣ можно разсчитывать на гостепріимство и хлѣбосольство. Придя въ домъ, просятъ у хозяевъ позволенія показать свое представленіе и, получивъ его, безотлагательно начинаютъ игру. Ни декорацій, ни кулисъ, ни иныхъ сценическихъ приспособленій имъ не надобно: все нужное у нихъ съ собою. Войдя въ комнату, они становятся въ кругъ, по заранѣе составленному плану, и этимъ образуютъ сценаріумъ, соотвѣтственно мѣсту и ходу дѣйствія.

Дѣйствіе происходитъ среди Волги, на всемъ ея раздольѣ, и, какъ поется, въ пѣснѣ, на «хорошо изукрашенномъ кораблѣ», на кормѣ котораго «сидитъ атаманъ съ ружьемъ», на носу «сидитъ есаулъ съ багромъ», посреди корабля—«золота казна» и т. д.

Дѣйствующія лица: *атаманъ*, *есаулъ*, *егерь*, *хозяинъ «Красненькаго кабачка»*, *казаки*, *гребцы*.

Картина I.

Атаманъ. Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй! Не скоро подходишь, не весело говоришь: голову сниму и въ грязь втопчу!

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Спой мнѣ любимую пѣсню.

Есаулъ. Знаю, атаманъ! (запѣваетъ; хоръ его подхватываетъ):

„Ты дѣтинушка, сиротинушка!
Безъ отца ты взросъ и безъ матери;
Что вспоилъ, вскормилъ тебя православный міръ,
Возлелѣяла Волга-Матушка“ и т. д.

(Исполняется вся цѣликомъ хорошо извѣстная удалая «разбойничья» пѣсня, приписываемая Стенькѣ Разину. Конечно, въ пѣніи нашихъ артистовъ она является въ нѣсколько искаженномъ видѣ, но ужъ безъ этого нельзя).

Атаманъ. (по окончаніи пѣнія и какъ бы его перебивая). Тише друзья, впереди насъ камень... Не славьте меня сердцами, а ставьте вѣрными друзьями. Есаулъ! подходи ко мнѣ скорѣй и говори со мной смѣлѣй и т. д. (повторяется вышесказанное обращеніе).

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Сострой мнѣ *красную лодку*, съ гребцами-молодцами, съ разудалыми пѣсенниками, чтобы она въ мигъ поспѣла!

Есаулъ. Слушаю, атаманъ! (обращаясь къ хору, командуетъ). Гребцы по мѣстамъ и весла по бортамъ! (Всѣ садятся на полъ, какъ въ лодкѣ и, во время пѣнія, въ тактъ двигаютъ руками, какъ бы веслами. Есаулъ запѣваетъ, подхватываемый хоромъ):

„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ...
. . . .
. . . .
Поднималася погода, погодушка волновая...

Атаманъ (перебиваетъ). Тише друзья! впереди насъ камень! Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Нѣтъ ли гдѣ пеньевъ-кореньевъ, премелкихъ мѣстъ,

чтобы нашимъ гребцамъ-молодцамъ на мель не сѣсть? Возьми мою подзорную трубку и слѣзь на шлюпку, посмотри на всѣ четыре стороны—нѣтъ-ли гдѣ чего?

Есаулъ (беретъ подзорную трубу и смотритъ во всѣ стороны). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь.

Есаулъ. Колоду.

Атаманъ (будто ослышавшись). Гдѣ тамъ у чорта нашелъ ты *воеводу*. Правь вѣрнѣй, не сворачивай!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Ничего въ волнахъ не видно" и т. д.

Картина II.

Егерь (выходитъ на берегъ изъ лѣсу и поетъ):

„Во лѣсахъ было, во дремучіихъ"...

Атаманъ. Тише, друзья! впереди насъ камень. Есаулъ! подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Пойди посмотри, кто это въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ такъ громко распѣваетъ?

Есаулъ. Слушаю! (подходитъ къ егерю).

Егерь (неперестававвшій пѣть; къ есаулу). Не подходи—убью! (прицѣливается въ него изъ ружья).

Есаулъ (возвращаясь къ атаману). Никакъ не могу его взять.

Атаманъ. Ступай съ казаками и приведи его ко мнѣ!

Есаулъ отправляется съ нѣсколькими казаками и, послѣ недолгой борьбы, схватываетъ егеря и ставитъ его передъ лицо атамана.

Атаманъ (къ егерю). Скажи—повѣдай, храбрый егерь, какого ты роду, какого племени?

Егерь. Я роду-племени своего не знаю, но только знаю, что насъ было трое: братъ, да я, да сабля вострая моя... Со младости насъ вскормила чуждая семья и взяла насъ непомѣрная зависть. Бросили мы хлѣбопашество и бѣжали въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный. Бывало мѣсяцъ взойдетъ среди небесъ, а мы изъ подземелья, да въ дремучій лѣсъ... Сидимъ и дожидаемъ: неидетъ ли

кто? не несетъ ли чего? Не идетъ ли жидъ богатый, или нашъ баринъ брюхатый? То мы его обыщемъ, оберемъ и къ чорту пошлемъ... Бывало, гдѣ завидимъ въ трактирѣ свѣтъ — туда — кто не боится нашей встрѣчи?—пріидемъ, въ стекла бьемъ, дверь ломаемъ, хозяина громко вызываемъ... Хозяинъ къ намъ выходилъ, вино и пиво выносилъ... Но не долго гуляли молодцы! Какъ пришли кузнецы, сковали насъ другъ къ другу и посадили насъ за каменныя стѣны, за желѣзныя двери—ни духу, ни человѣческаго слуху... Братъ былъ младше меня пятью годами, онъ томился и кричалъ: «Братъ, братъ! дай воды, душно — я въ лѣсъ хочу!» Я ему воды подавалъ, но онъ меня не признавалъ, врагомъ назывaлъ: «Не ты ли, братъ, отъ яровыхъ пашенъ отъучилъ? Не ты ли къ убійству пріучилъ»?... Но не долго онъ томился и кричалъ... Посадилъ я его на стулъ, онъ у меня и уснулъ. Тутъ я взялъ топоръ и лопату и вырылъ глубокую яму—брата похоронилъ и молитву сотворилъ, а самъ отправился въ дремучій лѣсъ на промыселъ опасный... Теперь же, господинъ атаманъ, покоренъ и вамъ *).

Атаманъ (къ есаулу). Возьми его: славный будетъ воинъ!

Хоръ продолжаетъ пѣть:

„Самъ хозяинъ во нарядѣ" и т. д.

Атаманъ. Тише, друзья! впереди насъ камень. Есаулъ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Посмотри въ подзорную трубку—не видишь ли чего?

Есаулъ (посмотрѣвъ въ трубку). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Каршъ.

Атаманъ (будто ослышавшись). Кой чортъ тамъ старше насъ? Посмотри вѣрнѣе!

---

*) Вся исповѣдь егеря, какъ нетрудно замѣтить, представляетъ собою сокращенный и исковерканный парафразъ монолога изъ „Братьевъ разбойниковъ" Пушкина. Привожу эту исповѣдь во всей неприкосновенности, чтобы читатель могъ наглядно видѣть, въ какомъ странномъ видѣ доходитъ Пушкинъ до народа. Впрочемъ, тутъ есть, кромѣ того, весьма своеобразныя вставки и замѣны, напр., «попа убогаго»—«бариномъ брюхатымъ» и проч. Вообще, сравненіе этого заимствованія съ подлинникомъ можетъ навести на нѣкоторые, не лишенные интереса, выводы.

Есаулъ (снова смотритъ). Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Въ землѣ червь.

Атаманъ. Я самъ про то знаю. Въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсахъ сучки, въ городахъ полицейскіе крючки. Они насъ хотятъ поймать, перевязать, по разнымъ тюрьмамъ разослать; но—врутъ—я ихъ не боюсь: самъ въ столичные города заберусь, а тебя, братецъ, пріободрю, двадцать пять въ спину залѣплю, мало—сто, пропадетъ твоя служба ни за что!

Есаулъ. Ахъ, чтобъ ты могъ меня карать?! Ты знаешь, моя дерзкая рука бьетъ горшки и плошки, гремятъ въ кабакѣ окошки.

Атаманъ. Но я тебя не караю, а только съ судьбою примиряю... Посмотри-ка вѣрнѣе на всѣ четыре стороны.

Есаулъ (посмотрѣвъ) Вижу!

Атаманъ. Что ты видишь?

Есаулъ. Близъ города село, а въ томъ селѣ Красненькій кабачекъ.

Атаманъ. Давно бы такъ! Ты знаешь, у нашихъ гребцовъ-молодцовъ давно брюхо подвело... Приворачивай, ребята!

Хоръ поетъ:

„Приворачивай, ребята“ и т. д.

Картина III.

Атаманъ (послѣ того, какъ лодка пристала къ берегу). Тише друзья! Есаулъ подходи ко мнѣ и т. д.

Есаулъ. Чего изволишь, атаманъ?

Атаманъ. Поди въ это селеніе, найди его помѣщика и спроси: радъ ли онъ намъ, или не радъ?

Есаулъ. Слушаю! (выходитъ изъ круга и обращается къ хозяину дома). Хозяинъ, радъ ли ты намъ, или не радъ?

Хозяинъ (безъ сомнѣнія, скажетъ). Радъ.

Атаманъ. Какъ?

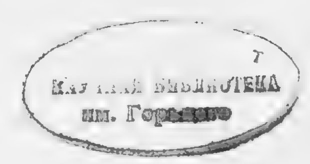
Есаулъ. Какъ чертямъ?

Атаманъ (грозно). Какъ?

Есаулъ. Какъ милымъ друзьямъ!

Атаманъ, а за нимъ вся шайка какъ бы сходятъ съ лодки, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться гостепріимствомъ хозяина «Красненькаго кабачка». На этомъ игра кончается и слѣдуетъ чествованіе артистовъ хозяевами и большая или меньшая лепта благодарности за доставленное зрѣлище. Получивъ мзду за свое искусство, исполнители «Лодки» отправляются въ другой домъ и т. д., пока не обойдутъ всѣхъ знакомыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

